

535
918

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Первая книга "Грядущей Россіи" вышла съ опозданіемъ въ три недѣли, объясняющимся трудностью наладить при нынѣшнихъ условіяхъ печатанье ежемѣсячнаго журнала, а также размѣромъ первой книги, далеко превзошедшимъ первоначальныя предположенія. Вторая книга "Грядущей Россіи" выйдетъ во второй половинѣ февраля. Начиная съ мартовской книги, журналъ будетъ выходить въ началѣ каждаго мѣсяца.

LA RUSSIE FUTURE

REVUE MENSUELLE

LITTÉRAIRE, POLITIQUE ET SCIENTIFIQUE

N° 1
JANVIER 1920

DIRECTEURS:

N. V. Tchaïkovsky **V. A. Henri**
M. A. Landau-Aldanov **Comte Alexis N. Tolstoï**

SOMMAIRE

ПОПРАВКА А. Ф. ОНѢГИНА
КЪ ЕГО « ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКѢ ».

Усердно просимъ читателей нашей объяснительной записки выбросить изъ нея три строчки (8, 9 и 10 сверху) на страницѣ 21, вкравшіяся по случайной ошибкѣ. Монологъ, опущенный Пушкинымъ въ первомъ изданіи Бориса Годунова и возстановленный нами еще въ 1882 году, произносится не Годуновымъ, а Григоріемъ Отрепьевымъ.

НАШИ ЗАДАЧИ.

Какъ лава вулканическаго изверженія, вылилась на поверхность 20-го вѣка христіанской эры вся преступность, затаенная въ безднѣ человѣческаго духа. Огненные ручьи ея избороздили земной покровъ и застываютъ на немъ окаменѣлыми массивами. Но космосъ живетъ, подчиняясь своимъ законамъ и имѣетъ свою смѣну періодовъ. Огнедышащій кратеръ матеріалистическаго соціализма еще дѣйствуетъ, но уже потухаетъ. Онъ потухнетъ и вновь тогда выбѣгутъ изъ земли цвѣты жизни, новые невиданные ранѣе цвѣты.

Грѣхъ, сгустившійся тяжелымъ туманомъ, стоитъ въ воздухѣ, но истина и любовь не умерли. Вырвалась наружу звѣриная половина человѣчества и сотрясла міръ пароксизмомъ лихорадки, но божественная половина его жива. Лава грѣха не покрыла сплошь земного шара. Любовь жила и будетъ жить во вѣки. Для нея наступаетъ періодъ особенно напряженной дѣйственности. Ненависть и месть не снимутъ съ человѣчества грѣха и преступленія, покрывшихъ его, какъ коростой. Не злу извести зло. Только любовь сильна надъ нимъ. Она должна побѣдить міръ и очистить его отъ захватившихъ наши дни ненависти и злобы.

Изысканіе условій жизни, покоряющихъ въ человѣкѣ ненависть и месть, исправленіе соціальнаго строя, родившагося звѣря,—вотъ вѣчныя цѣли, стоящія передъ человѣчествомъ. Нельзя убить въ человѣкѣ звѣря — его можно только перевоспитать. Надо создать такую жизнь, которая не давала бы просыпаться звѣрю въ человѣкѣ. Надо построить ее такъ, чтобы люди не злѣли, а ростили любовь.

Грандіозная работа предстоитъ во всѣхъ областяхъ духа человѣческаго. Но чтобы зиждительство новой жизни, новаго соціальнаго строя было плодотворно, необходимо правильное его обоснованіе. Необходимо заложить безошибочно начала работы, а для этого необходимы — изученіе пережитаго, какъ результата прошлаго строительства, точный научный анализъ явленій, осознаніе первопричинъ ихъ, безпристрастный самоотчетъ.

Всѣ духовныя силы человѣчества должны быть направлены на эту работу. Но прежде всего ею должны заняться тѣ, кто прошелъ черезъ гранило страданій, кто пережилъ космическое человѣческое землетрясеніе, воочію видѣлъ и самъ испыталъ его. На русскихъ лежитъ долгъ этотъ прежде всего. Россія была тѣмъ легкимъ покровомъ человѣческихъ нѣдръ, который былъ прорванъ его вулканическими силами. На ней пылалъ и смрадно дымилъ большевистскій кратеръ. Она засыпана его пепломъ и залита его лавой больше всѣхъ странъ. Испытавшимъ страданія — яснѣе ихъ картина, у нихъ непосредственныя впечатлѣнія, осязательный матеріалъ и опытъ борьбы.

Радуйся, грядущая Россія, ты, не погребенная подъ пепломъ Помпея, тебѣ предстоитъ громадная творческая работа на благо всего человѣчества. Нельзя достаточно привѣтствовать первые шаги на пути этой работы русскихъ. Пусть всѣ, кто можетъ, принесутъ свои силы и труды на изученіе и освѣщеніе событій, которыя станутъ отнынѣ грядой, раздѣляющей старую цивилизацію отъ грядущей, новой. Ясновидящій геній человѣчества придетъ въ свое время, вскроетъ всю сущность пережитыхъ міровыхъ явленій и освѣтитъ человѣчеству предстоящій ему путь. На насъ лежитъ долгъ подготовки и изученія матерьяла. Пусть же журналъ "Грядущая Россія"; вынужденный начать свою жизнь внѣ своего отечества, призоветъ и соберетъ силы, которымъ доступно потрудиться на этой нивѣ. Нужды нѣтъ, что онъ возникаетъ не на родной почвѣ, раньше чѣмъ она очищена. Тѣмъ лучше — время дорого, надо собирать разбросанныя силы заранѣе.

Мы бредемъ враздробь по ущельямъ и хребтамъ еще дымящихся сопокъ. Мы не вышли еще изъ вулканическаго пёкла. Съ этой черной мрачной цѣпи горъ намъ виднѣе, чѣмъ кому-либо, что сзади насъ. Мы дышемъ еще смрадомъ большевизма и жаждемъ поэтому больше, чѣмъ кто-либо, свѣжаго воздуха, жадно вперяя глаза въ безконечную даль надъ разстилающейся нивой человѣческой, подлежащей глубокой культурной обработкѣ.

Что же сзади насъ, что впереди ? Что въ сущности совершилось ? Кто дастъ безспорный, точный отвѣтъ на эти вопросы, задавившіе своей тяжестью міръ. Мі-

ровая война нагромоздила горы мучительныхъ вопросовъ, но одновременно она поставила такія перво-очередныя сложныя задачи дня, которыя отодвинули разрѣшеніе этихъ вопросовъ на второй планъ. Некогда заняться ими. На истощенныя, подорванныя, утомленныя силы навалилась неотложная работа ликвидаціи войны. Надо хоть нѣсколько заравнять взрытую ядрами землю, чтобы можно было ходить по ней. Практическіе политическіе дѣятели поглощены цѣликомъ этимъ выравниваніемъ, этой первой вспашкой изрытаго поля. Натянутые нервы еще не даютъ сосредоточиться и углубиться въ изученіе явленій. При Мирной Конференціи не было даже образовано ученаго Комитета, который занялся бы историческимъ изученіемъ міровой войны. До сихъ поръ еще общественныя силы не создали научнаго интернаціональнаго учрежденія, которое поставило бы себѣ задачей объективное изслѣдованіе величайшаго мірового явленія. До сихъ поръ еще идетъ борьба идеологій, кипитъ политическая ярость враждующихъ партійныхъ противниковъ. Не собраны до сихъ поръ безспорные факты, не установлено объективнаго безпристрастнаго къ нимъ отношенія.

Пусть же маленькій журналъ "Грядущая Россія" своими слабыми силами положитъ начало этой работы — собиранія и изученія матеріала. Пусть на страницахъ его найдутъ мѣсто историческіе очерки, воспоминанія, литературныя статьи и научныя изслѣдованія. Всякое искреннее, честное слово, честная передача фактовъ, искренне высказанная мысль послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для разрѣшенія мучительныхъ вопросовъ.

Многіе отвѣтственные политическіе дѣятели до сихъ поръ еще продолжаютъ съуживать значеніе большевизма, разсматривать его, какъ чисто русское явленіе, какъ дикое стихійное движеніе съ Востока, аналогичное нашествію гунновъ.

Да, большевики похожи на гунновъ, но гунновъ этихъ выносила и родила Европейская цивилизація. Это свои домашніе гунны. Это европейская цивилизація создала соціальный строй, породившій этихъ гунновъ. Они родились въ той глубокой пропасти, которую выкопала современная культура, которая именуется неравенствомъ классовъ и которую заваливаютъ теперь своими тѣлами люди и заполняютъ своею кровью — и не могутъ заполнить.

Чрезмѣрное наростаніе жизненныхъ благъ у однихъ, пропорціональное наростаніе зависти и жажды тѣхъ же благъ у другихъ превратило неимущихъ, которымъ имущіе великодушно уступаютъ царство небесное, въ гунновъ и они обрушились на государственный строй, создавшій капиталистовъ и пролетаріатъ. И тѣми, и другими руководитъ одна и та же жажда матеріальныхъ благъ и денегъ и въ этомъ между ними нѣтъ разницы. Но одни, несмотря на пресыщенность продолжаютъ быть ненасытными, другіе алчатъ, потому что голодны. Они терпѣли, пока у нихъ были связаны руки, но, когда война развязала имъ руки, они взбунтовались. Вотъ откуда взялись современные гунны.

То же отношеніе создала Европейская цивилизація и между государствами. Германія на основѣ своего на-

ціональнаго характера развила до крайняго предѣла свой имперіализмъ.

Народы не вытерпѣли угрозы ея гордой идеи мірового владычества и, защищая себя, вооружились противъ нее.

Борьба открылась такимъ образомъ сразу въ двухъ плоскостяхъ между государствами и внутри ихъ на тѣхъ же основаніяхъ и во имя тѣхъ же цѣлей.

Размѣры развернувшейся войны оказались не по силамъ государственнымъ механизмамъ. Въ борьбу втянулись сами націи всѣмъ своимъ организмомъ. Механизмы остались сзади, расшатались и ослабли, а массы оказались впереди ихъ, усилились и окрѣпли. Въ результатѣ на всѣхъ фронтахъ борьбы побѣдителемъ оказалась демократія. Въ сердцахъ демократіи всѣхъ воюющихъ государствъ выросло побѣдоносное чувство, на почвѣ понесенныхъ жертвъ, пролитой крови, сознанія заслугъ и правоты. На поляхъ битвъ, также какъ на хлѣбныхъ поляхъ, на заводахъ, въ предпріятіяхъ государствъ и капиталистовъ, всюду сразу массы почувствовали свою солидарность, свои силы и поняли, что онѣ шли въ окопы и погибали на спасеніе того строя, который уступаетъ имъ царство небесное, не желая ничего уступать въ земномъ. И неожиданно образовался новый, интернаціональный, идущій черезъ всѣ государства фронтъ всемірнаго пролетаріата противъ буржуазіи. Плацдармъ его — подготовленная цивилизаціей пропасть неравенства, враги его — государство и капиталъ. На знаменахъ его — матеріальныя блага, деньги и

смутный идеалъ коммунизма, путь къ которому черезъ разрушеніе старыхъ государственныхъ организмовъ.

Окрыленная идеей равенства, побуждаемая грубѣйшимъ матеріализмомъ, демократія получила отъ войны не только побѣдоносное сознаніе силы, но и приготовленные государствами неисчерпаемые запасы вооруженія, заряды фанатизма и огнестрѣльнаго оружія.

И человѣчество, знавшее ужасы религіознаго фанатизма, познало его ужасы въ политической и соціальной борьбѣ. Но современная цивилизація подготовила его въ истинно космическихъ размѣрахъ.

Воинственный фанатизмъ не заботится о будущемъ, лишь бы разрушить старое. Въ священной ярости мести и ненависти онъ стремится черезъ трупы государствъ къ диктатурѣ на всемірныхъ развалинахъ капитализма. И заразительность этого психоза растетъ въ бѣшенной оргіи захвата и грабежа.

Цивилизація не предвидѣла такого психоза и руководители государственной жизни, какъ знахари, брались и до сихъ поръ берутся за всякія средства леченія, не имѣющія никакого отношенія къ болѣзни. То они пытаются сговориться съ бѣсноватыми въ темномъ углу Принкипо, то разсчитываютъ успокоить ихъ пищей, то хотятъ изолировать ихъ блокадой, то санитарнымъ кордономъ, то создаютъ искусственныя соединенія малыхъ силъ противъ великихъ, то робко помогаютъ послѣднимъ. Но ничто не спасаетъ,—и старый, выработанный вѣками государственный строй разсѣдается, какъ зданіе, подъ которымъ сѣлъ фундаментъ и грозитъ разсыпаться въ прахъ.

Періодъ предупредительныхъ мѣръ заболѣванія былъ пропущенъ, — осталось только одно средство спасенія — хирургія. Радикальныя соціальныя реформы на почвѣ признанія вины и искренняго покаянія съ одной стороны и усмиреніе буйства силой съ другой. Только хирургія въ обѣ стороны могла спасти жизнь и къ операціи приступили.

Россія преподала всѣмъ народамъ цѣнный предметный урокъ. Она вынесла первый приступъ общечеловѣческой болѣзни за все человѣчество одна, покинутая всѣми. Фанатизмъ достигъ тамъ конечной цѣли. Государство и капитализмъ разрушены. Ему нѣтъ тамъ дальнѣйшаго примѣненія и онъ сталъ выливаться наружу, заражать и грозить разрушеніемъ новымъ государственнымъ организмамъ.

Теперь сомнѣній нѣтъ — Россія выздоровѣетъ. Но дѣло не кончается Россіей и ея испытаніе должно послужить всему человѣчеству. Оно должно помнить, что оно отвѣтственно за то, что случилось. Ему принадлежитъ только то, что оно заслужило. Оно все въ совокупности отвѣтствуетъ за то, что оно есть, но оно властно сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ оно желаетъ быть.

Нельзя отрицать фактовъ. Большевизмъ примѣнилъ въ Россіи грубѣйшую топорную хирургію къ злокачественному образованію цивилизаціи. Но вмѣстѣ съ больнымъ мѣстомъ онъ вырѣзалъ громадную часть живого тѣла народнаго, искалѣчилъ его и поставилъ передъ лицомъ смерти. Однако могучій организмъ беретъ верхъ. Онъ оживаетъ въ новыхъ условіяхъ: Старой пропасти нѣтъ, массы разбогатѣли, земля въ рукахъ

трудящихся, справедливое распредѣленіе ся зависитъ отъ воли народной. Народности автономны. Двери къ свободной культурной національной жизни, къ истинному народоправству открыты. Но всѣ эти блага стоятъ передъ пропастью и угрозой гибели отъ все продолжающагося фанатическаго буйства. Во имя спасенія самой жизни буйство, грабежъ и разбой должны быть подавлены силой, и операція, которая рано или поздно совершится въ Россіи, — въ этомъ никто не сомнѣвается, будетъ доведена до конца, ибо жажда жизни сильнѣе слѣпого буйства.

Только невниманіе и невѣдѣніе могутъ смѣшивать эту жажду жизни съ реакціей и бояться ея, какъ реставраціи стараго строя. Никакая реакція не дастъ реставраціи, не оживитъ мертвыхъ. Они не встанутъ изъ могилъ. Жажда жизни величайшая сила, но срубленное дерево не встанетъ вновь на старый корень. Отъ него пойдутъ новые, молодые побѣги жизни.

Пусть же человѣчество вглядится въ Россію и не оставитъ въ тунѣ для себя ея испытанія. Пусть впряжется оно вмѣстѣ съ русскимъ народомъ въ плугъ, который равняетъ изрытое, испорченное большевиками общечеловѣческое поле и пусть поищетъ оно въ Россіи сѣмена истины, развѣянныя міровой бурей. Пусть оглянется оно также далеко назадъ въ свою грѣшную жизнь и съ искреннимъ сокрушеніемъ въ сердцѣ признаетъ, что идея, выродившаяся въ большевизмъ, выросла изъ неправды его цивилизаціи, что и въ ней, въ этой идеѣ, поэтому были сѣмена истины. Большевизмъ отравилъ ихъ ядомъ фанатизма, онъ убилъ ихъ всхожесть, но добрый

сѣятель ищетъ добрыя сѣмена всюду — у друзей и враговъ своихъ, чтобы посѣять ихъ на нивѣ человѣческой для общаго блага мирнаго будущаго существованія.

Правъ былъ мудрецъ отдаленной древности, сказавшій въ назиданіе всѣмъ мудрецамъ, занятымъ высшими вопросами устроенія жизни человѣческой: "прежде познай самого себя". Еще и еще правъ мудрый старецъ нашихъ временъ, указавшій путь достиженія этого величайшаго познанія: "если хочешь знать истину о себѣ, ищи ее у враговъ".

Добрый часъ благому начинанію на этомъ мирномъ пути самопознанія — "Грядущей Россіи".

30-го Октября 1919 г.

Кн. Львовъ.

Неизданная страница Пушкина.

Темная, знойная ночь объемлетъ Африканское небо ; Александрія заснула ; ея стогны утихли, дома померкли ; дальный Фаросъ горитъ уединенно въ ея широкой пристани, какъ лампада въ изголовьи спящей красавицы.

Свѣтлы и шумны чертоги Птоломеевы. Клеопатра угощаетъ своихъ друзей ; столъ обставленъ костяными (римскими) ложами. Гости увѣнчаны вѣнками. Триста юношей служатъ гостямъ, разносятъ яства ; триста дѣвъ разносятъ имъ амфоры, полныя греческихъ (винъ); внизу триста черныхъ эвнуховъ надзираютъ за ними безмолвно.

Порфирная колонада (храмина), открытая съ юга и сѣвера, ожидаетъ дуновенія Эола (и Борея), но воздухъ недвижимъ ; огненные языки свѣтильниковъ горятъ недвижно ; дымъ курильницъ возносится недвижною струею. Море, какъ зеркало, лежитъ недвижно у розовыхъ ступеней полукруглаго крыльца. Сторожевые сфинксы отразили въ немъ свои золоченные когти и гранитные хвосты... Только звуки тимпановъ, киѳаръ (и) флейтъ потрясаютъ воздухъ и море.

Вдругъ Царица задумалась и грустно поникла дивною головою; свѣтлый пиръ омрачился ея грустію, какъ солнце омрачается облакомъ. Гости безмолвствуютъ ; невольники перестали наполнять винами ихъ чаши, приносить яства ; тимпаны, флейты и киферы (киѳары) умолкли.

О чемъ она груститъ ?

Какая грусть ее гнететъ ?
Чего, чего недостаетъ
Египта Древняго Царицѣ ?
Въ ея блистательной столицѣ
Веселье, миръ (и) тишина.
(Толпой рабовъ охранена)
Судьбою властвуетъ она.
Покорны ей Земные боги,
Полны чудесъ ея чертоги,
Горитъ-ли Африканскій день,
Свѣжѣетъ-ли ночная тѣнь
(Пылаетъ Африканскій день —
А для нее свѣжѣетъ тѣнь),
Всечасно роскошь и искуства
Ей тѣшатъ дремлющія чувства,
Всечасно предъ ея глазами
Пиры смѣняются пирами...
Постигъ-ли кто въ душѣ своей
Всѣ таинства ея ночей?...
Всѣ земли, волны всѣхъ морей
Смиренно дань приносятъ ей
(Какъ дань несутъ наряды ей).
Она безпечно ихъ мѣняетъ :
То въ блескѣ яхонтовъ сіяетъ,
То избираетъ Турскихъ женъ
Покровъ (?) и пурпурной хитонъ,
То по водамъ сѣдого Нила,
Подъ тѣнью пышнаго вѣтрила,
Въ своей триремѣ золотой
Плыветъ Кипридою младой.

Вотще ! въ ней сердце глухо (?томно) страждетъ,
Она утѣхъ безвѣстныхъ жаждетъ, —
Утомлена, пресыщена,
Больна безчувствіемъ она...

Однажды... —

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

70

[illegible]

Вот [illegible], [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible]

Она [illegible] все [illegible]

Что [illegible] [illegible]

Что [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

А. Ф. ОНѢГИНЪ

Оригиналы двухъ отрывковъ «Египетскихъ ночей» Пушкина, предлагаемыхъ нынѣ читателямъ «Грядущей Россіи», сохраняются въ парижскомъ Пушкинскомъ музеѣ А. Ф. Онѣгина и значатся въ описи его, сдѣланной г. Модзалевскимъ по порученію петербургской Академіи Наукъ въ іюнѣ 1908 года (напечатана въ изданіи «Пушкинъ и его современники», вып. XII, 1909) подъ нумерами 40 и 51. Жандармская помѣта ихъ красными чернилами—56, 57 и 70. Написаны оба отрывка на бумагѣ съ водяными знаками фабрики А. Г(ончарова) 1834 г., —слѣдовательно никакъ не ранѣе 1834-5 г.г. У всѣхъ редакторовъ полныхъ (?) собраній сочиненій Пушкина считается 5 «подготовительныхъ» работъ для Египетскихъ ночей, причемъ неизмѣнно повторяется, что самое стихотвореніе это написано было Пушкинымъ уже въ 1825 году, въ бытность его въ с. Михайловскомъ. Точныхъ доказательствъ вѣрности этого утвержденія не имѣется, но это возможно, такъ какъ именно въ этомъ невольномъ деревенскомъ заточеніи онъ усердно читалъ римскихъ классиковъ (Тацита, Горація, Аврелія Виктора, Петронія и другихъ). Однако, утвержденіе Анненкова (т. V, стр. 533, въ примѣчаніяхъ), что на *«черновую рукопись была употреблена бумага, сквозь которую свѣтится штемпель фабрики и годъ 1834»*, болѣе чѣмъ странно. Какъ возможно встрѣтить черякъ 1825 года на бумагѣ 1834 года? Предлагаемые нами здѣсь черняки написаны также на бумагѣ этого-же года. Тутъ, очевидно, недоразумѣніе или, во всякомъ случаѣ, неясная мысль выражена въ неясной формѣ. Еще труднѣе согласовать это съ тѣмъ, что подготовка «этого чуднаго произведенія» происходила въ 1834 году. Тотъ отрывокъ прозою, который мы

2

здѣсь печатаемъ, до того совершененъ въ своемъ родѣ, что нельзя разсматривать его, какъ подготовку вообще. Онъ и не *программа*, и не конспектъ, и не набросокъ. Онъ совершенно самостоятельное, единственное въ своемъ родѣ стихотвореніе въ прозѣ, какъ понималъ это гораздо позднѣе И. С. Тургеневъ. Лишь нѣкоторыя строки его, скорѣе слова, встрѣчаются въ подготовительныхъ набросках (ср. глава III, внизу стр. 544, въ изданіи «Просвѣщенія» подъ редакціей г. Морозова). Отрывокъ же въ стихахъ написанъ почти безъ помарокъ; ничто не зачеркнуто въ немъ вширину, а только частью перечеркнуто вдоль двумя прямыми, тонкими, легкими линіями. Онъ, во всякомъ случаѣ, слабѣе по исполненію стихотворенія «Чертогъ сіялъ», хотя тоже неоконченнаго, но, повидимому, окончательнаго по формѣ, а между тѣмъ написаннаго *будто* уже въ 1825 году. Нигдѣ и ни у кого не встрѣчается попытка объяснить это, если только подъ этимъ не подразумѣваются *подготовительныя* повѣсти,въ которыя «Чертогъ сіялъ» долженъ включиться. Какъ бы то ни было, сообщаемые нами отрывки написаны въ 1834-5 годахъ. О прозаическомъ (!) мы уже говорили выше. О стихотворномъ осталось сказать еще нѣсколько словъ. Г. Якушкинъ упоминаетъ въ своемъ описаніи румянцевскихъ рукописей Пушкина, что подъ № 2384, стр. 54-55, имѣется стихотвореніе, написанное карандашемъ, но до того исчерканное, что онъ и не попытался прочесть его хоть отчасти. Однако, гораздо позднѣе, г. Морозовъ разобралъ въ немъ 22 стиха изъ 33, которые мы здѣсь печатаемъ, по нашей рукописи, или болѣе точно, или безъ тѣхъ варіантовъ, которые тамъ дѣйствительно находятся. 11 стихами у насъ, во всякомъ случаѣ, болѣе, но за то тамъ есть 5 стиховъ, отсутствующихъ въ нашемъ оригиналѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, что нашъ оригиналъ написанъ до того четко и чисто чернилами,что даже неопытный въ читкѣ черняковъ Пушкина можетъ легко разобрать ихъ.

Все это мы рѣшаемся напечатать въ наше смутное время здѣсь за-границей, ибо появленіе этихъ отрывковъ въ Петроградѣ, даже при прежнихъ, якобы нормальныхъ, условіяхъ, могло бы произойти, примѣрно, только въ 1930 году, такъ какъ большое Академическое изданіе — festina lente! — въ теченіе

29 лѣтъ напечатало лишь 9 томовъ, изъ коихъ 3 посвящены перепискѣ Пушкина (увы ! безъ примѣчаній...), а I-й томъ въ двухъ изданіяхъ, для чего г. Майкову, одному, потребовалось болѣе 10 лѣтъ!.. Оно. — большое изданіе (обѣщаннаго малаго изданія, подъ редакціей г. Щеголева, не появилось ни единаго тома!); — доведено, такимъ образомъ, только до стихотвореній 1827 года! Теперь (1919) готовится 5-й томъ, который весь посвященъ Евгенію Онѣгину, подъ редакціей г. Гофмана. Когда-то увидимъ мы его,если увидимъ?Мы, увы престарѣлы... Тѣмъ не менѣе, не дожидаясь тома со стихотвореніями 30-хъ годовъ,мы надѣемся сдѣлать здѣсь въ Парижѣ, еще нѣсколько сообщеній, безъ печатанія всѣхъ подробностей хода Пушкинской обработки стихотвореній. Онѣ умѣстны лишь въ критическомъ Академическомъ изданіи, весьма обильномъ, однако, ошибками, вслѣдствіе отсутствія подготовительныхъ работъ и своевременныхъ критическихъ изданій. Во всякомъ случаѣ Академическое изданіе въ настоящемъ своемъ видѣ далегко не nec varietur!... Исторія текста сочиненій Пушкина, обѣщанная неудачнымъ изданіемъ (весьма, впрочемъ, полезнымъ) Эфрона въ 7-мъ томѣ, также не появлялась въ печати, если только она, дѣйствительно, исполнена. Такимъ образомъ, редакція г. Морозова, въ изданіи «Просвѣщеніе», остается и до сихъ поръ лучшей изъ доступныхъ для пользованія широкой публики, а «Труды и дни Пушкина», описанные г. Лерперомъ,—несравнимою ни съ чѣмъ и необходимою книгою для завзятыхъ пушкинистовъ. Жаль только, что и она въ обѣщанномъ третьемъ изданіи задержана была несчастной войной. Исправленій и дополненій требуетъ и она. Обязанность каждаго русскаго пушкиниста содѣйствовать въ этомъ г. Лернеру. Мы у него не нашли удовлетворительныхъ указаній датъ писанья или написанья «Египетскихъ ночей». Уклончиво перечислены лишь тома и страницы изданій гг. Ефремова и Морозова. (Страницы Анненкова означены по 2-му изданію «Матеріаловъ» его. Онѣ 394-400 въ 1-мъ изданіи и, что гораздо важнѣе, въ примѣчаніяхъ V-го тома на стр. 532-534).

Состоя однимъ изъ 13 членовъ Комиссіи по Академическому изданію сочиненій Пушкина (половина первыхъ членовъ ея уже умерла, но, вѣроятно, замѣнена новыми), мы надѣялись за всѣ эти 30 лѣтъ печатанія получать здѣсь корректурные листы, высылать которые обязался письменно, въ свое время, глубокочтимый, нынѣ покойный, академикъ А. Н. Веселовскій. Послѣ него, вѣроятно, сочли это неудобнымъ въ отношеніи потери времени при пересылкѣ, и мы такъ и не дождались исполненія этого обязательства, лишившись, такимъ образомъ, возможности способствовать, хотя бы въ самой незначительной мѣрѣ, устраненію вкрадывающихся въ Академическое изданіе недосмотровъ. Мы, впрочемъ, три или четыре раза высылали изъ Парижа въ Академію *всѣ оригиналы* имѣющихся у насъ рукописей Пушкина. Скрѣпя сердце, мы дѣлали это черезъ здѣшнее посольство и, къ счастью, успѣли получить все обратно въ полнѣйшей сохранности до объявленія послѣдней, ужаснѣйшей войны. Въ началѣ 1917 года, по желанію Академіи, мы успѣли еще разъ, въ послѣдній, выслать ей, при томъ же посредствѣ посольства, желаемыя фотографіи, съ отрывкомъ изъ *Евгенія Онѣгина*, приложивъ, кстати, безъ всякихъ объясненій, и фотографію съ оригинала изъ *Бориса Годунова*, гдѣ совершенно четко читается:

Холодный *духъ* въ лицо мнѣ дуетъ,
И ходитъ холодъ по главѣ...

а, между тѣмъ, въ IV томѣ Академическаго изданія, на стр 83 напечатано въ примѣчаніи:

И ходитъ *вѣтеръ* по главѣ...

При этомъ сказано, что г. Онѣгинымъ напечатано (въ Вѣстникѣ Европы 1882, № 10, стр. 893) это *не вполнѣ и не точно*. Такое утвержденіе сдѣлано г. Морозовымъ, послѣ того, какъ онъ же самъ печаталъ и перепечатывалъ десятки лѣтъ нашу именно читку — *и полную, и точную!* — въ различныхъ изданіяхъ подъ своею редакціею! Получила ли Академія эту фотографію (протестъ!), намъ неизвѣстно, а потому мы присо-

единяемъ эту поправку къ настоящему нашему сообщенію въ «Грядущей Россіи», смутно надѣясь, что этимъ путемъ она попадетъ въ прошлую Россію ранѣе отдѣльнаго нашего протеста путемъ переписки.

Странно, что г. Морозовъ не замѣтилъ громадной разницы въ стилѣ стиха и выразительности идеи его, замѣняя совершенно произвольно «Ходитъ *холодъ* по главѣ» словами: «ходитъ *вѣтеръ* по главѣ!» Б. Годуновъ является у него такимъ образомъ *вѣтренымъ* человѣкомъ, вмѣсто устрашеннаго видѣніями до явныхъ галлюцинацій... Хотя намъ и помнится печатное обвиненіе имъ г. Брюсова въ непониманіи просодіи, мы привыкли къ болѣе точной ред. г. Морозова, въ его изданіяхъ сочиненій Пушкина, среди которыхъ, напр., разборъ криптограммы 9-й главы Евгенія Онѣгина, — своего рода tour de force («чрезвычайка!») по преодолѣнію трудностей ея. Однако, въ томъ же IV-мъ томѣ, графъ Нулинъ по намъ принадлежащей рукописи, напечатанной вновь (стр. 214—227, въ примѣчаніяхъ), хотя и полностью, вслѣдствіе множества варіантовъ и дополненій по сравненію съ текстомъ до сихъ поръ обыкновенно печатавшимся, буквально *кишитъ* ошибками, которыхъ, очевидно, можно и должно было избѣгнуть въ критическомъ изданіи. Иначе зачѣмъ же было его перепечатывать дважды?! Значительность количества этихъ ошибокъ можетъ объясняться лишь предположеніемъ, что г. Морозовъ редактировалъ Нулина не самъ, а довѣрилъ чтеніе и переписку новой рукописи лицу совершенно неопытному что, конечно, весьма печально для Академическаго изданія и весьма обидно г. Онѣгину. Надѣемся, впрочемъ, что это недоразумѣніе будетъ устранено оговоркою *на видномъ мѣстѣ въ ближайшемъ по выходѣ томѣ* Академическаго изданія. На мелкіе выпады мы никогда не отвѣчали, но не можемъ смолчать, когда они заносятся на страницы подобнаго изданія. Когда, когда еще все болѣе или менѣе устроится на новыхъ и лучшихъ основаніяхъ и будутъ возможны почтовыя и другія сношенія съ родиною,—а пока этотъ нумеръ «Грядущей Россіи», можетъ быть, будетъ уже извѣстенъ въ Петроградѣ, и нашъ протестъ примется къ свѣдѣнію тѣми, кому о немъ знать надлежитъ. Еще и еще извиняемся передъ чита-

телями «Грядущей Россіи», въ томъ, что позволили себѣ присовокупить свой протестъ въ нѣсколько полемическомъ духѣ къ настоящему нашему вполнѣ, казалось бы, мирному сообщенію.

Сообщилъ А. Ф. Онѣгинъ,
Хранитель Пушкинскаго музея въ Парижѣ.

Декабрь 1919 года.

Paris (VIIIe)
25, Rue de Marignan

ХОЖДЕНІЕ ПО МУКАМЪ

(РОМАНЪ)

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!..
(Слово о полку Игоревѣ)

Сторонній наблюдатель изъ какого-нибудь заросшаго липами московскаго переулка, попадая въ Петербургъ, испытывалъ въ минуты вниманія сложное чувство умственнаго возбужденія и душевной придавленности.

Бродя по прямымъ и туманнымъ улицамъ, мимо мрачныхъ, какъ ящики, домовъ, съ темными окнами, съ дремлющими дворниками у воротъ, глядя подолгу на многоводный и хмурый просторъ Невы, на голубоватыя линіи мостовъ, съ зажженными еще до темноты фонарями, съ коллонадами неуютныхъ и нерадостныхъ дворцовъ, съ нерусской, пронзительной высотой Петропавловскаго собора, съ бѣдными лодочками, ныряющими въ темной водѣ, и безчисленными барками сырыхъ дровъ вдоль гранитныхъ набережныхъ, заглядывая въ лица прохожихъ, — озабоченныя и блѣдныя, съ глазами, какъ городская муть, — видя и внимая всему этому сторонній наблюдатель — благонамѣренный — пряталъ голову поглубже въ воротникъ, а неблагонамѣренный начиналъ думать, что хорошо бы ударить со всей силой, разбить вдребезги это застывшее, унылое очарованіе.

Еще во времена Петра Перваго дьячекъ изъ Троицкой церкви, что и сейчасъ стоитъ близъ Троицкаго мо-

ста, спускаясь съ колокольни, въ потьмахъ, увидѣлъ кикимору, — худую бабу и простоволосую, — сильно испугался, и, затѣмъ, говаривалъ въ кабакѣ : "Петербургу, молъ, быть пусту", — за что былъ схваченъ, пытанъ въ Тайной Канцеляріи и битъ кнутомъ нещадно.

Такъ, съ тѣхъ поръ, должно быть, и повелось думать, что съ Петербургомъ нечисто. То видѣли очевидцы, какъ по улицѣ Васильевскаго острова ѣхалъ на извозчикѣ чортъ. То въ полночь, въ бурю и высокую воду, сорвался съ гранитной скалы и скакалъ по камнямъ Мѣдный Императоръ. То къ проѣзжему въ каретѣ тайному совѣтнику липнулъ къ стеклу, приставалъ мертвецъ, — мертвый чиновникъ, Много такихъ росказней ходило по городу.

И, совсѣмъ еще недавно, поэтъ, Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ, проѣзжая ночью на лихачѣ по дорогѣ на острова горбатый мостикъ, увидалъ сквозь разорванныя облака въ безднѣ неба звѣзду и, глядя на нее сквозь слезы, подумалъ, что лихачъ, и горбатый мостикъ, и нити фонарей, и весь за спиной его спящій Петербургъ — лишь мечта, бредъ, возникшій въ его головѣ, отуманенной виномъ, любовью и скукой.

Точно въ бреду, наспѣхъ, построенъ былъ Петербургъ. Какъ сонъ прошли два столѣтія : чужой всему живому городъ, стоящій на краю земли, въ болотахъ и пусторосляхъ, грезилъ всемірной славой и властью; бредовыми видѣньями мелькали дворцовые перевороты, убійства Императоровъ, тріумфы и кровавыя казни; слабыя женщины принимали полубожественную власть; изъ горячихъ и смятыхъ постелей рѣшались судьбы народовъ ; приходили ражіе парни съ могучимъ сложеніемъ и черными отъ земли руками, и смѣло поднимались къ трону, чтобы раздѣлить власть, ложе и византійскую роскошь.

Съ ужасомъ оглядывались сосѣди на эти бѣшенные взрывы фантазіи. Съ уныніемъ и страхомъ внимали русскіе люди бреду столицы. Страна питала и никогда не могла до сыта напитать кровью своею и духомъ петербургскіе призраки.

Петербургъ жилъ бурливо-холодной, пресыщенной, полуночной жизнью. Фосфорическія лѣтнія ночи, сумасшедшія и сладострастныя, и безсонныя ночи зимой, зеленые столы и шорохъ золота, музыка, крутящіеся пары за окнами, бѣшенныя тройки, цыгане, дуэли, и на разсвѣтѣ — въ свистѣ ледяного вѣтра и пронзительномъ завываніи флейтъ—парадъ войскамъ передъ наводящимъ ужасъ взглядомъ выпуклыхъ глазъ Императора. — Такъ жилъ городъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе, съ невѣроятной быстротой, создавались грандіозныя предпріятія. Возникали, какъ изъ воздуха, милліонныя состоянія. Изъ хрусталя и цемента строились банки, музыкъ-холлы, скетинги, великолѣпные кабаки, гдѣ люди оглушались музыкой, отраженіемъ зеркалъ, полуобнаженными женщинами, свѣтомъ, шампанскимъ. Спѣшно открывались игорные клубы, дома свиданій, театры, синематографы, лунные парки съ американскими удовольствіями. Инженеры и капиталисты работали надъ проэктомъ постройки новой, невиданной еще роскоши, столицы, неподалеку отъ Петербурга, на необитаемомъ острову.

Въ городѣ была эпидемія самоубійствъ. Залы суда наполнялись толпами истерическихъ женщинъ, жадно внимающихъ кровавымъ и возбуждающимъ процессамъ. Все было доступно — роскошь и женщины. Развратъ проникалъ повсюду, имъ былъ, какъ заразой, пораженъ дворецъ.

И во дворецъ, до самаго трона несчастнѣйшаго изъ императоровъ, дошелъ и, глумясь и издѣваясь, самъ

сталъ шельмовать надъ Россіей неграмотный мужикъ, съ сумасшедшими глазами и могучей мужской силой.

Петербургъ, какъ всякій городъ, жилъ единой жизнью, напряженной и озабоченной. Центральная сила руководила этимъ движеніемъ. Но она не была слита съ тѣмъ, что можно было назвать духомъ города: центральная сила стремилась создать порядокъ, спокойствіе и цѣлесообразность, духъ города стремился разрушить эту силу. Духъ разрушенія былъ во всемъ, пропитывалъ гнилостнымъ ядомъ и грандіозныя биржевыя махинаціи знаменитаго Сашки Сакельмана, и мрачную злобу рабочаго на сталелитейномъ заводѣ, и вывихнутыя мечты модной поэтессы, сидящей въ пятомъ часу утра въ артистическомъ подвалѣ "Красные Бубенцы", и даже тѣ, кому нужно было бороться съ этимъ разрушеніемъ, сами того не понимая, дѣлали все, чтобы усилить его и обострить.

То было время, когда любовь, чувства добрыя и здоровыя считались пошлостью и пережиткомъ, ни кто не любилъ, но всѣ жаждали и, какъ отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности.

Дѣвушки скрывали свою невинность, супруги — вѣрность. Разрушеніе считалось хорошимъ вкусомъ, неврастенія — признакомъ утонченности. Этому учили модные писатели, возникавшіе за одинъ сезонъ изъ небытія. Люди выдумывали на себя пороки и извращенія, лишь бы не прослыть пресными.

Вдыхать запахъ могилы и чувствовать, какъ рядомъ вздрагиваетъ, разгоряченное дьявольскимъ любопытствомъ, тѣло женщины, — во́тъ въ чемъ былъ пафосъ поэзіи этихъ послѣднихъ лѣтъ: смерть и сладострастіе.

Таковъ былъ Петербургъ въ 1914 году. Замученный безсонными ночами, оглушающій тоску свою виномъ,

золотомъ, безлюбой любовью, надрывающими и безсильно чувственными звуками танго, — предсмертнаго гимна, — онъ жилъ словно въ ожиданiи рокового и страшнаго дня. И тому были предвозвѣстники, — новое и непонятное лѣзло изо всѣхъ щелей.

II

... "Мы ни чего не хотимъ помнить. Мы говоримъ,— довольно, повернитесь къ прошлому задомъ! Кто тамъ у меня за спиной? Венера Милосская? А, что — ее можно кушать? Или она способствуетъ рощенiю волосъ? Я не понимаю для чего мнѣ нужна эта каменная туша. Но, искусство, искусство, брръ! Вамъ все еще нравится щекотать себѣ пятки этимъ понятiемъ? Глядите по сторонамъ, впередъ, подъ ноги. У васъ на ногахъ американскiе башмаки? Да здравствуютъ американскiе башмаки! Вотъ искусство: красный автомобиль, гутаперчевая шина, пудъ бензину и сто двадцать верстъ въ часъ. Это возбуждаетъ меня пожирать пространство. Вотъ искусство: афиша въ шестнадцать аршинъ высоты и на ней нѣкiй юноша шестнадцати аршинъ, въ шикарной визиткѣ, въ шикарномъ цилиндрѣ. Это портной, художникъ, генiй сегодняшняго дня! Я хочу пожирать жизнь, а вы меня подчуете сахарной водицей для страдающихъ половымъ безсилiемъ"...

Въ концѣ узкаго зала, за стульями, гдѣ тѣсно стояла молодежь съ курсовъ и университета, раздался смѣхъ и хлопки. Говорившiй, Петръ Петровичъ Сапожковъ, усмѣхаясь влажнымъ ртомъ, надвинулъ на большой носъ прыгающее пенснэ и бойко сошелъ по ступенямъ большой, дубовой кафедры.

Сбоку ея, за длиннымъ столомъ, освѣщеннымъ двумя пятисвѣчными канделябрами, сидѣли члены общества "Философскiе Вечера". Здѣсь были и предсѣдатель об-

щества, профессоръ богословія, Антоновскій, и сегодняшній докладчикъ — историкъ Вельяминовъ, и философъ Борскій, изгнанный изъ Духовной Академіи за отпаденіе къ соціалъ-демократамъ, ушедшій отъ соціалистовъ и проклятый ими, и писатель Сакунинъ, авторъ циничныхъ и замѣчательныхъ книгъ, лукавый и хитрый, какъ старый змѣй.

Общество "Философскіе Вечера" въ эту зиму выдерживало сильный натискъ со стороны мало кому извѣстныхъ, но зубастыхъ молодыхъ людей. Они нападали на маститыхъ писателей и почтенныхъ философовъ съ такой яростью и говорили такія дерзкія и соблазнительныя вещи, что старый особнякъ на Фонтанкѣ, гдѣ помѣщалось общество, по субботамъ, въ дни открытыхъ засѣданій, бывалъ переполненъ.

Такъ было и сегодня. Когда Сапожковъ при разсыпавшихся хлопкахъ исчезъ въ толпѣ, на кафедру поднялся небольшого роста человѣкъ съ шишковатымъ, стриженнымъ черепомъ, съ молодымъ, скуластымъ и желтымъ лицомъ, — Акундинъ. Появился онъ здѣсь недавно, успѣхъ, въ особенности, въ заднихъ рядахъ зрительнаго зала бывалъ у него огромный, и, когда спрашивали — откуда и кто такой? — знающіе люди загадочно улыбались. Во всякомъ случаѣ, фамилія была ему не Акундинъ, пріѣхалъ онъ изъ заграницы и выступалъ не спроста. По городу въ литографированныхъ спискахъ ходило нѣсколько его замѣчательныхъ рѣчей.

Пощипывая рѣдкую бородку, Акундинъ оглядѣлъ затихшее зало, усмѣхнулся тонкой полосой губъ и началъ говорить.

Въ это время, въ третьемъ ряду креселъ, у средняго прохода, подперевъ кулачкомъ подбородокъ, сидѣла молодая дѣвушка, въ суконномъ черномъ платьѣ, закрытомъ до шеи. Ея пепельные, тонкіе волосы были подняты надъ ушами, завернуты въ большой узелъ и

сколоты гребнемъ. Не шевелясь и не улыбаясь, она разглядывала сидящихъ за зеленымъ столомъ, иногда ея глаза подолгу останавливались на огонькахъ свѣчей.

Когда Акундинъ, стукнувъ сухонькимъ кулачкомъ по дубовой кафедрѣ, воскликнулъ: "Міровая экономика наноситъ первый ударъ желѣзнаго кулака по церковному куполу. Борьба съ церковью — вопросъ чисто экономическій", — дѣвушка вздохнула не сильно, и, принявъ кулачокъ отъ покраснѣвшаго снизу подбородка, положила въ ротъ карамель.

Акундинъ говорилъ:

... "А вы все еще грезите туманными снами о царствіи божіемъ на землѣ. Здѣсь еще похрапываютъ и глядятъ сны, бормочутъ сквозь сонъ о мессіанствѣ. А о н ъ, не смотря на всѣ усилія, продолжаетъ спать. Или вы надѣетесь, что о н ъ, всетаки, проснется и заговоритъ, какъ валаамова ослица? Да, о н ъ проснется, но разбудятъ его не сладкіе голоса вашихъ поэтовъ, не дымъ изъ кадильницъ, — народъ могутъ разбудить только фабричные свистки. Онъ проснется и заговоритъ, но не о мессіанствѣ, а о справедливости, и голосъ его будетъ непріятный для слуха. Или вы надѣетесь на ваши дебри и болота? Здѣсь можно подремать еще съ полстолѣтія, вѣрю. Но не называйте это мессіанствомъ. Это не то, что грядетъ, а то, что уходитъ, скользитъ, какъ тѣнь по землѣ. Здѣсь въ Петербургѣ, въ этомъ великолѣпномъ залѣ выдумали русскаго мужика. Написали о немъ сотни томовъ и сочинили оперы. Талантливая игра. Игра въ тѣни на стѣнѣ. Боюсь только, какъ бы она не окончилась большою кровью"...

Но здѣсь предсѣдатель остановилъ говорившаго. Акундинъ слабо улыбнулся, вытащилъ изъ пиджака большой, грязный платокъ и вытеръ привычнымъ движеніемъ черепъ и лицо. Въ концѣ зала раздались голоса:

— Пускай говоритъ!

— Безобразіе закрывать человѣку ротъ!

— Это издѣвательство!

— Тише вы, тамъ сзади.

— Сами вы тише.

Въ первомъ ряду поднялась дородная дама, съ негодованіемъ оглядѣла дерзкихъ и поплыла къ выходу, вздрагивая генеральскими щеками.

Акундинъ продолжалъ:

... "Русскій мужикъ — точка приложенія идей. Да. Но, если эти идеи органически не связаны съ его инстинктами, съ его вѣковыми желаніями, съ его первобытнымъ понятіемъ о справедливости, понятіемъ всечеловѣческимъ, то идеи падаютъ, какъ сѣмена на камень. И до тѣхъ поръ, покуда не станутъ разсматривать русскаго мужика просто, какъ человѣка съ голоднымъ желудкомъ и натертымъ работою хребтомъ, покуда не лишатъ его, наконецъ, когда то какимъ то бариномъ придуманныхъ мессіанскихъ его особенностей, до тѣхъ поръ будутъ трагически существовать два полюса, — ваши великолѣпныя идеи, рожденныя въ темнотѣ кабинетовъ, и жадная, полузвѣринная жизнь. Мы критикуемъ васъ не по существу. Было бы странно терять время на пересмотръ этой феноменальной груды — человѣческой фантазіи. Нѣтъ. Мы говоримъ, — идите и претворяйте идеи въ жизнь. Не ждите и не философствуйте. Дѣлайте опытъ. Пусть онъ будетъ отчаяннымъ. И тогда вы увидите, — съ какими идеями и какъ вамъ нужно идти"...

Дѣвушка, въ черномъ, суконномъ платьѣ, не была расположена вдумываться въ то, что говорилось съ дубовой кафедры. Ей казалось, что всѣ эти слова и споры, конечно, очень важны и многозначительны, но самое важное, въ концѣ концовъ, у этихъ людей въ томъ, что, напримѣръ, Акундинъ, — она въ этомъ увѣрена, — ни

кого на свѣтѣ, кромѣ себя, не любитъ и, если ему нужно для доказательства своей идеи, то и пристрѣлитъ человѣка. Или профессоръ богословія Антоновскій, напримѣръ, пріѣдетъ домой и сядетъ ужинать холодными котлетами и жидкимъ чаемъ за длинный, длинный столъ, и будетъ ему казаться, что самое главное — не засѣданіе философскихъ вечеровъ, а Васютка, бѣловолосый внученокъ, что дышитъ рядомъ съ дѣтской, спитъ.

Когда она такъ думала, за зеленымъ столомъ появился новый человѣкъ. Онъ, не спѣша, сѣлъ рядомъ съ предсѣдателемъ, кивнулъ направо и налѣво, провелъ покраснѣвшей рукой по русымъ волосамъ, мокрымъ отъ снѣга, пальцы вытеръ о платокъ, и, спрятавъ подъ столъ руки, выпрямился, въ очень узкомъ, черномъ сюртукѣ: — худое, матовое лицо, брови дугами, подъ ними, въ тѣняхъ, огромные, сѣрые глаза, и волосы, падающіе шапкой. Точно такимъ Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ былъ изображенъ въ послѣднемъ номерѣ еженедѣльнаго журнала.

Дѣвушка не видѣла теперь ничего, кромѣ этого почти отталкивающе-красиваго лица. Она словно съ ужасомъ внимала этимъ страннымъ чертамъ, такъ часто снившимся ей въ вѣтряныя петербургскія ночи.

Вотъ онъ, наклонившись ухомъ къ сосѣду, усмѣхнулся, и улыбка простоватая, но въ вырѣзахъ тонкихъ ноздрей, въ слишкомъ женственныхъ бровяхъ, въ какой то особой нѣжной силѣ этого лица было вѣроломство, надменность и еще то, чего она понять не могла, но что волновало ее всего сильнѣе.

Въ это время докладчикъ Вельяминовъ, красный и бородатый, въ золотыхъ очкахъ и съ пучками золотисто-сѣдыхъ волосъ вокругъ большого черепа, отвѣчалъ Акундину:

... "Вы правы такъ же, какъ права лавина, когда об-

рушивается съ горъ. Мы давно ждемъ пришествія страшнаго вѣка, предугадываемъ торжество вашей правды. Вы овладѣете стихіей, а не мы. Но мы не подопремъ плечами вашу лавину. Мы знаемъ — когда она докатится до дна, до земли, — сила ея изсякнетъ, и высшая справедливость, на завоеваніе которой вы скликаете фабричными гудками, окажется грудой обломковъ, хаосомъ, гдѣ будетъ бродить оглушенный человѣкъ. Жажду, — вотъ что скажетъ онъ, потому что въ немъ самомъ не окажется ни капли влаги. И вы не дадите ему пить. Берегитесь, — Вельяминовъ поднялъ длинный, какъ карандашъ, палецъ и строго черезъ очки посмотрѣлъ на ряды слушателей,—въ раю, который вамъ грезится, во имя котораго вы хотите превратить живого человѣка въ силлогизмъ, одѣтый въ шляпу, пиджакъ и съ винтовкой за плечами, въ этомъ страшномъ раю грозитъ новая революція, — быть можетъ, самая страшная изо всѣхъ революцій, — революція духа“...
Акундинъ холодно проговорилъ съ мѣста:

— Это предусмотрѣно..

Вельяминовъ развелъ надъ столомъ руками. Канделябръ бросалъ блики на его лысину. Онъ сталъ говорить о грѣхѣ, въ который отпадаетъ міръ, и о будущей страшной расплатѣ. Въ залѣ покашливали.

Во время перерыва дѣвушка пошла въ буфетную и стояла у дверей, нахмуренная и независимая. Нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ съ женами пили чай и, громче, чѣмъ всѣ люди, разговаривали,. У печки знаменитый писатель, Чернобылинъ, ѣлъ рыбу съ брусникой и поминутно оглядывался злыми, пьяными глазами на проходящихъ. Двѣ, среднихъ лѣтъ, литературныя дамы, съ грязными шеями и большими бантами въ волосахъ, жевали бутерброды у буфетнаго прилавка. Въ сторонѣ, не смѣшиваясь со свѣтскими, благообразно стояли батюшки. Подъ

люстрой, заложивъ руки сзади подъ длиный сюртукъ, покачивался на каблукахъ полусѣдой человѣкъ съ подчеркнуто- растрепаными волосами — Чирва — критикъ, ждалъ, когда къ нему кто нибудь подойдетъ. Появился Вельяминовъ, одна изъ литературныхъ дамъ бросилась къ нему и вцѣпилась въ рукавъ, который онъ во время разговора осторожно, но тщетно, старался выпростать. Другая литературная дама вдругъ перестала жевать, тоже отряхнула крошки, нагнула голову, расширила глаза. Къ ней подходилъ Безсоновъ, кланяясь направо и налѣво, смиреннымъ наклоненіемъ головы.

Дѣвушка въ черномъ всей своей кожей почувствовала, какъ подобралась подъ корсетомъ литературная дама, впала въ фальшивое состояніе. Безсоновъ говорилъ ей что то съ лѣнивой усмѣшкой. Она всплеснула полными руками и захохотала, подкатывая глаза.

"Вотъ, гнусная, немытая", — подумала дѣвушка, передернула плечикомъ и пошла изъ буфета. Ее окликнули. Сквозь толпу къ ней протискивался черноватый, истощенный юноша, въ бархатной курткѣ, радостно кивалъ, отъ удовольствія морщилъ носъ, и взялъ ее за руку. Его ладонь была влажная, и на лбу влажная прядь волосъ, и — влажные, длинные, черные глаза засматривали съ мокрой какой то нѣжностью. Его звали Александръ Ивановичъ Жировъ. Онъ сказалъ :

— Вотъ? Что вы тутъ дѣлаете, Дарья Дмитріевна?

— Тоже, что и вы, — отвѣтила она, освобождая руку, сунула ее въ муфту и тамъ вытерла о платокъ.

Онъ захихикалъ и, глядя еще нѣжнѣе, сказалъ:

— Неужели и на этотъ разъ вамъ не понравился Сапожковъ? Онъ говорилъ сегодня, какъ пророкъ. Васъ раздражаетъ его рѣзкость и своеобразная манера выражаться. Но самая сущность его мысли, — развѣ это не то, чего мы всѣ въ тайнѣ хотимъ, но сказать боимся? А онъ смѣетъ. Вотъ его послѣдній стишокъ:

"Каждый молодъ, молодъ, молодъ.
Въ животѣ чертовскій голодъ.
Будемъ лопать пустоту..."

Необыкновенно, ново и смѣло. Дарья Дмитріевна, развѣ вы сами не чувствуете, — новое, новое претъ. Наше, новое, жадное, смѣлое. Вотъ, тоже и Акудинъ. Онъ слишкомъ логиченъ, но, какъ вбиваетъ гвозди! Еще двѣ, три такихъ зимы и все затрещитъ, полѣзетъ по швамъ, — очень хорошо.

Онъ говорилъ тихимъ голосомъ, сладко и нѣжно улыбаясь. Даша чувствовала, какъ все въ немъ дрожитъ мелкой дрожью, точно отъ ужаснаго возбужденія. Она не дослушала, кивнула головой и стала протискиваться къ вѣшалкѣ.

Сердитый швейцаръ съ медалями, таская вороха шубъ и калошъ, не обращалъ вниманія на дашинъ протянутый номерокъ. Ждать пришлось долго, въ ноги дуло изъ пустыхъ, съ махающими дверями, сѣней, гдѣ стояли рослые, въ синихъ, мокрыхъ кафтанахъ, мужики-извозчики и весело и нагло предлагались выходящимъ:

— Вотъ на рѣзвой, ваше сясь!

— Вотъ, по пути, на Пески!

Вдругъ, за дашиной спиной голосъ Безсонова проговорилъ раздѣльно и холодно:

— Швейцаръ, шубу, шапку и трость.

Даша почувствовала, какъ легонькія иголочки пошли по спинѣ. Она быстро повернула голову и прямо взглянула Безсонову въ глаза. Онъ встрѣтилъ ея взглядъ спокойно, какъ должное, но, затѣмъ, вѣки его дрогнули, въ сѣрыхъ глазахъ появилась живая влага, они словно подались, и Даша почувствовала, какъ у нея затрепетало сердце.

— Если не ошибаюсь, — проговорилъ онъ, наклоняясь къ ней, — мы встрѣчались у вашей сестры?

Даша сейчасъ же отвѣтила дерзко:

— Да. Встрѣчались.

Выдернула у швейцара шубу и побѣжала къ параднымъ дверямъ. На улицѣ мокрый и студеный вѣтеръ подхватилъ ея платье, обдалъ ржавыми каплями. Даша до глазъ закуталась въ мѣховой воротникъ. Кто-то, перегоняя, проговорилъ надъ ухомъ:

— Ай, да глазки!

Даша быстро шла по мокрому асфальту, по лиловымъ, зыбкимъ полосамъ электрическаго свѣта. Изъ распахнувшейся двери ресторана вырвались вопли скрипокъ, — вальсъ. И Даша, не оглядываясь, пропѣла въ косматый мѣхъ муфты:

— Ну, не такъ то легко, не легко, не легко!

III

Растегивая въ прихожей мокрую шубку, Даша спросила у горничной:

— Дома никого нѣтъ, конечно?

Великій Моголъ, — такъ называли горничную Лушу за широкоскулое, какъ у идола, всегда сильно напудренное лицо, — глядя въ зеркало отвѣтила тонкимъ голосомъ, что барыни, дѣйствительно, дома нѣтъ, а баринъ дома, въ кабинетѣ, и ужинать будетъ черезъ полъ часа.

Даша прошла въ гостиную, сѣла у рояли, положила ногу на ногу и охватила колѣно.

Зять, Николай Ивановичъ, дома, — значитъ поссорился съ женой, надутый и будетъ жаловаться. Сейчасъ —одиннадцать, и часовъ до трехъ, покуда не заснешь, дѣлать нечего. Читать, но что? И охоты нѣтъ. Просто, —сидѣть, думать. Себѣ дороже станетъ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ жить иногда неуютно!

Даша вздохнула, открыла крышку рояля и, сидя бокомъ, одною рукою начала разбирать Скрябина. Трудновато приходится человѣку въ такомъ неудобномъ возрастѣ, какъ девятнадцать лѣтъ, да еще дѣвушкѣ, да еще очень и очень не глупой, да еще по нелѣпой какой то чистоплотности слишкомъ суровой съ тѣми,— а ихъ было не мало, — кто выражалъ охоту развѣивать дѣвичью скуку.

Въ прошломъ году Даша пріѣхала изъ Самары въ Петербургъ на юридическіе курсы и поселилась у старшей сестры, Екатерины Дмитріевны Смоковниковой, — мужъ ея былъ адвокатъ, довольно извѣстный; жили они шумно и широко.

Даша была моложе сестры лѣтъ на пять; когда Екатерина Дмитріевна выходила замужъ — Даша была еще дѣвочкой; послѣдніе годы сестры мало видались, и теперь между ними начались новыя отношенія: у Даши влюбленныя, у Екатерины Дмитріевны — нѣжно-любовныя.

Первое время Даша подражала сестрѣ во всемъ, восхищалась ея красотой, вкусами, умѣньемъ вести себя съ людьми. Знакомыхъ сестры она робѣла, инымъ отъ застѣнчивости говорила дерзости. Екатерина Дмитріевна старалась, чтобы домъ ея былъ всегда образцомъ вкуса и новизны, еще не ставшей достояніемъ улицы; она не пропускала ни одной выставки и покупала футуристическія картины. Въ послѣдній годъ изъ за этого у нея происходили бурные разговоры съ мужемъ, потому что Николай Ивановичъ любилъ живопись идейную, а Екатерина Дмитріевна со всей женской пылкостью рѣшила лучше пострадать за новое искусство, чѣмъ прослыть отсталой.

Даша тоже восхищалась этими странными картинами, развѣшанными въ гостиной, хотя съ огорченіемъ

думала иногда, что квадратныя фигуры, съ геометрическими лицами, съ большимъ, чѣмъ нужно, количествомъ рукъ и ногъ, глухія краски, какъ головная боль, — вся эта фабричная, чугунная, циничная поэзія возставшей противъ Господа Бога прогорклой улицы слишкомъ высока для ея тупого воображенія.

Каждый вторникъ у Смоковниковыхъ, въ столовой изъ птичьяго глаза, собиралось къ ужину шумное и веселое общество. Здѣсь были разговорчивые адвокаты, женолюбивые и внимательно слѣдящіе за литературными теченіями, два, или три журналиста, прекрасно понимающихъ, какъ нужно вести внутреннюю и внѣшнюю политику, нервно разстроенный критикъ Чирва, подготовлявшій очередную литературную катастрофу. Иногда, съ позаранку, приходили молодые поэты, оставлявшіе тетради со стихами въ прихожей, въ пальто. Къ началу ужина въ гостинной появлялась какая нибудь знаменитость, шла, не спѣша, приложиться къ хозяйкѣ и съ достоинствомъ усаживалась въ креслѣ. Въ серединѣ ужина бывало слышно, какъ въ прихожей съ грохотомъ снимали кожаныя калоши, и бархатный голосъ произносилъ:

"Привѣтствую тебя, Великій Моголъ!" — и, затѣмъ, надъ стуломъ хозяйки склонялось бритое, съ отвислыми жабрами, лицо любовника-резонера:

"Катюша,—говорилъ онъ каждый разъ,—сегодня ничего не пью, честное слово". Главнымъ человѣкомъ для Даши во время этихъ ужиновъ была сестра. Даша негодовала на тѣхъ, кто былъ мало внимателенъ къ милой, доброй и простодушной Екатеринѣ Дмитріевнѣ, къ тѣмъ же, кто бывалъ слишкомъ внимателенъ, ревновала, — глядѣла на виновнаго злыми глазами.

Понемногу она начала разбираться въ этомъ, кружащемъ непривычную голову, множествѣ лицъ. Помощни-

ковъ присяжныхъ повѣренныхъ она теперь презирала: у нихъ, кромѣ мохнатыхъ визитокъ, лиловыхъ галстуковъ, да проборовъ черезъ всю голову, ничего не было важнаго за душой. Любовника-резонера она ненавидѣла: онъ не имѣлъ права сестру звать Катей, Великаго Могола — Великимъ Моголомъ, не имѣлъ никакого основанія, выпивая рюмку водки, щурить отвислый глазъ на Дашу и приговаривать:

"Пью за цвѣтущій миндаль!"

Каждый разъ при этомъ Даша задыхалась отъ злости.

Щеки у нея, дѣйствительно, были румяныя, и ничѣмъ этотъ проклятый миндальный цвѣтъ согнать было нельзя, и Даша чувствовала себя за столомъ, какъ свекла.

На лѣто Даша не поѣхала къ отцу въ пыльную и знойную Самару, а съ радостью согласилась остаться у сестры на взморьѣ, въ Сестрорѣцкѣ. Тамъ были тѣ же люди, что и зимой, только всѣ видѣлись чаще, катались на лодкахъ, купались, ѣли мороженое въ сосновомъ бору, слушали по вечерамъ музыку, и шумно ужинали на верандѣ курзала, подъ звѣздами.

Екатерина Дмитріевна заказала Дашѣ бѣлое, вышитое гладью, платье, большую шляпу изъ розоваго газа съ черной лентой и широкій, шелковый поясъ, чтобы завязывать большимъ бантомъ на спинѣ, и въ Дашу, неожиданно, точно ему вдругъ раскрыли глаза, влюбился помощникъ зятя — Куличекъ.

Но, онъ былъ изъ "презираемыхъ". Даша возмутилась, позвала его въ лѣсъ и тамъ, не давъ ему сказать въ оправданіе ни одного слова (онъ только вытирался платкомъ, скомканнымъ въ кулакѣ) наговорила, что она не мѣщанка и не позволитъ смотрѣть на себя, какъ на какую то "самку", что она оскорблена и возмущена, счи-

таетъ его личностью съ глубоко развращеннымъ воображеніемъ, и сегодня же пожалуется зятю.

Зятю она пожаловалась въ тотъ же вечеръ. Николай Ивановичъ выслушалъ ее до конца, поглаживая холеную бороду и съ удивленіемъ взглядывая на миндальныя отъ негодованія дашины щеки, на гнѣвно дрожащую большую шляпу, на всю тонкую, бѣленькую дашину фигуру, затѣмъ сѣлъ на песокъ у воды и началъ хохотать; вынулъ платокъ, вытиралъ глаза, приговаривалъ:

— Уйди, Дарья, уйди, умру!

Даша ушла, ничего не понимая, смущенная и разстроенная. Куличекъ теперь не смѣлъ даже глядѣть на нее, худѣлъ и уединялся. Дашина честь была спасена. Но вся эта исторія неожиданно взволновала въ ней дѣвственно дремавшія чувства. Нарушилось тонкое равновѣсіе, точно во всемъ дашиномъ тѣлѣ, отъ волосъ до пятокъ, начался какой то второй человѣкъ, душный, мечтательный, безформенный и противный. Даша чувствовала его всей своей кожей, и мучилась, какъ отъ нечистоты; ей хотѣлось смыть съ себя эту невидимую паутину, вновь стать свѣжей, прохладной, легкой.

Теперь по цѣлымъ часамъ она играла въ тенисъ, по два раза на дню купалась, вставала раннимъ утромъ, когда на листьяхъ еще горѣли большія капли росы, отъ лиловаго, какъ зеркало, моря шелъ паръ, и на пустой верандѣ разставляли влажные столы, мели сырыя песчанныя дорожки.

Но, пригрѣвшись на солнышкѣ, или ночью въ мягкой постели, второй человѣкъ оживалъ отъ всѣхъ притѣсненій, осторожно пробирался къ сердцу и сжималъ его мягкой лапкой. Его нельзя было ни отодрать, ни смыть съ себя, какъ кровь съ заколдованнаго ключа Синей Бороды.

Всѣ знакомые, а первая сестра, стали находить, что Даша очень похорошѣла за это лѣто, и, словно, хорошѣетъ съ каждымъ днемъ. Однажды Екатерина Дмитріевна, зайдя утромъ къ сестрѣ, сказала:

— Что же это съ нами дальше будетъ?

— А, что, Катя?

Даша въ рубашкѣ сидѣла на постели, закручивая большимъ узломъ пепельные волосы.

— Ужъ очень хорошѣешь, — прямо страшно, что дальше дѣлать.

Даша строгими, "мохнатыми" глазами поглядѣла на сестру и отвернулась. Ея щека и ухо залились румянцемъ:

— Катя, я не хочу, чтобы ты такъ говорила, мнѣ это противно, понимаешь?

Екатерина Дмитріевна сѣла на кровать, щекою прижалась къ дашиной голой спинѣ и засмѣялась, цѣлуя между лопатками:

— Какія мы рогатыя, неизвѣстно въ кого уродились, ни въ ерша, ни въ ежа, ни въ дикую кошку.

Сестра засмѣялась также, какъ тогда Николай Ивановичъ. Никто не хотѣлъ понимать, что дѣлается съ Дашей, или всѣмъ имъ казалось, будто это такъ и должно быть, и очень хорошо.

Однажды, на тенисовой площадкѣ появился англичанинъ, — худой, бритый, съ выдавшимся подбородкомъ и дѣтскими глазами. Одѣтъ онъ былъ до того безукоризненно, что нѣсколько молодыхъ людей изъ свиты Екатерины Дмитріевны впали въ уныніе. Дашѣ онъ предложилъ партію и игралъ, какъ машина. Дашѣ казалось, что онъ за все время ни разу на нее не взглянулъ, —глядѣлъ мимо. Она проиграла и предложила вторую партію. Чтобы было ловчѣе, — засучила рукава бѣлой блузки. Изъ подъ пикейной ея шапочки выбилась прядь

волосъ, она ее не поправляла. Отбивая сильнымъ дрейфомъ надъ самою сѣткою мячъ, подумала:

"Вотъ,—ловкая, русская дѣвушка, съ неуловимой граціей во всѣхъ движеніяхъ, и румянецъ ей къ лицу".

Англичанинъ выигралъ и на этотъ разъ, поклонился Дашѣ, надѣлъ канотье,—былъ онъ совсѣмъ сухой,—закурилъ душистую папироску и сѣлъ невдалекѣ, спросивъ лимонаду.

Играя третью партію со знаменитымъ гимназистомъ, Даша нѣсколько разъ косилась въ сторону англичанина, — онъ сидѣлъ за столикомъ, охвативъ у щиколотки ногу въ шелковомъ noскѣ, положенную на колѣно, сдвинулъ соломенную шляпу на затылокъ и, не оборачиваясь, глядѣлъ на море.

Ночью, лежа въ постели, Даша все это припомнила, ясно увидѣла себя, прыгавшую по площадкѣ, красную, съ выбившимся клокомъ волосъ, и расплакалась отъ стыда, отъ самолюбія, и еще отъ чего то, бывшаго сильнѣе ея самой.

Съ этого дня она перестала ходить на тенисъ. Однажды Екатерина Дмитріевна ей сказала:

— Даша, мистеръ Беильсъ о тебѣ справляется каждый день, почему ты больше не играешь.

Даша раскрыла ротъ — до того вдругъ испугалась. Затѣмъ, съ гнѣвомъ сказала, что не желаетъ слушать "глупыхъ сплетенъ", что никакого мистера Беильса не знаетъ и знать не хочетъ, и онъ, вообще, ведетъ себя нагло, если думаетъ, будто она изъ за него не играетъ въ "этотъ дурацкій тенисъ". Даша отказалась отъ обѣда, взяла въ карманъ хлѣба и ягодъ, и ушла въ лѣсъ, и въ пахнущемъ горячею смолою сосновомъ бору, бродя между высокихъ и красныхъ стволовъ, шумящихъ вершинами, рѣшила, что нѣтъ больше возможности скры-

вать жалкую истину: — влюблена въ англичанина, несчастна, и нѣтъ охоты жить.

Такъ, понемногу, поднималъ голову, выросталъ въ Дашѣ второй человѣкъ. Вначалѣ его присутствіе было отвратительно, какъ нечистота, болезненно, какъ разрушеніе. Затѣмъ Даша привыкла къ этому сложному состоянію, какъ привыкаютъ послѣ лѣта, свѣжаго вѣтра, прохладной воды и легкой рубашки затягиваться зимою въ корсетъ и суконное платье.

Двѣ недѣли продолжалась ея одинокая, самолюбивая, "рогатая" влюбленность въ англичанина. Даша ненавидѣла себя и негодовала на этого человѣка. Нѣсколько разъ издали видѣла, какъ онъ лѣниво и ловко игралъ въ тенисъ, какъ бѣгалъ вперегонки у воды по песку, какъ ужиналъ съ русскими моряками, и въ отчаяніи думала, что онъ самый обаятельный человѣкъ на свѣтѣ.

А потомъ появилась около нѣго высокая, худая дѣвушка, одѣтая въ бѣлую фланель, — англичанка, его невѣста, — и они уѣхали. Даша не спала цѣлую ночь, возненавидѣла себя лютымъ отвращеніемъ, и подъ утро рѣшила, что пусть это будетъ ея послѣдней ошибкой въ жизни.

На этомъ она успокоилась, а потомъ ей стало даже удивительно, какъ все это скоро и легко прошло. Но прошло не все: — Даша чувствовала теперь, какъ тотъ —второй человѣкъ точно слился съ ней, растворился въ ней, исчезъ, и она теперь вся другая, — и легкая и свѣжая, какъ прежде, но точно вся стала мягче, нѣжнѣе, непонятнѣе, и, словно, кожа стала тоньше, и лица своего она не узнавала въ зеркалѣ, и особенно другими стали ея глаза, — замѣчательные глаза, посмотришь въ нихъ —голова закружится.

Въ серединѣ Августа Смоковниковы вмѣстѣ съ Дашей переѣхали въ Петербургъ, въ свою большую квар-

тиру, на Знаменской. Снова начались вторники, выставки картинъ, громкія премьеры въ театрахъ и скандальные процессы въ судѣ, покупки картинъ, увлеченіе стариной, поѣздки на всю ночь въ Самаркандъ къ цыганамъ. Опять появился любовникъ-резонеръ, скинувшій на минеральныхъ водахъ двадцать три фунта вѣсу, и ко всѣмъ этимъ безпокойнымъ удовольствіямъ прибавились неопредѣленные, тревожные и радостные слухи о томъ, что готовится какая то перемѣна.

Дашѣ некогда было теперь ни думать, ни чувствовать по многу: утромъ лекціи, въ четыре — прогулка съ сестрой и магазины, вечеромъ — театры, концерты, ужины, люди, — ни минуты побыть въ тишинѣ.

Въ одинъ изъ вторниковъ, послѣ ужина, когда пили ликеры, въ гостинную вошелъ Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ. Увидѣвъ его въ дверяхъ,Екатерина Дмитріевна залилась яркой краской. Общій разговоръ прервался. Безсоновъ сѣлъ на диванъ, и принялъ изъ рукъ Екатерины Дмитріевны чашку съ кофіемъ.

Къ нему подсѣли знатоки литературы—два присяжныхъ повѣренныхъ, но онъ, глядя на хозяйку длиннымъ, страннымъ взоромъ, неожиданно заговорилъ о томъ, что искусства, вообще, никакого нѣтъ, а есть шарлатанство, вродѣ факирскаго фокуса, когда обезьяна лѣзетъ на небо по веревкѣ.

"Этотъ фокусъ невинный, а у искусства—дьявольскій, — лукавое обольщеніе. Вы собрались слушать стихи, это значитъ, — тридцатипятилѣтній и семейный мужчина внезапно притворится, что въ немъ есть что то такое, чего у другихъ нѣтъ, — нечеловѣческое, и начнетъ разсказывать въ рифму о томъ, какъ ему хочется растлить дѣвицу. Всѣ увѣрены, будто это очень возвышенно. Ненавижу! Никакой поэзіи нѣтъ. Все давнымъ давно умерло, — и люди и искусство. Россія — падаль, и

стаи вороновъ на ней, на вороньемъ пиру. А, тѣ, кто пишетъ стихи, всѣ будутъ въ аду.

Онъ говорилъ не громко, глуховатымъ голосомъ. На зломъ, блѣдномъ лицѣ его розовѣли два пятна. Мягкій воротникъ былъ помятъ и сюртукъ засыпанъ пепломъ. Изъ чашечки, которую онъ твердо держалъ въ рукѣ, лился кофе на коверъ.

Знатоки литературы затѣяли было споръ, но Безсоновъ, не слушая ихъ, слѣдилъ потемнѣвшими глазами за Екатериной Дмитріевной. Затѣмъ, поднялся, подошелъ къ ней, и Даша слышала, какъ онъ сказалъ:

— Я плохо переношу общество людей. Позвольте мнѣ уйти.

Она робко попросила его почитать. Онъ замоталъ головой, и, прощаясь, такъ долго оставался прижатымъ къ рукѣ Екатерины Дмитріевны, что у ней порозовѣла спина.

Послѣ его ухода начался споръ. Мужчины единодушно высказались: "Всетаки, есть нѣкоторыя границы, и нельзя ужъ такъ явно презирать наше общество“. Критикъ Чирва подходилъ ко всѣмъ и повторялъ: "Господа, онъ былъ пьянъ, въ лоскъ“. Дамы же рѣшили: "Пьянъ ли былъ Безсоновъ, или просто въ своеобразномъ настроеніи, — все равно онъ волнующій человѣкъ, пусть это всѣмъ будетъ извѣстно“.

На слѣдующій день, за обѣдомъ, Даша сказала, что Безсоновъ ей представляется однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и "подлинныхъ“ людей, чьими переживаніями, страстью, грѣхами, вкусами, какъ отраженнымъ свѣтомъ, живетъ, напримѣръ, весь кружокъ Екатерины Дмитріевны. "Вотъ, Катя, я понимаю, какъ отъ такого человѣка можно голову потерять“.

Николай Ивановичъ возмутился: "Просто тебѣ, Даша, ударило въ носъ, что онъ знаменитость“. Ека-

терина Дмитріевна промолчала. У Смоковниковыхъ Безсоновъ больше не появлялся. Прошелъ слухъ, что онъ пропадаетъ за кулисами у актрисы Чародѣевой. Куличекъ съ товарищами ходили смотрѣть эту самую Чародѣеву и были разочарованы : кромѣ обилія кружевъ на юбкѣ, — ничего.

Однажды Даша встрѣтила Безносова на выставкѣ. Онъ стоялъ у окна и равнодушно перелистывалъ каталогъ, а передъ нимъ, какъ передъ чучелой изъ паноптикума, стояли двѣ коренастыхъ курсистки и глядѣли на него съ застывшими улыбками. Даша медленно прошла мимо, и уже въ другой залѣ сѣла на стулъ, — неожиданно устали ноги и было, непонятно почему, грустно.

Послѣ этого Даша купила карточку Безсонова и поставила на столъ. Его стихи, — три бѣлыхъ томика, — вначалѣ произвели на нее впечатлѣніе отравы : нѣсколько дней она ходила сама не своя, точно стала соучастницей какого то злого и тайнаго дѣла. Но, читая ихъ и перечитывая, она стала наслаждаться именно этимъ болѣзненнымъ ощущеніемъ, словно ей нашептывали — забыться, обезсилѣть, расточить что-то драгоцѣнное, затосковать по тому, чего никогда не бываетъ.

Изъ за Безсонова она начала бывать на "Философскихъ Вечерахъ“. Онъ пріѣзжалъ туда поздно, говорилъ рѣдко, но каждый разъ Даша возвращалась домой переволнованная, и была рада, когда дома — гости. Самолюбіе ея молчало.

Сегодня пришлось въ одиночествѣ разбирать Скрябина. Звуки, какъ ледяные шарики, медленно падаютъ въ грудь, въ глубь темнаго озера, безъ дна. Упавъ, колышутъ влагу и тонутъ, а влага приливаетъ и отходитъ, и тамъ, въ горячей темнотѣ, гулко, тревожно ударяетъ сердце, точно, скоро, скоро, сейчасъ, въ это мгновеніе должно произойти, что-то невозможное.

Даша опустила руки на колѣни и подняла голову.

Въ мягкомъ свѣтѣ оранжеваго абажура глядѣли со стѣнъ на нее багровыя, вспухшія, оскаленныя, съ выпученными глазами лица, точно призраки первозданнаго хаоса, жадно облѣпившіе въ первый день творенія садъ Господа Бога.

— Да, милостивая государыня, плохо наше дѣло, — сказала Даша. Слѣво направо стремительно проиграла гаммы, безъ стука закрыла крышку рояля, изъ японской коробочки, стоявшей на преддиванномъ столѣ, вынула папироску, закурила, закашлялась и смяла ее въ пепельницѣ.

— Николай Ивановичъ, который часъ? — крикнула Даша такъ, чтобы было слышно черезъ четыре комнаты. Въ кабинетѣ что-то упало, но не отвѣтили. Появился Великій Моголъ и, глядя въ зеркало, сказала, что ужинъ поданъ.

Въ столовой Даша сѣла передъ вазой съ увядшими цвѣтами и принялась ихъ ощипывать на скатерть. Моголъ подала чай, холодное мясо и яичницу. Появился, наконецъ, Николай Ивановичъ въ новомъ, синемъ костюмѣ, но безъ воротничка. Волосы его были растрепаны, на бородѣ, отогнутой влѣво, висѣла пушинка съ диванной подушки.

Николай Ивановичъ хмуро кивнулъ Дашѣ, сѣлъ въ концѣ стола, придвинулъ сковородку съ яичницей и жадно сталъ ѣсть.

Потомъ онъ облокотился, подперъ большимъ, волосатымъ кулакомъ щеку, уставился невидящими глазами на кучу оборванныхъ лепестковъ, и проговорилъ голосомъ низкимъ и почти ненатуральнымъ:

— Вчера ночью твоя сестра мнѣ измѣнила.

IV

Родная сестра, Катя, сдѣлала что-то страшное и непонятное, чернаго цвѣта. Вчера ночью ея голова лежала на подушкѣ, отвернувшись отъ всего живого, родного, теплаго, а тѣло было раздавлено, развернуто. Такъ, содрогаясь, чувствовала Даша то, что Николай Ивановичъ назвалъ измѣной. И, ко всему, Кати не было дома, точно ее на свѣтѣ больше и не существуетъ.

Въ первую минуту Даша обмерла и въ глазахъ потемнѣло. Не дыша, она ждала, что Николай Ивановичъ либо зарыдаетъ, либо закричитъ, какъ нибудь страшно. Но онъ ни слова не прибавилъ къ своему сообщенію, и вертѣлъ въ пальцахъ подставочку для вилокъ. Взглянуть ему въ лицо Даша не смѣла.

Затѣмъ, послѣ очень долгаго молчанія, онъ съ грохотомъ отодвинулъ стулъ и ушелъ въ кабинетъ. "Застрѣлится", — подумала Даша. Но и этого не случилось. Съ острой и мгновенной жалостью она вспомнила, какая у него была волосатая, большая и теперь "безпомощная" рука на столѣ. Затѣмъ онъ уплылъ изъ ея зрѣнія, и Даша только повторяла : "Что же дѣлать. Что дѣлать?" Въ головѣ звенѣло, все, все, все было изуродованно и разбито.

Изъ-за суконной занавѣси появился Великій Моголъ съ подносомъ, и Даша, взглянувъ ей въ напудренное лицо, вдругъ поняла, что теперь нѣтъ больше никакого Великаго Могола и не будетъ. Слезы залили ей глаза, она крѣпко сжала зубы и выбѣжала въ гостиную.

Здѣсь, все до мелочей, было съ любовью разставлено и развѣшено катиными руками. Но катина душа ушла изъ этой комнаты, и все въ ней стало дикимъ и нежилымъ. Даша сѣла на диванъ. Понемногу ея взглядъ остановился на недавно купленной картинѣ, въ простѣнкѣ надъ роялемъ. И въ первый разъ она увидѣла и поняла, что тамъ было изображено.

Нарисована была голая женщина, гнойно-краснаго цвѣта, точно съ содранной кожей. Ротъ — сбоку, носа не было совсѣмъ, вмѣсто него — треугольная дырка, голова — квадратная и къ ней приклеена тряпка — настоящая матерія. Ноги, какъ полѣнья, на шарнирахъ. Въ рукѣ — цвѣтокъ. Остальныя подробности ужасны. И самое страшное былъ уголъ, въ которомъ она сидѣла раскорякой,—глухой и коричневый, такіе углы, должно быть, — въ аду. Картина называлась "Любовь", а Катя называла ее современной Венерой Милосской.

"Такъ вотъ почему Катя такъ восхищалась этой окаянной бабой. Она сама теперь такая же, — съ цвѣткомъ въ углу". Даша легла лицомъ въ подушку и, кусая ее, чтобы не кричать, заплакала. Затѣмъ, въ гостинной появился Николай Ивановичъ. Разставивъ ноги, сердито зачиркалъ зажигательницей, пустилъ облако дыма, подошелъ къ рояли и сталъ тыкать въ клавиши. Неожиданно вышелъ — чижикъ. Даша похолодѣла. Николай Ивановичъ хлопнулъ крышкой и сказалъ :

— Этого надо было ожидать.

Даша нѣсколько разъ про себя повторила эту фразу, стараясь понять, что она означаетъ. Внезапно, въ прихожей раздался рѣзкій звонокъ. Николай Ивановичъ поднялъ руки, взялся за бороду, но, произнеся сдавленнымъ голосомъ : — О-о-о ! — ничего не сдѣлалъ, и быстро ушелъ въ кабинетъ. По коридору простукалъ, какъ копытами, Великій Моголъ. Даша соскочила съ дивана, — въ глазахъ было темно, такъ билось сердце, — и стремительно выбѣжала въ прихожую.

Тамъ неловкими и покраснѣвшими отъ холода пальцами Екатерина Дмитріевна развязывала лиловыя ленты капора и морщила носикъ. Сестрѣ она подставила щеку для поцѣлуя, но когда никто ее не поцѣловалъ, тряхнула головой, сбрасывая капоръ и пристально сѣрыми глазами взглянула на сестру :

— У васъ что-нибудь произошло? Вы поссорились? — спросила она низкимъ, груднымъ, всегда такимъ очаровательно-милымъ голосомъ.

Даша стала глядѣть на кожаныя калоши Николая Ивановича, они назывались въ домѣ "самоходами", и сейчасъ стояли сиротски. У нея дрожалъ подбородокъ:

— Нѣтъ, ничего не произошло, просто я такъ.

Екатерина Дмитріевна медленно разстегнула большія пуговицы бѣличьей шубы, движеніемъ голыхъ плечъ освободилась отъ нея, и теперь была вся теплая, нѣжная и усталая. Разстегивая гамаши, она низко наклонилась, говоря:

— Понимаешь, — покуда нашла автомобиль, — промочила ноги.

Тогда Даша, продолжая глядѣть на галоши Николая Ивановича, спросила сурово:

— Катя, гдѣ ты была?

— На литературномъ ужинѣ, моя милая, въ честь ей Богу даже не знаю кого. Все то же самое. Устала до смерти и хочу спать.

И она пошла въ столовую. Тамъ, бросивъ на скатерть кожаную сумку и вытирая платкомъ носикъ, спросила:

—Кто это нащипалъ цвѣтовъ? А гдѣ Николай Ивановичъ, спитъ?

Даша была сбита съ толку: сестра ни съ какой стороны не походила на окаянную бабу, и не только была не чужая, а чѣмъ то особенно сегодня близкая, такъ бы ее всю и погладила. Но, все же, съ огромнымъ присутствіемъ духа, царапая ногтемъ скатерть, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ полчаса тому назадъ Николай Ивановичъ ѣлъ яишницу, Даша сказала:

— Катя.

— Что, миленькій?

— Я все знаю.

— Что ты знаешь? Что случилось, ради Бога?

Екатерина Дмитріевна сѣла къ столу, коснувшись колѣнями дашиныхъ ногъ, и съ любопытствомъ глядѣла на нее, снизу вверхъ.

Даша сказала :

— Николай Ивановичъ мнѣ все открылъ.

И не видѣла, какое было лицо у сестры, что съ ней происходило.

Послѣ молчанія, такого долгаго, что можно было умереть, Екатерина Дмитріевна проговорила злымъ голосомъ :

— Что же такое потрясающее сообщилъ про меня Николай Ивановичъ?

— Катя, ты знаешь.

— Нѣтъ, не знаю.

Она сказала это "не знаю" такъ, словно получился ледяной шарикъ.

Даша ссйчасъ же опустилась у ея ногъ :

— Такъ, можетъ быть, это неправда? Катя, родная, милая, красивая моя сестра, скажи, — вѣдь это все неправда? — И быстрыми поцѣлуями касалась катиной теплой, пахнущей ея духами, руки, съ синеватыми, какъ ручейки, жилками.

— Ну, конечно, неправда, — отвѣтила Екатерина Дмитріевна, устало закрывая глаза, — а ты и плакать сейчасъ же. Завтра глаза будутъ красные, и носикъ распухнетъ.

Она приподняла Дашу и надолго прижалась губами къ ея волосамъ.

— Слушай, я дура ! — прошептала Даша въ ея грудь. Въ это время громкій и отчетливый голосъ Николая Ивановича проговорилъ за дверью кабинета :

— Она лжетъ !

Сестры быстро обернулись, но дверь была затворена. Екатерина Дмитріевна сказала :

— Иди-ка ты спать, ребенокъ. А я пойду выяснить отношенія. Вотъ удовольствіе, въ самомъ дѣлѣ, — едва на ногахъ устою.

Она проводила Дашу до ея комнаты, перекрестила, потомъ вернулась въ столовую, гдѣ захватила сумочку, поправила гребень, и тихо, пальцемъ, постучала въ дверь кабинета:

— Николай, отвори, пожалуйста.

На это ничего не отвѣтили. Было зловѣщее молчаніе, затѣмъ фыркнулъ носъ, повернули ключъ, и Екатерина Дмитріевна, войдя, увидѣла широкую спину мужа, который, не оборачиваясь, шелъ къ столу, сѣлъ въ кожанное кресло, положилъ локти на подлокотники, взялъ слоновой кости ножъ и рѣзко провелъ имъ вдоль разгиба книги, — романъ Вассермана, "Сорокалѣтній мущина".

Все это дѣлалось такъ, будто Екатерины Дмитріевны въ комнатѣ нѣтъ.

Она же сѣла на диванъ, одернула юбку на ногахъ, и, спрятавъ носовой платочекъ въ сумку, щелкнула замкомъ. При этомъ у Николая Ивановича вздрогнулъ клокъ волосъ на макушкѣ.

— Я не понимаю только одного, — сказала она, — ты воленъ думать все, что тебѣ угодно, но прошу Дашу въ свои настроенія не посвящать.

Тогда онъ живо повернулся въ креслѣ, вытянулъ шею, вытянулъ бороду и проговорилъ, не разжимая зубовъ:

— У тебя хватаетъ развязанности называть **это** моимъ настроеніемъ?

— Не понимаю.

— Превосходно! Ты не понимаешь. Ну, а вести себя, какъ уличная женщина ты, кажется, понимаешь?

Екатерина Дмитріевна немного только раскрыла ротъ на эти слова. Глядя въ побагровѣвшее до пота,

обезображенное злостью лицо мужа, она проговорила тихо:

— Съ какихъ поръ, скажи пожалуйста, ты началъ говорить со мной неуважительно?

— Покорнѣйше прошу извинить! Но, другимъ тономъ я говорить не умѣю. Однимъ словомъ, я желаю знать подробности.

— Какія подробности?

— Не лги мнѣ въ глаза.

— Ахъ, вотъ ты о чемъ. — Екатерина Дмитріевна закатила, какъ отъ послѣдней усталости, большіе глаза свои подъ вѣки. — Давеча я тебѣ сказала, что то такое... Я и забыла совсѣмъ.

— Я хочу знать — съ кѣмъ это произошло?

— А я не знаю.

— Еще разъ прошу не лгать...

— А я не лгу. Охота тебѣ лгать. Ну, сказала. Мало ли, что я говорю со зла. Сказала и забыла.

Во время этихъ словъ лицо Николая Ивановича было, какъ каменное, но сердце его точно нырнуло и задрожало отъ радости: "Слава Богу, наврала на себя". Зато теперь можно было безопасно и шумно ни чему не вѣрить, — отвести душу.

Онъ поднялся съ кресла и, шагая по ковру, останавливаясь и разрѣзая воздухъ взмахами костяного ножа, заговорилъ о паденіи семьи, о растлѣніи нравственности, о священныхъ, нынѣ забытыхъ, обязанностяхъ женщины, жены, матери своихъ дѣтей, помощницы мужа. Онъ упрекалъ Екатерину Дмитріевну въ душевной пустотѣ, въ легкомысленной тратѣ денегъ, заработанныхъ кровью, (не кровью, а трепаніемъ языка, — поправила Екатерина Дмитріевна). Нѣтъ, больше, чѣмъ кровью, — тратой нервовъ. Онъ попрекалъ ее безпорядочнымъ подборомъ знакомыхъ, безпорядкомъ въ домѣ, пристрастіемъ къ "этой идіоткѣ" Великому Моголу,

и даже "омерзительными картинами, отъ которыхъ меня тошнитъ въ вашей мѣщанской гостиной".

Словомъ Николай Николаевичъ отвелъ душу.

Былъ четвертый часъ утра. Когда мужъ охрипъ и замолчалъ, Екатерина Дмитріевна сказала:

— Ничего не можетъ быть противнѣе толстаго и истерическаго мужчины, — поднялась и ушла въ спальню.

Но Николай Ивановичъ теперь даже не обидѣлся на эти слова. Медленно раздѣвшись, онъ повѣсилъ платье на спинку стула, завелъ часы и съ легкимъ вздохомъ влѣзъ въ свѣжую постель, съ вечера еще постланную на кожанномъ диванѣ.

"Да, живемъ плохо. Надо перестроить всю жизнь. Нехорошо, нехорошо", — подумалъ онъ, раскрывая книгу, чтобы для успокоенія почитать на сонъ грядущій. Но сейчасъ же опустилъ ее и прислушался. Въ домѣ было тихо.Кто-то высморкался, и отъ этого звука забилось сердце: "Плачетъ, — подумалъ онъ, — ай, ай, ай, кажется я наговорилъ лишняго".

И, когда онъ сталъ вспоминать весь разговоръ и то, какъ Катя сидѣла и слушала, ему нестерпимо стало ее жалко. Онъ приподнялся на локтѣ, уже готовый вылѣзти изъ подъ одѣяла, но по всему тѣлу поползла истома, точно отъ многодневной, страшной усталости, онъ уронилъ голову и уснулъ.

Даша, оставшись одна въ своей чистенько прибранной комнатѣ, вынула изъ волосъ гребень, помотала головой такъ, что сразу вылетѣли всѣ шпильки, разбросала по стульямъ платье и бѣлье, влѣзла въ бѣлую постель и, закрывшись до подбородка, зажмурилась. "Господи, все хорошо! Теперь ни о чемъ не думать, спать". Изъ угла глаза выплыла какая то смѣшная рожица. Даша улыбнулась, подогнула колѣни и обхватила подуш-

ку. Темный, сладкій сонъ покрылъ ее, и, вдругъ, явственно, въ памяти раздался катинъ голосъ: "Ну, конечно, не правда". Даша открыла глаза. "Я ни одного звука, ничего не сказала Катѣ, только спросила — правда, или не правда. Она же отвѣтила такъ, точно отлично понимала о чемъ идетъ рѣчь". Сознаніе, какъ иглою сквозь все тѣло, прокололо Дашу: — Катя меня обманула! — Затѣмъ, припоминая всѣ мелочи разговора, катины слова и движенія, Даша ясно увидѣла,—да, дѣйствительно, обманъ. Она была потрясена. Катя измѣнила мужу, но, измѣнивъ, согрѣшивъ, налгавъ, стала точно еще очаровательнѣе. Только слѣпой не замѣтилъ бы въ ней чеге то новаго, какой то особой, усталой нѣжности. И лжетъ она такъ, что можно съ ума сойти — влюбиться. Но вѣдь она преступница. Господи, ничего не понимаю!

Даша была разволнована и сбита съ толку. Пила воду, зажигала и опять тушила лампочку и до утра ворочалась въ постели, чувствуя, что не можетъ ни осудить Катю, ни понять того, что она сдѣлала.

Екатерина Дмитріевна тоже долго не могла заснуть въ эту ночь. Она лежала на спинѣ, безъ силы протянувъ руки поверхъ шелковаго одѣяла и, не вытирая слезъ, плакала о томъ, что ей смутно, нехорошо и нечисто, и она ничего не можетъ сдѣлать, чтобы было не такъ, и никогда не будетъ такой, какъ Даша—пылкой и строгой, и еще плакала о томъ, что Николай Ивановичъ назвалъ ее уличной женщиной, и сказалъ про гостиную, что это мѣщанская гостиная. И уже горько заплакала о томъ, что Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ вчера въ полночь завезъ ее на лихомъ извозчикѣ въ загородную гостинницу и тамъ, не зная, не любя, не чувствуя ничего, что было у нея близкаго и родного, омерзительно и не спѣша, овладѣлъ ей такъ, будто она была куклой, розовой куклой, выставленной на Морской, въ магазинѣ парижскихъ модъ мадамъ Дюклэ.

V

На Васильевскомъ островѣ въ только что отстроенномъ домѣ, по 19 линіи, на пятомъ этажѣ, помѣщалась, такъ называемая, "Центральная станція для борьбы съ бытомъ", въ квартирѣ инженера Ивана Ильича Телѣгина.

Телѣгинъ снялъ эту квартиру подъ "обжитье" на годъ по дешевой цѣнѣ. Себѣ онъ оставилъ одну комнату, остальныя же, меблированныя желѣзными кроватями, сосновыми столами и табуретками, сдалъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы поселились жильцы тоже холостые и непремѣнно веселые. Такихъ ему сейчасъ же и подыскалъ его бывшій одноклассникъ и пріятель Петръ Петровичъ Сапожковъ.

Это были — студентъ юридическаго факультета, Александръ Ивановичъ Жировъ, хроникеръ и журналистъ, Антошка Арнольдовъ, художникъ Валетъ, и молодая дѣвица, Елизавета Расторгуева, не нашедшая еще себѣ въ жизни занятія по вкусу.

Жильцы вставали поздно, когда Телѣгинъ пріѣзжалъ съ завода завтракать, и, не спѣша, принимались каждый за свои занятія. Антошка Арнольдовъ уѣзжалъ въ трамваѣ на Невскій, въ кофейню, гдѣ узнавалъ новости и сочинялъ статейки. Валетъ, обычно, садился писать свой автопортретъ. Сапожковъ запирался на ключъ работать, то есть бѣгалъ съ восклицаніями по комнатѣ, готовилъ рѣчи и статьи о новомъ искусствѣ. Жировъ пробирался къ Елизаветѣ Кіевнѣ и мягкимъ, мяукающимъ голосомъ обсуждалъ съ ней вопросы жизни. Онъ писалъ стихи, но изъ самолюбія никому ихъ не показывалъ. Елизавета Кіевна считала его геніальнымъ.

Кромѣ разговоровъ съ Жировымъ и другими жильцами Елизавета Кіевна занималась вязаніемъ изъ разноцвѣтной шерсти квадратовъ, не имѣющихъ опредѣлен-

наго назначенія, при чемъ пѣла груднымъ, сильнымъ и фальшивымъ голосомъ малороссійскія пѣсни, или устраивала себѣ необыкновенныя прически, или, бросивъ пѣть и распустивъ волосы, ложилась на кровать съ книгой, — засасывалась до головныхъ болей. Елизавета Кіевна была красивая, рослая и румяная дѣвушка, съ близорукими, точно нарисованными, глазами, и одѣвавшаяся съ такимъ безвкусіемъ, что ее ругали за это даже телѣгинскіе жильцы.

Когда въ домѣ появлялся новый человѣкъ, она зазывала его къ себѣ, и начинался головокружительный разговоръ, весь построенный на остріяхъ и безднахъ, причемъ она выпытывала — нѣтъ ли у ея собесѣдника жажды къ преступленію? способенъ ли онъ, напримѣръ, изъ за одного любопытства убить ее, Елизавету Кіевну? не ощущаетъ ли къ себѣ "самопровокаціи", — это свойство она считала признакомъ всякаго замѣчательнаго человѣка.

Телѣгинскіе жильцы даже прибили на дверяхъ у нея таблицу этихъ вопросовъ; она была очень довольна и много хохотала. Въ общемъ, это была неудовлетворенная дѣвушка, и все ждала какихъ то "переворотовъ", "кошмарныхъ событій", которые сдѣлаютъ жизнь увлекательной, такой, чтобы жить во весь духъ, а не томиться съ распущенными волосами.

Самъ Телѣгинъ не мало потѣшался надъ своими жильцами, считалъ ихъ отличными людьми и чудаками, но за недостаткомъ времени мало принималъ участія въ ихъ развлеченіяхъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ очень доволенъ, даже и тогда, когда у него занимали немного денегъ, (много то у него самого не было), или платили за комнату стихами, автопортретами, или просто душевной бесѣдой.

Однажды, на Рождествѣ, Петръ Петровичъ Сапожковъ собралъ жильцовъ и сказалъ имъ слѣдующее :

— Товарищи, настало время дѣйствовать. Насъ много, но мы распылены. До сихъ поръ мы выступали разрозненно и робко. Мы должны составить фалангу и нанести ударъ буржуазному обществу. Для этого, во первыхъ, мы фиксируемъ вотъ эту инціативную группу, затѣмъ, выпускаемъ прокламацію, вотъ она: "Мы новые колумбы! Мы геніальные возбудители! Мы сѣмена новаго человѣчества! Мы требуемъ отъ заплывшаго жиромъ буржуазнаго общества отмѣны всѣхъ предразсудковъ. Отнынѣ, нѣтъ добродѣтели! Семья, общественныя приличія, браки, — отмѣняются. Мы этого требуемъ. Человѣкъ,—мужчина и женщина,—долженъ быть голымъ, свободнымъ и счастливымъ. Половыя отношенія есть достояніе общества. Юноши и дѣвушки, мужчины и женщины, вылѣзайте изъ насиженныхъ логовищъ, идите, нагіе и счастливые, въ хороводъ подъ солнце дикаго звѣря"!...

Затѣмъ, Сапожковъ сказалъ, что необходимо издавать футуристическій журналъ подъ названіемъ: "Блюдо Боговъ", деньги на который отчасти дастъ Телѣгинъ, остальныя нужно вырвать изъ пасти буржуевъ, — всего три тысячи.

Такъ была создана "Центральная станція по борьбѣ съ бытомъ", названіе, придманное Телѣгинымъ, когда, вернувшись съ завода, онъ до слезъ хохоталъ надъ проэктомъ Сапожкова. Немедленно было приступлено къ изданію перваго номера "Блюда Боговъ". Нѣсколько богатыхъ меценатовъ, адвокаты и даже самъ Сашка Сакельманъ, съ охотой, словно боясь, что ихъ заподозрятъ въ тсталсти, дали требуемую сумму, — три тысячи. Были заказаны бланки на оберточной бумагѣ съ непонятной надписью — "Центрифуга", и приступлено къ приглашенію ближайшихъ сотрудниковъ и сбору матерьяла. Художникъ Валетъ подалъ идею, чтобы комната Сапожкова, превращенная въ редакцію, была обезобра-

жена циничными рисунками. Онъ нарисовалъ на стѣнахъ двѣнадцать автопортретовъ. Долго думали о меблировкѣ. Елизавета Кіевна предложила, чтобы члены редакціи лежали на коврахъ. Наконецъ, было рѣшено убрать изъ комнаты все, кромѣ большого стола, оклееннаго золотой бмагой : посѣтители пускай потрудятся стоять.

Послѣ выхода перваго номера, въ городѣ заговорили о "Блюдѣ Боговъ". Одни возмущались, другіе утверждали, что не такъ то все это просто, и не пришлось бы въ недалекомъ будущемъ Пушкина отослать въ архивъ. Литературный критикъ Чирва растерялся, — въ "Блюдѣ Боговъ" его назвали сволочью. Екатерина Дмитріевна Смоковникова немедленно же подписалась на журналъ, на весь годъ, и рѣшила устроить вторникъ съ футуристами.

Ужинать къ Смоковникамъ былъ посланъ отъ "Центральной станціи" Петръ Петровичъ. Онъ появился въ грязномъ сюртукѣ изъ зеленой бумазеи, взятомъ на прокатъ въ театральной парикмахерской, изъ пьесы Манонъ Леско. Сапожковъ подчеркнуто много ѣлъ за ужиномъ, смѣялся пронзительно, такъ что самому было непріятно, намѣревался оскорбить Чирву, но подъ дѣйствіемъ тяжелыхъ "магнетическихъ" глазъ критика поколебался и лишь ограничился непріятностью хозяйкѣ, сказавъ ей: "А рыбка то у васъ съ душкомъ". Затѣмъ, развалился и курилъ, поправляя пенснэ на мокромъ носу.

Въ общемъ, всѣ ожидали большаго, и, когда онъ ушелъ, Екатерина Дмитріевна сказала:

— Ну, что, господа? А въ нёмъ, все таки, есть что то острое, увѣряю васъ.

Послѣ выхода второго номера рѣшено было устраивать вечера подъ названіемъ "Великолѣпныя Коцунства". На одно изъ такихъ коцунствъ пришла Даша.

Парадную дверь ей отворилъ Жировъ и сразу засуетился, стаскивая съ Даши ботики, шубку, снялъ даже какую то ниточку съ суконнаго ея платья. Дашу удивило, что въ прихожей пахнетъ капустой и во всѣхъ углахъ лежитъ, что то неприбранное. Жировъ, скользя бочкомъ за ней по корридору, къ мѣсту кощунства, спросилъ :

— Скажите, вы какими духами душитесь? Замѣчательно пріятные духи какіе.

Затѣмъ, удивила Дашу очевидность всего этого, такъ нашумѣвшаго, дерзновенія. Правда, на стѣнахъ были разбросаны глаза, носы, руки, срамныя фигуры, падающіе небоскребы, словомъ, все, что составляло портретъ Василія Веньяминовича Валета, молча стоявшаго здѣсь же, съ нарисованными зигзагами и запятыми на щекахъ. Правда, хозяева и гости, — а среди нихъ были почти всѣ молодые поэты, посѣщавшіе вторники у Луковниковыхъ, — сидѣли на неструганныхъ доскахъ, положенныхъ на обрубки дерева, — даръ Телѣгина. Правда, читались преувеличенно страстными голосами стихи про автомобили, ползущіе по небесному своду, про "плевки въ стараго небеснаго сифилитика", про молодыя челюсти, которыми авторъ разгрызалъ, какъ орѣхи, церковные купола, про какого то до головной боли непонятнаго кузнечика, въ оверкотѣ, съ бедекеромъ и бинокломъ, прыгающаго изъ окна на мостовую. Но Дашѣ, почему то, всѣ эти ужасы казались убогими и слишкомъ очевидными. По настоящему понравился ей только Телѣгинъ. Во время перерыва онъ подошелъ къ Дашѣ и спросилъ съ застѣнчивой улыбкой, — не хочетъ ли она чаю и бутербродовъ:

— И чай и колбаса у насъ обыкновенные, хорошіе.

У него было загорѣлое лицо, бритое и простоватое, и добрые синіе глаза чуть чуть косили отъ застѣнчивости.

Даша подумала, что доставитъ ему удовольствіе, если согласится, поднялась и пошла по столовую. Тамъ, на столѣ, среди грязной посуды, стояло блюдо съ бутербродами и помятый самоваръ. Телѣгинъ сейчасъ же собралъ тарелки и поставилъ ихъ прямо на полъ въ уголъ комнаты, оглянулся, ища тряпку, вытеръ столъ носовымъ платкомъ, налилъ Дашѣ чаю и выбралъ бутербродъ "наиболѣе деликатный". Все это онъ дѣлалъ, не спѣша, большими своими, очень сильными руками, и приговаривалъ, словно особенно стараясь, чтобы Дашѣ было уютно среди этого мусора:

— Хозяйство у насъ въ безпорядкѣ, это вѣрно, но чай и колбаса первоклассные, отъ Елисеева. Были конфекты, но съѣдены, хотя,—онъ поджалъ губы и поглядѣлъ на Дашу, въ синихъ глазахъ его появился испугъ, затѣмъ рѣшимость, — если позволите?--и вытащилъ изъ жилетнаго кармана двѣ карамельки.

— Съ такимъ не пропадешь, --- подумала Даша, и тоже, чтобы ему было пріятно, сказала:

— Какъ разъ мои любимыя карамельки.

Затѣмъ, Телѣгинъ, бочкомъ присѣвъ напротивъ Даши, принялся внимательно глядѣть на горчичницу. На его большомъ и широкомъ лбу отъ напряженія собрались морщины. Онъ осторожно вытащилъ изъ кармана платокъ и уголочкомъ потеръ себѣ сбоковъ носа, а вытереть все лицо очевидно не рѣшился.

У Даши губы сами растягивались въ улыбку: этотъ большой, красивый человѣкъ до того въ себѣ не увѣренъ и застѣнчивъ, что готовъ спрятаться за горчичницу. У него гдѣ нибудь въ Арзамасѣ, — такъ ей показалось, --- живетъ чистенькая старушка-мать и пишетъ оттуда строгія письма насчетъ бѣлья, чтобы не пропадало у столичныхъ прячекъ, насчетъ его "постоянной мӑнеры давать взаймы денежки разнымъ дуракамъ", насчетъ того, что только "скромностью и прилежаніемъ получишь,

другъ мой, уваженіе среди людей". И онъ, очевидно, вздыхаетъ надъ этими письмами, понимая, какъ далеко ему до совершенства. Даша почувствовала нѣжность къ этому человѣку.

— Вы гдѣ служите? --- спросила она. Телѣгинъ сейчасъ же поднялъ глаза, увидѣлъ ея улыбку, улыбнулся самъ, — понялъ, --- подумала Даша, и отвѣтилъ:

— На Обуховскомъ заводѣ. Отливаемъ цилиндры для моторовъ, вообще — разныя сложныя штуки.

— Интересная работа у васъ?

— Не знаю. По моему --- всякая работа интересна.

— Мнѣ кажется --- рабочіе должны васъ очень любить.

— Вотъ, не думалъ никогда объ этомъ. Но по моему, не должны любить. За что имъ меня любить? Я съ ними строгъ. Хотя, отношенія хорошія, конечно. Товарищескія отношенія.

— Скажите, — вамъ, дѣйствительно, нравится, все, что сегодня дѣлалось въ той комнатѣ?

Губы Ивана Ильича раздвинулись въ широкую улыбку, морщины сошли со лба и онъ громко разсмѣялся:

— Мальчишки! Хулиганы отчаянные! Замѣчательные мальчишки! Я своими жильцами очень доволенъ, Дарья Дмитріевна. Иногда, въ нашемъ дѣлѣ бываютъ непріятности, вернешься домой разстроеннымъ, а тутъ преподнесутъ чепуху какую-нибудь... На слѣдующій день вспомнишь и смѣшно.

— А мнѣ эти кощунства очень не понравились, — сказала Даша строго, — это просто гадко и нечистоплотно.

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ ей въ глаза, она подтвердила, — "очень не понравилось".

— Разумѣется, виноватъ прежде всего я самъ, —

проговорилъ Иванъ Ильичъ раздумчиво, — я ихъ къ этому поощрялъ. Дѣйствительно, пригласить въ гости и весь вечеръ говорить непристойности... Дарья Дмитріевна, я вамъ очень благодаренъ, что вы такъ прямо и рѣзко выразились. Но ужасно, что вамъ все это было непріятно.

Даша съ улыбкою глядѣла ему въ лицо. Она могла бы что угодно сказать этому, почти незнакомому ей, человѣку, — до того было съ нимъ легко.

— Мнѣ представляется, Иванъ Ильичъ, что вамъ совсѣмъ другое должно нравиться. Мнѣ кажется — вы очень хорошій человѣкъ. Гораздо лучше, чѣмъ сами о себѣ думаете. Правда, правда.

Даша, облокотясь, подперла подбородокъ и мизинцемъ трогала губы. Глаза ея смѣялись, а ему казались они страшными, — до того были потрясающе прекрасны: сѣрые, большіе, холодноватые. Иванъ Ильичъ, въ величайшемъ смущеніи сгибая и разгибая чайную ложку, пытался отрицать, вообще, самого себя.

На его счастье въ столовую вошла Елизавета Кіевна, на ней была накинута турецкая шаль и на ушахъ бараньими рогами закручены двѣ косы. Дашѣ она подала длинную, мягкую руку, представилась : — Расторгуева, сѣла и сказала :

— О васъ много, много разсказывалъ Жировъ. Сегодня я изучала ваше лицо. Васъ коробило. Это хорошо.

— Лиза, хотите холоднаго чаю? — поспѣшно спросилъ Иванъ Ильичъ.

— Нѣтъ, Телѣгинъ, вы знаете, что я никогда не пью чаю... Такъ, вотъ, вы думаете, конечно, что за странное существо говоритъ съ вами? Я — никто. Ничтожество, даже не самка. Бездарна и непріятна въ общежитіи.

Иванъ Ильичъ, стоявшій у стола, въ отчаяніи отвернулся. Даша опустила глаза. Елизавета Кіевна, съ улыбкой разглядывая ее, продолжала :

— Вы изящны, благоустроены и очень хороши собой. Не спорьте, вы это знаете сами. Въ васъ, конечно, влюбляются десятки мущинъ. Обидно думать, что все это кончится очень просто, — придетъ гнуснецъ, возьметъ васъ, народите ему дѣтей, потомъ умрете. Скука!

У Даши отъ обиды задрожали губы :

— Я и не собираюсь быть необыкновенной, — отвѣтила она, — и не знаю, почему васъ такъ волнуетъ моя будущая жизнь.

Елизавета Кіевна еще веселѣе улыбнулась, глаза же ея продолжали оставаться грустными и кроткими :

— Я же васъ предупредила, что я ничтожная, какъ человѣкъ, и омерзительная, какъ женщина. Переносить меня могутъ очень немногіе и то изъ жалости, какъ, напримѣръ, Телѣгинъ.

— Чортъ знаетъ, что вы говорите, Лиза, — пробормоталъ онъ, не поднимая головы.

— Я ничего отъ васъ не требую, Телѣгинъ, успокойтесь. — И она опять обратилась къ Дашѣ. — Вы видѣли когда-нибудь бурю на Черномъ морѣ? Я пережила одну бурю. Былъ человѣкъ, я его любила, онъ меня ненавидѣлъ, конечно. Когда началась буря — я ему сказала : "ѣдемъ". И прыгнула въ лодку. Отъ злости и онъ тоже полѣзъ за мной. Насъ понесло въ открытое море. Вотъ было весело! Чертовски весело! Онъ сидѣлъ весь зеленый. Я раздѣваюсь до нага, и говорю ему : привязывайте меня къ мачтѣ...

— Слушайте, Лиза, — сказалъ Телѣгинъ, морща губы и носъ, — вы врете. Ничего этого не было, я знаю.

Тогда Елизавета Кіевна съ непонятной улыбкой поглядѣла на него и вдругъ начала смѣяться. Положила

локти на столъ, спрятала въ нихъ лицо, смѣясь, вздрагивала полными плечами.

Даша чувствовала, какъ весь этотъ нелѣпый разговоръ былъ точно царапаньемъ по стеклу. Она поднялась и сказала Телѣгину, что хочетъ домой и уѣдетъ, если можно, ни съ кѣмъ не прощаясь.

Иванъ Ильичъ подалъ Дашѣ шубку такъ осторожно, точно шубка была тоже частью дашинаго существа, сошелъ внизъ по темной лѣстницѣ, все время зажигая спички и сокрушаясь, что такъ темно, вѣтрено и скользко, довелъ Дашу до угла и посадилъ на извозчика — старичка на старой лошадкѣ, занесенной снѣгомъ. И долго еще стоялъ и смотрѣлъ, безъ шапки и пальто, какъ таяли и расплывались въ желтомъ туманѣ низенькія санки съ сидящей въ нихъ фигурой строгой дѣвушки. Потомъ, не спѣша, вернулся домой, въ столовую. Тамъ, у стола, все такъ же — лицомъ въ руки, сидѣла Елизавета Кіевна. Телѣгинъ почесалъ подбородокъ и проговорилъ, морщась:

— Лиза.

Тогда она быстро, слишкомъ быстро, подняла голову, взглянула прямо въ глаза.

— Лиза, для чего, простите меня, вы всегда заводите такой разговоръ, что всѣмъ дѣлается неловко и стыдно?

— Влюбился, — негромко проговорила Елизавета Кіевна, продолжая глядѣть на него близорукими, грустными, точно нарисованными, глазами, — сразу вижу — готовъ. Вотъ скука!

— Это совершенная неправда! Мнѣ очень непріятенъ этотъ разговоръ.

— Ну, виновата. Виноватыхъ бьютъ и плакать не велятъ, — она лѣниво поднялась и ушла, волоча за собой по полу пыльную турецкую шаль.

Послѣ этого Иванъ Ильичъ походилъ небольшое

время у себя по комнатѣ, вернулся въ столовую, налилъ холоднаго чаю и сѣлъ было, но вдругъ поспѣшно поднялся и со страхомъ поглядѣлъ на стулъ. На этомъ стулѣ только что сидѣла Дарья Дмитріевна. Быть можетъ это и глупо и сантиментально, но стулъ, все-таки надо убрать отсюда. Телѣгинъ пожалъ плечами и отнесъ его въ свою комнату, тамъ примѣрился и поставилъ его въ уголъ, и, взявъ себя всей горстью за носъ, громко разсмѣялся:

— Чепуха! Вотъ чепуха-то! Нѣтъ, нужно—просто лечь спать.

Для Даши эта встрѣча была, какъ одна изъ многихъ, — встрѣтила очень славнаго человѣка, и только. Даша была въ томъ еще возрастѣ, когда видятъ и слышатъ плохо: слухъ оглушенъ шумомъ крови, а глаза повсюду, — будь это человѣческое лицо, или просто глянцевитый листочекъ дерева, — видятъ, какъ въ зеркалѣ, только свое изображеніе. Въ такое время лишь уродства поражаютъ фантазію, а красивые люди, и обольстительные пейзажи, и скромная красота искусства считаются повседневной свитой королевы въ девятнадцать лѣтъ.

Не такъ было съ Иваномъ Ильичемъ. Теперь, когда съ посѣщенія Даши прошло больше недѣли, ему стало казаться удивительнымъ, какъ могла незамѣтно (онъ съ ней не сразу даже и поздоровался) и просто (вошла, сѣла, положила муфту на колѣни) появиться въ ихъ оголтѣлой квартирѣ эта дѣвушка съ нѣжной, нѣжно-розовой кожей, въ черномъ, суконномъ платьѣ, съ высоко поднятыми, пепельными волосами и гордымъ, дѣтскимъ ртомъ. Непонятно было, какъ рѣшился онъ спокойно говорить съ ней про колбасу отъ Елисеева. А теплыя карамелечки вытащилъ изъ кармана, предложилъ съѣсть? Мерзавецъ!

Иванъ Ильичъ за свою жизнь (ему недавно испол-

нилось двадцать девять лѣтъ) влюблялся разъ шесть. Еще реалистомъ въ Казани, — въ зрѣлую дѣвицу, Марусю Хвоеву, дочь ветеринарнаго врача, давно уже и безплодно гуляющую, все въ одной и той же плюшевой шубкѣ, по главной улицѣ, въ 4 часа. Но Марусѣ Хвоевой было не до шутокъ, Ивана Ильича отвергли, и онъ безъ предварительнаго перехода увлекся гастролершей Адой Тилле, поражавшей казанцевъ тѣмъ, что въ опереттахъ, изъ какой бы эпохи не были онѣ, появлялась, по возможности, въ костюмѣ для морского купанья, что и подчеркивалось дирекціей въ афишахъ: "Знаменитая Ада Тилле, со своими роскошными ногами".

Иванъ Ильичъ дошелъ даже до того, что пробрался къ ней въ домъ и поднесъ букетъ, нарванный въ городскомъ саду. Но Ада Тилле, сунувъ эти цвѣты понюхать какой то лохматой собаченкѣ, сказала Ивану Ильичу, что отъ мѣстной пищи у нея совершенно испорченъ желудокъ и попросила его сбѣгать въ аптеку.

Затѣмъ, уже студентомъ, въ Петербургѣ, онъ увлекся было медичкой Вильбушевичъ и даже ходилъ къ ней на свиданье въ анатомическій театръ, но, какъ то само собой, изъ этого ничего не вышло, и Вильбушевичъ уѣхала служить въ земство.

Однажды Ивана Ильича полюбила до слезъ, до отчаянія, модисточка изъ большого магазина, Зиночка, и онъ отъ смущенія и душевной мягкости дѣлалъ все, что ей хотѣлось, но, въ общемъ, облегченно вздохнулъ, когда она вмѣстѣ съ отдѣленіемъ фирмы уѣхала въ Москву, прошло постоянное ощущеніе какихъ то неисполненныхъ обязательствъ.

Послѣднее нѣжное чувство было у него въ позапрошломъ году, лѣтомъ, въ іюнѣ. На дворѣ, куда выходила его комната, напротивъ, въ окнѣ, каждый день передъ закатомъ, появлялась худенькая и блѣдная дѣвушка и, отворивъ окно, старательно вытряхивала и

чистила щеткой свое, всегда одно и то же, рыженькое платье. Потомъ надѣвала его и выходила посидѣть въ паркъ.

Тамъ, въ паркѣ на Петербургской сторонѣ, Иванъ Ильичъ и разговорился съ ней, — и съ тѣхъ поръ каждый вечеръ они гуляли вмѣстѣ, хвалили петербургскіе закаты и бесѣдовали.

Дѣвушка эта, Оля Комарова, была одинокая, служила въ нотарьяльной конторѣ, и все хворала, — кашляла. Они бесѣдовали объ этомъ кашлѣ, о болѣзни, о томъ, что по вечерамъ тоскливо бываетъ одинокому человѣку, и о томъ, что какая то ея знакомая, Кира, полюбила хорошаго человѣка и уѣхала за нимъ въ Крымъ. Разговоры были скучные. Оля Комарова до того уже не вѣрила въ свое счастье, что, не стѣсняясь, говорила Ивану Ильичу о самыхъ завѣтныхъ мысляхъ, и даже о томъ, что иногда разсчитываетъ, — вдругъ онъ полюбитъ ее, сойдется, увезетъ въ Крымъ.

Иванъ Ильичъ очень жалѣлъ ее и уважалъ; но полюбить такъ и не могъ, хотя иногда, послѣ ихъ бесѣды, лежа на диванѣ въ сумеркахъ, думалъ, — какой онъ эгоистъ, сластолюбецъ, грубый и плохой человѣкъ.

Осенью Оля Комарова простудилась и слегла,—у нея началась пневманія. Иванъ Ильичъ отвезъ ее въ больницу, а оттуда на кладбище. Передъ смертью она сказала: "Если я выздоровлю, вы женитесь на мнѣ?" "Честное слово женюсь", — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.

Чувство къ Дашѣ не было похоже на тѣ, прежнія. Елизавета Кіевна сказала: "Влюбился". Но влюбиться можно было во что то предполагаемое доступнымъ, и невозможно, напримѣръ, влюбиться въ статую, въ облака, или въ поэзію Пушкина. Обо всемъ этомъ можно только мечтать.

Въ Дашу онъ не могъ быть влюбленнымъ, потому что чувствовалъ ея невозможность. Но о Дашѣ нельзя

было и мечтать, потому что она была живая, пила чай, ѣла колбасу, пожимала руку чудеснымъ, крѣпкимъ пожатіемъ. Къ Дашѣ было какое то третье, особое, незнакомое ему чувство, притомъ мало понятное, потому что причинъ къ нему было мало: — нѣсколько минутъ разговора, да стулъ въ углу комнаты.

Чувство это было даже и неособенно сильное и не большое, но Ивану Ильичу хотѣлось самому теперь стать другимъ, тоже особымъ, начать очень слѣдить за собой:

"Если вдуматься, — мнѣ скоро тридцать лѣтъ, а жилъ я до сихъ поръ, какъ трова росъ. Запустѣніе страшное. Эгоизмъ и безразличіе къ людямъ. Въ общемъ — нечистоплотность. Надо подтянуться, пока не поздно".

Въ концѣ марта, въ одинъ изъ тѣхъ передовыхъ, весеннихъ дней, неожиданно врывающихся въ бѣлый отъ снѣга, тепло закутанный городъ, когда съ утра заблеститъ, зазвенитъ капель съ карнизовъ и крышъ, зажурчитъ вода по водосточнымъ трубамъ, вѐрхомъ потекутъ подъ ними зеленыя кадки, развезетъ на улицахъ снѣгъ, задымится асфальтъ и высохнетъ пятнами, когда тяжелая шуба повиснетъ на плечахъ, глядишь — а ужъ какой то мущина, съ острой бородкой, идетъ въ одномъ пиджачкѣ, и всѣ оглядыватюся на него, улыбаются, а поднимешь голову — небо такое бездонное и синее, словно вымыто водами.

Въ такой день, въ половина четвертаго, Иванъ Ильичъ вышелъ изъ технической конторы Сименсъ и Гальске, гдѣ сдавалъ отливки для моторовъ, разстегнулъ хорьковую шубу и прищурился отъ солнца, подумавъ:

"На свѣтѣ жить, все-таки, недурно".

И въ ту же минуту увидѣлъ Дашу. Она медленно шла, въ синемъ, весеннемъ пальто, съ краю тротуара и махала лѣвой рукой со сверточкомъ; на синей ея

шапочкѣ покачивались бѣлыя ромашки; лицо было задумчивое и грустное. Она шла съ той стороны, откуда по лужамъ, по рельсамъ трамваевъ, въ стекла, въ спины прохожимъ, подъ ноги имъ, на спицы и мѣдь экипажей свѣтило изъ синей бездны огромное солнце, косматое, пылающее весенней яростью.

Даша точно вышла изъ этой синевы и свѣта, и прошла, пропала въ толпѣ. Иванъ Ильичъ долго смотрѣлъ въ ту сторону. Сердце медленно, точно кулакъ, било въ грудь. Воздухъ былъ былъ густой, пряный, кружащій голову.

Иванъ Ильичъ медленно дошелъ до угла и, заложивъ за спину руки, долго стоялъ передъ столбомъ съ афишами. "Новыя и интересныя приключенія Джека Потрошителя животовъ, 2400 метровъ", — прочелъ онъ разъ шесть и сообразилъ, что ничего не понимаетъ, и счастливъ такъ, какъ въ жизни съ нимъ еще не было.

А, отойдя отъ столба, во второй разъ увидѣлъ Дашу. Она возвращалась, все такъ же — съ ромашками и сверточкомъ, по краю тротуара. Онъ подошелъ къ ней, снялъ шляпу и сказалъ:

— Дарья Дмитріевна, я не помѣшаю, если поздороваюсь?

Она чуть чуть вздрогнула. Затѣмъ подняла на него холодноватые глаза, въ нихъ отъ свѣта блестѣли зеленыя точки, улыбнулась ласково и подала руку въ бѣлой, лайковой перчаткѣ, крѣпко, дружески.

— Вотъ, какъ хорошо, что я васъ встрѣтила. Я даже думала сегодня о васъ.. Правда, правда, думала. — Даша кивнула головой и на шапочкѣ закивали ромашки.

— У меня, Дарья Дмитріевна, было дѣло на Невскомъ, и теперь весь день свободный... И день какой-то такой. — Иванъ Ильичъ сморщилъ губы, собирая все

присутствіе духа, чтобы они не расплылись въ улыбку. Даша спросила:

— Иванъ Ильичъ, вы могли бы меня проводить до дома?

— Конечно... да...

Они свернули въ боковую улицу и шли теперь въ тѣни.

— Иванъ Ильичъ, вамъ не будетъ странно, если я спрошу васъ объ одной вещи? Нѣтъ, конечно, съ вами то я и поговорю. Только вы отвѣчайте мнѣ сразу. Говорите, не раздумывая, а прямо, — какъ спрошу, такъ и отвѣтьте.

Лицо ея было озабочено и брови сдвинуты.

— Раньше мнѣ казалось такъ, — она провела рукой по воздуху, — есть воры, лгунишки, убійцы и уличныя женщины. Но они существуютъ такъ же, какъ змѣи, пауки и мыши, — я боюсь мышей, — а люди, всѣ люди, — немного смѣшные, со слабостями и чудачествами, но всѣ — добрые и ясные... Вонъ, видите — идетъ барышня — ну, вотъ, какая она есть, такая и есть. Весь свѣтъ мнѣ казался точно нарисованнымъ чудесными красками. Вы понимаете меня?

— Но это прекрасно, Дарья Дмитріевна....

— Подождите. А теперь я точно проваливаюсь въ эту картину, въ темноту, въ духоту... Я вижу, — человѣкъ можетъ быть обязательнымъ, даже какимъ то особенно трогательнымъ, прямо на ощупь, и грѣшить, грѣшить ужасно при этомъ. Вы не подумайте, — не пирожки таскать изъ буфета, а грѣхъ настоящій: ложь, — Даша отвернулась, подбородокъ ея дрогнулъ, — человѣкъ этотъ прелюбодѣй. Женщина, замужняя. Значитъ, грѣшить можно? Я спрашиваю, Иванъ Ильичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя.

— Почему нельзя?

— Этого сейчасъ сказать не могу. Но чувствую, что нельзя.

— А вы думаете — я сама этого не чувствую!? Съ двухъ часовъ брожу по городу въ тоскѣ. День такой ясный, свѣжій, а мнѣ все представляется, что въ этихъ домахъ, за занавѣсками, попрятались черные, черные люди. И я должна выйти къ нимъ, вы понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю, — быстро отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, должна. И пойду. Потому что вся жизнь тамъ, за занавѣсками, а не здѣсь. Ахъ, какая тоска у меня! Значитъ, просто на просто, я дѣвчонка. А этотъ городъ не для дѣвчонокъ построенъ, а для взрослыхъ.

Даша остановилась у подъѣзда и носкомъ высокаго башмака стала передвигать взадъ и впередъ по асфальту кѣмъ то брошенную коробку отъ папиросъ, съ картинкой — зеленая дама, изо рта дымъ. Иванъ Ильичъ, глядя на лакированный носокъ дашиной ноги, чувствовалъ, какъ Даша, словно снѣгурка, таетъ, уходитъ туманомъ. Онъ бы хотѣлъ удержать ее, но какой силой? Есть такая сила, и онъ чувствовалъ, какъ она сжимаетъ ему сердце, стискиваетъ горло. Но для Даши все его чувство, какъ тѣнь на стѣнѣ, потому что и онъ самъ не болѣе, какъ добрый, славный Иванъ Ильичъ.

— Ну, прощайте, спасибо вамъ, Иванъ Ильичъ. Вы очень славный и добрый. Мнѣ легче не стало отъ нашихъ разговоровъ, но, все же, я вамъ очень, очень благодарна. Вы меня поняли, правда? Вотъ какія дѣла на свѣтѣ. Надо быть взрослой, ничего не подѣлаешь. Заходите къ намъ въ свободный часокъ, пожалуйста. Она улыбнулась, встряхнула ему руку и вошла въ подъѣздъ, пропала тамъ въ темнотѣ.

VI

Даша растворила дверь своей комнаты и остановилась въ недоумѣніи: пахло сырыми цвѣтами, и сейчасъ же она увидѣла на туалетномъ столикѣ корзину съ высокой ручкой и синимъ бантомъ, подбѣжала и опустила въ нее лицо. Это были пармскія фіалки, нѣсколько большихъ пучковъ, немного помятыя и влажныя, съ запахомъ земли, весны и нѣжности.

Даша была взволнована. Съ утра ей хотѣлось чего то неопредѣлимаго, а сейчасъ она поняла, что хотѣлось именно фіалокъ. Но кто ихъ прислалъ? Кто думалъ о ней сегодня такъ внимательно, что угадалъ даже то, чего она сама не понимала. Вотъ только бантъ — совсѣмъ ужъ здѣсь не къ мѣсту. Развязывая его, Даша подумала:

"Хоть и безпокойная, но не плохая дѣвушка. Какими бы вы тамъ грѣшками ни занимались — она пойдетъ своей дорогой. Быть можетъ, думаете, что слишкомъ задираетъ носъ? — думайте, если вамъ угодно. Найдутся люди, которые поймутъ задранный носъ и даже оцѣнятъ".

Въ бантѣ оказалась засунутой записка на толстой бумагѣ, два слова незнакомымъ, крупнымъ почеркомъ: "Любите любовь". Съ обратной стороны напечатано: "Цвѣтоводство Ницца". Значитъ, тамъ въ магазинѣ кто то и написалъ: "Любите любовь". Даша съ корзиной въ рукахъ вышла въ корридоръ и крикнула:

— Моголъ, кто мнѣ принесъ эти цвѣты?

Великій Моголъ посмотрѣла на корзину и чистоплотно вздохнула, точно ея эти вещи ни съ какой стороны не касаются:

— Это Екатеринѣ Дмитріевнѣ мальчишка изъ магазина принесъ. А барыня вамъ велѣла поставить.

— Отъ кого, онъ сказалъ?

— Ничего не говорилъ, только сказалъ, чтобы передали барынѣ.

Даша вернулась къ себѣ и стала у окна, заложивъ руки за спину. Сквозь стекла былъ виденъ закатъ, — слѣва, изъ за кирпичной стѣны сосѣдняго дома, онъ разливался по небу, зеленѣлъ и линялъ. Появилась звѣзда въ этой зеленѣющей пустотѣ, переливаясь сверкала, какъ вымытая. Внизу, въ узкой и затуманившейся теперь улицѣ, сразу, во всю ея длину, вспыхнули электрическіе шары, еще не яркіе и не свѣтящіе. Близко прокрякалъ автомобиль и было видно, какъ покатилъ вдоль улицы, въ вечернюю мглу.

Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно, и нѣжно пахли фіалки. Ихъ прислалъ тотъ, съ кѣмъ у Кати былъ грѣхъ. Это ясно. Даша стояла и думала, что вотъ она, какъ муха, попала въ паутину тончайшаго и соблазнительнаго грѣха. Онъ въ этомъ влажномъ запахѣ цвѣтовъ, въ двухъ словахъ: "Любите любовь", жеманныхъ и волнующихъ, и въ кроткомъ очарованіи этого вечера.

И вдругъ ея сердце сильно и часто забилось. Даша почувствовала, точно прикасается пальцами, видитъ, слышитъ, ощущаетъ что то запретное, скрытое, обжигающее сладостью. Она, внезапно, всѣмъ духомъ, словно р а з р ѣ ш и л а себя, дала себѣ волю. И нельзя было понять, какъ случилось, что въ то же мгновеніе она была уже по э т у сторону. Строгость, ледяная стѣночка растаяла дымкой, такой же, какъ та, въ концѣ улицы, куда беззвучно унесся автомобиль съ двумя дамами въ бѣлыхъ шляпахъ.

Только билось сердце, легко кружилась голова, и во всемъ тѣлѣ веселымъ холодкомъ сама собою пѣла какая то музыка: "Я живу, люблю, жизнь, весь свѣтъ— мой, мой, мой".

"Послушайте, моя милая, — вслухъ проговорила Даша, открывая глаза, — вы дѣвственница, другъ мой,

у васъ дурной характеръ, я безъ огорченія разстанусь съ вами".

Она пошла въ дальній уголъ комнаты, сѣла въ большое мягкое кресло и, не спѣша, обдирая бумагу съ шоколадной плитки, стала припоминать все, что произошло за эти двѣ недѣли, послѣ Катинаго грѣха.

Въ домѣ ничего не измѣнилось. Катя даже стала особенно нѣжной съ Николаемъ Ивановичемъ. Онъ ходилъ веселый и собирался строить дачу въ Финляндіи. Одна Даша переживала молча эту "трагедію" двухъ ослѣпшихъ людей. Заговорить первая съ сестрой она не рѣшалась, а Катя, всегда такая внимательная къ Дашинымъ настроеніямъ, на этотъ разъ точно ничего не замѣчала. Екатерина Дмитріевна заказывала себѣ и Дашѣ весенніе костюмы къ Пасхѣ, пропадала у портнихъ и модистокъ, принимала участіе въ благотворительныхъ базарахъ, устраивала, по просьбѣ Николая Ивановича, литературный спектакль съ негласной цѣлью сбора въ пользу комитета лѣвой фракціи соціалъ-демократической партіи, такъ называемыхъ большевиковъ, прозябавшихъ въ Парижѣ, собирала гостей, кромѣ вторниковъ, еще и по четвергамъ, — словомъ, у нея не было ни минуты свободной.

"А вы въ это время трусили, ни на что не рѣшались и размышляли надъ моральной проблемой, въ которой, какъ овца, ничего не понимали, и не поймете, покуда сами не обожжете крылышки", — подумала Даша вслухъ и тихо засмѣялась. Изъ того темнаго озера, куда падали ледяные шарики, и откуда нельзя было ожидать ничего хорошаго, всталъ, какъ часто бывало за эти дни, ѣдкій и злой образъ Безсонова. Она разрѣшила себѣ, и онъ овладѣлъ ея мыслями.

Даша притихла. Въ темной комнатѣ тикали часики. Затѣмъ, далеко въ домѣ хлопнула дверь, и было слышно, какъ голосъ сестры спросилъ:

— Давно вернулась?

Даша поднялась съ кресла и вышла въ прихожую. Екатерина Дмитріевна сейчасъ же сказала:

— Почему ты красная?

Николай Ивановичъ, шибко потеревъ руки, отпустилъ остроту изъ репертуара любовника-резонера. Даша, съ ненавистью поглядѣвъ ему на мягкія, большія губы, пошла за Катей въ ея спальню. Тамъ, присѣвъ у туалета, изящнаго и хрупкаго, какъ все въ комнатѣ сестры, она стала слушать болтовню о знакомыхъ, встрѣченныхъ во время прогулки.

Разсказывая, Екатерина Дмитріевна наводила порядокъ въ зеркальномъ шкафу, гдѣ лежали перчатки, куски кружевъ, вуальки, шелковые башмачки, — множество маленькихъ пустяковъ, пахнущихъ ея духами. Оказывается, что Роза Абрамовна одѣвается ни у какой ни у мадамъ Дюклэ, а дома и притомъ прескверно, что Ведренскій опять проворонилъ процессъ и сидитъ безъ денегъ, встрѣтила его жену, плачется, — очень трудно стало жить. У Тимирязовыхъ корь. Шейнбергъ опятъ сошелся о своей истеричкой, передаютъ, что она даже стрѣлялась у него на квартирѣ. Вотъ, — весна то, весна! А день какой сегодня?! Всѣ бродятъ, какъ пьяныя мухи по улицамъ. Да, еще новость, — встрѣтили Акундина, увѣряетъ, что въ самомъ ближайшемъ времени у насъ будетъ революція. Понимаешь, — на заводахъ, въ деревняхъ — повсюду броженіе. Ахъ, поскорѣе бы! Николай Ивановичъ до того обрадовался, что повелъ меня къ Пивато, и мы выпили бутылку шампанскаго, ни съ того, ни съ сего, за будущую революцію.

Даша, молча слушая сестру, открывала и закрывала крышечки на хрустальныхъ флаконахъ.

— Катя, — сказала она внезапно, — понимаешь, — я такая, какая есть, никому не нужна. — Екатерина Дмитріевна съ шелковымъ чулкомъ, натянутымъ на ру-

ку, обернулась и внимательно взглянула на сестру. — Главное, я не нужна самой себѣ, такая. Вродѣ того, если бы человѣкъ рѣшилъ ѣсть одну сырую морковь и считалъ бы, что это его ставитъ гораздо выще остальныхъ людей.

— Не понимаю тебя, — сказала Екатерина Дмитріевна. Даша поглядѣла на ея спину и вздохнула:

— Всѣ не хороши, всѣхъ я осуждаю. Одинъ глупъ, другой противный, третій грязный. Одна я хороша. Я здѣсь чужая, мнѣ очень тяжело отъ этого. Я и тебя осуждаю, Катя.

— За что? — не оборачиваясь, тихо спросила Екатерина Дмитріевна.

— Нѣтъ, ты пойми. Я хожу съ задраннымъ носомъ, — вотъ и всѣ достоинства. Просто — это глупо, и мнѣ надоѣло быть чужой среди васъ всѣхъ. Однимъ словомъ, — понимаешь, мнѣ очень нравится одинъ человѣкъ. Даша проговорила это, опустивъ голову; засунула палецъ въ хрустальный флакончикъ и не могла его оттуда вытащить.

— Ну, что же, дѣвочка, слава Богу; если нравится. Будешь счастлива. Кому же и счастье, какъ не тебѣ. — Екатерина Дмитріевна легонько вздохнула.

— Видишь ли, Катя, это все не такъ просто. По моему — я не люблю его.

— Если нравится — полюбишь.

— Въ томъ то и дѣло, что онъ мнѣ не нравится.

Тогда Екатерина Дмитріевна закрыла дверцу шкафа и остановилась около Даши:

— Ты же только что сказала, что нравится... Вотъ, дѣйствительно.

— Катюша, не придирайся. Помнишь англичанина въ Сестрорѣцкѣ, вотъ тотъ и нравился, была даже влюблена. Но тогда я была сама собой... Злилась, пряталась, по ночамъ ревѣла, и все сошло съ меня, какъ водица. А

этотъ... Я даже не знаю — онъ ли это... Нѣтъ, онъ, онъ, онъ.....Смутилъ меня... И вся я другая теперь. Точно дыму какого то нанюхалась... Войди онъ сейчасъ ко мнѣ въ комнату — не пошевелюсь... Все сдѣлаетъ, что захочетъ...

— Господи, Даша, что ты говоришь?

— Катя, вѣдь это называется грѣхъ?... Вотъ я такъ понимаю.

Екатерина Дмитріевна присѣла на стулъ къ сестрѣ, привлекла ее, взяла ея горячую руку, поцѣловала въ ладонь, но Даша медленно освободилась, вздохнула, подперла голову, и долго глядѣла на темное окно, на звѣзды.

— Даша, какъ его зовутъ?

— Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ.

Тогдя Катя пересѣла на стулъ, рядомъ, положила руку на горло и сидѣла, не двигаясь. Даша не видѣла ея лица, — оно все было въ тѣни, — но чувствовала, что сказала ей что то ужасное.

"Ну, и тѣмъ лучше“, — отворачиваясь подумала она. И отъ этого "тѣмъ лучше“ стало легко и пусто:

— Почему, скажи пожалуйста, другіе все могутъ, а я не могу?

— Два года слышу про шесть сотъ шестьдесятъ шесть соблазновъ, а всего то за всю жизнь одинъ разъ и цѣловалась съ гимназистомъ на каткѣ, въ теплушкѣ.

Она вздохнула громко и замолчала. Екатерина Дмитріевна сидѣла теперь согнувшись, опустивъ руки на колѣни :

— Безсоновъ очень дурной человѣкъ, — проговорила она, — онъ страшный человѣкъ, Дашенька. Ты слушаешь меня ?

— Да.

— Онъ всю тебя сломаетъ.

— Ну, что же теперь подѣлаешь.

— Я не хочу этого ! Пусть лучше другіе... Пусть лучше я погибну ! Но не ты, не ты, милочка !

— Нѣтъ, вороненокъ не хорошъ, онъ черенъ тѣломъ и душой, —нарочно засмѣявшись, сказала Даша, — чѣмъ же Безсоновъ плохъ, скажи?

— Не могу сказать... Не знаю... Но я содрогаюсь, когда думаю о немъ.

— А вѣдь онъ тебѣ тоже, кажется, нравился немножко?

— Никогда!... Ненавижу!... Храни тебя Господь отъ него!

— Вотъ видишь, Катюша, теперь то, какъ разъ, меня любопытство и разобрало. Теперь ужъ я навѣрно попаду къ нему въ сѣти.

— О чемъ ты говоришь?... Мы съ ума сошли обѣ!

Но Дашѣ, именно, этотъ разговоръ и нравился, точно шла на цыпочкахъ по дощечкѣ. Нравилось, что волнуется Катя. О Безсоновѣ она почти уже и не думала, но нарочно принялась разсказывать про свои чувства къ нему, описывала встрѣчи, его лицо. Все это переувеличивала, и выходило такъ, будто она ночи напролетъ томится грѣшными мыслями и чуть ли не сейчасъ готова бѣжать къ Безсонову. Подъ конецъ ей самой стало смѣшно, захотѣлось схватить Катю за плечи, расцѣловать: "Вотъ, ужъ кто дурочка, такъ это ты, Катюша". Но Екатерина Дмитріевна вдругъ соскользнула со стула на коврикъ, обхватила Дашу, легла лицомъ въ ея колѣни и, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, крикнула какъ то страшно даже:

— Прости, прости меня!... Даша, прости меня!

Даша перепугалась. Нагнулась къ сестрѣ, и отъ страха и жалости сама заплакала, всхлипывая стала спрашивать — о чемъ она говоритъ, за что ее простить? Но Екатерина Дмитріевна стиснула зубы, и только ласкала сестру, цѣловала ей руки.

За обѣдомъ Николай Ивановичъ, взглянувъ на обѣихъ сестеръ, сказалъ:

— Такъ - съ. А нельзя ли и мнѣ быть посвященнымъ въ причину сихъ слезъ?

— Причина слезъ — мое гнусное настроеніе, — сейчасъ же отвѣтила Даша, — успокойся пожалуйста, я и безъ тебя понимаю, что вся, вмѣстѣ съ этой вилкой, не стою мизинчика твоей супруги.

Въ концѣ обѣда, къ кофе, пришли гости. Николай Ивановичъ рѣшилъ, что по случаю семейныхъ настроеній необходимо поѣхать въ кабакъ. Куличекъ сталъ звонить въ гарражи. Катю и Дашу послали переодѣваться. Пришелъ Чирва и, узнавъ, что собираются въ кабакъ, неожиданно разсердился:

— Въ концѣ концовъ отъ этихъ непрерывныхъ кутежей страдаетъ кто? Русская литература-съ. — Но и его взяли въ автомобиль, вмѣстѣ съ другими.

Въ "Сѣверной Пальмирѣ" было полно народомъ и шумно; огромная, низкая зала подъ землею ярко залита бѣлымъ свѣтомъ шести хрустальныхъ люстръ. Люстры, табачный дымъ, поднимающійся къ нимъ изъ партера, тѣсно поставленные столики, люди во фракахъ и голыя плечи женщинъ, цвѣтные парики, — зеленые, лиловые и сѣдые, — пучки снѣжныхъ эспри, драгоцѣнные камни, дрожащіе на шеяхъ и въ ушахъ снопиками оранжевыхъ, синихъ, рубиновыхъ лучей, скользящіе въ тѣснотѣ лакеи, испитой человѣкъ, съ мокрой прядью волосъ на лбу, съ поднятыми руками, и магическая его палочка, рѣжущая воздухъ передъ занавѣсомъ малиноваго бархата, блестящая мѣдь трубъ, — все это повторялось и множилось въ зеркальныхъ стѣнахъ, и казалось, будто здѣсь, въ безконечныхъ перспективахъ, сидитъ все человѣчество, весь міръ.

Даша, потягивая черезъ соломинку шампанское, наблюдала за столиками. Вотъ, передъ запотѣвшимъ

ведромъ и кожурой отъ лангуста, сидитъ бритый человѣкъ съ напудренными щеками. Глаза его полузакрыты, ротъ презрительно сжатъ. Очевидно, сидитъ и думаетъ о томъ, что, въ концѣ концовъ, электричество потухнетъ, а всѣ люди умрутъ. Стоитъ ли вообще, радоваться чему нибудь? А вотъ — мужъ и жена. Они, должно быть, дома поссорились и сейчасъ шопотомъ доругиваются, хотя у нея на толстомъ лицѣ улыбка, а онъ лѣниво перекатываетъ сигару изъ угла въ уголъ рта.

Вотъ, заколыхался и пошелъ въ обѣ стороны занавѣсъ. На эстраду выскочилъ маленькій, какъ ребенокъ, японецъ, съ трагическими морщинами, и замелькали вокругъ него въ воздухѣ пестрые шары, тарелки, факелы. Глядя на нихъ Даша подумала:

"Почему Катя сказала — прости, прости"?

И вдругъ, точно обручомъ стиснуло голову, остановилось сердце. "Неужели"? Но она тряхнула головой, вздохнуло глубоко, не дала даже подумать себѣ, что — "неужели", и поглядѣла на сестру.

Екатерина Дмитріевна сидѣла на другомъ концѣ стола такая утомленная, печальная и красивая, что у Даши глаза налились слезами. Она поднесла палецъ къ губамъ и незамѣтно дунула на него. Это былъ условный знакъ. Катя увидѣла, поняла и нѣжно, медленно улыбнулась.

Часовъ около двухъ начался споръ — куда ѣхать? Екатерина Дмитріевна попросилась домой, Николай Ивановичъ говорилъ, что, какъ всѣ, такъ и онъ, а "всѣ" рѣшили ѣхать "дальше".

И тогда Даша сквозь порѣдѣвшую толпу увидѣла Безсонова. Онъ сидѣлъ, положивъ локоть далеко на столъ и внимательно слушалъ Акундина, который съ полуизжованной папиросой во рту говорилъ ему что то, рѣзко чертя ногтемъ по скатерти. На этотъ летаю-

щій ноготь Безсоновъ и глядѣлъ. Его лицо было сосредоточено и блѣдно. Дашѣ показалось, что сквозь шумъ она разслышала: "Конецъ, конецъ всему". Но сейчасъ же ихъ обоихъ заслонилъ широкобрюхій татаринъ — лакей. Поднялась Катя и Николай Ивановичъ, Дашу окликнули, и она такъ и осталась уколотая любопытствомъ, взволнованная и растерянная.

Когда вышли на улицу — неожиданно бодро и сладко пахнуло морозцемъ. Въ черно-лиловомъ небѣ пылали созвѣздія. Кто то за Дашиной спиной проговорилъ со смѣшкомъ: "Чертовски шикарная ночь!" Къ тротуару подкатилъ автомобиль, сзади, изъ бензиновой гари, вынырнулъ оборванный человѣкъ, сорвалъ картузъ и, приплясывая, распахнулъ передъ Дашей дверцу мотора. Даша, входя, взглянула, — человѣкъ былъ худой, съ небритой щетиной, съ перекошеннымъ ртомъ, и весь трясся, прижимая локти.

— Съ благополучно проведеннымъ вечеромъ въ храмѣ роскоши и чувственныхъ удовольствій! — бодро крикнулъ онъ хриплымъ голосомъ, и, живо подхвативъ брошенный кѣмъ то двугривенный, салютовалъ рваной фуражкой. Даша почувствовала, какъ по ней точно царапнули его черные, свирѣпые глазки.

Домой вернулись поздно. Даша, лежа на спинѣ въ постели, даже не заснула, а забылась, будто все тѣло у нея отнялось, — такая была усталость.

И, вдругъ, со стономъ сдергивая съ груди одѣяло, сѣла, раскрыла глаза. Въ окно на паркетъ свѣтило солнце... "Боже мой, что за ужасъ былъ только что"?! Было такъ страшно, что она едва не заплакала; когда же собралась съ духомъ — оказалось, что забыла все. Только въ сердцѣ осталась боль отъ какого то отвратительно страшнаго сна.

Послѣ завтрака она пошла на курсы, записалась держать экзаменъ, купила книгъ и до обѣда, дѣйстви-

тельно, вела суровую, трудовую жизнь: — зубрила постылый курсъ римскаго права. Но вечеромъ опять пришлось натягивать шелковые чулки (утромъ рѣшено было носить только нитяные), пудрить руки и плечи, перечесываться. "Устроить бы на затылкѣ шишъ, вотъ и хорошо, а то всѣ кричатъ: дѣлай модную прическу, а какъ ее сдѣлаешь, когда волосы сами разсыпаются". Словомъ, была мука. На новомъ же, синемъ, шелковомъ платьѣ оказалось спереди пятно отъ шампанскаго.

Дашѣ вдругъ стало до того жалко этого платья, до того жаль своей пропадающей жизни, что, держа въ рукѣ испорченную юбку, она сѣла и расплакалась. Въ дверь сунулся было Николай Ивановичъ, но, увидѣвъ, что Даша въ одной рубашкѣ и плачетъ, позвалъ жену. Прибѣжала Катя, схватила платье, воскликнула: "Ну, это сейчасъ отойдетъ"! и кликнула Великаго Могола, который появился съ бензиномъ и горячей водой.

Платье отчистили, Дашу одѣли. Николай Ивановичъ чертыхался изъ прихожей: "Вѣдь премьера же, господа, нельзя опаздывать". И, конечно, въ театръ опоздали.

Даша, сидя въ ложѣ рядомъ съ Екатериной Дмитріевной, глядѣла, какъ рослый мужчина, съ наклеенной бородой и неестественно расширенными глазами, стоя подъ плоскимъ деревомъ, говорилъ дѣвушкѣ въ ярко-розовомъ:

"Софья Ивановна, я люблю васъ глубоко, серьезно", — и держалъ ее за руку. И, хотя пьеса была не жалобная, Дашѣ все время хотѣлось плакать, жалѣть дѣвушку въ ярко-розовомъ, и было досадно, что дѣйствіе не такъ поворачиваетъ. Дѣвушка, какъ выяснялось, и любитъ и не любитъ, на объятіе отвѣтила русалочьимъ хохотомъ и убѣжала къ мерзавцу, бѣлые брюки котораго мелькали на второмъ планѣ, между стволовъ. Муж-

чина схватился за голову, сказалъ, что уничтожитъ какую то рукопись — дѣло его жизни, и первое дѣйствіе окончилось.

Въ ложѣ появились знакомые, и начался обычный, торопливо-приподнятый, разговоръ.

Маленькій Шеинбергъ, съ голымъ черепомъ и бритымъ, измятымъ лицомъ, словно все время выпрыгивающимъ изъ жесткаго воротника, сказалъ о пьесѣ, что она захватываетъ:

— Опять проблема пола, но проблема поставленная остро. Человѣчество должно, наконецъ, покончить съ этимъ проклятымъ вопросомъ; мы разрѣшили проблему машины, проблему летающаго тѣла, мы уничтожили пространство и, все же, хронически спотыкаемся на половой проблемѣ.

На это отвѣтилъ угрюмый, большой Буровъ, слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ — либералъ, у котораго на Рождествѣ сбѣжала жена съ содержателемъ скаковой конюшни:

— Какъ для кого — для меня вопросъ рѣшенный. Женщина лжетъ самымъ фактомъ своего существованія, мужчина лжетъ при помощи искусства. Оба лгутъ. Половой вопросъ — просто мерзость, а искусство одинъ изъ видовъ уголовнаго преступленія.

Николай Ивановичъ захохоталъ, глядя на жену. Буровъ продолжалъ мрачно:

— Птицѣ пришло время нести яица, — самецъ одѣвается въ пестрый хвостъ. Это ложь, потому что природный хвостъ у него сѣрый, а не пестрый. На деревѣ распускается цвѣтокъ — тоже ложь, приманка, а суть въ безобразныхъ корняхъ подъ землей. А больше всего лжетъ человѣкъ. На немъ цвѣтовъ не растетъ, хвоста у него нѣтъ, приходится пускать въ дѣло языкъ, — ложь сугубая и отвратительная: такъ называемая, — любовь и все, что вокругъ нея накручено. Вещи загадоч-

ныя для барышень въ нѣжномъ возрастѣ, только,—онъ покосился на Дашу, — и вотъ въ наше время — полнѣйшаго отупѣнія — этой чепухой занимаются серьезные люди. Да - съ, Россійское государство страдаетъ засореніемъ желудка.

Онъ съ катарральной гримасой нагнулся надъ коробкой конфектъ, покопалъ въ ней пальцемъ, выбралъ шеколадную съ ромомъ, вздохнулъ, положилъ въ ротъ, и поднялъ къ глазамъ большой бинокль, висѣвшій у него на ремешкѣ черезъ шею.

Разговоръ перешелъ на застой въ политикѣ и реакцію. Куличекъ, шевеля бровями, взволнованнымъ шепотомъ разсказалъ послѣдній дворцовый скандалъ.

— Кошмаръ, кошмаръ! — быстро проговорилъ Шеинбергъ. Николай Ивановичъ ударилъ себя по колѣнкѣ:

— Революція, господа, революція нужна намъ немедленно! Иначе мы просто задохнемся. У меня есть свѣдѣнія, — онъ понизилъ голосъ, — на заводахъ очень не спокойно.

Всѣ десять пальцевъ Шеинберга взлетѣли отъ возбужденія на воздухъ:

— Но когда же, когда? Невозможно безъ конца ждать!

— Доживемъ, Яковъ Александровичъ, доживемъ, — проговорилъ Николай Ивановичъ весело, — и вамъ портфельчикъ вручимъ министра юстиціи-съ, ваше превосходительство.

Дашѣ надоѣло слушать объ этихъ проблемахъ, революціяхъ и портфельчикахъ. Облокотясь о бархатъ ложи и другою рукою обнявъ Катю за талію, она глядѣла въ партеръ, иногда съ улыбкой кивая знакомымъ. Даша знала и видѣла, что онѣ съ сестрой нравятся, и эти, уловленные въ толпѣ, взгляды—нѣжные мужскіе и злые женскіе — и обрывки фразъ и улыбки возбуждали

ее, какъ пьянитъ весенній воздухъ. Слезливое настроеніе прошло. Щеку около уха щекоталъ завитокъ катиныхъ волосъ.

— Катюша, я тебя люблю, — шопотомъ проговорила Даша.

— И я.

— Ты рада, что я у тебя живу?

— Очень.

Даша раздумывала, чтобы ей еще сказать Катѣ доброе. И, вдругъ, внизу увидѣла Телѣгина. Онъ стоялъ въ черномъ сюртукѣ, держа въ рукахъ шапку и афишу и, давно уже, исподлобья, чтобы не замѣтили, глядѣлъ на ложу Смоковниковыхъ. Его загорѣлое, твердое лицо замѣтно выдѣлялось среди остальныхъ лицъ, либо слишкомъ бѣлыхъ, либо испитыхъ. Волосы его были гораздо свѣтлѣе, чѣмъ Даша ихъ представляла, — какъ рожь.

Встрѣтясь глазами съ Дашей онъ сейчасъ же поклонился, затѣмъ отвернулся, но у него упала шапка. Нагибаясь, онъ толкнулъ сидѣвшую въ креслахъ толстую даму, началъ извиняться, покосился опять на ложу и, видя, что Даша смѣется, покраснѣлъ, попятился, наступилъ на ногу редактору эстетическаго журнала "Хоръ Музъ", и, махнувъ рукой, пошелъ къ выходу. Даша сказала сестрѣ:

— Катя, это и есть Телѣгинъ.

— Вижу, очень милый.

— Поцѣловала бы, до чего милъ. И, если бы ты знала, до чего онъ хорошій человѣкъ, Катюша.

— Вотъ, Даша.

— Что?

Но сестра промолчала. Даша поняла и тоже пріумолкла. У нея опять защемило сердце, — у себя, въ улиточьемъ дому было неблагополучно: на минуту за-

былась, а заглянула опять туда, — тревожно, темно, душно.

Когда залъ погасъ и занавѣсъ поплылъ въ обѣ стороны, Дашѣ показалось, что она точно выгнана изъ дому, —некуда отъ самой себя укрыться. Она вздохнула и внимательно стала слушать.

Человѣкъ съ наклееной бородой продолжалъ грозиться сжечь рукопись, дѣвушка издѣвалась надъ нимъ, сидя у рояля. И было очевидно, что эту дѣвицу поскорѣе нужно выдать замужъ, чѣмъ тянуть еще канитель на три акта. Все это — душевный вывихъ, ни что иное, какъ глупость.

Даша подняла глаза къ плафону зала, — тамъ, среди облаковъ, летѣла прекрасная, полуобнаженная женщина, съ радостной и ясной улыбкой. "Боже, до чего похожа на меня", — подумала Даша. И сейчасъ же увидѣла себя со стороны : сидитъ существо въ ложѣ, ѣстъ шоколадъ, вретъ, путаетъ и ждетъ, чтобы само собою случилось что то необыкновенное. Но, ничего не случится. "И жизни мнѣ нѣтъ, покуда не пойду къ нему, не услышу его голоса не почувствую его всего. А остальное — ложь. Просто — нужно быь честной".

Съ этого вечера Даша не раздумывала болѣе — любитъ ли Безсонова, или тянется къ нему отъ грѣховной какой то размягченности, больного любопытства. Она знала теперь, что пойдетъ къ нему, и боялась этого часа. Одно время она рѣшила было уѣхать къ отцу, въ Самару, но подумала, что полторы тысячи верстъ не спасутъ отъ искушенія, и махнула рукой.

Ея здоровая дѣвственность негодовала, но что можно было подѣлать со "вторымъ человѣкомъ", когда ему помогало все на свѣтѣ. И, наконецъ, было невыносимо оскорбительно такъ долго страдать и думать объ этомъ Безсоновѣ, который и знать то ее не хочетъ, жи-

ветъ въ свое удовольствіе гдѣ то около Каменноостровскаго проспекта, пишетъ стихи объ актрисѣ съ кружевными юбками. А Даша, вся до послѣдней капельки, наполнена имъ, вся въ немъ.

Даша теперь брезговала собой. Нарочно гладко причесывала волосы, закручивая ихъ шишомъ на затылкѣ, носила старое — гимназическое платье, привезенное еще изъ Самары, съ тоской, упрямо, зубрила римское право, не выходила къ гостямъ, и отказывалась отъ развлеченій. Быть честной оказалось не легко. Даша просто трусила.

Вначалѣ апрѣля, въ прохладный вечеръ, когда закатъ уже потухъ, и зеленовато-линялое небо свѣтилось фосфорическимъ свѣтомъ, не бросая тѣней, Даша возвращалась съ островов пѣшкомъ.

Дома она сказала, что идетъ на курсы, а вмѣсто этого проѣхала въ трамвайчикѣ до Елагина моста и бродила весь вечеръ по голымъ аллеямъ, переходила мостики, глядѣла на воду, на лиловые сучья, распластанныя въ оранжевомъ заревѣ заката, на лица прохожихъ, на плывущія за мшистыми стволами огоньки экипажей. Она не думала ни о чемъ и не торопилась.

Было спокойно на душѣ, и всю ее, словно до костей, пропиталъ весенній, солоноватый воздухъ взморья. Ноги устали, но не хотѣлось возвращаться домой, въ комнату, гдѣ столько было передумано душныхъ мыслей.

По широкому проспекту Каменноостровскаго крупной рысью катили коляски, проносились длинные автомобили, съ шутками и смѣхомъ двигались кучки гуляющихъ. Даша свернула на боковую уличку.

Здѣсь было совсѣмъ тихо и пустынно. Зеленѣло небо надъ крышами. Изъ каждаго почти дома, изъ за опущенныхъ занавѣсей раздавалась музыка. Вотъ разучиваютъ сонату, вотъ — знакомый, знакомый вальсъ,

а вотъ въ тускломъ и красноватомъ отъ заката окнѣ мезонина переливаются четыре хрустальныхъ голоса фуги. Словно въ тишинѣ этого синеватаго вечера пѣлъ самый воздухъ.

И у Даши, насквозь пронизанной звуками, тоже все пѣло и все тосковало. Казалось, тѣло стало легкимъ и чистымъ, безъ пятнышка.

Даша свернула за уголъ, прочла на стѣнѣ дома номеръ, усмѣхнулась, и, подойдя къ парадной двери, гдѣ надъ мѣдной, львиной головой была прибита визитная карточка, — "А. Безсоновъ", сильно позвонила.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. РОПШИНЪ

Стихотворенія

I.

Дай мнѣ немного нѣжности:
Мое сердце закрыто...
Дай мнѣ немного радости:
Мое сердце забыто...
Дай мнѣ немного кротости:
Мое сердце — какъ камень...
Дай мнѣ немного жалости:
Я весь израненъ...
Дай мнѣ немного мудрости:
Моя душа опустѣла...
Дай мнѣ немного твердости:
Моя душа отлетѣла...
Или благослови мою смерть.

II.

На немъ помятый цилиндръ,
Въ дырахъ перчатки,
На колѣняхъ заплатки
И въ петлицѣ увядающій гіацинтъ.
Онъ старикъ. За столикомъ липкимъ
Онъ безъ улыбки
Цѣлый вечеръ сидитъ
И хрипитъ,
Хрипитъ о любви.
А мнѣ кажется, что въ крови
Стулья, столы и стаканы,
Что кровью всѣ пьяны,
И старикъ, и лакеи, и я.
Что моя
Открылась старая рана.
Что это не онъ, не дряхлый старикъ,
Что въ мигъ
Дымъ табачный растаетъ
И меня испугаетъ
Мой печальный двойникъ...
За столикомъ липкимъ,
Безъ улыбки,
Онъ цѣлый вечеръ сидитъ
И хрипитъ,
Хрипитъ о любви...
И въ крови
Его цилиндръ,
И перчатки,
И на колѣняхъ заплатки,
И увядающій гіацинтъ.

III.

Онъ очень низко
Мнѣ поклонился.
Я обернулся,
Увидѣлъ близко
Его сѣдины,
Его морщины,
Беззубый ротъ.
Я удивился:
Вѣдь онъ убитъ!..
Въ гробу дубовомъ
Старикъ суровый
Давно лежитъ...
Онъ улыбнулся, —
Я побѣжалъ.
Домой вернулся
И отшатнулся:
Меня онъ ждалъ!
Опять сѣдины,
Опять морщины,
Беззубый ротъ...
Опять улыбка,
Опять поклонъ...
Или ошибка?
Или не онъ?
Да, это сонъ...
Онъ былъ такъ близко...
Я торопливо
Посторонился,
Весьма учтиво
Я отдалъ низкій
Ему поклонъ...

Да, это сонъ...
Вѣдь жизнь есть сонъ,
Нестрашный сонъ.

IV.

Онъ дернулъ меня за рукавъ:
Скажи, ты вѣришь?
Я прошелъ впереди, промолчавъ.
А онъ, лохматый:
Ты лицемѣришь!
А онъ, рогатый:
Ты лгать умѣешь!
А онъ, хвостатый:
Молиться смѣешь!
А онъ, смердящій:
Въ святые мѣтишь!
А онъ, гремящій:
Ты мнѣ отвѣтишь!

На улицѣ зажигались поздніе фонари,
Нависали сѣрыя крыши...
Я пошелъ тише
И вдругъ услышалъ:
Умри!

„ПАПАША."

I.

... Я встрѣтился съ нимъ въ первый разъ, задолго до революціи 1905 года. Тогда мы всѣ были молоды и намъ казалось, что нашими ребяческими руками мы творимъ новую, лучшую жизнь, отметая въ безвозвратное прошлое "остатки стараго міра".

Я былъ гимназистомъ 8-го класса въ провинціальномъ городѣ. Пріѣзжавшіе въ нашъ нелегальный кружокъ столичные посланцы таинственнаго, вездѣсущаго и всемогущаго "Центральнаго Комитета" производили на меня, какъ впрочемъ и на всѣхъ моихъ товарищей, сильное впечатлѣніе.

Въ тотъ вечеръ у одного изъ либеральныхъ адвокатовъ нашимъ кружкомъ въ присутствіи одного изъ "спеціальныхъ агентовъ Ц. К.", обсуждался вопросъ о демонстраціи.

Поведеніе мѣстныхъ властей становилось, дѣйствительно, нестерпимымъ. Были произведены обыски среди интеллигенціи. Арестовали одного сознательнаго рабочаго, члена нашего кружка. Полицеймейстеръ Кругликовъ, призвавъ къ себѣ редактора "Эхо Народа", поднесъ ему палецъ къ носу и заявилъ:

— Честью прошу заткнуть фонтанъ! Иначе — я самъ заткну!..

Мы рѣшили протествовать. Въ принципѣ всѣ были согласны съ необходимостью организовать демонстра-

цію. Мнѣнія разошлись лишь по вопросу: должна ли она быть мирной, или вооруженной?

По этому поводу, произнесено было много горячихъ рѣчей за и противъ, когда, наконецъ, все время молчавшій "спеціальный агентъ Ц. К.", взялъ слово и заговорилъ.

Съ первыхъ же звуковъ его властнаго голоса, мы были очарованы. У насъ никто не умѣлъ такъ говорить. Ошеломляющимъ потокомъ помчались на насъ, бѣдныхъ провинціаловъ, бурныя мысли, эффектные образы, живописныя сравненія... И сколько блестящей эрудиціи было обнаружено въ теченіи первыхъ же пяти минутъ... —цитаты изъ Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Каутскаго, Михайловскаго, Крапоткина, Лаврова, съ точными указаніями страницъ, года изданья и. т. д. Правда— самъ ораторъ, небольшого роста, и весь черный, съ поминутно сползающимъ съ носу пенснэ — наружнымъ видомъ мало походилъ на героевъ революціи, какъ ихъ рисовало наше воображеніе... Но все это, разумѣется, были мелочи.

Черезъ полчаса мы всѣ были безповоротно убѣждены въ томъ, что вооруженная демонстрація—вздоръ, антиреволюціонная выдумка буржуазныхъ романтиковъ и что всякое сознательное проявленіе протеста мыслящаго пролетаріата непремѣнно должно быть мирнымъ, опирающимся не на штыки, какъ самодержавіе, а исключительно на симпатіи широкихъ народныхъ массъ...

Приступили къ голосованію. Всѣ подняли руки за мирную демонстрацію.

— И такъ, товарищи! — заключилъ "агентъ Ц. К."— Вопросъ исчерпанъ... Въ назначенный срокъ мы выступаемъ на улицу вооруженные нашимъ правомъ сознательныхъ и протестующихъ свободныхъ гражданъ...

— Которымъ немедленно и намнутъ шею, — раздался чей то голосъ.

Наступила тишина. Всѣ обернулись на произнесшаго эти, показавшіяся намъ тогда такими грубыми, слова.

Я еще съ начала засѣданія замѣтилъ его коренастую, внимательную фигуру. Широкое, скуластое лицо, сѣрые глаза, рыжіе усы, — все было мнѣ незнакомо— но невольно привлекало къ себѣ выраженіемъ силы и спокойнаго, слегка лѣниваго добродушія. Кто онъ былъ и кто его привелъ сюда? — Я не зналъ — но видѣлъ, что хозяинъ дома — либеральный адвокатъ — поздоровался съ нимъ съ чрезвычайнымъ почтеніемъ... Онъ молча слушалъ наши споры и только сейчасъ вмѣшался въ нихъ такъ неожиданно.

Агентъ Ц. К. иронически поправилъ пенснэ.

— Повидимому, товарищъ имѣетъ свое особое мнѣніе?

— Совѣршенно вѣрно—подтвердилъ тотъ—имѣю...

— Было бы любопытно выслушать!..

— Извольте...

Незнакомецъ оглядѣлъ насъ всѣхъ яснымъ и свѣтлымъ взглядомъ, точно спрашивая самаго себя — стоитъ ли ему съ нами разговаривать? Потомъ, очевидно, рѣшивъ, что стоитъ — продолжалъ:

— Я видите ли не ораторъ... Больше двухъ часовъ безъ передышки говорить не могу... А по данному случаю и тѣмъ паче... По моему мнѣнію — ежели желаете протестовать — нужно противъ силы поставить силу... Тогда будетъ какой нибудь толкъ... Но если съ одной стороны казацкая нагайка да солдатская винтовка, — а съ другой — слово горячаго убѣжденія, — получится ерунда... какой же это протестъ — подставлять морду подъ плюху...

Все это онъ проговорилъ безъ всякихъ ораторскихъ пріемовъ, медленно и точно нехотя. — Но его равнодушная, немного насмѣшливая манера говорить произвела на меня гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ все волненіе петербурскаго оратора. Я сразу почувствовалъ симпатію къ этому человѣку...

А столичный гость, замѣтивъ, что, какъ будто, почва начинаетъ колебаться у него подъ ногами — попытался обезоружить своего противника, спросивъ съ усмѣшкой:

— Товарищъ очевидно восторженный поклонникъ револьвера ?

— Я больше поклонникъ ружья, чѣмъ револьвера и пушки — чѣмъ ружья.

— А товарищъ видѣлъ когда нибудь пушку?

— Издали видѣлъ...

— Гм... Издали!.. А изъ револьвера въ цѣль товарищу стрѣлять приходилось ?

— Изъ револьвера не приходилось...

— Такъ какъ же вы, товарищъ, пытаетесь разсуждать объ оружіи, когда вы даже никогда не стрѣляли.

Въ разныхъ углахъ послышались смѣшки. Столичный гость торжествующе поправилъ пенснэ. Противникъ ясно было "прижатъ къ стѣнкѣ". Но къ общему нашему изумленію любезный и почтительный къ намъ хозяинъ дома — адвокатъ — неожиданно вмѣшался въ разговоръ.

— Господа!.. Простите, пожалуйста... Но, тутъ недоразумѣніе... Вы, Петръ Петровичъ, — черезчуръ скромны!.. Дѣло въ томъ,— что мой другъ Петръ Петровичъ, если и не стрѣлялъ никогда въ цѣль изъ револьвера, — за то стрѣлялъ изъ ружья въ людей... Онъ участникъ Бурской войны... Былъ въ отрядѣ Христіана Девета... Отличился — былъ раненъ и вообще... Да что вамъ

разсказывать — сами увидите — когда узнаете его поближе! Я только хотѣлъ предупредить...

... Такимъ образомъ состоялось мое первое знакомство съ "папашей", какъ прозвали его у насъ въ нашемъ кружкѣ много лѣтъ тому назадъ, когда мы еще были молоды и вѣрили въ то, что можемъ перевернуть старый міръ голыми руками...

II.

Полицеймейстеръ Кругликовъ былъ у насъ личностью въ своемъ родѣ замѣчательной. Невысокаго роста, тощій и тщедушный, съ рыжими, растопыренными усами, онъ, тѣмъ не менѣе, наводилъ горзу на всѣхъ, начиная съ мирныхъ жителей и кончая мошенниками. Обругать именитаго обывателя трехъ-этажнымъ словомъ и заушить собственноручно обывателя помелче, для него было плевой дѣло.

Кругликовъ былъ изъ хорошей дворянской семьи, служилъ въ гвардіи, но по разнымъ причинамъ былъ оттуда удаленъ. Съ нимъ въ полицейскомъ домѣ жила его maman, старушка въ бѣлоснѣжномъ чепчикѣ, бывшая смольнянка. Кругликовъ почтительно цѣловалъ ей руку, говорилъ "вы", но, выйдя отъ нея разносилъ не такъ подкатившаго кучера или нерасторопныхъ городовыхъ такими словами, что даже брандмейстеръ, помѣщавшійся во дворѣ пожарной команды, самъ по части крѣпкихъ выраженій спеціалистъ — только почесывалъ затылокъ и говорилъ со вздохомъ:

— Ужъ это какъ кому... Иной такъ загнетъ,—духъ захватитъ... На все требуется свой талантъ!

Особенно Кругликовъ былъ знаменитъ на городскомъ базарѣ. Тамъ въ дурные дни онъ чинилъ Соломоновъ судъ и расправу, наблюдая за общественымъ по-

рядкомъ и чистотой. Въ хорошіе же дни игралъ съ торговцами, въ "клюкву". Игра эта, кажется, его собственнаго изобрѣтенія, состояла въ слѣдующемъ:

Онъ приказывалъ принести клюкву и предлагалъ отгадать: мятая ягода у него въ кулакѣ, или не мятая? Если партнеръ отвѣчалъ, что ягода мятая — Кругликовъ, открывая ладонь, говорилъ: — "врешь, не матая— проигралъ!..." — Если ему говорили, что ягода не мятая, — онъ, открывъ ладонь, опять говорилъ: "врешь, мятая".

И въ томъ и въ другомъ случаѣ игра была безпроигрышная. Ставки же разнообразились сообразно имущественному положенію каждаго торговца.

Когда въ нашемъ тихомъ городѣ завелась, привезенная изъ столицы, "крамола", — Кругликовъ сперва ничего въ ней не понималъ. Потомъ, получивъ нагоняй изъ высшихъ сферъ за бездѣйствіе власти, разъярился, и началъ дѣйствовать быстро и энергично. Тутъ, какъ разъ, нашъ кружокъ и рѣшилъ выступить съ открытымъ протестомъ противъ "соціально-политическаго гнета вообще" и противъ полицеймейстера Кругликова въ частности.

Но вмѣшательство "папаши" заставило отложить демонстрацію на неопредѣленное время. Разсерженный агентъ Ц. К. уѣхалъ обратно въ Петербургъ за инструкціями. Въ ожиданіи его возвращенія мы не знали, что дѣлать.

Совершенно неожиданное обстоятельство окончательно сбило насъ съ толку, — сознательный рабочій Иванъ Тизяевъ, арестованный Кругликовымъ, былъ имъ же собственнолично освобожденъ со слѣдующими напутственными словами:

— Пошелъ ко всѣмъ чертямъ, дубина...

Иванъ Тизяевъ пришелъ ко мнѣ проситься опять въ кружокъ. Только теперь онъ поставилъ условіе :

— Вы, Владиміръ Андреевичъ, конечно, для нашего рабочаго дѣла стараетесь.... Мы это понимаемъ и очень вамъ даже благодарны... Только, чтобы я на ваши лекціи ходилъ — ужъ пожалуйста, чтобы теперь безъ матріархата!..

— Безъ какого это матріархата ? — спросилъ "папаша", онъ сидѣлъ какъ разъ у меня, мы видѣлись съ нимъ теперь почти каждый день.

Иванъ Тизяевъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Потомъ, собравшись съ духомъ, обратился къ "папашѣ" :

— Видите, товарищъ, — вы у насъ человѣкъ новый... По программѣ, значитъ, такъ полагается, вродѣ какъ для развитія сознательности. Сперва матріархатъ, потомъ патріархатъ, послѣ цехи, въ средніе вѣка... и все тамъ прочее... Только у меня видите-ли незадача... Про матріархатъ я прослушалъ, про патріархатъ прослушалъ, а, какъ до цеховъ дошли — тутъ меня и зацапали!... Это еще въ первый разъ, прошедшей осенью. Отсидѣлъ я въ тюрьмѣ полтора мѣсяца. Выпустили... Пошелъ въ кружокъ. Тамъ вотъ Владиміръ Андреевичъ — опять про матріархатъ читаетъ... Хорошо-съ. Матріархатъ я прослушалъ, патріархатъ прослушалъ — только, Господи благослови ! — до цеховъ доѣхали — хлопъ! Опять пожалуйте вшей кормить!... Такъ вотъ теперь я желаю знать : что же дальше было ? А про матріархатъ больше не согласенъ!...

Когда Тизяевъ ушелъ, осторожно притворивъ за собою дверь, "папаша" сказалъ, послѣ недолгаго молчанія :

— Лучше бы вы этого парня географіи учили...

— Но, какъ же, вѣдь по программѣ... Я вѣдь для того, чтобы вышелъ сознательный членъ партіи.

Папаша посмотрѣлъ на меня пытливо, покачалъ головой, потомъ закурилъ папиросу :

— А вы сами то считаете себя вполнѣ сознательнымъ ?

Я невольно смутился. На моей совѣсти былъ тяжелый грѣхъ: вотъ уже восемь мѣсяцевъ я пытался одолѣть "Капиталъ", Маркса — но это было, должно быть, выше моихъ силъ. Большо всего меня мучило то, что ужъ очень было скучно читать.

Будь кто нибудь другой вмѣсто "папаши", — я бы, конечно отвѣтилъ ему съ развязностью.

— Позвольте, какія же могутъ быть сомнѣнія у члена партіи ? Въ программѣ все указано до мелочей.

Но подъ взглядомъ пристальныхъ, сѣрыхъ глазъ "папаши", ни лгать, ни изворачиваться я не могъ, и признался :

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ!.. И я тоже какъ въ туманѣ хожу... Многое мнѣ непонятно, со многимъ я не согласенъ, а спросить некого — да и стыдно...

— Вотъ то то и есть! — съ спокойной грустью сказалъ "папаша" — сами еще младенцы - несмысленыши, а другихъ за собой зовете, и куда зовете! — На смерть, на ужасъ, на разрушеніе... Разрушить легко, — а создавать кто будетъ ? Развѣ васъ учать созиданію ? Развѣ вы сами учите созиданію тѣхъ, кого вы посылаете на смерть ?

— Но вы, Петръ Петровичъ, сами жи членъ партіи. Значитъ для себя вы все это уже разрѣшили?

— И для себя многаго не разрѣшилъ. Я вижу,—есть люди, отдающіе и силы, и жизнь свою за то, чтобы стало лучше жить въ Россіи, а разъ такъ — я долженъ работать вмѣстѣ съ ними. Вотъ и все. А программы вся-

кія, — ей Богу, — жизнь все сама исправитъ — нужное и полезное останется, ненужное и глупое отметется, какъ соръ.

Въ этотъ вечеръ мы долго сидѣли съ "папашей", за потухшимъ самоваромъ. Онъ курилъ крѣпкія и вонючія папиросы, и неторопливымъ голосомъ разсказывалъ о своихъ скитаніяхъ. Въ этотъ вечеръ въ моей гимназической комнатѣ, безповоротно было разрушено многое изъ того, что казалось раньше такимъ непоколебимымъ.

III.

Агентъ Ц. К., уѣхавъ въ Петербургъ за разрѣшеньемъ вопроса о демонстраціи, не возвращался. Безъ приказа "Центра", мы дѣйствовать не могли и потому изнывали въ ожиданіи. "Папаша", ставшій весьма популярнымъ въ нашемъ кружкѣ — постепенно пріобрѣлъ еще болѣе широкую извѣстность уже въ цѣломъ городѣ. У него оказался великолѣпнѣйшій теноръ. Выступивъ на благотворительномъ концертѣ, онъ очаровалъ всѣхъ дамъ, особенно исполненіемъ романса:

"Средь шумнаго бала случайно..."

Немедленно послѣ этого романса, гимназистка Оля Воронцова, въ которую была влюблена половина мужской гимназіи, — прокралась въ артистическую съ цѣлью налить "Папашѣ" духи въ галоши. За этимъ ее накрыла классная дама. Произошелъ скандалъ...

Другая исторія, съ которой опять было связано имя "папаши", была уже совсѣмъ другого рода:

Папаша мирно сидѣлъ за бутылкой пива въ одномъ изъ ночныхъ увеселительныхъ заведеній. Знаменитый у насъ въ городѣ безобразіями купецъ Евграфъ

Кожемякинъ явился туда въ сопровожденіи цѣлой свиты.

— Всѣ къ чортовой матери, кромѣ дѣвокъ, — по обычаю рявкнулъ Кожемякинъ на всю залу.

По обычаю же всѣ, кто тамъ былъ, покорно и поспѣшно бросились къ выходу. Не тронулись съ мѣста только двое — одинъ изъ нихъ "папаша", другой, какой то бритый господинъ иностраннаго вида.

Евграфъ Кожемякинъ подошелъ къ "папашѣ".

— Ты знаешь кто я?

— Не знаю.

— Я Евграфъ Кожемякинъ.

— А я Петръ Скворцовъ — отвѣтилъ папаша, прихлебывая изъ стакана.

— Ты слышалъ, что я сказалъ?

— Слышалъ.

— Ну?

— А ты не нукай. Если ты извозчикъ, такъ я не лошадь.

Евграфъ Кожемякинъ отъ неожиданности выкатилъ глаза и молчалъ нѣкоторое время.

— Вася! Гриша! — придя въ себя, распорядился онъ, — убрать его!

Подскочили Вася и Гриша — но въ томъ же порядкѣ Вася и Гриша были перевернуты вверхъ ногами, и полетѣли въ окно.

— Это называется "глима" — объяснилъ "папаша" — разновидность бокса, практикуемая въ Исландіи... Угодно попробовать?

Но Евграфъ Кожемякинъ уже выскочилъ въ сѣни и, собравъ тамъ свою свиту, устроилъ военный совѣтъ.

Бритый господинъ иностраннаго вида подошелъ къ "папашѣ".

— Разрѣшите представиться: Эндрю Смитъ, ком-

ми-вояжеръ торговой фирмы братья Олкокъ въ Лондонѣ. Позвольте пожать вамъ руку и помочь для дальнѣйшаго...

"Папаша", поставилъ мистера Смита у двери, а самъ всталъ по серединѣ комнаты. Когда осаждающіе, на этотъ разъ уже цѣлой толпой, снова ринулись къ дверямъ — мистеръ Смитъ съ необыкновенной ловкостью началъ хватать ихъ по одному за шиворотъ, и перебрасывать "папашѣ", который уже "исландскимъ способомъ", отправлялъ ихъ въ окно... Послѣднимъ былъ схваченъ Евграфъ Кожемякинъ.

— Миръ... Миръ!.. — завопилъ онъ, очутившись въ желѣзныхъ лапахъ мистера Смита — Почетный миръ!..

"Папаша" принялъ условія. Вася, Гриша и остальная свита Кожемякина были допущены къ побѣдителямъ.

Въ 6 часовъ утра — Евграфъ Кожемякинъ, мистеръ Смитъ, "папаша" и вся компанія летѣли на тройкахъ на загородную дачу Кожемякина.

Кожемякинъ, обнимая "папашу", говорилъ:

— Единственный ты у насъ въ городѣ человѣкъ!... Поцѣлуй меня!

Предполагаемая демонстрація такъ и не состоялась по винѣ совершенно внезапныхъ обстоятельствъ, окончательно смутившихъ мирную тишину нашего городка. И здѣсь "папаша" снова оказался въ центрѣ событій.

Произошло слѣдующее:

Уже давно мѣстные либеральные дѣятели собирались открыть у насъ народную, безплатную библіотеку. Деньги были собраны, зданье построено, архіерей дол-

го не давалъ разрѣшенія на освященіе. Наконецъ, торжество открытія состоялось.

На него собрался весь городъ, потому что развлеченій у насъ никакихъ не имѣлось, если не считать цирка Антоніо Рубикони "съ скаканіемъ артистовъ сквозь и чрезъ разные предметы при брильянтномъ освѣщеніи бенгальскаго огня".

Вначалѣ все шло недурно. Городской голова говорилъ привѣтственную рѣчь и, по обыкновенію, плакалъ, отъ чего публика пришла въ веселое настроеніе. Затѣмъ появились на эстрадѣ ученицы Епархіальнаго Училища въ сѣрыхъ платьяхъ и бѣлыхъ фартукахъ. Регентъ, Алешка Твердохлѣбовъ, саженнаго роста, рыжій мущина и совершенно пьяный, взмахнулъ камертономъ, и онѣ запѣли:

"Нощи разгоняютъ мраки
Пресвятительнымъ лучемъ —
Все едино вижу паки
И Единаго во всемъ...

Стихи и музыка были сочиненіемъ нашего владыки.

Во время этого пѣнія въ заднихъ рядахъ послышалось фырканье и даже смѣхъ. Было похоже, что начинается скандалъ. Полицеймейстеръ Кругликовъ уже нѣсколько разъ вставалъ съ своего кресла и оглядывалъ публику соколинымъ, пронзительнымъ взоромъ. "Папаша" сидѣлъ позади Кругликова и былъ имъ замѣченъ.

Послѣ пѣнія началась декламація. Этотъ номеръ поручили великовозрастному семинаристу Воздухосвятскому — первому въ семинаріи чтецу. Онъ вышелъ, кашлянулъ въ кулакъ, и оробѣлъ.

— Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ... —

дрожащимъ отъ волненія, хотя мужественнымъ баритономъ началъ онъ и, дойдя до строфы : "Родила ль Екатерина?" — неожиданно умолкъ.

— Родила-ль Екатерина? — послѣ долгой паузы повторилъ онъ, уже совсѣмъ растерявшись.

— Родила, родила... — произнесъ среди тишины голосъ "папаши".

Раздался громкій хохотъ со всѣхъ сторонъ. Многіе зааплодировали. Полицеймейстеръ Кругликовъ снова поднялся...

И тогда кто-то изъ заднихъ рядовъ крикнулъ, совсѣмъ ужъ ни къ селу, ни къ городу :

— Долой самодержавіе !

Наступило всеобщее молчаніе.

— Взять его ! — распорядился Кругликовъ, указавъ на "папашу". Подскочили городовые, схватили было, но онъ стряхнулъ ихъ:

— Не лѣзь съ лапами ! Самъ пойду...

И съ обычной невозмутимостью вышелъ изъ залы въ сопровожденіи почтительно слѣдующихъ за нимъ городовыхъ.

— Предлагаю очистить помѣщеніе ! — совсѣмъ уже грознымъ голосомъ приказалъ Кругликовъ.

Всѣ, соблюдая полную тишину, начали расходиться. Семинаристъ Воздухосвятскій, невольный виновникъ происшествія, такъ и остался на эстрадѣ съ разинутымъ ртомъ. Изъ-за кулисъ протянулась къ нему чья-то рука съ вылѣзшей манжетой и, схвативъ за сюртукъ, потащила. Занавѣсъ опустили.

Но въ раздѣвальной, гдѣ всѣ столпились у вѣшалокъ, произошелъ новый скандалъ. Евграфъ Кожемякинъ, опоздавшій къ началу торжества и какъ всегда сильно выпившій, внезапно увидѣлъ — уводимаго "папашу".

— Петя! Другъ! — закричалъ онъ — Ты куда? Не пущу! Фараоны проклятые! Петя, куда ты — туда и я...

IV

Очень обезпокоенный арестомъ "папаши", я вернулся домой и долго колебался, что дѣлать: созвать ли экстренное собраніе нашего кружка, или сѣсть за греческую грамматику. Завтра, по моимъ точнымъ разсчетамъ, меня долженъ былъ "вызвать" учитель греческаго языка, 35 лѣтъ избивающій въ нашей гимназіи младенцевъ. Общественное благо и личныя выгоды боролись въ моей душѣ. Но я былъ не твердъ въ "аористахъ" и струсилъ. Съ тоскливымъ предчувствіемъ неопредѣленнаго и надвигающагося несчастья зажегъ лампу и началъ зубрить.

Часа черезъ два кто-то сильно позвонилъ въ парадное. Наша Авдотья съ обычнымъ бормотаньемъ, шлепая туфлями, пошла открывать. Въ комнату ворвался Андрюшка Жеребцовъ — тоже членъ нашего кружка и хроникеръ мѣстной газеты, писавшій тамъ подъ псевдонимомъ "графъ Инчикъ".

— Володька! Слава Богу... Началось! — еще съ порога крикнулъ онъ. — Я прямо къ тебѣ, къ первому.

— Что началось?

— Нѣтъ, Володька — честное слово! Я прямо задыхаюсь... Здорово, чортъ возьми!

Андрюшка взъерошилъ волосы, повернулся на каблукахъ, даже насколько мнѣ помнится, крикнулъ: ура!

— Полицеймейстеръ Кругликовъ убитъ... Понимаешь! Застрѣлилъ его "папаша". Онъ оказалъ вооруженное сопротивленіе, отбился отъ конвоя и бѣжалъ. Его вездѣ ищутъ... А сейчасъ, въ редакціи полу-

чено извѣстіе, — начался пожаръ на Зарѣчной Слободѣ. Горитъ сразу въ пяти мѣстахъ... Понимаешь, что это означетъ?

Андрюшка снова закрутился на каблукѣ :

— Нѣтъ, это замѣчательно !.. Нашъ городъ далъ сигналъ... Ты пойми, — съ нашего города, именно съ насъ, началась Великая Всероссійская, а можетъ быть даже — Міровая Революція !

Я сидѣлъ молча. Извѣстіе меня ошеломило. Было жутко и, почему то, тоскливо... Въ начало всероссійской и міровой революціи я не повѣрилъ.

Андрюшка побѣгалъ еще нѣсколько минутъ по комнатѣ, высказалъ цѣлый рядъ чрезвычайно радикальныхъ мыслей по поводу происшедшаго и побѣжалъ дальше разносить по городу потрясающую новость.

Оставшись одинъ, я подошелъ къ окну. Въ темнотѣ, вдали, все ярче разгоралось зарево пожара. При отсвѣтахъ его видны были низко нависшія осеннія тучи съ багровыми, дымными краями. Было тихо. Я никакъ не могъ понять — для чего "папаша" сдѣлалъ "это".

Вдругъ кто-то осторожно постучался снаружи въ темное стекло.

— Потушите лампу ! — услышалъ я подъ окномъ глухой голосъ:

Я сейчасъ же дунулъ въ ламповый пузырь и открылъ окно. Передо мной неясно виднѣлась знакомая, коренастая фигура.

— Вы должны мнѣ помочь... Я долженъ бѣжать немедленно... Достаньте мужицкій ярмакъ и какую-нибудь шапку... Вы перевезете меня въ лодкѣ за рѣку... Буду васъ ждать во дворѣ, на сѣновалѣ... Торопитесь!..

Фигура исчезла.

Армякъ и шапку я досталъ у нашего кучера, Елисея, принесъ все это "папашѣ", дожидавшемуся на сѣновалѣ, онъ переодѣлся, мы перелѣзли черезъ заборъ и спустились къ рѣкѣ. Оба все время молчали. Надъ городомъ все ярче разгоралось зарево пожара.

— Во время загорѣлось, — сказалъ наконецъ "папаша", когда мы съ нимъ уже сидѣли въ лодкѣ — я на веслахъ, онъ на рулѣ, — кабы не этотъ пожаръ — поймали бы меня непремѣно.

— Зачѣмъ вы его убили? — спросилъ я, постукивая зубами, не отъ страха, конечно, а отъ чего то другого, — мнѣ все время было холодно...

— Глупѣйшая исторія!..Когда меня привели въ участокъ — Кругликовъ сталъ чинить допросъ. Эти дураки меня не обыскали. Я всегда хожу съ револьверомъ. Ну, допросъ былъ такой, что я сейчасъ-же попросилъ Кругликова быть повѣжливѣе. Онъ по обыкновенію развернулся... Тогда я отскочилъ, вынулъ револьверъ. Ну... сами знаете — человѣкъ онъ смѣлый и сумасшедшій... Выхватилъ шашку, полѣзъ на меня. Я выстрѣлилъ... Потомъ — въ окошко... За мной погнались... — Но не особенно, — я въ нихъ тоже раза два пальнулъ на бѣгу... Вотъ и все!..

Онъ замолчалъ. Мы причалили къ другому берегу. "Папаша" вылѣзъ изъ лодки.

— Ну, прощайте! — Спасибо вамъ, — и онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку, — и еще вамъ скажу — вы юноша хорошій... Жалко будетъ, если погибнете зря... Кончайте съ Богомъ гимназію, поступайте въ университетъ. А тамъ — видно будетъ. Шею себѣ сломать всегда успѣете...

И онъ, не оборачиваясь, зашагалъ по песчаному берегу къ кустамъ, въ темноту.

На слѣдующій день нашъ городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Дѣлу придали грандіознѣйшіе

размѣры. Произведено было много арестовъ среди ни въ чемъ неповинныхъ, кромѣ излишняго краснорѣчія, присяжныхъ повѣреныхъ. Народную библіотеку закрыли, всѣ мѣстныя газеты, за исключеніемъ "Епархіальныхъ Вѣдомостей", запретили... Порядокъ былъ возстановленъ.

Евграфа Кожемякина выслали изъ города верстъ на 500 къ сѣверо-востоку, но, впрочемъ, черезъ годъ разрѣшили вернуться. Вернулся онъ уже "постадавшимъ за убѣжденія" и сейчасъ же началъ жертвовать широкой рукой "на революцію".

V.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Событія 1905 года закрутили меня и выкинули на чужбину. И я, какъ тысячи такихъ-же, — безъ родины, безъ близкихъ, безъ денегъ, безъ цѣли, — скитался по Европѣ.

Однажды въ Женевѣ, на улицѣ, встрѣтилъ старую знакомую, Соничку, богатую барышню, занимавшуюся санскритскимъ языкомъ и остеологіей, то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ, то въ Римѣ.

Соничка позвала меня къ себѣ. Я пошелъ въ тотъже день и засталъ у нея цѣлое общество, исключительно мужское.

Соничка, въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ очень большимъ вырѣзомъ, и гладко причесанными волосами, сидѣла, поджавъ ноги, на диванѣ, курила, пуская тоненькія струйки дыма и, какъ всегда, разсказывала о себѣ. Гости пили чай и слушали.

Мнѣ она протянула къ губамъ длинную руку, и сказала:

— Знакомьтесь сами, какая скука...

Присутствующіе, по очереди, пробормотали каждый о себѣ.

— Андріанъ Бубликовъ — бывшій рабочій.

— Анохинъ, — помощникъ присяжнаго повѣреннаго изъ Москвы.

— Баньщиковъ — бывшій руководитель студенческихъ безпорядковъ.

— Князь Гоголіани — анархистъ...

Соничка сказала, указывая мнѣ еще на одного господина, сидѣвшаго отдѣльно въ углу.

— А это, monsieur Фуко, его занятіе — быть въ меня влюбленымъ и ревновать... Не правда-ли, monsieur Фуко ?

Полный, бородатый и унылый monsieur Фуко, вздохнулъ, закативъ глаза :

— О, русскія женщины!...

Я подсѣлъ къ Андріану Бубликову; онъ мнѣ сказалъ :

— Я, къ примѣру сказать, — прямо такъ и говорю —я есть рабочій, который больше работать не зажелалъ... А почему? Потому, что мнѣ наплевать.. Будетъ, страдали достаточно...

Я промолчалъ, онъ перемѣнилъ тему разговора :

— Вотъ, скажемъ, писатель — Максимъ Горькій — тоже рабочій. Романы пишетъ, а вѣдь самъ не знаетъ біологіи. Развѣ это допустимо ?

— А вы, должно быть, сами тоже пишете? — спросилъ я.

— Обязательно... Свою автобіографію. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ и до развитія сознательной жизни... Только трудно мнѣ очень.

— Что нибудь съ правописаніемъ ?

— Денегъ нѣтъ... Вотъ тутъ одинъ буржуй, дѣйствительно, предложилъ мнѣ поѣхать въ Италію на цементный заводъ рабочимъ... Такъ я его послалъ, куда сами знаете!.. Въ Италію ѣхать надо по музеямъ ходить, изучать искусство, а на заводѣ, пускай онъ, паразитъ, сукинъ сынъ, самъ работаетъ. — Вотъ пріятель

у меня одинъ — Гвездевъ — вмѣстѣ съ каторги бѣжали, на зубномъ врачѣ женился. Теперь стихи пишетъ.

Послѣ Бубликова я подсѣлъ къ Анохину, помошнику присяжнаго повѣреннаго изъ Москвы — человѣку тощему и изнуренному, съ уныло обвисшими усами.

— Вы давно знаете ее? — неожиданно, шепотомъ, спросилъ онъ, указывая на Соничку.

— Года два, три...

— Вы влюблены въ нее ? Она васъ любитъ ?

— Господь съ вами !

— Нѣтъ, я къ тому, что она меня мучаетъ. У меня въ Москвѣ жена — чудная, свѣтлая женщина. Трое дѣтей. Я ихъ всѣхъ обожаю до безумія — а самъ вотъ здѣсь... Ужасно. .Гадко. . Пошло. . И никакой надежды.

Я не зналъ, что ему отвѣтить. Соничка разливала чай и говорила:

— Нитше, — это мой конекъ... Я люблю одиночество, цвѣты и саму себя...

Анохинъ, глубоко затянувшись папиросой, спросилъ опять шепотомъ : — скажите — у нея есть любовники ?

— Ей Богу не знаю...

— Но, по крайней мѣрѣ были ?..

— Можетъ быть...

Онъ поглядѣлъ на меня и сильно засопѣлъ носомъ:

— Да, я тоже думаю, что были...

Когда я, вмѣстѣ съ прочими, собрался уходить, Соничка задержала меня.

— Вы можете остаться... Вы мнѣ нужны.

Я повиновался. Анохинъ, съ порога мрачно посмотрѣлъ на меня и, уходя, сильно хлопнулъ дверью.

VI.

Оставшись наединѣ съ Соничкой, я сѣлъ въ кресло и приготовился слушать, зная заранѣе, что былъ оставленъ для сердечныхъ изліяній.

Сонечка медленно прошлась по комнатѣ. Заломила руки за голову. Подошла къ окну. Молчанье становилось продолжительнымъ.

— Кто? — спросилъ я наконецъ.

Сонечка обернулась.

— Ахъ, Владиміръ Андреевичъ!.. Это необыкновенный, выдающійся человѣкъ... но онъ меня не хочетъ любить... Тѣмъ хуже для него... — Я исковеркаю ему жизнь, или погибну сама...

— А этотъ вашъ... какъ его? англичанинъ - парижскій?

Соничка сдѣлала презрительную гримасу.

— Дуракъ!.. Красивая дубина въ идеально сшитомъ пиджакѣ... Нѣтъ, нѣтъ... это все не то, я порвала со всѣми.

— Значитъ, теперешній—самый настоящій и единственный?

Соничка утвердительно наклонила голову.

— Да... Онъ сейчасъ придетъ...

— Русскій?

— Русскій... Бывшій террористъ... Человѣкъ желѣза и крови... Когда я смотрю въ его глаза—начинаетъ кружиться голова...

— Гм... Это, повидимому, серьезно...

— Совершенно серьезно! —

Въ дверь постучали. Соничка стремительно вынула изъ сумочки пуховку и попудрила носъ.

— Это онъ, — и громко крикнула,

— Войдите...

Въ дверяхъ появилась давно знакомая, но уже стол-

кими годами отдѣленная отъ юношескихъ моихъ воспоминанiй — приземистая, коренастая фигура. "Папаша"! — невольно воскликнулъ я.

Онъ не сразу меня узналъ, но, всмотрѣвшись, сказалъ: — Ага! — схватилъ меня и сталъ тискать; сѣрые глаза его сіяли.

— Господи... Господи!.. — повторялъ онъ, — вотъ неожиданность! Сколько вѣдь лѣтъ... Совсѣмъ мужчиной сталъ, а былъ то... И вотъ гдѣ Богъ привелъ встрѣтится! Тоже эмигрантъ?

— Эмигрантъ, папаша... и безнадежный... До скончанія дней своихъ.

— Ну... это еще какъ знать... Посмотримъ еще... Только жаль... Очень жаль... Скучаете небось?

Мы усѣлись съ нимъ рядомъ на диванъ и начали вспоминать старое.

Соничка вначалѣ мило улыбалась, затѣмъ брови ея нахмурились, она похлопотала около чайника, потомъ зѣвнула, потомъ, остановившись передъ нами, сказала, вытянувъ губки:

— Вотъ, тоже — милы... Какъ будто ни кого кромѣ нихъ нѣтъ въ комнатѣ... Пустите, я тоже хочу на диванъ...

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣтилъ "папаша". И она сѣла между нами, поворочалась, одергивая юбку и исподлобья поглядѣла на "папашу".

— Петръ Петровичъ, вамъ нужно волосы зачесывать на проборъ...

— Это для чего-же?

Но она уже вынула изъ головы большой гребень и принялась расчесывать и взбивать съ боковъ "папашины" волосы.

Онъ морщился, но молчалъ.

— А глаза у васъ сегодня — особенные, — добрые, добрые... Я у васъ такихъ глазъ ни когда не видала...

— Гм... — сказалъ "папаша".

— И еще знаете что?

— Нѣтъ не знаю...

— Вы ужасно сильный.

И она положила руку ему на плечо, ахнула, удивляясь, —какіе у него мускулы и, словно нечаянно, или отъ слабости, прислонилась къ нему совсѣмъ тѣсно. Тогда "папаша" засопѣлъ, заворочался и проговорилъ густымъ басомъ:

— Вы, барышня, ручку съ меня снимите, — я не люблю этого?

— Чего этого?

А вотъ того, что, если вамъ угодно со мной свободную любовь избражать — такъ говорите прямо, а этихъ подходовъ я терпѣть не могу...

Я отвернулся. Сонечка мелчала...

"Папаша" фыркалъ носомъ. Затѣмъ Соничка соскользнула съ дивана, лицо ея было блѣдное и губы прыгали:

— Вы грубый, неотесанный мужикъ!.. — сказала она, и голосокъ ея немного взвизгнулъ, — я не позволю себя оскорблять. Убирайтесь вонъ...

"Папаша" пожалъ плечами, взялъ шляпу и пошелъ къ двери...

— Плохого я вамъ ничего не сказалъ.. А если обидѣлъ, — такъ я дѣйствительно мужикъ... Прощайте...

И онъ вышелъ. Соничка стояла у окна, спиной ко мнѣ. Я пробормоталъ ей что-то въ спину, и догналъ "папашу" на улицѣ... Довольво долго мы шли молча. Дулъ теплый вѣтеръ. Невидимое озеро глухо плескалось внизу, въ темнотѣ.

— Вы меня, пожалуйста извините за эту сцену на диванѣ, — сказалъ, наконецъ "папаша", останавливаясь, чтобы раскурить трубку,—но, знаете, очень мнѣ досад-

но стало... Вотъ вѣдь — до чего человѣка довела... Ахъ — дѣвица!..

— Я вамъ, папаша, не судья, но, всетаки, вы ее жестоко обидѣли...

— Понимаю, конечно, — отвѣтилъ "папаша“, сопя трубкой, но вы сами посудите, — дѣвица она глупая и хочетъ, чтобы я у нея сталъ вродѣ домашняго животнаго, — въ глаза смотрѣлъ... А я не хочу.. Ей бы лучше замужъ выйти за хорошаго человѣка, да дѣтей рожать... А она, видите - ли, необыкновенная натура, изучаетъ остеологію... Видно моя судьба такая,—наноситъ на такахъ женщинъ, которыя...

Онъ вдругъ засмѣялся...

— А вѣдь знай она одну штуку... Связала-бы меня по рукамъ и ногамъ... Ну, да она на это не пойдетъ...

— Не понимаю, папаша...

— Нѣтъ, я такъ — своимъ мыслямъ. А, впрочемъ, — наплевать... Представьте, а вѣдь я съ ней прощаться приходилъ. Завтра уѣзжаю.

— Далеко ?

— Въ Македонію. Другъ у меня здѣсь есть, — воевода, македонскій революціонеръ. Давно все зоветъ — ѣхать къ нимъ драться. Школу у нихъ можно пройти хорошую, суровую, практическую... Можетъ быть, мнѣ и пригодится когда нибудь для нашей "матушки“.

— А если ухлопаютъ ?

— Что жъ... Кому отъ того печаль ? Человѣкъ я одинокій, никому не нужный и безполезный. Носитъ меня по свѣту, какъ листъ. Вездѣ мнѣ все чужое, и самъ я всему чужой.

— А Россія, папаша ?

— Россія?... Велика она ужъ очень. И народу въ ней много... Можетъ, какъ нибудь обойдется и безъ меня...

— А вы безъ нея обойтись можете?

— Я-то...? Вотъ, что вы, милый мой другъ!... Не задавайте мнѣ, пожалуйста, такихъ вопросовъ!

— Почему же такъ?

— Да потому... видите ли... Хотя бы потому, что человѣкъ я самолюбивый... И не хочу я, чтобы этого самого, какъ его называется, у меня бы видѣли... Хотя сейчасъ и темно!...

Онъ вынулъ платокъ и сердито высморкался...

— Ну-съ... вотъ... Вижу я что не успѣли мы съ вами встрѣтиться — какъ насъ снова раскидываетъ... Думаю — гдѣ нибудь опять встрѣтимся... Міръ тѣсенъ...

Мы простились съ нимъ дружески на чужомъ берегу чужого озера, какъ когда то на берегу родной и далекой сейчасъ рѣки. И снова онъ скрылся въ ночной темнотѣ.

Но я былъ увѣренъ что еще разъ встрѣчу его.

VII.

"На башнѣ Святого Сюльпиція пробило полночь. Потайная дверь въ высокой оградѣ стариннаго дома, на углу пустынной площади, отворилась и изъ нея вышелъ человѣкъ въ бархатной полумаскѣ"...

Когда то я зачитывался такими вещами, и чего бы тогда не далъ, чтобы глазкомъ увидѣть эти башни Святого Сюльпиція, и площадь, по которой шелъ благороднѣйшій незнакомецъ, и домъ съ потайною дверью.

Теперь я жилъ въ Парижѣ, по всей вѣроятности, въ томъ самомъ замѣчательномъ домѣ, на углу той площади и видѣлъ ежедневно изъ окошка башни Святого Сюльпиція. Только теперь я съ радостью отдалъ бы все это за то, чтобы снова очутиться въ моей старой гимназической комнатѣ. Но годъ за годомъ,

долгіе и тоскливые, воздвигали стѣну между мной и тѣмъ, что было теперь такъ недостигаемо.

Я жилъ въ небольшой комнаткѣ, занимался переводами и получалъ гроши. Къ сумерки, и когда не было денегъ чтобы топить каминъ, я шагалъ изъ угла въ уголъ, останавливался у окна и глядѣлъ на ненавистныя теперь башни Святого Сюльпиція.

По корридору шаркали туфли, это не былъ человѣкъ въ полумаскѣ, а просто обыкновенный, одинокій, какъ я, вѣжливый старичекъ, мой сосѣдъ, который шелъ внизъ къ консьержкѣ за письмами. Но пишутъ ему, какъ и мнѣ, очень рѣдко.

Иногда въ холодные дни, я ходилъ въ Люксембургскій музей. Тамъ было тепло и не такъ грустно. И вотъ однажды тамъ, у статуи Персея, я услышалъ русскій разговоръ.

— Видишь, Анеточка, это Персей, греческій герой. А это Горгона, женщина со змѣями вмѣсто волосъ. Отъ ея взгляда все живое превращалось въ камень.

— Ерунда какая, идемъ дальше, — отвѣтилъ недовольный женскій голосъ.

Я обернулся, — предо мной стоялъ "папаша", все тотъ-же, прежній. Я бросился къ нему, мы обнялись. И сейчасъ-же я почуствовалъ на себѣ чей-то враждебный и колючій взглядъ. Его спутница, маленькая, худенькая женщина, съ безцвѣтнымъ крохотнымъ личикомъ и съ выпяченнымъ животомъ, смотрѣла на меня тусклыми глазами.

— Моя жена! — съ замѣтнымъ смущеніемъ сказалъ "папаша" и указалъ на меня: — Владимиръ Андреевичъ. Мой другъ... помнишь, я тебѣ о немъ разсказывалъ.

Она поджала тонкія губы:

— Не помню... У тебя вѣдь столько друзей — пріятелей.... Всѣхъ не упомнишь!

"Папаша", какъ-то необычно для него, засуетился:

— Ты забыла, Анеточка... Ну, словомъ, мой другъ Владимиръ Андреевичъ... Я отлично помню, что много разъ разсказывалъ.

Я поклонился ей. Она едва кивнула и руки мнѣ не подала.

— Ты, между прочимъ, Петръ Петровичъ, не забудь что у меня сейчасъ -- портниха, и шляпы надо покупать, — пойдемъ...

Папаша нерѣшительно посмотрѣлъ на насъ обоихъ:

— Если вамъ, Владимиръ Андреевичъ, все равно — потолкуемъ по дорогѣ... А то видите... — дамскія дѣла! — И онъ попытался даже засмѣяться, потрепалъ меня по плечу...

Мы вышли изъ музея, " папаша " съ женой подъ руку. Я — сбоку. Тутъ только я замѣтилъ, что жена его беременна. Она шла подъ руку съ мужемъ — сильнымъ и коренастымъ — такая слабенькая, тщедушная, но казалось — не онъ велъ ее, а она его.

Мы подвигались впередъ очень медленно. Папашина жена упорно молчала. Онъ же порывался со мной заговаривать, но каждый разъ спрашивалъ о какихъ то глубоко не интересныхъ мелочахъ; я отвѣчалъ и мы опять замолкали. — Точно желѣзныя двери закрывались за нами.

У витрины шляпнаго магазина мы остановились. Папашина жена повернула ко мнѣ безбровое личико:

— Ну — мы пришли...

Я снялъ шляпу, прощаясь, но "папаша" схватилъ меня за локоть.

— Ни подъ какимъ видомъ! Только встрѣтились послѣ столькихъ лѣтъ — и вдругъ... Двухъ словъ не сказали...

— Ты, Петръ Петровичъ, опять забываешь, — сказала ему жена, — я по французски не говорю, и шляпу

выбирать одна не могу...

Онъ посмотрѣлъ на меня умоляющими глазами.

— Зайдемте, Владимиръ Андреевичъ. Поможемъ ей...

Въ магазинѣ мнѣ окончательно стало его жаль; эта маленькая женщина, съ большимъ животомъ оказалась необыкновенно требовательной. Ей ничего не нравилось и все было некрасиво. И дѣйствительно — на ея головѣ съ мочальными кудряшками каждая шляпа принимала видъ вороньяго гнѣзда.

Продавщицы суетились, говорили тоненькими голосами: — Voilà, Madame... Voici, Madame!

Но она съ раздраженьемъ смотрѣла въ зеркало и трясла головой.

— Нѣтъ, это удивительно!.. Никакого изящества... Ну, Парижъ! Чего же ты, Петръ Петровичъ, о немъ все разсказывалъ!

— Я, дѣточка, въ дамскихъ вещахъ не спеціалистъ.

Наконецъ, шляпу выбрали самую гнусную, вышли на улицу и папаша вытеръ лицо платкомъ.

— Ну, а къ портнихѣ ты ужъ одна, конечно, поѣдешь, — портниха вѣдь русская... А мы съ Владиміромъ Андреевичемъ пока что...

— Одна черезъ весь Парижъ въ автомобилѣ не поѣду, боюсь...

— Хорошо, хорошо, мы тебя проводимъ и сами гдѣ нибудь въ кабачкѣ посидимъ поблизости...

Когда мы добрались до портнихи, "папаша" опять упалъ духомъ, но я увѣренно повернулъ къ кафе, напротивъ, и онъ, въ чемъ-то еще увѣривъ жену, перебѣжалъ чрезъ улицу и сѣлъ рядомъ со мной у столика, положилъ зонтъ и посмотрѣлъ на меня съ доброй и виноватой улыбкой. Я спросилъ, что онъ будетъ пить. Папаша покосился на окно портнихи.

— Собственно говоря... Пью я теперь больше жид-

кости слабыя. Но... Куда ни шло — хватимъ съ вами по случаю встрѣчи чего нибудь крѣпкаго.. Да, странныя у насъ съ вами получаются совпаденія, не успѣемъ встрѣтиться — какъ приходиться опять прощаться !...

— Вы куда нибудь уѣзжаете ?

— Въ Аргентину... Съ женой... Думаю эмигрировать окончательно.. Богъ съ ней, съ Европой!.. Надоѣло все. Довольно ужъ я намыкался по бѣлому свѣту... А тамъ можно недорого купить кусочекъ земли. Стану фермеромъ, будетъ свой домъ, все свое...Тамъ ужъ и похоронятъ, у себя...

— А въ Россію не собираетесь?

Папаша вздрогнулъ. Лицо его потемнѣло.

— Нѣтъ, — глухо и рѣзко отвѣтилъ онъ. — Что мнѣ тамъ дѣлать? Нелегальнымъ быть? Благодарю покорно. Съ женой то и съ ребенкомъ ? Съ Россіей у меня счеты покончены...

Онъ опустилъ голову. Мы долго молчали. Внезапно онъ взялъ меня за руку.

— Владимиръ Андреевичъ! — сказалъ онъ — и въ звукѣ его голоса мнѣ почудилось то прежнее, что я въ немъ такъ долго и тщетно искалъ. — Не осуждайте меня... Я самъ себѣ судья, быть можетъ, еще болѣе жестокій. Но вы одного не знаете, и никто этого не зналъ, а она вотъ узнала. — Всю мою жизнь нелѣпую и грѣшную, я мечталъ объ одномъ — имѣть ребенка... Вы понимаете : маленькаго щеночка, крохотнаго, съ нѣжными лапками, съ глазками невинными.. И чтобы смѣялся онъ, какъ серебрянный колокольчикъ.. Вы понимаете? И вдругъ будетъ сынъ!.. Вѣдь это же кровь моя, мысли мои, кусочекъ моей жизни — безсмертіе !.. Я, значитъ, не умру... А иначе — тьма впереди... Холодъ... Неизвѣстность... Одиночество...

— Monsieur ! — появилась передъ нами какая-то

сильно потасканная дѣвица, — Madame васъ проситъ немедленно придти... Она у портнихи...

"Папаша" медленно поднялся:

— Прощайте, Владимиръ Андреевичъ! — тихо почти чуть слышно, сказалъ онъ, — если можете — не осуждайте меня... И не забывайте...

—Прощайте!... И вы обо мнѣ вспоминайте...

— Я то буду!

Онъ крѣпко, до боли, стиснулъ мнѣ руку и ушелъ, не оборачиваясь.

Я понялъ, что больше его никогда теперь не увижу. Да и зачѣмъ?.

А. Дикгофъ - Деренталь.

БОГИ ВОЙНЫ.

Сигналъ... Впередъ! Въ штыки! Въ атаку
Бѣгу, съ ружьемъ на перевѣсъ,
Изъ черной тьмы окопа въ лѣсъ,
Зеленому на встрѣчу мраку, —
Туда, къ опушкѣ, гдѣ въ тѣни
Горятъ на сѣромъ блестки стали.
Бѣгутъ на встрѣчу намъ... Вотъ стали...
Вновь устремились... Мы... Они...
Столкнулись... Помню: ревъ орудій
Предъ нашимъ крикомъ онѣмѣлъ.
Я видѣлъ плечи, руки, груди,
Но въ лица заглянуть не смѣлъ.
И вдругъ взглянулъ... Въ глаза мнѣ кротко
Глядѣли синіе глаза.
Другъ другу въ грудь штыкомъ грозя,
На мигъ застыли мы короткій.
И столько въ этотъ страстный мигъ
Прочли во взорахъ мы другъ друга
Страницъ любви, тоски, испуга,
Что не прочесть и въ сотняхъ книгъ.
— Кто ты? — другъ друга мы спросили.
Мой врагъ? — Нѣтъ. — Врагъ моей страны?
— О нѣтъ. — Смотри, мы силъ полны,
Мы молоды, чуть жизнь вкусили.
Мнѣ говорили: врагъ жестокъ.

Ты-жъ добръ, какъ я, и взоръ твой свѣтелъ.
Зачѣмъ тебя я въ битвѣ встрѣтилъ?
Кто ослѣпилъ насъ? Кто завлекъ?
Не одному-ли въ дѣтствѣ Богу
Молились въ тѣхъ-же мы словахъ?
Потомъ, когда у насъ въ сердцахъ
Заглохла вѣра понемногу,
Взамѣнъ не тѣ-же-ль разцвѣли
У насъ въ душѣ обѣтованья
Любви, прощенья, состраданья
И вѣра въ правоту земли?
Не чуждой волей, по охотѣ
Влеклись мы къ радостямъ, къ трудамъ.
Иль я мѣшалъ твоей работѣ?
Иль ты мѣшалъ моимъ мечтамъ?
И посмотри: кругомъ не всѣ-ли,
Какъ мы, любили и жалѣли?
Кто-жъ въ кроткомъ образѣ твоемъ
Велѣлъ мнѣ видѣть супостата?
Зачѣмъ съ грозящимъ остріемъ
Стою, какъ ты, предъ грудью брата?
Кѣмъ сердце ядомъ налито?
Кто насъ околдовалъ? Кто? Кто?

. . . .

Раздумья мигъ сомлѣлъ и канулъ,
И я услышалъ: чрезъ холмы,
Потрясши воздухъ, выстрѣлъ грянулъ, —
Потрясши душу, молвилъ: "Мы!...
Мы вами созданныхъ орудій
Стальная воля и душа,
Мы, вѣрные, свой долгъ сверша,
Мы вами управляемъ, люди.
Зачѣмъ изъ мрака косныхъ тѣлъ
Насъ вызвали для разрушенья?

Безцѣльныхъ нѣтъ судебъ и дѣлъ.
Мы жаждемъ жертвъ, мы ждемъ служенья.
Насъ не повергнутъ въ прежній сонъ
Вашъ поздній страхъ, мольбы и вздохи.
Мы — вашихъ слабыхъ душъ Молохи,
Веселье силы — нашъ законъ.
Дохнемъ — пространствъ сомнутся кручи,
Ударимъ — твердь скалы мягка.
Что сгложутъ сѣрые вѣка,
Разрушимъ въ яркій мигъ летучій.
Впередъ! Туда, гдѣ Богъ молчитъ,
Гдѣ тотъ неправъ, кто безоруженъ,
Гдѣ тотъ, кто вѣчнымъ сномъ не спитъ,
Весь до основъ души разбуженъ"...

. . . .

И, внемля выстрѣловъ языкъ,
Зажегшись волею стальною,
Въ моихъ рукахъ очнулся штыкъ
И повелѣлъ: "иди за мною!
Я выкованъ, я закаленъ,
Отточенъ, выграненъ умѣло,
Мнѣ дали власть проникнуть въ тѣло,
И этой властью я силенъ.
Я долго ждалъ. Мнѣ нѣтъ возврата.
Иди за мною! Я зову"...
— И я, покорный божеству,
Вонзилъ желѣзо въ сердце брата.

———

ОКОПНАЯ ПѢСНЯ.

Если я дождусь прихода Мая,
    Если доживу,
Окрикамъ дозорныхъ не внимая,
Въ лѣсъ пойду и ландышей нарву.
Межъ стволовъ расщепленныхъ, разбитыхъ,
Вкругъ могилъ недавнихъ и забытыхъ —
    Для тебя нарву.

Если я дождусь тепла Іюля,
    Если доживу,
Выйду въ поле,—не страшна мнѣ пуля,—
Маковыхъ цвѣтовъ тебѣ нарву.
Маковыхъ цвѣтовъ на полѣ боевъ,
Красныхъ маковъ, пившихъ кровь героевъ,
    Для тебя нарву.

Если я дождусь поры осенней,
    Если доживу,
Васильковъ—нѣтъ цвѣта неизмѣннѣй,—
На межахъ запущенныхъ нарву.
Бѣлый, красный, синій,—три зарока,—
Чистымъ, страстнымъ вѣрнымъ быть до срока,
    Если доживу.

Н. Минскій.

Изъ сказаній о праведныхъ и грѣшныхъ.

Сказаніе первое.

Объ Архангелѣ Аннаилѣ.

(Памяти Ф. Ройдъ- Капланъ, разстрѣлянной большевиками).

Въ эту послѣднюю ночь своей жизни Анна спала безпокойно. Видѣла сонъ.

Ей снилось, будто ее уже казнили. Пронизавъ пулями ея тѣло, солдаты закопали его и сравняли могилу съ землею, чтобы друзья и родные убитой не могли найти мѣсто, гдѣ похоронена она. Сдѣлавъ свое злое дѣло, солдаты поспѣшно удалились, душа же казненной осталась у мѣста, гдѣ покоилось тѣло ея. Въ теченіе сорока дней и сорока ночей витала и рѣяла она надъ покинутой людьми могилой, мучась, скорбя и стеная, не въ силахъ удалиться отъ бренной оболочки своей. А на сорокъ первый день она вдругъ почувствовала себя легкой, будто вся тягота земная упала съ крылъ ея, и, просвѣтленная, вознеслась на небо, дабы предстать предъ судомъ Всевышняго.

— Раба моя, Анна, что добраго и злого сдѣлала ты на землѣ? — спросилъ ее Господь.

— Я убила человѣка!

— Убійство есть дѣло дурное, воспрещенное строгой заповѣдью моею: Не убій!

— Знаю, Господи, и сознаю, что велика вина моя предъ тобою. Но человѣкъ, на котораго подняла я руку свою, былъ злымъ тираномъ, мучившимъ и губившимъ милліоны ни въ чемъ неповинныхъ. Чтобы спасти ихъ, я умертвила его. Но во искупленіе тяжкаго грѣха убійства, совершеннаго мною, я отдала мою собственную жизнь. Будь же милостивъ ко мнѣ, Господи, и не осуди меня на казнь вѣчную!

Задумался Всевышній на престолѣ своемъ. Потомъ изрекъ:

— Положивши душу свою за други своя, достойна ты спасенія вѣчнаго. Но преступивши заповѣдь мою, не можешь ты быть со мною въ раю, среди святыхъ угодниковъ моихъ. Повелѣваю тебѣ быть сопричисленной къ сонму воителей моихъ и даю послушаніе тебѣ, — въ теченіе первой тысячи вѣковъ не преступать ограды рая и стоять на внѣшней стражѣ его.

Призвалъ Господь архистратига Михаила, начальника силъ небесныхъ, и передалъ ему новопреставленную рабу свою.

— Какъ имя твое, раба Божія? — спросилъ ее архистратигъ, ведя ее среди кущъ прекрасныхъ, къ вратамъ райскимъ.

— Анна! — отвѣчала она.

— Отнынѣ имя тебѣ будетъ Аннаилъ!

И онъ далъ ей свѣтлое одѣяніе архангельское, золотыя латы и мечъ пламенный.

И стала Анна, на тысячу вѣковъ, на внѣшней стражѣ рая у самыхъ вратъ его. И когда поднимала она мечъ въ десницѣ своей, огненный лучъ прорѣзывалъ небесныя пространства, и люди на землѣ съ восторгомъ

говорили : — Зарница ! Зарница ! — Когда же она задѣвала мечемъ о самоцвѣтные камни святой ограды райской, громъ гремѣлъ среди тучъ, и люди на землѣ, въ трепетѣ и смятеніи, восклицали: Гроза! Гроза!

. . . .

. . . .

. . . .

Тяжелый ключъ повернулся въ огромномъ замкѣ тюремной двери. Дверь отворилась на желѣзныхъ петляхъ, и двое вооруженныхъ людей вошли въ камеру, гдѣ спала Анна.

Часъ казни насталъ.

Анну вывели за ворота тюрьмы и поставили на пустырѣ, у самой стѣны. Она попросила не завязывать глазъ, но не стала смотрѣть въ смущенныя лица солдатъ, дрожавшихъ отъ утренняго холода и угрюмо ожидавшихъ краткаго слова команды. Она смотрѣла вдаль, туда, гдѣ среди предразсвѣтнаго тумана небо уже начинало отдѣляться отъ земли. И въ тотъ самый мигъ, когда раздался залпъ, ей показалось, будто огненная полоса блеснула на небѣ. Вспомнивъ свой сонъ, она подняла передъ собою руку, какъ это дѣлалъ Анаилъ, когда, съ пламеннымъ мечемъ въ десницѣ, стоялъ онъ на стражѣ, у вратъ рая.

... И съ улыбкой радости она упала на землю...

Г. Алексинскій.

I

ПАНИХИДА.

Сколько могилъ,
Сколько могилъ,
Ты — жестока, Россія!
Родина, родина, мы съ упованьемъ,
Сирые, вѣрные, грѣемъ послѣднимъ дыханьемъ
Ноги твои ледяныя.
Хватитъ-ли силъ?
Хватитъ-ли силъ?
Ты давно вѣдь ослѣпла...
Въ сумрачной церкви поютъ и рыдаютъ.
Нищіе, сгорбясь у входа, тебя называютъ
Облакомъ чернаго пепла.
Капаетъ воскъ,
Капаетъ воскъ
И на пальцахъ твердѣетъ.
Стонетъ старикъ предъ иконою смуглой.
Глухо молитву поютъ; звукъ тяжелый и круглый
Катится, медлитъ, нѣмѣетъ...
Капаетъ воскъ,
Капаетъ воскъ,
Какъ слеза за слезою.
Плещетъ кадило предъ мертвымъ, предъ гробомъ.
Родина, родина! Ты исполинскимъ сугробомъ
Встала во мглѣ надо мною.

Мракъ обступилъ,
Мракъ обступилъ...
Неужели возможно
Вѣрить еще ? Да, мы вѣримъ, мы вѣримъ
И оскорбленной мечтою грядущее мѣримъ...
Вѣримъ, но сердце — тревожно.
Сколько могилъ,
Сколько могилъ,
Ты — жестока, Россія !
Слышишь-ли, видишь-ли ? Мы съ упованьемъ,
Сирые, вѣрные, — грѣемъ послѣднимъ дыханьемъ
Ноги твои ледяныя...

II

ВЬЮГА.

Тѣнь за тѣнью бѣжитъ — не догонитъ,
Вдоль по стѣнкѣ. Лежи, не ворчи.
Стонетъ вѣтеръ. — И пусть себѣ стонетъ.
Иль тебѣ не тепло на печи ?

Ночь лихая... Тоска избяная...
Чтожъ не спится ? Иль вѣтра боюсь ?
Это — Русь, а не вьюга степная,
Это корчится черная Русь.

Ахъ, какъ воетъ, какъ бьется — кликуша !
Коли можешь, — пойди и спаси.
А тебѣ-то что ? Полно, не слушай...
Обойдемся и такъ, — безъ Руси.

Стонетъ вѣтеръ все тише и тише...
Да какъ взвизгнетъ ! Ахъ, жутко въ степи !
Завтра будутъ сугробы до крыши...
То-то, вьюга ! Да ну ее... Спи.

III

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Звонъ, — и радугой росистой
Малый куполъ окаймленъ.
Капай частый, капай чистый
Серебристый перезвонъ !

Никого не забывая,
Жемчугъ выплесни живой...
Плачетъ свѣчка восковая, —
Голубь дымно-голубой.

И ясны глаза иконокъ,
И я счастливъ потому,
Что церковенка-ребенокъ
Распѣваетъ на холму,

А надъ нею, безпорочной,
Уплываетъ на востокъ
Тучка вогнутая, точно
Мокрый, бѣлый лепестокъ...

В. В. Набоковъ

1919 г.

Нашъ путь къ оздоровленію.

Приступая къ новому изданію, приходится ставить передъ собою вопросъ, — что же мы хотимъ сказать этимъ изданіемъ? Какова та главная руководящая идея, на которой мы бы могли объединиться? Признаемся, что отвѣтить совершенно ясно и конкретно на этотъ вопросъ въ условіяхъ современнаго момента нелегко.

Мы знаемъ, что культурное человѣчество переживаетъ кризисъ не только въ сферѣ реальныхъ отношеній, но и идейный. Его внутреннія противорѣчія въ области международныхъ отношеній уже выразились въ ужасной міровой войнѣ, въ которой культурные народы обнаружили готовность — подъ маской всевозможныхъ софизмовъ — прибѣгать къ самымъ ужаснымъ противучеловѣческимъ способамъ взаимоистребленія, какіе никогда еще не примѣнялись ни въ одной войнѣ и считались противными международнымъ законамъ: всѣ эти удушливые газы, подводныя лодки, бросаніе разрывныхъ снарядовъ въ мирное населеніе съ аэроплановъ, потопленіе госпитальныхъ судовъ, разстрѣливаніе санитаровъ и т. п. Въ этомъ уже обнаружился кризисъ въ области человѣческой этики людей XX вѣка. При томъ же цѣли войны соотвѣтствовали ея средствамъ: иниціаторы ея—германскіе милитаристы — открыто шли къ провозглашенію своей гегемоніи надъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ, то что бы то ни

стало. И это дѣлалось послѣ цѣлаго столѣтія борьбы народовъ за гуманизацію и демократизацію всей общественной жизни и учрежденій культурныхъ странъ! Очевидно какое-то глубокое зло подняло голову.

Культъ физической силы, извлеченный изъ средневѣковья нитшеанствомъ и подхваченный современными милитаристами, далъ въ этой войнѣ какъ-бы свой послѣдній бой. Правда, онъ оказался формально побѣжденнымъ на полѣ брани, — право побѣдило силу; но осталась еще обширная область, область общественныхъ отношеній, гдѣ этотъ культъ нашелъ себѣ благодатную почву и гдѣ бой далеко еще не оконченъ. Значеніе переживаемаго момента выступаетъ здѣсь еще ярче. Роль нитшеанцевъ и милитаристовъ въ этомъ случаѣ исполняютъ русскіе большевики. Ихъ варварскіе пріемы борьбы не менѣе милитаристичны, а ихъ конечная цѣль — " диктатура пролетаріата " — не менѣе гегемонична, чѣмъ пріемы и цѣль ихъ германскихъ собратьевъ въ войнѣ. Намъ кажется, что они близки и по своему происхожденію: страна, породившая идеологію физической силы и войны въ лицѣ Нитше и его послѣдователей, дала міру и теоріи матеріалистическаго объясненія исторіи, и классовыхъ антагонизмовъ, и диктатуры пролетаріата, крайними выразителями которыхъ, доведшими ихъ до логическаго абсурда, и явились большевики. Но это лишь внѣшніе признаки этихъ двухъ загадочныхъ и отвратительныхъ явленій; ихъ сходство не ограничивается внѣшними чертами. Разбойничья большевистская теорія активнаго меньшинства, права его на захватъ государственной власти, насильственное навязываніе человѣчеству коммунистической утопіи и, наконецъ, поразительная неутомимость и жестокая энергія, съ которыми большевики проводятъ свои насильственные эксперименты, несомнѣнно отражаютъ на себѣ слѣды Нитшеанскаго "сверхчеловѣка".

вая ненависть пролетаріевъ одинаково суть порожденія глубокаго пессимизма. Оба они стремятся не къ созиданію, а къ разрушенію; оба не плодятъ жизнь на землѣ, а сокращаютъ ее въ пользу немногихъ сильныхъ и рѣшительныхъ, хотя бы и преступныхъ; оба навязываютъ человѣчеству свои бездушныя доктрины путемъ ужасныхъ насилій и жестокостей; оба ведутъ людей къ порабощенію, а не къ свободѣ. И все это ради ненасытной жадности къ власти.

Что война ведетъ неизбѣжно къ опустошенію странъ, къ разоренію населенія и развалу всей организаціи человѣческаго общества, — это давно было извѣстно и никого не удивляетъ. Но чтобы крайнее выраженіе гуманитарнаго и свободолюбиваго соціализма могло въ конечномъ счетѣ привести къ тому же самому результату, — что такъ блестяще продемонстрировано теперь большевиками въ Россіи,— это ново и довольно неожиданно для самихъ революціонныхъ соціалистовъ, которыхъ въ концѣ концовъ все таки всегда тянуло къ положительнымъ (хотя и неосуществимымъ) утопіямъ Ш. Фурье и Р. Овена, а не къ тому, что въ дѣйствительности сулитъ міру всесокрушающій большевизмъ, — средневѣковой пустынѣ, съ нищимъ и апатичнымъ трудовымъ населеніемъ и кучкой сильныхъ и распутныхъ, вооруженныхъ до зубовъ, разбойниковъ надъ ними.

Такимъ образомъ идеализація отрицанія и разрушенія исчезла. Большевики сорвали выжидательную позицію революціоннаго соціализма и навязали ему преждевременную идейную развязку. Поэтому соціалисты остались безъ соціально-революціонной программы, и имъ приходится волей-неволей заниматься въ этотъ критическій моментъ несвойственной имъ, чисто либеральной "борьбой съ реакціей", стоя на точкѣ зрѣнія не "соціализма", а "демократичности". Но этимъ суррога-

томъ идейный кризисъ не разрѣшается. Вѣдь демократическое государство есть только средство для установленія болѣе удовлетворительной и устойчивой соціальной организаціи, чѣмъ существовавшая до настоящаго революціоннаго момента. Поэтому на демократическомъ государствѣ лежитъ обязанность провести извѣстныя соціальныя реформы. Но въ томъ то и дѣло, что всѣ тѣ соціальныя реформы, которыя назрѣли еще при старомъ порядкѣ и которыя можно было бы проводить теперь,—какъ 8-ми час. рабочій день, минимальная заработная плата, страхованіе отъ увѣчій и болѣзней и т. д.,—уже не удовлетворяютъ современныя трудовыя организаціи. Онѣ хотятъ участія въ администраціи предпріятій, въ которыхъ работаютъ, и даже въ самомъ управленіи государствомъ, въ которомъ живутъ.

Вотъ почему въ не менѣе безпомощномъ положеніи оказываются и буржуазные демократы: въ ихъ портфеляхъ нѣтъ для труда ничего кромѣ компромисовъ.

Едва ли нужно говорить объ крайнихъ правыхъ, въ портфеляхъ которыхъ нѣтъ и этого, а лишь всеспасательный рецептъ: "тащить назадъ и не пущать!"

Жизнь требуетъ повышенія производительности труда, во что бы то ни стало. А въ условіяхъ обычнаго наемнаго труда и при современномъ отношеніи къ нему наемнаго работника, серьезное повышеніе производительности невозможно. Пропитанный классовой ненавистью, наемный рабочій видитъ въ своемъ трудѣ лишь эксплуатацію и проклятіе своей жизни. А такъ какъ производительность труда находится въ прямой зависимости отъ интереса и amour propre, которыя работникъ вкладываетъ въ свою работу, то очевидно, что это условіе осуществимо, только когда рабочій сдѣлается, въ той или другой мѣрѣ, заинтересованнымъ участникомъ въ самомъ предпріятіи. У крестьянъ это

стремленіе выражается въ требованіи права собственности на землю, а у промышленнаго работника — участія въ управленіи.

А между тѣмъ обычная организація производства и распредѣленія такого участія не допускаетъ, — даже ко-партнершипъ не удовлетворяетъ обѣ стороны.

Нужно, значитъ, найти какую-то новую форму общественной организаціи труда, которая отвѣчала бы новымъ требованіямъ. И отмахнуться отъ нихъ нѣтъ никакой возможности.

На основаніи опыта кооперативныхъ предпріятій можно утверждать, что проблема повышенія производительности труда разрѣшима только въ этомъ направленіи,—когда рабочіе откажутся отъ обычнаго профессіональнаго отношенія къ своему труду, какъ къ чему-то чужому и враждебному, и увидятъ въ немъ свое общественное дѣло,—свое, а не чужое. Только при этомъ условіи оказывается фактически возможнымъ избѣжать требованій ни съ чѣмъ несообразныхъ повышеній расцѣнокъ за трудъ, устранить безцѣльныя и безконечныя забастовки и установить довѣрчивыя и доброжелательныя отношенія между рабочими и выборной кооперативной администраціей. При существованіи-же обычнаго профессіональнаго отношенія къ наемному труду — "какъ можно больше получить и какъ можно меньше сработать",—даже въ кооперативныхъ предпріятіяхъ ни при какихъ договорахъ, ни при какихъ правилахъ и условіяхъ труда, дѣло не обходится безъ забастовокъ и безъ обостренія отношеній. А въ кооперативномъ дѣлѣ, какъ извѣстно, одинъ изъ обязательныхъ принциповъ управленія состоитъ въ томъ, что условія труда здѣсь должны быть наилучшія изъ всѣхъ подобныхъ же предпріятій въ округѣ: — высшія расцѣнки, болѣе льготные часы

труда, регулярные оплачиваемые отпуски всѣмъ рабочимъ и служащимъ, и т. д.

Какіе - же отсюда слѣдуетъ сдѣлать выводы ? —

1) никакими частичными уступками въ условіяхъ наемнаго труда, т. е. повышеніемъ расцѣнокъ, сокращеніемъ рабочихъ часовъ и т. п. палліативами, помочь дѣлу нельзя, потому что это сказка про бѣлаго бычка.

2) Все дѣло въ отношеніи трудящагося къ своему труду. Оно можетъ быть или "изъ подъ палки", "съ ненавистью", "по обязанности", вообще постороннее. Или оно можетъ быть "по доброму желанію", какъ къ своему общественному дѣлу, "съ интересомъ" и даже съ любовью (amour propre). Первое отношеніе формальное и мертвое, отрицательное; а второе жизненное, положительное и творческое. Изъ перваго выросъ въ конечномъ счетѣ большевизмъ, а изъ второго долженъ возникнуть и уже возникаетъ новый солидарный порядокъ человѣческихъ отношеній и новый созидательный соціализмъ, — третья и послѣдняя стадія соціализма, которой и суждено, по нашему убѣжденію, утвердиться путемъ естественной эволюціи и экономической самодѣятельности населенія при содѣйствіи государства.

3) Въ основѣ его лежитъ творческій трудъ и признаніе за всѣми людьми, къ какому-бы классу они ни принадлежали, способности къ творчеству, которое и есть истинный источникъ новыхъ цѣнностей (surplus value) въ производствѣ. Имъ опредѣляется общественное достоинство всѣхъ людей въ общежитіи; оно является источникомъ самоудовлетворенія жизнью и самыхъ счастливыхъ переживаній отдѣльныхъ людей.

На этой основѣ здороваго оптимизма и положительнаго отношенія къ жизни, будетъ строиться въ

будущемъ и весь новый общественный порядокъ. Трудъ перестанетъ быть товаромъ, продаваемымъ на рынкѣ тому, кто больше за него дастъ. Онъ сдѣлается однимъ изъ видовъ общественнаго служенія ради общаго блага. Организовываться трудящіеся будутъ не для борьбы со своими классовыми врагами, а либо для облегченія и усовершенствованія труда, либо для повышенія его успѣшности и производительности. Съ другой стороны капиталъ, сдѣлавшись общественнымъ (муниципальнымъ, кооперативнымъ и т. д.), перестанетъ автоматически притягивать къ себѣ, какъ магнитъ, всѣ остатки цѣнностей отъ личнаго потребленія людей и распухать во враждебную труду силу, какъ снѣжный комъ, отъ прилипающихъ къ нему новыхъ и новыхъ дивидендовъ. Съ ограниченіемъ прибылей на капиталъ и съ подчиненіемъ его общественному управленію и контролю, какъ это и теперь уже дѣлается въ общественныхъ предпріятіяхъ, онъ перестанетъ быть орудіемъ эксплуатаціи и сдѣлается служебнымъ средствомъ для распространенія благъ такихъ организацій на новыя и новыя части населенія. Такой одухотворенный трудъ будетъ интересовать людей не своими внѣшними свойствами — приносить заработокъ,—а внутреннимъ содержаніемъ,—своею способностью удовлетворять новые духовные запросы. Согласно оригинальному объясненію англійскаго художника, покойнаго Вилліама Морриса, истинный источникъ искусства есть удовольствіе въ трудѣ. Отсюда понятно, какія широкія перспективы открываются для искусства при такой постановкѣ общественнаго труда въ будущемъ. Тоже самое можно сказать и всѣхъ другихъ родахъ дѣятельности — образованіи, охранѣ народнаго здравія, воспитанія дѣтей и т. д.

Вотъ выявленіе основъ этого-то грядущаго новаго

порядка во всѣхъ областяхъ жизни и ставитъ своей главной задачей редакція "Грядущей Россіи".Мы знаемъ, что положительныя, творческія основы его есть повсюду —въ природѣ человѣка, въ его трудѣ, въ обществѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ общественныхъ организаціяхъ,— словомъ, всюду, гдѣ дѣйствуютъ живыя, созидательныя силы, но гдѣ современные люди не видятъ и не ощущаютъ ихъ.—Почему? Для этого конечно есть много объективныхъ причинъ, — но отчасти и потому, что ихъ духовное зрѣніе было отравлено пессимизмомъ за послѣдніе почти сто лѣтъ. Они страдали своего рода духовнымъ дальтонизмомъ къ положительному содержанію жизни, — и теперь этой болѣзни приходитъ конецъ. Міровая война съ одной стороны и большевизмъ съ другой вскрыли для всего свѣта и въ особенности для насъ русскихъ (и не для однихъ интеллигентовъ, а для массы русскаго народа), что такое несетъ съ собой этотъ загадочный и демоническій "сверхчеловѣкъ". И мудрено ли, что они съ отвращеніемъ отворачиваются отъ этого бездушнаго и злобнаго порожденія пессимистической доктрины? Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ встревоженныхъ душахъ возникаетъ образъ другого сверхчеловѣка, движимаго иными мотивами положительнаго, а не отрицательнаго свойства, вдохновленнаго стремленіемъ къ созиданію, а не къ разрушенію, къ свободѣ, а не къ порабощенію, ищущаго новаго основанія равенства всѣхъ людей въ самой природѣ человѣка, сверхъ легкомысленно - развѣнчанныхъ "правъ человѣка и гражданина", и ставящаго требованія общаго блага выше всякихъ партійныхъ или классовыхъ задачъ и вожделѣній.

Такова соціальная идея, вдохновляющая и насъ.

Что же касается до политики, то тутъ все гораздо проще и яснѣе. Прекращеніе гражданской войны въ Россіи сдѣлается возможнымъ лишь съ того мо-

мента, когда русская государственная власть будетъ окончательно вырвана изъ рукъ большевистскихъ комиссаровъ. А до тѣхъ поръ подавленіе большевистскаго бунта вооруженной рукой не должно и не можетъ прекратиться.

Возстановить народное хозяйство и рабочій аппаратъ въ современной Россіи можетъ только искренно демократическая, но твердая власть, потому что для этого она должна привлечь къ сотрудничеству съ собою большую часть населенія, хотя бы черезъ народныя кооперативныя организаціи. Иначе намъ грозитъ цѣлый рядъ переворотовъ вплоть до полнаго изнеможенія и захвата страны чужеземцами того или другого наименованія.

Съ бѣшеннымъ ростомъ спекуляціи въ населеніи, какъ съ другимъ видомъ азартной игры и озвѣрѣнія, слѣдуетъ бороться, какъ съ симптомами остраго духовнаго голода, не столько судами и разстрѣлами, сколько путемъ широкой организаціи массового просвѣщенія, проповѣдью художественной красоты, научной истины, моральнаго и духовнаго возрожденія.

Для всякой власти во время гражданской войны обязательны двѣ задачи — успѣхъ въ войнѣ съ врагами и сохраненіе за собою довѣрія населенія. Достиженіе первой немыслимо безъ осуществленія второй. Поэтому совершенно необходимо привлечь къ участію въ управленіи страной ея демократическія силы.

А чтобы онѣ шли и вѣрили власти, нужно, чтобы гражданское управленіе находилось въ рукахъ людей, пользующихся довѣріемъ населенія. А кромѣ того, чтобы военныя власти не мѣшались въ него безъ крайней надобности. Довѣрять военной власти населеніе можетъ только черезъ гражданское управленіе и за его поручительствомъ. Этого никогда не слѣдуетъ забывать, особенно во время гражданской войны, когда насе-

леніе тыла такъ чутко ко всякимъ ошибкамъ новой власти. А кромѣ того, какъ бы мы ни любили и ни уважали свою армію за ея геройскую готовность умирать за Родину въ критическій моментъ ея жизни, — мы не можемъ не сознавать, что она, какъ учрежденіе, есть все-таки органъ разрушенія на тѣлѣ созидающей націи. Рано или поздно настанетъ моментъ, когда Родинѣ понадобится развернуть всѣ свои созидающія силы. И горе ей, если въ этотъ моментъ главныя части ея государственнаго управленія окажутся поглощенными военной организаціей. Дѣло легко можетъ окончиться хронической болѣзнью военныхъ переворотовъ, какъ это и было въ Испаніи или въ Мексикѣ.

Учредительное Собраніе необходимо созвать при первой возможности на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Но собирать его еще во время войны, когда большевистскій угаръ еще не улегся, — опасно. Поэтому приходится до окончанія войны ограничиваться періодическими совѣщаніями выборныхъ представителей населенія (земствъ, городовъ, общественныхъ организацій).

По мѣрѣ занятія освобожденныхъ отъ большевиковъ мѣстностей въ нихъ какъ можно скорѣе необходимо вводить земское и городское самоуправленіе изъ мѣстныхъ людей. Это особенно важно въ мѣстностяхъ инородческихъ.

Еврейскіе погромы обязательно должны пресѣкаться самыми суровыми мѣрами. Иначе это поведетъ къ деморализаціи и арміи, и населенія. *Никому и никогда погромы не проходили еще даромъ.* Пусть наши антисемиты не забываютъ этого.

Браться за разрѣшеніе или перерѣшеніе земельнаго вопроса во время гражданской войны, значитъ дѣлать то же, что дѣлали большевики, поднимая соціальные во-

просы во время міровой войны,—и приблизительно съ тѣми же результатами.

По отношенію къ обособившимся отъ Россіи народностямъ, мы не можемъ повѣрить, чтобы наше единство съ ними въ прошломъ было дѣломъ одного нашего захватнаго имперіализма, а не въ гораздо большей степени — государственно-экономическихъ и географическихъ необходимостей въ объединеніи съ Россіей. Онѣ, — эти необходимости, — существуютъ и до сихъ поръ, и требуютъ новыхъ приспособленій въ интересахъ самихъ народностей на почвѣ широкой областной автономіи, а — въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — быть можетъ, и федераціи. Вотъ почему мы не можемъ признать съ легкимъ сердцемъ, чтобы ихъ безусловный сепаратизмъ могъ быть для кого нибудь изъ насъ, или для всѣхъ вмѣстѣ, однимъ чистымъ благомъ.

Н. В. Чайковскій

Вильсоніанство

Восемь никому невѣдомыхъ провинціаловъ, составляющихъ республиканское большинство американскаго сената, не пожелали, чтобы человѣчество осуществило одинъ изъ грандіознѣйшихъ своихъ замысловъ.

" Выиграть войну не достаточно ", говорилъ Президентъ Вильсонъ годъ тому назадъ въ своей первой рѣчи въ Европѣ, — " надо ее выиграть такъ, чтобы былъ обезпеченъ миръ всего міра и заложены основанія свободы и счастья его многочисленныхъ народовъ и націй. " И въ другой рѣчи: "Вы знаете чувства и намѣренія, съ которыми представители Соединенныхъ Штатовъ поддерживаютъ великій проектъ Лиги Народовъ. Мы видимъ въ немъ краеугольный камень всего, что выражало наши задачи и идеалы въ этой войнѣ и что объединившіеся народы приняли за основаніе своего договора. Если мы вернемся въ Америку, не сдѣлавъ всего, что въ нашихъ силахъ для осуществленія этой программы, мы встрѣтимъ заслуженный гнѣвъ нашихъ согражданъ... Для насъ нѣтъ выбора, и мы должны выполнить ихъ мандатъ".

Случилось то, чего менѣе всего ожидали. Когда "мандатъ" былъ выполненъ, выяснилось, что сограждане президента Вильсона этого мандата ему совсѣмъ не давали. Президентъ вызвалъ, если не "заслуженный гнѣвъ", то, во всякомъ случаѣ, нескрываемую досаду средняго американца не тѣмъ, что онъ не добился воз-

никновенія Лиги, а тѣмъ, что онъ достигъ этой цѣли. Онъ дѣйствовалъ на нервы этому среднему американцу, и послѣдній, мало задумываясь надъ міровыми послѣдствіямъ своихъ дѣйствій, въ лицѣ безвѣстныхъ сенаторовъ изъ какой нибудь Миннезоты или Южной Дакоты, торжественно провалилъ всю ту работу, на которой были сосредоточены въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ взоры всего человѣчества. Одинъ изъ "большихъ четырехъ", какъ звали міровую "директорію" временъ мирнаго конгресса, просто на просто оказался дѣйствующимъ безъ довѣренности. Болѣзнь президента, благодаря отсутствію оффиціальной правды молвою толкуемая какъ душевное разстройство, еще усилила ноту своеобразной трагикомедіи американскаго выступленія въ дѣлахъ старой Европы.

Конечно, судьба Версальскаго договора и помѣщеннаго внутри его соглашенія о Лигѣ Народовъ еще не окончательно выяснена въ американскомъ сенатѣ. Можетъ быть, въ концѣ концовъ договоръ утвердятъ со знаменитыми четырнадцатью "оговорками", надо полагать, по числу не менѣе знаменитыхъ "пунктовъ" Президента, — а потомъ техники европейскихъ дипломатическихъ канцелярій замажутъ словами образовавшіеся щели; но послѣ такой операціи договоръ о Лигѣ утратитъ всякое содержаніе и станетъ краснорѣчивымъ памятникомъ человѣческаго лицемѣрія. Подъ стилизованнымъ на старый англо-саксонскій ладъ именемъ "общественнаго договора", "Covenant'a", народовъ будетъ скрываться болѣе или менѣе словесная труха.

Мы, русскіе, можемъ наблюдать совершающееся крушеніе Версальскаго "ковенанта" съ большимъ спокойствіемъ, чѣмъ другіе. Мы не выдумывали Лиги Народовъ и стали о ней немного говорить только въ тотъ періодъ, когда забота о возстановленіи Россіи закрыла собой всѣ остальныя дѣла, и то больше пото-

му, что о Лигѣ много спорили на западѣ; насъ не звали вырабатывать «Covenant», и у насъ нѣтъ даже слова, чтобы перевести этотъ терминъ. Изъ договора мы узнали для Россіи только одно : — что, когда время придетъ, насъ примутъ въ Лигу, какъ принимаютъ въ клубъ, по баллотировкѣ, причемъ, если Боливія, Гватемала, Эквадоръ, Хеджазъ, Никарагуа и еще нѣсколько того-же уровня государствъ положатъ на лѣво, то мы въ "Общество Народовъ" не попадемъ. Все это было мало серьезно, и теперь, когда съ разныхъ сторонъ возникаетъ усиленный и весьма серьезный спросъ на дружбу будущей Россіи, опасность не угодить Гватемалѣ и Хеджасу кажется довольно курьезной. Но разъ обстоятельства поставили насъ, волей неволей, въ положеніе спокойныхъ наблюдателей, мы можемъ использовать нашу объективность и спросить себя, въ предвидѣніи будущаго нашего государственнаго строительства, "на что поднялъ руку" М-ръ Лоджъ подъ куполомъ американскаго конгресса и будемъ-ли мы работать въ будущей Россіи надъ воскрешеніемъ повергнутыхъ сейчасъ ницъ Вильсоновскихъ замысловъ о новомъ устроеніи человѣчества.

Мнѣ не хотѣлось бы исходить изъ буквы Версальскаго договора. Въ той его части, которая посвящена Лигѣ Націй, этотъ документъ гораздо менѣе вразумителенъ, чѣмъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о количествѣ уступаемаго союзникамъ тоннажа или о размѣрѣ вносимой фармацевтическими средствами контрибуціи. Осуществленіе проекта "Общества Народовъ" въ актѣ 28 іюня 1919 г. совершилось въ формулахъ сложныхъ, громоздкихъ и неуклюжихъ. Но дѣло не въ подробностяхъ этихъ договорныхъ формулъ, а въ общемъ ихъ смыслѣ.

Этотъ общій смыслъ таковъ. Вмѣсто анархіи стараго "политическаго равновѣсія", которое, будто-бы, доказало свою непригодность, государства отнынѣ объе-

диняются, ради охраны мира, въ одно громадное цѣлое, въ "Общество Народовъ". Общество имѣетъ постоянную организацію: родъ парламента и родъ исполнительнаго органа. Парламентъ — "Собраніе Общества Народовъ" и исполнительный органъ — "Совѣтъ Общества Народовъ" охраняютъ территоріальную неприкосновенность и политическую независимость членовъ Лиги. Для этого всѣ споры между ними признаются подлежащими разбирательству Лиги въ лицѣ его Совѣта. Если, вопреки сужденію Совѣта, одно государство начинаетъ войну съ другимъ, то оно почитается вступившимъ въ борьбу со всей Лигой, и послѣдняя объявляетъ экономическую войну ослушавшейся странѣ, поддерживаемую вооруженной силой соединенныхъ контингентовъ членовъ Лиги.

Такова схема. Не буду настаивать на томъ, что подробности договорнаго развитія этой схемы ее значительно ослабляютъ. Прежде всего, миротворческій "Совѣтъ Общества Народовъ" состоитъ въ большинствѣ изъ представителей Великихъ Державъ, выигравшихъ міровую войну, съ добавленіемъ меньшинства изъ представителей малыхъ странъ, частью — пока — вѣрныхъ союзникамъ, — и такимъ образомъ "Совѣтъ", какъ двѣ капли воды, напоминаетъ прежній центральный органъ политическаго союза, когда-то созданнаго не чѣмъ инымъ, какъ презрительно сдаваемымъ Президентомъ Вильсономъ въ архивъ "политическимъ равновѣсіемъ". Далѣе, компетентность Совѣта и Лиги въ дѣлахъ войны и мира въ договорѣ сопровождается всякаго рода условіями о большинствѣ и единогласіи его голосованій, условіями, которыя не стоитъ здѣсь передавать, но въ результатѣ которыхъ можетъ оказаться, что указаній Совѣта будетъ позволено и не слушаться. Затѣмъ, въ распоряженіи Лиги нѣтъ дѣйствительныхъ вооруженныхъ средствъ борьбы съ непослушными участниками,

ибо ссылка договора на тѣ военные контингенты, которые могутъ быть поставлены въ распоряженіе Лиги ради охраны мира, доведена въ своей редакціи до максимальной неопредѣленности, а всѣ усилія Франціи въ лицѣ Леона Буржуа снабдить Лигу — продолженіе антигерманской коалиціи! — средствами военнаго воздѣйствія не дали результата. Наконецъ, — и это не менѣе важно, чѣмъ остальное, — нѣтъ никакихъ гарантій, что, даже войдя однажды въ Лигу, тѣ или другія государства изъ нея не выйдутъ, а надъ стоящими внѣ Лиги странами авторитетъ "Общества Народовъ" падаетъ до предоставленія ему лишь права "дѣлать предложенія, способныя предупредить войну и достигнуть рѣшенія столкновенія", какъ счастливо выражается ст. 17 Версальскаго договора.

Но забудемъ всѣ черты сходства "Общества Народовъ" съ весьма односторонней политической коалиціей и вернемся къ чистому Вильсоновскому идеализму. Допустимъ даже, что въ чистотѣ этого идеализма нѣтъ подлинной исторической правды, и что подлинный историчскій Президентъ, въ качествѣ представителя политически даровитѣйшаго англо-саксонскаго племени, умѣлъ сочетать весьма опредѣленный реализмъ съ далеко идущимъ внѣшнимъ идеализмомъ. Но насъ не долженъ заботить этотъ реальный подлинникъ, даже если онъ существовалъ на самомъ дѣлѣ. Эпопея Вильсоновской "реальной политики" была бы слишкомъ комической. Вильсону принадлежитъ самостоятельное мѣсто въ исторіи человѣчества только, какъ носителю "Вильсоніанства", огромнаго по своему моральному вѣсу идеалистическаго построенія.

Оно не умретъ. Въ разгаръ территоріальныхъ раздѣловъ и безудержной политической спекуляціи большихъ и въ особенности малыхъ народовъ, сопровождающихъ ликвидацію великой войны, все пережитое чело-

вѣчествомъ испытаніе невольно заслоняется текущими заботами и тревогами. Ликвидація для ряда странъ идетъ мало успѣшно, и уже накоплено множество новыхъ обидъ и раздраженій и у побѣдителей, и у побѣжденныхъ, и даже у тѣхъ, кто не былъ ни побѣдителемъ, ни побѣжденнымъ, а родился въ послѣднюю минуту, изволеніемъ побѣдителей, иногда не безъ доли предварительнаго участія побѣжденныхъ. Въ этой атмосферѣ память о войнѣ внѣшне какъ бы тускнѣетъ. Но войны все-таки не вычеркнуть изъ сознанія культурнаго человѣчества. Великія страданія не могутъ не быть искуплены.

" ...Я сказалъ моимъ союзникамъ, что теперь долженъ быть заключенъ народный миръ, потому что кончилась народная война. Народъ выигралъ войну, не правительства, — и народъ долженъ извлечь благо изъ этой войны. Всякую минуту мы должны думать о томъ, что дѣло идетъ не объ одномъ сговорѣ между правительствами, но о соглашеніи ради мира и безопасности мужчинъ и женщинъ на всемъ свѣтѣ". Развѣ можно дѣйствительно вычеркнуть изъ культурнаго инвентаря человѣчества эти благородныя слова одной изъ парижскихъ рѣчей Президента?

А если нѣтъ, то что значатъ столь занимающія насъ сейчасъ голоса сводящихъ партійные счеты восьми американскихъ сенаторовъ? Они на минуту выплыли изъ своего историческаго небытія на не остывшую еще, расплавленную войной, политическую поверхность человѣческаго міра, но они уйдутъ туда, откуда пришли. Къ тому-же они не одни. Съ азартомъ и страстностью, съ разныхъ сторонъ, въ совершенно различныхъ условіяхъ и по совершенно различнымъ поводамъ, множество вождей и группъ пытаются перестраивать международныя отношенія по старымъ и испытаннымъ методамъ, весьма далекимъ отъ "ковенанта". Многіе изъ

этихъ вождей и группъ безконечно интереснѣе восьми сенаторовъ и ведутъ свою борьбу съ безконечно большимъ смысломъ. И было бы наивнымъ думать, что въ самомъ дѣлѣ методы политическаго строительства, существовавшіе столь-же долго, какъ тѣ государства, которыхъ цѣли они обслуживаютъ, въ одинъ прекрасный день могли оказаться исчерпанными. Ликвидировать великую распрю можно, только слѣдуя тѣми путями, которые даны исторіей, — только возсоздавъ по новымъ даннымъ "политическое равновѣсіе", которое было разрушено войной, но безъ котораго жить нельзя, пока существуютъ государства. Процессъ возсозданія этого равновѣсія не только не законченъ, но почти еще и не начатъ. Съ нимъ во всякомъ случаѣ — хочешь, не хочешь — приходится обождать, пока послѣ своего второго смутнаго времени не вернется Россія; да и безъ этого потребуется еще много времени. Но въ тотъ моментъ, какъ расплавленная масса окончательно остынетъ, какъ, послѣ переходнаго "армистиса" и не менѣе переходныхъ мирныхъ договоровъ, подписываемыхъ въ парижскихъ окрестностяхъ, наступитъ, наконецъ, настоящій миръ, основанный на здравыхъ и трезвыхъ "классическихъ" основаніяхъ политическаго равновѣсія, — мы увидимъ, что мы имѣемъ дѣло уже не съ прежнимъ человѣчествомъ. Великій и малый, трезвый и страстный, миролюбивый и воинственный, всѣ въ этомъ новомъ мірѣ будутъ по новому смотрѣть на возможность повторенія великихъ страданій вооруженной борьбы. Передъ глубокой бездной этихъ стрданій со страхомъ остановится всякій, кто пережилъ 1914-1918 годы. Въ этомъ — великій урокъ войны, и его не забудутъ. "Народная война" дастъ, въ концѣ концовъ, тотъ "народный миръ", о которомъ говорилъ Президентъ Вильсонъ. А тогда вернутся къ "Вильсоніанству". Я не знаю, совершится ли возвращеніе путемъ оживле-

нія пресловутаго "ковенанта"; быть можетъ, съумѣютъ сговориться на чемъ-нибудь болѣе грамотномъ. Не въ этомъ дѣло. Наступитъ время, которое Президентъ описывалъ словами, которыя, можетъ быть, наивно звучали въ обстановкѣ, въ которой они произносились, но которыя подкупаютъ своей простотой и искренностью: "Люди смотрятъ другъ другу въ глаза и говорятъ: мы — братья, и у насъ однѣ задачи. Мы этого прежде не понимали, но теперь мы это понимаемъ, и здѣсь нашъ договоръ дружбы".

Поскольку Россія спасетъ свою культуру, она будетъ въ эту минуту съ остальнымъ міромъ и съ Вильсономъ.

Бар. Б. Э. Нольде.

Огонь и дымъ.

(Отрывки).

Вареоломеевскій годъ. Одинъ изъ очевидцевъ ночи 23 августа 1572 года безхитростно разсказываетъ на старинномъ французскомъ языкѣ: "Въ эту ночь смерть и кровь понеслись по улицамъ нашего добраго города. Я видѣлъ знатныхъ господъ, которые съ яростью проносились мимо меня, крича: "Tuez, tuez, le roi l'ordonne!" Не знаю, въ чемъ дѣло, но они, вѣроятно, правы. Только смотрѣлъ я на все это въ глубокомъ изумленіи (à merveille estonné). Наконецъ, я рѣшился выйти, — огонь уже догоралъ, но шелъ по Парижу густой черный дымъ"

Когда лѣтъ шесть тому назадъ намъ попадались въ руки письма или воспоминанія современниковъ Вареоломеевской ночи, чуждой и непонятной представлялась намъ мрачная психологія людей 16-го вѣка. Вотъ хотя бы что доносилъ съ восторгомъ Филиппу II его парижскій посолъ Цунига подъ первымъ впечатлѣніемъ кроваваго зрѣлища:

"Въ то время какъ я пишу, они (католики) убиваютъ ихъ всѣхъ, срываютъ съ нихъ одежды и влачатъ ихъ по улицамъ; они грабятъ дома и не даютъ пощады даже дѣтямъ. Да благословенъ будетъ Господь, который привлекъ французскихъ принцевъ къ своему святому дѣлу! Да внушитъ онъ сердцамъ ихъ продолжать такъ, какъ они начали".

Самъ король испанскій, по словамъ современниковъ, получивъ извѣстіе о Варѳоломеевской ночи, разсмѣялся отъ радости въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни. Онъ велѣлъ пропѣть Te Deum въ монастырѣ св. Іеронима и немедленно отвѣтилъ Цунигѣ: "Ваше извѣстіе было одной изъ величайшихъ радостей, когда либо выпадавшихъ на мою долю. Сейчасъ-же выразите королевѣ-матери удовлетвореніе, которое вызываетъ во мнѣ дѣйствіе, столь угодное Богу и Христу; оно будетъ передъ потомствомъ величайшей славой короля, моего брата".

Не менѣе довольна была и королева-мать. Она изъявила свое удовольствіе въ формѣ сжатой и логичной: "Гораздо лучше, чтобы это случилось съ ними, чѣмъ съ нами". И Катерина Медичи прибавляла иронически на рифмованномъ французско-латинскомъ языкѣ: " Beatus qui non fuerit in me scandalizatus ".

Впрочемъ, никто почти особенно скандализованъ и не былъ. Извѣстный памфлетъ Отмана (De furoribus gallicis), который сдѣлалъ изъ Варѳоломеевской ночи весьма радикальные — пожалуй, и для нашего времени — политическіе выводы, составляетъ исключеніе. Католическое общественное мнѣніе отнеслось къ событію даже нѣсколько благодушно. Веселый Брантомъ упомянулъ о немъ въ своемъ обычномъ тонѣ балагура (оправдывая репутацію, сдѣланную ему позднѣйшимъ критикомъ: "этотъ человѣкъ ни разу въ жизни не поинтересовался вопросомъ, что такое добро и зло").

Были однако и исключенія въ станѣ торжествующихъ побѣдителей. Тотъ же Брантомъ разсказываетъ о благочестивой Елизаветѣ, королевѣ французской, женѣ озвѣрѣвшаго Карла IX: «Elle s'étoit allée coucher de bonne heure la veille de la saint-Barthélemy. Ne s'étant réveillée qu'au matin, on lui dit à son réveil le beau mystère qui se jouait. « Hélas! dit-elle soudain, le Roy mon

mari le scait-il? » — « Oui, Madame, répondit-on; c'est lui-même qui le fait faire ». « O! mon Dieu! s'écria-t-elle, qu'est-ce cecy? et quels conseillers sont ceux qui luy ont donné tel advis?... Mon Dieu!... J'ay grand peur que cette offense ne lui soit pas pardonnée ».

Теперь, на порогѣ двадцатыхъ годовъ двадцатаго вѣка, мы читаемъ разсказъ Брантома иначе. Цѣлые годы живемъ мы въ умственной и моральной атмосферѣ Варѳоломеевской ночи. Психологія испанскаго посла намъ теперь ближе и понятнѣе, нежели психологія французской королевы. Послѣднее пятилѣтіе представляетъ собой поразительный рецидивъ исторіи. Пулеметъ замѣнилъ пищаль, вотъ и весь прогрессъ съ 16-го вѣка. А вѣдь были ученые, спорившіе съ Вико по вопросу о возможности историческихъ ricorsi.

Огонь, бурлившій пять лѣтъ, кажется, понемногу догораетъ. Но идетъ по всей Европѣ густой черный дымъ. Мѣстами сверкаетъ и пожаръ: одно изъ этихъ мѣстъ — шестая часть земли. Варѳоломеевскій годъ кончился. Варѳоломеевскій годъ начинается.

Объ Алкивіадахъ. Когда аѳиняне перестали говорить о великолѣпной собакѣ Алкивіада, онъ отрубилъ ей хвостъ. Собственно, это было не совсѣмъ такъ (по крайней мѣрѣ, если вѣрить первоисточникамъ). Но именно въ такомъ видѣ вышеприведенный эпизодъ сталъ цитироваться историками и моралистами въ качествѣ примѣра ненасытнаго человѣческаго тщеславія. Отрубить хвостъ собакѣ, которая стоила 70 минъ! Между тѣмъ, въ сущности, позднѣйшіе, политическіе подвиги Алкивіада обошлись Аѳинамъ гораздо дороже: способъ рекламы, избранный греческимъ героемъ въ юности, былъ на самомъ дѣлѣ довольно безобидный: отъ него никому не было ни тепло, ни холодно, кромѣ, разумѣется, собаки. Удивительнѣе всего въ этой исторіи

было то, что къ подобной рекламѣ прибѣгнулъ человѣкъ, которому щедрая природа отпустила всѣ рѣшительно дары : красоту, умъ, краснорѣчіе, энергію, храбрость, образованіе...

Помнится, задолго до нынѣшней революціи, даровитый и оригинальный русскій публицистъ г. Муретовъ пророчески цитировалъ стихи :

Намъ пращуры работу дали,
Создавши Русь своимъ горбомъ:
Они Россію собирали,
А мы Россію разберемъ.

Предсказаніе поэта оправдалось — разумѣется, лишь на нѣкоторое время. Россія соберется опять, это совершенно несомнѣнно. Но почему же "мы" Россію разобрали? И кто это "мы", разобравшіе Россію? Вотъ вопросы, которыми займется большая исторія и для разрѣшенія которыхъ она выдвинетъ очень много измовъ : централизмъ, большевизмъ, сепаратизмъ и т. д. Но для очевидцевъ это, вѣроятно, будетъ недостаточно убѣдительно. Кто изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ могъ бы подумать, что въ Россіи повсюду (вплоть до Ярославской губерніи, гдѣ тоже объявился свой сепаратизмъ) существовали такія огромныя центробѣжныя силы? Если однако вопросами этими заинтересуется и такъ называемая малая исторія, la petite histoire, она вѣроятно, объяснитъ случившееся просто тѣмъ, что въ Россіи прозябало многое-множество маленькихъ и крошечныхъ Алкивіадовъ, которые не знали, какой собакѣ отрубить хвостъ.

Пишущій эти строки изъ всѣхъ сепаратизмовъ видѣлъ своими глазами только одинъ — украинскую самостійность. Газеты, выходящія на мовѣ (судя по словамъ знатоковъ, на очень плохой мовѣ), называли этотъ сепаратизмъ явленіемъ огромнаго историческаго значе-

нія. Но и противники самостійности считались съ ней, какъ съ фактомъ, требующимъ "весьма осторожнаго и вдумчиваго отношенія". Любопытно то, что передъ этимъ фактомъ сепаратизма остановились съ почтительнымъ испугомъ даже большевики, люди, какъ известно,не слишкомъ церемонящіеся съ подлинной исторіей : они основали украинскую совѣтскую республику, —правда,совѣтскую, но все же украинскую. Совершенно иначе воспринимала "фактъ огромнаго историческаго значенія" молва, предшественница малой исторіи: она резонно указывала, что, если бы не было самостійности, то кто бы зналъ и кто бы щедро оплачивалъ деньгами и почетомъ премьера Голубовича и "генерала" Петлюру ?

Комедія украинской самостійности теперь, повидимому, снята съ репертуара. Но на берегахъ Балтійскаго моря сезонъ политическаго фарса продолжается. Къ намъ часто приходятъ вѣсти о кабинетахъ, совѣщаніяхъ, конференціяхъ, засѣдающихъ въ столицахъ Латвіи, Эстляндіи, Курляндіи. Иногда Рейтеръ уныло дѣлаетъ попытку сообщить фамиліи главныхъ дѣятелей этихъ кабинетовъ—и всякій разъ почему-то кажется, что фамиліи имъ перевраны: такъ намъ трудно привыкнуть къ мысли, что премьерами, президентами, министрами могутъ быть люди, рѣшительно никому на свѣтѣ неизвѣстные. А между тѣмъ, именно, въ этой совершенной неизвѣстности весь raison d'être подобныхъ правительствъ.

Впрочемъ, побѣдителей не судятъ, даже если они побѣдители на часъ. Фарсъ пока продолжается и, повидимому, съ нѣкоторымъ успѣхомъ: въ академическихъ кругахъ говорятъ, напримѣръ, о приглашеніи на междусоюзническій научный конгрессъ представителей государствъ — бу фферовъ. Пожелаемъ, чтобы эстонская физика, лифляндская химія и латыш-

ская математика были достойно представлены на конгрессѣ междусоюзнической науки.

"Пройдутъ года"—и даже не года, а мѣсяцы — и конечно многое перемѣнится. Мы узнаемъ, вѣроятно, (уже есть кое-какіе прецеденты), что 99 проц. сепаратистовъ были сепаратистами только временно, по дальновиднымъ тактическимъ соображеніямъ, а въ глубинѣ души неизмѣнно держали курсъ на "единую и недѣлимую"... Малая исторія составитъ въ алфавитномъ порядкѣ списокъ темныхъ людей, бывшихъ министрами, президентами и послами. Это будетъ съ ея точки зрѣнія необходимое и достаточное объясненіе всему случившемуся.

Въ психологическомъ отношеніи здѣсь передъ нами картина, сходная съ той, какую являетъ собой большевизмъ: сколько негодяевъ горитъ нынѣ желаніемъ возродить несовершенное человѣчество! сколько Алкивіадовъ желаетъ найти примѣненіе своимъ политическимъ и другимъ талантамъ!...

Такъ дѣло обстоитъ не только у насъ. Никогда во всемъ мірѣ рекламная демагогія и демагогическая реклама не имѣли такого успѣха, какъ теперь. Валитъ густой дымъ отъ гаснущаго огня. Послѣ сенсацій, которыми насъ ежедневно оглушали въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, курсъ славы совершенно измѣнился — не только количественно, но и качественно. Въ старину (шесть лѣтъ тому назадъ была старина) писатель, желавшій обновить на своемъ челѣ приглядѣвшіеся или потрепанные лавры, въ лучшемъ случаѣ писалъ сенсаціонную статью, въ худшемъ—учинялъ скандалъ въ публичномъ мѣстѣ. Теперь ему необходимо по крайней мѣрѣ взять Фіуме.

Развѣ не было бы всѣмъ спокойнѣе, еслибъ современные Алкивіады завели себѣ собакъ ?

Мосье Трике и Россія. Происходила забастовка парижскихъ газетъ. Пишущій эти строки ежедневно просматривалъ коллективную правую La Presse de Paris, коллективную лѣвую La Feuille Commune и испытывалъ такое чувство, будто ему чего-то не хватаетъ. А казалось бы, все есть. Нѣтъ худа безъ добра, — говоритъ пословица — и говоритъ, кстати, врядъ ли вѣрно: есть худо безъ всякаго добра и нѣтъ худа безъ другого худа. Но въ данномъ случаѣ пословица оправдывалась: благодаря забастовкѣ наборщиковъ, можно было очень быстро, съ затратой четырехъ су, ознакомиться со всѣми откровеніями политической жизни и мысли на всѣхъ долготахъ, широтахъ и полюсахъ. Я никогда не былъ такъ хорошо освѣдомленъ, какъ во время газетной забастовки. Чего-то однако не хватало. Чего-же? Телеграммы есть, послѣднія извѣстія есть, передовыхъ сколько угодно... Да, не хватало протеста Анри Барбюсса.

Этотъ писатель — безспорно талантливый — принадлежитъ къ особой категоріи такъ называемыхъ nouveaux riches.—На войнѣ нажились не только коммерсанты, торговавшіе снарядами, консервами, обувью, сукномъ и т.п. Нажились на ней и нѣкоторые писатели. Первые пріобрѣли деньги, вторые славу. Кто зналъ до войны Анри Барбюсса? Теперь авторъ обличительнаго "Огня"—знаменитость. Онъ велъ себя на войнѣ и писалъ о ней съ достоинствомъ. Но, къ сожалѣнію, слава, быстро пріобрѣтенная протестомъ, положила странный отпечатокъ на послѣдующую дѣятельность Анри Барбюсса. Она облеклась въ форму какого-то непрерывнаго града протестовъ. Барбюссъ протестуетъ противъ интригъ русскихъ реакціонеровъ! Барбюссъ разоблачаетъ les affreux soudards du tsarisme! Барбюссъ протестуетъ противъ интервенціи союзниковъ въ Россіи! Барбюссъ требуетъ очищенія Фіуме (по-

слѣднее было впрочемъ стильно: grand match sensationnel: Henri Barbusse contre Gabriel d'Annunzio!!)(1). Затѣмъ была основана лига бывшихъ воиновъ, во главѣ которой естественно сталъ Барбюссъ, очевидно по довѣренности полутора милліоновъ погибшихъ французскихъ солдатъ и шести милліоновъ, оставшихся въ живыхъ. Потомъ создалась группа La Clarté, носящая — по чистой случайности — названіе одного изъ романовъ Барбюсса, причемъ послѣдній, разумѣется, оказался главой и этой группы. Затѣмъ появилось сообщеніе (вдобавокъ невѣрное), что Ленинъ въ восторгѣ отъ генія Барбюсса (въ томъ, что Барбюссъ въ восторгѣ отъ генія Ленина, сомнѣваться не приходится и безъ всякаго сообщенія: авторъ «Le Feu» состоитъ литературнымъ директоромъ (directeur littéraire) газеты Лонге (Le Populaire).

Во многомъ изъ того, что теперь пишетъ Барбюссъ, нѣтъ ничего дурного. Но, къ сожалѣнію, большая часть его декларацій и протестовъ облекается въ нѣсколько назойливую, рекламную формулу: Buvez tous le Grand Marnier! Chocolat Poulain, goûtez et comparez! Это тѣмъ болѣе досадно, что нашумѣвшій романъ Барбюсса «Le Feu», напротивъ, поражалъ тонко и съ большимъ вкусомъ выдержанной незамѣтностью разсказчика въ массѣ простыхъ темныхъ солдатъ.

Это обстоятельство, впрочемъ, не такъ существенно. Гораздо печальнѣе то, что главнымъ предметомъ свей протестующей и декларативной дѣятельности Анри

---

(1) Изъ только что вышедшей книги Herz'a: Henri Barbusse я узналъ, что въ ближайшемъ будущемъ *манифесты* Барбюсса выйдутъ отдѣльнымъ томомъ! Кромѣ того, во время чтенія корректуры настоящей статьи, появился еще одинъ протестъ, украшенный подписью неутомимаго писателя,—противъ бѣлаго террора въ Будапештѣ. Единственное, противъ чего не протестуетъ Барбюссъ, это красный терроръ въ Москвѣ.

Барбюссъ почему-то избралъ Россію и русскія дѣла, о которыхъ онъ, естественно, не имѣетъ ни малѣйшаго представленія.

Классическая русская литература знаетъ типъ, увѣковѣченный Пушкинымъ, Тургеневымъ и Щедринымъ: это l'outchitel. Человѣкъ, у себя на родинѣ занимавшійся совершенно другимъ ремесломъ, попадалъ въ Россію,—по своей-ли прихоти, въ обозѣ-ли Наполеона, иной-ли волею судебъ, — и становился педагогомъ. Типъ былъ не дурной и никакихъ плохихъ воспоминаній по себѣ въ Россіи не оставилъ, какъ не оставило таковыхъ и вообще все французское вліяніе (если не считать выходки Чацкаго противъ "французика изъ Бордо", выходки, подтверждавшей мнѣніе Пушкина о недалекомъ умѣ Грибоѣдовскаго героя). Теперь, къ сожалѣнію, появились въ Европѣ les outchitels другого свойства: люди, судящіе о русской политической трагедіи и наставляющіе ея дѣйствующихъ лицъ съ совершенной компетентностью monsieur Трике.

Я, разумѣется, весьма далекъ отъ мысли, что о дѣлахъ каждой страны могутъ имѣть сужденіе только ея граждане. Русскимъ, пользующимся въ настоящее время гостепріимствомъ Западной Европы, интересующимся ея дѣлами, такое заявленіе всего менѣе бы подобало. Но, конечно, и независимо отъ этого должно признать,что для всякой страны мнѣніе иностранцевъ въ высшей степени важно и цѣнно; боязнь этого мнѣнія— признакъ политической и умственной слабости. Въ частности, французское общественное мнѣніе особенно должно быть дорого русскимъ, вслѣдствіе высокой умственной культуры и мірового обаянія Франціи. Но именно поэтому отъ иностранцевъ, желающихъ быть руководителями общественнаго мнѣнія по русскимъ дѣламъ, позволительно требовать извѣстнаго минимума знакомства съ Россіей, ея исторіей, языкомъ, литерату-

рой и политической жизнью.Люди, вполнѣ въ этомъ отношеніи компетентные, въ Европѣ есть, и во Франціи ихъ больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ союзнаго лагеря. Къ сожалѣнію, именно они - то высказываются по русскимъ дѣламъ мало и рѣдко. А судятъ — и весьма авторитетно — люди гораздо менѣе компетентные.

Много, напримѣръ, во Франціи, въ Англіи, въ Италіи большевиковъ и такъ называемыхъ большевиствующихъ. Но что же они знаютъ о своемъ собственномъ ученіи? Творецъ и главный теоретикъ большевизма, Ленинъ, написалъ на своемъ вѣку нѣсколько тысячъ печатныхъ страницъ; изъ нихъ переведено на французскій языкъ около шестидесяти (на другіе языки, вѣроятно, еще меньше). По существу, собственно жаль, что перевели и эти шестьдесятъ страницъ безудержной, развращающей демагогіи. Но, съ точки зрѣнія французскаго большевика, вопросъ ставится, конечно, иначе. Что бы мы сказали о Кантіанцѣ, который никогда не читалъ Канта? Врядъ ли нужно пояснять, что я никакъ не сравниваю московскаго теоретика съ кенигсбергскимъ. Однако, большевикъ, не имѣющій представленія о доктринахъ Ленина, все же представляетъ собой нѣчто парадоксальное.

Если бы Барбюссъ въ свое время изучилъ русскій языкъ и политическую литературу, если бы онъ теперь съѣздилъ въ Москву (проѣхать желающему можно, не взирая ни на какую блокаду), и пожилъ бы — ну, хоть полгода — райской жизнью Всероссійской Федеративной Совѣтской Республики, его протесты несомнѣнно бы много выиграли въ силѣ и авторитетности. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь сначала — goûtez и только потомъ — comparez.

Но, можетъ быть, т о г д а онъ не заявлялъ бы протестовъ или они были бы направлены не въ ту сторону.

Анри Барбюссъ написалъ "Огонь"; можетъ быть, онъ написалъ бы и "Дымъ". И ужъ навѣрное онъ не зачислялъ бы съ такой легкостью въ реакціонеры и во враги русскаго народа людей, которые болѣли горемъ Россіи и боролись за ея свободу въ то время, когда народные комиссары въ парижскихъ кафе коротали часы съ Сашкой Косымъ, Іеронимъ Ясинскій творилъ погромныя произведенія, а самъ Барбюссъ ходилъ на уроки въ гимназію.

На альпійскихъ вершинахъ. Въ числѣ большевиствующихъ называютъ также и знаменитаго автора "Жанъ-Кристофа".

Я не знаю, на твердыхъ ли началахъ покоится подобная репутація Ром. Роллана (1). Насколько мнѣ извѣстно, о русскомъ большевизмѣ онъ пока не высказался въ совершенно опредѣленной формѣ. Ничего новаго не принесла и только что вышедшая его политическая книга : Les Précurseurs. Сердцу Ром. Роллана, повидимому, гораздо ближе нѣмецкіе спартакисты. Книгу свою онъ посвятилъ пяти "мученикамъ новой вѣры: человѣческаго интернаціонала,--жертвамъ свирѣпой глупости и убійственной лжи, освободителямъ людей, которые ихъ убили". Многое можно было бы, конечно, сказать объ этомъ посвященіи; можно было бы, напримѣръ, замѣтить, что Жанъ Жоресъ имѣлъ весьма мало общихъ взглядовъ съ Розой Люксембургъ, а Карлъ Либкнехтъ далеко не во всемъ сходился съ Куртомъ Эйснеромъ. Между погибшими людьми, имена которыхъ соединены Р. Ролланомъ въ посвященіи книги, проходила баррикада. Но во всякомъ случаѣ въ числѣ

1) Уже послѣ того, какъ эти строки были написаны, я имѣлъ возможность убѣдиться—*изъ первоисточника*—въ большевистскихъ симпатіяхъ Ром. Роллана. Правда, симпатіи эти связаны съ рядомъ оговорокъ.

избранныхъ именъ, слава Богу, нѣтъ ни Володарскаго, ни Урицкаго. Не будемъ однако отъ себя скрывать, что въ статьяхъ французскаго писателя, появлявшихся къ тому же въ газетахъ толка Le Populaire, можно безъ большой натяжки усмотрѣть и нѣкоторый "большевизмъ".

Война произвела странное дѣйствіе на Ром. Роллана. Онъ писалъ о ней въ тонѣ неподдѣльнаго благородства; въ этомъ тонѣ написаны и статьи, составляющія его новую книгу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ за послѣднее время Р. Ролланъ пріобрѣлъ склонность бросаться на шею первому встрѣчному, лишь бы первый встрѣчный былъ противникомъ военной идеологіи 1914 года.

Эта склонность порою приводитъ къ явленіямъ весьма любопытнымъ. Такъ 9 ноября 1918 года Ром. Ролланъ бросился на шею президенту Вильсону: "Господинъ президентъ,—писалъ онъ,—вы пользуетесь міровымъ авторитетомъ...Наслѣдникъ Вашингтона и Авраама Линкольна, возьмите въ свои руки дѣло не одной какой либо партіи, не одной какой либо націи, но всѣхъ! Созовите представителей народовъ на Конгрессъ Человѣчества! Предсѣдательствуйте на немъ со всѣмъ авторитетомъ, который даютъ вамъ ваше высокое моральное сознаніе и могучее будущее огромной Америки! Говорите, говорите всѣмъ! Міръ изголодался по голосу (1), который перешагнулъ бы черезъ границы, раздѣляющія націи и классы. Будьте арбитромъ свободныхъ народовъ!"

Но уже нѣсколькими днями позже (4 декабря) энтузіазмъ Роллана сильно остылъ: "Я не вильсоніанецъ,— писалъ онъ Лонге, — я слишкомъ хорошо вижу, что посланіе президента, столь же ловкое, сколь великодушное

1) «Le monde a faim d'une voix», — стиль Ром. Роллана ничего не выигралъ отъ его новыхъ увлеченій.

(non moins habile que généreux), стремится (добросовѣстно) осуществить въ мірѣ идею буржуазной республики франко-американскаго типа. Этотъ консервативный идеалъ меня больше не удовлетворяетъ“. Тѣмъ не менѣе Р. Ролланъ считалъ тогда совершенно необходимымъ всецѣло поддерживать президента Вильсона: ”Этотъ выдающійся буржуа,—писалъ онъ,—воплощаетъ самое чистое, самое безкорыстное, самое человѣческое изъ того, что есть въ сознаніи его класса“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ іюнѣ 1919 г.) Ром. Ролланъ, однако, уже совершенно разочаровался въ президентѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ: ”Моральное отреченіе Вильсона, который оставилъ свои собственные принципы, не имѣя искренности признать это, означаетъ крушеніе великаго буржуазнаго идеализма, поддерживавшаго, несмотря на всѣ ошибки, въ теченіи полутора столѣтій престижъ и силу правящаго класса. Послѣдствія этого опыта неисчислимы“.

Эволюція, продѣланная французскимъ писателемъ, въ высшей степени любопытна и было бы, конечно, несправедливо относить ее исключительно на счетъ измѣнчивости взглядовъ самого Ром. Роллана. Но этотъ опытъ могъ его научить не бросаться на шею людямъ, которые извѣстны міру только по газетѣ (все равно по какой: Le Matin или Le Populaire). Я говорю: могъ научить. Однако не научилъ: ибо Р. Ролланъ немедленно бросился на шею Спартаку.

Можетъ быть, вслѣдъ за Спартакомъ придетъ Ленинъ. Но, можетъ быть, выявится и что либо другое. Пока знаменитый романистъ все какъ-то ходитъ вокругъ да около большевистской революціи. 1 мая 1917 года (т.е. задолго до большевиковъ) онъ восторженно писалъ “Россіи свободной и освобождающей”: “Пусть революція ваша будетъ революціей великаго народа, — здороваго, братскаго, человѣческаго, избѣгающаго край-

ностей, въ которыя впала наша! Главное, сохраните единство! Пусть пойдетъ вамъ на пользу нашъ примѣръ! Вспомните о Французскомъ Конвентѣ, который, какъ Сатурнъ, пожиралъ своихъ дѣтей! Будьте терпимѣе, чѣмъ были когда-то мы!“ Казалось бы, нельзя сказать, что большевики послѣдовали этимъ мудрымъ совѣтамъ. Ром. Ролланъ продолжаетъ, однако, и въ 1918 г. неопредѣленно писать о ”новыхъ вѣяніяхъ, которыя во всѣхъ областяхъ мысли идутъ изъ Россіи“. Въ какихъ именно областяхъ и какія вѣянія, онъ не объясняетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же книгѣ вскользь упоминается о “чудовищной вѣрѣ идеалистовъ гильотины“,— якобинцевъ 1793 г. ”La pensée russe est l’avant-garde de la pensée du monde“, пишетъ Р. Ролланъ въ августѣ 1919 года. Это, конечно, очень пріятно слышать, но было бы все таки полезно знать точно, кто именно представляетъ въ настоящее время русскую мысль.

Ром. Ролланъ — очень большой писатель и очень большой человѣкъ. Онъ совершенно чуждъ рекламѣ, тѣмъ болѣе саморекламѣ; такимъ онъ былъ всегда. Но онъ живетъ въ Швейцаріи, высоко надъ уровнемъ моря—и надъ уровнемъ земли. Онъ ”любитъ людей“ оттуда, откуда ихъ видно плохо. Прежде въ долинѣ, гдѣ шумѣла ”ярмарка на площади“, онъ любилъ ихъ меньше. Въ Швейцарскихъ горахъ хорошо писать о философіи Эмпедокла или о похожденіяхъ французскаго крестьянина, имѣющихъ давность въ нѣсколько столѣтій. И дѣйствительно Empédocle d’Agrigente — прекрасный философскій этюдъ, а Colas Breugnon — высоко художественное произведеніе, которое останется во французской литературѣ. Но о нѣкоторыхъ новѣйшихъ политическихъ выступленіяхъ знаменитаго писателя намъ, его искреннимъ и давнишнимъ почитателямъ, приходится сильно пожалѣть.

Ром. Ролланъ напрасно назвалъ ”Les Précurseurs“,

продолженіемъ "Au-dessus de la Mêlée" : тогда онъ былъ "выше свалки", теперь онъ въ ней самой—только какъ-то чуть сбоку. Не дай ему Богъ оказаться au-dessous de la Mêlée. Ибо ниже свалки тотъ, кто, живя въ Швейцаріи или въ Парижѣ, гордо бряцаетъ окровавленнымъ топоромъ Ленина. Этого пока, къ счастью, не случилось съ Ром. Ролланомъ. Но съ высоты снѣговыхъ горъ онъ прежде лучше видѣлъ огонь, чѣмъ теперь различаетъ дымъ. За Альпами ему не видно Чрезвычайки.

Вопросительные знаки. Еще другое знаменитое имя занесено въ списокъ лицъ, неблагонадежныхъ по большевизму.

Во время предвыборной агитаціи я какъ-то зашелъ на митингъ, почетнымъ предсѣдателемъ котораго былъ капитанъ Садуль. Могу засвидѣтельствовать, что ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о русскихъ дѣлахъ, тамъ не говорилось : вся электоральная кампанія въ Парижѣ сводилась къ спору о Россіи; очевидно, у прекрасной Франціи нѣтъ своихъ заботъ. На этомъ митингѣ разные молодые человѣки, которые, повидимому, для народнаго блага считали совершенно необходимымъ пройти въ парламентъ, несли всевозможную ерунду о Россіи, о доблестныхъ большевикахъ, о возвышенной Constitution des Soviets. Публика сочувственно внимала... Внезапно одинъ изъ молодыхъ человѣковъ произнесъ два имени : nos glorieux camarades : Jean Longuet... Anatole France... Залъ разразился бѣшенными апплодисментами.

Итакъ между редакторомъ Le Populaire и авторомъ "Les Dieux ont soif" поставленъ въ нѣкоторомъ родѣ знакъ равенства. Это недурно.

И то сказать, каждый номеръ газеты Le Populaire украшенъ эпиграфомъ изъ Анатоля Франса: L'union des

travailleurs fera la paix du monde. Не знаю, изъ какого именно произведенія короля французскихъ писателей заимствованъ означенный эпиграфъ ; не знаю также, почему для извлеченія этой мысли, не блещущей чрезмѣрной оригинальностью, нужно было обращаться къ утонченнѣйшему изъ скептиковъ. Но очевидно, что митинговый молодой человѣкъ, съ формальной стороны, если и вралъ, то все-таки зналъ мѣру.

Въ послѣднемъ своемъ романѣ "Le petit Pierre" прославленный романистъ разсказываетъ, что въ дѣтствѣ, изучая правописаніе, онъ никакъ не могъ понять назначенія вопросительныхъ знаковъ и постоянно ихъ пропускалъ въ диктовкѣ, чѣмъ очень огорчалъ свою добрую мать. "Я сильно перемѣнился съ тѣхъ поръ, — неожиданно добавляетъ Анатоль Франсъ, — теперь я ставлю вопросительные знаки. Я готовъ даже ставить ихъ послѣ всего того, что я говорю, пишу, думаю. Моя матушка теперь, вѣроятно, нашла бы, что я ставлю ихъ слишкомъ много".

Это замѣчаніе нѣсколько успокаиваетъ насъ насчетъ большевизма Анатоля Франса. Для Жана Лонге, напримѣръ, никакихъ вопросительныхъ знаковъ въ природѣ не существуетъ ; всѣ вопросы были разрѣшены его дѣдомъ. Повидимому, "nos glorieux camarades" все таки не совсѣмъ подходятъ другъ къ другу.

Въ началѣ войны Анатоль Франсъ, когда-то разсматривавшій міровыя явленія съ точки зрѣнія тѣхъ спиральныхъ туманностей, о которыхъ говоритъ въ настоящей книгѣ нашего журнала В. А. Анри, собирался пойти добровольцемъ и даже ходилъ куда-то на военно-медицинскій осмотръ. Ничего, кромѣ всеобщаго изумленія, изъ этого, конечно, не вышло : можно было a priori предположить, что французскія власти не пошлютъ въ окопы такого добровольца. Забракованный Анатоль Франсъ остался дома. Съ тѣхъ поръ у него

было еще нѣсколько политическихъ выступленій, которыя были бы тоже не совсѣмъ понятны, если не принимать въ разсчетъ теорію вопросительныхъ знаковъ. Послѣднее изъ нихъ запротоколировано какъ " большевизмъ"; только и всего.

Намъ, читателямъ, на Анатоля Франса пенять, конечно, не приходится. Пусть по-прежнему гранитъ онъ свою алмазную фразу и пусть ставитъ къ ней вопросительные знаки : въ немъ сверкаетъ и съ нимъ отъ насъ уйдетъ Когиноръ въ оправѣ тысячелѣтней культуры. Пусть же возможно дольше издѣвается надъ нами этотъ старый волшебникъ.

Третій Римъ и Третій Интернаціоналъ. Ромэнъ Ролланъ большевизма не знаетъ, Анатоль Франсъ имъ и не интересуется. Вправѣ ли мы однако предъявлять чрезмѣрныя требованья къ иностранцамъ? Мы и сами изъ большевизма знаемъ почти исключительно его практику. Для практическихъ выводовъ этого, впрочемъ, совершенно достаточно. Но историкъ, вѣроятно, изслѣдуетъ и большевистскую теорію (которую сами гг. большевики знаютъ плохо), и генезисъ этой теоріи (котораго они вовсе не знаютъ).

Историкъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ полагается дѣйствовать историку. Онъ начнетъ съ того, что отвергнетъ ходячее мнѣніе. — Неизвѣстно откуда пришли темные люди, частью фанатики, частью авантюристы, большей частью мошенники, совершенно чуждые Россіи, видящіе въ ней въ лучшемъ случаѣ хорошее опытное поле, въ худшемъ случаѣ прудъ мутной воды, гдѣ удобно ловить рыбу, — пришли, овладѣли властью и погубили Россію. — Въ этомъ ходячемъ мнѣніи очень много вѣрнаго. Но для историка оно все же окажется нѣсколько примитивнымъ. Онъ установитъ интимную связь большевизма съ Марксомъ, съ Бакунинымъ, съ

Сорелемъ, со многими другими : вѣдь Ленинъ объялъ необъятное. Затѣмъ онъ, вѣроятно, попытается пристегнуть большевизмъ къ одной изъ руссскихъ философско-политическихъ традицій. И здѣсь передъ нимъ откроется широкое поле.

Большевики своей традиціи почти не создали, если не считать традиціей идейный грабежъ и идейные погромы. Но пристегнуть ихъ, въ исторіи вообще и особенно въ русской исторіи, можно и должно къ очень многому. Здѣсь умѣстно помянуть Ткачева, Нечаева и Авва́кума, Гришку Отрепьева и Стеньку Разина, и многихъ другихъ. Можетъ быть, самое лучшее опредѣленіе большевизма было дано полвѣка тому на́задъ Герценомъ, предсказывавшимъ великое будущее въ Россіи тому, кто сумѣетъ объединить въ себѣ царя и Стеньку Разина. Это опредѣленіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ Ленину, но оно относится главнымъ образомъ опять таки къ большевистской практикѣ. Стенька Разинъ, конечно, фигура въ русской жизни весьма знаменательная (1). Но въ теоретики онъ не годится даже большевикамъ. Куда же пристегнетъ историкъ большевиковъ въ смыслѣ теоріи? Да скорѣе всего къ ихъ а̀нтиподамъ, — къ славянофиламъ.

---

1) Достаточно напомнить, какое мѣсто она занимаетъ въ волжскомъ эпохѣ, имѣющемъ впрочемъ чисто интеллигентское происхожденіе Кто изъ русскихъ людей, обладающихъ минимумомъ голоса и слуха, не распѣвалъ поэтической пѣсни „Изъ за острова на стрежень", пѣсни, въ которой грозный атаманъ съ такой *удалью* швыряетъ въ рѣку свою красавицу-княжну. Содержаніе этой пѣсни у насъ въ послѣдніе два года не разъ — и почти буквально — претворялась въ дѣйствительность. Но *въ жизни эта удаль* у русской интеллигенціи восторга не вызывала. Иностранцы, съ незапамятныхъ временъ говорящіе объ анархической и антисоціальной природѣ гражданъ Россіи, могли бы въ подобномъ эпосѣ найти кое-какіе аргументы въ пользу своего (вообще говоря, довольно поверхностнаго) утвержденія: ибо французы не распѣваютъ удалыхъ пѣсенъ о звѣрствахъ Картуша, а въ англо-саксонскомъ Робинъ-Гудовскомъ эпосѣ герой не топитъ любимыхъ дѣвушекъ въ рѣкѣ.

Послѣднее родство у насъ въ общественное самосознаніе не проникаетъ. Въ силу чисто внѣшнихъ "акциденцій", намъ трудно привыкнуть къ мысли, что Ленинъ и Троцкій, хотя бы отчасти, являются духовными наслѣдниками Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ. Конечно, внѣшніе признаки говорятъ противъ такого сравненія. И соціальная структура большевизма совершенно отлична отъ славянофильской, и Троцкій самъ по себѣ, разумѣется, нисколько не похожъ на Кирѣевскаго. Словесность, мундиръ, обряды у славянофиловъ были другіе. Константинъ Аксаковъ не носилъ красной повязки. Онъ носилъ русскую (по словамъ спеціалистовъ, впрочемъ, персидскую) мурмолку и зипунъ 17 столѣтія, "сшитый французскимъ портнымъ". Славянофилы пили шампанское, разбавляя его квасомъ. Въ Совѣтской Россіи пьютъ денатуратъ, ничѣмъ его не разбавляя. Тогда въ Москвѣ былъ третій Римъ ("Москва есть третій Римъ, а четвертому не бывать"). Теперь въ Москвѣ третій Интернаціоналъ (четвертому, конечно, тоже не бывать). Не объ этомъ и рѣчь. За различіемъ акциденцій не должно просмотрѣть поразительное мѣстами сходство субстанцій: большевики оказались чрезвычайно злой сатирой на славянофиловъ.

Я имѣлъ уже случай въ другомъ мѣстѣ цитировать слова, которыя всякій нынѣшній читатель могъ бы съ полнымъ правдоподобіемъ приписать Ленину или Троцкому, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ авторомъ ихъ является Ф. М. Достоевскій: "Мы не Европа, которая вся зависитъ отъ биржъ своей буржуазіи и отъ спокойствія своихъ пролетаріевъ, покупаемаго уже послѣдними усиліями тамошнихъ правительствъ и всего лишь на часъ". Если поискать, то такихъ цитатъ можно найти сколько угодно и у перваго, и у второго, и у третьяго поколѣнія славянофиловъ.

Та русская самобытность, та особенная стать, которой восторгался Тютчевъ въ своемъ извѣстномъ четверостишіи, пострадавшемъ отъ не менѣе извѣстной пародіи Владиміра Соловьева, врядъ ли могла бы найти болѣе ревностныхъ и своеобразныхъ сторонниковъ, нежели нынѣшніе хозяева Москвы. Ужъ чего самобытнѣе путь, по которому большевики повели Россію. Правда, здѣсь слѣдуетъ сдѣлать теоретическую оговорку : по тому же пути они съ полной готовностью повели бы и всѣ другія страны. Но западно-европейскій міръ, какъ бы то ни было, за ними пока не идетъ и большевистская самобытность, стало быть, ничего въ своемъ достоинствѣ не теряетъ. Къ тому же нѣкоторый прозелитизмъ по отношенію къ западнымъ странамъ обнаруживали въ свое время и нѣкоторые практики славянофильскаго движенія. А, если угодно, то не только практики. Братья Аксаковы, напримѣръ, очень любили говорить объ общечеловѣческомъ характерѣ своего ученія. Константинъ Аксаковъ прямо писалъ : " можетъ быть, міръ не видѣлъ еще того общаго, человѣческаго, какое явитъ великая славянская, и именно русская, природа".

Съ другой стороны врядъ ли существовала отъ сотворенія міра страна, въ которой было бы такъ радикально осуществлено "премудрое незнанье иноземцевъ", какъ въ совѣтской Россіи. Въ этой послѣдней въ настоящее время на свободѣ гуляютъ лишь два иноземца — капитанъ Садуль и лейтенантъ Паскаль : всѣ остальные сидятъ въ тюрьмѣ. Т. е., теоретически здѣсь опять таки слѣдовало бы сдѣлать оговорку : совѣтская Россія сажаетъ въ тюрьмы только " буржуазныхъ " и " мелкобуржуазныхъ " иноземцевъ ; иноземнымъ большевикамъ она, напротивъ, была бы душевно рада, какъ дорогимъ гостямъ. Но — что подѣлаешь съ рокомъ? — въ Москву упорно не желаютъ теперь ѣхать вообще никакіе иноземцы. Самые восторженные поклонники совѣт-

скаго строя, которыхъ судьба забрасываетъ въ Россію, почему-то очень быстро оттуда уѣзжаютъ (какъ, напримѣръ, Артуръ Рансомъ, прожившій въ Москвѣ цѣлыхъ шесть недѣль).

Въ маѣ 1919 г. Ленинъ представилъ большой докладъ московскому соціалистическому конгрессу, который заложилъ основы Третьяго Интернаціонала. Въ этомъ историческомъ документѣ онъ со свойственной ему яростью изобличалъ мерзость современнаго западно-европейскаго строя и краснорѣчиво доказывалъ, что истинная свобода существуетъ только въ совѣтской Россіи. При чтеніи этого документа мнѣ трудно было отдѣлаться отъ мысли, что нѣкоторыя его положенія представляютъ собой настоящій плагіатъ изъ Константина Аксакова. Этотъ неглупый и очень благородный чудакъ николаевской Москвы столь же краснорѣчиво разоблачалъ въ свое время западно-европейскую цивилизацію. "Западъ, — писалъ онъ, — весь проникнутъ ложью внутренней, онъ сталъ отвратительнымъ явленіемъ" (буквально). — "Нѣтъ, свобода не тамъ, писалъ Аксаковъ.—Она въ Россіи". Подданный Николая I, пять лѣтъ боровшійся за право ношенія бороды и этого права такъ-таки не добившійся (бороду пришлось сбрить), не менѣе серьезно восхвалялъ свою свободу, чѣмъ Ленинъ — свободу кліентовъ Всероссійской Чрезвычайной Коммиссіи.

Разумѣется, съ формальной стороны и здѣсь возможно возраженіе. Ленинъ изобличаетъ не Западъ вообще, не Западъ "какъ таковой", а Западъ капиталистическій. Но это возраженіе аналогіи положительно не вредитъ. Какъ мы видѣли, и славянофилы — особенно, позднѣйшихъ формацій — любили поговорить о биржахъ западно-европейской буржуазіи. Изобличеніемъ господствующихъ классовъ, превознесеніемъ классовъ угнетенныхъ ихъ тоже никакъ нельзя было удивить.

Только ихъ языкъ теперь нѣсколько устарѣлъ : вмѣсто слова "капиталисты" они употребляли слово "публика" ; вмѣсто " пролетаріатъ " говорили " народъ ". Пожалуй, достаточно напомнить одно только знаменитое опредѣленіе того же Константина Аксакова : " въ публикѣ — грязь въ золотѣ ; въ народѣ — золото въ грязи ". Однимъ словомъ, славянофилы были демократы. Какая цѣна была въ жизни ихъ демократизму, другой вопросъ. Л. Н. Толстой со своей холодной усмѣшкой разсказывалъ, что цѣну эту онъ постигъ однажды изъ слѣдующаго небольшого эпизода : онъ шелъ по Арбату въ обычномъ крестьянскомъ платьѣ; ему встрѣтился проѣзжавшій на лихачѣ вождь славянофиловъ И. С. Аксаковъ. Толстой поклонился, Аксаковъ бѣгло оглянулъ его и не счелъ нужнымъ отвѣтить: въ старомъ мужикѣ онъ не узналъ графа Толстого. Грязь въ золотѣ не удостоила поклона золота въ грязи. — Славянофилы были такіе же демократы, какъ большевики. Мессіанистская вѣра Ленина видитъ въ пролетаріатѣ средоточіе всѣхъ возможныхъ въ природѣ добродѣтелей. И какъ тѣмъ не менѣе усердно разстрѣливаются рабочіе въ совѣтской и пролетарской Россіи.

Можно было бы въ этой аналогіи пойти и дальше. Самая идея взаимоотношеній между властью и обществомъ, нынѣ существующихъ въ Москвѣ, смутно намѣчалась — конечно, не въ буквально томъ же видѣ — еще славянофилами.

Когда вступилъ на престолъ Александръ II, Константинъ Аксаковъ представилъ ему записку, озаглавленную "О внутреннемъ состояніи Россіи" и заключавшую въ себѣ слѣдующіе тезисы :

"I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ.

II. Не желая государствовать, народъ предостав-

ляетъ правительству неограниченную власть государственную.

III. Взамѣнъ того, Русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть безъ вмѣшательства въ нее народа, — можетъ быть только неограниченная монархія.

V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство : правительству (необходимо монархическому) — неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству, — это мнѣніе (слѣдовательно, сила чисто нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять или не принять".

Все это почти трогательно въ своей дѣтской наивности. Вѣроятно, ни Александръ II, ни графъ Блудовъ, черезъ котораго была подана записка, ни даже самъ Аксаковъ не относились къ ней вполнѣ серьезно, какъ къ государственному дѣлу. Можно также съ нѣкоторой увѣренностью предположить, что Ленинъ Аксаковской записки никогда въ глаза не видѣлъ. Тѣмъ не менѣе предначертанія ея онъ выполнилъ въ весьма значительной мѣрѣ. Всецѣло согласуясь съ первыми двумя тезисами, онъ забралъ себѣ неограниченную государственную власть. Тезисъ же пятый онъ выполнилъ лишь отчасти. Во Всероссійской федеративной совѣтской республикѣ народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, не имѣетъ и права "мнѣнія, которое правительство вольно принять или не принять". Но "ограниченія", установленныя Ленинымъ и не имѣющія, кажется, прецедентовъ по безстыдству въ культурной исторіи, ка-

саются только внѣшняго выраженія нравственной свободы. Большевики отдѣлили свободу духа отъ свободы слова. Аксаковъ думалъ, что слову нѣтъ нужды выливаться въ дѣйствіе ; Ленинъ призналъ, что духу нѣтъ никакой надобности выливаться въ слово. Большевики ушли отъ гнилого запада еще дальше на востокъ, чѣмъ славянофилы : индусскіе факиры воспитываютъ нравственный духъ молчаніемъ и умерщвленіемъ плоти ; творцы голода и чрезвычаекъ создали для русскаго народа такія условія жизни, при которыхъ онъ не нуждается въ добровольномъ самоистязаніи: каждый житель совѣтской Россіи нынѣ тотъ же индусскій факиръ.

Теперь большевики завоевываютъ южную Россію. Я читаю заявленія большевистской прессы о Красномъ Кіевѣ, о Совѣтскомъ Харьковѣ, о Коммунистической Одессѣ, о братской рукѣ помощи, которую черезъ головы гадовъ буржуазіи, вонзающихъ кинжалъ въ спину революціи, протягиваютъ этимъ краснымъ городамъ красная Москва и красный Петроградъ; читаю толки о томъ, какой изъ южныхъ городовъ нужно осчастливить захватомъ въ первую очередь, — и мнѣ вспоминается одна изъ передовыхъ статей Ивана Аксакова : "Моря и Москвы хочетъ доступить Кіевъ, пуще моря Москва нужна Харькову; Кіеву — первый почетъ, да жаль обидѣть и Харькова. Или Русь-Богатырь такъ казной-мошной отощала и ума-разуму истеряла, что не подъ силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму за единый разъ добыть обоихъ путей, обоихъ морей, желѣзомъ сягнуть до Чернаго черезъ Кіевъ-градъ и Азовское на цѣпь къ Москвѣ черезъ Харьковъ взять, чтобы никому въ обиду не стало?" Вотъ только поставить передъ всѣми географическими наименованіями этой политической былины соотвѣтствующіе эпитеты: красный, совѣтскій, коммунистическій, — и по тону сходство съ "Правдой" будетъ разительное. То же раз-

вязное бахвальство и въ отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ. Читаешь новости большевистскихъ газетъ: въ Парижѣ засѣдаютъ Совѣты, въ Лондонѣ вспыхнула коммунистическая революція, на Рейнѣ ждутъ-недождутся появленія арміи Троцкаго для совмѣстной борьбы съ имперіалистами всего міра... Впрочемъ, отчего бы и нѣтъ? Или совѣтская Русь такъ казной-мошной отощала и ума-разуму истеряла, что не подъ силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму — закидать буржуазную Европу — ну, не шапками, такъ прокламаціями?

Самобытность — хорошая вещь, поскольку ее не подвергаютъ своеобразнымъ опытамъ reductionis ad absurdum. Отъ дыма т о й и э т о й самобытности надо освободиться разъ навсегда. Мы видѣли — своими глазами, безъ цвѣтныхъ стеколъ теоріи — Европу и Россію — и до войны, и во время страшнаго испытанія, и послѣ него. Не все въ Европѣ хорошо, объ этомъ что и говорить. Но со всѣмъ тѣмъ дурнымъ, что въ ней есть, у Европы не только намъ, но и Америкѣ, можно и должно многому поучиться: въ результатѣ грозныхъ уроковъ жизни мы начинаемъ д о х о д и т ь д о а з б у к и, до азбуки Потугинскихъ идей. Никогда не мѣшаетъ, конечно, повторять азбуку, хотя это скучно. И не азбука ли приводитъ насъ къ мысли, что нужно поскорѣе забыть самую возможность противопоставленія двухъ понятій: Европа, Россія.

Въ области внутреннихъ взаимоотношеній "старшого и меньшого братьевъ" мы, слава Богу, тоже начинаемъ приходить къ азбукѣ. Намъ пришлось убѣдиться въ томъ, что и "публика" не сплошная грязь, и народъ не сплошное золото. Жизнь меланхолически поставила здѣсь знакъ равенства: публика стоитъ народа, народъ стоитъ публики. Имъ остается только такъ или иначе протянуть другъ другу руку; и дай Богъ,

чтобы это было сдѣлано поскорѣе: иначе будетъ плохо и публикѣ, и народу.

О Грядущей Россіи. Этой цѣли сближенія будетъ по мѣрѣ возможности служить и журналъ, начинаемый нами въ Парижѣ въ столь трудное время.

Не по чистой случайности въ первой книгѣ "Грядущей Россіи" помѣщены статьи о Герценѣ и нѣсколько Пушкинскихъ строкъ. Мы руководились тѣми же мотивами, по которымъ оперный сезонъ въ русскихъ театрахъ открывался произведеніемъ Глинки.

Лучше не имѣть никакой традиціи, чѣмъ имѣть плохую традицію. Съ этой истиной, отъ которой бы, вѣроятно, не отказался Кузьма Прутковъ, все еще не соглашаются многіе русскіе люди. Зато, кажется, совершенно безспорно, что самое лучшее слѣдовать традиціи хорошей, если, конечно, таковая имѣется.

" L'artiste est la boussole qui, pendant la tempête, marque toujours le Nord ", прекрасно сказалъ когда-то Ром. Ролланъ. Грозно гремитъ буря по напоеннымъ кровью пустынямъ Россіи. Что же показываютъ намъ компасы русскихъ писателей?

Одни молчатъ — по обстоятельствамъ зависящимъ и независящимъ. Другіе говорятъ, но лучше бы молчали. О третьихъ мы ничего не можемъ узнать въ нынѣйшей обстановкѣ Брынскихъ лѣсовъ. Что говоритъ, что думаетъ В. Г. Короленко? Его голосъ не доходитъ до далекаго Парижа. Намъ неизвѣстно даже то, въ какомъ государствѣ, въ чьемъ подданствѣ очутился теперь знаменитый русскій писатель. Взялъ ли его подъ свою высокую руку генералъ Петлюра? Или суверенъ его нынѣ гетманъ Григорьевъ? А то, быть можетъ, атаманъ Махно, либо комиссаръ Пятаковъ? Какая армія,—красная, зеленая, фіолетовая,—диктуетъ ему свой безшабашный законъ? Ничего не знаемъ. Мы

не сомнѣваемся лишь въ томъ, что этотъ свѣточъ горитъ, какъ всегда, чисто, ровно, безъ треска, безъ дыма.

Тяжелые слухи приходятъ къ намъ о другихъ. Умеръ Леонидъ Андреевъ. Тоже умеръ — политической смертью — Максимъ Горькій. Александръ Блокъ своей поэмой "Двѣнадцать" оскорбилъ дѣйствіемъ самого себя.

Одни заживо мертвы. Зато другіе живы въ могилѣ. По компасамъ Пушкина и Герцена "Грядущая Россія" хочетъ направить свой путь.

Пушкинъ, рядомъ съ Толстымъ, высшее достиженіе Россіи въ области искусства. Герценъ послѣднихъ лѣтъ, умудренный тяжелыми уроками, освободившійся отъ наивныхъ иллюзій, ея высшее достиженіе въ области политической мысли. Въ этихъ своихъ вершинахъ русская культура равняется съ самымъ высокимъ изъ того, что было дано культурой міровой, — и съ міровой общечеловѣческой культурой тѣснѣе всего сливается.

Названныя имена опредѣляютъ традицію, которой мы хотимъ слѣдовать. Пусть не скажутъ, что это звучитъ гордо, — дѣло идетъ лишь о направленіи : дорогу къ новому континенту указалъ Колумбъ; слѣдовать по ней можетъ каждый.

М. А. Ландау-Алдановъ.

МАГИСТЕРІУМЪ

I

Было время, когда алхимики усиленно искали философскій камень, при помощи котораго можно облагородить металлы и превратить въ золото даже "несовершенный свинецъ" (терминологія того времени). Философскій камень, или магистеріумъ, разведенный въ водѣ, долженъ былъ образовать aurum potabile, т. е. золотой напитокъ, исцѣляющій всѣ болѣзни, молодящій старое тѣло и продолжающій жизнь. Кто только могъ развести огонь подъ мѣдной ретортой, становился алхимикомъ. Не проходило года, чтобы въ той или другой странѣ не объявился алхимикъ, увѣрявшій, что онъ нашелъ магистеріумъ.

Въ настоящій моментъ всѣ убѣждены, что найденъ политическій магистеріумъ, представляющій собою универсальную формулу, которая, служа з о л о т ы м ъ н а п и т к о м ъ для націй, сразу разрѣшаетъ всѣ запутанные экономическіе, соціальные и политическіе вопросы, создавшіеся вѣками, обновляетъ общественный организмъ и превращаетъ въ самое короткое время адъ въ земной рай. Имя этому магистеріуму — с а м о о п р е д ѣ л е н і е н а р о д н о с т е й. Испытываютъ теперь его дѣйствіе... на сосѣдей. Главнымъ образомъ, объектомъ опытовъ является Р о с с і я. Изобрѣтатели политическаго магистеріума такъ настоятельно убѣждали окраинныя народности Россіи, что "магистеріумъ" имъ необходимъ, что тѣ на-

конецъ увѣровали въ это. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать великіе пожары на востокѣ Европы, какъ послѣдствіе примѣненія магистеріума.. у другихъ. Покончивши черный передѣлъ Европы, нѣкоторые усердные политическіе алхимики говорятъ теперь о примѣненіи магистеріума въ экваторіальной Африкѣ. Передъ нами reductio ad absurdum политической системы. Мнѣ хочется въ этой статьѣ поговорить о громадномъ живомъ этнографическомъ музеѣ, простирающемся отъ океана до океана; о музеѣ, быть можетъ, чреватомъ для Европы неожиданными сюрпризами. Къ крайнему сожалѣнію, я знаю эту громадную территорію только по книгамъ. Мои личныя наблюденія ограничиваются Сѣвернымъ берегомъ Чернаго Континента отъ Триполитаніи до Атлантическаго океана. Во время неоднократныхъ путешествій, раздѣленныхъ промежутками въ нѣсколько лѣтъ, — что дало мнѣ возможность видѣть результаты колонизаторской работы, — я никогда не забирался въ глубь континента дальше сѣверныхъ оазисовъ Сахары, а въ Марокко — южнѣе Феца. Зато во время странствованія я не разъ встрѣчалъ торговцевъ, только что прибывшихъ съ караванами изъ глубины континента. Съ этими торговцами я велъ долгія бесѣды, которыя въ значительной степени освѣтили для меня книжный матеріалъ... Далекія неизвѣстныя страны всегда поражали воображеніе, такъ какъ таинственность предоставляла широкій просторъ мечтѣ. Чѣмъ страна неприступнѣе, тѣмъ легче можетъ ее превратить фантазія въ земной рай, представляющій лучезарный антиподъ мрачной дѣйствительности. И какъ жадно искало истомившееся человѣчество именно тѣ страны, про которыя имѣло только совершенно фантастическое представленіе! Мнѣ припоминается одинъ такой фактъ. До XV вѣка Атлантическій океанъ извѣстенъ былъ у испанцевъ, какъ Mar Tenebroso, т. е. темное

море. И въ этомъ океанѣ воображеніе испанцевъ и португальцевъ помѣстило чудесный летучій островъ Санъ-Брандан'ь или Санъ-Боромбонъ, какъ называли его средневѣковые географы. Въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ испанскіе и португальскіе моряки видѣли издалека этотъ островъ, но никто не ступилъ на него ногой. Согласно старинному испанскому географу XV вѣка, Санъ-Бранданъ былъ шотландскій аббатъ, жившій въ шестомъ вѣкѣ и имѣвшій въ монастырѣ 3000 монаховъ. И вотъ однажды Санъ-Бранданъ оставилъ монастырь и вмѣстѣ со своимъ ученикомъ Санъ-Макловіо отплылъ на кораблѣ въ "Темное Море", чтобы найти тамъ "райскіе острова", населенные язычниками. Много лѣтъ святые монахи плавали по темному морю, покуда наконецъ пристали къ неизвѣстному острову. Здѣсь на берегу они нашли гигантскій гробъ, а въ немъ — нетлѣнный трупъ великана. Святые монахи воскресили его и повели съ нимъ бесѣду. Великанъ проявилъ такую мудрость, что монахи окрестили его. Черезъ двѣ недѣли, однако, жизнь его такъ утомила, что онъ попросилъ у святыхъ разрѣшенія снова умереть. Великанъ спѣшилъ насладиться блаженствомъ царства небеснаго, открытаго передъ нимъ крещеніемъ. Монахи дали великану просимое разрѣшеніе. И съ тѣхъ поръ ни одинъ смертный не ступилъ на этотъ островъ, открытый Санъ-Боромбономъ. Нѣкоторые моряки съ Канарскихъ острововъ во время плаванія своего не разъ приближались къ Санъ-Боромбону такъ, что ясно видѣли и прибрежныя деревья, и лежащіе на пескѣ остатки кораблей, но постоянно подымалась буря, угонявшая мореплавателей далеко въ открытый океанъ. А то начиналось землетрясеніе, море закипало, и приходилось поспѣшно повернуть отъ острова. И прошли такимъ образомъ вѣка. Въ извѣстное время года жители Тенерифа ясно видѣли таинственный островъ, и давали

правительству показанія подъ присягой : они ясно различали двѣ высокія горы, а между ними — зеленую долину. Америка была уже вся открыта и изслѣдована, а между тѣмъ время отъ времени отъ Тенерифа все еще отправлялись корабли въ поискахъ за таинственнымъ островомъ. Съ вершины тенерифскаго вулкана всѣ видѣли островъ, но онъ таялъ въ воздухѣ, какъ только приближались къ нему. Однѣ экспедиціи къ берегамъ Санъ-Боромбона снаряжались на средства губернаторовъ (рехидоровъ) Тенерифа, а другія — на частныя деньги, и, хотя всѣ экспедиціи одинаково кончались неудачей, но это еще больше убѣждало испанцевъ въ существованіи таинственнаго острова. Обаяніе вѣры въ чудесное долго выдерживаетъ разочарованія. На всѣхъ старинныхъ испанскихъ картахъ можно видѣть Санъ-Боромбонъ по сосѣдству съ Канарскими островами. Въ серединѣ восемнадцатаго вѣка уже снаряженъ былъ испанцами корабль, чтобы найти Санъ-Боромбонъ. Во главѣ экспедиціи стоялъ богатый кабальеро, а главными помощниками его были два монаха. Тогда же въ испанской литературѣ высказано было предположеніе, — что Санъ-Боромбонъ — земной рай, гдѣ наслаждаются вѣчнымъ блаженствомъ Енохъ и Илія.

До семидесятыхъ годовъ XIX вѣка Тропическая Африка была такъ же мало извѣстна, какъ фантастическій островъ, а между тѣмъ эта таинственность не поражала воображенія поэтовъ, романистовъ или искателей приключеній. Въ началѣ XVIII вѣка Свифтъ написалъ "Рапсодію", въ которой мы видимъ, какъ мало знали тогда географы объ Африкѣ :

Geographers, in Afric maps,
With savage pictures filled their gaps
And s'er unhabitable downs
Placed elephants for want of towns.

"На картахъ Африки географы заполняли зіяющія пространства изображеніями дикарей, а на необитаемыхъ равнинахъ, за недостаткомъ городовъ, помѣщали картинки слоновъ". Могло ли быть иначе, если до девятнадцатаго вѣка путешественники не удалялись отъ береговой линіи Африки. Мунго Паркъ, убитый въ 1806 году на Нигерѣ, былъ до самой смерти убѣжденъ, что эта рѣка и Конго — одно и то же. Съ тѣхъ поръ, до семидесятыхъ годовъ XIX вѣка, мы имѣемъ нѣсколько смѣлыхъ изслѣдователей, возвращавшихся изъ Центральной Африки съ поразительными открытіями. Назову Давида Ливингстона, проникшаго на западъ до рѣки Луалабе (онъ не зналъ, что это верховье Конго), Ричарда Бертона, открывшаго въ 1858 году Танганайку, Дю-Шалью, проникшаго въ 1856-59 г.г. въ великій тропическій лѣсъ и возвратившагося оттуда съ удивительными разсказами о гигантскихъ обезьянахъ и карликовыхъ племенахъ, Спика, открывшаго въ 1862 году Викторію Ніанцу и истоки Нила, т. е. разрѣшившаго вопросъ, занимавшій человѣчество болѣе двухъ тысячъ лѣтъ (1), Самуэля Беккера, изслѣдовавшаго озера Аль-

---

1) «Что касается до истоковъ Нила, то о нихъ мнѣ не могли сообщить ни египтяне, ни ливійцы, съ которыми я говорилъ, — пишетъ Геродотъ. Въ Са ѣ, правда, я слышалъ обстоятельный разсказъ объ этихъ истокахъ отъ казначея храма Минервы, но врядъ ли можно повѣрить разсказу. Повторяю однако то, что я слышалъ. Казначей храма сказалъ мнѣ, что существуютъ двѣ горы съ острыми вершинами, лежащія между городомъ Сіеной (т.е. Ассуаномъ) въ Тебаидѣ и Элефантиной. Горы эти называются Крофи и Мофи. Между этими горами — бездонная пропасть, изъ которой вытекаетъ Нилъ двумя руслами. Одно направляется на сѣверъ въ Египетъ, а другое на югъ въ Эфіопію. Царь Псаметихъ велѣлъ измѣрить пропасть; но опущенная туда веревка въ нѣсколько тысячъ локтей не достигла дна. Вотъ что я могу сообщить объ истокахъ Нила, если только казначей храма сказалъ мнѣ правду. Изъ разсказа я вывелъ бы заключеніе, что въ истокахъ Нила вода кипитъ такъ сильно, что часть ея направляется на югъ, а часть на сѣверъ. При такомъ кипѣніи, дѣйствительно, трудно достать дно лотомъ.» (Исторія Геродота. Кни-

берта и другихъ. Разсказы Дю-Шалью были чудесны, но отъ нихъ отдѣлывались западнымъ скептицизмомъ. Недовѣріемъ встрѣчена была также въ началѣ семидесятыхъ годовъ первая книга Стенли "Какъ я нашелъ Ливингстона". На изслѣдователей тропической Африки смотрѣли, какъ на нѣсколько помѣшаныхъ чудаковъ.

До восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка Экваторіальная Африка никого не интересовала. Таинственность страны не дѣйствовала даже на воображеніе. Затѣмъ сразу полный индифферентизмъ по отношенію къ Тропической Африкѣ смѣнился "государственной скачкой съ препятствіями": западно-европейскія государства, опережая другъ друга, начали захватывать громадныя территоріи, и Экваторіальная Африка была расхватана въ самое короткое время.

II.

Какимъ образомъ случилось, что континентъ, никого не интересовавшій, превратился вдругъ въ объектъ страстныхъ желаній. Почему европейскія государства, обходившіяся такъ долго безъ колоній въ Экваторіальной Африкѣ, вдругъ пришли къ заключенію, что безъ владѣній на берегахъ Танганайки, Викторіи Ніанцы или въ бассейнѣ Конго существовать не могутъ. "Захватъ Экваторіальной Африки совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Германія задумала вести міровую политику", говорятъ намъ. Дѣйствительно, до 1914 года германскіе имперіалисты не переставали утверждать, что устремле-

---

га II, XXVIII. Цитирую по французскому переводу P. Giguet). Въ теченіи многихъ вѣковъ, до второй половины XIX вѣка, европейцы знали объ истокахъ Нила столько же, сколько Геродотъ. Спикъ, открывъ истоки Нила изъ Викторіи Ніанцы, разрѣшилъ также другой вопросъ, занимавшій Геродота: чѣмъ объяснить разливы Нила.

ніе Германіи въ Африку это только первый шагъ къ "черному передѣлу" всего земного шара, въ интересахъ нѣмецкаго народа, конечно. "Намъ, какъ самому могучему народу, принадлежитъ первое мѣсто въ мірѣ, — говоритъ Отто Танненбергъ въ своей книгѣ " Gross-Deutschland ", вышедшей въ 1911 году. — Наши отцы оставили намъ очень много заботы... Допотопное представленіе о томъ, что міръ раздѣленъ окончательно и навсегда оставлено теперь даже наиболѣе отсталыми людьми... Передѣлъ земного шара никогда не можетъ быть окончательнымъ. Три вѣка тому назадъ Испанія и Португалія были единственными странами, обладавшими колоніями. Казалось тогда, что міръ раздѣленъ между этими государствами. Будь въ то время Англія и Голландія убѣждены, что новый передѣлъ невозможенъ, колоніальная исторія послѣднихъ трехсотъ лѣтъ и не существовала бы. Испанія исчезла изъ списка государствъ, имѣющихъ колоніальную имперію. Какъ жаль, что ея наслѣдство не досталось Германіи". Отто Танненбергъ дальше приводитъ таблицу, показывающую колоніальныя владѣнія Германіи для доказательства, что такимъ "пустякомъ" самый сильный народъ въ мірѣ не можетъ удовлетвориться.

	Площадь въ кв. кил.	Населеніе
Новая Гвинея и острова Полинезіи	240.826	399.900
Того	87.200	2.000.000
Камерунъ	493.600	2.500.000
Юго-Западная Африка	830.960	200.000
Восточная Африка	941.100	6.847.000
Кіао - Чау	500	120.041
	2.597.180 (1)	12.116.000

1) Otto R. Tannenberg, Gross - Deutschland. Стр. 275—276.

Итакъ, одно объясненіе, почему европейскія государства расхватали Тропическую Африку — это имперіализмъ Германіи : всѣ стали хватать, чтобы Германіи досталось меньше и чтобы она не могла создать на Черномъ континентѣ одну имперію отъ Индійскаго океана до Атлантическаго океана. Это объясненіе не исчерпываетъ вопроса. Захватъ Экваторіальной Африки обусловливается также пришествіемъ другого властелина, кромѣ германскаго командующаго класса. Въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ XIX вѣка онъ окрѣпъ чрезвычайно. Имя этого властелина — эмигрирующій капиталъ. Онъ первый воспользовался великимъ открытіемъ Стэнли, т. е. изслѣдованіемъ бассейна Конго. Онъ явился въ Момбазѣ и въ результатѣ, мы имѣемъ желѣзную дорогу отъ берега Индійскаго океана до береговъ Викторіи Ніанцы, оттуда пароходное сообщеніе до истоковъ Нила, а дальше — превосходная дорога до Нимуле, т. е. до того мѣста, откуда Нилъ становится судоходнымъ. Другая желѣзная дорога соединяетъ Даръ-эсъ-Салаамъ (противъ Занзибара) съ Уджиджи (берегъ Танганайки). Оттуда существуетъ пароходное сообщеніе съ Альбертвилемъ на другомъ берегу озера. Затѣмъ желѣзная дорога, проложенная черезъ великій тропическій лѣсъ, соединяетъ Западный берегъ Танганайки съ Кинду, т. е. съ тѣмъ мѣстомъ, откуда Конго становится судоходнымъ. Желѣзная дорога обходитъ водопадъ Стэнли и пороги. Затѣмъ мы видимъ снова судоходную рѣку на протяженіи 3000 верстъ. Отъ Леопольдвиля великую рѣку пересѣкаютъ пороги, но здѣсь опять черезъ непроходимый тропическій лѣсъ проведена желѣзная дорога до Матади (почти у устья Конго). Такимъ образомъ, новый властелинъ, явившійся въ Тропическую Африку, соединилъ два океана. Тотъ путь, который Стэнли продѣлалъ со страшными лишеніями

въ три съ половиной года, можно было бы съ удобствомъ (не будь войны) продѣлать въ три недѣли.

Писавшіе объ эмигрирующемъ капиталѣ не знали краски достаточно черной для изображенія его. Дѣйствительно списокъ тяжкихъ грѣховъ его очень великъ. Мы найдемъ перечисленіе этихъ грѣховъ въ безчисленныхъ книгахъ и брошюрахъ. И вотъ у испанскаго писателя я нахожу апологію новаго властелина, изъ которой приведу нѣсколько выдержекъ. "Людямъ необходимы вѣка, чтобы узнать двигающія ихъ силы. Уходитъ рядъ поколѣній, покуда человѣчество убѣждается, что оно уже не то, какъ его предки. Если бы воскресъ теперь римлянинъ, жившій во второмъ вѣкѣ нашей эры, и если бы мы спросили у него, что говорили въ его время о христіанствѣ, — онъ взглянулъ бы на насъ въ глубокомъ изумленіи... Нашъ гипотетическій римлянинъ ничего не зналъ про христіанъ. Въ его время вниманіе всѣхъ было обращено на явленія болѣе важныя. А между тѣмъ во время нашего римлянина невидимо для него намѣтилась уже сила, которая должна была преобразовать міръ... Въ послѣднія десятилѣтія девятнадцатаго вѣка на землю пришелъ новый богъ : — эмигрирующій капиталъ. Онъ имѣетъ своихъ апостоловъ : сотню милліонеровъ и вождей промышленности (capitanes de industria), разсѣянныхъ по всему свѣту. У него есть жрецы, надѣленные таинственной силой, пребывающіе въ тѣни, какъ будто грандіозность ихъ миссіи заставляетъ ихъ сохранять инкогнито. Ихъ имена извѣстны всему міру, какъ имена королей, но жрецовъ мало кто видѣлъ, такъ какъ они избѣгаютъ толпы... Современные цезари плаваютъ на яхтахъ этихъ жрецовъ и обѣдаютъ за ихъ столомъ. Не достаетъ только, чтобы императоры писали имъ : "дорогой братъ", какъ коронованнымъ особамъ. Надо быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить власти новыхъ повелителей, предки которыхъ

были дровосѣками, лодочниками или же жалкими ростовщиками. Когда то вожди народовъ начинали войны по капризу или вслѣдствіе семейныхъ ссоръ (1). Теперь государи имѣютъ въ своемъ распоряженіи больше солдатъ, чѣмъ когда либо, затѣмъ поразительныя орудія разрушенія. Миръ поддерживается лишь тѣмъ, что люди вооружены съ головы до ногъ. А между тѣмъ, государи, раньше чѣмъ извлечь мечъ изъ ноженъ, должны посовѣтоваться съ новыми братьями "съ лѣвой стороны" (à estos nuevos primos de la mana izquiarda), помощь которыхъ необходима. Если новые апостолы, скрывающіеся въ тѣни, гдѣ ткутъ судьбы міра, скажутъ: "предпріятіе намъ не выгодно", то мечъ останется въ ножнахъ. Если же согласіе дано, то мечъ пускается въ ходъ гдѣ нибудь въ колоніяхъ, чтобы разить черныхъ или желтыхъ во славу новаго бога, пріобщающаго ихъ къ своему культу". Къ великому несчастью для человѣчества, эта характеристика вѣрна. И, конечно, если гдѣ-нибудь можно собрать страшныя иллюстраціи къ колоніальнымъ войнамъ « todo para mayor glorio del dios » (для вящей славы бога), то именно въ Тропической Африкѣ. Но я сказалъ, что испанскій писатель пытается дать апологію. Посмотримъ же, что онъ можетъ намъ сказать. Жрецы новаго бога намѣчаютъ пальцемъ дѣятельность человѣческую на земной корѣ. Въ ихъ владѣніи тысячи километровъ желѣзныхъ дорогъ и флоты, какихъ никогда раньше не имѣло ни одно государство. Жрецамъ достаточно отдать приказъ по телефону, чтобы измѣнить направленіе прогресса. Острова въ Тихомъ океанѣ, населенные пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ дикарями, питавшимися человѣчиной, стремительно прогрессировали и стоятъ теперь на рубежѣ соціализма. Эмигрирующій капиталъ превраща-

1) Въ подобныхъ случаяхъ короли, начиная войну, всегда разсчитывали на выгоду.

стъ въ пять лѣтъ пустыню въ цвѣтущій край. Тамъ, гдѣ недавно бѣгали еще только страусы, выростаютъ громадные города съ электрическими трамваями и статуями. Чтобы совершить всѣ эти чудеса, капиталу достаточно провести новую линію желѣзной дороги. На пустынныхъ негостепріимныхъ берегахъ по волѣ новаго бога появляются маяки, обозначающіе входъ въ гавань. Капиталъ устанавливаетъ новую пароходную линію, и потокъ эмигрантовъ да смѣлыхъ искателей приключеній направляется куда желаютъ тавматурги, держащіеся въ полумракѣ... Испанія нашла новый міръ. Что дала ему старая Испанія? Прежде всего конквистадора, сверхчеловѣка, вышедшаго какъ будто изъ Иліады; затѣмъ смѣлыхъ путешественниковъ, которые меньше, чѣмъ въ сто лѣтъ, изслѣдовали сѣверный и южный континентъ и открыли дороги для засельщиковъ на Андахъ, рядомъ съ гнѣздами кондоровъ и въ душныхъ долинахъ подъ экваторомъ. Конквистадоры основали главнѣйшіе города въ Америкѣ и завѣщали населенію героическія традиціи да высокое понятіе о чести. Вслѣдъ за конквистадорами пришли миссіонеры, насадившіе христіанство и уничтожившіе служеніе богамъ, требовавшимъ человѣческихъ жертвъ. Старая Испанія дала Америкѣ мечъ и крестъ, героизмъ и благочестіе. И когда окончился героическій періодъ завоеваній, испанскіе города въ Америкѣ заснули, производя только абсолютно необходимое для своего существованія. Они подчинились тираніи метрополіи. Затѣмъ Южная Америка проснулась на мигъ, сбросила оковы и опять задремала, подчинившись новымъ деспотамъ. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, покуда въ Южной Америкѣ не появился новый богъ. Къ берегамъ Южной Америки прибылъ эмигрирующій капиталъ, проклинаемый поэтами и публицистами, и въ какихъ-нибудь десять лѣтъ весь континентъ совершенно измѣнился. Въ

дѣвственныхъ степяхъ, опережая плугъ, появился локомотивъ. Въ пустынѣ возникли отдѣльные хутора (estaciones), намѣчая мѣсто будущихъ городовъ. Въ устьяхъ рѣкъ появились пароходы, чтобы забрать результаты урожая и доставить ихъ на другой конецъ земли. Мелочной торговецъ, скупой и робкій въ своихъ операціяхъ, сталъ смѣлымъ негоціантомъ. Вмѣсто кучекъ эмигрантовъ, прибывавшихъ каждые два мѣсяца на старыхъ парусныхъ бригантинахъ, началъ приливать широкій потокъ переселенцевъ. Вмѣсто кучекъ приливали цѣлые народы. И всю эту революцію произвели таинственные апостолы эмигрирующаго капитала, т. е. маги, таящіеся въ конторѣ лондонскаго Сити, на двадцатомъ этажѣ въ Нью-Іоркѣ или гдѣ нибудь въ Парижѣ.

...Эмигрирующій капиталъ надѣленъ своей особой жизнью; онъ крылатъ, разуменъ и не можетъ пребывать въ покоѣ. Онъ постоянно обѣгаетъ міръ и проникаетъ всюду въ видѣ акцій и облигацій. Эмигрирующій капиталъ не знаетъ препятствій и всюду торжествуетъ.. Ни одинъ самодержецъ не можетъ выполнить гигантскихъ работъ, совершенныхъ эмигрирующимъ капиталомъ... Онъ покрылъ земной шаръ щетиной фабричныхъ трубъ. Къ безпредѣльному океану болѣе не примѣнимъ терминъ "пустынный", такъ какъ на поверхности его во всѣхъ направленіяхъ видны облачки дыма изъ пароходныхъ трубъ. Эмигрирующій капиталъ заставилъ рѣки и водопады порождать электрическую энергію. Горныя цѣпи, составлявшія преграды между странами, болѣе не преграды; голодъ, поражавшій когда-то цѣлыя страны, отошелъ въ область преданій, такъ какъ пароходы эмигрирующаго капитала могутъ перебросить въ любой моментъ сотни тысячъ тоннъ пшеницы изъ одного конца земли въ другой".

III.

Эмигрирующій капиталъ нашелъ поле для дѣятельности въ Тропической Африкѣ и громадныя территоріи были расхвачены въ нѣсколько лѣтъ. Я упомянулъ уже про дороги, проложенныя черезъ тропическіе лѣса. Вдоль теченія Конго и главныхъ притоковъ великой рѣки возникли быстро развивающіеся города: Бома, Леопольдвилль, Бразавилль, Болабо, Кокильятвилль, Ямбутъ, Стэнлизвилль, Понтьевилль и др. То же самое мы видимъ во французской Гвинеѣ (желѣзная дорога идетъ теперь отъ берега Атлантическаго океана далеко вглубь страны, до Канкала на притокѣ Нигера - Джолиба. Желѣзная дорога идетъ также отъ берега Слоновой кости въ глубь страны)...

Я, конечно, меньше всего склоненъ идеализировать дѣйствіе эмигрирующаго капитала въ Экваторіальной Африкѣ, такъ какъ хорошо помню и страшныя разоблаченія дѣятельности германскаго колонизатора Карла Петерса, и ужасы, творившіеся въ Конго... Эти ужасы обсуждались въ бельгійскомъ парламентѣ въ 1912 году. Все это, конечно, я помню хорошо, но мнѣ вспоминается также и то, что происходило въ этихъ самыхъ мѣстахъ до прибытія европейцевъ. Вотъ, напримѣръ, идиллическая картина невинной первобытной жизни. Стэнли во время своего великаго путешествія отъ Индійскаго океана къ Атлантическому, прибылъ 17 ноября 1876 года въ негритянскую деревню Кампуицу на берегу Конго. Тогда онъ былъ первый бѣлый человѣкъ въ этихъ мѣстахъ. "Кампуицу — деревня, растянувшаяся ярдовъ на пятьсотъ. Она состоитъ изъ одной улицы, шириною футовъ въ тридцать, правильно и симметрично обстроенный низкими домиками съ крутыми острыми крышами. Въ окрестностяхъ лежатъ еще другія деревни, вы-

строенныя по тому же плану. Наиболѣе характерной чертой Кампуицу являются два ряда череповъ вдоль всей улицы. Черепа эти всажены въ землю дюйма на два и выбѣлены солнцемъ. Я насчиталъ сто восемьдесятъ шесть такихъ череповъ. Мнѣ они показались человѣческими, хотя надбровныя дуги были очень развиты. Принявъ наиболѣе беззаботный видъ, я спросилъ у моихъ негровъ, чьи это черепа.

— Соко (шимпанзе) — отвѣтили мои спутники.

— Соко изъ лѣса?

— Конечно.

Я попросилъ призвать вождя деревни.

— Мой другъ, — спросилъ я: — что это за вещи, которыми вы украшаете вашу деревню?

— Ньямъ (мясо), — отвѣтилъ онъ.

— Ньямъ. Какое Ньямъ?

— Ньямъ изъ лѣса.

— Вкусное оно.

Негръ засмѣялся и сказалъ, что очень вкусно.

— Ѣли бы вы это ньямъ, если бы имѣли его теперь?

— Конечно, кто же откажется отъ вкуснаго (1).

Стэнли забралъ съ собою два черепа. Гексли, изслѣдовавшій потомъ эти черепа, нашелъ, что оба они человѣческіе. Одинъ принадлежалъ мужчинѣ, вѣроятно моложе тридцати лѣтъ, а другой—женщинѣ за пятьдесятъ лѣтъ. Въ первой своей книгѣ Стэнли спокойно и дѣловито, какъ подобаетъ американскому репортеру, говоритъ о рабахъ и цѣпяхъ на невольничьемъ рынкѣ въ Занзибарѣ и на континентѣ. "Большая часть воиновъ Васегуа (въ нынѣшней Германской Восточной Африкѣ) вооружены мушкетами. Арабскіе торговцы доставля-

---

1) H. M. Stanley, «Through the Dark Continent», vol. II, 111—112.

ютъ племени этому порохъ и пули, чтобы Васегуа могли нападать на племена вагугуру, вадое и вакренни съ цѣлью добыть рабовъ для невольничьяго рынка. Пять лѣтъ назадъ племя васегуа организовало большой набѣгъ на васагара, проникло вглубь ихъ страны, совершенно опустошило ее и возвратилось съ 500 невольниками. Прежде причиной войнъ являлась только кровавая месть. Теперь работоторговцы изъ Ирима поощряютъ нападенія, дабы снабжать невольничій рынокъ въ Занзибарѣ двуногимъ скотомъ" (1). Въ Занзибарѣ Стэнли "пошелъ по базару посмотрѣть кой какого товару". "Въ Уджиджи (на берегу Танганайки) рабъ стоитъ пять доти (доти — четыре ярда матеріи), или, на американскія деньги, семь долларовъ пятьдесятъ центовъ. Того же раба, если его доставить въ Занзибаръ, можно продать за тридцать долларовъ... Еще дальше вглубь страны невольника можно купить за шесть долларовъ" (2).

Или вотъ одна изъ встрѣчъ во время перваго путешествія Стэнли отъ берега Индійскаго океана до Танганайки. "Переправившись черезъ рѣку, мы встрѣтили нѣчто совершенно обычное въ этой части свѣта, а именно—скованныхъ вмѣстѣ невольниковъ, которыхъ гнали на востокъ. Я не могъ бы сказать, что рабы были удручены; напротивъ, всѣ они, повидимому, были проникнуты веселой философіей Марка Топлина (3).

Не будь цѣпей, нельзя было бы отличить хозяина отъ раба. На всѣхъ лицахъ, какъ невольникахъ, такъ и ихъ провожатыхъ, я читалъ одно и то же выраженіе изумленія, смѣшаннаго съ добродушіемъ. Цѣпи были тяжелы. Ими можно было бы сковать даже слона; но

1) H. Stanley «How I found Livingstone», стр. 241 — 242.
2) ib., стр. 8.
3) Герой диккенсовскаго романа «*Мартинъ Чезльвитъ*».

такъ какъ невольники не несли никакого другого груза, то тяжесть цѣпей нельзя было считать слишкомъ обременительной“ (1).

Надо сказать, что другіе англійскіе наблюдатели нѣсколько иначе описываютъ цѣпь невольниковъ.

”На основаній личныхъ наблюденій я могу сказать, что скованные невольники, которыхъ гнали къ берегу моря, были обременены излишне тяжелыми цѣпями и ошейниками, врѣзывавшимися въ тѣло и причинявшими гніющія язвы. Невольники были заморены голодомъ и истощены. Ихъ не снабжали даже въ достаточной мѣрѣ питьевой водой. Многіе погибали отъ солнечнаго удара. Если невольники падали въ истощеніи на землю, ихъ пристрѣливали, закалывали или же съ дьявольской жестокостью перерѣзывали имъ горло. Въ Тавейтѣ (теперь это культурное поселеніе въ Британской Восточной Африкѣ) я видѣлъ мальчиковъ и юношей, неудачно кастрированныхъ арабами, чтобы приготовить евнуховъ для турецкихъ гаремовъ и брошенныхъ въ лѣсу, гдѣ несчастные умирали. Я видѣлъ, какъ убивали ударомъ о камень дѣтей, которыхъ матери невольницы не могли носить на рукахъ. Многіе невольники (опять говорю на основаніи личныхъ наблюденій) кончали съ собой, такъ какъ не могли перенести разлуку съ близкими. Невольниковъ клеймили каленымъ желѣзомъ и немилосердно сѣкли“ (2).

Институтъ невольничества, который исчезъ съ появленіемъ европейцевъ, не становится, конечно, привлекательнѣе отъ добродушно философскаго отношенія къ нему знаменитаго путешественника.

---

1) «How I found Livingstone» стр. 101.

2) Sir H. Johnston, «A History of the Colonization of Africa by Alien Races». Cambridge, 1905, стр. 95—96 (Cambridge Historical Series).

IV.

"Экваторіальная Африка", для которой ищутъ теперь одну общую формулу, представляетъ собою колоссальный этнографическій музей. Сюда входятъ одинаково какъ колоніи, пріобрѣтенныя во время чернаго передѣла 1885 года, такъ и территоріи, занятыя четыре вѣка тому назадъ, напримѣръ, Мозамбикскій берегъ, принадлежащій Португаліи. Громадныя территоріи эти населены десятками народовъ различныхъ по происхожденію (1), языку и степени культуры. Если мы ограничимся даже узкой полосой отъ Индійскаго океана до Атлантическаго, приблизительно между 2° с. ш. и 10° ю. ш., представляющей территоріи, занятыя въ послѣдніе тридцать лѣтъ, — то легко убѣдимся, что одну формулу ужасно трудно придумать.

Тропическая Африка въ указанныхъ предѣлахъ заключаетъ въ себѣ степи съ хорошимъ климатомъ, несмотря на близость къ экватору (обусловливается это воздушными теченіями), нездоровыя болота и непроходимые лѣса, занимающіе почти весь бассейнъ Конго. Въ этотъ тропическій лѣсъ можно умѣстить всю Европу

---

1) Таковы-*Хамитскія* племена восточнаго Судана и Южн. Африки (Беджа, Хамранъ, Сомали, Данакиль, ва-туссы, ва-руанда и др.), *хамидо-ихароиды* (Масаи, ва-куафи), *негроиды*, (Джоннъ Скоттъ Кельти насчитываетъ пятьдесятъ семь народовъ этого происхожденія), *негры* (Кельти насчитываетъ 117 племенъ), *негро-банту* (пятнадцать племенъ), *карликовыя племена* (Акка, ба-мбуте, ба-бонго, ашанго и др.), *банту-негроиды*, (сто пятнадцать племенъ, по Кельти), *банту-переходике* (Амбела, минунго, и т. д., всего восемнадцать племенъ), *южные банту* (тридцать четыре племени), *хамито банту бушмены* (три племени), *бушмены*. Значительная часть Мадагаскара тоже относится къ Экваторіальной Африкѣ. Такимъ образомъ, къ группамъ племени надо причислить еще около десятка этнографическихъ сплавовъ негритянскихъ, малайскихъ и индусскихъ племенъ.

отъ Пиренейскаго полуострова до Уральскаго хребта. "Хотя солнечные лучи падаютъ вертикально, но они не могутъ проникнуть въ этотъ лѣсъ, — говоритъ Давидъ Ливингстонъ. Только въ полдень отдѣльныя золотыя полоски прорѣзываютъ полутьму подъ деревьями. Дождевая вода цѣлыми мѣсяцами застаивается въ колдобинахъ, образовавшихся тамъ, гдѣ прошли слоны. Пространство между деревьями заплетено ползучими растеніями, то тонкими, какъ кнутъ, то толстыми, какъ канаты военнаго корабля. И если одно изъ гигантскихъ деревьевъ упадетъ, оно образуетъ баррикаду почти въ ростъ человѣческій. Чтобы перелѣзть черезъ нее, надо обрубить сперва живые канаты, обвивающіе стволъ" (1). Прежде, чѣмъ Стэнли проникъ въ Великій тропическій лѣсъ, путешественникъ часто слышалъ разсказы рѣдкихъ арабскихъ торговцевъ про неизвѣстный край. "На протяженіи недѣль и мѣсяцевъ пути тянется лѣсъ. Люди тамъ постоянно окружены деревьями",—разсказывалъ арабъ. И вотъ путешественникъ наконецъ вступилъ въ великій лѣсъ, про который слышалъ столь страшные разсказы. "Все время съ деревьевъ на насъ падала роса подобно дождю. Казалось, каждый листъ плачетъ. Сырость стекала внизъ по безчисленнымъ стеблямъ ползучихъ растеній, висѣвшихъ съ вѣтвей, подобно канатамъ; надъ нами непроницаемая листва совершенно закрывала небо. Мы не могли опредѣлить, что теперь: солнечный ли день или непроницаемый туманъ, ибо въ лѣсу были сумерки, какъ въ нашихъ широтахъ черезъ часъ послѣ солнечнаго заката. Подъ ногами было вязкое болото. Мы медленно подвигались впередъ, разбрызгивая болотную воду. Почва представляетъ собой тучный перегной образовавшійся вѣками вслѣдствіе па-

1) «Last Journals of David Livingstone in Central Afrika». London 1874, p. 218.

дающихъ листьевъ и вѣтвей... Постоянно насъ задерживали ручьи" (1). Въ другомъ мѣстѣ у Стэнли мы находимъ еще описаніе великаго тропическаго лѣса. Путешественникъ говоритъ о подлѣскѣ, растущемъ подъ гигантскими деревьями. "Этотъ подлѣсокъ образуетъ непроходимую чащу, состоящую изъ разнообразныхъ гигантскихъ папортниковъ, молодыхъ пальмъ, Raphia vinifera и Mucuns pruriens, стращащую голыхъ туземцевъ своими легко ломающимися шипами, сотенъ видовъ дикой виноградной лозы, ползущихъ резиновыхъ ліанъ и индѣйскаго тростника. Все это сплетено, скрѣплено, свито, образуя одну стѣну. А надъ подлѣскомъ — нависли гигантскія вѣтви Rubiacere, тиковъ, сіамскаго хлопчатника, резиновыхъ деревьевъ, затѣмъ— листья пальмъ. Всюду видны мясистыя листья фикусовъ. Такова родина слоновъ, протоптавшихъ черезъ подлѣсокъ единственныя тропы, которыми можно пользоваться. Вверху, въ развилинахъ вѣтвей видны гигантскіе наросты, на которыхъ, въ свою очередь, растутъ орхидеи и нѣжные папортники" (2).

Отъ разныхъ географическихъ условій въ Экваторіальной Африкѣ зависитъ степень соціальнаго развитія безчисленныхъ племенъ. Въ глубинѣ тропическаго лѣса мы находимъ патріархальную систему, причемъ семья является соціальной единицей. Тамъ, гдѣ лѣсъ рѣдѣетъ возникаютъ земледѣльческія поселенія. Мы видимъ деревни, во главѣ которыхъ стоитъ вождь. Когда же лѣсъ замѣняется степями съ удобными путями сообщенія, появляются туземныя "королевства" и даже имперіи", какъ напримѣръ Буганда. Каждая форма общественности разительно отличается отъ другой. Приведу нѣсколько образцовъ. Вотъ, напримѣръ, лѣсная деревня,

1) H. Stanley, «Through the Dark Continent», vol. II, стр. 101.
2) ib., стр. 15?.

представляющая собою совершенно отдѣльный міръ. Мы въ Уомбо, въ верховьяхъ Конго. "Деревня состоитъ изъ значительнаго числа невысокихъ, коническихъ жилищъ, сплетенныхъ изъ травы и расположенныхъ вокругъ майдана, или площади, въ центрѣ которой растутъ три или четыре фиговыхъ дерева. Они даютъ тѣнь селянамъ и кору, изъ которой вождь изготовляетъ себѣ одежду. Майданъ такъ утоптанъ, что на немъ нѣтъ ни былинки... Меня окружаютъ сотни туземцевъ, которыхъ я готовъ считать совершенно выродившимися. Здравый смыслъ однако подсказываетъ мнѣ измѣрять степень ихъ культуры не уродствомъ лицъ, не наготой и не криками, а тѣмъ, какъ обработаны поля и сады этихъ дикарей. И тогда я невольно долженъ признать, что эти "выродившіеся представители человѣческой породы" сѣютъ и разводятъ только такія растенія, какія разводилъ бы и я, если бы жилъ въ этихъ широтахъ и если бы не имѣлъ ничего другого для поддержанія моего существованія. Я убѣждаюсь, что хотя жилища этихъ негровъ сплетены изъ травы, но это наиболѣе подходящій строительный матеріалъ въ данныхъ условіяхъ. Мнѣ часто приходилось спать въ гораздо худшихъ лачугахъ. Поговоривъ съ дикарями на ихъ языкѣ, мы убѣдились, что они имѣютъ хорошее представленіе о законности, о "meum" и "tuum". Дикари, конечно, неприглядны. "Какъ мнѣ описать отвратительный видъ клочковъ обезьяней кожи, костей гориллы и раковинъ, висящихъ у поясовъ негровъ и составляющихъ единственную одежду ихъ. Какъ передать запахъ ихъ... Но было время, когда и мои предки ходили такимъ же образомъ". Обитатели деревни впервые видѣли бѣлыхъ и восклицали постоянно съ удивленіемъ и отвращеніемъ: "е-а-а ва-а-анту" (и это люди).

Но вотъ случилось маленькое несчастье. Негритята (ихъ смѣшили бѣлые, но изъ вѣжливости они смѣялись

только въ ладонь), чтобы лучше видѣть странныхъ животныхъ забрались на верею. Верея упала и ушибла одного изъ черныхъ спутниковъ Стэнли. И тотчасъ же у всѣхъ негритянокъ вырвалось восклицаніе жалости... Мы оставили деревню, нагруженные бананами, курами, маисомъ и тыквами съ пальмовымъ виномъ. Все населеніе провожало насъ до того мѣста, гдѣ кончались его поля“ (1). Жители этой деревни, представляющей въ тропическомъ лѣсу отдѣльный, самодовлѣющій мірокъ, трепещутъ безпрерывно, опасаясь нападенія со стороны воинственныхъ племенъ, ищущихъ добычи и... мяса. Гораздо ниже по степени культуры стоятъ карликовыя племена, живущія въ самой густой части великаго лѣса. Арабы съ Занзибара, желая отговорить Стэнли отъ путешествія черезъ тропическій лѣсъ, наговорили ему много ужасовъ про пигмеевъ.

— На что похожи карлики?—допытывался Стэнли.

— "Они ужасны и отчаянны, когда вступаютъ въ сраженіе, — объяснялъ негръ, провожавшій когда-то арабскаго купца.—Мы теряли людей ежедневно. И каждаго, кого карлики убивали, они съѣдали“. "Карлики эти — странныя существа, вышиною въ три фута съ бородою до середины груди и съ громадной головою“, — описывали негры. Дѣйствительность не вполнѣ соотвѣтствовала этому описанію. "Седьмого декабря (1876 года) въ полдень, когда мы усиленно были заняты починкой лодокъ, — разсказываетъ Стэнли, — мы нашли въ кустахъ близь нашего лагеря туземца, вооруженнаго маленькимъ лукомъ и крошечными стрѣлами. Такъ какъ дикарь показался подозрительнымъ, то его поймали и привели ко мнѣ. То былъ очень странный маленькій воинъ, дрожащій всѣми членами, ростомъ въ 4 фута 6 1/2 дюймовъ. Голова у него была большая,

1) «Through the Dark Continent», vol. II, стр. 59-60.

лицо заросло клочковатой бородой, а цвѣтъ кожи свѣтло-шоколадный. Такъ какъ онъ былъ колченогій, то я принялъ его сперва за недоноска, прогнаннаго племенемъ и скрывающагося въ лѣсу. Но туземецъ на вопросъ, кто онъ, отвѣтилъ "ватва". Такъ называется одно изъ карликовыхъ племенъ. Мои спутники очень осторожно осматривали стрѣлки, отобранныя у пигмея. Наконечники стрѣлъ были намазаны какимъ то темнымъ веществомъ, пахнущимъ какъ кантариды. Нѣкоторые наконечники были завернуты въ листья. Когда я началъ вертѣть одну изъ стрѣлъ, пигмей закричалъ мнѣ "маби", "маби", т. е. "вредно", предупреждая меня такимъ образомъ, что стрѣлы отравлены".

Пишущему эти строки пришлось видѣть въ 1906 году группу пигмеевъ, хотя не въ глубинѣ тропическаго лѣса, а въ Королевскомъ Географическомъ обществѣ въ Лондонѣ. Путешественникъ, возвратившійся изъ Итури, привезъ съ собою шесть пигмеевъ, вмѣстѣ со всѣмъ ихъ имуществомъ. Пигмеи были ростомъ около 4 1/2 футовъ. У мужчинъ выпячивался впередъ животъ колесомъ, а у двухъ женщинъ задъ. Впрочемъ, "стеатопигія" развилась у этихъ красавицъ только въ Англіи отъ изобильной хорошей пищи. Пигмеи всѣ такъ отъѣлись, что лоснились отъ жира. Переводчикъ передалъ опасенія маленькихъ воиновъ: они страшились показаться такими упитанными въ родныхъ мѣстахъ, такъ какъ жирное тѣло могло явиться соблазномъ... Въ лѣсу пигмеи живутъ на деревьяхъ, гдѣ устраиваютъ грубо заплетенный шалашъ діаметромъ въ семь футовъ, а вышиною въ четыре фута. Деревни пигмеевъ состоятъ изъ 10-12 подобныхъ шалашей. Пигмеи рѣдко обрабатываютъ землю, такъ какъ, главнымъ образомъ, питаются охотой. Когда они не могутъ убить четвероногое животное или птицу, то ѣдятъ бѣлыхъ муравьевъ, сырые грибы и личинки жуковъ. Карликовыя племена

стоятъ необыкновенно низко по развитію; объ этомъ свидѣтельствуетъ, говорятъ, и ихъ языкъ; но меня поразила культура пигмеевъ, привезенныхъ въ Лондонъ: ножи, наконечники стрѣлъ и копья ихъ были желѣзные, самодѣльные, а не каменные или костяные. Вслѣдствіе того, что богатая болотная желѣзная руда встрѣчается въ изобиліи въ Центральной Африкѣ, — тамъ даже наиболѣе низко стоящія племена умѣютъ обрабатывать желѣзо примитивнымъ путемъ, въ "вагранкѣ" (способъ этотъ описанъ еще Гомеромъ). Вслѣдствіе этого остатки каменнаго вѣка до сихъ поръ въ Тропической Африкѣ еще не найдены. Каменный вѣкъ, какъ извѣстно, существовалъ когда-то въ Египтѣ. Вполнѣ возможно, что нубійскіе завоеватели, вторгшись въ долину Нила передъ зарей исторіи, принесли съ собой изъ Центральной Африки искусство обрабатывать желѣзо; изъ Египта же употребленіе желѣза проникло потомъ въ Европу.

V

Мы имѣемъ теперь представленіе о культурѣ, созданной, какъ въ густомъ лѣсу, такъ и въ прогалинахъ его (жилища на деревьяхъ и правильныя деревни). Посмотримъ теперь, какія формы общественности возникли въ тучныхъ степяхъ. Передъ нами высшая форма развитія тропической африканской культуры — Уганда. Всѣ остальныя безчисленныя африканскія племена не имѣютъ ни исторіи, ни традицій. У Уганды "исторіи", т. е. записанныхъ и провѣренныхъ лѣтописей, нѣтъ, но зато есть много традицій. И надо сказать, что традиціи Уганды неизмѣримо красивѣе и благороднѣе, чѣмъ та дѣйствительность, которую нашли первые европейскіе изслѣдователи, проникшіе въ 1860 году во владѣнія "кабаки" (т. е. императора). Я приведу здѣсь въ крат-

комъ изложеніи циклъ замѣчательныхъ легендъ про перваго угандскаго царя Кинту, свидѣтельствующихъ о томъ, что подъ всѣми широтами, при благопріятныхъ условіяхъ, вѣчно

"Человѣческое сердце
Знало горести, сомнѣнья
И порывы къ свѣтлой правдѣ".

Мудрый, справедливый Кинту прибылъ со своимъ стадомъ въ пустынную Уганду и насадилъ тамъ бананы. Его дѣти размножились и заселили всю имперію. Кинту проповѣдывалъ, между прочимъ, что жизнь всякаго существа священна. Ничья кровь, будь то человѣка, млекопитающаго, птицы или даже насѣкомаго, не должна быть пролита. Когда добрый патріархъ состарился, многочисленное потомство его стало пренебрегать совѣтами Кинту, ибо оно открыло, какъ приготовлять хмѣльное вино изъ банановъ. Упившись виномъ, потомки Кинту развратились, стали совершать непотребства и начали браниться черными словами. Затѣмъ пошли насилія и убійства. Дѣти, внуки, правнуки и праправнуки наконецъ стали грозить самому Кинту. Стали раздаваться голоса, что его надо свергнуть. Долго Кинту терпѣливо переносилъ все, пробуя дѣйствовать на пьяницъ и насильниковъ словомъ убѣжденія; но такъ какъ люди все больше и больше пристрастились къ вину, то убѣжденія не дѣйствовали. И вотъ, видя это, Кинту сказалъ разъ женѣ своей : "Дѣти мои, которыхъ я привелъ въ свѣтъ, развратились и ожесточились сердцемъ. Они грозятся теперь прогнать меня или даже убить, ибо, — говорятъ они, — я уже старъ и безполезенъ. Среди собственныхъ дѣтей я подобенъ чужаку, всѣми ненавидимому. Дѣти мои проливаютъ ежедневно кровь своихъ братьевъ. Я вижу кругомъ только кровь, и зрѣлище это опостыло мнѣ. Пора намъ уйти. Идемъ". И въ ту же ночь исчезли Кинту и жена его. И на утро

дѣти узнали, что ушелъ ихъ отецъ и забралъ съ собою все то, съ чѣмъ прибылъ нѣкогда въ Уганду. И тогда всѣ начали жалѣть патріарха. Горькій плачъ поднялся по всей странѣ. Съ каждымъ годомъ жить становилось все труднѣе и труднѣе, такъ какъ неправда наростала, а люди все болѣе и болѣе ожесточались. И чѣмъ страданія становились сильнѣе, тѣмъ больше люди вспоминали Кинту. Между тѣмъ росли слухи, что Кинту живъ и что онъ со своими приближенными живетъ гдѣ то въ лѣсу. Одно поколѣніе за другимъ напрасно искало путь къ мѣстопребыванію справедливаго Кинту, запретившаго убійства и насилія. Прошло много вѣковъ. И вотъ разъ "копи" (земледѣлецъ), жившій подъ столицей, отправился по дрова далеко въ лѣсъ, гдѣ его застала ночь. "Копи" рѣшилъ дождаться утра въ наскоро выстроенномъ шалашѣ. И какъ только крестьянинъ заснулъ, онъ услышалъ голосъ: ступай въ лѣсъ, туда, гдѣ стволы бавольника образуютъ стѣну, выйди потомъ на круглую прогалину. Тамъ ты увидишь то, что дастъ тебѣ богатство и сдѣлаетъ великимъ вождемъ. "Копи" проснулся. Затѣмъ онъ еще разъ заснулъ и еще дважды слышалъ тотъ же голосъ. Мѣсто въ лѣсу, гдѣ стволы бавольника образуютъ густую стѣну, было хорошо извѣстно крестьянину. И какъ только наступило утро, "копи" отправился въ поиски за круглой прогалиной, которую нашелъ безъ особаго труда. За деревьями крестьянинъ увидѣлъ зрѣлище, наполнившее его страхомъ и благоговѣніемъ. На лужайкѣ, на высокомъ тронѣ сидѣлъ длиннобородый старикъ, подперши сѣдую голову рукой. По обѣимъ сторонамъ трона на цыновкахъ рядами сидѣли воины съ щитами и копьями въ рукахъ. И старикъ на тронѣ, и воины были въ бѣломъ. Нѣкоторое время господствовало молчаніе. Наконецъ заговорилъ старикъ, и "копи" узналъ тотъ голосъ, который слышалъ во снѣ:

— Крестьянинъ, скажи мнѣ, какая это земля.

— Неужели ты не знаешь — робко отвѣтилъ "копи" — это Уганда.

— Кто былъ здѣсь первымъ царемъ? Назови мнѣ его имя.

— Кинту, — отвѣтилъ земледѣлецъ.

— Правда. Теперь скажи мнѣ, кто царствуетъ теперь.

— Маганда.

— Хорошо. Ступай же сейчасъ къ нему, торопись и скажи ему, что Кинту ждетъ его. Маганда долго искалъ Кинту, и Кинту имѣетъ нѣчто передать Магандѣ. Скажи царю, чтобы онъ явился только въ сопровожденіи своей матери и тебя. Запомни, кромѣ васъ, никто не долженъ сопровождать его, даже собаки. Спѣши. Передай царю Магандѣ все то, что ты видѣлъ и слышалъ. И если будешь вѣренъ, твоя награда будетъ велика.

Крестьянинъ поспѣшилъ въ столицу, добился свиданія съ царемъ, который видѣлъ во снѣ, что къ нему придетъ "копи" съ важными вѣстями. И когда крестьянинъ передалъ царю порученіе, тотъ позвалъ мать свою и взялъ щитъ и копье. Затѣмъ всѣ трое отправились въ лѣсъ. Главный вождь Катекира, узнавъ, что Маганда куда то ушелъ, сталъ опасаться засады и измѣны. Боясь за жизнь своего повелителя, главный вождь тихонько отправился по слѣдамъ царя. И вотъ Маганда, мать его и проводникъ вышли на прогалину, гдѣ все еще сидѣлъ старикъ, окруженный воинами.

— Кто ты? — спросилъ старикъ на тронѣ у царя.

— Я — Маганда.

— Ты ли царь?

— Ты сказалъ.

— Кто эта старая женщина?

— Моя мать.

— Хорошо. Но почему ты не исполнилъ моего приказанія? Почему тебя сопровождаютъ другіе люди, кромѣ твоей матери и крестьянина?

— Я выполнилъ все, что ты сказалъ, — отвѣтилъ Маганда. Со мною только двое. Никто другой не зналъ, что я пошелъ сюда.

— Но я видѣлъ еще кого то, кто слѣдуетъ за тобой, — настаивалъ старикъ. — Скажи мнѣ, кто онъ.

— Будь спокоенъ, — отвѣтилъ Маганда. — Тутъ нѣтъ никого, кромѣ моей матери и этого крестьянина. Во время пути я нѣсколько разъ оглядывался, чтобы убѣдиться, не слѣдитъ ли кто за нами.

— Кто былъ первый царь Уганды?—внезапно спросилъ старикъ.

— Кинту, — отвѣтилъ Маганда.

— Правда, — задумчиво началъ старикъ. — Кинту былъ добръ. Онъ никогда не обидѣлъ ни человѣка, ни звѣря, ни птицы, ни насѣкомаго. Ни одно живое существо не имѣетъ основанія жаловаться на него, ибо онъ любилъ всѣхъ, какъ добрый отецъ — своихъ дѣтей. Но дѣти его развратились и стали жестоки, упрямы, непослушны. Они стали проливать кровь. Сперва они начали убивать звѣрей и птицъ, а потомъ — своихъ братьевъ и сестеръ. И наконецъ кровь такъ опьянила ихъ, что они рѣшили убить своего добраго отца Кинту. И тогда Кинту понялъ, что Уганда — страна не для него. Она была сперва чиста, — но потомъ ее осквернила кровь. И тогда Кинту покинулъ жестокую страну. Всѣ цари Уганды, отъ Чва до Маганда, напрасно искали потомъ Кинту. Ты, Маганда, увидишь Кинту лицомъ къ лицу; ты услышишь его слова. Слушай же и запомни хорошо его слова... Скажи мнѣ тотчасъ, кто тотъ человѣкъ, который слѣдуетъ за тобою, — внезапно оборвалъ старикъ.

— Зачѣмъ ты опять спросилъ такъ, когда я уже

тебѣ сказалъ, что никто за мною не слѣдитъ. Никто не знаетъ, куда я пошелъ, — отвѣтилъ Маганда.

— Я видѣлъ человѣка, шедшаго по твоимъ слѣдамъ, — спокойно сказалъ старикъ. Зачѣмъ ты это ему позволилъ, когда я наказалъ, чтобы съ тобою были только мать да "копи".

Мать царя и крестьянинъ тутъ подтвердили, что Маганда сказалъ правду и что никто за ними не слѣдуетъ.

— Я видѣлъ человѣка, подслушивающаго тамъ за деревомъ. Погляди. Вотъ онъ стоитъ, — сказалъ старикъ и указалъ на Катакиро. Вождь, убѣдившись, что его пребываніе открыто, вышелъ изъ-за дерева и показался на лужайкѣ. Замѣтивъ своего Катакиро, царь въ ярости метнулъ копье, угодившее вѣрному слугѣ въ сердце. Вождь крикнулъ и упалъ мертвый. Маганда обернулся, чтобы взглянуть, какое впечатлѣніе убійство произвело на старика. Царь увидѣлъ, что старикъ и вся свита его растаяли и исчезли безслѣдно. Маганда, мать его и крестьянинъ пали на землю, взывая въ слезахъ :

— Кинту, Кинту, Кинту.

Но добрый патріархъ, которому ненавистна была кровь, ничего не отвѣтилъ. Только эхо въ лѣсу повторяло его имя. Всю ночь до утра взывали и плакали въ лѣсу царь и его спутники. Великій отецъ Уганды исчезъ безслѣдно. Съ тѣхъ поръ никто больше нигдѣ не встрѣчалъ Кинту.

VI

Созданіе такого цикла легендъ свидѣтельствуетъ, конечно, о высокой степени развитія племенъ "банту", населяющихъ Уганду. Надо сказать, что когда Спикъ

прибылъ въ Уганду въ 1860 году, добрые цари далеко отошли въ область преданій.

Большинство населенія Уганды, состоящее изъ ”копи“ (земледѣльцевъ), было бы вполнѣ довольно судьбою, если бы дѣло шло только о матеріальномъ благополучіи. Земля даетъ крестьянамъ все необходимое для безпечальнаго житья. Въ особенности же это относится къ ”дару добраго Кинту“, т. е. къ банану. Это крупное травянистое растеніе даетъ ”копи“ почти все необходимое для жизни. ”Волокна ствола употребляются, какъ веревки. Изъ того же ствола воины изготовляютъ щиты, а рыбаки широкополыя шляпы... Это травянистое растеніе доставляетъ крестьянину его хлѣбъ насущный, дессертъ, вино, пиво, лекарство, строительный матеріалъ, платье, постель, скатерть, нитки, веревки, щитъ, словомъ все, кромѣ мяса. Имѣя банановое растеніе, ”копи“ счастливъ, обрастаетъ жиромъ и благоденствуетъ“ (1). Во всякомъ случаѣ, онъ могъ бы быть вполнѣ счастливъ, если бы блаженство зависѣло только отъ матеріальнаго благополучія. Для довершенія благодати крестьянину недостаетъ того, что Спикъ формулируетъ такъ: « protection from his sovereign » (защиты отъ собственнаго государя). Когда этотъ путешественникъ посѣтилъ Уганду, царемъ тамъ былъ Суна, поддерживавшій державную волю при помощи террора. Политическіе дѣятели, пробующіе теперь играть на другой сценѣ роль Суны, очевидно, взяли нѣсколько правилъ государственной мудрости и угандскаго ”кабаки“ (императора). Спикъ говоритъ, что Суна убивалъ своихъ подданныхъ сотнями (онъ зналъ только такое несовершенное орудіе казни, какъ мечъ, преемники Суны, какъ цивилизованные люди, прибѣгаютъ къ пулемету). ”Мнѣ говорили, что въ одинъ день за какое то государствен-

1) H. Stanley, «Through the Dark Continent», vol. I, стр. 324.

ное преступленіе Суна велѣлъ казнить восемьсотъ человѣкъ" — говоритъ Спикъ. Преемники угандскаго "кабаки" достигли въ Москвѣ болѣе совершенныхъ результатовъ при помощи пулеметовъ. "Другія наказанія, которыя накладывалъ Суна, были ужасны, — продолжаетъ цитируемый путешественникъ, — выдавливаніе глазъ, отрѣзываніе ушей, носа и губъ. Суна сидѣлъ всегда, понуривъ голову. Стоявшій при немъ палачъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, когда "кабака" подниметъ голову и взглянетъ на него. Тогда палачъ, или "начальникъ веревки", какъ его звали въ Угандѣ, хваталъ того, на кого взглянулъ Суна, и отводилъ на казнь.

Приведу еще одну расправу съ контръ-революціонерами. "Кабака" ограбилъ страну васоговъ. Васоги запротестовали противъ грабежа, что учтено было, какъ контръ-революція. Суна объявилъ васоговъ внѣ закона и послалъ въ страну ихъ сто тысячъ воиновъ, которые пограбили что могли, сожгли города, избили мужчинъ и изнасиловали женщинъ. Воины забрали безчисленное множество плѣнныхъ. Изъ числа ихъ отобрали шестьдесятъ вождей, которыхъ привели къ Сунѣ. "Я и мой народъ три мѣсяца дожидались, покуда вы подчинитесь, — началъ "кабака", — по словамъ Спика. — Вы возстали противъ моей державной воли и попытались выйти изъ подчиненнаго положенія (Суна, какъ дикарь, не умѣлъ еще формулировать свою мысль однимъ словомъ "контръ-революція"). Вы дерзнули насмѣхаться надъ тѣмъ, кого зовутъ Суна и кого величаютъ "кабакой" Уганды. Вы сегодня же пойдете къ моимъ предкамъ и скажете имъ, что я послалъ васъ къ нимъ". Затѣмъ Суна обернулся къ своимъ воинамъ и крикнулъ имъ: "рѣжьте ихъ на мелкіе куски". Это африканскій эквивалентъ приказа: "разорвите ихъ на куски". Казнь контръ-революціонеровъ была приведена въ исполненіе.

Когда Суна умеръ въ 1860 году, на престолъ вступилъ его сынъ Мтеса, котораго Стэнли описываетъ въ такихъ же идиллическихъ тонахъ, въ какихъ петроградскій корреспондентъ «Daily News» г. Рэнсомъ описывалъ г.г. Крыленко, Радека и Троцкаго.

Стэнли, посѣтивши Уганду въ 1875 году, разсказываетъ, что императоръ съ жадностью смотрѣлъ на Библію и все допытывался, что это за книга. Стэнли при помощи переводчика въ нѣсколько мѣсяцевъ составилъ сокращенное изложеніе Ветхаго и Новаго Завѣта, которое и поднесъ императору. "Кабака" собралъ всѣхъ своихъ прближенныхъ и познакомилъ ихъ съ "книгой бѣлаго человѣка".

— "Книга его начинается съ сотворенія міра, — объяснялъ императоръ, — она разсказываетъ, какъ все было устроено и въ сколько дней. Она намъ даетъ слова самого Бога, затѣмъ Моисея, Соломона и Іисуса. Я слушалъ все съ большимъ удовольствіемъ. И теперь я спрашиваю васъ: принять ли намъ для руководства книгу бѣлыхъ людей или книгу Магомета.

Полководцы и офицеры, — говоритъ Стэнли, — видя симпатіи императора, отвѣтили дружно:

— Возьмемъ книгу бѣлаго человѣка.

И при этомъ отвѣтѣ лицо императора освѣтилось удовольствіемъ. И такимъ образомъ, — продолжаетъ Стэнли, — Мтеса отрекся отъ ислама и заявилъ про свою приверженность къ христіанству. Онъ рѣшилъ построить церковь и употребить всѣ усилія для распространенія христіанства въ Угандѣ.

— Стэнли, — сказалъ мнѣ Мтеса черезъ два мѣсяца, когда мы разставались (усмиреніе контръ-революціонеровъ къ тому времени кончилось; произошло оно не по книгѣ бѣлыхъ людей), — сообщи бѣлымъ людямъ, когда будешь писать къ нимъ, что я подобенъ человѣку, сидящему въ темнотѣ или слѣпорожденному.

Я прошу научить меня смотрѣть на свѣтъ. Христіаниномъ я останусь до смерти (1).

Не правда ли, какъ все это трогательно и идиллично. Стэнли, конечно, не зналъ русскихъ лѣтописей, иначе мы думали бы, что авторъ изображалъ чернаго Владиміра Святого, пытающаго, какая вѣра лучше. Мы, къ сожалѣнію, опытомъ познали нѣсколько истинъ: 1) "не всякое лыко надо ставить въ строку", когда читаемъ нѣчто умилительное; 2) "хорошія слова не только ничего не значатъ, покуда онѣ только написаны, но очень ...сто онѣ могутъ быть претворены въ неслыханную ...стокость". Книгу "бѣлыхъ людей" вѣдь истолковы...ли въ видѣ избіенія альбигойцевъ въ Безьерѣ и рѣз... гугенотовъ въ Парижѣ въ ночь на 24 августа 1572 г. ...тсмъ, какъ еще съ большей жестокостью могутъ ...ть перетолкованы другія великія книги, говорящія о ...общемъ братствѣ, —читатели еще лучше знаютъ, ...мъ я...

Современный изслѣдователь Уганды говоритъ про ...тот же "чернаго Владиміра Святого": "Мтеса былъ ...спобный человѣкъ съ безпокойной энергіей, но без...рично самолюбивый, ставившій ни во что человѣческую жизнь и безконечно мучившій своихъ подданныхъ" (2). "Книга бѣлыхъ людей" не дала жителямъ Уганды той защиты отъ своихъ государей, про которую писалъ Спикъ. Когда умеръ Мтеса, на престолъ вступилъ "жестокій, слабый и порочный юноша Мванго". Испугавшись увеличивавшагося вліянія миссіонеровъ, Мванга задумалъ истребить христіанство. Страхъ императора усилился тѣмъ, что миссіонеры являлись въ

---

1) H. M. Stanley, «Through the Dark Continent», vol. I, стр. 252-255.

2) A. F. R. Wollaston, «From Ruwenzori to the Congo», London 1908, стр. 115.

14

то время политическими агентами разныхъ государствъ, интриговавшихъ другъ противъ друга. Европейцы вообще возставали противъ торговли рабами, которая сильно обогащала казну императора. И вотъ въ началѣ 1885 г., когда въ Уганду прибыли французскіе монахи-миссіонеры, вспыхнуло возстаніе противъ христіанъ. Обращенные туземцы въ столицѣ Уганды были возведены на костеръ и сожжены. По приказанію императора былъ убитъ епископъ Ганнигстонъ. Два другихъ миссіонера откупились отъ смерти всѣмъ своимъ имуществомъ. Мванга задумалъ, подобно его единомышленникамъ въ другихъ странахъ разомъ избавиться [illegible] всѣхъ контръ-революціонеровъ, къ которымъ при[illegible] лялъ всѣхъ христіанъ и магометанъ. Проэктъ былъ [illegible] крытъ европейцамъ и тогда пришлось бѣжать [illegible] контръ - революціонерамъ, а самому "кабакѣ". На [illegible] столъ вступилъ старшій братъ императора Кивека [illegible]

Въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ мы видимъ "инт[illegible]ціональное" вліяніе въ Угандѣ, результатомъ кот[illegible] явились интриги мусульманъ противъ христіанъ, а [illegible]ликовъ противъ протестантовъ, мусульманъ и католиковъ противъ протестантовъ и т. д. Послѣдствіе интернаціональныхъ комбинацій явилась междоусобная война въ Угандѣ, еще больше ухудшившая положеніе "копи" (земледѣльца), которому, по Стэнли, собственно говоря полагалось только благоденствовать и обростать жиромъ.

Европейскія государства сочувствовали анархіи въ Угандѣ, такъ какъ каждое изъ нихъ расчитывало, что въ концѣ концовъ она какъ нибудь обернется въ ихъ пользу. Каждое государство поддерживало "кабаку" и снабжало его оружіемъ для борьбы съ собственными подданными. Такимъ образомъ "копи" должны быть довольны тѣмъ, что ихъ отправляютъ на тотъ свѣтъ не первобытнымъ способомъ, т. е. при помощи дубины

или самодѣльнаго ятагана, а высококультурнымъ, т. е. при помощи магазинныхъ ружей.

Въ 1894 году Англія объявила свой протекторатъ надъ Угандой. Англичане ввели порядокъ и законность, предоставивъ туземцамъ такое самоуправленіе, котораго они никогда раньше не имѣли. Каждое племя сохранило своего вождя, но у него отнято право отнимать жизнь у подчиненныхъ и право вести войну. Законодательная работа принадлежитъ парламенту черныхъ, или "лукико". "Кабака", котораго также сохранили англичане, носитъ титулъ его высочества. Его право — это получать ежегодную субсидію, а обязанность — никому не мѣшать. Протекторатъ Уганда теперь представляетъ собою наиболѣе устроенную, спокойную и зажиточную колонію въ Экваторіальной Африкѣ. Мѣстные негры проявляютъ большую способность, чѣмъ какіе-либо другія туземныя племена въ Центральной Африкѣ къ образованію, самоуправленію и къ "домовитости".

Католическіе и протестантскіе миссіонеры покрыли Уганду сѣтью школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Преподаваніе ведется на двухъ языкахъ: туземномъ и англійскомъ. Кромѣ низшихъ школъ, мы видимъ нѣсколько среднихъ, дающихъ, по преимуществу, техническое образованіе. Уганда прорѣзана теперь хорошими дорогами. До войны были выстроены желѣзныя дороги, соединяющія магистральную линію отъ берега Индійскаго океана до озера Ніанца съ верховьями Нила и съ озеромъ Альберта. Другія вѣтви идутъ отъ Викторіи Ніанца къ наиболѣе плодороднымъ округамъ. Благоденствіе протектората таково, что уже въ 1912 году Уганда не стоила ничего центральному правительству: она стала self-suporting, какъ говорятъ англичане. Любопытно, что всѣ нѣмецкія африканскія колоніи, между прочимъ и сосѣдняя съ Угандой Германская Восточная Африка, приносятъ только дефицитъ.

Выводъ изъ фактовъ, приведенныхъ въ этой статьѣ, мнѣ кажется, слѣдующій. Въ исторіи мы знаемъ нѣсколько "магистеріумовъ", которые въ разное время примѣнялись, чтобы осчастливить и спасти человѣческій родъ. Всѣ эти универсальныя формулы обходились человѣчеству ужасно дорого. Боровшіеся печатно съ такими универсальными формулами пытались, между прочимъ, довести "магистеріумъ" до абсурда: въ Центральной Африкѣ универсальное средство, придуманное теперь великими державами для... сосѣдей и для Россіи, само довело себя до абсурда. Я говорилъ въ этой статьѣ только о черныхъ, которыхъ хотятъ облагодѣтельствовать самоопредѣленіемъ, но

Alles Vergaengliche
Ist nur ein Gleichnis.

Діонео.

Къ 50-ти лѣтію смерти Герцена.

21 января 1920 года исполнится пятьдесять лѣтъ со времени смерти Александра Ивановича Герцена. Онъ умеръ изгнанникомъ и до сихъ поръ не возвращенъ родинѣ. Нѣтъ полнаго собранія сочиненій Герцена, не говоря о другихъ способахъ увѣковѣченія памяти его. До 1905 года мѣшала цензура и другія опасенія. А что мѣшало послѣ? — Русская неподвижность, привычка дѣлать дѣло между дѣломъ, грѣхъ лѣни и самолюбій. И приходится повторять вслѣдъ за Л. Толстымъ : какой великій писатель, и какъ жаль, что Герцена не знали наши молодыя поколѣнія — иначе пошла бы исторія !

Герцена и до сихъ поръ толкомъ не знаютъ. Весной 1919 года я заговорилъ о Герценѣ съ однимъ очень прославившимся соціалистомъ - революціонеромъ.—"Да вѣдь Герценъ — большевикъ" (?!), замѣтилъ онъ. — Очевидно, онъ Г-на не читалъ.

Осенью того же года я опровергалъ мнѣніе одного очень пылкаго націоналиста, одного изъ вождей, утверждавшаго, что сочувствіе освобождающимся славянамъ было въ Россіи только у консерваторовъ. . —Да вы Герцена читали? спросилъ я: что онъ писалъ о славянскомъ движеніи? — "Ну вотъ нашли Герцена? Онъ славянамъ столько же сочувствовалъ сколько бразильцамъ, если бы они подняли революцію..."

А не состарѣлся ли Герценъ? То, что имъ написано, имѣетъ ли другой интересъ, кромѣ историческаго?

Конечно, не все написанное Герценомъ живо и блещетъ въ нашихъ глазахъ такъ, какъ 50-60 лѣтъ тому назадъ, но главная масса того, что написалъ Герценъ, жива, какъ будто вчера написана. Перечитывайте его и, если вы русскій и даже не русскій, вы передумываете вмѣстѣ съ нимъ, переживаете страстно всѣ вопросы, которыми сейчасъ болѣетъ и страдаетъ наша родина, волнуется весь міръ.

"Мнѣ въ твоихъ статьяхъ нравится то, что мнѣ нравится въ Вольтерѣ и Дидро", такъ говоритъ Герцену Грановскій: онѣ живо, рѣзко затративаютъ такіе вопросы, которые будятъ человѣка и толкаютъ его впередъ.

Нѣтъ и въ настоящую минуту, къ началу 1920 года, ни одного изъ основныхъ вопросовъ жизни, который бы не былъ поставленъ или затронутъ Герценомъ.

И теперь, какъ въ 1868-69 году, когда Герценъ писалъ къ Бакунину свои "Письма къ старому товарищу", въ сущности есть только одинъ вопросъ Этому вопросу, — вопросу общественнаго пересозданія, призванія къ достойной жизни массъ народныхъ, строительство новой веси, — посвящено все, что писалъ Герценъ о западѣ — и о Россіи для запада: Письма изъ Франціи и Италіи, съ того берега, письма къ Мишле, къ Линтону, къ старому товарищу-Бакунину.

Въ исторіи русскаго сознанія Герценъ представляетъ собою поворотную точку. Онъ подвелъ итоги Императорскаго, Петербургскаго періода русской исторіи, намѣтилъ выходы, поставилъ вѣхи, и звалъ свою страну къ освобожденію, къ обновленію, указывая на великое будущее, передъ нею открывающееся. Русскій народъ, Россія были для Герцена — вѣрой, страстью, зазнобой,

по его выраженію. Тутъ, въ Россіи, казалось Герцену, совершится то поступательное движеніе, то осуществленіе общественнаго идеала, который западно-европейскіе народы постигли мыслью, но не способны осуществить..

Герценъ самъ про себя писалъ друзьямъ своимъ изъ Парижа, когда рѣшилъ не возвращаться въ Россію: "я здѣсь — безцензурная рѣчь ваша". Герценъ западникъ, ибо онъ усвоилъ себѣ идеалъ новаго строя выработанный западною мыслью. Герценъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлитъ сомнѣнія славянофиловъ въ будущемъ Запада, вмѣстѣ съ ними цѣнитъ сохраненныя русскимъ народомъ соціально-экономическія начала быта — общину и артель, вмѣстѣ съ ними вѣрить въ будущее русскаго народа (1).

Въ судьбу западно-европейскихъ народовъ Герценъ не вѣрилъ. Вырвавшись въ 1847 году на свободу послѣ двухъ ссылокъ изъ -подъ полицейскаго надзора, Герценъ встрѣчается съ Западной Европой весело и радостно. Но скоро для него начинается зловѣщее раздумье и мучительный разборъ. Во Франціи 1847 года онъ встрѣчаетъ сочувствіемъ только страданія и стремленія пролетарія и друзей его. Ему казалось, что Францію можетъ воскресить только коренной экономическій переворотъ — 93 годъ соціализма (не на эти ли строки опираются тѣ, кто считаетъ Герцена большевикомъ?) "Но гдѣ его силы на него? Гдѣ мозгъ?"

Еще до революціи 1848 года у Герцена ростетъ сомнѣніе въ возможности мгновенныхъ пересозданій общественной жизни. Ему ясна зависимость историческаго процесса отъ условій психологическихъ, физіологическихъ, неизмѣняемыхъ по волѣ лица. Колеблется вѣра въ катастрофическія перемѣны, въ революціонные

---

1) Онъ наиболѣе опредѣленно выражаетъ воззрѣнія двухъ лагерей русской мысли—западниковъ, и славянофиловъ. Имъ замыкается долговременный споръ этихъ двухъ направленіи.

пути. "Съ горькимъ сомнѣньемъ и нерѣшенными вопросами" покидалъ Герценъ Францію въ концѣ 1847 года.

Въ Италіи Герценъ встрѣтилъ праздничные дни возрожденія. Тамъ дошла до него 24 Февраля ошеломляющая вѣсть — въ Парижѣ республика! Герценъ увлеченъ первоначальнымъ торжествомъ революціи. Для него воскресаютъ всѣ вѣрованія юности. Онъ измѣняетъ своему скептическому взгляду, своей статьѣ "Передъ грозой" въ сборникѣ "Съ того берега".

Но подавленіе Іюньскаго возстанія рабочихъ въ Парижѣ, разгромъ движенія въ Берлинѣ и Вѣнѣ, въ Венгріи и Италіи, губили въ конецъ возродившуюся было на краткій срокъ вѣру въ революцію на Западѣ.

Тамъ Герценъ видитъ только признаки приближающейся смерти. Ужъ въ ноябрѣ 48 года онъ привѣтствуетъ смерть стараго міра, но еще вѣритъ въ будущее. Онъ совѣтуетъ проповѣдывать смерть, какъ добрую вѣсть приближающагося искупленія. "Кайтесь, господа, кайтесь! Судъ міру вашему пришелъ".

Въ письмѣ къ друзьямъ отъ 1 марта 1849 года, гдѣ Герценъ объясняетъ свою эмиграцію, онъ пишетъ: "я вижу неминуемую гибель Европы и не желаю ничего изъ существующаго!... "я ни во что не вѣрю здѣсь, кромѣ какъ въ кучку людей, въ небольшое число мыслей, да въ невозможность остановить явленіе..." Послѣ декабьскаго переворота 1851 года, когда Бонапартъ захватилъ Францію, Герценъ восклицаетъ: да здравствуетъ смерть!

Онъ предсказываетъ войну и гибель цивилизаціи.

Вся Европа будетъ втянута въ общій разгромъ.

Города, взятые приступомъ, ограбленные, обѣднѣютъ... въ деревняхъ будетъ пусто, земля останется безъ рукъ...

Усталые, заморенные народы покорятся всему, деспотизмъ замѣнитъ законность...

И тутъ на краю гибели и бѣдствій начнется другая война, домашняя, своя, расправа неимущихъ съ имущими... Современный государственый бытъ, съ своею цивилизаціей погибнетъ... Вамъ жаль цивилизаціи?

Жаль ея и мнѣ, но не жаль массамъ"...

Такъ рушилась вѣра Герцена въ Западъ.

"Когда послѣдняя надежда исчезла, когда оставалось самоотверженно склонить голову и молча принимать довершающіе удары, какъ послѣдствія страшныхъ событій, вмѣсто отчаянія въ груди моей,—писалъ Герценъ въ 1858 году,—возвратилась юная вѣра тридцатыхъ годовъ, и я съ упованіемъ и любовью вернулся назадъ. Вѣра въ Россію спасла меня отъ нравственной гибели".

Съ этого времени туда на родину постоянно обращена мысль Герцена. Живя на Западѣ, онъ слѣдитъ за его жизнью съ вниманіемъ, но безъ вѣры. Годъ за годомъ онъ отмѣчаетъ признаки разложенія въ Наполеоновской Франціи, ростъ все охватывающей китайщины и мѣщанскаго застоя въ Англіи, гдѣ, Герцену кажется также, какъ и Джону Стюарту Миллю, торжествуетъ собирательная посредственность...

Даже въ любимой Италіи, на глазахъ его объединенной и возрожденной, Герценъ не видитъ заманчиваго будущаго. "До Рима, все пойдетъ не дурно, хватитъ и энергіи и силы. А послѣ? Какой же актъ возвѣстится намъ съ высоты Капитолія и Квиринала, что провозгласится міру на Римскомъ Форумѣ?... Что же дѣлать? Гдѣ выходъ? Я его не знаю" (писано въ 1867 году).

Мѣщанство — вотъ чѣмъ кажется Герцену будущее Запада. Оно проникаетъ всю жизнь Запада, общественную и частную, налагаетъ печать свою на лица и характеры, чеканя ихъ по единообразному среднему образцу,

оно мертвитъ искусство, сглаживая и равняя всѣ порывы, всѣ эксцентричности. У вождей мысли сомнѣнiе и тоска — у Милля и Кине, какъ у Ренана... Идеалъ соцiальнаго переустрйства выношенъ людьми Запада, но на осуществленiе его у народовъ нѣтъ силъ... Герценъ ихъ не видѣлъ, а съ ужасомъ видѣлъ надвигающiйся призракъ войны.

Нельзя безъ волненiя читать предвидѣнiя Герцена и предсказанiя 1867 года.

Въ мартѣ 1867 году онъ пишетъ: "Я не вѣрю, чтобы судьбы мiра надолго оставались въ рукахъ нѣмцевъ и Гогенцоллерновъ. Это невозможно, это противно человѣческому смыслу, противно исторической эстетикѣ. Я скажу, какъ Кантъ Лиру, только обратно: "Въ тебѣ, Боруссiя, нѣтъ ничего, что бы я могъ назвать царемъ"... Но все же она (Пруссiя) будетъ предписывать законы Европѣ, до тѣхъ поръ, пока законы ея будутъ предписывать штыкомъ и исполнять картечью, по самой простой причинѣ, потому что у нея больше штыковъ и больше картечей..."

Въ декабрѣ того же года: "Графъ Бисмаркъ, теперь ваше дѣло!" Обращаясь къ Маццини и Гарибальди, послѣднимъ могиканомъ, Герценъ говоритъ: "теперь дайте мѣсто безумiю, бѣшенству, крови, которыми или Европа убьетъ себя, или реакцiя".

"Теперь миллiонъ отсюда, миллiонъ оттуда съ иголками и другими пружинами. Теперь пойдутъ озера крови, моря крови, горы труповъ,... а тамъ тифъ, голодъ, пожары, пустыри".

— Война семилѣтняя, тридцатилѣтняя, вотъ будущее, котораго Герценъ ждалъ для Европы...

Совершилось по слову Герцена, но только въ общихъ чертахъ. Выбитъ скипетръ изъ рукъ Германiи, вырваны изъ рукъ ея судьбы Европы. Вмѣстѣ съ гегемо-

ніей Пруссіи убита и реакція... И другая половина предсказанія исполнилось, но не такъ, какъ думалъ Герценъ: Европа не убита, а истерзанная, ошеломленная, въ отчаяніи голода, въ страданіяхъ кроваваго междуусобія, гибнетъ, повидимому, Россія, которую онъ любилъ, въ которую вѣрилъ, противопоставляя ее Европѣ Западной...

Въ эти мрачные дни да будетъ намъ свято воспоминаніе о Герценѣ, ради его пламенной любви къ родинѣ, ради его вѣры въ Россію. Герценъ вѣрилъ въ Россію, когда никто въ нее не вѣрилъ, даже сама она.

Страшнымъ ледникомъ деспотизма лежала эта страна въ царствованіе Николая I, угрожая свободѣ, праву, цивилизаціи. Молчала Россія. Только голосъ власти былъ слышенъ оттуда, власти всюду подавляющей народныя движенія, всюду терзающей жизнь. Народъ точно мертвый, повиновался всему, — царю и помѣщику. Кто могъ вѣрить въ Россію? Лучшіе умы,какъ Мишле во Франціи, сомнѣвались, есть ли у этого народа нравственное чувство. Есть ли у него будущее? Изгнаникъ вступился за свою родину, за честь и будущее народа своего. Вѣру въ русскій народъ исповѣдывалъ Герценъ въ пламенныхъ выраженіяхъ. Въ письмѣ къ Мишле впервые высказаны основныя начала того воззрѣнія, которое Герценъ неустанно проповѣдывалъ чужимъ и своимъ. Письмо озаглавлено: русскій народъ и соціализмъ.

Оно начинается защитой русскаго народа отъ обвиненій въ отсутствій нравственнаго чувства. Русскій человѣкъ, говорилъ Мишле, лжетъ и крадетъ, крадетъ и лжетъ, и при томъ совершенно наивно. Это въ его природѣ. — У кого крадетъ? спрашиваетъ Герценъ: — у помѣщика и чиновника, защищая свое имущество. Кому лжетъ? — помѣщику и чиновнику, защищая себя. Воровство и ложь между крестьянами величайшая

рѣдкость. У русскаго народа, говорятъ, нѣтъ нравственности. Какой нравственности? О какой справедливости рѣчь? Истинное и справедливое старой Европы — ложь и несправедливость для новой. Нравственность русскаго народа можетъ сложиться на тѣхъ основаніяхъ, которыя составляютъ его религіозно-общественную особенность...

Право на землю предполагаетъ иную нравственность, другія общественныя отношенія, не развивавшіяся, но и не замѣнимыя чужими...

Герценъ радуется, что русскій народъ сохранилъ общину. Она спасла его... она, хоть и сильно потрясенная, благополучно дожила до развитія соціализма въ Европѣ.

Человѣкъ будущаго въ Россіи мужикъ, точно также, какъ во Франціи работникъ...

Россія жива! Россія вся въ будущемъ.

Послѣ крестьянскаго коммунизма ничто такъ глубоко не характеризуетъ Россію, ничто не предвѣщаетъ ей столь великой будущности, какъ ея литературное движеніе.

Настоящій характеръ русской мысли развивается въ полной силѣ по восшествіи на престолъ Николая. Отличительная черта этого направленія — трагическое освобожденіе совѣсти, безжалостное отрицаніе, горькая иронія, мучительное углубленіе въ себя.

Мыслящій русскій самый независимый человѣкъ на свѣтѣ.

Мы независимы, потому что начинаемъ жить съизнова. Мы независимы, потому что ничего не имѣемъ...

Мы покоряемся грубой силѣ. Мы рабы, потому что не имѣемъ возможности освободиться; но мы не принимаемъ ничего отъ нашихъ враговъ,—и Герценъ гордо пророчитъ:

Россія никогда не будетъ juste milieu.

Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлью отдѣлаться отъ царя Николая, и замѣнить его царями — представителями, царями — судьями, царями — полицейскими.

Герценъ кончаетъ сказкой про Ивана Царевича, котораго засмолили въ бочку и бочку бросили въ море.

Царевичъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Ему стало въ бочкѣ невыносимо тѣсно. Разъ протянуться на волоскѣ, а тамъ хоть умереть.

Царевичъ и понатужился немножко, вынулъ дно и вышелъ вонъ.

Въ этой сказкѣ вся исторія Россіи...

И это въ сентябрѣ 1851 года.

Съ тѣхъ поръ Герценъ только разъ обращаетъ проповѣдь и развитіе этихъ основныхъ началъ къ западно-европейской публикѣ въ письмахъ къ Линтону въ 1854 году.

Въ февралѣ 1853 года Герценъ открываетъ въ Лондонѣ русскую вольную типографію. Съ тѣхъ поръ его рѣчь, его проповѣдь обращена къ Россіи. —

Безконечно велико значеніе почина Герцена. Вольная печать — начало освобожденія. Среди равнодушія, встрѣченный сомнѣніемъ друзей, началъ Герценъ свою лондонскую проповѣдь, полагаясь только на себя, разсчитывая на будущія, непроявляющіяся пока силы... Онѣ нашлись, когда проснулась Россія послѣ Севастопольскаго разгрома. Послѣ вступленія на престолъ Императора Александра II другимъ пульсомъ стала биться русская жизнь. Оживились надежды. Началась работа обновленія.

Герценъ обращается къ Александру II со словами привѣта и призыва. Герценъ ограничиваетъ себя. "Намъ стыдно, сколь малымъ мы готовы довольство-

ваться“. Герценъ ставитъ своему времени требованія только осуществимыя, зоветъ сдѣлать первые, неотложные шаги, — прежде всего — освобожденіе крестьянъ съ землею. Государя онъ просилъ: "дайте крестьянамъ землю, она и такъ имъ принадлежитъ. Освобожденіе слова отъ цензуры — намъ есть что сказать! — Освобожденіе податнаго сословія отъ побоевъ. —

Въ отношеніи Россіи, мы хотимъ страстно, со всею горячностью любви, со всей силой послѣдняго вѣрованія, — чтобы съ нея спали, наконецъ, ненужные старые свивальники, мѣшающіе могучему развитію ея“.

Герценъ въ своихъ обращеніяхъ къ Александру II находитъ трогательныя слова, къ сердцу идущіе доводы въ защиту вѣры въ народъ русскій. "Еслибъ у насъ весь прогрессъ совершался только въ правительствѣ, мы дали бы міру еще небывалый примѣръ самовластья, вооруженнаго всѣмъ, что выработала свобода, — рабства и насилія, поддерживаемаго всѣмъ, что нашла наука. Это было бы нѣчто вродѣ Чингисъ- Хана съ телеграфами, пароходами, желѣзными дорогами, съ Карно и Монжемъ въ штабѣ, съ ружьями Минье, съ конгревовыми ракетами, — подъ начальствомъ Батыя“.

Рядомъ съ необычайной смѣлостью мысли, съ яснымъ прозрѣніемъ въ далекое будущее, у Герцена живое чутье задачъ современности. Въ его проповѣди мы ясно отличаемъ съ одной стороны установленіе основныхъ началъ русскаго развитія, постановку вѣхъ, опредѣляющихъ направленіе этого развитія, съ другой — сосредоточеніе борьбы около задачъ времени, напряженіе всѣхъ силъ на завоеваніе достижимаго (1).

---

1) «Колоколъ» не звонитъ всемірной республики и солидарности народовъ. У насъ забота растолковать, что такое усадебная земля. Мы стремимся и хотимъ дѣйствовать въ нашемъ времени, въ современной Россіи, — это заставляетъ насъ не втѣснять вопросовъ, но стараться овладѣть тѣми, которые уже возникли...

Это достижимое — прежде всего освобожденіе крестьянъ съ землею.

Оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ первый шагъ къ тому пути соціальнаго развитія, который открывается Россіи. Въ противоположность Западу будущее Россіи въ осуществленіи соціальнаго идеала на исконныхъ народныхъ началахъ, на основѣ новаго земельнаго права.

"Любовь наша —пишетъ Герценъ—не только физіологическое чувство племеннаго родства... она тѣсно соединена съ нашими стремленіями и идеалами, она оправдана вѣрой, разумомъ, и потому она намъ легка и совпадаетъ съ дѣйствительностью всей жизни"...

"Для насъ русскій народъ преимущественно соціальный, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной веси, къ которой стремятся всѣ соціальныя ученія".

Элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ, элементы стародавніе, но теперь приходящіе къ сознанію и встрѣчающіеся съ западнымъ стремленіемъ экономическаго переворота, состоятъ по Герцену изъ трехъ началъ: 1) права каждаго на землю, 2) общиннаго владѣнія, 3) мірского управленія. Задача времени сочетать развитіе общины съ личной свободой.

Нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному быту, къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ.

"Переворотъ" для Герцена не значитъ насиліе. Въ сентября 1857 г. онъ пишетъ: "мы не только наканунѣ переворота, мы вошли въ него. Когда рѣчь идетъ о переворотѣ, мы невольно ищемъ: площадь, баррикады, кровь, топоръ палача, но намъ это не нужно".

Для Герцена вопросъ не въ томъ, чтобы признавать или отрицать право на землю, но въ томъ, чтобы

привести его къ сознанію, обобщить, развить и поправить независимостью лица.

Это дѣло развитія, а не насилія.

Герценъ ищетъ путей развитія, а не путей насилія. И думаетъ, что насилія и террора Россія можетъ и должна избѣжать...

Кто поведетъ страну по этому желанному пути?

Герценъ очень много надеждъ возлагалъ на Александра II; не разъ онъ лично обращался къ нему, даже тогда, когда, послѣ начавшейся въ 1862 году реакціи, утратилъ вѣру первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра.

"Кто бы ни былъ тотъ, кто поведетъ Россію по пути соціальнаго развитія, наше дѣло, — говорилъ Герценъ, — идти къ нему съ хлѣбомъ-солью.

Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше... а будетъ ли оно въ мономаховской шапкѣ или фригійской — все равно. Развѣ французы мало доказали намъ, что за переводъ съ феодальнаго монархическаго языка мѣстъ и чиновъ на римско-республиканскій, — не стоитъ проливать не только крови, но и чернилъ.

Англія совершала свои огромныя перемѣны и дома, и въ Ирландіи, и въ колоніяхъ, съ обычнымъ флегматическимъ покоемъ и въ совершенной тишинѣ... Артисты революціонеры не любятъ этого пути...

Терроръ легокъ и быстръ, гораздо легче труда; гнетъ не паритъ, сломитъ, не тужитъ, освобождаетъ деспотизмомъ, убѣждаетъ гильотиной...

Мы давно разлюбили обѣ чаши, полныя крови — военную и штатскую, и равно не хотимъ ни пить изъ черепа боевыхъ враговъ нашихъ, ни видѣть голову герцогини Ламбаль на пикѣ... Какая бы кровь ни текла, гдѣ нибудь текутъ слезы...

И къ тому же и Май смерти, какъ и Май жизни, цвѣтетъ только одинъ разъ. Терроръ девяностыхъ годовъ повториться не можетъ. Онъ имѣлъ въ себѣ наивную чистоту невѣденія, безусловную вѣру въ правоту и успѣхъ, которыхъ послѣдующіе терроры не могутъ имѣть...

И при всемъ этомъ терроръ нанесъ революціи страшный ударъ".

Герценъ не формалистъ республиканскихъ и демокатическихъ идей. "Я другъ республики и другъ демократіи, но гораздо больше другъ свободы, независимости и развитія.

Если мнѣ возразятъ, да можетъ ли быть свобода и независимость внѣ республики и демократіи? отвѣчу, что и съ ними онѣ не могутъ быть, если народъ не доросъ до нихъ. Развѣ вы не видите, что французская демократія, т. е. равенство въ рабствѣ, самая близкая форма къ петербургскому самовластью? (писано въ 1859 г.).

Тамъ, гдѣ республика и демократія сообразны развитію народному, тамъ, гдѣ онѣ не только слово, но и дѣло, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Швейцаріи, тамъ безъ всякаго сомнѣнія наибольшая личная независимость и наибольшая свобода".

"Колоколъ" былъ органомъ русскаго соціальнаго развитія. Первые четыре года, отъ 1857 до 1861 г.г., очереднымъ дѣломъ была борьба за освобожденіе крестьянъ съ землей. И тутъ заслуга Герцена неоцѣнима.

"Всегда во всемъ со стороны воли противъ насилія, со стороны разума противъ предразсудковъ, со стороны науки противъ изувѣрства, со стороны развивающихся народовъ противъ отстающихъ правительствъ", Герценъ всегда на сторожѣ, всегда гроза крѣпостниковъ и мракобѣсовъ. Его боятся враги освобожденія. Черезъ него раздается голосъ защитни-

ковъ крестьянства. "Колоколъ" — орудіе защиты слабыхъ, органъ обличенія властныхъ насильниковъ. До 1861 года его вліяніе растетъ.

Если прослѣдить исторію развитія торжества идеи надѣленія крестьянъ землей, можно точными датами опредѣлить этапы проникновенія этой мысли въ умы правителей и въ законодательныя предположенія, и воочію увидѣть проявленіе вліянія "Колокола" и Герценскаго печатнаго станка. Редакцію "Колокола" въ шутку называли особымъ отдѣленіемъ по изготовленію реформъ.

Чичеринъ, впослѣдствіи противникъ Герцена, говорилъ ему: "право, надобно имѣть больше храбрости не быть у васъ, чѣмъ быть". Такъ продолжалось до 1861 г. Тутъ наступилъ переломъ. Состоялся актъ освобожденія крестьянъ. "Въ нашемъ изгнаніи, — разсказываетъ Герценъ, — готовился праздникъ странный, небывалый. Русскіе выходцы сзывали изгнанниковъ на свободной британской землѣ, сзывали представителей самаго краснаго либерализма, самыхъ крайнихъ соціальныхъ ученій; на этомъ праздникѣ при громѣ Марсельезы я долженъ былъ провозгласить тостъ за Александра II, — начавшаго освобожденіе крестьянъ...

Этотъ тостъ раздался бы далеко...

Но страшная вѣсть отъ 10 апрѣля изъ Варшавы залила наши бокалы и плошки польской кровью.

Съ тяжелымъ сердцемъ, безъ рѣчей выпили мы за освобожденныхъ крестьянъ и освобождающихся поляковъ".

Тогда была написана знаменитая статья Mater Dolorosa. Въ ней Герценъ, обращаясь къ польскому народу, просилъ не вмѣнять русскому народу пролитой правительствомъ русскимъ крови.

Рѣзкія, пламенныя статьи противъ угнетенія Поль-

ши положили начало расхожденія Герцена съ тѣми кругами, которые до 1861 года шли въ направленіи освобожденія, но послѣ были испуганы движеніемъ. Сперва воспользовались для поворота къ реакціи впечатлѣніемъ петербургскихъ пожаровъ 1862 года, когда сгорѣлъ весь Апраксинъ дворъ. Потомъ вчерашніе либералы и славянофилы выстроились въ одну фалангу — противъ польской измѣны, противъ Герцена, пособника повстанцевъ, друга и помощника поджигателей...

Но что же говорилъ Герценъ о Польшѣ и Россіи?

Начиная съ первыхъ выступленіи во Франціи и Англіи, начиная съ первыхъ листовъ "Колокола", Герценъ выражаетъ одно и то же убѣжденіе по вопросу польско-русскихъ отношеній. Отдаленный идеалъ Герцена — федерализація. Герцену кажется въ 1859 году, "что Польша и Россія могутъ рука въ руку идти одной дорогой. Но если Польша хочетъ другого рѣшенія, да будетъ на то воля ея"... "Судьба, совѣсть указываютъ, что надобно сдѣлать, надобно возстановить Польшу! Это было бы разомъ актомъ великаго покаянія и актомъ великой государственной мудрости". Но мудрость рѣдко правитъ судьбами народовъ... Разразилось польское возстаніе, провоцированное русскимъ правительствомъ, привѣтствованное польскими вождями, не видѣвшими другого выхода.

Въ будущемъ не ближайшемъ Герценъ мечталъ о федераціи Польши съ Россіей, — со славянами. Это для Герцена идеалъ, широкая покойная гавань, — отчего ея не имѣть въ виду, хотя ясно, что дойти до нея надо черезъ рядъ разныхъ независимыхъ формъ и отдѣльныхъ сочетаній.... А теперь:

Пусть Польша короче узнаетъ Русь (1859 г.).

Въ 1867 году, вспоминая прошлое, Герценъ писалъ: "Возстановить Польшу надобно было, чтобы

разбязать себѣ, наконецъ, руки. Приданое ей дать надобно было, лишь бы сдѣлать изъ нея отрѣзанный ломоть. Проводить ее съ хлѣбомъ-солью, лишь бы освободиться отъ нея, а не держать ее противъ воли и мять ея раненное тѣло зубами вцѣпившагося бульдога".

Между ожиданіями 1859 и воспоминаніями 1867 года пришло польское возстаніе.

Правое крыло русской печати ополчилось противъ поляковъ и, вмѣстѣ съ Катковымъ, противъ Герцена. Его обвиняли въ содѣйствіи польскому возстанію, поджигателямъ въ Россіи, обвиняли въ устройствѣ какой то повстанческой агенціи.

Герценъ горячо защищался противъ этого обвиненія. "Мы были съ самаго начала противъ возстанія и не только въ статьяхъ, но во всѣхъ разговорахъ... Мы умоляли поляковъ всѣхъ партій, всѣхъ оттѣнковъ не возмущать дѣла русскаго развитія и идти къ свободѣ и независимости инымъ путемъ, идти вмѣстѣ съ нами... Но остановить поляковъ мы не могли".

Существуетъ мнѣніе,—его дѣлилъ самъ Герценъ,—что вліяніе "Колокола" погибло вслѣдствіе его статей по польскому вопросу. Герценъ ошибался. Онъ видѣлъ одну сторону явленія. Въ 1863 году расходъ "Колокола" съ 2500 — 3000 экз. сошелъ на 500 и ни разу не поднимался далѣе 1000 экз. Это произошло отчасти потому, что часть читателей "Колокола" перешла въ консервативный лагерь и не была замѣнена читателями лагеря прогрессивнаго, скажемъ, революціоннаго. Ибо отпали и эти читатели. И не изъ-за Польши. Руководящіе мнѣніемъ молодежи органы "Русское Слово" и "Современникъ" не иначе, чѣмъ Герценъ, относились къ польскому возстанію, но ихъ вліяніе не уменьшалось, а росло.

Въ 1863 году уже опредѣлился разрывъ Герцена

съ молодымъ поколѣніемъ, жадно внимавшимъ революціонно-нигилистической проповѣди. Разрывъ этотъ болѣзненно чувствовался Герценомъ. Онъ начался много раньше — со стороны Добролюбова и Чернышевскаго, онъ обострился въ столкновеніяхъ съ "Собакевичами и Ноздревыми нигилизма", какъ Герценъ честилъ своихъ противниковъ въ эмиграціи — ретроспективно, впрочемъ.

Учителемъ и внушителемъ революціонно настроенной молодежи явился Бакунинъ, старый товарищъ, къ концу 60-хъ годовъ расходившійся съ Герценомъ...

Одиночество окружало Герцена въ послѣдніе годы его жизни. Отъ западно-европейскихъ дѣлъ онъ отвернулся давно и охота принимать въ нихъ участіе не возобновилась. Попробовалъ онъ издавать "Колоколъ" на французскомъ языкѣ, и остановился, чувствуя, "что голосъ русскаго не у мѣста въ семейныхъ совѣтахъ Запада".

— Теперь, — писалъ старый другъ Огаревъ:

Спѣши въ строкахъ послѣдняго сказанья,
Гдѣ завершится жизнь сама,
Отмѣтить всю работу пониманья,
Весь опытъ явственный ума".

Герценъ возвращается къ старымъ помысламъ, къ формулировкѣ основъ своего воззрѣнія. Онъ пишетъ свои письма къ старому товарищу.

Ими опредѣляется отношеніе Герцена къ путямъ разрушенія. Въ нихъ опредѣляется его путь, "ищущій освобожденія въ разумѣ".

Тогда не услышанъ былъ этотъ голосъ, но онъ донынѣ живъ для насъ. Эти письма точно для нашего времени написаны.

"Habent sua fata libelli". Про Герцена это можно сказать больше, чѣмъ про кого бы то ни было.

При жизни Герценъ не дождался того сочувственнаго голоса дѣтей Базарова, въ который онъ вѣрилъ.

Молодежь 70-хъ годовъ въ Россіи его не знала. Воззрѣнія Герцена на будущее русскаго народа, его надежды на общину и артель, были ходячими среди молодежи. Но источника этихъ идей русская публика не знала. В. Н. Фигнеръ, разсказывая о настроеніяхъ тогдашней молодежи, говорила: "Намъ тогда было не до Герцена".

Восьмидесятые годы прошлаго столѣтія были годами молчанія, разочарованія, равнодушія, реакціи. Имя Герцена въ Россіи не допускалось... Но воспоминанія Т. П. Пассекъ, уснащенныя выписками изъ "Былого и Думъ", были встрѣчены съ живымъ интересомъ... Интересъ къ Герцену возвращается и растетъ вмѣстѣ съ ростомъ чувства свободы, вмѣстѣ съ интересомъ къ свободѣ политической и личной въ особенности. Имя его все чаще и чаще появляется въ печати, и, наконецъ, въ 1900 году, къ 30 лѣтію смерти Герцена, по всей линіи русской печати имя его вспоминается съ торжественнымъ признаніемъ, съ любовью... Только цензура мѣшаетъ распространенію Герцена въ Россіи. Въ 1905 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до 17 октября, появляется Павленковское урѣзанное изданіе, наканунѣ полной фактической свободы печати, въ минуты вящаго волненія, когда раздавались крики борьбы, лозунги всеобщей забастовки. Вниманіе публики къ Герцену нельзя было привлечь...

Да и другое, неурѣзанное, полное изданіе было нужно. Оно появилось, наконецъ, — съ массой ненапечатаннаго матеріала. Бездна труда была затрачена. Вышло 7 томовъ изъ предположенныхъ 14-ти и изданіе остановилось... — а тамъ большевистская революція.

Сочиненія Герцена націонализированы. И издавать въ Россіи ничего нельзя...

— Да нуженъ ли Герценъ? Не исторія ли все это? Герценъ — не прошлое ли? Читать его можно, но нельзя уже переживать. — Такъ ли полно? Былъ бы съ нами Герценъ въ эти пять десятилѣтій, иначе бы пошла исторія. Изъято было вліяніе духа свободы, сочетавшагося съ великимъ гуманизмомъ, съ сознаніемъ, что ходъ исторіи измѣнить нельзя.

Теперь, въ роковые годы разрухи русской, — развѣ ненуженъ намъ свѣтъ мысли Герцена, указывающей народу русскому его будущее, основанное на особомъ взглядѣ на земельное право? Развѣ не подтверждаютъ событія вѣрности основного направленія мысли Герцена? Развѣ не поражаетъ насъ тотъ фактъ, что новыя славянскія государства, какъ и Россія, начинаютъ новую жизнь съ аграрной реформы, — Польша, Югославія, Чехо-Словацкая республика? Въ этой основѣ своего воззрѣнія Герценъ правъ, и слова его — правда живая, хотя взгляды его на общину не выдержали испытанія исторіи. Польская проповѣдь Герцена, его славянскія ожиданія — развѣ это отжито? Развѣ не оправдалось слово Герцена, развѣ не чувствуетъ русская совѣсть великаго облегченія отъ освобожденія Польши, и развѣ не открываетъ намъ мысль Герцена — великія возможности на путяхъ братства и союза тамъ, гдѣ прежде царили угнетеніе и вражда?

Теперь, когда рухнула монархія Голштинскихъ Романовыхъ, какимъ пророчествомъ кажется намъ Герценская характеристика императорства, совмѣщающаго въ себѣ всѣ виды власти — помѣщика, папы, палача, родной матери и сержанта. Русская императорская власть,—писалъ Герценъ,—это военная диктатура, гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей. Диктатура можетъ

быть очень сильна, поглощать въ себя всѣ власти, но прочной она быть не можетъ. Она существуетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства, ее вызвавшія, останутся тѣ же и пока она сама вѣрна своему призванію...

Герцена не вводятъ въ заблужденіе бармы Мономаха, тронъ царя Ивана Васильевича, Успенскій Соборъ. Развѣ Наполеонъ не рядился въ мантію Карла Великаго?.. Только идучи впередъ къ цѣлямъ дѣйствительнымъ, только способствуя больше и больше развитію народныхъ силъ при общечеловѣческомъ образованіи, и можетъ держаться императорство...

Самодержавіе, какимъ его хотѣли видѣть Николаи I и II, это для Герцена поддѣлка вродѣ Чаттертона...

"Самодержавіе, которое само собой держится и притомъ чортъ знаетъ на чемъ".

Вѣдь оказалось — правда. Герценъ далеко видѣлъ впередъ. Вотъ почему примѣръ его живой непоколебимой вѣры въ народъ русскій особенно дорогъ для насъ въ нынѣшнія минуты сомнѣнія, подчасъ отчаянія.

Среди крушенія Россіи, подъ властью тьмы, какимъ облегченіемъ было бы перечитать тѣ полныя глубокой мысли и вдохновенья мудрости страницы, которыя называются "Письмами къ старому товарищу" (Бакунину).

Для Герцена, какъ и для Бакунина, одинъ вопросъ и есть—соціальный, и одно конечное разрѣшеніе. Но у него другой методъ, другая практика. Бакунинъ зоветъ "впередъ за неизвѣстнымъ богомъ истребителемъ, спотыкаясь на разбитыя сокровища".

Герценъ помнитъ, что "общее постановленіе задачи не даетъ ни путей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насиліемъ ихъ не завоюешь. Подорванный порохомъ весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и расчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями какой нибудь буржуазный міръ. Потому что онъ не конченъ внутри...

Петрограндизмомъ соціальный переворотъ дальше каторжнаго равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдетъ...

Соціальному перевороту ничего не нужно, кромѣ пониманія и силы, знанія и средствъ. Но знанья и пониманья не возьмешь никакими coup d'état и coup de tête...

Новый водворяющійся порядокъ долженъ явиться не только мечемъ рубящимъ, но и силой хранительной. — Всякое дѣло, совершающееся при пособіи элементовъ безумныхъ..., непремѣнно будетъ имѣть и безумные результаты рядомъ съ дѣльными.

Всякія попытки перескочить сразу отъ нетерпѣнья приведутъ къ страшнѣйшимъ столкновеніямъ. — Что же, въ случаѣ мѣстной временной побѣды, начать водворенье новаго порядка, новаго освобожденія—избіеніемъ?

Не начать ли новую жизнь съ сохраненіемъ соціальнаго корпуса жандармовъ? Неужели цивилизація кнутомъ, свобожденіе гильотиной составляютъ вѣчную необходимость всякаго шага впередъ?

Я не вѣрю въ революціонные пути и стараюсь понять шагъ людской въ быломъ и настоящемъ, для того, чтобы знать, какъ идти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мной, не могутъ идти?"

Герценъ защищаетъ существованіе государства: "Нельзя освобождать людей въ наружной жизни больше чѣмъ они освобождены внутри. Какъ ни странно, но опытъ показываетъ, что народамъ легче выносить насильственное бремя рабства, чѣмъ даръ излишней свободы!..."

Иконоборцы революціи не останавливались на отрицаніи государства и церкви, ихъ усердіе шло до гоненія науки, до призывовъ оставить науку и идти на какой

то безсмысленный бой разрушенія. Это, — писалъ Герценъ, — принадлежитъ къ самой неистовой демагогіи и самой вредной. За ними такъ и слѣдуетъ разнузданіе дикихъ страстей...

"Нѣтъ, великіе перевороты не дѣлаются разнузданіемъ дурныхъ страстей... Бойцы за свободу въ серьезныхъ поднятіяхъ оружія всегда были святы, какъ воины Кромвеля и оттого сильны...

Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ...

Апостолы намъ нужны прежде саперовъ разрушенія. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но противникамъ"...

Герценъ жалѣетъ послѣднихъ: "Имъ надо раскрыть глаза, а не вырвать ихъ".

"Я не только жалѣю людей, но жалѣю и вещи .

Дико необузданный взрывъ ничего не пощадитъ; онъ за личныя лишенія отомститъ самому безличному достоянію. Съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, погибнетъ другой капиталъ, идущій отъ поколѣнья въ поколѣнье и отъ народа къ народу.

Довольно французская революція наказнила статуй, картинъ, памятниковъ"...

Этотъ голосъ вопіетъ къ нашему времени разрушенія и террора, принесшихъ Россіи голодъ, нищету, смерть...

Герценъ не оставилъ догматическаго изложенья своихъ взглядовъ. Написанное имъ — безчисленный рядъ афоризмовъ, глубокихъ мыслей, яркихъ образовъ, мѣткихъ опредѣленій, предвидѣній въ далекое будущее, остроумныхъ сопоставленій, пламенныхъ дифирамбовъ...

Герценъ безконечно разнообразенъ: онъ философъ (письма объ изученіи природы, статьи о диллетантизмѣ въ наукѣ), романистъ, публицистъ, повѣствователь.

Все имъ написанное проникнуто глубокимъ пониманіемъ, гуманизмомъ и великимъ чувствомъ свободы. Къ ней зоветъ Герценъ.

"Когда бы люди захотѣли вмѣсто того, чтобы освобождать человѣчество, — себя освобождать, какъ много бы они сдѣлали для освобожденія человѣка".

Въ наукахъ естественныхъ, въ математикѣ, личность учителя и проповѣдника безразлична. Не то въ вопросахъ общественныхъ. Тутъ не только важно, что проповѣдуютъ, — важнѣе, пожалуй, — кто проповѣдуетъ. Благая вѣсть не возвѣщается низкимъ проповѣдникомъ. Ему не вѣрятъ...

И личность Герцена намъ дорога не меньше, чѣмъ его проповѣдь.

Помните стихъ Некрасова, обращенный къ Россіи?

"Попробуй, усомнись въ своихъ богатыряхъ, когда и въ наши времена выносятъ поколѣнье два-три человѣка".

Герценъ изъ числа тѣхъ, кто вынесъ свое поколѣнье, два поколѣнья.... Ему предшествовало поколѣнье, давшее декабристовъ. Героическая фаланга исчезла, казнена, сослана. А потомъ, отъ 1826 до 1855 г., въ томъ омутѣ, какъ назвалъ Пушкинъ русскую жизнь, кто былъ человѣкомъ, живой душой? Лишніе люди, сдѣлавшіеся лишними, ибо развились въ людей — Онѣгины, Печорины, Рудины, Бельтовы? Люди ломались, люди смирялись, люди уходили. Единицы оставались дѣятелями, не сдаваясь. Герценъ самый яркій изъ всѣхъ. Подумайте: въ темную ночь пущей реакціи, послѣ 1848 года, когда во всей Россіи все молчало "на всѣхъ языкахъ", когда вся страна была закована въ рабство, всѣ надежды потухли, когда весь міръ смотрѣлъ на громадный ледникъ деспотизма, угрожающій спуститься на Европу, — раздается голосъ изгнанника, проповѣдующій сво-

боду странѣ рабовъ, возвѣщающій міру ея великое будущее, исповѣдующій пламенную вѣру въ народъ этой страны. Мнѣ всегда, при мысли о Герценовской проповѣди, вспоминается "Слышу!" Тараса Бульбы, отвѣтъ на вопль мучимаго сына: "Батько, гдѣ ты, слышишь ли ты меня?" Словомъ начинается освобожденіе народа и первое свободное слово — подвигъ. Для Россіи его совершилъ Герценъ. И это не забудется ему. Но мало того, что мы несемъ ему наше признаніе, нашу благодарность. Тѣ, кто узнаютъ Герцена, не могутъ не любить его.

Онъ самъ раскрылъ свою душу со всею искренностью, съ исчерпывающей откровенностью.

Сколькихъ людей видѣли мы, принимающихся за чтеніе Герцена съ снисходительнымъ сомнѣніемъ. И скоро они не могутъ оторваться, они увлечены Герценомъ, они его любятъ...

Его разсказъ о самомъ себѣ горитъ и жжется, по выраженію Тургенева.

Какое богатое, яркое существованіе, какая широкая душа, открытая всему благородному, и какая нѣжная вмѣстѣ съ тѣмъ. Какой проницательный умъ! — "Зачѣмъ одному человѣку столько ума?" — говорилъ Бѣлинскій.

И какъ въ условіяхъ старой крѣпостной Россіи могъ вырости этотъ человѣкъ съ смѣлой мыслью, съ чуткимъ сердцемъ?

Прочтите. Онъ самъ разсказалъ объ этомъ въ неподражаемомъ разсказѣ "Былое и Думы". Тутъ вся жизнь, съ ея испытаніями, съ ея любовью и ненавистью, съ ея мыслью и съ ея дѣломъ.

Тутъ живое отраженіе жизни трехъ русскихъ поколѣній. Тутъ проходятъ предъ нами въ живыхъ образахъ герои и толпа европейскаго освобожденія.

То, что писалъ Герценъ въ "Быломъ и Думахъ" о людяхъ 40-хъ годовъ, цѣликомъ входитъ въ исторію культуры.

Образы Гарибальди, Маццини, Орсини, Прудона, картины 1848 года останутся вѣчно живыми и сохранятся для европейскаго читателя такъ же, какъ и для русскаго.

Для насъ, русскихъ, Герценъ живъ вмѣстсѣ съ неизмѣннымъ другомъ своимъ, поэтомъ Огаревымъ, вмѣстѣ съ женой своей, Натальей Александровной. Герценъ и Огаревъ неразрывно связаны другъ съ другомъ со временъ дѣтства до смерти.

Въ 1826 г. два мальчика, одинъ 14, другой 13 лѣтъ, на Воробьевыхъ горахъ, въ виду Москвы, въ порывѣ отроческаго энтузіазма, дали другъ другу клятву посвятить свою жизнь освобожденію русскаго народа. Эту клятву они помнили всю жизнь. И, что рѣдко бываетъ съ юношескими клятвами, она была исполнена.

Герценъ не разъ вспоминалъ, что нерѣдко рядомъ съ дѣятелями сильными, рвущимися, гнѣвными, появляются товарищи ихъ, проникновенные, тихіе, любящіе. Ихъ личность побѣждаетъ не силой, а привлекательностью. Таковъ Меланхтонъ рядомъ съ Лютеромъ, "въ гнѣвѣ чувствующимъ душу свою". Таковъ тихій, грустный Огаревъ, рядомъ съ шумнымъ и славнымъ Герценомъ (какъ его называлъ Тургеневъ).

Огаревъ — поэтъ свободы, но еще болѣе поэтъ грусти, сомнѣнья, раздумья. Онъ не борецъ и не обличитель. — "Упрекъ ли небу скажетъ гордый умъ? Зачѣмъ упрекъ? Смиренье въ душу вложимъ и въ немъ затворимся, безъ желчи, если можемъ."

Лучшее твореніе Огарева — его личность. Такъ выражается одинъ изъ его сверстниковъ Анненковъ (привожу слова эти на память, приблизительно). Всюду, гдѣ Огаревъ ни появлялся, вскорѣ возникалъ Огаревскій

культъ. И для насъ остается отъ него — грустная и тихая, милая поэзія, иногда переходящая въ музыку. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ, кажется, не перелагался такъ часто на музыку.

Огаревъ памятенъ намъ самъ по себѣ, какъ любимый поэтъ. Но въ памяти далекаго потомства и онъ, и Герценъ останутся вмѣстѣ, какъ жили, — побратимами свободы.

"Въ сущности, одна женщина и была въ моей жизни", — говоритъ Герценъ, вспоминая о своей женѣ. Дума о ней, объ ея судьбѣ, побудила Герцена писать свои воспоминанія, свое "Былое и Думы".

То должна была быть исповѣдь, отчетъ своимъ и себѣ о томъ, какъ произошла та драма, которая повлекла за собою смерть Натальи Александровны Герценъ.

Отступая отъ этого разсказа, писалъ Герценъ все остальное. Онъ написанъ, этотъ разсказъ, но еще не обнародованъ.

Вотъ слова Герцена: "Не за горами и то время, когда будетъ напечатанъ пятый томъ (Былого и Думъ), самый дорогой для меня". Оно наступило. Томъ этотъ и письма, сюда относящіяся, готовы были къ печати...

Большевики все остановили...

Свою любовь, свое преклоненіе, свою благоговѣйную память о женѣ, Герценъ съумѣлъ выразить въ незабываемомъ образѣ, полномъ кроткой прелести и обаянія.

Онъ будетъ ярче, онъ выростетъ для насъ, когда появится разсказъ о событіяхъ, около которыхъ накопилось столько невѣрныхъ легендъ.

Еще не завершена рѣчь Герцена, — мы не слышали еще его послѣдняго слова, послѣдней задушевной исповѣди.

Она появится.

На насъ лежитъ великій долгъ по отношенію къ памяти Герцена.

Сознаніе этого долга и этого грѣха отъ времени до времени порождаетъ у насъ, въ Россіи, разговоры о перенесеніи въ Москву праха покойнаго.

Не время теперь. Не будемъ касаться кладбища, освященнаго любовью. Пусть останется на мѣстѣ памятникъ изгнанія. На насъ лежитъ долгъ поставить въ Москвѣ другой памятникъ, — памятникъ торжества.

На насъ лежитъ еще долгъ, — дать родинѣ цѣликомъ все сокровище мысли и чувства Герцена, — полное изданіе его произведеній.

Послѣ перваго марта 1917 г. многое готовилось. Торжество большевиковъ положило всему конецъ...

Не на всегда же это. Все возродится вмѣстѣ съ возрожденіемъ Россіи,

Оставаясь на чужбинѣ, Герценъ друзьямъ своимъ завѣщалъ одинъ возгласъ : "За Русь и святую свободу!"

Этими словами вѣры закончимъ и мы.

Ф. Родичевъ.

Красная Армія.

" Мы дадимъ русскому народу возможность узнать счастье народа мирнаго, отрицающаго войну и не имѣющаго постоянной арміи ". Это говорилъ Ленинъ на диспутѣ въ Галерной гавани 2 декабря 1917 года. Это повторялось на всевозможныхъ собраніяхъ, митингахъ и съѣздахъ лидерами большевистской партіи. Но другое показала жизнь. Русскій народъ,смертельно усталый отъ тяготъ міровой войны, продолжаетъ захлебываться кровью въ ужасѣ гражданской междоусобицы...

" На мѣсто постоянной арміи, всегда въ основѣ своей реакціонной и проникнутой милитаристическимъ духомъ, мы создаемъ добровольческую армію. Красную, временную, сорганизованную изъ сознательныхъ товарищей. Армію, по типу совсѣмъ близкую къ народной милиціи, но болѣе совершенную и прочную, болѣе сознательную ". Это говорилъ Левъ Троцкій въ январѣ 1918 года, выступая съ докладомъ передъ Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ. Но и здѣсь, въ вопросѣ организаціи арміи, жизнь показала другое.

Вмѣсто народной милиціи, состоящей изъ сознательныхъ товарищей, мы видимъ внѣшне организованную постоянную армію, построенную на началахъ принудительной мобилизаціи, армію, во главѣ которой стоятъ, въ большинствѣ случаевъ, старые царскіе генералы, даже бывшіе царедворцы. И надо имѣть смѣлость сознаться, что армія эта дерется и представляетъ

изъ себя организованную и серьезную силу, не считаться съ которой нельзя.

Для того чтобы уяснить оба эти противорѣчія между словами большевистскихъ вождей и дѣлами ихъ, между мечтаніями и возможностями, — чтобы уяснить себѣ самую конструкцію и сущность Красной арміи, — необходимо прежде всего познакомиться съ исторіей вопроса организаціи совѣтскихъ вооруженныхъ силъ и съ тѣми опытами, которые большевики производили надъ "революціоннымъ русскимъ народомъ".

Выбросивъ въ массы лозунгъ наиболѣе милый сердцу, неразсуждавшаго ни о чемъ, а только усталаго русскаго солдата — " миръ на фронтѣ, война въ тылу ", большевики какъ разъ попали въ нужную точку. Миръ на фронтѣ давалъ возможность воткнуть штыки въ землю и разойтись по домамъ, " война въ тылу ", подразумѣвала еще болѣе заманчивыя перспективы.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, еще до гибели генерала Духонина, Совѣтскій Главковерхъ прапорщикъ Крыленко, (товарищъ Абрамъ), "въ развитіе и дополненіе", вышеприведенныхъ лозунговъ, издалъ приказъ, въ которомъ чернымъ по бѣлому рекомендовалось войскамъ, стоявшимъ на фронтѣ, заключать перемирія съ нѣмцами по полкамъ, а буде гдѣ не окажется полковъ, желающихъ въ полномъ составѣ мириться съ нѣмцами, то наиболѣе сознательнымъ и революціоннымъ товарищамъ разрѣшалось сорганизоваться въ группы и тоже вступать въ переговоры съ непріятелемъ.

Такой,болѣе чѣмъ оригинальный, способъ заключенія мира и прекращенія войны, которая, правда, именовалась "имперіалистической", въ Россіи не новъ. При вступленіи на престолъ Россійскій, Императоръ Павелъ I точно такимъ же способомъ прекратилъ походъ молодого Зубова въ Персію (II. индійскій походъ) въ от-

местку своей покойной матери и также приказалъ, минуя высшее начальство, непосредственно полкамъ прекратить войну и самостоятельно возвращаться въ Россію. Указъ Павла I мотивировался даже почти тѣми же словами, какими писалъ и Крыленко—"для прекращенія безплоднаго кровопролитія..."

Надо замѣтить, что въ продолженіе всего II индійскаго похода, о которомъ идетъ рѣчь, армія не потеряла столько убитыми и ранеными, какъ во время этого отхода отсталыми, замерзшими и утонувшими. Такъ сдѣлалъ Императоръ Павелъ, который вообще не особенно считался съ здравымъ смысломъ и изслѣдователями своего царствованія признанъ сумасшедшимъ...

Крыленко своимъ приказомъ затмилъ трагическую фигуру Павла, но сумасшедшимъ признанъ не былъ и даже получилъ одобреніе, ибо онъ осуществлялъ уничтоженіе той постоянной арміи, которая по словамъ Троцкаго "въ основѣ своей всегда реакціонна..."

Самое пикантное въ приказѣ Крыленко было распоряженіе при демобилизаціи оставлять оружіе на фронтѣ при самой ничтожной охранѣ, дабы якобы сберечь его. На самомъ дѣлѣ этимъ приказомъ осуществлялась передача оружія нѣмцамъ, къ счастью не всего, ибо расходившіеся по домамъ солдаты предпочитали оставлять его при себѣ, чтобы потомъ дома "углублять революцію" и поддерживать пресловутую "власть на мѣстахъ ", съ которой такъ много было возни Центральной Совѣтской власти.

Ясно, какія послѣдствія вызвалъ приказъ Крыленко въ уже разлагавшейся съ первыхъ дней революціи, съ появленія приказа № 1, и уже дезорганизованной арміи.

Демобилизованные солдаты, никѣмъ не руководимые, не имѣя даже представленія о самомъ существованіи плана демобилизаціи, во власти стихійнаго и понят-

наго желанія скорѣе попасть домой, наполняли первый попавшійся поѣздной составъ, угрозой разстрѣла заставляли прицѣплять паровозъ, и поѣздъ отправлялся, обычно бѣшеннымъ ходомъ, не соблюдая графика, проскакивая стрѣлки, съ машинистомъ, который какъ правило побуждался къ проявленію большей энергіи двумя вооруженными. Катастрофъ было, конечно, громадное количество. Поѣзда сходили съ рельсъ, ломали стрѣлки, сталкивались, но демобилизація многомилліонной арміи все же была совершена, и въ такой короткій срокъ , который никогда не могла предугадать теорія... И уже въ январѣ 1918 г. въ Ц. И. К. Крыленко со спокойной гордостью доложилъ собранію, что " отъ арміи у насъ остались комитеты, да и тѣ не въ полномъ составѣ ".

Такъ была осуществлена демобилизація величайшей по своей численности арміи въ мірѣ.

Что касается вопроса ликвидаціи войскового имущества, то онъ также большихъ затрудненій не встрѣтилъ.

Правда Штабамъ армій были указаны порядокъ и районы демобилизаціи, мѣста сдачи имущества и суммъ, но это исполнялось лишь наиболѣе ретивыми начальниками. Хотя большая часть имущества была расхищена, казенныя деньги подѣлены между наличными " сознательными " членами комитета, солдатами и даже команднымъ составомъ, ликвидаціонныя комиссіи засѣдали неимовѣрно долго, ибо не было смысла спѣшить. Члены комиссій сохраняли содержаніе, имѣли паекъ, а потому, при растущемъ голодѣ и безработицѣ, было бы крайне опрометчиво не затягивать своего пребыванія на службѣ.

Способы ликвидаціи имущества были самые разнообразные. Такъ, напримѣръ,N-й стрѣлковый полкъ про-

водившій свою демобилизацію въ городѣ Лугѣ, передаетъ свои довольно большіе запасы продовольствія безвозмездно въ Городскую Управу, еще существовавшую. Иногда имущество продавалось, при чемъ далеко не всегда деньги записывались на приходъ, — чаще же просто расхищалось или показывалось расхищеннымъ.

Съ конскимъ составомъ въ кавалеріи вопросъ рѣшался совсѣмъ просто. Несмотря на приказъ, пытавшійся установить хотя бы нѣкоторыя правила, солдаты садились на казенныхъ лошадей и группами, "конны, людны и оружны", смѣшаннымъ аллюромъ, разъѣзжались по домамъ.

Для полнаго уясненія того порядка, который царствовалъ при ликвидаціи громаднаго запаса войскового имущества и суммъ, позволю себѣ привести только два характерныхъ факта, свидѣтелемъ которыхъ я былъ самъ.

Въ 20 числахъ іюня Совѣтская военная ревизія народнаго комисара Кедрова застала въ Вологдѣ ликвидаціонную комиссію нѣкоего военнаго транспорта, которая, согласно декрета "Наркомвоен.", должна была прекратить свое существованіе еще къ 1 апрѣля. Виновный въ такой неумѣренной проволочкѣ предсѣдатель ликвидаціонной комиссіи, онъ же бывшій командиръ транспорта, прапорщикъ Вѣтренко, былъ приглашенъ со всѣми отчетами дать объясненія. Вѣтренко тотчасъ явился, но, вмѣсто отчетовъ, представилъ ученическую тетрадь, въ которой карандашемъ было записано, якобы, все движеніе денежныхъ суммъ. Когда назначенный спеціально слѣдователь, пытался разобраться въ этомъ "денежномъ журналѣ", то выяснилась абсолютная невозможность что либо понять, кромѣ одного,— что наличныхъ суммъ въ распоряженіи никогда не было, и что остатокъ въ данную минуту составлялъ 81 копейку.

Тѣмъ не менѣе Комиссіи было приказано немедленно сдать подъ страхомъ жестокаго наказанія 15000 рублей въ мѣстный Совѣтъ. Вѣтренко сдалъ 15000 на другой же день. Откуда онъ ихъ взялъ, выяснить было очень трудно.

Другой случай произошелъ въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ, гдѣ,такъ же какъ и въ предыдущемъ, у нежелавшей расформироваться ликвидаціонной комиссіи тяжелаго артиллерійскаго дивизіона потребовали для слѣдствія старый денежный журналъ. Предсѣдатель комиссіи, бывшій писарь, отвѣтилъ на это требованіе рапортомъ, въ которомъ значилось : " ...состоя сознательнымъ членомъ партіи большевиковъ, старые журналы и денежныя книги всѣ уничтожилъ, ибо на нихъ были печати съ царскими орлами, недопустимыя при совѣтскомъ режимѣ... " Ревизія Кедрова была вынуждена смириться передъ такимъ проявленіемъ преданности Совѣтскому режиму.

Такихъ фактовъ можно привести многое множество. Всѣ они свидѣтельствуютъ о царившей системѣ расхищенія государственнаго имущества всѣми, кто только могъ оказаться вблизи казенныхъ складовъ и денежныхъ ящиковъ... И тѣмъ не менѣе мы не знаемъ ничего о преданіи суду, о разслѣдованіи дѣятельности разныхъ должностныхъ лицъ, обогащавшихся за счетъ народнаго громаднаго достоянія... Это была система молчаливаго попустительства свыше, ибо вожди большевизма понимали, что только тѣмъ и сильны они, что поощряли развитіе во всѣхъ слояхъ общества самыхъ низменныхъ инстинктовъ...

Не стало русской арміи, великой въ своемъ прошломъ, славной именами Суворова, Румянцева, Скобелева, ея великихъ вождей, славной незамѣтными, скромными, самозабвенными подвигами " сѣраго " рус-

скаго солдата, но опозоренной, оплеванной въ настоящемъ, испачканной прикосновенiемъ грязныхъ рукъ.

Вся катастрофическая быстрота демобилизацiи армiи объяснялась только тѣмъ, что Совѣтской власти необходимо было какъ можно скорѣй убить всякую организацiю и превратить армiю въ стадо бѣсноватыхъ, — это она и сдѣлала, ибо иначе армiя могла стать страшной и для ея "всемогущества".

Но... "Духъ разрушающiй есть духъ созидающiй", и, взамѣнъ прежней имперiалистической армiи, необходимо имѣть крѣпкую новую армiю, способную стать на защиту новаго порядка, новой Россiи", — это говорилъ Троцкiй.

Первыя попытки организацiи вооруженныхъ силъ Совѣтской Россiи были крайне плачевны и базировались, главнымъ образомъ, на привлеченiи добровольцевъ изъ нѣдръ "революцiоннаго пролетарiата". Это была Красная Гвардiя въ большихъ городахъ, которая сформировалась отдѣльными отрядами самой импровизированной организацiи, разнообразной численности и наименованiй, напоминавшихъ романы Майнъ-Рида и Фенимора Купера, напримѣръ: "Волчья стая", "Красные орлы", "Желѣзный полкъ Революцiоннаго Пролетарiата" и т. д. Всѣ эти отряды, набранные изъ безработныхъ и изъ элементовъ самыхъ неспокойныхъ, показали себя въ боевомъ отношенiи ниже всякой критики.

Знаменитый отрядъ матроса Дыбенко подъ Нарвой, считавшiйся наиболѣе стойкимъ и организованнымъ, въ мартѣ 1918г., безъ всякихъ причинъ началъ свой отходъ незамедлительно послѣ того, какъ противникъ (нѣмцы) съ 3-хъ верстной дистанцiи открылъ артиллерiйскiй огонь. Самъ начальникъ отряда Дыбенко нахо-

дился въ это время въ салонъ-вагонѣ въ Ямбургѣ и былъ мертвецки пьянъ.

Ясно было, что съ такой арміей Совѣтская власть спокойной быть не можетъ.

Троцкій приступаетъ къ большой работѣ по созданію новаго плана строительства арміи и приглашаетъ на службу спеціалистовъ военнаго дѣла. Такіе находятся, и, гдѣ подъ страхомъ голодной смерти, гдѣ по полной безпринципности, "нанимаются" на службу Совѣтской власти. Работа уже съ конца марта мѣсяца принимаетъ другой характеръ. Прежде всего вся страна дѣлится территоріально на шесть округовъ: 1) Бѣломорскій — штабъ гор. Архангельскъ, 2) Уральскій, со штабомъ въ Уфѣ, 3) Ярославскій, съ прифронтовой Петроградской завѣсой, 4) Московскій, 5) Волжскій и 6) Орловскій. Вездѣ во главѣ поставлены спеціалисты, — прежніе генералы, но непремѣнно при наличіи двухъ политическихъ комиссаровъ. Эти три лица составляли высшую военную власть даннаго округа. Главнѣйшей задачей этимъ округамъ было поставлено формированіе Красной Арміи пока еще на прежнихъ началахъ добровольнаго поступленія. Такъ какъ пребываніе въ арміи обезпечивало продовольствіе и жизнь, какъ красноармейца, такъ и его семьи, то такихъ добровольцевъ находилось достаточное количество. Такъ, напримѣръ, къ 25 марта 1918 г. число записавшихся въ армію только въ одномъ Петербургѣ составило 120.000 человѣкъ.

Совѣтская власть очень скоро выяснила, что эти добровольцы недостаточно надежны для ея опоры и потребовала отъ каждаго поступающаго предъявленія "свидѣтельства о политической благонадежности", выдаваемаго совѣтскими комиссаріатами или партійными бюро. Результатъ получился поразительный. Въ Петер-

бургѣ оказалось только 25000 благонадежныхъ, а остальные добровольцы приняты на службу не были.

Еще хуже обстояло дѣло въ Москвѣ и въ провинціи. Такъ, въ первой, къ 1 мая 1918 г. оказалось 15.000 красныхъ солдатъ всѣхъ родовъ войскъ и тыловыхъ частей. Въ Орлѣ 800, въ Ярославлѣ около 400, въ Архангельскѣ 280, въ Вологдѣ около 250, въ Курскѣ 600, въ Брянскѣ 450 и т.д.

Не оставила безъ вниманія Совѣтская власть вопросъ о командномъ составѣ своей новой арміи и, не довѣряя старымъ офицерамъ, приступила къ подготовкѣ красныхъ офицеровъ. Для этого всѣ бывшія военныя училища были переименованы въ красныя инструкторскія школы и широковѣщательныя афиши приглашали поступать желающихъ.

Въ бывшемъ Костантиновскомъ артиллерійскомъ училищѣ, въ Петербургѣ, школа была открыта на 400 кандидатовъ, поступило 300, но изъ нихъ 105 было черезъ недѣлю изгнано за полной неспособностью и даже за безграмотностью. Владимірское пѣхотное училище имѣло 250 учениковъ, Павловское 100 и т. д. Характерно что главное вниманіе въ этихъ инструкторскихъ школахъ обращалось на изученіе такихъ наукъ, какъ "политическая агитація", "знакомство съ политическими партіями", "основы большевизма" и т. д. Курсу же практическому и военному удѣлялось очень небольшое число часовъ (около 8 въ недѣлю).

Троцкій скоро понялъ, что хорошихъ инструкторовъ изъ этихъ школъ ему получить нельзя и что, волей неволей, приходится обратиться къ прежнимъ офицерамъ, обезвредивъ ихъ комиссарами и комитетами.

Выборное начало для командпаго состава пока еще существуетъ, но въ болѣе ограниченныхъ рамкахъ. Исключительно выборными должностями оставались только низшія, — отдѣленные и взводные командиры;

ротный командиръ избирался также солдатами роты, но уже изъ числа кандидатовъ, намѣченныхъ высшимъ начальствомъ. Власти дисциплинарной пока еще "товарищи инструкторы" (такъ именовались офицеры) не имѣли. Тяжело было Совѣтской власти отказаться отъ выборнаго начала въ арміи, этой "одной изъ главнѣйшихъ побѣдъ революціи", по словамъ Ленина, но разнузданность красныхъ солдатъ и угрозы, висѣвшія надъ Совѣтской Россіей, этого требовали.

Къ 1 мая Совѣтская армія насчитывала не болѣе 80.000 человѣкъ вооруженныхъ, но въ состояніи самомъ плачевномъ. Безъ дисциплины, безъ единой организаціи, при полномъ самоуправствѣ комитетовъ и, главное, при отсутствіи необходимаго для арміи моральнаго импульса, — безъ чувства патріотизма .

До сего времени ни однимъ изъ Совѣтскихъ дѣятелей не было упомянуто о борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, какъ цѣли существованія арміи. Россія для нихъ, какъ таковая, не существовала.

Армія предназначалась для "сокрушенія капитализма и буржуазіи всего міра", и, главнымъ образомъ, своихъ собственныхъ, ибо въ № 56 отъ 14 марта 1918 года петербургская газета "Экономическая Жизнь" пишетъ: "отрицаніе иностраннаго капитала есть сильная и вредная утопія.... Поэтому Совѣтская Россія должна пойти... по пути предоставленій иностранному капиталу государственныхъ концессій или заключенія займовъ.. "

Это было сказано черезъ годъ послѣ того, какъ Зиновьевъ въ своей рѣчи на Путиловскомъ заводѣ заявилъ: "Мы сняли цѣпи иностраннаго капитала, мы выбросили этихъ кровопійцъ изъ Россіи"...

Итакъ, къ маю 1918 г., Совѣтская армія не представляла изъ себя сколько нибудь организованной и серьезной вооруженной силы. Она состояла изъ импровизи-

рованныхъ "мексиканскихъ" формированій, при отсутствіи дисциплины, при совершенно безпомощномъ командномъ составѣ и безъ какихъ бы то ни было основъ моральнаго порядка. Это было вполнѣ понятно, если вспомнить, что большевики начали съ отрицанія войны и на этомъ строили свой переворотъ и утвержденіе своей власти.

Прошло семь мѣсяцевъ, и Совѣтская власть убѣдилась, что она должна отказаться отъ первоначально провозглашенныхъ принциповъ и приступить къ строительству своей арміи на началахъ единственно разумныхъ, на тѣхъ началахъ, которыя на основаніи изученія теоріи военнаго искусства приняты во всемъ мірѣ.

Ревизіи Народныхъ комиссаровъ Подвойскаго и Кедрова, произведенныя въ маѣ и іюнѣ 1918 г.,показали ясно,что хотя—"доблестныя революціонныя войска мужественно отражали всѣ аттаки наемниковъ міровой буржуазіи" (подъ Уфой чехо-словаковъ),но принуждены были отступить на 150 верстъ, при чемъ попутно выяснилось, что чехо-словаковъ приходилось по одному на пять красноармейцевъ.

Чтобы уяснить себѣ тѣ способы и порядки, которые примѣнялись Красной Арміей въ ея борьбѣ съ врагомъ, приведу впечатлѣнія иностраннаго офицера, члена миссіи, посѣтившаго въ этотъ же періодъ боевыя позиціи Красной Арміи на Псковскомъ направленіи (22 іюня 1918 г.): "я не нашелъ", пишетъ онъ, "ни проволочныхъ загражденій, ни окоповъ, ни укрѣпленныхъ пунктовъ... Когда я посѣтилъ наиболѣе отвѣтственную заставу на желѣзно-дорожной линіи къ Пскову, то засталъ всѣхъ солдатъ спящими и только одинъ часовой, повернувшись спиной къ противнику, занимался тѣмъ, что, разобравъ свою винтовку, заколачивалъ вынутымъ затворомъ гвозди въ сапоги".

Было очевидно, что эта армія вести войну не можетъ.

На состоявшемся въ началѣ іюня въ Москвѣ съѣздѣ военныхъ комиссаровъ положеніе арміи оффиціально было признано угрожающимъ, и одинъ изъ отвѣтственныхъ членовъ съѣзда, комиссаръ Милга, категорически заявилъ о необходимости перестроить армію и отказаться отъ прежнихъ утопій — "за полной неспособностью арміи къ выполненію боевыхъ операцій"...

Основными недостатками арміи признаны были слѣдующіе: 1) отсутствіе дисциплины и непризнаніе авторитета команднаго состава, 2) необученность арміи и 3) до сихъ поръ еще царившее отсутствіе единства командованія, ибо нѣкоторые отряды и части подчинялись только бюро партій коммунистовъ или лѣвыхъ с.-р.-овъ, нѣкоторые только мѣстному Совѣту и совершенно не признавали новое военное начальство, считая его контръ-революціоннымъ. Такъ,напримѣръ, въ Архангельскѣ Совѣтская ревизія Кедрова разстрѣляла члена мѣстнаго Совѣта Медвѣдева за то, что этотъ послѣдній не допускалъ подчиненія Краснаго батальона мѣстному военному руководителю.

Іюль мѣсяцъ 1918 года можно считать временемъ перелома въ исторіи строительства Красной Арміи.

Троцкій, а за нимъ и всѣ остальные, вынужденъ былъ признать незыблемость принциповъ военнаго искусства, и отказаться отъ тѣхъ утопій, которыми прежде онъ пытался оправдать свою дѣятельность.

Дѣло строительства арміи было передано въ руки спеціалистовъ, командный составъ получилъ дисциплинарную власть, значеніе комитетовъ было умалено до минимума и всѣ импровизированныя формированія были уничтожены. Появился стройный и умѣло составлен-

ный планъ формированія "Красной Арміи" на началахъ всеобщей воинской повинности. Прежній глава ея, бывшій генералъ Генеральнаго Штаба Бончъ-Бруевичъ, былъ, якобы за усталостью, уволенъ отъ службы, на самомъ же дѣлѣ онъ оказался для большевиковъ недостаточно рѣшительнымъ.

Согласно этому плану къ веснѣ 1919 г. Совѣтская армія должна была имѣть подъ ружьемъ 3 милліона вооруженныхъ и кромѣ того все мужское населеніе должно было приступить къ немедленному обученію воинскому строю въ мѣстѣ своего постояннаго или временнаго жительства.

Все вниманіе Совѣтской власти, какъ центральной, такъ и мѣстной, было теперь обращено на подготовку и созданіе вооруженной силы.

Размѣръ предполагаемой работы и тотъ размахъ, съ которымъ Совѣтское Правительство, нарушая свои же первоначальные принципы, приступило къ дѣлу, безусловно достойны подражанія и врядъ ли повторялись въ современной исторіи.

Начавъ съ отказа отъ войны, отъ регулярной арміи, Троцкій смѣло идетъ къ полной милитаризаціи страны. — "Надо всѣмъ проникнуться военнымъ сознаніемъ, надо пробудить уваженіе къ военной мысли, къ военной наукѣ. Надо создать подлинную армію, правильно организованную,съ единовластной твердой внутренней дисциплиной". Такъ говоритъ Троцкій въ маѣ мѣсяцѣ 1919 года (газ. "Правда" № 115). "Все для арміи", пишутъ въ № 41 1919 г. Изв. Ц. И. К. (1919 г.)"Совѣтская Россія должна превратиться въ вооруженный лагерь... Да, мы создали регулярную армію, она не соотвѣтствуетъ нашимъ принципамъ, но другого пути для сохраненія власти у насъ было".

И дѣйствительно вся Россія представляетъ изъ себя

нынѣ вооруженный лагерь. Не только въ большихъ городахъ все полно солдатами и служащими въ Совѣтскихъ военныхъ учрежденіяхъ и арміи, но милитаризована даже деревня. Еще зимой прошлаго года можно было видѣть, какъ, гдѣ нибудь въ селѣ, далеко отъ города между гумнами группы крестьянъ въ лаптяхъ и онучахъ маршировали и продѣлывали ружейные пріемы... съ палками (ибо винтовки не довѣрялись, да ихъ, конечно, и не хватало).

Начиная съ іюля 1918 года объявляется одна мобилизація за другой, которыя охватываютъ не только всѣ слои населенія, но которыя подъ страхомъ немедленнаго разстрѣла за уклоненіе, требуютъ явки въ ряды арміи всѣхъ бывшихъ генераловъ, офицеровъ и врачей, а главнымъ образомъ спеціалистовъ, — офицеровъ Ген. Штаба.

И съ радостью публикуютъ Совѣтскіе органы печати о поступленіи на службу цѣлаго ряда генераловъ стараго режима. Съ подчеркнутымъ самодовольствомъ печатается въ газетахъ (сентябрь 1918 года) — "благодаря умѣлому руководительству высшаго командованія мы вновь захватили въ свои руки городъ Самару"...

Такъ было въ приказахъ, такъ было на страницахъ печати и въ рѣчахъ отвѣтственныхъ ораторовъ, но не такъ было въ дѣйствительности. И въ этомъ противорѣчіи между словами и дѣломъ, между "хотѣть" и "мочь" кроется страшное безсиліе Совѣтскаго правительства, которое нынѣ, вѣроятно, болѣе всѣхъ своихъ противниковъ удивлено недавними успѣхами на фронтахъ, ибо оно лучше всѣхъ сознаетъ свою слабость, слабость правительства, оторваннаго отъ народа и чуждаго ему.

На бумагѣ писалось, что все мужское населеніе должно принять участіе въ защитѣ "революціи", декретами

народныхъ комиссаровъ призваны по мобилизаціи всѣ возрасты до сорока лѣтъ, (къ авг. 1919 г.), что должно было составить многомилліонную армію. На дѣлѣ же оказалось, что численный составъ всей красной арміи не превышаетъ 1 1/2 милліона людей, при чемъ изъ нихъ боевой составъ къ 1 нояб.—около 500000 штыковъ. Все же остальное пребываетъ въ тылу, несмотря на то, что, гдѣ только возможно, въ военныхъ учрежденіяхъ совѣтскія власти примѣняютъ наемный трудъ, главнымъ образомъ женскій. Эти цифры очень характерны и опредѣленно указываютъ на то, что, во-первыхъ, мобилизаціи не удаются, и, во-вторыхъ, что мобилизованные предпочитаютъ оставаться на тыловыхъ должностяхъ.

Какъ происходили мобилизаціи, извѣстно всѣмъ. Крестьяне просто не подчинялись декретамъ и или возставали противъ власти и уходили со всѣмъ скарбомъ своимъ въ лѣса, гдѣ отсиживались или пополняли "зеленую армію". Существованіе этой послѣдней въ свою очередь весьма характерно. Едва ли всѣмъ извѣстно, что всѣ эти "зеленыя арміи", насчитывающія въ своихъ рядахъ десятки тысячъ, состоятъ изъ однихъ дезертировъ, бѣжавшихъ отъ Совѣтской мобилизаціи. Эти "арміи дезертировъ" (!), кое какъ вооруженныя и существующія на принципѣ — "война кормитъ войну", дѣйствуютъ въ опредѣленныхъ районахъ, защищаютъ ихъ отъ совѣтскихъ войскъ и не допускаютъ ничьего вмѣшательства въ дѣла своего района. Ясно, что при наличіи такихъ препятствій Совѣтскому правительству было довольно трудно осуществить проведеніе многочисленныхъ мобилизацій. Бороться же съ "зелеными" вооруженной силой, за недостаткомъ таковой, невозможно, ибо на сторонѣ ихъ мѣстное населеніе.

Многочисленныя крестьянскія возстанія и ихъ ус-

миренія, охватывающія безпрерывно всю Сѣверную Россію, съ тѣхъ поръ, какъ только была объявлена первая мобилизація, слишкомъ извѣстны, чтобъ ихъ перечислять въ настоящемъ очеркѣ. Достаточно указать, что за іюль и августъ 1918 года въ Орловской губерніи въ одномъ Карачевскомъ уѣздѣ было два возстанія, въ Кромскомъ одно, въ Ливенскомъ два, въ Елецкомъ два, въ Дмитровскомъ одно и въ Брянскомъ три, изъ коихъ одно съ участіемъ рабочихъ Брянскихъ заводовъ.

Такъ проходила мобилизація, такъ осуществлялся новый лозунгъ — "Пролетаріи къ оружію".

Но не лучше обстояло дѣло и въ самой "Красной Арміи".

Чтобъ не быть многорѣчивымъ, приведу только цифры и факты: нѣсколько расположенныхъ въ Москвѣ запасныхъ батальоновъ въ мартѣ 1919 г., имѣли каждый по 5 — 6 тысячъ человѣкъ (не вооруженныхъ). Сформированная же въ Москвѣ изъ этихъ запасныхъ батальоновъ въ мартѣ 1919 г. 8-ая пѣхотная дивизія насчитывала въ полкахъ по 500 — 700 человѣкъ, несмотря на то, что штатъ полка около 1.200 штыковъ (а не людей). По прибытіи на станцію Ново-Борисовъ солдаты 64-го стр. полка (той же дивизіи) спѣшно стали закупать провизію и одиночнымъ порядкомъ возвращаться въ Москву. Для усиленія ослабленнаго такимъ образомъ полка, былъ спѣшно направленъ 70-ый пѣхотный полкъ, формировавшійся въ Рязани съ октября мѣсяца 1918 г., и къ февралю 1919 г. не имѣвшій еще матеріальной части; личный составъ его имѣлъ только 528 человѣкъ. Такимъ образомъ на бумагѣ значилось существоване 64-го и 70-го стр. полковъ, въ дѣйствительности же существовалъ только одинъ.

Еще болѣе интересное явленіе произошло въ Сарнахъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1919 г. въ Сарны прибылъ

152-й полкъ 17 стр. дивизіи, сталъ на позиціи, но черезъ два дня почувствовалъ себя утомленнымъ и потребовалъ смѣны. Требованіе исполнили немедленно и направлявшійся въ Лунинецъ 148 полкъ былъ повернутъ на Сарны; солдаты разобрались въ измѣненіи маршрута и на одной изъ станцій, ночью, вылѣзли изъ вагоновъ и отказались ѣхать дальше. Тогда было спѣшно приказано двинуть въ Сарны 146 стр. полкъ, но... его просто не оказалось въ дѣйствительности. Былъ штабъ, комиссары, культурно - просвѣтительная комиссія, но не было солдатъ. Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ изъ Москвы былъ отправленъ спеціальный срочный поѣздъ въ 52 вагона съ маршевыми частями. Но... въ Сарны прибыло только 7 агитаторовъ, лошади, и около 50 солдатъ.

Слѣдующіе примѣры еще болѣе подчеркиваютъ плачевное состояніе Совѣтской арміи: за февраль и мартъ 1919 года Совѣтскія донесенія сообщаютъ: 1) о сдачѣ на сѣверномъ фронтѣ цѣлой артиллерійской бригады, 2) о бунтѣ и расформированіи полностью всей 5 стрѣлк. дивизіи, 3) о возстаніи 2-й стрѣлковой дивизіи и о передачѣ оружія возставшимъ крестьянамъ Рязанской губерніи, 4) объ отказѣ выступить на фронтъ 11,13 и 14-го стр. полк., 5) о сдачѣ эстонцамъ 2-го Петроградскаго, 86 стр. полковъ и 1-го запаснаго батальона Петроградской дивизіи и т. д., и т. д.

Какъ показатель настроенія въ Совѣтскихъ полкахъ, не лишеннымъ интереса является слѣдующій случай, произошедшій въ мартѣ или апрѣлѣ 1919 г. въ городѣ Минскѣ. Самочинно образовавшійся совѣтъ красноармейскихъ депутатовъ постановилъ учинить еврейскій погромъ и призвалъ къ этому всѣхъ "сознательныхъ" товарищей. Мѣстному военному комиссару Кривошеину пришлось цѣлую ночь разъѣзжать по казармамъ и уговаривать части не то, чтобъ отказаться отъ

погрома,—это было выше его силъ,—а только, хотя бы отложить его. Подѣйствовали ли его просьбы я не знаю.

Эти случайно приведенные факты, свидѣтельствуя о моральномъ разложеніи Совѣтской арміи, доказываютъ съ очевидной несомнѣнностью, что не такъ уже сильна эта армія и не такъ страшна, какъ это кажется на схемѣ фронтовъ и во всевозможныхъ опративныхъ сводкахъ.

Такой она казалась и большинству русскихъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ настоящаго года.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть даже и недѣль, и уже мы хотимъ видѣть въ Совѣтской арміи грозную силу, съ которой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже якобы изучавшихъ ея состояніе, и драться невозможно, — настолько высока ея боевая и организаціонная упругость. Нѣсколько неуспѣховъ на антибольшевистскихъ фронтахъ, нѣкоторое колебаніе международной политики, — и мы уже разслабли, мы испугались и то, что раньше собирались "шапками закидать", теперь насъ пугаетъ, вызываетъ преступное безсиліе, апатію и умственный маразмъ. И забываемъ мы, что истина всегда посрединѣ. Что шапками мы никого и никогда не закидаемъ, хотя и пытались неоднократно. Что если хотимъ дѣйствительно быть побѣдителями, то прежде всего должны изучить врага, хорошо знать его сильныя и слабыя стороны, и вести борьбу серьезно и организованно единымъ военнымъ и политическимъ фронтомъ. Тогда не будетъ ни паническаго трепета, ни легкомысленнаго пренебреженія. Мы же обыкновенно не знаемъ не только врага, но даже самихъ себя.

Этого нѣтъ у большевиковъ.

Учтя свои слабыя стороны, и проникнувшись тѣмъ "военнымъ духомъ", о которомъ такъ властно говорилъ

Троцкій, Совѣтская власть отлично поняла основное условіе силы любой арміи. "Сила арміи въ ея командномъ составѣ", — это сказалъ фонъ-деръ Гольцъ ("Вооруженный Народъ"), нѣмецкій фельдмаршалъ и военный мыслитель.

Его формула была отлично усвоена большевиками и немедленно проведена въ жизнь.

Красные офицеры, начиная съ конца 1918 г. были поставлены на такой высокій пьедесталъ, котораго они не имѣли даже при царскомъ режимѣ. Вмѣсто прежняго приниженнаго положенія людей, которымъ не довѣряютъ и держатъ подъ унизительнымъ контролемъ, которые только тогда имѣютъ нѣкоторый авторитетъ, когда ихъ " одобряли " ихъ же подчиненные, имѣвшіе право смѣщать своихъ командировъ, взамѣнъ этихъ парій, Совѣтское правительство, нарушая свои основные принципы, создало привиллегированную касту... Троцкій понялъ, что созданные комиссаромъ Дзевалтовскимъ инструкторскіе курсы не могутъ выработать въ короткій срокъ хорошихъ, знающихъ, а главное, опытныхъ, командировъ и обратился къ бывшимъ офицерамъ русской арміи, заманивая ихъ невѣроятно высокимъ жалованіемъ и почетнымъ положеніемъ.

Офицеру была предоставлена не только дисциплинарная власть, но право жизни и смерти надъ своими подчиненными. Почти всѣ прежнія привилегіи были возстановлены, вплоть до столь ненавистнаго въ свое время и только немного теперь измѣненнаго отданія чести, вплоть до появленія деньщика, называющагося нынѣ "товарищъ, завѣдывающій кипяткомъ". Малѣйшій проступокъ противъ дисциплины и нарушенія чиночитанія сталъ подлежать строжайшему наказанію, вплоть до лишенія жизни въ особо серьезныхъ случаяхъ. Кромѣ того приняты были мѣры поощрительнаго

характера, имѣющія неоспоримое значеніе. Такъ напримѣръ, за удачное дѣло одного изъ Совѣтскихъ полковъ почти весь его командный составъ получилъ денежныя награды въ размѣрѣ отъ 10 до 40 тысячъ рублей. Возстановлены военные ордена и отличія, которые, конечно, теперь именуются иначе. Большую заботливость проявила неожиданно Совѣтская власть даже къ семьямъ офицеровъ, обезпечивая ихъ пайкомъ, а въ случаѣ гибели на фронтѣ главы семьи также и крупнымъ единовременнымъ пособіемъ. Съ другой стороны, всякое уклоненіе призваннаго офицера отъ службы въ Красной арміи или обнаруженіе его участія въ какой либо противо-совѣтской дѣятельности карается разстрѣломъ. Въ случаѣ же перехода на сторону противника разстрѣливаются ближайшіе родственники.

Что получилось изъ этихъ энергично принятыхъ мѣръ, ясно само собой. Большое количество русскихъ офицеровъ пошло на службу, пошло ради спасенія и обезпеченія жизни своей и своей семьи, пошло изъ-за голода, пошло также и въ силу отсутствія политическаго воспитанія.

Они служатъ Совѣтской арміи постольку, поскольку ихъ вынуждаетъ незнающая полумѣръ власть, но насколько они преданы режиму, лучше всего показываетъ тотъ фактъ, что при приближеніи къ Петербургу генерала Юденича въ его армію перебѣжало 500 офицеровъ.

Но созданіемъ прочныхъ офицерскихъ кадровъ Троцкій не ограничился для усиленія мощи своей арміи. Еще ранѣе были созданы особыя привилегированныя и спеціальныя части, опираясь на которыя правительство могло производить любые эксперименты. Это—отдѣльный корпусъ жандармовъ (!), нынѣ именуемый корпусомъ Чрезвычайки и гвардейскія части —

латыши, китайцы, матросскіе отряды, батальоны коммунистовъ, интернаціоналистовъ и т. п. Красноармейцы этихъ отрядовъ занимаютъ исключительное положеніе въ странѣ. Еще лѣтомъ 1918 года рядовой стрѣлокъ латышъ получалъ на всемъ готовомъ, при улучшенной пищѣ и отличной одеждѣ,болѣе 1000 рублей въ мѣсяцъ. Ясно, что никто и нигдѣ ему больше платить не будетъ, а потому онъ, не имѣя къ тому же возможности вернуться на родину, былъ тѣсно связанъ своими личными интересами съ Совѣтской властью. На такихъ же приблизительно условіяхъ создались и прочія части Совѣтской гвардіи.

Но зато совершенно иное отношеніе проявляется къ мобилизованнымъ солдатамъ, составляющимъ главную массу вооруженныхъ силъ. Вмѣсто прежняго заискиванія передъ "товарищами", вмѣсто увѣренія ихъ въ томъ, что они "краса и гордость революціи", ихъ вновь превратили въ пушечное мясо, въ "быдло", которому опять "бьютъ морду" при молчаливомъ попустительствѣ высшаго начальства. Это "бьютъ морду" надо понять въ прямомъ и самомъ точномъ смыслѣ этого слова. Рукоприкладство стало наблюдаться еще въ концѣ 1918 г., сначала какъ одиночные, робкіе случаи, а затѣмъ пожалуй и какъ система.

Итакъ, мы видимъ вновь повтореніе по внѣшности старой арміи, не только въ отношеніи подчиненія незыблемымъ принципамъ военнаго искусства, но и въ смыслѣ повторенія и утрировки старыхъ уродливыхъ, отжившихъ обычаевъ, съ которыми всегда боролись въ давнія времена. Но есть разница.

Какъ ни принято было порой поносить старую армію, въ ней было одно большое достоинство. Была идея отечества, въ особенности сильно развитая въ офицерской корпораціи. Совѣтская армія этой идеи не имѣетъ.

Родина, какъ то, за что нужно не задумываясь отдать свою жизнь, подмѣнена "Всемірнымъ Пролетаріатомъ". Это не всѣмъ понятно, мало убѣдительно и къ тому же неудобопроизносимо. За "Всемірный пролетаріатъ", пойдетъ сражаться совѣтскій латышъ, ибо за этимъ лозунгомъ онъ видитъ свое громадное жалованіе, пойдетъ китаецъ, какъ не понимающій ни одного слова по русски и которому совершенно все равно, кого и за какую идею ему придется сегодня рѣзать, пойдетъ дикій неграмотный башкиръ, ибо во славу всемірнаго пролетаріата ему позволено пограбить и понасильничать, и, можетъ быть, нѣсколько сотенъ фанатиковъ коммунистовъ. Но не пойдетъ ни русскій крестьянинъ, ни отрезвившійся нынѣ русскій рабочій, а тѣмъ болѣе не пойдетъ и Совѣтскій офицеръ.

Слѣдовательно, вся сложная организація, вся, съ такимъ трудомъ созданная Красная армія, не имѣетъ души. Это только механическое сооруженіе, могущее дѣйствовать подъ вліяніемъ страха за свою жизнь и ради матеріальныхъ благъ. Въ этомъ заключается, несмотря на внѣшнее сходство, громадная разница между Красной арміей и старой русской арміей, которая имѣетъ за собой блестящую исторію, полную міровыхъ заслугъ. Въ этой то разницѣ, въ этомъ бездушьи всего военнаго организма Красной арміи, и кроется трагическая слабость ея, ибо, чтобы избѣжать и ее, большевикамъ надо перестать быть большевиками...

Конечно въ XX вѣкѣ сражаются не душой и не моральными достоинствами, но пушками, пулеметами, аэропланами, газами, минами, всѣмъ, что къ услугамъ культурнаго человѣчества предоставляется могучей техникой, но тѣмъ не менѣе важнѣйшимъ боевымъ элементомъ всегда былъ, есть и будетъ человѣкъ, и отъ степени его боевой упругости, которая именуется добле-

стью, главнымъ образомъ зависитъ качество арміи, ибо человѣкъ не только непосредственно дерется, но онъ же управляетъ и военной техникой.

Красный же солдатъ, безразлично нижняго или высшаго чина, этой доблестью отличаться не можетъ, т. к. онъ наемникъ, призванный насильно подъ совѣтское знамя.

Онъ дерется, онъ даже участвуетъ въ сложныхъ операціяхъ, но только до тѣхъ поръ, пока сзади него стоитъ пулеметъ, аргументирующій сотнями выстрѣловъ въ минуту, и до тѣхъ поръ, пока онъ не повѣритъ въ серьезность и организованность той силы, противъ которой его направляютъ драться.

Когда эта вѣра въ немъ родится и будетъ крѣпка, тогда всѣ пушки, пулеметы и винтовки повернутся въ другую сторону и заговорятъ жутко и грозно, какъ Гнѣвъ Народа противъ своихъ угнетателей, противъ тѣхъ, кто, обманувъ народъ и изнасиловавъ его волю, создалъ новый, ненавистный ему совѣтскій абсолютизмъ. И тогда ничто не спасетъ Совѣтскую власть, которая опирается только на штыки, ибо давно уже было сказано, что штыками можно воевать, но сидѣть на нихъ нельзя.Невольно рождается мысль,—съ громадной энергіей строятъ совѣтскіе дѣятели свою красную армію, не подозрѣвая того, что строютъ ее они для будущей Новой Россіи.

Это сейчасъ мертвое тѣло ждетъ того, кто вложитъ въ него духъ живой, вынутый преступной рукой, въ кого повѣритъ оно и за кѣмъ пойдетъ, но уже живое и пробужденное.

Чтобы закончить очеркъ Совѣтской арміи, необходимо сдѣлать въ общихъ чертахъ стратегическій обзоръ ея положенія на фронтахъ, какъ конкретный результатъ

того, къ чему привели двухлѣтнія созидательныя работы Совѣтскаго Народнаго Комиссаріата по военнымъ дѣламъ.

Во главѣ всего дѣла обороны страны стоитъ "Комитетъ Обороны", подъ предсѣдательствомъ Ленина, представляющій изъ себя нѣчто вродѣ, существовавшаго во время войны "Comité de la Guerre", во Франціи. Ему подчиненъ "Центральный Военный Совѣтъ", во главѣ съ Троцкимъ и наконецъ третьей инстанціей, чисто оперативной, является Штабъ Главнокомандующаго Генерала Каменева, (прежде Петерсъ), которому подчиняются четыре главнокомандующихъ фронтами: сѣвернымъ (35.000), восточнымъ (80.000), южнымъ (185 тысячъ) и западнымъ (100.000).

Къ октябрю мѣсяцу большевики имѣли на фронтѣ 74 дивизіи, какъ стратегическихъ самостоятельныхъ единицъ (1).

Каждая дивизія состоитъ изъ 9 стрѣлковыхъ полковъ съ постоянно недостающимъ до штата составомъ въ 600—800 штыковъ, дивизіонной конницы, полевой и тяжелой артиллеріи, инженернаго батальона и отдѣльныхъ частей спеціальнаго назначенія. Такой составъ дивизіи позволяетъ ей быть вполнѣ законченной воинской частью, способной къ выполненію самостоятельныхъ операціи.

Переводя силу Совѣтской арміи на полки мы получимъ около 657 полковъ, что должно бы составить 459.900 однихъ штыковъ. Фактически же по оффиціальнымъ даннымъ боевая сила всей Совѣтской арміи къ 1 ноября,(т. е., пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи) около

1) Номерація совѣтскихъ дивизій превосходитъ цифру 150, что казалось бы должно заставить предполагать, что и въ дѣйствительности дивизій столько-же. На самомъ-же дѣлѣ половина значащихся дивизій къ 1 октября существовала только на бумагѣ въ видѣ штабовъ не ниже полковаго и безъ личнаго состава. Нѣкоторыхъ же дивизій не существовало вовсе, было лишь предположеніе ихъ формированія.

500 тысячъ человѣкъ. Сопоставленіе этихъ цифръ весьма характерно и опредѣленно указываетъ, что многіе части существуютъ только на бумагѣ, а это еще разъ подчеркиваетъ, что въ Красной арміи далеко не все благополучно.

Что касается общаго резерва страны, то таковой, повидимому, имѣется, но въ видѣ безоруженныхъ батальоновъ, которые обычно на фронтъ соглашаются идти только въ сопровожденіи латышей съ пулеметами, въ нихъ же направленными, и съ агитаторами, и являются скорѣй источникомъ пополненія, а не маневренной силой.

Дѣло снабженія арміи, повидимому, кое какъ налажено, острый недостатокъ чувствуется только въ самомъ главномъ въ артиллерійскомъ довольствіи, т. е. въ снарядахъ и ружейныхъ патронахъ. Нѣтъ въ настоящій моментъ данныхъ, могущихъ точно указать, какъ поставлены отдѣльныя отрасли снабженія и какъ идетъ работа въ тылу на обслуживаніе арміи. Мы знаемъ только съ достовѣрной точностью о томъ, что вся промышленность, а слѣдовательно и военная, находится въ очень плачевномъ состояніи, и отсюда уже можемъ сдѣлать соотвѣтствующій выводъ. Опять, чтобы не получить обвиненія въ легкомысленномъ отношеніи къ силѣ Совѣтской республики, приведу только цифры и факты. По свѣдѣніямъ Совѣтской прессы въ маѣ 1919 года, "всѣ текстильныя фабрики Петрограда, числомъ 19, закрылись", (№ 108, Сѣв. Коммуна). "Производительность паровозостроительныхъ заводовъ значительно понижена... Путиловскій заводъ (въ теченіе года) выпустилъ только 7 паровозовъ" (Сѣв. Ком. № 259, 25 марта). "Для большинства отраслей русской промышленности сокращеніе производства выражается цифрой 400—500 проц." (Докладъ Высш. Сов. Нар. Хоз., мартъ

1919 г.); Совѣтская газета "Трудъ" пишетъ (23-28 марта, 1919 г.): "...производительность труда упала до ничтожныхъ размѣровъ, о трудовой дисциплинѣ нѣтъ и помину, машины отъ небрежнаго обращенія пришли въ негодность..." и т. д. А въ результатѣ Совѣтская армія не можетъ, напримѣръ, получить въ мѣсяцъ болѣе 6 аэроплановъ, при самомъ полномъ напряженіи энергіи. Разъ такъ обстоитъ, дѣло съ промышленностью страны вообще, то ясно насколько неудовлетворительно она можетъ обслуживать армію.

Что касается весьма важнаго въ стратегическомъ отношеніи желѣзнодорожнаго транспорта, то,повидимому, и этотъ вопросъ долженъ очень безпокоить совѣтскую власть. Напримѣръ въ октябрѣ 1918 года, по направленію Москва—Царицынъ, можно было пропустить сначала (въ октябрѣ) 2 пары поѣздовъ въ сутки и только къ концу ноября удалось дойти до пропускной способности въ шесть паръ. Думается, что въ общемъ, учитывая недостатокъ подвижного состава, едва-ли имѣются желѣзныя дороги, доводящія свою пропускную способность болѣе чѣмъ до 8 паръ въ сутки. Эти данныя имѣютъ колоссальнѣйшее значеніе въ томъ способѣ дѣйствій, который примѣняютъ большевики въ дѣйствіи по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ.

Такимъ образомъ, подводя итоги всему вышеизложенному и пытаясь сдѣлать справедливую и спокойную оцѣнку того состоянія, въ которомъ пребываетъ совѣтская красная армія, нельзя не отмѣтить прежде всего всю ту колоссальную энергію и смѣлость,какія затратила совѣтская власть на дѣло своей обороны. Она, не скрывая своихъ старыхъ ошибокъ и заблужденій, рѣшительно отказывается отъ нихъ.

"Мы пробовали осуществить нашу программу путемъ агитаціи, пропаганды и добровольчества. Но это оказалось чепухой!.. Мы признали нашу армію не соотвѣтствующей нашимъ принципамъ, но другого пути у насъ не было... мы должны были отказаться отъ нѣкоторыхъ нашихъ принциповъ, отъ выборности командного состава, оно потеряло для насъ значеніе", пишутъ Изв. Ц. И. К. въ № 41 отъ 28 февраля 1919 года.

Въ силу этого призванные техники военнаго дѣла создали большевикамъ армію по внѣшности какъ будто бы современную, отвѣчающую послѣднимъ требованіямъ военнаго искусства. Въ частности, созданіе самостоятельной стратегической единицы въ видѣ подвижной и удобоуправляемой дивизіи, взамѣнъ нашихъ бывшихъ громоздкихъ корпусовъ, является немаловажнымъ новшествомъ въ вопросахъ организаціи русской арміи. Созданіе офицерскаго и инструкторскаго кадра и представленіе въ ихъ распоряженіе колоссальнѣйшей власти надъ своими подчиненными, показываетъ, насколько правильно подошли большевики къ вопросу поднятія боеспособности своей арміи.

Самаго главнаго условія мощности не имѣетъ Совѣтская армія, она не имѣетъ моральнаго двигателя, не имѣетъ души и, несмотря на хорошо разработанную организацію, является мертвымъ механизмомъ. Масса арміи — мобилизованный народъ, превращенный въ пушечное мясо, въ "быдло", съ которымъ никто не считается и который вынужденъ драться, ибо за нимъ стоитъ болѣе страшная, болѣе современная "палка капрала", — пулеметъ и смертная казнь (иначе смертельно усталый и измученный народъ драться не будетъ). Офицерскіе и инструкторскіе кадры построены на развитіи низменныхъ инстинктовъ,—на подкупѣ колоссально - высокимъ жалованіемъ и на страхѣ за свою жизнь. Это только наемники.

Такимъ образомъ большевики въ своей же странѣ, у своего же народа создали тотъ типъ арміи, отъ которой давно уже отказалась военная мысль и которая хороша была лишь въ періодѣ династическихъ войнъ, въ періодѣ кондотьери и ландскнехтовъ,когда арміи или ея кадры просто нанимались.

Но мы знаемъ также,что эти арміи всегда гибли при столкновеніи съ національными войсками, движимыми моральными побудителями. Въ этомъ то и заключается величайшая трагедія совѣтскихъ вооруженныхъ силъ.

Развѣ не краснорѣчиво подтверждаетъ эту трагедію тотъ фактъ, что вмѣсто трехмилліонной арміи, которая была спроэктирована въ 1918 году спеціалистами,Совѣтская Россія, усилившись громаднымъ источникомъ пополненія, — половиной Украины, можетъ имѣть подъ ружьемъ къ 1 ноября 1919 года только 500 тысячъ боевого состава.

Переходъ на сторону генерала Деникина въ лѣто текущаго года цѣлыхъ дивизій, сдача безъ боя ряда городовъ и наконецъ существованіе никого не признающей, Зеленой арміи,—все это факты, а не обывательскія разсужденія, еще разъ подтверждающіе, что Красная армія не такъ уже страшна, какъ она нынѣ кажется очень и очень многимъ....

Чтобы судить о томъ, насколько сильна Совѣтская армія, нуженъ опредѣленный критерій, нужно сравненіе съ той арміей, сужденіе о которой мы можемъ имѣть безошибочное и подтвержденное опытомъ исторіи и войны.

И, если съ этой точки подойти къ оцѣнкѣ Красныхъ силъ, то безъ всякого колебанія ихъ можно признать неудовлетворяющими современнымъ требованіямъ.Красную армію можно въ этомъ случаѣ назвать только тол-

пами вооруженныхъ, скованныхъ безсознательной, на страхѣ построенной, дисциплиной людей.

Причину этому прежде всего надо видѣть въ томъ, что сознательнаго бойца, отъ котораго требуется въ современныхъ арміяхъ развитіе самодѣятельности, такого бойца, какъ основного матеріала, составляющаго армію, — большевики не имѣютъ. Несмотря на все громадное значеніе техники, нынѣ призванной какъ бы замѣнить падающій духъ нервнаго человѣчества, причины моральнаго порядка все же имѣютъ всегда доминирующее значеніе и сама тактика боя, даже построенія боевыя со временъ французской революціи основаны именно на довѣріи къ бойцу, на возможности развитія и использованія его самодѣятельности. Въ этомъ весь смыслъ современной глубокой тактики, глубокихъ построеній, противъ которыхъ нѣмцы неудачно пытались возстановить отжившую фалангу, но... были разбиты свободной республиканской арміей французовъ.

Большевики, не имѣя надежныхъ маневренныхъ резервовъ, при отсутствіи довѣрія къ своей арміи, не могутъ пользоваться во всемъ объемѣ пріемами глубокой тактики и прибѣгаютъ къ способамъ, которые фатально примѣняются въ исторіи, въ періодъ упадка военнаго искусства, въ наемныхъ и вербовочныхъ арміяхъ, которые являются неотъемлемыми признаками отжившихъ линейныхъ порядковъ. Напримѣръ, характернымъ является построеніе большевиковъ при наступленіи. Впереди первой линіи они посылаютъ малонадежныя мобилизованныя части, поощряемыя сзади отдѣльными группами особо надежныхъ солдатъ, латышей, китайцевъ, матросовъ, которые обязаны при малѣйшемъ колебаніи передней линіи открывать по ней пулеметный огонь, и, наконецъ, третьей волной двигаются уже настоящія надежныя боевыя части, которыя принимаютъ

участіе въ бою только тогда, когда первая линія цѣной своей жизни пробьетъ брешь у противника. Это построеніе очень напоминаетъ времена средневѣковья, времена расцвѣта линейной тактики, когда такимъ пушечнымъ мясомъ первой линіи являлись "презрѣнные зайцы", — какъ именовалась пѣхота, насильно набранная изъ городскихъ и сельскихъ жителей.Эти данныя съ очевидной несомнѣнностью говорятъ о томъ, что армія Совѣтской Россіи есть армія упадочная. Такимъ образомъ, ни въ коемъ случаѣ нельзя эту армію назвать сильной и современной съ точки зрѣнія теоріи военнаго искусства; но въ гражданской борьбѣ, въ тѣхъ условіяхъ въ которыхъ ей приходилось сражаться, она можетъ быть названа слабой только тогда, когда противъ нея будетъ стоять организованная, дисциплинированная армія, единый фронтъ, управляемый единымъ авторитетнымъ командиромъ и воодушевленный единой общей высокой идеей. Неоспоримо и очевидно, что это властное требованіе стратегіи можетъ быть исполнено только тогда, когда будетъ существовать единый политическій фронтъ...

Н. П.

Идея Учредительнаго Собранія
въ исторіи политическаго самосознанія Россіи.

I. Девятнадцатый вѣкъ.

Декабристы: «якобинцы» и «демократы». Проекты Пестеля и Никиты Муравьева. — Шестидесятые годы: «Молодая Россія» и «Свобода». — Хиліастическія чаянія соціальнаго переворота и «счастье» Россіи — въ отсталости ея политическаго развитія. — Проблески идеи Учредительнаго Собранія. — «Ближайшія задачи земства» И. И. Петрункевича. — Учредительное Собраніе, какъ пунктъ программы «Народной Воли». — Историческія заслуги и дефекты политической идеологіи «Народной Воли». — Наслѣдники этой идеологіи. — «Группа освобожденія Труда», и программы 1884 и 1887 гг.

Въ процессѣ соціально-политическаго развитія Россіи идея Учредительнаго Собранія отчетливую формулировку и послѣдовательное обоснованіе получила сравнительно поздно. Можно сказать, что на протяженіи всего девятнадцатаго столѣтія мы не встрѣчаемъ такой формулировки и обоснованія.

Самая мысль объ Учредительномъ Собраніи, не въ такихъ терминахъ выраженная, не чуждая противорѣчивыхъ признаковъ, предносилась, однако, уже нѣкоторымъ изъ декабристовъ.

Самый вліятельный и политически наиболѣе яркій среди декабристовъ — Пестель, "этотъ геніальный общественный дѣятель, далеко опередившій своихъ современниковъ въ Россіи", — по выраженію В. И. Семевскаго, — былъ чрезвычайно далекъ отъ идеи Учре-

дительнаго Собранія. Ничего общаго не имѣетъ съ этой идеей и проектъ республиканской конституціи, выработанный Пестелемъ и воспринятый Южнымъ Обществомъ.

Пестелевская "Русская Правда" и ея конспектъ — "Конституціи Государственный Завѣтъ" главныя свои надежды возлагаютъ не на "Народное Вѣче", "въ которомъ обрѣтается вся законодательная власть", и не на "Верховный Соборъ", которому поручается "верховно - блюстительная власть" и который "не разсуждаетъ о сущности предметовъ, но смотритъ на однѣ формы". Основной рычагъ всей политической системы Пестеля — Временное Верховное Правленіе. Именно оно должно, ибо только оно можетъ, осуществить рядъ неотложныхъ и подготовительныхъ мѣръ, обезпечивающихъ новый порядокъ. "Прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народа русскаго, а представительный соборъ не можетъ быть созванъ" немедленно, потому, что "начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ". Поэтому Временное Правленіе должно быть надѣлено диктаторскими полномочіями на восемь, десять, даже пятнадцать лѣтъ (1).

Проектъ конституціи, написанный Никитой Муравьевымъ и принятый Сѣвернымъ Обществомъ, исходилъ изъ заимствованнаго изъ испанской конституціи положенія: "Источникъ верховной власти — народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя" (Ст. 2-ая Проекта). "Право измѣнить Уставъ", т. е. конституцію, принадлежитъ не нормально - дѣйствующему законодательному собранію, — "народному вѣчу", а спе-

1) См. В. И. Семевскаго: «Политическія и общественныя идеи декабристовъ.» - СПБ. 1909.- Стр. 508—510. См. также стр. 452, 463, 472 и др.

ціальнымъ народному (центральному) и державнымъ (областнымъ) "Соборамъ".

Вмѣстѣ съ Н. Муравьевымъ большинство членовъ Сѣвернаго общества отвергало предложенія Пестеля относительно диктатуры Временнаго Правленія. Такъ, Рылѣевъ полагалъ, что тайныя общества вправѣ только разрушить то правленіе, которое считаютъ "неудобнымъ для своего отечества". Тотъ же государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обоихъ обществъ, — самъ Рылѣевъ считалъ наиболѣе "удобнымъ" для Россіи "областное правленіе сѣверо-американской республики при императорѣ, котораго власть не должна много превосходить власти президента штатовъ", — надлежитъ представить на разсмотрѣніе Великаго Собора, какъ проектъ. Введеніе его посредствомъ диктатуры Рылѣевъ считалъ "нарушеніемъ правъ народа".

Незадолго до возстанія фактическое руководительство обществомъ перешло къ Рылѣеву и Трубецкому, съ одной стороны, и Серг. Муравьеву и Бестужеву-Рюмину, съ другой. Подъ ихъ вліяніемъ, какъ отмѣчаетъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, оба Общества склонились къ мысли о передачѣ вопроса о формѣ конституціи будущему первому собранію народныхъ представителей или великому земскому собору, по выраженію Рылѣева. Штейнгель составилъ проектъ манифеста о созывѣ собора, которому предполагалось предложить проектъ конституціи.

Но въ то время, какъ Южное Общество имѣло совершенно опредѣленный планъ: уничтожить династію и, при поддержкѣ возставшаго войска, провозгласить новую форму правленія, — Сѣверное Общество готово было ожидать личной перемѣны государя для того, чтобы отъ замѣстителя Александра I потребовать утвер-

жденія конституціи (1). Н. Муравьевъ на допросѣ показалъ, что онъ допускалъ даже возможность "достигнуть нашей цѣли посредствомъ одного только общаго мнѣнія".

Какъ противоположеніе "якобинскимъ" взглядамъ Пестеля и его единомышленниковъ, воззрѣніе Н. Муравьева, Рылѣева и другихъ несомнѣнно болѣе близко началамъ народоправства и народовластія. Но само по себѣ это воззрѣніе, какъ программное требованіе и какъ методъ дѣйствій, сочетавшее необходимость переворота и его освященія народнымъ вотумомъ съ возможностью утвержденія конституціи царемъ; примирявшее народовластіе съ принципами монархизма и сословной "аристократіи"; подраздѣлявшее народъ на русскихъ, къ которымъ причислялось все населеніе Россіи въ цѣломъ, и гражданъ, которые надѣлялись политическими правами, возраставшими въ мѣру роста имущесвеннаго ценза "гражданъ",—такое полное непослѣдовательности и противорѣчій воззрѣніе является характернымъ для перваго оформленія политическаго самосознанія Россіи, начала 19-го столѣтія.

Всѣ декабристы — и республиканцы, и монархисты, и "якобинцы", и "демократы" — были одинаково преданными конституціоналистами, горячими патріотами и искренними народолюбцами, готовыми не только на личныя жертвы свободой и жизнью, но и на сословныя и имущественныя жертвы въ интересахъ народа для народа. Но для того, чтобы стать на почву подлиннаго и послѣдовательнаго демократизма, чтобы признать начало осуществленія всего черезъ народъ,— одни изъ декабристовъ должны были бы отказаться отъ своихъ надеждъ на "Временное Правленіе", другіе — отъ своей вѣры въ "верховную власть".

1) См. М. В. Довнаръ-Запольскаго: «Идеалы декабристовъ.» М. 1907.— Стр. 315—316.

Послѣ ликвидаціи движенія декабристовъ политическое развитіе Россіи застопорилось на рядъ десятилѣтій. Въ теченіе всего періода царствованія Николая I исключена была всякая возможность проявленія свободной политической мысли. Только съ начала шестидесятыхъ годовъ получаютъ снова свое литературное выраженіе слабые проблески признанія началъ демократизма и связанной съ нимъ идеи Учредительнаго Собранія. Эти первые проблески единичны, случайны, сбивчивы и не достаточно популярны даже въ томъ кругу, гдѣ они время отъ времени появляются.

Вышедшая въ 1862 г. изъ кружка Зайчневскаго прокламація "Молодая Россія", бывшая, по свидѣтельству В. Я. Богучарскаго (1), "самымъ крупнымъ проявленіемъ революціоннаго настроенія въ Россіи" до 1866 года, содержала въ себѣ лишь слѣдующія малоопредѣленныя строки: "мы требуемъ измѣненій современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки Національнаго и Областныхъ Собраній". Національное Собраніе, "составленное изъ выборныхъ всей земли русской, должно собираться въ столицѣ" (2).

Политическій смыслъ высказаннаго здѣсь умаляется еще тѣмъ предложеніемъ, которое авторы прокламаціи дѣлаютъ "революціонной партіи", рекомендуя ей — "захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ Націо-

---

1) В. Богучарскій: «Активное Народничество семидесятыхъ годовъ.» - М. 1912. — Стр. 53.

2) См. «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг.» — Русская историческая библіотека. № 5. Второе приложеніе къ сборникамъ «Государственныя преступленія въ Россіи,» издающимся подъ редакціей Б. Базилевскаго. — Paris, 1905. — Стр. 60—61.

нальное Собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ-же и позаботится, чтобы въ составъ ея не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы)".

Нѣсколько болѣе опредѣленно высказывается по тому же вопросу воззваніе "Свобода" № 1, появившееся въ 1863 г. и перепечатанное Герценомъ въ № 164 "Колокола". "Торжество народныхъ интересовъ, — говорилось въ немъ, — ...должно выразиться прежде всего въ созваніи Народнаго Собранія изъ выборныхъ представителей свободнаго народа. Собраніе это само опредѣлитъ новый общественный строй нашего свободнаго отечества" (1).

На всемъ протяженіи наиболѣе бурныхъ десятилѣтій XIX-го вѣка — 60-хъ и 70-хъ годовъ, почти вплоть до самаго ихъ конца, — политическая идеологія русскаго общества не возвысилась надъ приведенными выше извлеченіями изъ малозначительныхъ листковъ и прокламацій. Этотъ фактъ становится тѣмъ болѣе поразительнымъ, что онъ во времени совпадаетъ съ другимъ. Именно въ это время русская общественность выдѣлила цѣлую плеяду первоклассныхъ вождей и умовъ: Добролюбова, Чернышевскаго, Герцена, Бакунина, Лаврова, Михайловскаго. Каждый изъ нихъ былъ властителемъ думъ и чувствъ своихъ современниковъ. Каждый изъ нихъ стремился сдѣлать свой народъ свободнымъ и счастливымъ. И всѣ они болѣе или менѣе одинаково оказались далеки идеямъ политической свободы.

Индивидуальныя свойства, различія въ темпераментахъ, въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, въ приложеніи силъ — нивеллировались вліяніемъ господствовавшаго настроенія. Это настроеніе, безраздѣльно вла-

1) Тамъ же. — Стр. 92.

дѣвшее передовыми умами Россіи и частично захватившее всю Европу, нѣкоторыми своими чертами близко совпадаетъ съ переживаемымъ нынѣ, въ связи съ міровой войной. Передовые люди того времени искренне и глубоко вѣрили и убѣждали другихъ въ истинности своей вѣры въ то, что въ ближайшемъ же будущемъ, неизбѣжна соціальная революція и съ ней вмѣстѣ — осуществленіе соціализма. Эта вѣра создавала и соотвѣтственное хиліастическое настроеніе. Твердая увѣренность въ близкомъ концѣ, ожидающемъ всѣ политическія учрежденія, независимо отъ ихъ формъ и основаній, — исключала всякую надобность въ проповѣди политическаго освобожденія, не только какъ самоцѣли, но даже какъ пути и средства къ грядущему всестороннему освобожденію.

Авторъ "Словаря иностранныхъ словъ", Кирилловъ-Петрашевскій полагалъ, что конституція — "это хваленое правленіе—не что иное, какъ аристократія богатства". Самый тотъ фактъ, что русскій народъ "остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи", которая по мнѣнію Герцена, высказанному въ 1851 году (1), "дошла въ соціализмѣ до самоотрицанія", самая отсталость Россіи въ политическомъ развитіи признавалась ея "счастьемъ", ея заслугой и достоинствомъ, обезпечивающими именно ей возможность достигнуть соціализма болѣе быстро и безболѣзненно. "Счастье наше, — писалъ Добролюбовъ, — что мы позднѣе другихъ народовъ вступили на поприще исторической жизни" (2). "Какъ бы широко и, повидимому, либерально ни развивалось госу-

---

1) «Русскій народъ и соціализмъ» (Письмо къ Мишле) — Сочиненія А. И. Герцена. — Т. V, стр. 199. Ср. у В. Богучарскаго: «Активное народничество семидесятыхъ годовъ,» стр. 14, 19 и 20.

2) Сочиненія Н. А. Добролюбова. — Т. 3, стр. 187.

дарство, хотя бы достигло самыхъ крайнихъ демократическихъ формъ, все-таки оно, государство, есть начало неволи, внѣшняго принужденія... Ложь лежитъ не въ той и не въ другой формѣ государства, а въ самомъ государствѣ,—какъ идеѣ, какъ принципѣ... Государство, какъ государство, — есть ложь... Славянскіе народы, русскій народъ по преимуществу, есть народъ негосударственный" (1).

Такъ писалъ въ 1856 г., не анархистъ и атеистъ Бакунинъ, а отецъ и вождь славянофильства, ревнитель православнаго благочестія и россійской самобытности Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Неудивительно послѣ этого, что "бакунинцы", "марксисты", "ткачевцы", "лавристы", "нечаевцы" и т. д., невзирая на всѣ свои расхожденія и взаимные попреки,—сходились на одномъ—на враждебномъ отношеніи ко всякой государственности. Въ "политикѣ" они видѣли опредѣленное зло и всѣ свои чаянія возлагали на соціальную революцію, необходимую для обезпеченія свободнаго развитія личности и общества, какъ думали одни, — для обезпеченія развитія производительныхъ силъ, — какъ находили другіе.

"Самый фактъ замѣны самодержавнаго правительства, констутиціоннымъ, фактъ "передачи общественныхъ дѣлъ въ общественныя руки", какъ выражаются либералы, совершенно безразличенъ для соціалистовъ", — заявлялъ "органъ русскихъ революціонеровъ", "Начало" (2). Если послѣ февр. революціи даже для Маркса и Энгельса, — осново-положниковъ такъ называемаго научнаго соціализма, "не могло быть ни-

1) Сочиненія К. С. Аксакова. —М. 1889, — Т. 1, изданный подъ редакціей И. С. Аксакова, стр. 241—242.

2) См. «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ.» — Русская Историческая библіотека, № 3. — Первое приложеніе къ сборникамъ «Государственныя преступленія въ Россіи,» изд. подъ ред. Б. Базилевскаго, Paris, 1905. — Стр. 88.

какого сомнѣнія, что наступило время великой, рѣшающей борьбы и что эта борьба будетъ составлять одинъ сплошной, долгій и полный перемѣнъ, революціонный періодъ“ (1); если Бебель въ началѣ семидесятыхъ годовъ могъ публично, въ рейхстагѣ заявить, что нѣмецкіе соціалисты надѣются “осуществить всю свою программу еще до наступленія XIX вѣка“, — приходится ли удивляться Лаврову, приводившему въ 1876 году ”математическія“ доказательства грядущей соціальной революціи въ Россіи ? Или Михайловскому, писавшему въ 1874 г.: ”борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня спѣта, и паденіе ихъ есть дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже“? (2).И даже позднѣе, въ 1879 г., по свидѣтельству собесѣдника, ”горячо настаивавшему, что политической реформой воспользуются только привиллегированные классы и при томъ во вредъ народной массѣ“ (3).

Въ такого рода психологической атмосферѣ, естественно, не было мѣста идеѣ Учредительнаго Собранія. Она не выпала изъ сознанія русской общественности того времени. Она по просту въ немъ не умѣщалась. За весь этотъ періодъ лихорадочныхъ поисковъ путей и средствъ общественнаго переустройства только случайно былъ оброненъ самый терминъ: Учредительное Собраніе. По ироніи судьбы, то былъ Бакунинъ, мимоходомъ употребившій его въ статьѣ ”Политика

---

1) См. «Введеніе» Фридриха Энгельса къ «Классовой борьбѣ во Франціи отъ 1848 до 1850 гг. » Карла Маркса. Стр. VII. – Это введеніе, посвященное изложенію того, какъ и почему «исторія не оправдала ожиданій» Маркса и Энгельса, написано послѣднимъ въ мартѣ 1895 г.

2) Цит. по В. Богучарскому: « Активное Народничество семидесятыхъ годовъ. » — Стр. 121. — См. также стр. 94 и 118.

3) См. въ сборникѣ статей «Памяти Виктора Александровича Гольцева» подъ ред. А. А. Кизеветтера. — М. 1910. — Стр. 107—108.

Интернаціонала ", напечатанной въ " Egalité " за 1869 годъ и приведенной въ русскомъ переводѣ въ книгѣ "Историческое развитіе Интернаціонала", стр. 62-63, въ 1873 г. (1). Здѣсь, насколько намъ извѣстно, впервые въ исторіи развитія политическихъ идей въ Россіи получило литературное выраженіе это основное и элементарное понятіе.

Если анархисту Бакунину суждено было впервые назвать по имени Учредительное Собраніе, то либералу — ветерану земскаго конституціонализма И. И. Петрункевичу — суждено было впервые включить созывъ Учредительнаго Собранія, какъ опредѣленное политическое требованіе, въ число "Ближайшихъ задачъ земства".

Подъ такимъ именно заглавіемъ составлена была И. И. Петрункевичемъ небольшая брошюра " въ надеждѣ вызвать движеніе въ широкихъ кругахъ общества въ пользу реформы государственнаго строя ", какъ то формулировалъ И. И. въ своихъ недавнихъ письмахъ (ко мнѣ отъ августа 1919 г.). Авторъ брошюры, рекомендуя себя "стоящимъ близко къ земскому дѣлу и отличающимся подобающею консервативностью", "никакъ не можетъ согласиться" съ той постановкой вопроса, которую ему придало общество въ связи съ растерянностью правительства послѣ убійства шефа жандармовъ ген. Мезенцева въ 1878 г. Направленная противъ "пошлыхъ, униженныхъ, вполнѣ ничтожныхъ" адресовъ, въ частности, харьковскаго и полтавскаго земствъ, — брошюра выразительно подчеркиваетъ, что "мы не должны быть фигурантами въ конституціонной комедіи, а, отвергнувъ всякую конституцію, данную сверху, будемъ настаивать на созывѣ Учредительнаго Собранія".

---

1) См. В. Богучарскаго: «Активное Народничество семидесятыхъ годовъ». — Примѣч. къ стр. 83.

Въ сочиненіи М. П. Драгоманова "Земскій либерализмъ въ Россіи", — (1858-1883)", — (а не "Либерализмъ и земство въ Россіи", какъ неточно называетъ В. Я. Богучарскій) (1), вышедшемъ въ 1888 г., (а не въ 1889 г., какъ указываетъ Богучарскій), — Драгомановъ разсказываетъ исторію печатанія брошюры "Ближайшія задачи земства, съ приложеніемъ отвѣта черниговскаго губернскаго земства на правительственное обращеніе". Брошюра эта "не увидѣла свѣта, потому что галицкая администрація арестовала лицъ, которымъ было поручено печатаніе, и захватила самую брошюру... Это было причиною, почему статья "Ближайшія задачи земства" напечатана была только въ 1883 году въ № 56 "Вольнаго Слова", когда — только!— намъ былъ доставленъ единственный спасенный экземпляръ ("Земскій голосъ изъ недавняго прошлаго") (2). Въ предпосланныхъ отъ редакціи "Вольн. Слова" строкахъ мы находимъ указаніе, что печатаемая ею брошюра "и до сихъ поръ пребываетъ подъ спудомъ, если уже не уничтожена" австрійскимъ правительствомъ ("Вольное Слово", № 56, стр. 4).

Описаніе Драгоманова нѣсколько противорѣчиво. Ибо "спасти", хотя бы въ "единственномъ экземплярѣ" то, что "не увидѣло свѣта", конечно, врядъ ли возможно. И законно недоумѣніе, съ какого текста перепечатывалъ Драгомановъ статью въ "Вольномъ Словѣ" ? Въ письмахъ И. И. Петрункевича недоумѣніе разъясняется слѣдующимъ образомъ: "Мнѣ кажется, можно признать только одно изъ двухъ : при арестѣ того лица, которому мною было поручено печатаніе брошю-

1) «Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка. — Партія «Народной Воли», ея происхожденіе, судьбы и гибель». — М.-1912. — Стр. 413 Примѣч.

2) «Земскій Либерализмъ въ Россіи. — (1858 — 1883).» — Заграи. изданіе. 1888 г. — Стр. 37.

ры, ему удалось спасти брошюру, которая впослѣдствіи была передана въ рукописи Драгоманову; либо, что мнѣ представляется болѣе достовѣрнымъ, т. к. мнѣ было сообщено объ арестѣ отпечатанной брошюры въ скоромъ времени послѣ этого,—что брошюра была дѣйствительно отпечатана и арестована въ типографіи, гдѣ уцѣлѣлъ одинъ экземпляръ, который и былъ переданъ Драгоманову. Это совершенно естественно, т. к. брошюра печаталась въ Львовѣ, гдѣ у Драгоманова было много связей".

Какъ бы исторически ни было интересно выяснить подробности появленія въ печати "Ближайшихъ задачъ земства", политическаго значенія это имѣть не можетъ. Самая брошюра не получила никакого распространенія; а "Вольное Слово", напечатавшее ее спустя нѣсколько лѣтъ, какъ "Земскій голосъ изъ недавняго прошлаго времени", скорѣе въ историческихъ цѣляхъ, — широкаго распространенія въ Россіи, по свидѣтельству И. И. Петрункевича, также не имѣло.

Идея, высказанная въ русской политической литературѣ И. И. Петрункевичемъ раньше другихъ, дошла до общественнаго сознанія только тогда,когда она уже утратила черты оригинальности, принявъ форму, по его же собственному выраженію, "перевернутой страницы историческихъ матеріаловъ". Эта идея не оказала никакого вліянія на политическую идеологію близкой автору земской среды. Идея Учредительнаго Собранія, была совершенно чужда практическимъ устремленіямъ земцевъ семидесятыхъ годовъ. Ниболѣе "крайнимъ" выраженіемъ земскаго конституціонализма той эпохи, по справедливости, считается мнѣніе черниговскаго губернскаго земства, которое, какъ извѣстно, вызвало даже спеціальныя преслѣдованія со стороны правительства по отношенію къ автору "мнѣнія" — тому же И. И. Петрункевичу. Между тѣмъ по своему содержанію "мнѣ-

ніе“ было совершенно невинно и лишено всякаго положительнаго политическаго содержанія. ”Думать, что идеи, въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей“, заявляло земство черниговской губерніи и ”съ невыразимымъ огорченіемъ констатировало свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ“, о чемъ и ”считало своимъ гражданскимъ долгомъ довести до свѣдѣнія правительства“ (1).

Идея народоправства и Учредительнаго Собранія получила яркое выраженіе и сравнительно широкое распространеніе съ образованіемъ Партіи ”Народной Воли“. Липецкій съѣздъ въ іюнѣ 1879 года является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи не только методовъ революціонной борьбы въ Россіи, но и содержанія политической идеологіи. На состоявшемся сейчасъ же послѣ липецкаго съѣзда съѣздѣ въ Воронежѣ новое въ революціономъ и соціалистическомъ движеніи теченіе одержало рѣшительный верхъ. Политическая борьба была формально признана совмѣстимой съ задачами и идеалами соціализма.

”Народная Воля“ вышла изъ Общества ”Земля и Воля“. Громадное большинство народовольцевъ были раньше землевольцами. За всѣмъ тѣмъ народовольчество, идя навстрѣчу духу времени и практическимъ нуждамъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ явилось антитезой народничеству шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

”Народная Воля“ умѣла доходить до читателя, она привлекала вниманіе и друзей, и враговъ. Ея слова, какъ и дѣла, импонировали и имѣли широкій резонансъ. Народовольцы пріяли идею Учредительнаго Собранія,

---

1) См. «За сто лѣтъ (1800 - 1895). — Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи.» — Составилъ Вл. Бурцевъ. — 1897. — Часть I, стр. 144 и 146.

формально включили ее въ свою программу и въ мѣру своего разумѣнія защищали ее. И черезъ "Народную Волю", которая заняла авансцену русскаго революціоннаго движенія съ перваго же момента своего образованія, т. е. съ осени 1879 г., идея Учредительнаго Собранія дошла до сознанія сравнительно широкихъ круговъ русскаго общества, сдѣлавшись впослѣдствіи традиціонной для всѣхъ революціонныхъ и соціалистическихъ программъ.

Въ первые мѣсяцы образованія "Народной Воли" обоснованіе цѣлесообразности Учредительнаго Собранія носитъ еще условный характеръ. "Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, — читаемъ мы въ № 2 "Соціально-революціоннаго Обозрѣнія" "Народная Воля" отъ 1 октября 1879 г., — что... составляется самостоятельно или по приглашенію правительства Учредительное Собраніе, снабженное приговорами своихъ избирателей (вродѣ Cahiers въ Assemblée Constituante). Въ этомъ собраніи 90 0/0 отъ крестьянъ и, — если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью, —отъ партіи. Что можетъ постановить такое Собраніе? Въ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній" (1).

Съ момента окончательной формулировки народовольческой программы, опубликованной впервые въ № 3 "Народной Воли", 1 января 1880 г., — аргументація въ пользу Учредительнаго Собранія теряетъ свою условность и предположительность. Доводы въ пользу правомѣрности и цѣлесообразности Учредительнаго Собранія подкрѣпляются доказательствами его необходимости.

---

1) См. Сборникъ «Литература соціально-революціонной партіи «Народной Воли.» — 1905. — Стр. 81.

"Мы полагаемъ, — гласила такъ называемая "Программа Исполнительнаго Комитета," — что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма правленія народной воли, но единственно въ настоящее время возможная на практикѣ, и мы считаемъ нужнымъ поэтому остановиться именно на ней. Такимъ образомъ наша цѣль: отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію, составленному, какъ сейчасъ сказано, которое должно пересмотрѣть всѣ наши государственныя и общественныя учрежденія и перестроить ихъ согласно инструкціямъ своихъ избирателей" (1).

И отдѣльные народовольцы, и Исполнительный Комитетъ партіи пользуются отнынѣ всякимъ поводомъ публично исповѣдовать свою новую вѣру передъ правительствомъ и обществомъ. Въ первой же прокламаціи, выпущенной Исполнительнымъ Комитетомъ 22 ноября 1879 г. по поводу раскрытаго покушенія на линіи московско-курской желѣзной дороги, говорилось: ""Если бы Александръ II..., отказавшись отъ власти, передалъ ее Всенародному Учредительному Собранію, избранному свободно посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, снабженному инструкціями избирателей, — тогда только мы оставили бы въ покоѣ Александра II и простили бы ему всѣ его преступленія" (2). 7 февраля 1880 г. въ прокламаціи по поводу взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ Исполнительный Комитетъ повторилъ свою угрозу: "Объявляемъ еще разъ Александру II, что эту

1) Тамъ же. — Стр. 163 и 164. — Пункты 2 и 3 лит. В. «Программы».

2) «Да здравствуетъ Народная Воля!» — Историческій сборникъ, № 1. — Paris, 1907. — Стр. 4.

(вооруженную) борьбу мы будемъ вести до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ своей власти въ пользу народа, пока онъ не предоставитъ общественное переустройство Всенародному Учредительному Собранію, составленному свободно, снабженному инструкціями отъ избирателей" (1). То же требованіе раздается изъ устъ Квятковскаго на процессѣ "шестнадцати" (въ октябрѣ 1880 г.) (2); въ частномъ письмѣ Желябова къ Драгоманову (май 1880 г.) (3); и, наконецъ, въ заключительномъ аккордѣ "Народной Воли" — въ Письмѣ Исполнительнаго Комитета Александру III (10 марта 1881 г.) (4).

Въ этомъ, справедливо называемомъ политическомъ завѣщаніи, оставленномъ "Народной Волей" послѣдующимъ революціоннымъ поколѣніямъ, Исполнительный Комитетъ "не ставитъ, а только напоминаетъ" о тѣхъ "условіяхъ, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой", и которыя "поставлены исторіей". Наряду съ "общей амнистіей по всѣмъ политическимъ преступленіямъ", вторымъ условіемъ Комитетъ считаетъ "созывъ представителей отъ всего русскаго народа (Народнаго Собранія) для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни, и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями".

Народовольцы нерѣдко употребляли выраженія Земскій Соборъ и Народное Собраніе, какъ равнозначныя съ Учредительнымъ Собраніемъ. И П. Л. Лавровъ, составившій для "Календаря Народной Воли" на 1883

---

1) Тамъ же. — Стр. 5.

2) «За сто лѣтъ.» — Стр. 182.

3) «Былое.» — Журналъ, посвященный исторіи освободительнаго движенія. — СПБ. 1906. №3. — Стр. 73—74.

4) Тамъ же. — Стр. 36 37.

годъ статью "Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма", имѣлъ, конечно, основаніе сказать, что въ Письмѣ къ Александру III Исполнительный Комитетъ требовалъ созыва Учредительнаго Собранія. Это, съ формальной стороны, неправильное утвержденіе получило, чрезъ Лаврова, широкое распространеніе и удержалось до нашихъ дней: его не разъ повторяетъ, напримѣръ, такой знатокъ общественнаго движенія Россіи, какимъ несомнѣнно является авторъ "Исторіи россійской соціалъ-демократіи" и редакторъ многотомнаго "Общественнаго движенія въ Россіи въ началѣ XX вѣка" Л. Мартовъ (1).

Смѣшеніемъ идей и терминовъ Учредительнаго Собранія и Земскаго Собора грѣшили не одни только народовольцы. Черезъ три съ половиною десятилѣтія люди другого поколѣнія пытались выдать за Учредительное Собраніе то, что и отдаленнымъ образомъ не представляло изъ себя верховный органъ народной воли, а что ближе всего совпадало съ традиціоннымъ представленіемъ о земскомъ Соборѣ съ высочайшаго соизволенія государя императора, обезпечивающемъ народу только "мнѣніе", а "власть" — царю. Смѣшеніе понятій и терминовъ, практиковавшееся въ нынѣшнемъ столѣтіи, вызывалось явно политическими соображеніями; къ нему побуждали мотивы тактическіе. Причина же сбивчивости "Народной Воли" — въ новизнѣ самого предмета, въ недостаточной политической опытности и юридической зрѣлости тѣхъ, кому приходилось вырабатывать свою программу "подъ грохотъ динамитныхъ взрывовъ", кому въ процессѣ "борьбы на смерть" приходилось согласовывать свою теорію съ практикой.

Къ сожалѣнію, сбивчивость народовольцевъ не только

---

1) См., наприм., «Искра.» — Центральный Органъ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей партіи. — «За два года.» — Изд. С. Н. Салтыкова. — СПБ. — Стр. 202.

терминологическаго порядка, но и въ самомъ существѣ тѣхъ новыхъ идей, которыя они несли съ собой. "Народная Воля" рѣшительно и опредѣленно признала необходимость политическаго переворота. Это было ея заслугой и громаднымъ шагомъ впередъ по пути развитія общественнаго самосознанія и движенія въ России. Но какъ произойдетъ самый переворотъ; что въ этомъ отношеніи желательно; къ чему стремиться — къ заговору и захвату власти "революціоннымъ меньшинствомъ" или къ революціи, совершаемой большинствомъ народа, хотя бы и несущей въ себѣ рискъ менѣе крупныхъ, но за то болѣе прочныхъ достиженій, — на этотъ вопросъ "Народная Воля" не имѣла опредѣленаго отвѣта. Здѣсь ея идеологія двойственна, въ ней всегда можно различить два мотива, не сливающіеся во внутренней гармоніи, а оспаривающіе другъ друга.

Народовольцы не могли не быть сторонниками народной революціи, ибо они вышли изъ "народничества" и оставались народниками. Ихъ прежняя вѣра въ соціалистическіе инстинкты трудового народа оставалась непоколебленной. Они предполагали, что въ будущемъ Учредительномъ Собраніи "90 0/0" окажется сторонниковъ "полнаго переворота всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній". Но въ то же время народовольцы несомнѣнно были заговорщиками. Ихъ толкала къ тому окружающая обстановка. Массы не обнаруживали склонности возставать, а власть исключала возможность открытой пропаганды и широкаго движенія. Отсюда характерная обмолвка Желябова, въ письмѣ къ Драгоманову, о томъ, что "Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только Ликвидаціонная Комиссія"; отсюда колебанія между надеждой на "добровольное обращеніе Верховной власти къ народу", на соглашеніе съ ней путемъ "легализаціи Верховной власти" (Письмо къ Александру III), и требованіемъ пере-

дать власть "въ пользу народа" подъ угрозой "борьбы на смерть съ представителями современнаго государства" (прокламація 7 февраля 1880 г.); отсюда неувѣренность, что дѣлать послѣ захвата власти: ликвидировать ли только царя и его правительственный аппаратъ или вмѣстѣ съ тѣмъ и "разрушить всю государственную машину", — "устранить государство, и народъ устроится, можетъ быть, лучше, чѣмъ мы даже можемъ надѣяться" ("Воля Народа" № 2); отсюда, наконецъ, рѣшительный поворотъ въ сторону "захвата власти", совпадающій по времени съ упадкомъ революціоннаго движенія и съ закатомъ "Народной Воли".

Въ февралѣ 1882 г. въ № 8-9 "Народной Воли" появилась передовая статья, обнаружившая всю мѣру неустойчивости идеологическихъ достиженій народовольчества. Въ ней говорилось, что въ случаѣ отсутствія соціально-революціонной инициативы у самого народа "временное революціонное правительство, рядомъ съ политическимъ освобожденіемъ народа, рядомъ съ установленіемъ новыхъ политическихъ учрежденій, производитъ экономическій переворотъ: уничтожаетъ право частной собственности на землю и на орудія крупнаго производства. Тогда на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа, освобожденнаго политически и экономически, и народная жизнь станетъ регулироваться неподтасованною народною волею" (1).

Здѣсь вмѣстѣ съ терминомъ Учредительнаго Собранія исчезло безъ остатка и существо самой идеи. Представленія объ Учредительномъ Собраніи, какъ о верховномъ органѣ, вышедшемъ изъ политическаго переворота, обладающемъ всей полнотой власти и начинающемъ собою новый порядокъ и новую правовую

---

1) См. «Литература соціально-революціонной партіи «Народной Воли». — Стр. 495.

эру, — какъ не бывало. Вывѣтрилась самая мысль о подчиненномъ положеніи революціоннаго правительства, временно дѣйствующаго по полномочію народной воли. Временное правительство превратилось въ главный дѣйствующій органъ, имѣющій при себѣ "Земскій Соборъ".

На закатѣ революціоннаго движенія девятнадцаго вѣка политическая идеологія возвращается вспять, къ уровню развитія 70-хъ, 60-хъ, даже 20-хъ годовъ. Такое "вѣчное возвращеніе" можно отмѣтить на всемъ протяженіи того пути, который пришлось сдѣлать политическому самосознанію Россіи, вплоть до роковыхъ 1918 и 1919 годовъ, когда сдѣлана была практическая попытка воплотить въ жизнь якобинскій планъ.

Было бы одностороннимъ судить о народовольческой идеологіи по ея литературному выраженію эпохи упадка. Несомнѣнно, однако, что эта идеологія была двойственна: исходя изъ двухъ различныхъ основаній, она приводила и къ двумъ различнымъ рѣшеніямъ. Народовольчеству не дано было стать на почву принципіальнаго и безповоротнаго признанія послѣдовательнаго демократизма. И въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ В. Я. Богучарскимъ, который говоритъ, что "народовольцы даже въ лицѣ своихъ такихъ замѣчательныхъ не только дѣятелей, но и мыслителей, какимъ былъ Желябовъ, не справились съ задачей синтеза "соціализма" и политической борьбы" (1).

Но было бы искаженіемъ исторической перспективы и по существу неправильнымъ, сопоставляя идеологію народовольцевъ—особенно,періода расцвѣта—съ идеологіей ихъ преемниковъ — особенно, ближайшихъ, —

---

1) «Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка». — Стр. 168 - 169

эпохи 83-87 годовъ, — сдѣлать выводъ, который сдѣлалъ Богучарскій, заявившій, что "задачу эту разрѣшили лишь первые русскіе соціалдемократы, Г. В. Плехановъ и его "Группа Освобожденія Труда".

Достаточно привести всего нѣсколько иллюстрацій, чтобы показать неизгладимую близость и духовное родство, связывавшее эпигоновъ "Народной Воли" съ эпигонами "Чернаго Передѣла" и заставлявшее и народниковъ, и марксистовъ 80-хъ годовъ, несмотря на всѣ ихъ принципіальныя расхожденія, относиться одинаково горячо къ началу захвата власти.

Въ извѣстной, почти "составившей эпоху", брошюрѣ "Соціализмъ и политическая борьба", появившейся въ 1883 г., Г. В. Плехановъ неоднократно подчеркиваетъ: "Мы не принадлежимъ къ числу принципіальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей. По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собою послѣдній и при томъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую на извѣстной ступени общественнаго развитія долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію". И въ полномъ соотвѣтствіи съ такой точкой зрѣнія Плехановъ солидаризируется, какъ съ "совершенно справедливымъ", со взглядомъ, высказаннымъ въ № 8-9 "Народной Воли", относительно возможности экономическаго переворота, совершаемаго временнымъ революціоннымъ правительствомъ "ранѣе созыва Учредительнаго Собранія". "Лишь въ такомъ переворотѣ, — думаетъ Плехановъ, — гарантія того, что на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа". Единственное, что отличаетъ бывшаго "чернопередѣльца", ставшаго отцомъ русск. марксизма, отъ современныхъ ему народовольцевъ, это довольно голословное утвержденіе, что "диктатура класса, какъ небо отъ зем-

ли, далека отъ диктатуры группы революціонеровъ разночинцевъ" (1).

"Программа соціалъ-демократической группы "Освобожденія Труда" 1884 г., ни словомъ не упоминая объ Учредительномъ Собраніи, считаетъ возможнымъ "уже теперь предсказать уничтоженіе важнѣйшаго изъ органовъ хронической борьбы внутри общества — именно государства, какъ политической организаціи, противостоящей обществу и охраняющей, главнымъ образомъ, интересы его господствующей части". Наконецъ, "Проектъ программы рускихъ соціалъ-демократовъ" 1887 г., чрезвычайно въ общемъ близкій къ предыдущей "Программѣ", свободенъ, правда, отъ его "предсказаній", но содержитъ въ себѣ слѣдующій тезисъ: "неизбѣжнымъ предварительнымъ его (освобожденія рабочихъ) условіемъ является захватъ рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соотвѣтствующихъ странъ".

Этому тезису суждено было стать символомъ вѣры русскихъ марксистовъ. Онъ вошелъ въ ихъ психику, опредѣлилъ ихъ политическое сознаніе, волю, чувствованіе. Спустя 16 лѣтъ онъ вошелъ и въ оффиціальную программу россійской соціалъ-демократической рабочей партіи.

Чтобы по достоинству и исторически справедливо оцѣнить то разрѣшеніе "задачи синтеза соціализма и политической борьбы", которое дали "первые русскіе соціалъ-демократы, Г. В. Плехановъ и его "Группа Освобожденія Труда", нельзя упускать изъ виду, въ частности, и ту разновидность какъ ни какъ "русскихъ соціалъ-демократовъ", которая попыталась вмѣстить и "небо", и "землю" — диктатуру класса сочетать съ диктату-

1) «Библіотека современнаго соціализма.» — Выпускъ первый. — Женева. — Типогр. группы «Освобожденія Труда.» — Стр. 62 и 63.

рой революціонеровъ - разночинцевъ. Провозглашеніе "рабоче-крестьянской диктатуры" чрезъ посредство фактической диктатуры разночинцевъ-коммунистовъ не является-ли достаточно яркой иллюстраціей всей искусственности принципіальнаго противопоставленія "захвата власти" классомъ такому же захвату со стороны какой-нибудь группы?

Та несложная философія, которая послужила обоснованіемъ и оправданіемъ захвата власти въ Россіи 25 октября (7 ноября) 1917 г., — исторически имѣетъ два идеологическихъ истока, въ равной мѣрѣ ее питавшихъ. Это—народовольчество временъ декаданса, знаменовавшаго возвращеніе къ народническому якобинству 70-хъ и 60-хъ годовъ; и это — марксизмъ эпохи примитивизма, датируемой 60-ми и 70-ми годами на Западѣ и 80-ми годами и вплоть до нашихъ дней — въ Россіи.

Маркъ Вишнякъ.

Современное научное міровоззрѣніе.

I.

Не могу приступить къ настоящей работѣ безъ содраганія сердца при мысли о тѣхъ друзьяхъ нашихъ, которые, жертвуя жизнью и всѣмъ, что имъ дорого, работаютъ тамъ далеко на славное дѣло спасенія и развитія русской культуры.

Не взирая ни на какія лишенія, притѣсненія и страданія, увлекающія за собой массу жертвъ, эти доблестные работники, оставаясь на своемъ посту, продолжаютъ великое дѣло съ полной вѣрой въ будущее Россіи.

“ Какъ ни велико исключительное количество жертвъ, оно не поколеблетъ ни нашей бодрости, ни увѣренности въ томъ, что жизнь побѣждаетъ смерть, подчиняетъ ее себѣ, ибо всякое новое достиженіе жизни есть шагъ впередъ. Жизнь не возвращается вспять, а смерть отдѣльнаго человѣка есть лишь неизбѣжная жертва на дѣло жизни.

Въ жизни надо не оглядываться назадъ, а смотрѣть впередъ, претворивъ въ душѣ своей жизненный опытъ на благо грядущему; въ жизни надо не сокрушаться объ ошибкахъ и не заниматься ихъ оплакиваніемъ и обсужденіемъ, а молча исправлять ихъ и итти впередъ. — творить, какъ того требуетъ отъ человѣка жизнь ”.

"Въ наши трудные дни многимъ изъ насъ, людей науки, начинаетъ казаться, что и наука гибнетъ отъ непониманія и невниманія къ ней. Опасенія эти напрасны — ничто и никогда не можетъ остановить науку, или заставить ее повернуть вспять, ничто, пока существуетъ жизнь, ибо все измѣнчиво и преходяще въ жизни, одно — исканіе истины, то-есть работа науки — неизмѣнно и вѣчно".

Вотъ какъ говорятъ эти люди и многимъ слѣдовало бы поучиться у нихъ и послѣдовать ихъ доблестному примѣру.

Мы переживаемъ теперь одинъ изъ величайшихъ кризисовъ; все наше мышленіе, вся этика, вся жизнь, все наше духовное и нравственное существованіе находятся въ состояніи какого-то умственнаго броженія; тѣ незыблемые законы и даже принципы, на которыхъ строилось все наше міровоззрѣніе и вся наша жизнь, пересматриваются, отбрасываются и взамѣнъ имъ выростаетъ новая система, болѣе общая, болѣе широкая, которая должна сдѣлаться руководящимъ ученіемъ на многія десятилѣтія и даже столѣтія.

Эти новые принципы должны будутъ направить всю нашу интеллектуальную и нравственную жизнь на новый путь, по которому человѣчество немного ближе подойдетъ къ познанію истины и къ увеличенію счастія на землѣ, по которому, другими словами, будетъ достигнутъ извѣстный прогрессъ. Особенность человѣческаго мышленія состоитъ въ томъ, что оно всегда стремится построить систему міра возможно стройную, которая охватывала бы всѣ явленія природы, предвидѣла бы ихъ, давала бы объясненія всему происходящему, и служила бы руководящей нитью для всѣхъ поступковъ человѣка. При этомъ стремленіи построить стройную систему міросозерцанія

человѣкъ старается свести всѣ явленія природы къ минимальному количеству общихъ принциповъ, изъ которыхъ логически выводились бы всѣ наблюдаемыя явленія природы и которые оправдывали бы всѣ человѣческія дѣйствія, какъ нравственныя, такъ и духовныя.

Если прослѣдить развитіе человѣческой мысли съ древнихъ временъ до нашихъ дней, то можно отмѣтить слѣдующіе главные этапы:

1) Періодъ до Аристотеля; 2) отъ Аристотеля до XVI столѣтія; 3) отъ Галилея, Декарта и Ньютона до начала XX столѣтія; и наконецъ, 4) теперь переживаемый кризисъ, виновникомъ котораго является знаменитый нѣмецкій физикъ Эйнштейнъ.

II.

Дать первые основные законы логическаго мышленія; установить понятія вещества, формы, субстанціи, силы, движенія, времени, пространства, активнаго и потенціальнаго дѣйствія; построить рядъ основныхъ законовъ, къ которымъ сводятся всѣ явленія природы; и наконецъ дать теорію строенія вселенной, ея движеній, ея возникновенія и ея будущаго, все это было творчествомъ одного изъ величайшихъ умовъ, которые человѣчество видѣло до сихъ поръ,—Аристотеля, жившаго двѣ тысячи двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Мощность этого ученія объясняетъ то огромное вліяніе, которое оно имѣло на дальнѣйшее изученіе природы. Вѣдь всѣ безконечные трактаты, ученія, дебаты и процессы, оканчивавшіеся сжиганіемъ на кострѣ отрицавшаго принципы Аристотеля, вся своеобразная культурная жизнь среднихъ вѣковъ, имѣли своимъ главнымъ центромъ ученіе Аристотеля. Цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ были поставлены Аристоте-

лемъ: эти вопросы по ихъ общности и значенію настолько важны, что остались и до сихъ поръ краеугольными камнями, на которыхъ строится все наше научное міровоззрѣніе.

Первый вопросъ относится къ существованію абсолютныхъ законовъ природы.

Когда мы наблюдаемъ какое нибудь явленіе и стараемся вывести тѣ законы, по которымъ оно протекаетъ, то вѣдь мы наблюдаемъ это явленіе при опредѣленныхъ условіяхъ, напримѣръ, на землѣ, и спрашивается, не являются ли тѣ законы, которые мы выводимъ, относительными, такъ что, если бы мы перенеслись въ другія условія, то получили бы иные законы. Такъ, напримѣръ, можемъ ли мы считать, что явленія природы подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ на землѣ, на Юпитерѣ, на Солнцѣ и на какой нибудь звѣздѣ, скажемъ на Сиріусѣ ?

Аристотель отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно. Такой же положительный отвѣтъ на него давали всѣ ученые и философы до настоящихъ временъ. И этотъ вопросъ не вызывалъ, казалось, особенныхъ затрудненій. Универсальность законовъ движенія, притяженія, теплоты, электричества, магнетизма и лучеиспусканія тѣлъ признается всѣми, какъ основа, позволяющая создать стройную систему строенія и возникновенія міра.

Однако, при болѣе тщательномъ анализѣ этого вопроса, встрѣтилось одно очень серьезное затрудненіе. Мы знаемъ, что свѣтъ распространяется съ извѣстной скоростью, равной тремъ стамъ тысячамъ километровъ въ секунду, такъ, что вокругъ земли онъ обошелъ бы въ 1/8 секунды; отъ солнца до земли свѣтъ доходитъ въ восемь минутъ; отъ самыхъ близкихъ звѣздъ онъ доходитъ въ нѣсколько лѣтъ, отъ звѣздъ

болѣе отдаленныхъ въ нѣсколько тысячъ лѣтъ ; а отъ недавно открытыхъ огромныхъ спиральныхъ туманностей, составляющихъ цѣлую систему вселенной, въ нѣсколько милліоновъ лѣтъ.

Но вѣдь эта скорость свѣта была опредѣлена на землѣ, а земля сама движется вокругъ солнца со скоростью 30 километровъ въ секунду. На первый взглядъ эта скорость очень мала по сравненію со скоростью свѣта, но методы астрономіи и физики такъ точны, что требуютъ принятія во вниманіе и такихъ сравнительно медленныхъ движеній. Спрашивается, слѣдовательно, не является ли скорость свѣта, которую мы измѣряемъ на землѣ, величиной относительной, т. е. зависящей отъ скорости движенія земли? Весьма тщательные опыты надъ скоростью распространенія свѣта на землѣ, какъ параллельно движенію земли, такъ и перпендикулярно къ этому направленію, показали, что скорость свѣта совершенно одинакова во всѣхъ случаяхъ ; это и есть сущность знаменитыхъ опытовъ двухъ американскихъ физиковъ Михельсона и Морлея; попытки эти были начаты еще въ 1881 году и производились при различныхъ условіяхъ до 1905 года.

Итакъ опытъ показалъ, что скорость распространенія свѣта въ пустотѣ есть величина абсолютно постоянная, т. е. въ какихъ бы условіяхъ мы ее ни измѣряли, находясь на движущемся предметѣ, или на неподвижномъ, мы всегда найдемъ одну и ту же величину. Представимъ себѣ, напр., что съ колокольни Ивана Великаго въ Москвѣ даютъ свѣтовой сигналъ и говорятъ, всѣмъ находящимся на нѣкоторомъ растояніи людямъ, чтобы они замѣтили моментъ, когда онъ до нихъ дойдетъ; спрашивается, какъ будутъ расположены, по отношенію къ колокольнѣ Ивана

Великаго, всѣ тѣ люди, которые одновременно увидѣли данный сигналъ? Вѣдь земля движется вокругъ солнца со скоростью 30 кил. въ секунду; кромѣ того она вращается вокругъ своей оси со скоростью почти въ полъ-километра въ секунду, слѣдовательно, казалось бы очевиднымъ, что тѣ люди, которые переносятся землей на встрѣчу идущему къ нимъ сигналу, увидятъ его раньше, чѣмъ тѣ, которые уносятся землей въ томъ же направленіи, какъ свѣтовой лучъ,посланный съ Ивана Великаго.

Однако оказывается, что всѣ тѣ, до которыхъ одновременно дойдетъ свѣтовой сигналъ, будутъ находится на кругѣ, центромъ котораго будетъ колокольня Ивана Великаго.

Въ этомъ результатѣ мы чувствуемъ, что то непонятное, противорѣчащее нашему обычному логическому мышленію. Вѣдь, когда курьерскій поѣздъ, идущій со скоростью въ 90 верстъ въ часъ, перегоняетъ пассажирскій, идущій со скоростью въ 50 верстъ, то людямъ, сидящимъ въ пассажирскомъ поѣздѣ, кажется, что перегоняющій ихъ курьерскій идетъ со скоростью равной 90-50, т. е. 40 верстъ въ часъ; это составляетъ сущность принципа относительности движенія, который былъ введенъ Галилеемъ и который всякому очевиденъ.

Если же мы ѣдемъ въ поѣздѣ или несемся на аэропланѣ, или въ ядрѣ, съ какой угодно скоростью и намъ посылаютъ въ догонку свѣтовой сигналъ, то онъ перегоняетъ насъ и скорость его по отношенію къ намъ совершенно та же, какъ если бы мы не двигались. Даже если бы мы пробѣгали 290 тысячъ километровъ въ секунду и намъ послали бы въ догонку лучъ свѣта, то онъ бы насъ перегналъ, такъ какъ его скорость равна 300 тысячамъ километровъ въ секунду, и, намъ бы казалось, что скорость луча свѣта по отношенію къ намъ

равна не 300-290, т. е. 10 тысячамъ километровъ въ секунду, какъ этого требуетъ принципъ относительности движеній, а что этотъ лучъ идетъ съ той же скоростью, какъ бы это было, если бы мы не двигались. Тутъ есть какое-то противорѣчіе.

III.

Согласно принципу, принятому уже Аристотелемъ и лежавшему въ основѣ всѣхъ ученій до настоящаго времени, законы природы имѣютъ одинаковое значеніе, независимо отъ условій, въ которыхъ они наблюдаются; такъ съ одной стороны законъ относительности скоростей, выведенный Галилеемъ для движеній, и съ другой стороны законъ постоянства скорости свѣта, представляютъ изъ себя вполнѣ общіе законы природы; и вотъ оказывается, что между этими двумя основными законами существуетъ противорѣчіе. Въ чемъ же тутъ дѣло? Какъ помирить эти два закона между собой? Вотъ задача, которая возникла съ начала двадцатаго столѣтія и которая теперь получила вполнѣ строгое незыблемое рѣшеніе, представляющее изъ себя научное изслѣдованіе, настолько же красивое и гармоничное, какъ наилучшія произведенія классическаго искусства.

Для рѣшенія этого вопроса мы опять обратимся къ Аристотелю. Аристотель удѣляетъ большую часть своей физики выясненію понятій времени, пространства и движеній. Онъ показываетъ, что эти три понятія связаны между собой. Мы судимъ о движеніи по времени и обратно сводимъ время къ какому нибудь движенію; также, чтобы судить о пространствѣ, напр. о длинѣ какой нибудь линіи, мы пользуемся или движеніемъ или же отмѣчаемъ положеніе, занимаемое одновременно обоими концами этой линіи, т. е. подчиняемъ

пространство или движенію, которое занимаетъ извѣстное время, или же понятію объ одновременности двухъ происшествій. Но если мы опредѣлямъ время по движенію,то спрашивается,не будетъ ли измѣреніе времени зависѣть отъ состоянія болѣе или менѣе быстраго движенія. И на этотъ основной вопросъ Аристотель обстоятельно отвѣчаетъ, что "для движеній, происходящихъ одновременно, время измѣряется одинаково,независимо отъ скоростей этихъ движеній, даже если одно тѣло находится въ покоѣ, а другое двигается" (1).

Этотъ основной принципъ, что длительность какого нибудь явленія независитъ отъ состоянія покоя или движенія тѣла, на которомъ наблюдается это движеніе, былъ положенъ въ основу всѣми ученіями отъ Аристотеля, Галилея, Декарта, Ньютона до современныхъ ученыхъ Гельмгольца, Кельвина, Пуэнкарэ и другихъ.

На немъ зиждилась вся механика и все представленіе о законахъ природы. Это считалось самымъ общимъ принципомъ научнаго міросозерцанія.

Мы имѣемъ слѣдовательно три принципа: постоянство измѣренія времени, относительность скоростей и постоянство скорости свѣта. Мы видѣли выше, что если принять независимость измѣренія времени отъ состоянія движенія тѣлъ, то между принципомъ относительности скоростей и постоянствомъ скорости свѣта получается противорѣчіе.

Спрашивается, является ли постоянство времени дѣйствительно обязательнымъ принципомъ, или же можно отъ него отказаться и такимъ образомъ помирить между собой относительность скоростей и постоян-

1) *Aristote*, Physique, IV, глава XIV; opera, éd. Didot, p. 306.

ство скорости свѣта? Таковъ первый вопросъ, который былъ поставленъ знаменитымъ нѣмецкимъ физикомъ Эйнштейномъ въ 1905 году, когда ему было едва 28 лѣтъ. Онъ рѣшительно заявилъ, что мы должны отказаться отъ принципа постоянства времени и замѣнить его болѣе общимъ, а именно принципомъ относительности самого времени.

Такъ какъ всѣ явленія природы протекаютъ во времени,то это измѣненіе влечетъ за собой пересмотръ абсолютно всѣхъ законовъ природы и ведетъ къ построенію совершенно новаго міросозерцанія.

Необходимость приложенія принципа относительности къ времени вытекаетъ непосредственно изъ строго логическаго разсужденія. Дѣйствительно представимъ себѣ, что мы имѣемъ длинный поѣздъ въ 100 вагоновъ, катящійся очень быстро по полотну желѣзной дороги; какимъ образомъ могли бы мы установить точно, что какое нибудь явленіе происходитъ одновременно въ первомъ и въ послѣднемъ вагонѣ?

Самый точный способъ состоитъ въ томъ, чтобы это явленіе вызвало оптическій сигналъ, напр. яркую искру, какъ въ первомъ, такъ и въ сотомъ вагонѣ, и чтобы мы наблюдали эти сигналы, находясь въ серединѣ поѣзда; тогда мы скажемъ, что оба явленія происходили одновременно, если мы въ серединѣ поѣзда получимъ одновременно лучи свѣта изъ перваго и изъ послѣдняго вагона. Но совершенно иное заключеніе относительно одновременноси этихъ двухъ явленій будетъ сдѣлано зрителемъ, находящимся неподвижно на полотнѣ дороги, какъ разъ противъ середины поѣзда, въ тотъ моментъ, когда даютъ сигналы въ первомъ и послѣднемъ вагонѣ. Для этого зрителя искра въ первомъ вагонѣ покажется сверкающей позже, чѣмъ искра въ сотомъ вагонѣ. Дѣйствительно, наблюдатель, находящійся въ поѣздѣ предвигается навстрѣчу лучу свѣта,

идущему отъ перваго вагона, онъ его видитъ, слѣдовательно, немного раньше, чѣмъ наблюдатель, находящійся въ покоѣ на полотнѣ дороги.

Итакъ, два явленія, происходящія въ различныхъ мѣстахъ, будутъ считаться или одновременными или первое предшествующимъ второму или обратно, въ зависимости отъ состоянія движенія или покоя наблюдателя или регистрирующаго прибора.

Слѣдовательно, когда мы говоримъ о какомъ нибудь явленіи, происходящемъ далеко отъ насъ, что оно происходитъ въ такой то моментъ, то это опредѣленіе времени зависитъ отъ состоянія движенія или покоя, какъ наблюдателя, такъ и тѣла, на которомъ происходитъ это явленіе.

Измѣреніе времени является такимъ образомъ величной относительной. А такъ какъ разстояніе двухъ точекъ связано непосредственно съ измѣреніемъ времени, то очевидно, что и измѣреніе длины будетъ зависѣть отъ состоянія покоя или движенія.

Такъ, напр., если ѣдущій въ поѣздѣ будетъ сравнивать длину какой нибудь линейки, которую онъ везетъ, съ длиной подобной же линейки, находящейся на полотнѣ желѣзной дороги, то онъ найдетъ, что его линейка короче неподвижной.

Легко напр. вычислить, что если наблюдатель движется со скоростью равной 135 тысячамъ километровъ въ секунду, то линейка въ одинъ метръ длиной будетъ для него по сравненію съ неподвижной линейкой равна 90 сантиметрамъ, а его часы будутъ показывать 60 секундъ, въ то время какъ неподвижные часы покажутъ 67 секундъ. Другой примѣръ, болѣе яркій, можетъ быть представленъ ядромъ Жюль Верна. Вообразимъ себѣ, что изъ гигантской пушки выстрѣлили ядромъ, въ которомъ находится человѣкъ, и что скорость полета ядра немного меньше скорости свѣта и равна 299990

километровъ въ секунду; человѣкъ летитъ и черезъ годъ прилетаетъ на какую нибудь звѣзду; оттуда его обратно посылаютъ на землю, ему опять кажется, что онъ летитъ годъ; его часы, всѣ его жизненныя отправленія, все протекаетъ такъ, что ему представляется, что его путешествіе продолжалось два года, и вотъ, вернувшись на землю, онъ ничего не узнаетъ, потому что въ это время на землѣ прошло не два года, а двѣсти лѣтъ.

Невольно спрашивается, неужели подобные результаты могутъ имѣть какое нибудь реальное значеніе? Неужели есть случаи, когда дѣйствительно измѣренія времени и пространства мѣняются отъ того, что тѣло движется? Не есть ли это только отвлеченное ученіе, построенное лишь для того, чтобы согласовать между собой два принципа?

Мы съ несомнѣнностью можемъ отвѣтить, что эти новыя воззрѣнія на пространство и время, не только имѣютъ огромное значеніе для объясненія различныхъ явленій природы, но позволили предвидѣть цѣлый рядъ новыхъ явленій и дали возможность построить стройную систему міра, въ которой число законовъ сведено до минимума.

IV.

Въ своей физикѣ Аристотель, для изученія движенія тѣлъ, даетъ рядъ принциповъ, которые являлись основами всей механики среднихъ вѣковъ, которые не признавать считалось ересью, преслѣдуемою церковью. Вотъ главнѣйшіе изъ этихъ законовъ: тѣло движется только тогда, когда на него дѣйствуетъ сила; подъ вліяніемъ постоянной силы тѣло двигается съ постоянной скоростью; если приложить къ данному тѣлу какую нибудь силу, то она заставитъ двигаться тѣло только, ес-

ли величина этой силы превышаетъ нѣкоторый минимумъ; тѣла падаютъ съ различными скоростями, въ зависимости отъ ихъ вѣса; пустота невозможна, потому что въ пустотѣ тѣла падали бы съ безконечной скоростью. Намъ понятно, какихъ неимовѣрныхъ усилій стоило Галилею, Декарту, Ньютону и другимъ, чтобы отвергнуть всѣ эти принципы, на которыхъ воспитывались поколѣнія и на которыхъ строилось все научное мышленіе ихъ современниковъ; вѣдь Джордано Бруно, читавшій въ Парижѣ лекціи, въ которыхъ онъ протестовалъ противъ принциповъ Аристотеля, былъ сожженъ въ Римѣ на кострѣ въ 1600 году; Галилей чуть не подвергся той же участи; Декартъ осторожно оставался въ Голландіи и не рѣшался издавать своего трактата о мірѣ.

Принципъ инерціи Галилея, согласно которому тѣло не подвергнутое вліянію внѣшнихъ силъ продолжаетъ двигаться прямолинейно съ постоянной скоростью; движеніе равномѣрно ускоряется подъ вліяніемъ постоянной силы, (доказано Галилеемъ); приведеніе въ движеніе даннаго тѣла, подъ вліяніемъ всякой силы, какъ бы она ни была слаба; одинаковая скорость паденія всѣхъ тѣлъ, независимо отъ ихъ вѣса; осуществленіе пустого пространства; и наконецъ открытіе притяженія тѣлъ. Всѣ эти завоеванія наукъ семнадцатаго столѣтія привели къ совершенно новому міросозерцанію, которое вылилось въ самой полной и универсальной формѣ въ ученіи Ньютона.

И вотъ мы переживаемъ теперь опять новый кризисъ во всѣхъ наукахъ. Одна изъ основныхъ величинъ, на которой построена вся механика, а именно—масса какого нибудь тѣла, считалось до сихъ поръ чѣмъ-то неизмѣннымъ; оказывается, что она можетъ подвергаться измѣненіямъ подъ вліяніемъ излученія со одной стороны, и подъ вліянемъ движеня съ другой. И это

измѣненіе не есть только выводъ теоріи относительности времени, а есть фактъ, заключенный изъ непосредственныхъ опытовъ надъ движеніемъ мельчайшихъ частицъ матеріи, называемыхъ электронами, которые выбрасываются радіоактивными тѣлами, раскаленными тѣлами и особенно солнцемъ съ очень большой скоростью. Эти то частицы, которыя посылаетъ намъ солнце въ огромномъ количествѣ, попадая въ высшіе слои земной атмосферы на высотѣ 100 верстъ, производятъ сильное свѣченіе газовъ, которое мы наблюдаемъ въ видѣ сѣверныхъ сіяній; онѣ же вызываютъ на землѣ электрическія бури. Величина или масса этихъ частицъ можетъ быть измѣрена, также и ихъ скорость, и вотъ оказывается, что масса ихъ мѣняется со скоростью движенія. Это измѣненіе количественно совпадаетъ съ тѣмъ, которое предвидитъ теорія относительности Эйнштейна.

Въ связи съ массой тѣла находится непосредственно связанной сила притяженія, какъ это было показано Ньютономъ, и мы слѣдовательно должны ожидать, что законы движенія тѣлъ подъ вліяніемъ притяженія будутъ находиться также въ зависимости отъ принципа относительности Эйнштейна.

Въ этомъ случаѣ вопросъ является необыкновенно сложнымъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ движеніями ускоренными и сила притяженія мѣняется въ зависимости отъ разстоянія; такимъ образомъ, чтобы приступить къ рѣшенію этого сложнаго вопроса Эйнштейну пришлось продѣлать огромный математическій трудъ, въ которомъ онъ расширилъ принципъ относительности, приложивъ его ко всѣмъ случаямъ движенія подъ вліяніемъ силъ дѣйствующихъ неравномѣрно. Предполагая, что скорость распространенія силы притяженія равна скорости свѣта, Эйнштейнъ показываетъ, что во всѣхъ случаяхъ—равномѣрнаго,неравномѣрнаго и да-

же вращающагося движенія мы должны разсматривать время, пространство и массу, какъ величины зависящія отъ скорости движенія. Эта строго математическая зависимость вводить поправку во всѣ уравненія небесной механики, т. е. заставляетъ астрономовъ пересмотрѣть всѣ ихъ вычисленія относительно движенія небесныхъ тѣлъ.

Одинъ случай былъ перевычисленъ самимъ Эйнштейномъ, это движеніе самой маленькой планеты Меркурія. Согласно теоріи Эйнштейна, движеніе это происходитъ по эллиптической орбитѣ, которая въ свою очередь вращается вокругъ солнца, оставаясь въ той-же плоскости. Эта особенность была давно замѣчена и всѣ астрономы, начиная съ Леверрье, тщетно искали объясненія этому сложному движенію Меркурія; однако оно не только качественно объясняется теоріей Эйнштейна, но даже количественно точно совпадаетъ; дѣйствительно, вычисленное передвиженіе перигелія Меркурія равняется 42,9 секунды въ столѣтіе, тогда какъ наблюденное равно 43 секундамъ.

Итакъ масса всякаго тѣла зависитъ отъ состоянія его движенія; съ другой стороны мы знаемъ, что кинетическая энергія движущагося тѣла равна произведенію половины массы на квадратъ его скорости, слѣдовательно мы легко себѣ представляемъ, что масса вообще есть выраженіе нѣкоторой энергіи, которая мѣняется, когда тѣло движется. Всякое изученіе, видимое или невидимое, представляетъ изъ себя нѣкоторую потерю энергіи; слѣдовательно принципъ относительности Эйнштейна намъ говоритъ,что масса какого нибудь тѣла, излучающаго тепловые, видимые или ультра-фіолетовые лучи — уменьшается; если мы слѣдовательно предположимъ, что когда-то,давно, различные элементы, азотъ, кислородъ, мѣдь, свинецъ, золото и т.д. образовались изъ соединенія элементарныхъ ато-

мовъ водорода и гелія, то съ тѣхъ поръ происходило постоянное излученіе энергіи и масса этихъ элементовъ должна была уменьшиться; вотъ почему атомные вѣса различныхъ элементовъ не равны точно цѣлымъ числамъ, а имѣютъ значенія, близко лежащія къ цѣлымъ числамъ. Мы можемъ изъ атомнаго вѣса узнать исторію происхожденія элементовъ.

Эта гипотеза происхожденія элементовъ, построенная знаменитымъ французскимъ физикомъ Ланжевеномъ, получила въ этомъ году замѣчательное подтвержденіе въ опытахъ англійскаго физика Рутерфорда, которому удалось показать, что подъ вліяніемъ х-лучей азотъ распадается на водородъ и гелій.

Развитіе теоріи тяготѣнія, основанное на принципѣ относительности, привело Эйнштейна къ тому результату, что свѣтъ, который представляетъ изъ себя одну изъ формъ энергіи, при распространеніи вблизи какой нибудь массы, не идетъ по прямой линіи, но описываетъ нѣкоторую кривую, такъ что принципъ прямолинейности распространенія свѣта долженъ также быть отброшенъ и замѣненъ болѣе общимъ.

Результатъ этотъ могъ быть провѣренъ наблюденіями во время солнечнаго затменія 29 мая 1919 года. Еще въ 1914 году, Эйнштейнъ вывелъ изъ своей теоріи, что если наблюдать, во время солнечнаго затменія звѣзды, находящіяся за солнцемъ (такъ что лучъ ихъ проходитъ очень близко къ солнцу), то кажущееся положеніе этихъ звѣздъ будетъ измѣнено, потому что лучъ, проходя мимо такого большого тѣла,какъ солнце, будетъ имъ притягиваться и слѣдовательно опишетъ нѣкоторую кривую. Это отклоненіе луча должно было быть равно 1.74 секунды; предполагалось послать экспедицію для наблюденія солнечнаго затменія въ августѣ 1914 года. Но война все остановила и только 29 мая 1919 года удалось продѣлать измѣренія. Двѣ эк-

спедиціи были организованы англійскими астрономами Гринвича и Кэмбриджа ; одна въ сѣверную Бразилію въ Собраль, другая на островъ Принца, возлѣ береговъ Африки въ Гвинейскомъ заливѣ. Затменіе было очень удачное для подобныхъ измѣреній, такъ какъ область неба, находящаяся за солнцемъ,была очень богата звѣздами,—ихъ приходилось около 20, расположенныхъ вокругъ самого диска солнца. Фотографіи показали существованіе отклоненія лучей при прохожденіи мимо солнца; это отклоненіе равно — для наблюденій въ Бразиліи—1,98 секунды, а на островѣ Принца 1,6 секунды, что составляетъ въ среднемъ отклоненіе въ 1,79 секунды, т. е. число совершенно точно совпадающее съ отклоненіемъ, вычисленнымъ Эйнштейномъ.

Итакъ, принципъ относительности времени позволилъ, въ результатѣ строгаго логическаго построенія, предвидѣть существованіе совершно новаго общаго явленія и связать такимъ образомъ Ньютоновскую силу притяженія тѣлъ со свѣтомъ, а слѣдовательно съ электричествомъ и съ магнетизмомъ.

До сихъ поръ сила притяженія стояла совершенно обособленной и при построеніи законовъ природы приходилось трактовать отдѣльно законы механики и астрономіи, законы излученія, электричества и магнетизма, законы теплоты и наконецъ законы химическихъ превращеній; теперь, благодаря всеобщему обобщающему принципу относительности, удалось связать массу съ энергіей, свѣтъ съ притяженіемъ, теплоту со свѣтомъ, такъ что становится возможнымъ построить одну общую систему, охватывающую всѣ явленія природы и подчиняющую ихъ нѣсколькимъ основнымъ универсальнымъ законамъ.

Красота подобнаго построенія настолько велика, наша душевная жизнь находитъ въ немъ такое огромное наслажденіе и удовлетвореніе, что это даетъ

силу и вѣру для орьбы со всѣми невзгодами и заставляетъ быть оптимистомъ, такъ какъ творческая работа ведетъ къ счастью, а критика и разрушеніе къ пессимизму.

V.

Но что же сдѣлано изъ этой обширной системы міра? Мы находимся въ началѣ огромнаго движенія и развитія. Намъ даны новые методы, даны доказательства прочности основъ, на которыхъ мы можемъ во всѣх направленіяхъ, каждый въ своей спеціальности, строить зданіе науки.

Изученіе явленій радіоактивности привело къ заключенію о единствѣ матеріи. Спектральный анализъ и изученіе лучей Рентгена позволили дать весьма цѣльную теорію строенія атомовъ, а приложеніе теоріи относительности къ движеніямъ,происходящимъ внутри атомовъ, позволило предвидить количественно цѣлый рядъ особенностей спектра элементовъ. Приложеніе новыхъ методовъ оптики позволило наблюдать непосредственно движенія молекулъ, опредѣлять их число и величину. Законы статистики въ приложеніи къ физическимъ и химическимъ явленіямъ позволили связать явленія теплоты со свѣтомъ, и привели къ основному заключенію, что, какъ матерія состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ, называемыхъ атомами и электронами, такъ и энергія должна разсматриваться, какъ состоящая изъ маленькихъ элементарныхъ частицъ, называемыхъ к в а н т а м и. Приложеніе принципа относительности въ его общей современной формѣ къ изученію теплоты, выдѣляемой химическими реакціями, показываетъ, что эта теплота зависитъ отъ силы притяженія, такъ что, напримѣръ, одна и та же реакція выдѣляетъ больше теплоты на солнцѣ, чѣмъ на землѣ. Въ области

біологіи не менѣе важные пути открываются передъ искателемъ: законы эволюціи организмовъ замѣняются законами мутацій т. е. скачковъ. Развитіе клѣтокъ и тканей можетъ происходить внѣ организма, напр.если взять крохотный кусочекъ сердца цыпленка и положить въ опредѣленную жидкость, то онъ растетъ, даетъ волокна и начинаетъ сокращаться. Раздраженіе нервовъ, а въ частности и наше зрѣніе, могутъ быть въ точности сведены къ чисто физико-химическимъ процессамъ и вычислены напередъ. Вообще мы проникаемъ все глубже и глубже въ пониманіе законовъ міра, и передъ нами открывается славное будущее, когда гармонія всѣхъ областей знанія будетъ достигнута.

Въ этой дружной общей работѣ русскіе ученые играли очень большую руководящую роль; Лебедевъ, Менделѣевъ, Ляпуновъ и Мечниковъ, вотъ четыре великіе творца,положившіе основы физики, химіи,небесной механики и біологіи,на которыя опираются ученые всего міра.

И мы знаемъ, что ничто и никто не можетъ сокрушить и остановить научнаго творчества и генія,такъ какъ онъ вѣруетъ въ великое этическое значеніе исканія истины.

Викторъ АНРИ.

Бумажныя деньги французской революціи.

Бумажныя деньги революціонной эпохи, ассигнаты (les assignats), не должны были, по своему первоначальному назначенію, являться деньгами. По закону 19-го декабря 1789 года, это были, въ сущности, закладные листы, выпущенные Правительствомъ подъ залогъ государственнаго земельнаго фонда (biens nationaux), составившагося изъ конфискованныхъ владѣній духовенства и дворянъ.

Ассигнаты были выпущены въ купюрахъ по десять тысячъ франковъ и должны были давать 5 проц. дохода. Такой характеръ закладныхъ листовъ ассигнаты сохранили очень не долго и уже закономъ 17-го апрѣля 1791 года, размѣръ дохода по нимъ былъ пониженъ до 3 проц. съ одновременнымъ уменьшеніемъ купюры до 1.000 и 2.00 ливровъ (1).

Затѣмъ закономъ 8-го октября 1790 года, теченіе процентовъ по ассигнатамъ было вовсе прекращено, что обратило ихъ въ бумажныя деньги въ ихъ чистомъ видѣ. Особенность ихъ заключалась лишь въ томъ, что при уплатѣ за земли, пріобрѣтаемыя изъ государственнаго фонда, ассигнаты имѣли преимущество, являвшееся, впрочемъ, при общей конъюнктурѣ денежнаго рынка того времени, совершенно академическимъ.

Замѣчательно, что всѣ мѣры, способствовавшія обращенію ассигнатовъ изъ закладныхъ листовъ въ бу-

---

1) Ливръ почти равенъ франку. Въ дальнѣйшемъ наименованіи ливръ и франкъ упоминаются какъ равнозначущія денежныя единицы.

мажныя деньги, принимались Учредительнымъ Собраніемъ отнюдь не подъ вліяніемъ финансовыхъ затрудненій, которыя въ этотъ періодъ революціи были еще сравнительно незначительны, а исключительно изъ политическихъ соображеній. Значительная группа депутатовъ, съ Мирабо во главѣ, полагала, что приданіе ассигнатамъ характера денегъ и уменьшеніе размѣра ихъ купюръ заинтересуетъ въ успѣхѣ революціи широкіе круги населенія.

Въ дальнѣйшемъ выпуски ассигнатовъ стали дѣлаться все больше, такъ какъ Правительство, пока еще королевское, стало сильно нуждаться въ деньгахъ по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, вслѣдствіе "углубленія" революціи, государство почти лишилось нормальныхъ доходовъ, такъ какъ поступленіе налоговъ до чрезвычайности сократилось. Съ другой, усиленные выпуски бумажныхъ денегъ понижали ихъ стоимость и тѣмъ заставляли казначейство прибѣгать къ печатанію все новыхъ и новыхъ бумажныхъ денегъ.

По отчету, составленному Камбономъ для Законодательнаго собранія въ апрѣлѣ 1792 года, т. е. незадолго до паденія королевской власти, общій выпускъ ассигнатовъ составлялъ 2,1 милліарда франковъ, изъ которыхъ около 600 милліоновъ частью было погашено путемъ тиража, частью вернулось въ Правительственныя кассы за проданные участки государственнаго земельнаго фонда.

Въ обращеніи находилось, слѣдовательно, около полутора милліардовъ франковъ бумажныхъ денегъ. Сумма по тому времени, хотя и громадная, но все же допускавшая принятіе еще вполнѣ реальныхъ мѣръ для предупрежденія дальнѣйшаго паденія цѣнности ассигнатовъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ биржевая стоимость ихъ, въ металлической валютѣ, была въ то время 71 за 100.

Ставшіе вскорѣ у власти якобинцы пошли, однако, по совершенно противоположному пути и съ провозглашеніемъ республики печатаніе бумажныхъ денегъ чрезвычайно усилилось. Постановленіемъ Конвента 24 октября 1792 года былъ утвержденъ новый выпускъ ассигнатовъ въ 400 милліоновъ франковъ, 21 ноября того же года въ 600, 14 декабря въ 300, 1 февраля слѣдующаго года въ 800, 7 мая въ 700 и т. д. Выпуски ассигнатовъ все увеличивались, несмотря на страшное паденіе ихъ цѣнности, почти не задерживаемое Драконовскими законами, издававшимися одновременно Конвентомъ противъ лицъ, спекулирующихъ звонкою монетою.

Къ осени 1795 года, когда Конвентъ былъ распущенъ и учреждена Директорія, общая сумма вотированныхъ выпусковъ составляла 29 милліардовъ франковъ. Изъ нихъ фактически обращалось въ публикѣ 19 милліардовъ, а изъ остальныхъ десяти около половины находилось въ кассахъ Правительства, а другіе пять были разновременно погашены путемъ тиража и распродажи національныхъ имуществъ.

19 милліардовъ франковъ составляли по тогдашнему населенію Франціи (26 милліоновъ) и развитію торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ колоссальную сумму.

Директорія нуждалась въ средствахъ еще болѣе, чѣмъ предыдущее Правительство. Это вынуждало ее выпускать бумажныя деньги въ еще большихъ количествахъ. Печатный станокъ едва успѣвалъ удовлетворять предъявлявшіяся къ нему требованія; ассигнаты, изготовленные ночью, поступали въ кассы на слѣдующее же утро, такъ что попадали въ руки публики еще сырыми.

Въ виду такого катастрофическаго положенія, Совѣтъ пятисотъ, 22 декабря 1795 года, постановилъ, что выпуски ассигнатовъ будутъ продолжаться до тѣхъ

поръ, пока общая сумма ихъ, находящаяся въ обращеніи не достигнетъ 40 милліардовъ франковъ. Послѣ этого самыя клише, служившія для печатанія бумажныхъ денегъ, подлежали уничтоженію.

Это случилось очень скоро и уже 19 февраля слѣдующаго года общая сумма выпущенныхъ бумажныхъ денегъ достигла 46 милліардовъ, изъ которыхъ свыше 40 находилось въ рукахъ народа.

Директорія дѣйствительно сдержала свое обѣщаніе. Клише были торжественно уничтожены 30 плювіоза IV года. Выпускъ ассигнатовъ прекратился и курсъ золотого луидора въ 24 ливра, стоявшаго непосредственно передъ этимъ 7.500 франковъ, упалъ сразу до 5.800 подъ вліяніемъ увѣренности, что дальнѣйшаго выпуска ассигнатовъ не будетъ.

Такимъ образомъ Директорія за первые 4 мѣсяца своего существованія выпустила ассигнатовъ на 20 милліардовъ, т. е. на сумму, большую чѣмъ всѣ предыдущія Правительства успѣли сдѣлать это почти въ 5 лѣтъ.

Паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы	Мѣсяцы	Стоимость 100 ливровъ ассигнатами въ звонкой монетѣ
1790	январь	96
	іюль	95
1791	январь	91
	іюль	87
1792	январь	72
	іюль	71
1793	январь	51
	іюль	23
1794	январь	40
	іюль	34
1795	январь	18
	іюль	1
1796	январь	0,40

Цѣнность ассигнатовъ падала медленно въ 1790 и 1791 годахъ, пока они еще имѣли характеръ закладныхъ листовъ и выпуски ихъ были умѣренны; они стали быстро обезцѣниваться послѣ провозглашенія республики.

Своеобразнымъ явленіемъ, столь знакомымъ намъ, былъ лажъ на королевскія деньги. Бумажки, выпущенныя до крушенія монархіи, съ портретомъ казненнаго Людовика XVI, принимались охотнѣе и расцѣнивались на 10—15 процентовъ выше денегъ республиканскаго режима.

Разстройство денежнаго обращенія и паденіе цѣнности денегъ имѣло тѣ же послѣдствія, которыя они всегда имѣютъ — вздорожаніе продуктовъ. Послѣднее вызвало рядъ законодательныхъ актовъ по установленію твердыхъ цѣнъ и введенію нормъ потребленія, а эти мѣры, почти автоматически, повлекли за собою исчезнованіе предметовъ первой необходимости и образованіе хвостовъ у продовольственныхъ и другихъ лавокъ.

Послѣдніе, какъ и у насъ, появились прежде всего у булочныхъ и отличались отъ нашихъ лишь тѣмъ, что стоявшіе въ очереди должны были держаться за особую веревку, привязанную къ дверямъ магазина. Случалось часто, что кто нибудь изъ стоявшихъ въ хвостѣ обрѣзывалъ эту веревку. Тогда, естественно, очередь путалась и начиналась свалка требовавшая для своего успокоенія вмѣшательства вооруженной силы.

Для характеристики стоявшей во время революціи дороговизны интересно указать цѣны на нѣкоторые продукты, въ началѣ режима Директоріи, приводимыя Тэномъ въ его книгѣ " Les origines de la France contemporaine ".

Возъ дровъ, объемомъ около 2 куб. метр. ..	1460 фр.
1 фунтъ свѣчей	100 фр.
1 фунтъ сахара.........	100 фр.
1 фунтъ растительнаго масла..............	100 фр.
1 фитиль	5 фр.
1 фунтъ рисовой пудры	70 фр.
1 фунтъ хлѣба въ вольной продажѣ	45 фр.
1 мѣшокъ муки вѣсомъ 325 фунтовъ........	14000 фр.

Стоимость дровъ, въ 1460 франковъ за возъ, указана на складѣ. Этотъ же возъ дровъ съ доставкой, распилкой и укладкой обходился покупателю въ 7.100 фр. На топливо, какъ впрочемъ и на другіе предметы первой необходимости, цѣны подвергались чрезвычайнымъ колебаніямъ. Цѣна дровъ, напримѣръ, поднялась въ теченіе трехъ дней съ 2400 до 6500 франковъ за возъ.

Не менѣе характерно, что написаніе письма обходилось около 100 франковъ, считая въ томъ числѣ стоимость бумаги, чернилъ, пера и масла для лампы. Для экономіи расходовъ на освѣщеніе семейства собирались, по вечерамъ, по нѣсколько вмѣстѣ.

Интересно также прослѣдить паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ по возрастанію стоимости такого ходового продукта, какъ картофель, въ послѣдніе мѣсяцы Конвента и въ началѣ Директоріи. Мѣра его, объемомъ въ 13 литровъ, т. е. приблизительно съ наше ведро, продавалась въ жерминалѣ (апрѣлѣ) 1795 года за 15 франковъ, въ концѣ того же мѣсяца за 20, въ іюлѣ за 45, въ серединѣ осени за 180, а въ концѣ того же 1795 года за 224 франка. Менѣе чѣмъ въ годъ стоимость картофеля возросла въ 15 разъ.

Совершеннымъ исключеніемъ среди этихъ умопомрачительныхъ, при нормальныхъ условіяхъ, цѣнъ являлась стоимость хлѣба, который продавался населенію Парижа по 15 сантимовъ за фунтъ. Норма довольствія

была установлена въ полтора фунта для лицъ, занятыхъ физическимъ трудомъ и въ одинъ фунтъ для прочаго населенія. По этой нормѣ хлѣбъ выдавался, однако, далеко не всегда и порціи его падали часто до половины и даже четверти фунта хлѣба на человѣка въ день. Цѣна въ 15 сантимовъ являлась, для Правительства, очевидно, совершенно убыточной. Уже во флореалѣ (маѣ) 1795 года фунтъ хлѣба обходился казнѣ въ 4 франка и по этому разсчету продовольствованіе Парижа должно было обходиться казначейству 1200 милліоновъ въ годъ. Однако, ввиду непрерывнаго паденія цѣнности бумажныхъ денегъ, государство тратило на прокормленіе столицы, въ концѣ того же года, больше полумилліарда франковъ въ мѣсяцъ.

Не всѣ однако страдали отъ такого непомѣрнаго возвышенія цѣнъ. Въ наихудшемъ положеніи оказались лица съ постоянными доходами: служащіе, домовладѣльцы, мелкіе рантье и проч. Былъ съ другой стороны рядъ лицъ, промышлявшихъ спекуляціей и занимавшихся казенными поставками, особенно для армій, (les fournisseurs), которые, хотя и платили за обѣдъ по нѣсколько тысячъ франковъ, но, получая огромныя суммы, могли позволить себѣ такую роскошь, особенно послѣ прекращенія террора, когда имъ нечего было бояться непріятныхъ случайностей со стороны комитета общественнаго спасенія.

Также сытно ѣли и пили Якобинскіе заправилы, имѣвшіе лично для себя и вино, и бѣлый хлѣбъ и топливо, три предмета, которые составляли рѣдкость въ революціонномъ Парижѣ. Главная забота этихъ лицъ заключалась лишь въ томъ, чтобы напечатать за ночь необходимое на утро количество ассигнатовъ и имѣть хлѣба настолько, чтобы избѣжать голоднаго бунта.

Съ уничтоженіемъ клише для печатанія ассигна-

товъ, 19 февраля 1796 года, Директорія не рѣшилась сразу отказаться отъ бумажныхъ денегъ и не рѣшилась, даже на девальвацію ихъ въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ курсомъ въ тотъ моментъ.

Были выпущены новыя бумажныя деньги, названныя "земельными мандатами" (mandats territoriaux); при обмѣнѣ ассигнатовъ на мандаты, курсъ послѣднихъ былъ признанъ въ 30 разъ выше курса ассигнатовъ, тогда какъ дѣйствительный ихъ курсъ составлялъ не болѣе 1/200, считая на звонкую монету.

Главное значеніе мандатовъ, по мысли ихъ создателей, была предварительная, такъ сказать, реализація цѣнности государственнаго земельнаго фонда, при помощи выпуска этихъ своеобразныхъ закладныхъ листовъ, не приносившихъ, однако, никакого дохода и объявленныхъ сразу оффиціальными деньгами республики.

Связь мандатовъ съ національными имуществами выражалась въ томъ, что держатели ихъ могли пріобрѣтать земельные участки безъ торговъ, путемъ простого заявленія съ уплатой мандатами по расцѣнкѣ участковъ, сдѣланной въ 1790 году. Это сразу понижало дѣйствительную стоимость новыхъ денегъ въ 3 1/2 — 4 раза, въ соотвѣтствіи съ паденіемъ рыночной цѣны недвижимыхъ имуществъ (считая на звонкую монету), паденіемъ, совершенно неизбѣжнымъ въ революціонную эпоху. Кромѣ того очень скоро выяснилось, что пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ, путемъ простого заявленія безъ торговъ, являлось лишь теоретическимъ постановленіемъ Правительства; на практикѣ такое пріобрѣтеніе было обставлено массой формальностей, весьма затруднявшихъ фактическое его осуществленіе.

Въ связи съ этимъ курсъ мандатовъ упалъ, въ пер-

вые же недѣли ихъ появленія, до 15 сентимовъ. Послѣ открытія продажи земельныхъ участковъ, согласно новаго закона, курсъ мандатовъ поднялся, правда, въ нѣкоторыхъ районахъ Франціи, даже довольно значительно. Но какъ только выяснились указанныя выше затрудненія, сводящія къ мертвой буквѣ законъ о пріобрѣтеніи земель безъ торговъ, бумажныя деньги быстро пошли внизъ и вскорѣ курсъ ихъ установился въ 5—6 сантимовъ, звонкою монетою, за франкъ.

Строго говоря, земельные мандаты и не пріобрѣли значенія бумажныхъ денегъ въ широкомъ смыслѣ, какъ это можно сказать относительно ассигнатовъ.

Ввиду чрезвычайнаго паденія цѣнности послѣднихъ уже въ концѣ періода Конвента, съ ослабленіемъ террора, а равно преслѣдованій противъ сдѣлокъ на звонкую монету, таковыя все болѣе стали входить въ обиходъ. Золотыя и серебряныя монеты появились на рынкѣ не какъ товаръ, а какъ обыденное платежное средство и уже въ первые мѣсяцы существованія Директоріи сдѣлки на ассигнаты между частными лицами почти прекратились. Недостатокъ же звонкой монеты въ странѣ покрывался значительнымъ приливомъ ея изъ за границы; югъ Франціи, напримѣръ, былъ наводненъ испанскими піастрами, свободно ходившими среди населенія.

При такихъ условіяхъ всѣ мѣры, принимавшіяся Правительствомъ, чтобы придать мандатамъ характеръ оффиціальныхъ денегъ республики, хуже всего отражались на интересахъ Государственнаго казначейства и лицъ, получающихъ опредѣленное жалованье отъ казны. Мандаты не имѣли никакого хожденія на рынкѣ и были лишь годны для уплаты за участки, пріобрѣтаемые изъ національнаго фонда . Поэтому чиновники, получавшіе жалованье бумажными деньгами, могли

лишь сбывать ихъ въ мѣняльныя конторы, которыя въ свою очередь продавали ихъ покупателямъ земельныхъ участковъ. Между тѣмъ, общая сумма выпущенныхъ мандатовъ (2,4 милліарда) была непомѣрно велика для этой узкой цѣли; курсъ мандатовъ, какъ указано выше, быстро падалъ и всѣ живущіе на постоянныя выдачи изъ казначейства (чиновники и пенсіонеры) оказались въ самомъ печальномъ положеніи. Все это повело къ усиленному отливу чиновниковъ съ государственной службы и значительному разстройству правительственнаго механизма.

Такая неудача заставила Директорію уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно отказаться отъ режима бумажныхъ денегъ.

Декретомъ 28 мессидора IV года (16 іюля 1796 года) было объявлено, что во всѣхъ платежахъ, какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ, мандаты будутъ приниматься не по номинальной стоимости, а по дѣйствительному курсу, который будетъ ежедневно публиковаться государственнымъ казначействомъ. Исключеніе было сдѣлано для поземельныхъ налоговъ, которые населеніе должно было вносить: въ пограничныхъ департаментахъ натурой (зерномъ), для облегченія продовольствованія армій, а въ остальной Франціи мандатами, по рыночной стоимости зерна въ нихъ.

Кромѣ того, для внесенія недоимокъ, по объявленному незадолго передъ тѣмъ принудительнму займу и по земельнымъ налогамъ, былъ данъ двухнедѣльный срокъ, въ теченіе котораго платежи принимались: мандатами по номинальной ихъ стоимости, а ассигнатами по курсу одинъ за сто.

Вскорѣ затѣмъ 8 термидора (26 іюля) Директорія сдѣлала послѣдній практическій шагъ къ уничтоженію режима бумажныхъ денегъ. Въ этотъ день было объ-

явлено, что въ уплату за земли, пріобрѣтаемыя изъ національнаго фонда, мандаты будутъ приниматься также по оффиціальному курсу.

Съ 21-го мая 1797 года принятіе ассигнатовъ въ какіе бы то ни было платежи было совершенно прекращено. Этимъ распоряженіемъ оффиціально закончился режимъ бумажныхъ денегъ Французской революціи.

Вопросъ о ликвидаціи разнаго рода обязательствъ, какъ со стороны государства, такъ и между частными лицами, заключенныхъ въ ассигнатахъ, въ періодъ паденія ихъ стоимости, былъ урегулированъ путемъ изданія особой таблицы, въ которой былъ установленъ оффиціальный курсъ ассигнатовъ на звонкую монету, въ разные періоды и въ разныхъ частяхъ Франціи, послѣ 1-го января 1791 года.

Всѣ обязательства, заключенныя до 1791 года, а также заключенныя позднѣе въ металлической валютѣ, принимались полностью. Всѣ же остальныя подлежали ликвидаціи со скидкою, согласно оффиціальнаго курса ассигнатовъ, по времени и мѣсту заключенія сдѣлки, указаннаго въ упомянутой выше таблицѣ.

Съ прекращеніемъ режима бумажныхъ денегъ злоключенія Правительства французской республики далеко не закончились. Разстройство денежнаго обращенія давало себя еще долго чувствовать.

Для того, чтобы существовать хотя бы изо дня въ день, Директоріи приходилось прибѣгать къ разнообразнымъ ухищреніямъ, изъ которыхъ главнѣйшее заключалось въ выдачѣ болѣе крупнымъ кредиторамъ казны, главнымъ образомъ разнаго рода поставщикамъ, особыхъ письменныхъ обязательствъ, которыя принимались казначействомъ въ уплату за земельные участки, распродаваемые изъ національнаго земельна-

го фонда. Благодаря этому, такія обязательства имѣли биржевую стоимость, хотя и довольно низкую.

Главныя же затрудненія Директорія испытывала въ полученіи наличныхъ денегъ. Государственная казна была хронически пуста, что вызывало постоянныя запозданія въ уплатѣ жалованья государственнымъ служащимъ. Для производства же совершенно неотложныхъ расходовъ, особенно связанныхъ съ непрерывными войнами, которыя вела республика со всей Европой, казначейству приходилось либо кредитоваться по мелочамъ у частныхъ лицъ, либо прибѣгать иногда къ такимъ второстепеннымъ источникамъ наличныхъ денегъ, какъ выручка правительственныхъ театровъ.

Полный порядокъ во французскихъ финансахъ установился только съ водвореніемъ прочнаго политическаго порядка консульства и имперіи и возстановленіемъ работоспособности населенія.

П. Кандауровъ.

Къ вопросу объ экономическихъ предпосылкахъ единства Россіи.

Послѣднія событія показываютъ, что послѣдствіемъ міровой войны было, между прочимъ, поощреніе государствъ къ распаденію. Сепаратизмъ Рейнскихъ провинцій, Пфальца, Форарльберга несомнѣнно имѣетъ въ себѣ и нѣчто свое, не только навѣянное извнѣ. Но не такъ легко будетъ происходить обратный процессъ. И особенно, конечно, въ Россіи. Недостаточно того утѣшенія, что тенденціи окраинъ Россіи къ отпаденію поощрялись централистической политикой прежнихъ вершителей судебъ ея. Большей порукой грядущаго возсоединенія съ Россіей отпавшихъ ея частей должны служить именно историческія и экономическія предпосылки ея единства.

Картина историческаго процесса созиданія Россіи представляетъ собой уже съ перваго взгляда извѣстную прагматичность.

Наиболѣе яснымъ является стихійное стремленіе русскаго племени на Востокъ. Ермакъ, Строгановы и прочіе россійскіе "авантюристы" съ тягой на Востокъ совершенно безсознательно соединяютъ желаніе найти выходъ къ морю (необходимый для Россіи ввиду преимущественнаго вывоза сырья), то самое окно Петра Великаго, которымъ для нихъ являлся Тихій Океанъ. Походы эти завершаются окончательнымъ достиженіемъ Тихаго Океана и завоеваніемъ Сибири къ концу XVII вѣка (Нерчинскій миръ 1688 г.) — Россія достигаетъ въ эту сторону своихъ естественныхъ границъ.

Этотъ самый моментъ—конецъ XVII вѣка—застаетъ европейскій рубежъ Россіи въ совершенно незаконченномъ видѣ. Граница эта къ 1686 г. (Вѣчный миръ) идетъ отъ Ладожскаго озера южнѣе района Невы къ Чудскому озеру, затѣмъ приблизительно по границамъ нынѣшнихъ Смоленской и Черниговской губерній черезъ Кіевъ до Екатеринослава и по низовьямъ Дона до Терека у Моздока и, наконецъ, огибая съ сѣвера Каспійское море, уходитъ въ Азію.

Такимъ образомъ, въ тотъ моментъ, когда восточная граница доведена до завершенія, западная не доходитъ ни до одного изъ возможныхъ выходовъ въ свѣтъ: ни до Балтійскаго, ни до Чернаго моря. Центромъ является Москва. Лишь ея область заселена по настоящему, все остальное — окраина. Большое значеніе имѣетъ сѣверъ, ибо у него есть выходъ изъ русскаго мѣшка черезъ Архангельскъ. Югъ же въ то время — полуизвѣстная колонія.

При Петрѣ начинается измѣненіе этой опредѣленно сѣверно-южной оріентаціи, маятникъ отклоняется влѣво: отъ Финляндіи государственная ось идетъ теперь къ Кавказу, съ сѣверо- запада на югъ. Петръ овладѣваетъ ближайшимъ окномъ — Балтійскимъ моремъ, причемъ ему удается захватить и все южное его побережье, но лишь часть финляндскаго берега. Этимъ сразу подрывается значеніе сѣвернаго края — петербургскій районъ начинаетъ дѣлаться центромъ, начинается петербургскій періодъ исторіи Россіи.

Значительно медленнѣе идетъ прорывъ къ южному окну. Петръ при посредствѣ новой кавказской границы успѣлъ только приблизиться къ своей цѣли: создается непосредственная связь между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Упорными усиліями преемниковъ Петра и сложными комбинаціями польской и турецкой полити-

ки удается къ концу XVIII вѣка пріобрѣсти все черноморское побережье.

Конецъ XVIII вѣка окончательно выводитъ Россію на арену міровой политики—не остается крупнаго міровсго вопроса, въ которомъ она не была бы заинтересована. Всѣ выходы нащупаны и обрѣтены. Остается одно устремленіе — Дарданеллы. И въ то время, какъ центръ остается искусственно на далекомъ Сѣверѣ, настоящій центръ страны (въ связи съ неокончательно открытымъ третьимъ окномъ) перемѣщается на югъ. Оттуда идетъ весь уголь, вся нефть, чего уже достаточно было бы для оправданія передвиженія экономическаго центра на югъ. Искусственное сосредоточеніе промышленности въ петербургскомъ районѣ и явилось одной изъ главныхъ причинъ неудачъ экономической мобилизаціи Россіи во время войны. Также и интеллектуальная жизнь искусственно централизуется на сѣверѣ, югъ остается своего рода провинціей, хотя громадныя разстоянія вполнѣ оправдали бы существованіе и нѣсколькихъ главныхъ центровъ.

Все историческое развитіе границъ Россіи вполнѣ прагматично. И исключеніе изъ этого, какъ польская "грыжа", напримѣръ, лишь подтверждаетъ это общее впечатлѣніе: Польша дѣйствительно не была необходима Россіи — это до извѣстной степени историческій капризъ.

Граница 1686 г. представляетъ для насъ чрезвычайный интересъ еще и въ томъ отношеніи, что она давала внѣшности Россіи приблизительно тѣ самыя очертанія, которыя изобрѣла Германія по Брестъ-Литовскому договору. Главный принципъ тотъ же—никакихъ выходовъ къ европейскимъ морямъ и полусамостоятельныя государства на окраинахъ (Randstaaten). Но эти планы Рорбаха, Аребоэ и Комп. имѣютъ одинъ недостатокъ — они создали бы такія условія, при которыхъ

Россія могла бы существовать лишь въ XVIII вѣкѣ, когда не было мірового хозяйства, когда еще могла быть рѣчь объ автаркіи.

Война дала намъ предметный урокъ взаимной зависимости всѣхъ странъ другъ отъ друга. Эта зависимость можетъ лишь усилиться подъ вліяніемъ всеобщаго обнищанія,какъ слѣдствія войны.Подъ этимъ угломъ зрѣнія и нужно разсматривать вопросъ о расчлененіи Россіи,ибо естественнымъ послѣдствіемъ процесса собиранія ея явилось созданіе громаднаго механизма, всѣ части котораго зависятъ другъ отъ друга. Отдѣльныя области жили своей собственной жизнью, но она имѣла въ конечномъ итогѣ интересы всего организма.Да иначе и не могло быть, ибо эти отдѣльныя части не могли существовать сами по себѣ. Конечно, однѣ части развились быстрѣе другихъ, но и это дѣйствовало взаимно.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что осуществить расчлененіе Россіи нельзя безъ вреда для обѣихъ сторонъ. Мы не будемъ здѣсь касаться основного вопроса, возникающаго при раздѣленіи, — вопроса о государственномъ долгѣ. Вопросъ этотъ чрезвычайно опасенъ именно для желающихъ отдѣлиться частей Россіи. Несомнѣнно, что ту или иную часть долга онѣ должны принять на себя. Между тѣмъ, даже при наиболѣе для нихъ выгодномъ разрѣшеніи этого вопроса на нихъ ляжетъ совершенно непосильная тяжесть, ибо то, что могло нести цѣлое, какъ комплексъ частей, не по силамъ части даже только въ касающейся ся долѣ. На этомъ то, принимая во вниманіе заинтересованность Западной Европы въ государственномъ долгѣ Россіи, очевидно, и споткнется признаніе независимости отдѣльныхъ областей, ибо иностранные кредиторы наши, конечно, съ большимъ основаніемъ могутъ разсчитывать на погашеніе всего долга всей Россіей, чѣмъ отдѣльными частями своихъ долей.

Но если и оставить въ сторонѣ это соображеніе, остается еще очень много другихъ и нужно полагать,что врядъ ли при мирномъ разрѣшеніи вопроса (а не въ пылу борьбы и взаимнаго непониманія, какъ теперь) это расчлененіе произойдетъ — слишкомъ оно невыгодно для обѣихъ сторонъ.

Возьмемъ даже Польшу, имѣвшую довольно обособленный отъ прочей Россіи хозяйственный организмъ и отдѣленіе коей — совершившійся фактъ. Въ торговыхъ балансахъ Польши останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что въ торговлѣ съ Россіей у нея превышаетъ активъ, въ торговлѣ же съ Западомъ— пассивъ. Такимъ образомъ Россія покрываетъ долгъ Польши Западной Европѣ. Это подтверждается и при разсмотрѣніи отдѣльныхъ статей ввоза и вывоза Польши ежегодно въ среднемъ за трехлѣтіе 1909—1911 г.

ТАБЛ. I.

СТАТЬИ	Ввозъ					Вывозъ				
	Весь ввозъ	Изъ Россіи		Изъ заграницы		Весь вывозъ	Въ Россію		Заграницу	
	м.р.	м.р.	о/о	м.р.	о/о	м.р.	м.р.	о/о	м.р.	о/о
Хлопчатобумажныя и шерстяныя ткани	82	70	85,4	12,0	14,6	280	280	100	—	—
Желѣзн. издѣлія	18,7	10,7	57,2	8,0	42,8	48	48	100	—	—
Пряжа	15,0	9,8	65,8	5,2	34,2	9,5	9,5	100	—	—
Кожанн. изд.	—	—	—	1,4	—	21	21	100	—	—
Сахаръ и патока	2,7	2,7	100	—	—	13	8,8	67,7	4,2	32,3
Мебель	—	—	—	—	—	9	9	100	—	—
Джутов. издѣлія	—	—	—	—	—	7	7	100	—	—
Спиртъ	—	—	—	—	—	4,6	4,5	97,8	0,1	2,2
Бумага	5,5	4,0	72,7	1,5	27,3	6	6	100	—	—
Машины	34,7	5,0	14,4	29,7	85,6	11,7	11,7	100	—	—
Табачн. издѣлія	21,0	21,0	100	—	—	—	—	—	—	—
Химич. продукты	28,3	11,8	41,7	16,5	58,3	7,5	6,6	88	0,9	12,0
Чугунъ	6,5	6,0	92,3	0,5	7,7	0,1	0,1	100	—	—

Изъ этихъ цифръ видно, что отдѣленіе отъ Россіи, т. е., установленіе таможенной границы, лишаетъ Польшу возможности сбывать цѣлый рядъ важнѣйшихъ предметовъ ея вывоза (ибо, конечно, для Россіи выгодно установить границу) и этимъ самымъ увеличиваетъ ея задолженность передъ Германіей, главной заграничной страной импорта въ Польшу. Поэтому то наиболѣе дальновидные польскіе политики уже теперь говорятъ о необходимости для Польши экономическаго союза съ Россіей. Любопытно, что исходя изъ этихъ же соображеній Р. Люксембургъ въ вышедшей лѣтъ 20 тому назадъ книжкѣ о промышленномъ развитіи Польши указывала на желательность для Польши не полнаго отдѣленія отъ Россіи, а лишь автономіи.

Но нужно признать, что и для Россіи отдѣленіе Польши является невыгоднымъ, ибо лишаетъ ее многихъ продуктовъ, главнымъ образомъ, желѣзодѣлательной промышленности. Поэтому, желаніе экономическаго союза или таможеннаго объединенія будетъ, очевидно, обоюднымъ.

Не иначе обстоитъ дѣло и съ Украйной. Прежде всего она является однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ производства хлѣбовъ—она даетъ 24 0/0 всего русск. сбора. Естественна роль ея въ вывозѣ хлѣба какъ въ Великороссію, такъ и заграницу. Какъ видно изъ таблицы II вывозъ четырехъ главныхъ хлѣбовъ изъ Украйны въ

ТАБЛ. II.

Среднія за 1909-1913	Вывозъ тыс. пуд.	Вывозъ о/о всего росс. вывоза	Ввозъ тыс. пуд.	Ввозъ о/о всего росс. ввоза	Превышеніе вывоза + ввоза −
Рожь	53.870,2	29,8	28.843,3	19,4	+ 25.026,9
Пшеница	258.787,0	35,0	140.976,3	28,7	+117.810,7
Ячмень	231.866,2	54,3	65.810,2	32,8	+166.056,0
Овесъ	28.549,2	11,0	19.320,0	9,6	+ 9.229,2
Итого	573 072,6	35,6	254.949,8	24,5	+318.122,8

Великороссію превышаетъ на 318 м. п. ввозъ ихъ, причемъ не слѣдуетъ забывать, что и чисто транзитный (для Запада) ввозъ также включенъ въ эти цифры. Изъ таблицы III же видно, что изъ общаго вывоза заграницу этихъ хлѣбовъ на долю Украйны приходится до 44,2 0/0, но значительная часть украинскаго вывоза идетъ въ Великороссію.

ТАБЛ. III.

Среднія за 1909-1913	Вывозъ заграницу: Вывозъ изъ Украины въ т. п.	о/о всего вывоза изъ Украины	о/о всего вывоза изъ Россіи	Ввозъ изъ заграницы: Ввозъ въ Украину въ т. п.	о/о всего ввоза въ Украину	о/о всего ввоза въ Россію	Превышеніе вывоза + ввоза —
Рожь	20.710,7	37,7	47,6	1.308,2	4,5	12,5	+ 19.402,5
Пшеница .	119.566,4	46,1	44,0	7.541,7	5,0	36,8	+ 112.024,7
Ячмень . . .	127.275,6	54,9	53,1	10.088,3	15,3	76,9	+ 117.187,3
Овесь	7.351,0	25,0	10,6	915,7	4,7	22,9	+ 6.435,3
Итого . .	274.903,7	47,8	44,2	19.853,9	7,4	39,5	+ 255.049,8

Но для остальныхъ главныхъ жизненныхъ припасовъ (сахара, соли, картофеля, мяса) единственнымъ рынкомъ для Украйны является Великороссія. Вывозъ ихъ заграницу совершенно ничтоженъ и поэтому Германія немедленно по заключеніи Брестъ-Литовскаго мира безуспѣшно старалась наладить вывозъ ихъ къ себѣ. И въ торговлѣ животными Украйна зависитъ отъ Россіи — такъ 9/10 общаго числа лошадей ввозится изъ губерній послѣдней.

Благопріятнѣе положеніе Украйны въ отношеніи сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ, ибо по природнымъ и исторически сложившимся условіямъ значительная часть угля и желѣзной руды остается въ Украйнѣ для нуждъ ея металлургической и металло-обрабатывающей промышленности. Но, напримѣръ, лѣсъ, нефть, коксъ и шерсть Украйна получаетъ изъ Великороссіи.

Еще больше Украйна зависитъ отъ Россіи въ отношеніи готовыхъ издѣлій (кромѣ земледѣльческихъ машинъ). Всѣ онѣ ввозятся либо изъ Россіи, либо изъ заграницы. Для изготовленія же предметовъ, которые

ТАБЛ. IV.

Средняя за 1909-1911 г.	Вывозъ т. пуд.	Вывозъ о/о всѣхъ отправокъ Россіи	Ввозъ т. пуд.	Ввозъ о/о всѣхъ прибытій по Россіи	Прев. выв.+ ввоза—
Всего	57.178	13,4	70.395	16,6	—12.217
Въ томъ числѣ:					
Кирпичъ	22.975	16,6	18.646	13,6	+4.329
Желѣзн. и стальн. издѣлія	12.338	19,0	13.049	20,6	—711
Мануфакт. и ткацк. издѣлія	4.451	4,6	11.830	12,3	—7.379
Землед. мат.	10.209	37,0	7.024	25,9	+3.185
Машины, аппараты и приборы	4.170	9,2	6.162	11,1	—1.992
Бумага и картонъ	3.137	13,34	4 072	17,3	—935

почти исключительно ввозятся въ Украйну изъ Россіи, какъ стекло (95 %), бумага (87 %), деревянныя издѣлія (83 %), Россія совершенно не нуждается въ Украйнѣ.

Такимъ образомъ, если Украйна зависитъ отъ Великороссіи въ отношеніи сбыта сырья и полученія готовыхъ издѣлій, то Россія значительно меньше зависитъ отъ Украйны въ отношеніи сбыта своихъ готовыхъ издѣлій. Поэтому для самостоятельнаго экономическаго существванія Украйнѣ пришлось бы ввести искусственную протекціонную систему, на которую Великороссія принуждена была бы отвѣтить мѣрами такого же характера.

Такимъ образомъ Польша и Украйна являютъ по отношенію къ Россіи примѣры взаимной зависимости. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ Финляндіей и Прибалтійскимъ краемъ.

Прибалтійскій край совершенно не можетъ жить

самостоятельно. Ему не хватаетъ даже главныхъ продуктовъ питанія — пшеницы и сахара. Единственный предметъ, который возможно за избыткомъ его вывозить — ленъ, средній сборъ коего за 1909-1913 г.г. составлялъ около 10 0/0 всего производства Россіи — 2464 м. п. Значеніе Прибалтійскаго края въ его географическомъ положеніи. Россія, какъ страна вывозящая преимущественно сырье, нуждается въ удобныхъ портахъ. Порта же Прибалтійскаго края находятся ближе къ Западной Европѣ, чѣмъ Петербургъ, и къ тому же не замерзаютъ (Виндава, Либава). Между тѣмъ 1/3 всего товарообмѣна Россіи идетъ черезъ Балтійское море, а изъ послѣдняго 2/3 черезъ прибалтійскіе порта.

ТАБЛ. V.

Товарообмѣнъ

	1912		1913	
	милл. пуд.	о/о всего товарообм.	милл. пуд.	о/о всего товарообм.
Прибалт. порта	636.507	23,7	615.917	21,2
Петроградъ	266.349	9,9	349.707	12

Но самое характерное при этомъ, что всѣ вывозившіеся товары шли черезъ Прибалтійскій край лишь транзитомъ и даже количество вывезеннаго льна было значительно выше мѣстнаго производства (приблизительно въ 6 разъ); главный же предметъ вывоза — коровье масло шло изъ Сибири. Такъ же обстоитъ дѣло и съ предметами ввоза — они предназначены для нуждъ Россіи, а не Прибалтійскаго края.

На этомъ основана невыгода для Прибалтійскаго края отдѣленія отъ Россіи; онъ не можетъ разсчитывать на свои собственныя силы. По своему географическому положенію побережью Балтійскаго моря предназначено быть экспортеромъ и импортеромъ для русскаго рынка. Послѣдній можетъ искать себѣ другихъ посредниковъ, но для Прибалтійскаго края это главная возможность существованія.

Но если трудно представить себѣ самостоятельное экономическое существованіе Прибалтійскаго края, какъ цѣлаго, то уже совершенно непонятна возможность экономической независимости Латвіи и Эстоніи. Въ настоящее время при наличности тѣснѣйшей взаимной связи между всѣми хозяйственными организмами міра немыслимо существованіе такихъ малыхъ государствъ. Для нихъ имѣется лишь два выхода—либо соединиться съ тѣмъ основнымъ организмомъ, отъ потребностей коего они зависятъ, либо влачить формально независимое, а по существу вассальное существованіе, какъ въ настоящее время Эстонія, совершенно зависящая отъ Англіи.

Въ томъ же положеніи находится Финляндія. Два главныхъ предмета ея сбыта, — лѣсъ и бумага, имѣли по особому построенію таможеннаго тарифа наиболѣе выгодный рынокъ для сбыта въ Россіи. Это сказалось немедленно послѣ революціи 1917 г. : изъ-за невозможности вывоза лѣса и бумаги въ Россію и трудности конкуренціи съ Западной Европой Финляндія переживаетъ очень тяжелое время. Не слѣдуетъ къ тому же упускать изъ виду, что Финляндія совершенно не въ состояніи себя прокормить своими рессурсами: большинство жизненныхъ припасовъ ввозилось изъ Россіи. Поэтому среди финляндскихъ промышленниковъ очень популярна идея сохраненія стараго финляндско-русскаго таможеннаго тарифа, что еще сыграетъ свою роль при окончательномъ разрѣшеніи финляндскаго вопроса.

Прогрессъ государствъ въ наше время изъ-за чрезвычайно осложнившихся условій существованія коллективныхъ организмовъ связанъ съ формированіемъ новыхъ болѣе совершенныхъ и болѣе крупныхъ комплексовъ. Идея самоопредѣленія народностей не можетъ поэтому быть проведена безъ компромисовъ. Вообще

нельзя забывать, что всякое распаденіе естественно сложившагося организма на части есть по существу явленіе регрессивное, что Германія смогла стать великимъ государствомъ лишь послѣ того, какъ ей удалось покончить съ партикуляризмомъ. Въ разумномъ соединеніи умѣренной централизаціи съ полнымъ признаніемъ мѣстныхъ областныхъ правъ и должна лежать задача грядущей Россіи. Лишь этимъ путемъ удастся возсоздать сложившійся исторически и экономически организмъ единой Россіи.

Григорій Лунцъ.

Отъ Герцена до Толстого.

(Памятка за полвѣка).

I

Полвѣка, и даже нѣсколько больше, проходитъ въ моей памяти, когда я сближаю тѣ личности и фигуры, которыя всѣ уже кончили жизнь : иные на каторгѣ, другіе на чужбинѣ. Судьба ихъ была разная — одни умирали въ Сибири "колодниками" (какъ напр. М. Л. Михайловъ); а другіе не были даже бѣглецами, изгнанниками (какъ Г. Н. Вырубовъ); но всетаки доживали внѣ отечества, превратившись въ "гражданъ" чужой страны, хотя и по собственному выбору и желанію, безъ всякой кары со стороны русскаго правительства.

Одинъ въ этомъ спискѣ, Л. Н. Толстой, кончилъ дни свои на родинѣ и никогда не покидалъ ее, какъ изгнанникъ. Но развѣ онъ также не былъ "нелегальнымъ" человѣкомъ въ полной мѣрѣ? И если его не судили или не сослали безъ суда, то потому только, что власть боялась его популярности и прямо не преслѣдовала его; но всетаки онъ умеръ — оффиціально отлученнымъ отъ государственно-полицейской православной церкви.

Въ тѣхъ воспоминаніяхъ, какія я здѣсь предлагаю, сгруппирована добрая дюжина именъ. Это — люди, принадлежащіе къ различнымъ поколѣніямъ. Тѣ два писателя, какихъ я поставилъ на двухъ крайнихъ кон-

цахъ — Герценъ и Толстой — были старше меня, какъ и нѣкоторые другіе въ этой группѣ: Герценъ на цѣлыхъ 24 года; а Толстой только на восемь лѣтъ; онъ родился въ 1828 г. (также въ августѣ); я — въ 1836 г. И другіе, серьезно пострадавшіе или только очутившіеся въ изгнаніи, принадлежали къ старшему, сравнительно со мною, поколѣнію, какъ напримѣръ: Чернышевскій, Лавровъ, Михайловъ. Съ однимъ эмигрантомъ умершимъ на чужбинѣ, съ В. И. Жуковскимъ, я былъ ближайшій сверстникъ, старше его, быть можетъ, на два, на три года. Случилось такъ, что я держалъ вмѣстѣ съ нимъ экзаменъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ сентябрѣ 1861 года, передъ самымъ закрытіемъ его, послѣ студенческихъ волненій. Одинъ эмигрантъ былъ моложе меня — Ткачевъ. Кажется, онъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ въ этой группѣ.

Разскажу я о нихъ не въ хронологическомъ порядкѣ моего личнаго или заочнаго знакомства съ ними; а по ихъ значенію для всей нелегальной Россіи; почему и начинаю съ Герцена, хотя сошелся я съ нимъ только въ зиму 1869—70-хъ годовъ, въ Парижѣ; а такихъ эмигрантовъ изъ ссыльныхъ, какъ Михайловъ, Чернышевскій, Лавровъ, Жуковскій, Ткачевъ, — зналъ гораздо раньше, еще съ 1860 года, и даже еще раньше, какъ напримѣръ, Михайлова: съ нимъ я встрѣчался еще тогда, когда я, начинающимъ драматургомъ, привезъ въ Петербургъ свою первую комедію. Это было въ кабинетѣ Я. П. Полонскаго, одного изъ редакторовъ журнала "Русское Слово".

II

Герценъ!

Нѣтъ личности и фигуры, въ нелегальномъ мірѣ русской интеллигенціи, болѣе яркой и даровитой, чѣмъ

этотъ москвичъ 30-хъ годовъ, сочетавшій въ себѣ всѣ самыя выдающіяся свойства великорусской натуры, хотя онъ и былъ — незаконное чадо отъ сожительства нѣмки съ бариномъ, изъ рода Яковлевыхъ, которые вмѣстѣ съ Шереметевыми и Боборыкиными, происходятъ отъ нѣкоего Комбиллы, пришедшаго "изъ Пруссъ" (т. е. отъ балтійскихъ славянъ), со своей дружиной, въ княженіе Симеона Гордаго.

На всемъ моемъ долгомъ вѣку я не встрѣчалъ русскаго эмигранта, который, по прошествіи болѣе двадцати лѣтъ жизни на чужбинѣ (и такъ полной всякихъ испытаній и воздѣйствій окружающей среды), — остался бы столь яркимъ образцомъ московской интеллигенціи 30-хъ годовъ, на барско-бытовой почвѣ.

Стоило вамъ, встрѣтившись съ нимъ (для меня это было мелькомъ въ концѣ 1865 года въ Женевѣ), — поговорить десять минутъ или только видѣть и слышать его со стороны, чтобы Москва его эпохи такъ и заиграла передъ вашимъ умственнымъ взоромъ.

Вся посадка тѣла и головы, мимика лица, движенія, а главное — голосъ, манера говорить, вся музыка его интонацій, все это осталось нетронутымъ среди переживаній долгаго заграничнаго скитальчества.

Изъ тогдашнихъ русскихъ, немного моложе его, былъ одинъ, у кого я находилъ всего больше, если не физическаго сходства съ нимъ, то близости всего душевнаго склада, манеры говорить и держать себя въ обществѣ: это было у К. Д. Кавелина, также москвича и почти той-же эпохи, впослѣдствіи близкаго пріятеля эмигранта Герцена. Особенно это сказывалось въ рѣчи, въ переливахъ голоса, въ живости манеръ и въ этомъ чисто-московскомъ говорѣ, какой былъ у людей того времени. Они легко могли сойти за родныхъ, даже и по наружности.

На Александрѣ Ивановичѣ, какъ извѣстно, житье за-границей отлиняло всего больше въ его стилѣ, въ видѣ частаго употребленія не совсѣмъ русскихъ оборотовъ и иностранныхъ словъ, которыя онъ передѣлывалъ на свой ладъ. Въ этомъ онъ былъ болѣе "эмигрантъ", чѣмъ многіе наши писатели, начиная съ Тургенева; а вѣдь тотъ, хоть и не кончилъ дни свои въ политическомъ изгнаніи, но умеръ также на чужбинѣ, и, въ общемъ, жилъ за-границей еще дольше Герцена: да еще, при томъ, въ тѣсномъ общеніи съ семьей, гдѣ не было уже ничего русскаго. И въ его печатномъ языкѣ не видно того налета, какой Герценъ сталъ пріобрѣтать послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія за границей, съ конца 40-хъ годовъ, — что мы находимъ и въ такой вещи, какъ " Съ того берега ", въ книгѣ, написанной вдохновеннымъ русскимъ языкомъ съ непревзойденнымъ никѣмъ жаромъ, блескомъ, силой, мастерствомъ діалектики. Но и тутъ вы уже наталкиваетесь на слѣды вліяній жизни среди иностранцевъ.

III.

Когда я сходился съ Герценомъ, осенью 1869 года, онъ, по внѣшности, былъ почти такимъ, какимъ является на портретѣ работы художника Гэ, экземпляръ котораго принадлежалъ когда-то Евгенію Утину и висѣлъ у него въ квартирѣ, еще до его женитьбы.

Красивымъ его лицо нельзя было назвать; но я рѣдко видалъ болѣе характерную голову, съ такой своеобразной, живой физіономіей, съ острыми и блестящими глазами, съ очертаніями насмѣшливаго рта, съ этимъ лбомъ и сѣдѣющей шевелюрой. Скульпторъ Забѣлло съумѣлъ схватить посадку головы и всю фигуру, со сложенными на груди руками, въ статуѣ, находящейся на кладбищѣ въ Ниццѣ; только — какъ это вышло

и на памятникѣ Пушкина въ Москвѣ — Герценъ кажется выше ростомъ. Онъ былъ немного ниже средняго роста, не тучной, но плотной фигуры.

Истиннымъ духовнымъ удовольствіемъ были для всѣхъ, кто пользовался его обществомъ, тѣ бесѣды, которыя такъ согрѣвались и скрашивались его искрометнымъ умомъ, особенно за столомъ, въ ресторанѣ, или въ кафе, за стаканомъ грога. Рѣдко можно было встрѣтить такого собесѣдника, даже и среди французовъ или южанъ — итальянцевъ и испанцевъ. При такомъ темпераментѣ разсказчика и, когда нужно, оппонента, защитника своихъ идей, Герценъ, конечно, овладѣвалъ бесѣдой и при немъ трудно было другому вставить что нибудь въ общій разговоръ. И онъ не зналъ устали, могъ просидѣть за столомъ до пѣтуховъ, и бесѣда, подъ его обаяніемъ, все разгоралась.

По французски онъ говорилъ бойко, также какъ и писалъ; но мы и тогда находили, что онъ всетаки остался въ своемъ произношеніи и манерѣ говорить москвичемъ 40-хъ годовъ; другими словами онъ произносилъ по французски, а думалъ по русски.

О его послѣдней болѣзни и смерти я писалъ въ свое время и резюмировалъ итоги нашего знакомства въ книгѣ "Столицы Міра". А писателемъ я занимаюсь во второмъ (еще не изданномъ) томѣ моего труда о романѣ въ XIX столѣтіи, въ двухъ отдѣльныхъ главахъ "Личность и судьба писателя" и "Главныя вѣхи русскаго романа". Повторяться я не хочу, хотя и очень не легко отрываться отъ памяти о такомъ "эмигрантѣ", какъ Герценъ, объ этомъ безъ сомнѣнія, даровитѣйшемъ и типичнѣйшемъ москвичѣ, который такъ страстно и преданно выступалъ бойцомъ за все, что Западъ Европы написалъ на своемъ освободительномъ знамени.

Не могу не повторить того, что мы уже чуяли тогда

въ Герценѣ, подъ блескомъ его бесѣды, — затаенную грусть, тяжкое сознаніе того факта, что прервалась его героическая эпопея, когда "Колоколомъ" зачитывалась вся Россія. Онъ началъ тосковать отъ своей жизни скитальца, какъ-бы безъ опредѣленнаго призванія, который видѣлъ, что и въ Европѣ его идеи точно сданы въ архивъ. А вѣдь это было всего за годъ до паденія второй имперіи.

Умеръ онъ въ январѣ 1870 года (по новому стилю), когда ему шелъ всего 58-й годъ.

IV

Александръ Ивановичъ былъ первый эмигрантъ (и притомъ съ такой славой и обаяніемъ на тогдашнюю передовую Россію), которому довелось испытать непріязненыя нападки отъ молодыхъ русскихъ, бѣжавшихъ за границу послѣ выстрѣла Каракозова.

До того Герценъ оставался единственнымъ эмигрантомъ на виду, вплоть до прекращенія лондонскаго изданія "Колокола". А тутъ явились "нигилисты" новой формаціи, и они сразу повели противъ него подкопы; кончилось это тѣмъ, что онъ принужденъ былъ, защищая себя, "отчитать" ихъ въ печати, показать всю суть ихъ поведенія. Для нихъ Герценъ, авторъ "Съ того берега", водрузившій, на чужбинѣ, первый вольный русскій станокъ, издатель "Колокола", поднявшій до такой высоты наше общественное самосознаніе,—все это какъ-бы уже не существовало, и они явились въ роли самозванныхъ судей его личности и поведенія.

Но разладъ начался раньше, со свиданія съ нимъ въ Лондонѣ, Чернышевскаго, тогда уже властителя думъ самого крайняго слоя русской молодежи.

Они не понравились другъ другу, и не могли понравиться. Чернышевскій пріѣхалъ съ претензіей по-

учать Герцена, на котораго онъ смотрѣлъ, какъ на москвича-либерала 40-хъ годовъ, тогда какъ себя онъ считалъ провозвѣстникомъ идей, проникнутыхъ духомъ коммунизма.

Когда я познакомился съ Герценомъ, я понялъ, до какой степени личность и весь душевный складъ и тонъ Чернышевскаго должны были непріятно дѣйствовать на него.

Съ Чернышевскимъ я лично знакомъ не былъ; но я началъ свое писательство въ Петербургѣ, въ годы, его популярности, и мнѣ, какъ фельетонисту журнала "Библіотека для Чтенія" (который я позднѣе пріобрѣлъ въ собственность), привелось говорить о тѣхъ полемическихъ походахъ, какіе Чернышевскій велъ тогда, направо и налѣво. Я слышалъ его публичную бесѣду, посвященную памяти Добролюбова, только что передъ тѣмъ умершаго. Тема этой бесѣды была: желаніе показать публикѣ, что Добролюбовъ не былъ нисколько "выученикомъ" его, Чернышевскаго; что онъ очень быстро занялъ въ "Современникѣ" самостоятельное положеніе. Намѣреніе было великодушное и говорило какъ-бы о скромности лектора; но тонъ бесѣды, ея безпрестанныя обращенія къ аудиторіи, то, какъ онъ держалъ себя на эстрадѣ, его фразеологія, и вплоть до интонацій его голоса, все, по крайней мѣрѣ во мнѣ, не могло вызвать ни сочувствія, ни умственнаго удовлетворенія. Сиди среди его слушателей Герценъ, я думаю, что его впечатлѣніе было-бы такое-же.

Чернышевскій и Герценъ — это были продукты двухъ эпохъ, двухъ обществъ, двухъ интеллигенцій. И оцѣнка Герцена Чернышевскимъ была тѣмъ зарядомъ, которымъ зарядились новые эмигранты и довели себя до тѣхъ безпощадныхъ обличеній, какими наградилъ ихъ Герценъ.

V

Въ нашей эмиграціи, болѣе, чѣмъ за полвѣка, не было другого примѣра той нѣжной и глубокой дружбы, какая соединяла такихъ двухъ пріятелей, какъ Герценъ и Николай Огаревъ.

Это была не только у насъ, но и во всей Европѣ совершенно исключительная душевная связь. Извѣстно, изъ воспоминаній Герцена ("Былое и Думы"), какъ зародилась эта дружба и черезъ какія фазы она перешла. На Воробьевыхъ горахъ произошла клятва во взаимной пріязни двухъ юношей, почти еще отроковъ. Тогда уже, въ нихъ обоихъ, жили задатки будущихъ "свободолюбцевъ", намѣчена была ихъ дальнѣйшая судьба общественныхъ борцевъ, помимо ихъ судьбы, какъ писателей.

Оба рано выступили въ печати: одинъ, какъ лирическій поэтъ; другой, какъ авторъ статей и беллетристическихъ произведеній. Но ссылка уже ждала того, кто, черезъ нѣсколько лѣтъ, очутился за границей, сначала съ русскимъ паспортомъ, а потомъ въ качествѣ эмигранта. Огаревъ оставался пока дома—первый изъ русскихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ крестьянъ, отпустившій на волю цѣлое село; но онъ не могъ оставаться дольше въ разлукѣ со своимъ дорогимъ "Сашей" и очутился наконецъ въ Лондонѣ, какъ ближайшій участникъ "Колокола".

Вліяніе Огарева на общественныя идеи Герцена все возростало въ этотъ лондонскій періодъ ихъ совмѣстной жизни. То, что въ Герценѣ сидѣло, съ молодыхъ лѣтъ, народническаго,—преклоненіе передъ крестьянской общиной и круговой порукой, — получило, при участіи Огарева въ "Колоколѣ", характеръ цѣлой доктрины, и не будь Огаревъ такъ дорогъ своему другу, врядъ-ли бы тотъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ

многое, что появлялось тамъ съ согласія и одобренія главнаго издателя

Про Огарева у насъ мало писали. И его поэтическое дарованіе стали оцѣнивать только въ самое послѣднее время. Перипетіи ихъ дружбы съ Герценомъ тоже не были освѣщены, въ печати, во всѣхъ подробностяхъ. Не соединяй ихъ такая нѣжная дружба, въ ихъ интимной судьбѣ случилось нѣчто, что вѣроятно бы заставило и пріятелей разойтись. Вторая жена Огарева стала подругой Герцена. Отъ него у нея была дочь, Лиза, которая формально считалась Огаревой; но была несомнѣнно третья по счету дочь Александра Ивановича. Но это не охладило того чувства, какимъ дышалъ Герценъ къ своему "Колѣ", вплоть до послѣднихъ минутъ своей жизни. Когда онъ умиралъ въ Парижѣ, онъ не переставалъ безпокоиться: не пришла-ли депеша отъ его Коли? Это дало мнѣ, какъ беллетристу, мотивъ разсказа, появившагося въ газетѣ подъ заглавіемъ: "Послѣдняя Депеша"...

Да, такой дружбы не было въ русской эмиграціи, да и во всей писательской средѣ.

VI

Огарева видѣлъ я всего разъ въ жизни, и не въ Лондонѣ или въ Парижѣ, а въ Женевѣ, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Герцена, во время франко-прусской войны. Онъ не пріѣзжалъ въ Парижъ въ тѣ мѣсяцы, когда тамъ жилъ Герценъ съ семьей, а оставался все время въ Женевѣ, гдѣ и А. И. жилъ прежде домомъ, по переѣздѣ своемъ изъ Англіи.

И вотъ жизнь привела меня къ встрѣчѣ съ Огаревымъ именно въ Женевѣ, проѣздомъ (какъ корреспондентъ)съ театра войны, въ юго-восточную Францію, гдѣ французскія войска еще держались. И я завернулъ въ

Женеву, главнымъ образомъ, вотъ почему: туда, послѣ смерти Герцена, перебралась его подруга, Огарева, со своей дочерью Лизой; а Лиза въ Парижѣ сдѣлалась моей юной пріятельницей; я занимался съ нею русскимъ языкомъ и мы вели обширные разговоры, и послѣ уроковъ, и по вечерамъ, и за обѣдомъ, въ ресторанахъ, куда Герценъ всегда бралъ ее съ собой.

Лиза была не по лѣтамъ развитая дѣвочка; въ двѣнадцать лѣтъ похожа была на взрослую дѣвицу по разговору, хотя, по внѣшности, не казалась старше своихъ лѣтъ; съ миловидностью почему-то англійскаго типа, съ двумя выдающимися зубами верхней челюсти, съ забавнымъ англо-французскимъ акцентомъ, когда говорила по русски, со смѣсью дѣтскости съ манерами и тономъ взрослой дѣвицы. Она не говорила Герцену "папа", а называла его и въ его присутствіи: "Александръ Иванычъ" съ сильной картавостью.

Мнѣ захотѣлось, по пути, повидаться съ этой милой "подружкой", которая позднѣе послужила мнѣ моделью въ романѣ "Дѣльцы" (а послѣ ея самоубійства, уже взрослой дѣвушкой, я посвятилъ ея памяти разсказъ "По русски", въ видѣ исповѣди матери).

Точно какая фея послала мнѣ Лизу, когда я, пріѣхавъ въ Женеву, отыскивалъ ихъ квартиру. Она возвращалась изъ школы, съ ученической сумкой за плечами, и привела меня къ своей матери, гдѣ я и отобѣдалъ. Съ ея матерью у меня, въ Парижѣ, сложились весьма ровныя, но суховатыя отношенія. Я здѣсь не стану вдаваться въ разборъ ея личности; но она всегда, при жизни Герцена, держала себя съ тактомъ въ семьѣ, гдѣ были его взрослыя дочери, и женой она себя не выставляла.

Обѣдать пришелъ и Огаревъ. Тогда (т. е. въ концѣ 1870 года) это былъ сильно опустившійся, больной человѣкъ, хотя еще не смотрѣлъ старикомъ, съ черными

волосами, безъ замѣтной сѣдины. Не одному мнѣ было извѣстно, что онъ давно страдалъ русскимъ недугомъ алкоголизма. За столомъ онъ упорно молчалъ, и я не помню, чтобы онъ сказалъ хоть что-нибудь такое, что могло бы сохраниться въ моей памяти. Впечатлѣніе производилъ онъ довольно тяжкое. Я зналъ уже и раньше, что онъ находится въ сожительствѣ съ англичанкой, скромной дѣвушкой, которая ходила за нимъ, какъ сидѣлка. Прежняго Огарева — поэта и политическаго писателя—не осталось и слѣда въ этомъ "живомъ трупѣ". Но — какая игра судьбы, которая свела бывшихъ супруговъ за этимъ обѣдомъ, гдѣ хозяйка приготовила для насъ русскія щи!

VII

Отступя нѣсколько назадъ, я приведу подробности моего личнаго знакомства съ М. А. Бакунинымъ—этимъ первоначальнымъ насадителемъ анархизма, въ которомъ онъ очутился выученикомъ Прудона, въ Парижѣ, въ концѣ 40-хъ годовъ. Оба они были воинствующіе гегельянцы, и Бакунинъ, послѣ фанатическаго оправданія всякой дѣйствительности (когда самъ начитывалъ Бѣлинскому гегельянскую доктрину), успѣлъ превратиться сначала въ революціонера на якобинскій манеръ и произвести бунтъ у нѣмцевъ, былъ ими захваченъ и выданъ русскому правительству, насидѣлся въ сибирской ссылкѣ и бѣжалъ оттуда, черезъ Японію, въ Лондонъ, гдѣ состоялъ нѣсколько лѣтъ при Герценѣ и въ извѣстной степени вліялъ на него, особенно въ вопросѣ о польскомъ возстаніи. Если популярность Герцена покачнулась въ Россіи, то именно изъ-за польскаго возстанія, и въ этомъ главнымъ виновникомъ надо было считать все того-же Бакунина.

Въ Лондонѣ я къ Герцену не ѣздилъ, и первое мое пребываніе тамъ относится къ лѣту 1867 года, когда

Герценъ съ Огаревымъ и Бакунинымъ перебрались уже на континентъ.

О Бакунинѣ я и раньше слыхалъ, часто и по многу, отъ разныхъ посѣтителей герценовой гостиной въ Лондонѣ, въ томъ числѣ отъ А. Ѳ. Писемскаго, который прекрасно передавалъ его тонъ и даже интонаціи его зычнаго, какъ-бы протодьяконскаго голоса (хотя онъ и ничего общаго съ духовнымъ званіемъ не имѣлъ, а былъ и остался характернымъ россійскимъ дворяниномъ, тверскимъ эксъ-помѣщикомъ и московскимъ интеллигентомъ 30-хъ годовъ).

Онъ сталъ ѣздить на тѣ "Конгрессы Мира и Свободы", которые собирались въ концѣ 60-хъ годовъ въ Швейцаріи. Первый состоялся въ Женевѣ. Я на него не попалъ; но попалъ на второй и на третій конгрессы, бывшіе въ Бернѣ и въ Базелѣ.

Тогда-то я и познакомился съ этимъ страшнымъ упразднителемъ всей цивилизаціи по рецепту непримиримаго анархизма.

Объ этихъ встрѣчахъ мнѣ приводилось уже говорить въ моихъ воспоминаніяхъ, и я не хотѣлъ бы здѣсь повторяться. Но какъ же не сказать—какая живописная и архирусская бытовая фигура являлась въ лицѣ этого достолюбезнаго Михаила Александровича? Такихъ и на Руси его эпохи не нашлось бы и полдюжины.

Все въ немъ дышало дворянскимъ побытомъ, все: и колоссальная фигура, и жестъ, и голосъ, и языкъ, и манера одѣваться. На немъ еще менѣе, чѣмъ на Герценѣ, отлиняла долгая жизнь за границей.

VIII

Съ Бакунинымъ, какъ я сказалъ, мы видались на обоихъ съѣздахъ въ Бернѣ и Базелѣ. Онъ былъ уже хорошо знакомъ съ моимъ покойнымъ пріятелемъ Г. Н.

Вырубовымъ; тотъ тоже пріѣзжалъ на эти съѣзды и даже выступалъ на нихъ, какъ ораторъ.

Создатель европейскаго анархическаго "Интернаціонала", когда-то гвардейскій офицеръ и тверской помѣщикъ, обладалъ прирожденнымъ краснорѣчіемъ. По русски онъ при мнѣ не произносилъ рѣчей; но по французски выражался красиво; а главное — сочно и звучно, своимъ протодьяконскимъ басомъ.

Въ памяти моей сохранилась такая забавная подробность. Когда Бакунинъ (это было на бернскомъ съѣздѣ), съ каѳедры, громовымъ голосомъ возгласилъ, что въ Россіи "все готово" къ политико-соціальной революціи, мы съ Вырубовымъ переглянулись, особенно послѣ заключительной фразы, будто-бы : "такихъ, какъ онъ, въ Россіи, найдется до сорока тысячъ".

Въ корридорѣ Вырубовъ остановилъ его и говоритъ :

— Михаилъ Александровичъ, побойтесь Бога ! Да такихъ, какъ вы, не только сорока тысячъ не найдется у насъ, а даже и двоихъ-троихъ.

Бакунинъ добродушно разсмѣялся своимъ могучимъ груднымъ смѣхомъ. Вообще, онъ, хоть и былъ жестокъ въ своихъ полемикахъ, — обезоруживалъ добродушіемъ и какой-то неумирающей наивностью. Нельзя было хмуриться на него и за то, что онъ проповѣдывалъ.

Все это уже — *tempi passati*, и теперь Бакунинъ навѣрно, на оцѣнку нашихъ экстремистовъ, являлся бы отсталымъ старичиной, непригоднымъ для серьезной пропаганды. Тогда его вліяніе было еще сильно въ группахъ анархистовъ, во Франціи, Италіи и даже Испаніи. Но онъ, подъ конецъ жизни, превратился въ бездомнаго скитальца, проживая больше въ итальянской Швейцаріи, окруженный кучкой русскихъ и поляковъ, къ которымъ онъ всегда относился очень благосклонно.

Вотъ еще одна подробность, изъ дней бернскаго съѣзда. Сидѣли мы рядомъ съ Вырубовымъ въ корридорѣ; проходитъ Бакунинъ своимъ грузнымъ, скрипучимъ шагомъ, и, кивая на насъ головой, кидаетъ во всеуслышаніе:

— Вотъ сидятъ попы науки!

Такъ онъ называлъ сторонниковъ позитивной философіи.

Но въ его анархизмѣ было много такого, что давало ему свободу мнѣній; вотъ почему онъ и не попалъ въ ученики къ Карлу Марксу и сдѣлался даже предметомъ клеветы: извѣстно, что Марксъ заподозрилъ его въ роли агента русскаго правительства; да и къ Герцену Марксъ относился немногимъ лучше.

Послѣ съѣзда въ Базелѣ, больше мы съ Бакунинымъ не встрѣчались. Меня потянуло на родину, а изъ отечества я отсутствовалъ болѣе четырехъ лѣтъ!

IX

Надо опять отступить назадъ, къ моменту освобожденія крестьянъ, т. е. къ марту 1861 г., такъ какъ манифестъ былъ обнародованъ въ Петербургѣ не 19 февраля, а въ началѣ марта, въ воскресенье на Маслянницѣ.

Тогда я проводилъ первую свою зиму, уже писателемъ, который выступилъ въ печати еще дерптскимъ студентомъ въ октябрѣ предыдущаго — 1860 года.

Въ Дерптѣ, гдѣ я, въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ, изучалъ химію, естественныя и медицинскія науки, я выпускного экзамена не держалъ и рѣшилъ пріобрѣсти кандидатскій дипломъ по юридическому факультету, для чего и записался на второе полугодіе 1860-1861 г.г., въ число вольныхъ слушателей петербургскаго университета.

Это сблизило меня съ нѣсколькими кружками студентовъ, и въ томъ числѣ, съ однимъ, очень передовымъ, гдѣ вожакомъ считался Николай Неклюдовъ (впослѣдствіи сановникъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ) и нѣкій Михаэлисъ, братъ г-жи Шелгуновой; а чета Шелгуновыхъ состояла въ близкомъ пріятельствѣ съ извѣстнымъ уже писателемъ М. Л. Михайловымъ.

Онъ, какъ политическій дѣятель, прошелъ очень быстро, почти мгновенно. Не только теперь о немъ многіе забыли, но и тогда его тяжкая судьба — каторжныя работы — разразилась совершенно внезапно. Даже въ тогдашнемъ Петербургѣ его знали мало; а если и знали, то какъ писателя, беллетриста и автора литературныхъ статей, а не какъ политическаго агитатора.

У него тогда (т. е. къ году его процесса) было уже прошлое, какъ у писателя, и довольно большое. Онъ, еще въ 50-хъ годахъ, сдѣлалъ себѣ имя, какъ беллетристъ, и печатался въ лучшихъ журналахъ — въ "Современникѣ" и въ "Отечественныхъ Запискахъ". Его перу принадлежалъ и обширный бытовой романъ изъ актерскаго міра въ провинціи: "Перелетныя Птицы".

Эпоха реформъ произвела въ его внутреннемъ "я" быстрый переворотъ. Онъ изъ беллетриста и стихотворца (какъ извѣстный уже переводчикъ пѣсенъ Гейне) превратился въ работника по экономическимъ вопросамъ, по политикѣ и публицистикѣ, сдѣлался сторонникомъ самыхъ тогда "разрывныхъ" идей, почитателемъ такихъ мыслителей, какъ С. Симонъ, Л. Бланъ, Прудонъ. Его потянуло за границу, и сильнѣе всего въ Лондонъ, къ Герцену. Эта поѣздка рѣшила его судьбу. Тамъ онъ и сдѣлался болѣе пылкимъ революціонеромъ и оттуда привезъ съ собою ту прокламацію, которая загубила его. Онъ ее пустилъ въ ходъ какъ разъ по-

слѣ манифеста 19 февраля и оставался самъ въ Петербургѣ, вмѣсто того, чтобы переждать и, можетъ быть, совсѣмъ не явиться на родину.

X

Тутъ я долженъ опять зайти къ годамъ моего отрочества. Это было въ Нижнемъ, въ концѣ 40-хъ годовъ. Я учился въ тамошней гимназіи до 1853 года; жилъ и воспитывался въ домѣ моего дѣда. И тогда уже я зналъ, что въ нашемъ городѣ проживаетъ нѣкто Михайловъ, племянникъ совѣтника Соляного правленія, который ѣздилъ съ визитами къ моему дѣду; но этотъ племянникъ въ нашъ домъ вхожъ не былъ. Съ нимъ водилъ знакомство по клубу мой дядя, братъ матери, человѣкъ умный, съ образованіемъ, любознательный и общительный. Отъ него я, вѣроятно, и слыхалъ впервые про этого Михайлова; видалъ его только на улицѣ, и, даже вопреки моей большой близорукости, разглядѣлъ, что онъ отличался выдающейся некрасивостью лица: что-то инородческое, до нельзя не "авантажное", какъ говорили еще тогда въ провинціи.

Эти Михайловы были сибиряки, или изъ Приуральскаго края, чѣмъ и объяснялась его такая инородческая некрасивость. Но отъ дяди я зналъ, что онъ "изъ университетскихъ", очень умный, веселый и рѣчистый острякъ и уже тогда пописывалъ. Нѣсколько позднѣе я сталъ читать и его разсказы и повѣсти. Одинъ изъ этихъ разсказовъ до сихъ поръ остается у меня въ памяти: "Кружевница", вмѣстѣ съ содержаніемъ и главными лицами его романа "Перелетныя Птицы". Въ немъ я узнавалъ актеровъ и актрисъ тогдашняго нижегородскаго театра: первый актеръ Милославскій, впослѣдствіи извѣстный антрепренеръ, на югѣ, и сестры Стрѣлковы (въ романѣ онѣ называются Бушуевы), изъ кото-

рыхъ старшая, Ханея Ивановна, попала въ московскій Малый Театръ и играла въ моей комедіи "Однодворецъ" уже на амплуа старухъ, нося имя своего мужа, Таланова.

Мы — гимназисты, жадные до чтенія журналовъ, — приписывали Михайлову и рядъ очень бойкихъ очерковъ бытовой жизни на нижегородской ярмаркѣ, въ журналѣ "Москвитянинъ".

У насъ съ Михайловымъ были встрѣчи : въ концѣ 1858 года и въ началѣ 1861 года, и оба раза въ Петербургѣ.

Въ первый разъ это случилось въ кабинетѣ Я. П. Полонскаго, тогда одного изъ редакторовъ Кушелевскаго журнала "Русское Слово". Къ нему я попалъ съ рукописью моей первой комедіи "Фразеры", которая, какъ разъ, и погибла въ редакціи этого журнала, и не появлялась никогда, ни на сценѣ, ни въ печати. На сцену ее не пустила театральная цензура.

У Полонскаго я и нашелъ Михайлова, и въ первый разъ въ жизни, могъ поближе разглядѣть его, слышать его голосъ и манеру вести разговоръ.

На мои слова, что я и раньше видалъ его, Полонскій (они были на ты) воскликнулъ :

— Гдѣ-же ? Навѣрно въ какомъ-нибудь неприличномъ мѣстѣ ?

Оба они разсмѣялись. И это пріятельское замѣчаніе и тогда меня не особенно покоробило. Я, уже изъ Нижняго, вывезъ такое мнѣніе, что Михайловъ, несмотря на свою архи-некрасивую внѣшность, имѣлъ репутацію любителя женскаго пола и считался авторомъ довольно таки эротическихъ куплетовъ на тему о жизни дѣвицъ въ веселой слободкѣ на нижегородской ярмаркѣ.

XI

Позднѣе, когда я уже жилъ въ Петербургѣ, молодымъ писателемъ, я всего на нѣсколько минутъ столкнулся съ нимъ у Писемскаго. Я шелъ къ нему въ кабинетъ, а Михайловъ выходилъ оттуда.

Писемскій, лежа на клеенчатомъ диванѣ, какъ всегда, въ халатѣ и съ раскрытымъ воротомъ ночной рубашки, говорилъ мнѣ:

— Вотъ сейчасъ, Михайловъ спрашиваетъ меня: А. Ѳ., куда у меня литературный талантъ дѣвался? а вѣдь я писалъ и разсказы, и романы. А я ему въ отвѣтъ: "заучились, батюшка, заучились, все вопросами занимаетесь, вотъ талантъ-то и улетучился".

И это было, въ сущности, вѣрно. Идеи, соціальные вопросы, политическія мечты и упованія отвлекли его совсѣмъ отъ интересовъ и работы беллетриста.

Въ третій и послѣдній разъ я нашелъ его случайно въ томъ студенческомъ кружкѣ, гдѣ вожакомъ былъ Михаэлисъ, его пріятель и родной братъ г-жи Шелгуновой.

Цѣлая компанія молодежи сидѣла вокругъ самовара, вечеркомъ, и среди нихъ — Михайловъ. Въ рукахъ его былъ экземпляръ манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Онъ жестоко нападалъ на него, не оставлялъ живой ни одной фразы этого документа, написаннаго велерѣчиво съ пріемами семинарскаго краснорѣчія и чиновничьяго стиля. Особенно доставалось фразѣ, которую приписывали тогда московскому митрополиту Филарету: "отъ проходящаго до проводящаго".

Вся эта компанія была настроена очень радикально, прямо бунтарски. И, кажется, тогда-же я и видѣлъ листокъ той прокламаціи, которая погубила Михайлова. Получилъ-ли я этотъ листокъ отъ самого автора или отъ его пріятеля Михаэлиса, не припомню. Но я больше съ Михайловымъ уже не встрѣчался.

На нынѣшнюю оцѣнку, содержаніе и тонъ этого документа были бы признаны совсѣмъ не такими ужасными; повели-бы за собою ссылку, пожалуй, и въ мѣста, довольно таки отдаленныя, но врядъ-ли — каторжныя работы на долголѣтній срокъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

По Петербургу ходила потомъ запрещенная фотографическая карточка, гдѣ Михайловъ сидитъ на барабанѣ, когда его только-что остригли, въ солдатской шапкѣ и въ сѣромъ арестантскомъ балахонѣ; портретъ очень похожій, съ его инородческими глазами и и всѣмъ обликомъ сибирскаго уроженца.

Успѣхъ этой карточки показывалъ, что въ петербургской публикѣ имъ уже интересовались. Но кто? Исключительно, я думаю, молодежь. Я не помню, чтобы его процессъ и приговоръ волновали всѣхъ. Во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ, впослѣдствіи, процессъ и гражданская казнь Чернышевскаго.

Но этотъ быстрый поворотъ въ судьбѣ писателя-беллетриста показывалъ: какой толчекъ дало русской, болѣе воспріимчивой интеллигенціи то, что "Колоколъ" Герцена подготовлялъ съ конца 50-хъ годовъ.

Если Чернышевскій могъ, во время своего процесса, упорно отстаивать свою невиновность, то Михайлову было труднѣе отрицать, что онъ составитель прокламаціи. А Чернышевскій былъ приговоренъ къ каторгѣ только по экспертизѣ почерка его письма къ поэту Плещееву; ее производили сенатскіе оберъ-секретари, да и они далеко не всѣ признали тождество съ его почеркомъ.

XII

Изъ той-же полосы моей писательской жизни, немного позднѣе (когда я уже сталъ издателемъ-редакторомъ "Библіотеки для Чтенія"), всплываетъ, въ моей

памяти, фигура юнаго сотрудника, который исключительно работалъ тогда у меня, какъ переводчикъ.

Я далъ ему перевести — какъ можно скорѣе только что вышедшую тогда брошюру Дж. Ст. Милля "Объ утилитаризмѣ". Мой юный сотрудникъ перевелъ ее въ два дня, и, когда я послалъ ему гонораръ съ секретаремъ редакціи, тотъ передалъ мнѣ, что его самого онъ не засталъ, а гонораръ передалъ его матери, которая, провожая его, сказала:

— Мой Петинька ужъ такъ старается для П. Д-ча.

И этотъ "Петинька" былъ никто иной, какъ впослѣдствіи жестокій нигилистъ, критикъ и эмигрантъ-революціонеръ, Петръ Ткачевъ. Это былъ тогда недоучившійся студентъ, самаго скромнаго вида и тихаго тона. У меня въ журналѣ онъ не припускалъ еще себя къ литературной и публицистической критикѣ. И я не помню, чтобы онъ часто посѣщалъ редакцію.

Его переводъ этюда Милля постигла печальная участь. Тогда всѣ статьи философскаго содержанія шли на цензорскій просмотръ въ "Лавру"; ихъ читалъ какой-то обскурантъ-монахъ, да еще имѣвшій репутацію сильно выпивающаго. И онъ такую невиннѣйшую вещь перекрестилъ красными чернилами, всю безъ остатка.

Ткачевъ поступилъ въ дальнѣйшую радикальную выучку къ Благосвѣтлову, редактору "Русскаго Слова"; а потомъ журнала "Дѣло". Тамъ и выработался изъ него самый суровый и часто бранчивый критикъ Писаревскаго пошиба; но еще безцеремоннѣе въ своихъ пріемахъ и языкѣ. Онъ, какъ извѣстно, доходилъ до того, что — Толстого, автора "Войны и Мира" называлъ именемъ юродиваго, Ивана Яковлевича Корейши!

Въ Ткачевѣ уже и тогда назрѣвалъ русскій якобинецъ на подкладкѣ соціализма, но еще не марксизма. И его темпераментъ взялъ настолько вверхъ, что онъ

вскорѣ долженъ былъ бѣжать за границу, гдѣ и сдѣлался вожакомъ цѣлой группы русскихъ революціонеровъ, издавалъ журналы, предавался самой махровой пропагандѣ... и кончилъ убѣжищемъ для умалишенныхъ въ Парижѣ, гдѣ и умеръ въ половинѣ 80-хъ годовъ. Про него говорили, что онъ сталъ неумѣренно предаваться виннымъ возліяніямъ. Это, быть можетъ, и ускорило разложеніе его духовной личности.

Вотъ что вышло изъ тихенькаго, трудолюбиваго студентика, изъ того "Петиньки", мать котораго радовалась, что онъ такъ усердствовалъ, переводя брошюру Милля.

Ни въ Петербургѣ, до моего отъѣзда изъ Россіи, въ сентябрѣ 1865 года, ни за границей я его не встрѣчалъ больше; а его дѣятельность мало привлекала меня. Въ немъ умеръ осколокъ того матеріалистическаго нигилизма и демагогическаго якобинства, изъ которыхъ ничего плодотворнаго, истинно двигательнаго не вышло, ни для людей его поколѣнія, ни для дальнѣйшихъ генерацій, даже и среди эмигрантовъ.

XIII

Другая, совсѣмъ иныхъ размѣровъ, фигура, выплываетъ въ памяти, опять изъ той-же полосы моего петербургскаго писательства и редакторства.

Это былъ самъ Петръ Лавровичъ Лавровъ, тогда артиллерійскій ученый полковникъ, а впослѣдствіи знаменитый бѣглецъ изъ ссылки и эмигрантъ, жившій долго въ Парижѣ, послѣ усиленной пропаганды своихъ идей, ряда изданій и попытокъ организовать революціонные центры въ двухъ столицахъ міра — Лондонѣ и Парижѣ.

Въ первый разъ, мнѣ привелось видѣть его, когда я, еще дерптскимъ студентомъ, привозилъ свою первую

комедію "Фразеры" (какъ уже упоминалъ выше) въ Петербургъ и попалъ къ Я. П. Полонскому, одному изъ редакторовъ "Русскаго Слова". Полонскій жилъ тогда со своей молоденькой первой женой (русской парижанкой, дочерью псаломщика Устюшкова) — въ домѣ извѣстнаго архитектора Штакеншнейдера и привелъ меня изъ своей квартиры въ хозяйскій обширный аппартаментъ, гдѣ, по воскресеньямъ давали вечера, литературно-танцовальные. Тамъ я впервые видѣлъ цѣлый выборъ тогдашнихъ писателей: поэта Бенедиктова, Василія Курочкина, М. Семевскаго, еще офицеромъ Павловскаго полка, и даже Тараса Шевченку, видомъ настоящаго хохла-чумака; но почему-то во фракѣ, который уже совсѣмъ не шелъ къ нему.

Полонскій заставилъ меня дочитать мою комедію, среди цѣлаго общества, въ гостиной, гдѣ преобладали дамы и дѣвицы.

И когда я уже кончалъ чтеніе послѣдняго акта, вошелъ рослый, очень плотный, рыжій полковникъ, въ сопровожденіи своей супруги. Это и былъ Лавровъ.

Когда потомъ я перешелъ въ кабинетъ, гдѣ сидѣли литераторы, случился такой инцидентъ: Лавровъ, войдя въ кабинетъ и не замѣтивъ меня, сидѣвшаго въ углу, громко спросилъ Полонскаго своимъ картавымъ голосомъ:

— А какъ вы находите эту комедію дерптскаго студента?

Раньше, еще въ Дерптѣ, я сталъ читать его статьи въ "Библіотекѣ для Чтенія", все по философскимъ вопросамъ. Онъ считался тогда "гегельянцемъ", и я никакъ не воображалъ, что авторъ ихъ — артиллерійскій полковникъ, читавшій въ Михайловской Академіи механику. Появлялись потомъ его статьи и въ "Отечественныхъ Запискахъ" Краевскаго; но въ "Современникѣ" онъ не писалъ, и даже позднѣе, когда я съ нимъ

ближе познакомился, уже въ началѣ 60-хъ годовъ — не считался вовсе "нигилистомъ" и еще менѣе тайнымъ революціонеромъ.

Какъ только я сдѣлался издателемъ-редакторомъ "Библіотеки для Чтенія", я предложилъ ему взять на себя отдѣлъ иностранной литературы. Онъ писалъ обзоры новыхъ книгъ, выходившихъ по нѣмецки, по англійски и по французски. Каждый мѣсяцъ изъ книжныхъ магазиновъ ему доставляли большія кипы книгъ: онъ подвергалъ ихъ слишкомъ быстрому просмотру, такъ что его обозрѣнія получали отрывочный и мало литературный колоритъ.

Это сотрудничество повело къ знакомству домами. Я бывалъ у него на вечеринкахъ. У насъ нашлось даже (черезъ его племянника, блестящаго правовѣда) какое-то дальнее свойство отъ моей тетки, жившей тогда въ Петербургѣ.

Такъ прошло два съ чѣмъ-то года; весной 1865 г. прекратилось изданіе моего журнала, и съ 1865 по 1871 г. я прожилъ за границей (съ короткимъ пріѣздомъ въ Москву, 1866 г.), и въ эту полосу моей жизни я нигдѣ съ Лавровымъ не встрѣчался.

XIV

Тогда-то и произошелъ крутой переворотъ въ его судьбѣ. Изъ артиллерійскаго полковника и профессора Академіи онъ очутился въ ссылкѣ, откуда и бѣжалъ за границу; но это сдѣлалось уже послѣ того, какъ я вернулся въ Петербургъ, въ январѣ 1871 г.

Въ идеяхъ и настроеніяхъ Лаврова произошло также сильное движеніе влѣво, и онъ изъ теоретическаго мыслителя, соціолога и историка философіи превратился въ яркаго врага царизма, способнаго испортить служебную карьеру и рисковать ссылкой.

Какъ я сейчасъ сказалъ, въ это время меня не было въ Россіи. И въ Парижѣ (откуда я уѣхалъ, послѣ смерти Герцена, въ январѣ 1870 года), я не могъ еще видѣть Лаврова. Дальнѣйшее наше знакомство относится къ тѣмъ годамъ Третьей Республики, когда Лавровъ уже занялъ, въ Парижѣ, какъ вожакъ одной изъ революціонныхъ группъ — видное мѣсто, послѣ того, какъ онъ издавалъ журналы и сдѣлалъ всѣмъ характеромъ своей пропаганды окончательно невозможнымъ возвращеніе на родину.

Онъ продолжалъ много работать, и какъ теоретикъ, по исторіи идей и эволюціи общества, бралъ на себя обширные труды, переводные и оригинальные; писалъ постоянно и въ русскіе журналы анонимно и подъ псевдонимами. Въ этомъ ему помогали, оказывая матеріальную поддержку, его друзья, и въ Россіи, и за границей. Но, когда я съ нимъ видался въ Парижѣ (и у Г. Н. Вырубова, и у него на квартирѣ), — онъ мнѣ казался уже сильно "сдавшимъ", какъ говорятъ москвичи, не въ смыслѣ вѣрности дѣлу эмиграціи, но по своимъ физическимъ силамъ, бодрости и свѣжести душевной энергіи. Онъ сталъ страдать глухотой; но въ немъ еще сохранились пылкость рѣчи, увлекаемость и склонность къ спорамъ. Сохранился и его голосъ, высокій и очень картавый. У Вырубова (когда мы съ нимъ тамъ обѣдали) онъ не велъ себя, какъ революціонный вожакъ, хотя всегда и спорилъ съ хозяиномъ; но эти споры были больше теоретическіе.

Жилъ онъ въ тѣсной квартиркѣ, въ глубинѣ двора на длиннѣйшей Rue Saint-Jacques. Помню — я его нашелъ разъ въ обществѣ какихъ-то русскихъ курсистокъ; онѣ принесли ему ягодъ, до которыхъ онъ былъ охотникъ. И продолжая горячую бесѣду, онъ доставалъ вишни изъ пакета, ѣлъ ихъ и выплевывалъ косточки.

Мое общее впечатлѣніе было такое: онъ и тогда

не игралъ такой роли, какъ Герценъ, въ годы "Колокола", и его "платформа" не была такой, чтобы объединять, въ одно цѣлое, массу революціонной молодежи. Къ марксизму онъ относился самостоятельно; анархіи не проповѣдывалъ; а главное: въ немъ самомъ не было чего-то, что даетъ агитаторамъ и вѣроучителямъ особую силу и привлекательность; не было даже и того, чѣмъ бралъ хотя-бы Бакунинъ.

Собственно, "лавровцевъ" было мало, и въ Парижѣ, и въ русскихъ столицахъ. Его умственный складъ былъ слишкомъ идейный. Я думаю, что высшаго вліянія онъ достигъ только своими "Историческими письмами". Тогда-же, и въ Парижѣ, а потомъ въ Петербургѣ и Москвѣ, какъ извѣстно, наша молодежь, послѣ увлеченія народничествомъ и подпольными сообществами, ушла въ марксизмъ или дѣлалась соціалъ-революціонерами и анархистами-экспропріаторами, что достаточно и объявилось въ движеніи 1905-1906 годовъ.

XV

Опять — нѣсколько шаговъ назадъ; но тотъ эмигрантъ, о которомъ сейчасъ пойдетъ рѣчь, соединяетъ, въ своемъ лицѣ нѣсколько полосъ моей жизни и столько-же періодовъ русскаго литературнаго и общественнаго движенія.

Онъ такъ и умеръ эмигрантомъ, хотя никогда не былъ ни опаснымъ бунтаремъ, ни вожакомъ партіи, ни ярымъ проповѣдникомъ "разрывныхъ" идей, или издателемъ журнала съ громкой репутаціей.

Это былъ Владиміръ Ивановичъ Жуковскій.

Впервые познакомился я съ нимъ въ корридорахъ петербургскаго университета, когда мнѣ привелось держать тамъ экзаменъ на кандидата, въ сентябрѣ 1861 г.

Выходитъ, стало быть, что мы съ нимъ ближайшіе

сверстники, если не ровесники: онъ былъ, вѣроятно, помоложе меня, года на два, на три.

Я былъ раньше (въ годы моего студенчества въ Казани) товарищемъ его старшаго брата, Григорія Ивановича, сдѣлавшаго потомъ блестящую судебную карьеру; онъ кончилъ ее званіемъ сенатора.

Владиміръ Ивановичъ попалъ въ эмиграцію изъ-за горячаго сочувствія польскому возстанію. Это послужило толчкомъ дальнѣйшимъ его житейскимъ мытарствамъ. Въ Россіи онъ не сдѣлался вожакомъ одной изъ тогдашнихъ подпольныхъ конспирацій. Его платформа была сначала чисто политическая; а о марксизмѣ тогда еще и разговоровъ не было среди нашей молодежи.

За границей, я сталъ встрѣчаться съ нимъ опять въ Швейцаріи, гдѣ онъ поселился въ Женевѣ и скоро сдѣлался какъ бы "старостой" тогдашней русской колоніи; былъ уже женатъ на очень милой женщинѣ, которая ухаживала за нимъ, какъ самая нѣжная нянька.

А ухаживать надо было. Жуковскій оставался весь свой вѣкъ большимъ ребенкомъ: пылкій, увлекающійся, податливый на всякое пріятельство, способный проспорить цѣлую ночь, участвовать во всякой сходкѣ и пирушкѣ.

Въ немъ жилъ гораздо больше артистъ, чѣмъ бунтарь или заговорщикъ. Онъ, съ дѣтства, выказывалъ музыкальное дарованіе, и изъ него могъ бы выйти замѣчательный піанистъ, предайся онъ серьезнѣе карьерѣ музыканта.

Въ Женевѣ онъ поддерживалъ себя матеріально, давая уроки, и по общимъ русскимъ предметамъ, и по фортепьянной игрѣ. Когда я (во время франко-прусской войны) заѣхалъ въ Женеву повидаться съ Лизой Герценъ, я нашелъ его — ея учителемъ.

Но еще раньше я возобновилъ наше знакомство на конгрессахъ "Мира и Свободы", всего больше на пер-

вомъ по счету изъ тѣхъ, на какіе я попадалъ, — въ Бернѣ.

Тогда онъ держался группы приверженцевъ Бакунина; но я не знаю: былъ-ли онъ убѣжденный и упорный анархистъ; скорѣе, сомнѣваюсь въ этомъ. Слишкомъ онъ любилъ жизнь, культурность, всѣ приманки общественности, которая вѣдь создана была почти исключительно "буржуями". И никогда я не слыхалъ, чтобы онъ что-нибудь проповѣдовалъ ярко-разрушительное. Къ Бакунину онъ относился съ полной симпатіей; быть можетъ, больше, чѣмъ къ другимъ свѣтиламъ эмиграціи той эпохи, не исключая и тогдашнихъ западныхъ знаменитостей политическаго міра: В. Гюго, Кине, нѣмецкихъ эмигрантовъ, вродѣ напр. обоихъ братьевъ Фохтъ.

XVI

И такъ вотъ и скороталъ онъ свой вѣкъ, сидя все въ Женевѣ, и представляя собою типъ вѣчнаго студента 60-хъ годовъ. Не думаю, чтобы кто-нибудь бралъ его "въ сурьезъ", какъ заговорщика или вліятельнаго человѣка партіи.

Въ послѣдній разъ видѣлись мы уже давно зимой, въ Женевѣ. Это было въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ. Я тогда создавалъ свой большой романъ "Перевалъ", который кто-то въ печати назвалъ въ шутку: "Сборъ всѣмъ частямъ русской интеллигенціи". Въ видѣ вступленія, я задумалъ главу, гдѣ одинъ изъ героевъ романа вспоминаетъ о томъ какъ онъ ѣздилъ "прощаться" съ обломками тогдашней русской эмиграціи во французскую Швейцарію.

Это продѣлалъ я самъ. Направляясь зимой (это было подъ новый годъ) на французскую Ривьеру, я навѣстилъ въ Женевѣ и Лозаннѣ нѣсколько эмигран-

товъ, доживавшихъ тамъ свои дни. Въ памяти моей остались двѣ типичныя фигуры: одна въ Лозаннѣ, другая въ Женевѣ.

Лозаннскій, уже пожилой, эмигрантъ жилъ въ мансардѣ; потерялъ надежду вернуться на родину и переживалъ уже полную "резиньяцію"; помирился съ горькой участью изгнанника, который испыталъ паденіе своихъ молодыхъ грезъ и долгихъ упованій. Но другой, въ Женевѣ, изъ земскихъ дѣятелей, оставался все такимъ же оптимистомъ.

На прощанье, онъ мнѣ говорилъ, пожимая мнѣ руку, съ блескомъ въ глазахъ:

— Вы будете надо мною смѣяться; но я до сихъ поръ вѣрую въ то, что вотъ сейчасъ подкатитъ къ подъѣзду нашего дома тройка, возьметъ меня и помчитъ на родину, освобожденную отъ ея теперешнихъ оковъ.

Дожилъ ли онъ до этого радужнаго момента — не знаю: вѣдь это было болѣе четверти вѣка назадъ. Можетъ и дожилъ!

Жуковскій прибѣжалъ ко мнѣ въ гостинницу (я останавливался въ Hôtel de Russie) и у насъ сразу завязалась одна изъ тѣхъ безконечныхъ бесѣдъ, на какія способны только русскіе. Пролетѣло два, три, четыре часа... Отворяется дверь салона и показывается женская фигура: это была жена милѣйшаго Владиміра Ивановича, все такого же молодого, пылкаго и неистощимаго въ разсказахъ и длинныхъ отступленіяхъ.

— Простите, П. Д.! начала она съ тихой и тонкой усмѣшкой, — я пришла напомнить Владиміру Ивановичу, что надо и васъ пожалѣть. Онъ, я думаю, совсѣмъ васъ заговорилъ!

Я ее успокоилъ; она вскорѣ удалилась; а наша бесѣда протянулась еще на добрый часъ.

Плеханова (съ которымъ я до того не былъ знакомъ) я не засталъ въ Женевѣ, о чемъ искренне пожалѣлъ. Позднѣе я, мелькомъ, въ Ниццѣ, видѣлъ одну изъ его дочерей, подругу дочери тамошняго русскаго эмигранта доктора А. Л. Эльсницъ, о которомъ буду еще говорить ниже. Обѣ дѣвушки учились, кажется, въ одномъ лицеѣ. Но отецъ Плехановой не пріѣзжалъ тогда въ Ниццу; да и послѣ я тамъ съ нимъ не встрѣчался; а въ Женеву я попалъ всего одинъ разъ, мимоѣздомъ и не видалъ даже Жуковскаго.

XVII.

На Конгрессахъ "Мира и Свободы" знакомился я и съ другими молодыми эмигрантами, сверстниками Жуковскаго. Одного изъ нихъ я помнилъ еще во время студенческихъ безпорядковъ въ Петербургскомъ университетѣ, тотчасъ послѣ моего кандидатскаго экзамена, осенью 1861 года.

Это былъ Н. Утинъ, игравшій и тогда роль вожака, бойкій, рѣчистый, весьма франтоватый студентъ. Съ братомъ его, Евгеніемъ, я позднѣе водилъ многолѣтнее знакомство.

Въ Швейцаріи Н. Утинъ считался тогда какъ бы главнымъ адъютантомъ Бакунина. Онъ выступалъ, кажется, и на Конгрессѣ въ Базелѣ, на который я попалъ; но что онъ говорилъ съ трибуны, улетучилось изъ моей памяти. Я больше наблюдалъ ту "банду" (какъ ее называли), которая группировалась вокругъ него; все изъ молодыхъ дамочекъ и дѣвицъ. Одна была хорошенькая. Онъ держался какъ ихъ староста. Какія между ними существовали отношенія — распознать было не легко. Они всѣ говорили другъ другу "ты" и употребляли особый жаргонъ, окликая себя: "Машка", "Сашка", "Варька"! Мнѣ привелось долго вбирать въ себя этотъ

жаргонъ, очутившись съ ними въ одномъ вагонѣ, уже послѣ конгресса. Всю дорогу,они желали «épater» (какъ говорятъ французы) умышленной вульгарностью своихъ выраженій. Дорогой они ѣли фрукты. И всѣ эти дамы не иначе выражались, какъ:

— Мы лопали груши.

Или:

— Мы трескали яблоки.

Не мало былъ я изумленъ, когда года черезъ два въ Петербургѣ (въ началѣ 70-хъ годовъ) встрѣтился въ театрѣ съ одной изъ этихъ дамъ, "лопавшихъ" груши которая оказалась супругой какого то не то предводителя дворянства, не то предсѣдателя земской управы.

Эта короста со многихъ слетѣла, и всѣ эти Соньки, Машки, Варьки сдѣлались вѣроятно, мирными обывательницами. Онѣ пріучились выть по волчьи, въ эмигрантскихъ кружкахъ, желая выслужиться передъ своимъ "властителемъ думъ", какъ вотъ такой Н. Утинъ.

Но и онъ — во что обратился съ годами? Изъ "страшнаго" анархиста и коммуниста — сдѣлался дѣльцомъ, попалъ въ желѣзно-дорожные воротилы, добился амнистіи и пріѣхалъ на мѣсто съ крупнымъ окладомъ въ Петербургъ, гдѣ я съ нимъ и столкнулся разъ въ Михайловскомъ театрѣ.

Онъ намѣтилъ движеніе, какъ бы желая подойти ко мнѣ и протянуть мнѣ руку; но я уклонился и сдѣлалъ видъ, что не узналъ его. И тогда мнѣ сразу и такъ ярко представился вагонъ и онъ посреди своихъ амазонокъ, вспомнился его тонъ вмѣстѣ съ самодовольной игрой физіономіи; а также тотъ жаргонъ, какому онъ научилъ своихъ почитательницъ, всѣхъ этихъ барынекъ и барышень, принявшихъ добровольно прозвища: Машекъ, Сонекъ и Варекъ.

XVIII.

Вторую половину 60-хъ годовъ я провелъ, всего больше, въ Парижѣ, и тамъ, въ Латинскомъ кварталѣ, я и ознакомился съ тогдашней, очень немногочисленной, русской эмиграціей. Она сводилась къ кучкѣ молодежи, не больше дюжины — всѣ "бѣженцы", имѣвшіе счеты съ полиціей. Былъ тутъ и офицеръ, побывавшій въ польскихъ повстанцахъ, и просто бѣглые студенты за разныя исторіи; были, кажется, два-три индивида, скрывшіеся изъ за дѣлъ, совсѣмъ не политическихъ.

То, что было среди нихъ болѣе характернаго, то вошло въ сцены тѣхъ частей моего романа "Солидныя Добродѣтели", гдѣ дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ. Что въ этихъ портретныхъ эскизахъ я не позволялъ себѣ ничего тенденціозно-обличительнаго, — доказательство на лицо: будь это иначе, редакція такого радикальнаго журнала, какъ "Отечественныя Записки" Некрасова и Салтыкова, не печатала бы моей вещи. Но, разумѣется, я не могъ смотрѣть на эту эмиграцію снизу вверхъ; не могъ даже считать ее чѣмъ нибудь серьезнымъ и знаменательнымъ для тогдашняго русскаго политическаго движенія. Тутъ собрался разный народъ: "съ борка да съ сосенки". Это было тотчасъ послѣ польскаго возстанія и Каракозовскаго выстрѣла. Трудно было и распознать въ этой кучкѣ что-нибудь вполнѣ опредѣленное въ смыслѣ "платформы". Было тутъ всего понемножку — отъ коммунизма до революціоннаго народничества.

Группа въ три-четыре человѣка наладила сапожную артель, о которой есть упоминаніе и въ моемъ романѣ. Ея староста, взявшій себѣ французскій псевдонимъ, захаживалъ ко мнѣ и даже взялъ заказъ на пару ботинокъ, которыя были сдѣланы довольно порядочно. Онъ впослѣдствіи перебрался на французскую Ривьеру,

гдѣ жилъ уроками русскаго языка, и въ Россію не вернулся, женившись на француженкѣ.

Къ этой же "мастерской" принадлежалъ больше теоретически, и курьезный нигилистъ той эпохи, послужившій мнѣ моделью лица, носящаго у меня въ романѣ фамилію Ломова. Онъ одно время приходилъ ко мнѣ писать подъ диктовку и отличался крайней первобытностью своихъ потребностей и расходовъ.

Выраженіе изъ его жаргона что отецъ и мать у него: "подохли"—мною не выдумано. Онъ, вѣроятно, и не сталъ бы отрицать его. Совершенно неожиданно явился онъ ко мнѣ, въ Нижнемъ, гдѣ онъ проживалъ кажется въ видѣ поднадзорнаго обывателя. Это было уже гораздо позднѣе. Хмуро-добродушно онъ намекалъ мнѣ въ разговорѣ на то, что, въ моемъ романѣ, имѣется лицо довольно таки на него похожее. Но "идейныхъ" разговоровъ я ни съ нимъ, ни съ его парижскимъ товарищемъ не водилъ. Видалъ я ихъ и у моего тогдашняго пріятеля Наке, когда тотъ отсиживалъ въ лечебницѣ, приговоренный за участіе въ какомъ-то заговорѣ, гдѣ оказалось на половину провокаторовъ. Это было въ концѣ наполеоновской эпохи.

Эта парижская эмиграція была только первая ласточка того наплыва русскихъ нелегальныхъ, какіе наводнили Латинскій кварталъ въ Третью республику, въ особенности, съ конца 80-хъ годовъ; а потомъ послѣ взрыва нашего революціоннаго движенія 1905 года.

XIX.

Лондонъ — въ исторіи русской эмиграціи — сыгралъ, какъ извѣстно, исключительную роль. Тамъ былъ водруженъ первый по времени "вольный станокъ"; тамъ раздавался могучій голосъ Герцена; туда, въ теченіе

нѣсколькихъ лѣтъ, совершалось и тайное и явное паломничество русскихъ — не однихъ враговъ царизма; а и простыхъ обывателей: чиновниковъ, литераторовъ, помѣщиковъ, военныхъ, болѣе образованныхъ купцовъ.

Лондонъ долго не дѣлался, однако, главнымъ центромъ нашего политическаго изганичества. Герценъ привлекалъ всѣхъ; но вокругъ него сгруппировалась кучка больше западныхъ изгнанниковъ, итальянцевъ, мадьяръ, поляковъ, нѣмцевъ, французовъ. Изъ эмигрантовъ съ именемъ были вѣдь только двое: Огаревъ и Бакунинъ. Остальные русскіе писатели, какъ Чернышевскій или Михайловъ, только наѣзжали.

И съ оставленімъ Герценомъ Лондона, онъ потерялъ для русской свободной интеллигенціи прежнюю притягательную силу. Кажется, первые годы, послѣ переѣзда Герцена на континентъ, врядъ ли осталась въ Лондонѣ какая нибудь политическая приманка; по крайней мѣрѣ, ни въ 1867 г., ни въ 1868 г. (я жилъ тогда цѣлый сезонъ въ Лондонѣ), никто мнѣ не говорилъ о русскихъ эмигрантахъ; а я познакомился съ однимъ отставнымъ морякомъ, агентомъ нашего пароходнаго общества, очень общительнымъ и образованнымъ холостякомъ, и онъ никогда не сообщалъ мнѣ ни о какомъ эмигрантѣ, съ которымъ стоило бы познакомиться.

Одного настоящаго эмигранта нашелъ я, правда, въ 1867 году хотя по происхожденію и не русскаго, но изъ Россіи и даже прямо изъ петербургской интеллигенціи 60-хъ годовъ. О немъ у насъ совсѣмъ забыли; а это была оригинальная фигура, и на ея судьбу накинутъ какъ бы флеръ нѣкоторой таинственности.

Про него я упоминаю въ моихъ лондонскихъ очеркахъ, въ книгѣ "Столицы Міра", и здѣсь вкратцѣ на-

помню о немъ. Это былъ А. И. Бенни (Бениславскій), сынъ протестантскаго пастора, изъ евреевъ, и кровной англичанки; родившійся и воспитанный въ русской Польшѣ. Онъ рано выучился бойко говорить и писать по русски, примкнулъ къ нашему радикальному движенію начала 60-хъ годовъ и отправился по Россіи собирать подписи подъ всероссійскимъ адресомъ царю о введеніи у насъ конституціи. Онъ сдѣлался сотрудникомъ газетъ и журналовъ, и писалъ въ моемъ журналѣ "Библіотека для чтенія", былъ судимъ по какому-то политическому процессу и, какъ иностранецъ, подвергся высылкѣ изъ Россіи. Я его нашелъ въ Лондонѣ въ сезонъ 1867 г. Онъ знакомилъ меня съ тогдашнимъ литературнымъ Лондономъ; но ни о какихъ русскихъ эмигрантахъ онъ мнѣ ничего не говорилъ. Судьба этого неудачника довела до печальнаго конца: шальная пуля папскаго зуава ранила его, когда онъ былъ корреспондентомъ при отрядѣ Гарибальди. И онъ умеръ отъ своей раны, въ римскомъ госпиталѣ, сойдя въ могилу съ какой то тѣнью подозрѣній, отъ которыхъ его пріятель, Н. С. Лѣсковъ, защищалъ его въ особой брошюрѣ, вышедшей вскорѣ послѣ его кончины.

XX.

Пролетѣло цѣлыхъ двадцат лѣтъ, и весной 1895 года я поѣхалъ въ Лондонъ "прощаться" съ нимъ и прожилъ въ немъ часть сезона.

Въ этотъ перерывъ, болѣе чѣмъ въ четверть вѣка, Лондонъ успѣлъ сдѣлаться новымъ центромъ эмиграціи. Туда направлялись и анархисты, и самые серьезные политическіе бѣглецы, какъ напр., тотъ русскій революціонеръ, который убилъ генерала Мезенцева и къ году моего пріѣзда въ Лондонъ уже успѣлъ пріобрѣсти

довольно громкое имя, въ англійской публикѣ, своими романами изъ жизни нашихъ бунтарей и заговорщиковъ.

Въ Россіи я его никогда и нигдѣ не встрѣчалъ, да и за границей — также. Онъ засѣлъ въ Лондонѣ, какъ въ самомъ безопасномъ для него мѣстѣ. Тогда французская республика уже состояла въ "альянсѣ" съ русской имперіей и такой видный государственный "преступникъ" былъ бы не совсѣмъ внѣ опасности въ Парижѣ. Онъ, сравнительно скоро, добился такой извѣстности и такого значительнаго заработка, какъ писатель на англійскомъ языкѣ, что ему не было никакой выгоды перебираться куда-нибудь на материкъ — въ Италію, или Швейцарію, гдѣ тѣмъ временемъ самый первый номеръ русской эмиграціи успѣлъ отправиться къ праотцамъ: Михаилъ Бакунинъ умеръ тамъ въ концѣ русскаго Іюня 1876 года.

Моимъ чичероне по тогдашнему Лондону (гдѣ я нашелъ много совсѣмъ новаго, во всѣхъ сферахъ жизни) былъ г. Р., сотрудникъ тѣхъ журналовъ и газетъ, гдѣ и я самъ постоянно писалъ, и, какъ разъ, жившій въ Лондонѣ на положеніи эмигранта.

Ему хотѣлось, кажется, чтобы я познакомился съ "устранителемъ" генерала Мезенцева. Я не уклонялся отъ этой встрѣчи и не искалъ ея. Между нами была та связь, что онъ сталъ также романистомъ (подъ псевдонимомъ Степняка) но я — грѣшный человѣкъ! — до тѣхъ поръ не читалъ ни одной его строки. Такъ я и уѣхалъ изъ Лондона, не познакомившись съ нимъ. Должно быть, судьбѣ не угодно было этого, потому что въ то воскресенье, когда г. Р. пригласилъ меня къ себѣ (у него долженъ былъ быть еще и другой, не менѣе извѣстный изгнанникъ, кн. Крапоткинъ)—я уѣхалъ на островъ Уайтъ (еще наканунѣ) и нашелъ у себя по

возвращеніи его письмо, со вложеніемъ двухъ депешъ, отъ Степняка и отъ кн. Крапоткина, съ которымъ я также, до того, нигдѣ не встрѣчался. Его личность, судьба и руководящая роль меня больше интересовали. И я былъ пріятно изумленъ, найдя въ его депешѣ къ г. Р. искреннее сожалѣніе о томъ, что нездоровье помѣшало ему быть у него и познакомиться съ авторомъ тѣхъ романовъ... и тутъ стояло такое лестное опредѣленіе этихъ романовъ, что я и теперь, по прошествіи болѣе двадцати лѣтъ, затрудняюсь привести его, хотя и не забылъ англійскаго текста.

Тѣмъ и завершилось мое знакомство съ нелегальнымъ Лондономъ, и я точно не знаю, какую роль столица Великобританіи играла для русской эмиграціи, въ самые послѣдніе годы, вплоть до нашей революціи.

XXI

Теперь, не покидая Франціи, вспомню о знакомствѣ съ тѣми эмигрантами, которые жили тамъ подолгу. Одинъ изъ нихъ и умеръ въ Ниццѣ; а другой — въ Россіи.

Это были доктора Якоби и Эльстницъ, оба уроженцы срединной Россіи, хотя и съ иностранными именами.

Перваго изъ нихъ я уже не засталъ въ Ниццѣ (гдѣ я прожилъ нѣсколько зимнихъ сезоновъ, съ конца 80-хъ годовъ); тамъ онъ пріобрѣлъ себѣ имя, какъ практикующій врачъ, и былъ очень популяренъ въ русской колоніи. Онъ когда-то бѣжалъ изъ Россіи, послѣ польскаго возстанія, гдѣ превратился изъ артиллерійскаго офицера русской службы въ польскаго "довудца"; ушелъ, стало быть, отъ смертной казни.

Его старшаго брата, художника В. И. Якоби, я зналъ еще съ моихъ студенческихъ годовъ, въ Казани; умирать пріѣхалъ онъ также на Ривьеру, гдѣ и скончался въ Ниццѣ, въ тотъ годъ, когда я туда наѣзжалъ.

Его брата, врача, звали Павелъ Ивановичъ. Первая наша встрѣча случилась въ Парижѣ, въ концѣ 60-хъ годовъ, въ Латинскомъ кварталѣ, у моего ближайшаго собрата, В. Чуйко, жившаго тогда въ Парижѣ корреспондентомъ русскихъ газетъ.

Я нашелъ этого, мнѣ совсѣмъ незнакомаго, компатріота, въ самый разгаръ его разносовъ, направленныхъ на личность и на политическую роль Герцена. Это было еще, кажется, до переселенія Герцена въ Парижъ. Я уже слыхалъ, что у него вышли столкновенія и сцены съ новой русской эмиграціей.

Не зная фактической подкладки всей этой исторіи (дѣло вертѣлось, главнымъ образомъ, около возвращенія какого-то капитала), я не могъ принять участія въ этомъ разговорѣ; но весь тонъ Якоби, его выходки противъ личности Герцена, мнѣ весьма не понравились. Не знаю — остался-ли онъ и позднѣе въ такихъ-же чувствахъ къ памяти Герцена; но его разносы дали мнѣ тогда оселокъ того, какъ наши эмигранты способны были затѣвать и поддерживать безконечныя распри, дрязги, устную и печатную перебранку.

Прошли года. Къ концу 1889 г., когда я сталъ проводить въ Ниццѣ зимніе сезоны, д-ра Якоби тамъ уже не было. Онъ не выдержалъ своего изгнанія, хотя и жилъ всегда и тамъ "на міру"; онъ сталъ хлопотать о своемъ возвращеніи въ Россію. Его допустили въ ея предѣлы, и онъ продолжалъ заниматься практикой, сдѣлался земскимъ врачемъ и кончилъ завѣдующимъ лечебницей для душевно-больныхъ.

Тогда я съ нимъ встрѣчался въ интеллигентныхъ кружкахъ Москвы. Скажу откровенно : онъ мнѣ казался такимъ же неуравновѣшеннымъ въ своей психикѣ; на кого-то и на что-то онъ сильнѣйшимъ образомъ нападалъ; въ этотъ разъ, уже не на Герцена, но съ такими-же пріемами разноса и обличенія.

Говорили мнѣ въ Ниццѣ, что виновницей его возвращенія на родину была жена, русская барыня, которая стала нестерпимо тосковать по Россіи, гдѣ ея мужъ и нашелъ себѣ дѣло по душѣ; но гдѣ онъ оставался все такимъ-же вѣчнымъ протестантомъ и обличителемъ.

XXII

Въ Ниццѣ годами водилъ я знакомство съ А. Л. Эльстницемъ, уроженцемъ Москвы, тамошнимъ студентомъ, который изъ-за какой-то исторіи, во время волненій скрылся за границу, сталъ учиться медицинѣ въ Швейцаріи и Франціи, пріобрѣлъ степень доктора и, уже женатый на русской, и отцомъ семейства, устроился прочно въ Ниццѣ, гдѣ къ нему перешла и практика д-ра Якоби.

Вотъ тогда я съ нимъ и познакомился, и знакомство это длилось до самой его смерти, случившейся въ мое отсутствіе.

Сынъ нѣмца, преподавателя нѣмецкаго языка и литературы въ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ (а подъ старость, романиста на нѣмецкомъ языкѣ изъ русской жизни), А. Л. сдѣлался вполнѣ русскимъ интеллигентомъ. И въ своемъ языкѣ, и въ манерахъ, и въ общемъ душевномъ складѣ онъ былъ имъ несомнѣнно.

Спеціальное ученье и долгое житье въ Швейцаріи и Франціи вовсе не офранцузило его, и въ его домѣ каждый изъ насъ чувствовалъ себя какъ въ русской семьѣ. Всѣ интересы, разговоры, толки, идеалы и упованія были русскіе. Онъ не занимался уже "воинствующей" политикой, не игралъ роли "вожака", но оставался вѣренъ своимъ очень передовымъ принципамъ и симпатіямъ; сохранялъ дружескія отношенія съ разными революціонными дѣятелями, въ томъ числѣ и съ

обломками парижской Коммуны, вродѣ старика Франсе, бывшаго въ Коммунѣ какъ-бы министромъ финансовъ; съ нимъ я и познакомился у него въ гостиной. Не думаю, чтобы его можно было считать правовѣрнымъ марксистомъ, хотя въ числѣ его ближайшихъ знакомыхъ водились и соціалъ-демократы. Сколько помню, онъ былъ близокъ съ Плехановымъ, а дочь его дружила съ одной изъ дочерей этого, и тогда уже очень извѣстнаго, русскаго изгнанника, проживавшаго еще въ Швейцаріи.

Какъ врачъ, Эльстницъ былъ скорѣе скептикъ, не очень вѣрилъ въ медицину и никогда не настаивалъ на какомъ-нибудь, ему любезномъ, способѣ лѣченія. Я его и прозвалъ: "нашъ скептическій Эльстницъ". И, несмотря на это, практика его разросталась, и онъ могъ-бы еще долго здравствовать, если бъ не предательская болѣзнь сердца; она свела его въ преждевременную могилу. На родину онъ такъ и не попалъ.

Въ Ниццѣ мы видались съ нимъ часто; также часто навѣщали мы М. М. Ковалевскаго, на его виллѣ въ Болье. Съ Ковалевскимъ Эльстницъ былъ всего ближе изъ русскихъ. Его всегда можно было видѣть и на тѣхъ обѣдахъ, какіе происходили въ русскомъ пансіонѣ, гдѣ въ разные годы бывали неизмѣнно, кромѣ Ковалевскаго, д-ръ Бѣлоголовый съ женой, проф. Коротневъ, Юраловъ (вице-консулъ въ Ментонѣ), Чеховъ, Потапенко и много другихъ русскихъ, наѣзжавшихъ въ Ниццу.

Старшій сынъ Эльстница занялъ его мѣсто, и какъ врачъ, пріобрѣлъ скоро большую популярность. Онъ пошелъ на французскій фронтъ (какъ французскій гражданинъ) въ качествѣ полкового врача; а младшій сынъ, какъ французскій-же рядовой, попалъ въ плѣнъ; дочь вышла замужъ за французскаго дипломата.

XXIII

Въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно было-бы отнести къ эмиграціи и такихъ двухъ русскихъ, какъ покойные М. М. Ковалевскій и Г. В. Вырубовъ.

Ковалевскій прожилъ лучшіе свои годы за границей, на виллѣ, купленной имъ въ Болье, въ концѣ 80-хъ годовъ. Можетъ быть, иной считалъ его также изгнанникомъ или настоящимъ эмигрантомъ. Но это — невѣрно. Онъ не переставалъ быть легальнымъ русскимъ обывателемъ, который, по доброй волѣ (послѣ его удаленія изъ состава профессоровъ московскаго университета), предпочелъ жить за границей, въ прекрасномъ климатѣ, и работать тамъ на полной свободѣ. Для него, какъ для ученаго, автора цѣлаго ряда большихъ научныхъ трудовъ, это было въ высшей степени благопріятно. Но нигдѣ, за границей, онъ не отдавался никакой пропагандѣ революціонера или вообще политическаго агитатора : это стояло-бы въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ складомъ его личности.

О немъ я пишу особенно въ воспоминаніяхъ, которыя я озаглавилъ : "Жизнерадостный Максимъ". Наша долгая умственная и общественная близость позволяла мнѣ говорить о немъ въ дружескомъ тонѣ, выставляя, какъ его коренную душевную черту — его "жизнерадость".

Другой покойникъ, въ гораздо большей степени, могъ-бы считаться, если не изгнанникомъ, то "русскимъ иностранцемъ", такъ какъ онъ, съ молодыхъ лѣтъ покинулъ отечество (куда наѣзжалъ не больше двухъ-трехъ разъ), поселился въ Парижѣ, пустилъ тамъ глубокіе корни, тамъ издавалъ философскій журналъ, тамъ велъ свои научныя и писательскія работы; тамъ завязалъ обширныя связи во всѣхъ сферахъ парижскаго общества, сдѣлался виднымъ дѣятелемъ въ масонствѣ,

и умеръ въ званіи профессора Collège de France, гдѣ занималъ каѳедру исторіи наукъ.

Все это продѣлалъ по доброй волѣ, безъ малѣйшаго давленія внѣшнихъ обстоятельствъ — мой долголѣтній пріятель и единомышленникъ, по философскому credo, Г. Н. Вырубовъ, русскій дворянинъ, помѣщикъ, дитя Москвы, сначала лицеистъ, а потомъ кандидатъ и магистрантъ Московскаго университета.

Очень рѣдко бываетъ у насъ, чтобы русскій, не будучи бѣглецомъ, эмигрантомъ, нелегальнымъ жителемъ, не имѣющимъ гражданскихъ правъ въ чужой странѣ (я такихъ въ Парижѣ не знавалъ ни одного на протяженіи полувѣка), кто-бы какъ Вырубовъ, рѣшивъ окончательно, что онъ, какъ дѣятель, принадлежитъ Франціи, — пріобрѣлъ званіе гражданина Республики и сдѣлалъ это даже съ согласія русскаго правительства. Еще незадолго до того, въ турецкую войну, онъ пріѣзжалъ въ Россію и завѣдывалъ санитарнымъ отрядомъ на Кавказѣ, за что получилъ орденъ Владиміра, а во Франціи былъ, кажется, еще раньше награжденъ крестомъ Почетнаго Легіона.

О немъ слѣдовало-бы поговорить въ разныхъ смыслахъ; а здѣсь я привелъ его имя потому, что и онъ фактически принадлежалъ къ эмигрантамъ, если посмотрѣть на этотъ терминъ въ болѣе обширномъ значеніи. Можно только искренне пожалѣть, что такая замѣчательная личность была слишкомъ мало извѣстна въ Россіи, даже и въ нашей пишущей средѣ.

XXIV

Въ заголовкѣ этихъ воспоминаній стоитъ также имя Толстого.

— "Какой-же онъ эмигрантъ?" спросятъ меня.

Въ прямомъ смыслѣ, конечно — нѣтъ; но если

взять всю совокупность его дѣятельности за послѣднія двадцать лѣтъ его жизни, его пропаганду, его credo неохристіанскаго анархиста чистой воды, то, не будь онъ Левъ Николаевичъ Толстой, онъ давно-бы очутился въ мѣстахъ "довольно отдаленныхъ", откуда могъ-бы перебраться и за границу. Весь его умственный, нравственный и общественный складъ былъ характеренъ для самаго типичнаго эмигранта.

Наша полицейская власть даже и его желала-бы заставить молчать и лишить свободы. Единственный — изъ всѣхъ, когда-либо жившихъ у насъ писателей — онъ былъ отлученъ синодомъ отъ церкви. И въ реакціонныхъ сферахъ не разъ заходила рѣчь о томъ, чтобы покарать его за разрушительныя идеи и писанія.

Можно сказать, что и въ средѣ нашихъ, самыхъ выдающихся, эмигрантовъ не много было такихъ стойкихъ защитниковъ своего исповѣданія вѣры, какъ Толстой. Имена едва-ли только не троихъ можно привести здѣсь, изъ которыхъ одинъ такъ и умеръ въ изгнаніи; а двое другихъ вернулись на родину послѣ паденія царскаго режима : это — Герценъ, Плехановъ и Крапоткинъ.

Съ Толстымъ я былъ лично знакомъ, но давно уже съ нимъ не видался. Вполнѣ сочувственнаго отношенія къ его проповѣди я не могъ раздѣлять, и не видѣлъ серьезнаго мотива являться къ нему, въ качествѣ гостя или репортера, въ Ясную Поляну. Но наши сношенія оставались чрезвычайно мягкими и благодушными. Я не видалъ между нами ни малѣйшаго повода къ какому-либо личному неудовольствію, къ какимъ-либо счетамъ. Напротивъ, Толстой (насколько мнѣ было это извѣстно изъ разговоровъ съ его ближайшими послѣдователями) всегда относился ко мнѣ, какъ къ собрату-писателю, съ живымъ интересомъ и доказалъ это фактомъ,

небывалымъ въ лѣтописи того "разряда" Академіи, гдѣ я, съ 1900 г., состою членомъ.

Покойный проф. Сухомлиновъ, бывшій тогда "предсѣдательствующимъ" въ нашемъ отдѣленіи, вскорѣ послѣ моего избранія, сообщилъ мнѣ, что Толстой — которому надо было поставить шесть именъ для трехъ кандидатовъ — написалъ шесть разъ одно имя, и это было — мое.

Въ концѣ прошлаго 1916 года, я задумалъ и кончилъ этюдъ: "Толстой, какъ вѣроучитель", гдѣ я даю мою объективную и, смѣю думать, безпристрастную оцѣнку его натуры, міровоззрѣнія и всего его credo съ точки зрѣнія научно-философскаго анализа и синтеза.

Въ первой половинѣ этого "опыта оцѣнки" я привожу все то, что у меня осталось въ памяти о человѣкѣ, о моихъ встрѣчахъ, бесѣдахъ и наблюденіяхъ надъ его жизнью и обстановкой въ Москвѣ, въ началѣ 80-хъ г.г., когда я только и видался съ Толстымъ.

П. Боборыкинъ.

Рагацъ (Швейцарія)
Іюнь 1917 года.

КНИГА 2

Ежемѣсячный

литературно-политическій и научный журналъ

Грядущая Россія

подъ редакціей

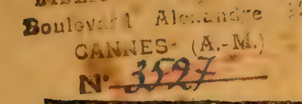
Н. В. Чайковскаго, В. А. Анри

М. А. Ландау-Алданова и гр. Алексѣя Н. Толстого.

ФЕВРАЛЬ 1920
ПАРИЖЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА 2

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Грядущая Россія

LA RUSSIE FUTURE

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Н. В. ЧАЙКОВСКАГО, В. А. АНРИ, М. А. ЛАНДАУ-АЛДАНОВА, ГР. АЛЕКСѢЯ Н. ТОЛСТОГО.

ФЕВРАЛЬ 1920
ПАРИЖЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

LA RUSSIE FUTURE

REVUE MENSUELLE

LITTÉRAIRE, POLITIQUE ET SCIENTIFIQUE

N° 2

FÉVRIER 1920

DIRECTEURS:

N. V. Tchaïkovsky — Victor Henri

M. A. Landau-Aldanov — Comte Alexis N. Tolstoï

SOMMAIRE

ХОЖДЕНІЕ ПО МУКАМЪ

(РОМАНЪ)

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!..
(*Слово о полку Игоревѣ*)

VII

Въ желѣзныя ворота постучали. На каменной тумбѣ, въ тѣни воротной арки, зашевелился тулупъ, поднялась рука со звенящими ключами, шмыгнула по носу. Тулупъ двинулся, взвизгнулъ замокъ и тяжелыя ворота пріоткрылись.

На улицу вышли двое, пряча подбородки въ поднятые воротники, — Безсоновъ и Акундинъ. Изъ черной овчины тулупа высунулось подслѣповатое личико ночного сторожа, попросило у нихъ на чаекъ. Безсоновъ опустилъ ему въ конецъ рукава двугривенный и повернулъ направо по пустынной улицѣ. Акундинъ шелъ немного сзади, затѣмъ догналъ его и взялъ подъ руку:

— Ну, что, Алексѣй Алексѣевичъ, какъ вамъ понравился нашъ пророкъ Елисей?

Безсоновъ сразу остановился:

— Послушайте, но вѣдь это бредъ! За воротами, на второмъ дворѣ, на черной лѣстницѣ, въ душной комнатѣ, среди книгъ, табаку, сидѣть и думать... Вы вглядывались въ его лицо?... Безъ кровинки... Какой то особенный, мягкій, красный ротъ, точно онъ слова обсасываетъ губами. Но, подумайте, если осуществить все, о чемъ онъ говорилъ?

— Большая будетъ потѣха на свѣтѣ, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Нѣтъ, это бредъ!... На старомъ диванѣ, въ табачномъ дыму зажигать міровой пожаръ!.. Что вы мнѣ говорите, — вотъ льетъ дождикъ, такъ и будетъ лить до скончанія вѣка... Камня вы съ мѣста не сдвинете.

Они стояли подъ фонаремъ. Безсоновъ глядѣлъ на пропадающія во мглѣ мелкаго дождя зеленоватыя точки огней. Рѣдкіе прохожіе, отражаясь въ черномъ асфальтѣ, спѣшили по домамъ, — руки въ карманы, носы въ воротники. Акундинъ, въ большой, сѣрой шляпѣ, глядѣлъ снизу вверхъ на Безсонова и, усмѣхаясь, пощипывалъ бородку:

— Въ такія іерихонскія трубы затрубимъ, Алексѣй Алексѣевичъ, не то что стѣны — все съ верху до низу рухнетъ. У насъ ухватка ужъ больно хороша. Словечко есть. Важно было словечко найти, — Сезамъ, отворись. И въ нашемъ словечкѣ особенный фокусъ: къ чему его не приставишь, все въ ту же минуту гніетъ и разсыпается. А вы говорите — камня не сдвинемъ. Напримѣръ, во имя, скажемъ, процвѣтанія Алаунскаго суглинка, необходимо пойти бить нѣмцевъ и городишки ихъ жечь. Ура, ребята, за вѣру, царя и отечество! А вы попробуйте-ка приставить къ этому наше словечко. Товарищи, русскіе, нѣмцы и прочіе, — голь, нищета, послѣдніе людишки, — довольно вашей кровушки попито, на горбѣ поѣзжено, давайте устраивать **міровую справедливость.** На меньшее васъ не зовемъ. Отнынѣ, вы одни люди, остальные — паразиты. Въ чемъ дѣло? Какіе паразиты? Какая такая міровая справедливость? Алексѣй Алексѣевичъ, понимаете — какой тутъ нуженъ жестъ, — вродѣ того, какимъ было съ горы Іисусу Христу земное царство показано. Повторить необходимо. Объяснить на примѣрѣ, что такое міровая справедли-

вость въ пониманіи Каширскаго уѣзда, села Брюхина, крестьянина Ликсея Иванова Седьмого, работающаго съ двѣнадцати лѣтъ на кирпичномъ заводѣ, за поденную плату пятьдесятъ пять копеекъ въ сутки, на своихъ харчахъ. Примѣръ: домъ каменный видите? Видимъ. Въ домѣ сидитъ кирпичный фабрикантъ, цѣпочка поперекъ живота, видите? Видимъ. Шкафъ у него полный денегъ, а подъ окнами городовой ходитъ, смотритъ строго, видите? Видимъ. Ну, все это по міровой справедливости ваше, товарищи. Поняли? А вы, Алексѣй Алексѣевичъ, говорите, что мы теоретики. Мы, какъ первые христіане. Они нищему поклонились, и мы униженному и оскорбленному, лохудрѣ, что и на человѣка то не похожъ, — низкій поклонъ отъ пяти материковъ. У нихъ было словечко, и у насъ словечко. У нихъ крестовые походы, и у насъ крестовые походы.

Акундинъ засмѣялся, стараясь разглядѣть лицо Безсонова, затѣненное шляпой. Затѣмъ, взглянувъ на часы, заторопился, крѣпко, отрывисто стиснулъ ему руку и свернулъ за уголъ. И долго еще было слышно, какъ увѣренно постукивали его каблуки по тротуару. Безсоновъ крикнулъ извозчика. Гдѣ то въ дождевой мглѣ зачмокали губами, затарахтѣлъ экипажъ. У фонаря остановилась женщина и тоже стала глядѣть на пропадающіе огоньки. Потомъ проговорила, едва ворочая языкомъ:

— Никогда не прощу.

Безсоновъ, вздрогнувъ, взглянулъ. Лицо ея все смѣялось, морщинистое и пьяное. Подъѣхалъ извозчикъ — высокій мужикъ на маленькой лошадкѣ, сказалъ тонкимъ голосомъ: — "тпру". Садясь въ сырую пролетку, Безсоновъ вспомнилъ, что предстоитъ еще одно свиданіе, съ женщиной. Очевидно, будетъ глупо и пошло, — тѣмъ лучше. Онъ сказалъ адресъ, поднялъ

воротникъ, и поплыли навстрѣчу смутныя очертанія домовъ, расплывающіеся свѣты изъ оконъ, облачка желтоватаго тумана надъ каждымъ фонаремъ.

Остановившись у ресторана, извозчикъ сказалъ особымъ, только для господъ, разбитнымъ голосомъ:

— Васъ четвертаго сюда нынѣ привожу. Пища здѣсь что ли очень хороша? Одинъ все погонялъ, цѣлковый, говоритъ, подарю, поѣзжай скорѣй, сукинъ сынъ. А лошадешка у меня совсѣмъ не способная.

Безсоновъ, не глядя сколько, сунулъ ему мелочь, и взбѣжалъ по широкой лѣстницѣ ресторана. Швейцаръ сказалъ, снимая съ него шубу:

— Алексѣй Алексѣевичъ, васъ дожидаютъ.

— Кто?

— Особа женскаго пола, намъ не извѣстная.

Безсоновъ, высоко поднявъ голову и глядя передъ собой холодными глазами, прошелъ въ дальній уголъ низкаго и сейчасъ наполненнаго народомъ рестораннаго зала, къ своему обычному столику. Метръ д-отель, Лоскуткинъ, благородный старикъ, сообщилъ, наклонившись надъ скатертью, что сегодня — необыкновенное баранье сѣдло. Безсоновъ сказалъ:

— Ѣсть не хочу. Дадите бѣлаго вина. Моего.

Онъ сидѣлъ строго и прямо, положивъ руки на скатерть. Въ этотъ часъ, въ этомъ мѣстѣ, какъ обычно, нашло на него привычное состояніе мрачнаго вдохновенія. Всѣ впечатлѣнія дня словно сцѣпились въ стройную и осмысленную форму, и въ немъ, въ глубинѣ, волнуемой завываніемъ румынскихъ скрипокъ, запахами женскихъ духовъ, духотой людного зала, возникла тѣнь этой, вошедшей извнѣ, формы, и эта тѣнь была — вдохновеніе. Онъ чувствовалъ, что будто слѣпымъ, какимъ то, внутреннимъ осязаніемъ постигаетъ таинст-

венный смыслъ вещей и словъ, — смѣющагося лица въ слезахъ у фонаря, и музыки, упоенной похотью въ эту черную ночь, и бредовой фантазіи пророка Елисея (Юрія Давидовича Елисеева, публициста, соціолога, къ которому его привелъ сегодня Акундинъ), и всѣхъ этихъ странныхъ сравненій, примѣрчиковъ и подхихикиваній, на углу, у фонаря.

Безсоновъ поднималъ стаканъ и пилъ вино, не разжимая зубовъ. Сердце медленно билось. Было невыразимо пріятно чувствовать всего себя, пронизаннаго звуками и голосами.

Напротивъ, у столика подъ зеркаломъ, ужинали Сапожковъ, Антошка Арнольдовъ, — вертлявый человѣкъ съ трагическими глазами, и Елизавета Кіевна. Она вчера написала Безсонову длинное письмо, назначивъ здѣсь свиданіе, и сейчасъ сидѣла красная и взволнованная. На ней было платье изъ полосатой матеріи, черной съ желтымъ и такой же бантъ въ волосахъ. Когда вошелъ Безсоновъ, ей стало душно. Сапожковъ сказалъ:

— Струсите. Держу пари.

— Будьте осторожны, — прошепталъ Арнольдовъ и, усмѣхаясь, показалъ сразу всѣ свои гнилые и золотые зубы, — онъ бросилъ актрису, сейчасъ безъ женщины и опасенъ, какъ тигръ.

Елизавета Кіевна засмѣялась, тряхнула полосатымъ бантомъ и пошла между столиками къ Безсонову. На нее оглядывались, отодвигаясь со стульями давали дорогу.

За послѣднее время жизнь Елизаветы Кіевны складывалась совсѣмъ уныло, — день за днемъ, безъ дѣла, безъ надежды на лучшее, — словомъ — тоска. Телѣгинъ явно не взлюбилъ ее, обращался вѣжливо, но разговоровъ и встрѣчъ наединѣ избѣгалъ. Она же съ отчая-

ніемъ чувствовала, что онъ то, именно, ей и нуженъ. Когда въ прихожей раздавался его голосъ, Елизавета Кіевна поднимала голову отъ книги и глядѣла на дверь. Онъ шелъ по корридору, какъ всегда, на ципочкахъ. Она ждала, сердце останавливалось, дверь расплывалась въ глазахъ, но онъ опять проходилъ мимо. Хоть бы постучалъ, попросилъ спичекъ. Въ концѣ концовъ, все это было безумно оскорбительно.

На дняхъ, на зло Жирову, съ кошачьей осторожностью ругавшему все на свѣтѣ, она купила книгу Безсонова, разрѣзала ее щипцами для волосъ, прочла нѣсколько разъ подрядъ, залила кофеемъ, смяла въ постели, и, наконецъ, за обѣдомъ объявила, что онъ геній... Телѣгинскіе жильцы возмутились. Сапожковъ назвалъ Безсонова грибкомъ на разлагающемся тѣлѣ буржуазіи. У Жирова вздулась на лбу жила и онъ сказалъ :

"Мнѣ кажется — вы недостаточно разобрались въ этой поэзіи, — это слабо и вяло, очень вяло".

Художникъ Валетъ швырнулъ вилку. Одинъ Телѣгинъ остался безучастнымъ. Тогда у нея произошелъ такъ называемый "моментъ самопровокаціи", она захохотала, ушла къ себѣ, написала Безсонову восторженное, нелѣпое письмо, съ требованіемъ свиданія, вернулась въ столовую и молча бросила письмо на столъ. Жильцы прочли его вслухъ и долго совѣщались. Телѣгинъ сказалъ :

"Очень талантливо написано".

Тогда Елизавета Кіевна отдала письмо кухаркѣ, чтобы немедленно бросить въ ящикъ, и почувствовала, что летитъ въ пропасть.

Подойдя къ Безсонову, Елизавета Кіевна проговорила бойко :

— Я вамъ писала. Вы пришли. Спасибо.

И сейчасъ же сѣла напротивъ него, бокомъ къ столу, — нога на ногу, локоть на скатерть, — подперла подбородокъ и стала глядѣть на Алексѣя Алексѣевича нарисованными глазами. Онъ молчалъ. Лоскуткинъ подалъ второй стаканъ и самъ налилъ вина Елизаветѣ Кіевнѣ. Она сказала :

— Вы спросите, конечно, зачѣмъ я васъ хотѣла видѣть ?

— Нѣтъ, этого я спрашивать не стану. Пейте вино.

— Вы правы, мнѣ нечего разсказывать. Вы живете, Безсоновъ, а я нѣтъ. Если бы у меня были деньги — я бы гоняла на автомобилѣ по всей Европѣ, покуда не сорвалась въ пропасть. Мнѣ просто—скучно.

— Чѣмъ вы занимаетесь ?

— Мнѣ предлагали пойти въ партію для совершенія террористическихъ актовъ, но я ненавижу дисциплину. Стать кокоткой — не хочу, — брезглива. Заняться полезной дѣятельностью — лучше петлю на шею. Что можно сейчасъ дѣлать, когда все гнилое, все гніетъ. Ничего я не дѣлаю. Вамъ странно ? Противно ? Такъ вотъ, я васъ спрашиваю — куда мнѣ дѣться ?

— Я думаю, что такимъ людямъ, какъ вы, нужно подождать немного, — отвѣтилъ Безсоновъ, поднимая стаканъ на свѣтъ, — скоро, скоро будетъ время, когда тысячи такихъ же окаменѣвшихъ химеръ оживутъ и слетятся дѣлить добычу. У васъ глаза химеры. — И онъ медленно вытянулъ вино сквозь зубы.

Елизавета Кіевна не совсѣмъ поняла о чемъ онъ говоритъ, но отъ удовольствія покраснѣла. Безсоновъ же почувствовалъ въ ней хорошаго слушателя, къ тому же, самъ собою подвернулся "стиль", и онъ разрѣшилъ себѣ наслажденіе поколдовать — напустить на эту замеревшую отъ вниманія женщину чернаго дыма фантазіи. Онъ

заговорилъ о томъ, что на Россію опускается ночь для совершенія страшнаго возмездія. Онъ чувствуетъ это по тайнымъ и зловѣщимъ знакамъ. На заборахъ и стѣнахъ домовъ въ видѣ торговыхъ рекламъ появились изображенія дьявола. Вчера, напримѣръ, былъ расклеенъ отъ фирмы "Космосъ" огромный плакатъ: по безконечной лѣстницѣ, внизъ, на автомобильной шинѣ летитъ хохочущій дьяволъ, огненно красный, какъ кровь. Въ Денежномъ переулкѣ на заборѣ онъ видѣлъ афишу — изъ облака рука указываетъ пальцемъ внизъ на странную надпись: "въ самомъ ближайшемъ времени".

— Вы понимаете, что это обозначаетъ?... Скоро будетъ большой просторъ для васъ, Елизавета Кіевна.

Разговаривая, онъ подливалъ вино въ стаканы. Елизавета Кіевна глядѣла въ ледяные его глаза, на женственный ротъ, на поднятыя тонкія брови и на то, какъ слегка дрожали его пальцы, державшіе стаканъ, и какъ онъ пилъ, — жаждая, медленно. Голова ея упоительно кружилась. Издали Сапожковъ началъ дѣлать ей знаки. Внезапно Безсоновъ оборвалъ, обернулся и спросилъ, нахмурясь:

— Кто эти люди?

— Это — мои друзья.

— Мнѣ не нравятся знаки, которые они вамъ дѣлаютъ.

Тогда Елизавета Кіевна проговорила, не думая:

— Пойдемте въ другое мѣсто, хотите?

Безсоновъ взглянулъ на нее пристально. Глаза ея слегка косили, ротъ слабо усмѣхался, на вискахъ выступили маленькія капельки пота. И вдругъ онъ почувствовалъ жадность къ этой здоровой, близорукой дѣвушкѣ, взялъ ея большую и горячую руку, лежащую на столѣ и сказалъ:

—Или уходите сейчасъ же... Или молчите.. Ѣдемъ,. Такъ нужно...

Елизавета Кіевна только вздохнула коротко, щеки ея поблѣднѣли. Она не чувствовала, какъ поднялась, какъ взяла Безсонова подъ руку, какъ въ швейцарской надѣли на нее пальто. И когда они садились на извозчика, даже вѣтеръ не охладилъ ея пылающей кожи. Пролетка тарахтѣла по камнямъ. Безсоновъ, опираясь о трость обѣими руками и положивъ на нихъ подбородокъ, говорилъ:

— Вы сказали, что я живу. Я жилъ. Мнѣ 38 лѣтъ, но жизнь окончена. Меня не обманываетъ больше любовь. Что можетъ быть грустнѣе, когда увидишь вдругъ, что рыцарскій конь — деревянная лошадка. И вотъ еще много, много времени тащиться по этой жизни, какъ трупъ...

Онъ обернулся, верхняя губа его приподнялась съ усмѣшкой.

— Видно и мнѣ, вмѣстѣ съ вами, нужно подождать, когда затрубятъ іерихонскія трубы. Хорошо, кабы на этомъ кладбищѣ вдругъ раздались тра-та-та! И — зарево по всему небу...

Они подъѣхали къ загородной гостинницѣ. Заспанный половой повелъ ихъ по длинному корридору въ единственный, оставшійся не занятымъ, номеръ. Это была низкая комната, съ красными обоями, въ трещинахъ и пятнахъ. У стѣны подъ выцвѣтшимъ балдахиномъ стояла большая кровать, въ ногахъ ея — жестяной рукомойникъ. Пахло непровѣтренной сыростью и табачнымъ перегаромъ. Пыльная лампочка тускло горѣла подъ потолкомъ. Елизавета Кіевна сказала,стоя у двери:

— Зачѣмъ вы привезли меня сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь намъ будетъ хорошо, — поспѣшно отвѣтилъ Безсоновъ.

— Я сейчасъ уѣду.

Тогда онъ снялъ съ нея пальто и шляпу и положилъ на сломанное креслице. Половой принесъ бутылку шампанскаго, мелкихъ яблочекъ и кисть винограда съ пробковыми опилками, заглянулъ въ рукомойникъ и скрылся все такъ же хмуро.

Елизавета Кіевна отогнула штору на окнѣ, — тамъ, среди мокраго пустыря, горѣлъ газовой фонарь и ѣхали огромныя бочки, съ согнувшимися подъ рогожами людьми на козлахъ. Она усмѣхнулась, подошла къ зеркалу и стала поправлять себѣ волосы какими-то новыми, незнакомыми самой себѣ движеніями. "Завтра опомнюсь, — сойду съ ума", — подумала она спокойно и расправила полосатый бантъ. Безсоновъ спросилъ:

— Вина хотите?

— Да, хочу.

Она сѣла на диванъ, онъ опустился у ея ногъ на коврикъ и проговорилъ, словно въ раздумьи:

— У васъ странные глаза: дикіе и кроткіе. Русскіе глаза. Вы любите меня?

Тогда она опять растерялась, но сейчасъ же подумала: "Нѣтъ. Это и есть безуміе". Взяла изъ его рукъ стаканъ, полный вина и выпила; и сейчасъ же голова медленно закружилась, словно опрокидываясь.

— Я васъ боюсь, и должно быть возненавижу, — сказала Елизавета Кіевна, съ усмѣшкой прислушиваясь, какъ словно издалека звучатъ ея и не ея слова, — не смѣйте такъ смотрѣть на меня, слышите?

— Вы странная дѣвушка.

— Безсоновъ, слушайте, вы очень опасный человѣкъ. Очень страшный. Я вѣдь изъ раскольничьей семьи, я въ дьявола вѣрю... Ахъ, Боже мой, не смотрите же такъ на меня. А вы вотъ даже въ себя не вѣрите. Я

знаю, зачѣмъ я вамъ понадобилась... Я вась боюсь, честное слово...

Она громко засмѣялась, все тѣло ея задрожало отъ смѣха, и въ рукахъ расплескалось вино изъ стакана. Безсоновъ опустилъ ей въ колѣни лицо:

— Любите меня... Умоляю, любите меня, — проговорилъ онъ отчаяннымъ голосомъ, словно въ ней было сейчасъ все его спасеніе, — мнѣ тяжело, если бы вы знали... Мнѣ страшно... Мнѣ страшно одному... Пожалѣйте меня... Любите, любите меня...

Елизавета Кіевна положила руки ему на голову, закрыла глаза.

Онъ говорилъ, что каждую ночь находитъ на него ужасъ смерти. Онъ долженъ чувствовать около себя близко, рядомъ, живого человѣка, который бы жалѣлъ его, согрѣвалъ, отдавалъ бы ему себя. Это наказаніе, муки... "Да, да, знаю, Но я весь окоченѣлъ. Сердце остановилось. Согрѣйте меня. Мнѣ такъ мало нужно. Сжальтесь, я погибаю. Не оставляйте меня одного. Милая, милая дѣвушка"...

Елизавета Кіевна молчала, испуганная и взволнованная. Безсоновъ цѣловалъ ея ладони все болѣе долгими поцѣлуями. Сталъ цѣловать большія и сильныя ея ноги. Она крѣпче зажмурилась, показалось, что остановилось сердце, — такъ было стыдно.

И вдругъ ее всю словно обвѣялъ огонекъ, побѣжалъ по тѣлу тревогой и радостью. Безсоновъ сталъ казаться милымъ, какъ ребенокъ, несчастный и невинный. Она приподняла его голову и крѣпко, жадно поцѣловала въ губы. Послѣ этого, уже безъ стыда, поспѣшно раздѣлась и легла въ постель.

Когда Безсоновъ заснулъ, положивъ голову на ея голое плечо, Елизавета Кіевна еще долго вглядывалась

близорукими глазами въ его желтовато-блѣдное лицо, все въ усталыхъ морщинкахъ, — на вискахъ, подъ вѣками, у сжатаго рта: чужое, не любимое, но теперь на вѣкъ родное лицо.

Глядѣть на спящаго было такъ тяжело, что Елизавета Кіевна заплакала.

Ей казалось, что Безсоновъ проснется, увидитъ ее въ постели, толстую, некрасивую, съ распухшими глазами, и постарается поскорѣе отвязаться, что никогда никто не сможетъ ее полюбить и всѣ будутъ увѣрены, будто она развратная, глупая и пошлая женщина, и она нарочно станетъ дѣлать все, чтобы такъ думали; что она любитъ одного человѣка, а сошлась съ другимъ, и такъ всегда ея жизнь будетъ полна мути, мусора, отчаянныхъ оскорбленій. Елизавета Кіевна осторожно всхлипывала и вытирала глаза угломъ простыни. И такъ, незамѣтно, въ слезахъ, забылась сномъ.

Безсоновъ глубоко втянулъ носомъ воздухъ, повернулся на спину и открылъ глаза. Ни съ чѣмъ не сравнимой кабацкой тоской гудѣло все тѣло. Было противно подумать, что нужно начинать заново день. Онъ долго разсматривалъ металлическій шарикъ кровати, затѣмъ рѣшился и поглядѣлъ налѣво. Рядомъ, тоже на спинѣ, лежала женщина, лицо ея было прикрыто голымъ локтемъ.

"Кто такая?" Онъ напрягъ мутную память, но ничего не вспомнилъ, осторожно вытащилъ изъ подъ подушки портсигаръ и закурилъ. "Вотъ такъ чортъ! Забылъ, забылъ. Фу, какъ неудобно!"

— Вы, кажется, проснулись, — проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, — доброе утро. — Она промолчала, не отнимая локтя. — Вчера мы были чужими, а сегодня связаны таинственными узами этой ночи. —

Онъ поморщился: все это выходило пошловато. И, главное, неизвѣстно, что она сейчасъ начнетъ дѣлать, — каяться, плакать, или охватитъ ее приливъ родственныхъ чувствъ? Онъ осторожно коснулся ея локтя. Она отодвинулась. Кажется, ее звали Валентина. Онъ сказалъ грустно:

— Валентина, вы сердитесь на меня?

Тогда она сѣла въ подушкахъ и, придерживая на груди падающую рубашку, стала глядѣть на него выпуклыми, близорукими глазами. Вѣки ея припухли, полный ротъ кривился въ усмѣшку. Онъ сейчасъ же все вспомнилъ и почувствовалъ братскую нѣжность.

— Меня зовутъ не Валентина, а Елизавета Кіевна, — сказала она. — Я васъ ненавижу. Слѣзьте съ постели.

Безсоновъ сейчасъ же вылѣзъ изъ подъ одѣяла и за пологомъ кровати, около вонючаго рукомойника, одѣлся кое какъ, затѣмъ поднялъ штору и загасилъ электричество.

— Есть минуты, которыхъ не забываютъ всю жизнь, — сказалъ онъ. Елизавета Кіевна продолжала слѣдить за нимъ темными глазами. Когда онъ присѣлъ было съ папироской на диванъ, она проговорила медленно:

— Пріѣду домой — отравлюсь.

— Я не понимаю вашего настроенія, Елизавета Кіевна.

— Ну, и не понимайте. Убирайтесь изъ комнаты, я хочу одѣваться.

Безсоновъ вышелъ въ корридоръ, гдѣ пахло угаромъ и сильно сквозило. Ждать пришлось долго. Онъ сидѣлъ на подоконникѣ и курилъ; потомъ пошелъ въ самый конецъ корридора, гдѣ изъ маленькой кухонки слышались негромкіе голоса полового и двухъ горничныхъ, — они пили чай, и половой говорилъ:

— Заладила про свою деревню. Тоже Рассея! Много ты понимаешь. Походи ночью по номерамъ — вотъ тебѣ и Рассея. Всѣ сволочи! Сволочи и охальники.

— Выражайтесь поаккуратнѣе, Кузьма Иванычъ.

— Если я при этихъ номерахъ восемнадцать лѣтъ состою — значитъ могу выражаться.

Безсоновъ вернулся обратно. Дверь въ его номеръ была отворена, комната пуста. На полу валялась его шляпа.

"Ну, что же, тѣмъ лучше", — подумалъ онъ и, сладко зѣвнувъ, — потянулся, расправляя кости.

Такъ начался новый день. Онъ отличался отъ вчерашняго тѣмъ, что часамъ къ десяти утра сильный вѣтеръ разорвалъ дождевыя облака, погналъ ихъ на сѣверъ и тамъ свалилъ въ огромныя, побѣлѣвшія груды. Мокрый городъ былъ залитъ свѣжими потоками солнечнаго свѣта. Въ немъ корчились, жарились, валились безъ чувствъ студенистыя чудовища, неуловимыя глазу, — насморки, кашли, дурныя хвори, меланхолическія палочки чахотки, и даже полумистическіе микробы черной неврастеніи забивались за занавѣси, въ полумракъ комнатъ и сырыхъ подваловъ. По улицамъ продувалъ теплый вѣтерокъ. Въ домахъ протирали стекла, открывали окна. Дворники въ пестрыхъ рубахахъ чистили и поливали мостовыя. На Невскомъ порочныя дѣвочки, съ зелеными личиками, предлагали прохожимъ букетики подснѣжниковъ, пахнущихъ дешевымъ одеколономъ. Въ магазинахъ спѣшно убирали все зимнее, и, какъ первые цвѣты, появлялись за ветринами весеннія шляпки, легкія матеріи, книги игриваго содержанія, веселенькіе галстучки.

Трехчасовыя газеты вышли всѣ съ заголовками: "Да здравствуетъ Русская Весна". И нѣсколько опубли-

кованныхъ стишковъ были весьма двусмысленны. Словомъ, цензурѣ натянули носъ.

И, наконецъ, по городу, подъ свистъ и улюлюканье толпы мальчишекъ, прошлись футуристы отъ группы "Центральной Станціи". Ихъ было трое, — Жировъ, художникъ Валетъ и, никому тогда еще не извѣстный, Аркадій Семисвѣтовъ, огромнаго роста парень, съ лошадинымъ лицомъ и жилистыми руками.

Футуристы были одѣты въ короткія, безъ поясовъ, кофты изъ оранжеваго бархата съ черными зигзагами, въ цилиндры, и съ моноклями на шнуркахъ. И у каждаго на щекѣ нарисованы — рыба, стрѣла и буква "Р". Часамъ къ пяти приставъ литейной части задержалъ ихъ и на извозчикѣ повезъ въ участокъ для выясненія личности.

Весь городъ былъ на улицахъ. По Морской, по набережнымъ и Каменноостровскому двигались сверкающіе экипажи и потоки людей. Многимъ, очень многимъ казалось, что сегодня должно случиться что то радостное и необыкновенное: — либо въ Зимнемъ дворцѣ подпишутъ какой нибудь манифестъ, либо взорвутъ совѣтъ министровъ бомбой, либо, вообще, гдѣ нибудь "начнется".

Но опустились синія сумерки на городъ, зажглись огни, какъ драгоцѣнные камни, вдоль каналовъ и улицъ, отразились зыбкими иглами въ черной водѣ, и съ мостовъ Невы былъ видѣнъ за трубами судостроительныхъ заводовъ огромный закатъ, дымный и облачный. И ничего не случилось. Блеснула искра на Петропавловской крѣпости, раскатился пушечный выстрѣлъ, и день кончился.

Безсоновъ много и хорошо работалъ въ этотъ день. Освѣженный послѣ завтрака сномъ, онъ долго чи-

талъ Гете и, какъ всегда, чтеніе возбудило его и взволновало.

Онъ ходилъ по комнатѣ, вдоль книжныхъ шкафовъ, курилъ и думалъ, иногда вслухъ; время отъ времени подсаживался къ письменному столу и записывалъ слова и строки; чтобы сильнѣе возбудить себя, приказалъ подать чернаго кофе, и старушка-нянька, жившая всегда при его небольшой, холостой квартирѣ, принесла на подносѣ фарфоровый, дымящійся моккой, кофейникъ.

Безсоновъ писалъ о томъ, что опускается ночь на Россію, раздвигается занавѣсъ трагедіи, и народъ богоносецъ чудесно, какъ въ "Страшной мести" козакъ, превращается въ богоборца, надѣваетъ страшную личину. Готовится всенародное совершеніе черной обѣдни. Бездна раскрыта. Спасенія нѣтъ. Примемъ грѣхъ:

Закрывая глаза, онъ представлялъ пустынныя поля, кресты на курганахъ, разметанныя вѣтромъ кровли, и вдалекѣ, за холмами, зарева пожарищъ. Облокотясь въ креслѣ онъ думалъ, что любитъ именно такою эту страну, которую зналъ только по книгамъ и картинамъ. Лобъ его покрывался глубокими морщинами, сердце было полно ужаса предчувствій. Держа въ пальцахъ дымящуюся папиросу, онъ исписывалъ крупнымъ почеркомъ, — бѣлыми стихами, — хрустящія четвертушки тонкой бумаги.

Въ сумерки, не зажигая огня, Безсоновъ прилегъ на диванъ, весь еще взволнованный, съ горячей головой и влажными руками. На этомъ кончался его рабочій день.

Понемногу сердце билось ровнѣе и спокойнѣе. Теперь надо было подумать, какъ провести этотъ вечеръ и ночь. Брръ! Никто не звонилъ по телефону и не приходилъ въ гости. Придется одному справляться съ бѣ-

сомъ унынія. Наверху, гдѣ жила англійская семья, играли на рояли, и отъ этой музыки поднимались смутныя и невозможныя желанія.

Вдругъ въ тишинѣ дома раздался звонокъ съ параднаго. Нянька прошлепала туфлями. Сильный женскій голосъ проговорилъ :

— Я хочу его видѣть.

Затѣмъ, легкіе, стремительные шаги замерли у двери. Безсоновъ, не шевелясь, усмѣхнулся. Безъ стука распахнулась дверь, и въ комнату вошла, освѣщенная сзади, изъ прихожей, стройная, высокая дѣвушка, въ большой шляпѣ, съ дыбомъ стоящими ромашками.

Ничего не различая со свѣта, она остановилась посреди комнаты, когда же Безсоновъ молча поднялся съ дивана, — попятилась было, но упрямо тряхнула головой и проговорила тѣмъ же высокимъ, требовательнымъ голосомъ :

— Я пришла къ вамъ по очень важному дѣлу.

Безсоновъ подошелъ къ столу и повернулъ включатель. Между книгъ и рукописей засвѣтился синій абажуръ, наполнившій всю комнату спокойнымъ полусвѣтомъ.

— Чѣмъ могу быть полезенъ ? — спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ; показалъ вошедшей на стулъ, самъ спокойно опустился въ рабочее кресло и положилъ слабыя руки на подлокотники. Лицо его было прозрачно-блѣдное съ синевой подъ вѣками. Онъ, не спѣша, поднялъ глаза на гостью и вздрогнулъ, пальцы его затрепетали.

— Дарья Дмитріевна ! — проговорилъ онъ тихо, — я васъ не узналъ въ первую минуту.

Даша сѣла на стулъ рѣшительно, такъ же, какъ и вошла, сложила на колѣняхъ руки въ лайковыхъ перчаткахъ и сердито насупилась.

— Дарья Дмитріевна, я счастливъ, что вы посѣтили меня. Это большой, большой подарокъ.

Не слушая его, Даша сказала :

— Вы, пожалуйста, не подумайте, что я ваша поклонница. Нѣкоторые ваши стихи мнѣ нравятся, другіе не нравятся, — не понимаю ихъ, просто не люблю. Я пришла вовсе не затѣмъ, чтобы разговаривать о стихахъ... Я пришла потому, что вы меня измучили...

Она низко нагнула голову, и Безсоновъ увидѣлъ, что у нея покраснѣла шея и руки, между перчатками и рукавами чернаго платья. Онъ молчалъ, не шевелился.

— Вамъ до меня, конечно, нѣтъ никакого дѣла. И я бы тоже очень хотѣла, чтобы мнѣ было все равно. Но, вотъ видите, приходится испытывать очень непріятныя минуты...

Она быстро подняла голову и строгими, ясными глазами взглянула ему въ глаза. Безсоновъ медленно опустилъ рѣсницы.

— Я не могу себя побороть, понимаете? Вы вошли въ меня, какъ болѣзнь. Я поминутно ловлю себя на томъ, что думаю о васъ. Это, наконецъ, выше моихъ силъ. Лучше было прійти и прямо сказать, чѣмъ томиться въ этой духотѣ. Сегодня — рѣшилась. Вотъ, видите, я вамъ объяснилась въ любви...

Губы ея дрогнули. Она поспѣшно отвернулась и стала смотрѣть на стѣну, гдѣ, освѣщенная снизу, будто усмѣхалась стиснутымъ ртомъ и закрытыми вѣками, любимая въ то время всѣми поэтами, маска Петра Перваго. Наверху, въ семействѣ англійскаго пастора, четыре голоса фуги пѣли: "Умремъ". "Нѣтъ, мы улетимъ". "Въ хрустальное небо". "Въ вѣчную, вѣчную вѣчную радость".

— Если вы станете увѣрять, что испытываете тоже ко мнѣ какія то чувства — я уйду сію минуту, — тороп-

ливо и горячо проговорила Даша. — Вы меня даже не можете уважать — это ясно. Такъ не поступаютъ женщины. Но я ничего не хочу и не прошу отъ васъ. Мнѣ нужно было только сказать, что я васъ любила мучительно и очень сильно... Я разрушилась вся отъ этого чувства... У меня даже гордости нѣтъ...

И она подумала: "Теперь встать, гордо кивнуть головой и выйти". Но продолжала сидѣть, глядя на усмѣхающуюся маску. Ею овладѣла такая слабость, что — не поднять руки, и она чувствовала теперь все свое тѣло, его тяжесть и теплоту. "Отвѣчай-же, отвѣчай", думала она, какъ сквозь сонъ. Безсоновъ прикрылъ ладонью лицо и сталъ говорить тихо, какъ бесѣдуютъ въ церкви, — немного придушенно:

— Всѣмъ моимъ духомъ я могу только благодарить васъ за это чувство. Такихъ минутъ, такого благоуханія, какимъ вы меня овѣяли, не забываютъ никогда...

— Не требуется, чтобы вы ихъ помнили, — пробормотала Даша сквозь зубы.

Безсоновъ помолчалъ, поднялся и, отойдя, прислонился спиной къ книжному шкафу.

— Дарья Дмитріевна, я могу вамъ только поклониться низко. Я не достоинъ былъ слушать васъ. Я никогда, быть можетъ, такъ не проклиналъ себя, какъ въ эти минуты. Растратилъ, размоталъ, изжилъ всего себя. Чѣмъ я вамъ отвѣчу? Приглашеніемъ за городъ, въ гостинницу? Дарья Дмитріевна, я честенъ съ вами. Мнѣ нечѣмъ любить. Нѣсколько лѣтъ назадъ я бы повѣрилъ, что могу еще испить вѣчной молодости. Я бы васъ не отпустилъ отъ себя. Я бы прильнулъ къ этой чашѣ..

Даша чувствовала, какъ онъ словно впускаетъ въ нее иголочки. Въ его словахъ была затягивающая мука...

— Теперь, я только расплескаю драгоцѣнное вино. Вы должны понять, чего мнѣ это стоитъ. Протянуть руку и взять...

— Нѣтъ, нѣтъ, — повторила Даша.

— Нѣтъ, да... И вы это чувствуете. Нѣтъ слаще грѣха, чѣмъ расточеніе. Расплескать. За этимъ вы и пришли ко мнѣ. Иначе во вѣки вѣковъ хранили бы за бѣлыми занавѣсочками Богомъ данную вамъ чашу съ медомъ. Вы принесли ее мнѣ...

Онъ медленно зажмурился. Даша, не дыша, съ ужасомъ глядѣла въ его лицо.

— Дарья Дмитріевна, позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Вы такъ похожи на вашу сестру, что въ первую минуту...

— Что? — крикнула Даша. — Что вы сказали?

— Показалось, что здѣсь мнѣ слишкомъ трудно будетъ бороться.

Даша сорвалась съ кресла и остановилась передъ нимъ. Безсоновъ не понялъ и не такъ истолковалъ ея волненіе. Онъ чувствовалъ, что теряетъ голову. Его ноздри вдыхали благоуханіе духовъ и тотъ, почти неуловимый, но оглушающій и различный для каждаго, запахъ женской кожи.

— Это сумасшествіе... Я знаю... Я не могу... — Прошепталъ онъ, ощупью отыскивая ея руку. Но Даша рванулась и побѣжала. На порогѣ оглянулась дикими глазами и скрылась. Сильно хлопнула парадная дверь. Безсоновъ медленно подошелъ къ столу и застучалъ ногтями по хрустальной коробочкѣ, беря папиросу. Потомъ сжалъ ладонью глаза и со всей ужасающей силой воображенія почувствовалъ, что Бѣлый Орденъ, готовящійся къ рѣшительной борьбѣ, послалъ къ нему эту пылкую, нѣжную и соблазнительную дѣвушку, что-

бы привлечь его, обратить и спасти. Но онъ уже безнадежно въ рукахъ черныхъ, и теперь спасенія нѣтъ. Медленно, какъ ядъ, текущій въ крови, разжигали его неутоленная жадность и сожалѣніе.

VIII.

— Даша, это ты? Можно. Войди.

Екатерина Дмитріевна стояла передъ зеркальнымъ шкафомъ, затягивая корсетъ. Дашѣ она улыбнулась разсѣянно, и продолжала дѣловито повертываться, переступая на коврѣ тугими туфельками. На ней было легкое бѣлье, въ ленточкахъ и кружевцахъ, красивыя руки и плечи — напудрены, волосы причесаны пышной короной. Около, на низенькомъ столикѣ стояла чашка съ горячей водой; повсюду — ножницы для ногтей, пилочки, карандаши, пуховки. Сегодня былъ пустой вечеръ и Екатерина Дмитріевна "чистила перышки", какъ это называлось дома.

— Понимаешь, — говорила она, пристегивая чулокъ, — теперь перестаютъ носить корсеты съ прямой планшеткой. Посмотри, — этотъ — новый, отъ мадамъ Дюклэ. Животъ гораздо свободнѣе, и даже чуть-чуть обозначенъ. Тебѣ нравится?

— Нѣтъ, не нравится, — отвѣтила Даша. Она стояла у стѣны, съ заложенными за спину руками. Екатерина Дмитріевна удивленно подняла брови:

— Правда не нравится? Какая досада. А въ немъ такъ удобно.

— Что удобно, Катя?

— Можетъ быть, тебѣ кружева не нравятся? Можно положить другія. Какъ, все-таки, странно, — почему не нравится?

И она опять повернулась и правымъ и лѣвымъ бокомъ у зеркала. Даша сказала:

— Ты, пожалуйста, не у меня спрашивай, какъ нравятся твои корсеты.

— Ну, Николай Ивановичъ совсѣмъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ.

— Николай Ивановичъ тоже тутъ не причемъ.

— Даша, ты что?

Екатерина Дмитріевна даже пріоткрыла ротъ отъ изумленія. Только теперь она замѣтила, что Даша едва сдерживается, говоритъ сквозь зубы, и на щекахъ у нея горячія пятна.

— Мнѣ кажется, Катя, тебѣ бы надо бросить вертѣться у зеркала.

— Но, должна же я привести себя въ порядокъ.

— Для кого?

— Что ты въ самомъ дѣлѣ?.. Для самой себя.

— Врешь!

Долго послѣ этого обѣ сестры молчали. Екатерина Дмитріевна сняла со спинки кресла верблюжій халатикъ на синемъ шелку, надѣла его, и медленно завязала поясъ. Даша внимательно слѣдила за ея движеніями, затѣмъ проговорила:

— Ступай къ Николаю Ивановичу и разскажи ему все, честно.

Екатерина Дмитріевна продолжала стоять, перебирая поясъ. Было видно, какъ у нея по горлу нѣсколько разъ прокатился клубочекъ, точно она проглотила что-то.

— Даша, ты что нибудь узнала? — спросила она тихо.

— Я сейчасъ была у Безсонова. — Екатерина Дмитріевна быстро взглянула невидящими глазами и вдругъ

страшно побѣлѣла, подняла плечи. — Можешь не безпокоиться, — со мной тамъ ничего не случилось. Онъ во время сообщилъ, что мое очарованіе выигрываетъ отъ сходства съ сестрой. Ну, намѣстницей твоей быть не пожелала.

Даша переступила съ ноги на ногу:

— Я давно догадывалась, что ты, именно, съ нимъ... Только слишкомъ все это было омерзительно, чтобы вѣрить... Ты трусила и лгала, и, кажется, совсѣмъ успокоилась... Такъ вотъ, я въ этой мерзости жить больше не желаю... Потрудись пойти къ мужу, и все разскажи, и ужъ распутывайся сама, какъ знаешь...

Даша не могла больше говорить, — сестра стояла передъ ней, низко наклонивъ голову. Даша ждала всего, но только не этой повинно и покорно склоненной головы.

— Сейчасъ пойти? — спросила Катя.

— Да. Сію минуту... Я требую... Ты сама должна понять...

Екатерина Дмитріевна коротко вздохнула и пошла къ двери. Тамъ, замедливъ, она сказала еще:

— Я не могу, Даша. — Но Даша молчала. — Хорошо, я скажу.

Николай Ивановичъ сидѣлъ въ гостинной и, поскребывая въ бородѣ костянымъ ножемъ, читалъ статью Акундина въ только что полученной книжкѣ журнала "Русскія Записки".

Статья была посвящена годовщинѣ смерти Бакунина. Николай Ивановичъ наслаждался. Когда вошла жена онъ воскликнулъ:

— Катюша, сядь. Послушай, что онъ пищетъ, вотъ это мѣсто: ..."Даже не въ образѣ мыслей и не въ преданности до конца своему дѣлу обаяніе этого че-

ловѣка, — то есть Бакунина, — а въ томъ пафосѣ претворенныхъ въ реальную жизнь идей, которымъ было проникнуто каждое его движеніе, — и безсонныя бесѣды съ Прудономъ, и мужество, съ какимъ онъ бросался въ самое пламя борьбы, и даже тотъ романтическій жестъ, когда, мимоѣздомъ, онъ наводитъ пушки австрійскихъ повстанцевъ, еще не зная хорошо, съ кѣмъ и за что они дерутся. Пафосъ Бакунина есть прообразъ той могучей силы, съ какою выступятъ на борьбу новыя классы. Реализація идеи — вотъ задача наступающаго вѣка. Не извлеченіе ихъ изъ подъ груды фактовъ,, подчиненныхъ слѣпой инерціи жизни, не уводъ ихъ въ идеальный міръ, а процессъ обратный: завоеваніе физическаго міра міромъ идей. Реальность — груда горючаго, идеи — искры. Эти два міра, разъединенные и враждебные, должны слиться въ пламени мірового переворота“. ...Нѣтъ, подумай, Катюша... Вѣдь, это чернымъ по бѣлому — да здравствуетъ революція! Молодецъ, Акундинъ! Дѣйствительно — живемъ — ни большихъ идей, ни большихъ чувствъ. Правительствомъ руководитъ только одно — безумный страхъ за будущее. Интеллигенція, — обжирается и опивается, — пора открыть форточки. Вѣдь мы только болтаемъ, болтаемъ, Катюша, и по уши въ болотѣ. Народъ — заживо разлагается. Вся Россія погрязла въ сифилисѣ и водкѣ. Россія сгнила, дунь на нее — разсыпется въ прахъ. Такъ жить нельзя... Намъ нужно какое то самосожженіе, очищеніе въ огнѣ...

Николай Ивановичъ говорилъ возбужденнымъ и бархатнымъ голосомъ, глаза его стали круглыми, ножъ полосовалъ воздухъ. Екатерина Дмитріевна стояла около, держась за спинку кресла. Когда онъ выговорился и опять принялся разрѣзывать журналъ, она подошла и положила ему руку на волосы:

— Коленька, тебѣ будетъ очень больно то, что я скажу. Я хотѣла скрыть, но вышло такъ, что нужно сказать...

Николай Ивановичъ освободилъ голову отъ ея руки и внимательно вглядѣлся:

— Да, я слушаю, Катя.

— Помнишь, мы, какъ то, съ тобой повздорили, и я тебѣ сказала со зла, чтобы ты не очень былъ спокоенъ на мой счетъ... А потомъ отрицала это...

— Да, помню. — Онъ отложилъ книгу, и совсѣмъ повернулся въ креслѣ. Глаза его, встрѣтясь съ простымъ и спокойнымъ взоромъ Кати, забѣгали отъ испуга.

— Такъ вотъ... Я тебѣ тогда солгала... Я тебѣ была не вѣрна...

Онъ жалобно сморщился, стараясь улыбнуться. У него пересохло во рту. Когда молчать уже дольше было нельзя, онъ проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Ты хорошо сдѣлала, что сказала... Спасибо, Катя...

Тогда она взяла его руку, прикоснулась къ ней губами и прижала къ груди. Но, рука выскользнула и она ее не удерживала. Потомъ Екатерина Дмитріевна тихо опустилась на коверъ и положила голову на кожанный выступъ кресла:

— Больше тебѣ не нужно ничего говорить?

— Нѣтъ. Уйди, Катя.

Она поднялась и вышла. Въ дверяхъ столовой на нее неожиданно налетѣла Даша, схватила, стиснула и зашептала, цѣлуя въ волосы, въ шею, въ уши:

— Прости, прости!.. Ты дивная, ты изумительная!.. Я все слышала... Простишь ты меня, простишь ты меня, Катя?.. Катя!..

Екатерина Дмитріевна осторожно высвободилась, подошла къ столу, поправила морщину на скатерти и сказала:

— Я исполнила твое приказаніе, Даша.

— Катя, простишь ты меня, когда нибудь?

— Ты была права, Даша. Такъ лучше, какъ вышло.

— Ничего я не была права! Отъ злости наговорила гадостей, вотъ и все... А теперь вижу, что тебя никто не смѣетъ осуждать. Пускай мы всѣ страдаемъ, пускай намъ будетъ больно, но ты — права, я это чувствую, ты права во всемъ. Прости меня, Катя.

У Даши катились крупныя, какъ горохъ, слезы. Она стояла позади, на шагъ отъ сестры и говорила громкимъ шепотомъ:

— Если ты не простишь, — я больше не хочу жить. Я вообще не знаю, какъ мнѣ теперь жить... А если ты еще будешь со мной такая...

Екатерина Дмиріевна быстро повернулась къ ней:

— Какая, Даша? Что ты еще хочешь отъ меня? Тебѣ хочется, чтобы все опять стало благополучно и душевно?.. Такъ, я тебѣ скажу... Я потому лгала и молчала, что только этимъ и можно было продлить еще немного нашу жизнь съ Николаемъ Ивановичемъ... А вотъ теперь — конецъ. Поняла? Я Николая Ивановича давно не люблю и давно ему не вѣрна. А Нколай Ивановичъ любитъ меня, или не любитъ — не знаю, но онъ мнѣ не мужъ. Поняла? Можетъ быть, у него семья другая, или ему, вообще, не нужно ни какой женщины, или у него острая неврастенія, — не знаю. Поняла? А ты, какъ зябликъ, все голову подъ мышку прячешь, чтобы не видѣть страшныхъ вещей. Я ихъ видѣла и знала, но жила въ этой мерзости, потому, что — слабая женщина. Я видѣла, какъ тебя эта жизнь тоже затягиваетъ. Я старалась оберечь тебя, запретила Безсонову

пріѣзжать къ намъ... Это было еще до того, какъ онъ... Ну, все равно... Теперь всему этому пришелъ конецъ...

Екатерина Дмитріевна вдругъ подняла голову, прислушиваясь. У Даши со страха похолодѣла спина. Въ дверяхъ, бокомъ изъ за портьеры, появлялся Николай Ивановичъ. Руки его были спрятаны за спиной.

— Безсоновъ? — спросилъ онъ, съ улыбкой покачивая головой. И продвинулся въ столовую.

Екатерина Дмитріевна не отвѣтила. На щекахъ ея выступили пятна, глаза высохли. Она стиснула ротъ.

— Ты кажется думаешь, Катя, что нашъ разговоръ оконченъ? Напрасно.

Онъ продолжалъ улыбаться. — Даша, оставь насъ однихъ, пожалуйста.

— Нѣтъ, я не уйду. — И Даша стала рядомъ съ сестрой.

— Нѣтъ, ты уйдешь, если я тебя попрошу.

— Нѣтъ, не уйду.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ придется удалиться изъ этого дома.

— Удаляйся, — глядя на него съ ненавистью, отвѣтила Даша.

Николай Ивановичъ побагровѣлъ, но сейчасъ же въ глазахъ его мелькнуло прежнее выраженіе — веселенькаго сумасшествія.

— Тѣмъ лучше, оставайся. Вотъ въ чемъ дѣло, Катя... Я сейчасъ сидѣлъ тамъ, гдѣ ты меня оставила и, въ сущности говоря, за нѣсколько минутъ пережилъ то, что трудно, вообще, переживаемо... Я пришелъ къ выводу, что мнѣ нужно тебя убить... Да, да.

При этихъ словахъ Даша быстро прижалась къ сестрѣ, обхвативъ ее обѣими руками. У Екатерины Дмитріевны презрительно задрожали губы...

— У тебя истерика... Тебѣ нужно принять валерьяну, Николай Ивановичъ...

— Нѣтъ, Катя, на этотъ разъ — не истерика...

— Тогда, дѣлай то, зачѣмъ пришелъ, — крикнула она, оттолкнувъ Дашу и подошла къ Николаю Ивановичу вплоть. — Ну, дѣлай! Въ лицо тебѣ говорю — я тебя не люблю!

Онъ попятился, положилъ на скатерть вытащенный изъ за спины револьверъ, запустилъ концы пальцевъ въ ротъ, укусилъ ихъ, повернулся и пошелъ къ двери. Катя пронзительно глядѣла ему вслѣдъ. Не оборачиваясь, онъ проговорилъ:

— Мнѣ больно!.. Мнѣ больно!..

Тогда она кинулась къ нему, схватила за плечи, повернула къ себѣ его лицо:

— Врешь!.. Вѣдь врешь!.. Вѣдь ты и сейчасъ врешь!..

Но онъ замоталъ головой и ушелъ. Екатерина Дмитріевна присѣла у стола:

— Вотъ, Дашенька, — сцена изъ третьяго акта, съ выстрѣломъ. Подумай теперь сама — во что должна превратиться женщина отъ всей этой слякоти... Я уѣду отъ него.

— Катюша!.. Господь съ тобой!

— Уѣду, не хочу такъ жить. Черезъ пять лѣтъ — стану старая, будетъ ужъ поздно. Не могу больше такъ жить... Гадость, гадость!

Она закрыла лицо руками, опустила его въ локти на столъ. Даша, присѣвъ рядомъ, быстро и осторожно цѣловала ее въ плечо. Екатерина Дмитріевна подняла голову:

— Ты думаешь — мнѣ его не жалко? Мнѣ всегда его жалко. Но ты, вотъ, подумай, — пойду сейчасъ къ

нему, и будетъ у насъ длиннѣйшій разговоръ, весь, насквозь, фальшивый... Точно бѣсъ какой то всегда между нами кривитъ, фальшивитъ, слова отводитъ... Все равно, какъ играть на розстроенномъ роялѣ, такъ и съ Николаемъ Ивановичемъ разговаривать... Нѣтъ, я уѣду!.. Ахъ, Дашенька, если бы ты знала, какая у меня тоска! Хочу иного, понимаешь? Всей жизнью, до послѣдняго волоска, хочу любить. Любви хочу такой, чтобы каждой минуткой, каждымъ помысломъ, всѣмъ тѣломъ моимъ, всей этой кожей, — любить, любить... А такой я себя ненавижу — брезгую.

Къ концу вечера Екатерина Дмитріевна, все же, пошла въ кабинетъ.

Разговоръ съ мужемъ былъ долгій, говорили оба тихо и горестно, старались быть честными, не щадили другъ друга и, все же, у обоихъ осталось такое чувство, что ничего этимъ разговоромъ не достигнуто, и не понято, и не спаяно.

Николай Ивановичъ, оставшись одинъ, до разсвѣта сидѣлъ у стола и вздыхалъ. За эти часы, какъ впослѣдствіи узнала Катя, онъ продумалъ и пересмотрѣлъ всю свою жизнь. Результатомъ было огромное письмо женѣ, которое кончалось такъ:..."Да,Катя, мы всѣ въ нравственномъ тупикѣ. За послѣдніе пять лѣтъ у меня не было ни одного сильнаго чувства, ни одного крупнаго движенія. Даже любовь къ тебѣ и женитьба прошли точно впопыхахъ. Существованіе — мелкое и полуистерическое, подъ непрерывнымъ наркозомъ всей нашей, нарочно для этого опьяненія и созданной, жизни. Выходовъ два — или покончить съ собой, или разорвать эту, лежащую на моихъ мысляхъ, на чувствахъ, на моемъ сознаніи душную пелену. Ни того ни другого сдѣлать я не въ состояніи..."

Семейное несчастье произошло такъ внезапно и домашній миръ развалился до того легко и окончательно, что Даша была оглушена, и думать о себѣ — ей и въ голову не приходило; какія ужъ тамъ дѣвичьи настроенія, — чепуха, страшная коза на стѣнѣ, вродѣ той, что давнымъ давно нянька — Лукерья показывала имъ съ Катей, — зажигала свѣчку, складывала руки, и на стѣнѣ коза ѣла капустку, шевелила рогами.

Нѣсколько разъ на дню Даша подходила къ катиной двери и скреблась пальцемъ. Катя отвѣчала:

— Дашенька, если можешь, — оставь меня одну, пожалуйста.

Николай Ивановичъ въ эти дни долженъ былъ выступать въ судѣ. Онъ уѣзжалъ рано, завтракалъ и обѣдалъ въ ресторанѣ, возвращался ночью. Его рѣчь въ защиту жены акцизнаго чиновника Ладникова, Зои Ивановны, зарѣзавшей въ сонномъ состояніи на Гороховой улицѣ своего любовника, сына петербургскаго домовладѣльца, студента Шлиппэ, потрясла судей и весь залъ. Дамы рыдали. Обвиняемая, Зоя Ивановна, билась головой о загородку, и была оправдана.

Николай Ивановичъ, блѣдный, съ провалившимися глазами, былъ окруженъ при выходѣ изъ суда толпою женщинъ, которыя бросали цвѣты, взвизгивали и цѣловали ему руки. Изъ суда онъ проѣхалъ домой и объяснялся съ Катей съ полной душевной размягченностью.

У Екатерины Дмитріевны оказались сложенными чемоданы. Онъ по чистой совѣсти посовѣторалъ ей поѣхать на югъ Франціи и далъ на расходы двѣнадцать тысячъ. Самъ же онъ, тоже во время этого разговора, рѣшилъ передать дѣла помощнику и поѣхать въ Крымъ — отдохнуть и собраться съ мыслями.

Въ сущности, было неясно и неопредѣленно, — разъѣзжаются ли они на время или навсегда, и кто кого покидаетъ? Эти острые вопросы были старательно заслонены суетой отъѣзда.

О Дашѣ оба они забыли. Екатерина Дмитріевна спохватилась только въ послѣднюю минуту, когда одѣтая въ сѣрый, дорожный костюмъ, въ изящной шапочкѣ, подъ вуалькой, похудѣвшая, грустная и милая, увидѣла Дашу въ прихожей на сундукѣ. Даша болтала ногой и ѣла хлѣбъ съ мармеладомъ, потому что сегодня обѣдъ заказать забыли.

— Родной мой, Данюша, — говорила Екатерина Дмитріевна, цѣлуя ее черезъ вуальку, — а ты то какъ же? Хочешь, поѣдемъ со мной?

Но Даша сказала, что останется одна въ квартирѣ съ Великимъ Моголомъ, будетъ держать экзамены, и въ концѣ мая поѣдетъ на все лѣто къ отцу.

IX.

Даша осталась одна въ домѣ. Большія комнаты теперь казались неуютными и вещи въ нихъ — лишними. Даже квадратные портреты въ гостинной, съ отъѣздомъ хозяевъ, перестали пугать и поблекли. Мертвыми складками висѣли портьеры. На обивкѣ креселъ и дивановъ, на еще не убранныхъ коврахъ, на обояхъ выступали съ тоскливымъ однообразіемъ не живыя арабески, уродливыя изображенія цвѣтовъ и фигуръ. И, хотя Великій Моголь каждое утро, молча, какъ привидѣніе, бродилъ по комнатамъ, отряхивая пыль метелкой изъ пѣтушиныхъ перьевъ, все же, словно иная, невидимая пыль все гуще покрывала домъ.

Теперь въ первый разъ, среди этого нагроможденія лишнихъ и непонятно для чего пріобрѣтенныхъ вещей и вещицъ, Дашѣ стало казаться, что сестра и зять словно приколачивали себя къ жизни этими предметами, заполняли ими пустыя мѣста, а у самихъ не было ни силы, ни цѣпкости, чтобы держаться.

Въ комнатѣ сестры можно было, какъ по книгѣ, прочесть все, чѣмъ жила Екатерина Дмитріевна. Вотъ, въ углу — маленькій, точенаго дерева, мольбертикъ съ начатой картиночкой, — дѣвушка въ бѣломъ вѣнкѣ и съ глазами въ полъ-лица. За этотъ мольбертикъ Екатерина Дмитріевна уцѣпилась было, чтобы какъ нибудь вынырнуть изъ бѣшенной суеты, но, конечно, не удержалась. Вотъ старинный рабочій столикъ, въ безпорядкѣ набитый начатыми рукодѣліями, распоротыми шляпками, пестрыми лоскутками, все не окончено и заброшено, — тоже попытка. Такой же безпорядокъ въ шкафу, — видно, что начали прибирать и бросили. И повсюду брошены, засунуты, наполовину разрѣзанныя, книги Іоги, популярныя лекціи по антропософіи, стишки, романы. Сколько попытокъ и безплодныхъ усилій начать добрую жизнь! На туалетномъ столѣ Даша нашла серебряный блокнотикъ, гдѣ было записано: "Рубашекъ 24, лифчиковъ 8, лифчиковъ кружевныхъ... Для Ведринскихъ билеты на Дядю Ваню..." И затѣмъ, крупнымъ, дѣтскимъ почеркомъ: "Даша любитъ яблочный тортъ".

Даша вспомнила, — яблочный тортъ такъ никогда и не былъ купленъ. Ей до слезъ стало жалко сестры. Ласковая, добрая, слишкомъ деликатная для этой жизни, она цѣплялась за вещи и вещицы, старалась укрѣпиться, уберечь себя отъ дробленія и разрушенія, но нечѣмъ и некому было помочь.

Даша вставала рано, садилась за книги и сдавала

экзамены, почти всѣ — "отлично". Къ телефону, безъ устали звонившему въ кабинетѣ, она посылала Великаго Могола, которая отвѣчала неизмѣнно: "Господа уѣхали, барышня подойти не могутъ".

Цѣлые вечера Даша играла на роялѣ. Музыка не возбуждала ее, какъ прежде, не хотѣлось чего то неопредѣленнаго, и не замирало мечтательно сердце. Теперь, сидя строго и смирно передъ тетрадью нотъ, озаренная съ боковъ двумя свѣчами, Даша словно очищали себя торжественными звуками, наполнявшими до послѣднихъ закоулковъ весь этотъ грѣшный домъ.

Иногда среди музыки являлись маленькіе враги — непрошенныя воспоминанія. Даша опускала руки и хмурилась. Тогда въ домѣ становилось такъ тихо, что было слышно, какъ потрескивала свѣча. Затѣмъ, Даша шумно вздыхала, и вновь ея руки съ силой касались холодныхъ клавишъ, а маленькіе враги, точно пыль и листья, гонимые вѣтромъ, летѣли изъ большой комнаты куда нибудь въ темный корридоръ за шкафы и кардонки... Было навѣкъ покончено съ той Дашей, которая десять дней тому назадъ звонила у подъѣзда Безсонова, и говорила беззащитной Катѣ злыя слова. Ополоумѣвшая дѣвченка чуть было не натворила бѣдъ. Удивительное дѣло! Будто одинъ свѣтъ въ окошкѣ—любовныя настроенія, и любви то никакой не было, а просто раздраженное всей этой суетой любопытство.

Часовъ въ одиннадцать Даша закрывала рояль, задувала свѣчи и шла спать, все это дѣлалось безъ колебаній, дѣловито. За это время она рѣшила, какъ можно скорѣе, начать самостоятельную жизнь, — самой зарабатывать, взять Катю къ себѣ, окружить такими заботами, такой любовью, чтобы ужъ сестра никогда больше, во всю жизнь, ни разу не заплакала.

Въ концѣ мая, сдавъ экзамены, Даша поѣхала къ отцу черезъ Рыбинскъ по Волгѣ. Вечеромъ, прямо съ желѣзной дороги, она сѣла на бѣлый, ярко освѣщенный среди ночи и темной воды, пароходъ, разобрала въ чистенькой каютѣ вещи, заплела косу, подумала, что самостоятельная жизнь начинается не плохо и, положивъ подъ голову локоть и улыбаясь отъ счастья, заснула подъ мѣрное дрожаніе машины.

Разбудили ее тяжелые шаги и бѣготня по палубѣ. Сквозь жалюзи лился солнечный свѣтъ, играя на красномъ деревѣ рукомойника жидкими переливами. Вѣтерокъ, отдувавшій парусиновую штору, пахнулъ медовыми цвѣтами и полынью. Она пріоткрыла жалюзи. Пароходъ стоялъ у пустыннаго берега, гдѣ подъ свѣже обвалившейся, въ корняхъ и комьяхъ, невысокой кручей, стояли возы съ сосновыми ящиками. У воды, разставивъ худыя, съ толстыми колѣнками, ноги, пилъ коричневый жеребенокъ. На кручѣ большимъ краснымъ крестомъ торчала маячная вѣха.

Даша соскочила съ койки, развернула на полу тэбъ и, набравъ полную губку воды, выжала ее на себя. Стало до того свѣжо и боязно, что она, смѣясь, начала поджимать къ животу колѣни. Потомъ надѣла приготовленные съ вечера бѣлые чулки, бѣлое платье и бѣлую шапочку, — все это сидѣло на ней ловко и строго, — и, чувствуя себя независимой, сдержанная, но страшно счастливая, вышла на палубу.

По всему бѣлому пароходу играли жидкіе отсвѣты солнца, на воду больно было смотрѣть, — рѣка сіяла и переливалась. На дальнемъ берегу, гористомъ и кудрявомъ, бѣлѣла, по поясъ въ березахъ, старенькая колокольня.

Когда пароходъ отчалилъ и, описавъ полукругъ, побѣжалъ внизъ, навстрѣчу ему медленно двинулись берега, — луговой — пустынный, и нагорный — въ лѣскахъ и пестро - зеленыхъ или каменистыхъ пролысинахъ. Изъ за бугровъ, точно завалившись, выглядывали кое - гдѣ соломенныя крыши избъ. Въ небѣ стояли кучевыя облака съ синеватыми днищами, и отъ нихъ въ небесно желтоватую бездну рѣки падали бѣлыя тѣни.

Даша сидѣла въ плетеномъ креслѣ, положивъ ногу на ногу, охвативъ колѣно, и чувствовала, какъ сіяющіе изгибы рѣки, облака и бѣлыя ихъ отраженія, березовые холмы, луга и струи вѣтра, то пахнущія болотной травой, то сухостью вспаханной земли, медовой кашкой и полынью, — текутъ сквозь нее, и тихимъ востторогомъ ширится сердце.

Какой то человѣкъ медленно подошелъ, остановился сбоку у перилъ и, кажется, поглядывалъ. Даша нѣсколько разъ забывала про него, а онъ все стоялъ. Тогда она твердо рѣшила не оборочиваться, но у нея былъ слишкомъ горячій нравъ, чтобы спокойно переносить такое разглядыванье. Она покраснѣла и быстро, гнѣвно, обернулась. Передъ ней стоялъ Телѣгинъ, держась рукой за столбикъ, и не рѣшался ни подойти, ни заговорить, ни скрыться. Даша неожиданно засмѣялась, — онъ ей напомнилъ что то неопредѣленно веселое и доброе. Да и весь Иванъ Ильичъ, неуклюжій, сильный и застѣнчивый, точно необходимымъ завершеніемъ появился изо всего этого рѣчного покоя. Она протянула ему руки. Здороваясь, Телѣгинъ сказалъ:

— Я видѣлъ, какъ вы садились на пароходъ. Въ сущности, мы ѣхали съ вами въ одномъ вагонѣ отъ Петербурга. Но я не рѣшался подойти — вы были чѣмъ

то очень озабочены. А сейчасъ вотъ подумалъ, что, всетаки, неудобно... Я вамъ не мѣшаю?

— Садитесь, — она пододвинула ему плетеное кресло, — ѣду къ отцу, а вы куда?

— Я то, въ сущности говоря, еще не знаю. Пока — въ Кинешму, къ роднымъ.

Телѣгинъ сѣлъ рядомъ и снялъ шляпу. Брови его сдвинулись, по лбу пошли морщины. Съуженными глазами онъ глядѣлъ на воду, вогнутой, пѣнящейся дорогой выбѣгающую изъ подъ парохода. Надъ ней, какъ комары, за кормой летѣли острокрылые мартыны, падали на воду, взлетали съ хриплыми жалобными криками и, далеко отставъ, кружились и дрались надъ плывущей хлѣбной коркой.

— Пріятный день, Дарья Дмитріевна, — сказалъ Телѣгинъ.

— Такой день, Иванъ Ильичъ, такой день! Я сижу и думаю — какая я была полуумная, навыдумывала, напутала невѣроятныхъ трудностей, да такъ, что едва въ нихъ не завязла. Какъ изъ ада живая вырвалась, честное слово. Помните нашъ разговоръ на улицѣ?

— Помню до послѣдняго слова, Дарья Дмитріевна.

— Послѣ этого такое началось, не дай Богъ! Я вамъ какъ нибудь разскажу. — Она задумчиво покачала головой. — Вы были единственнымъ человѣкомъ, который не сходилъ съ ума въ этомъ городѣ, такъ мнѣ представляется. Поэтому мнѣ съ вами пріятно. Она нѣжно улыбнулась и положила ему руку на рукавъ. У Ивана Ильича испуганно дрогнули вѣки и поджались губы. — Я вамъ очень довѣряю, Иванъ Ильичъ. Вы очень сильный? Правда? —

— Ну, какой же я сильный.

— И вѣрный человѣкъ. — Даша чувствовала, что всѣ мысли ея — добрыя, ясныя и любовныя, и такія же добрыя, вѣрныя и сильныя мысли были у Ивана Ильича. И особая радость была въ томъ, чтобы говорить — выражать прямо эти свѣтлыя волны чувствъ, подходящія къ сердцу. — Мнѣ представляется, Иванъ Ильичъ, что если вы любите, то мужественно, кротко, увѣренно. А если чего нибудь захотите, то не отступитесь.

Не отвѣчая, Иванъ Ильичъ медленно полѣзъ въ карманъ, вытащилъ оттуда кусокъ хлѣба и сталъ бросать птицамъ. Цѣлая стая бѣлыхъ мартыновъ съ тревожными криками кинулась ловить крошки. Даша и Иванъ Ильичъ подошли къ борту.

— Вотъ этому киньте, — сказала Даша, — смотрите, какой голодный.

Телѣгинъ далеко въ воздухъ швырнулъ остатокъ хлѣба. Жирный, головастый мартынъ скользнулъ на недвигающихся, распластанныхъ, какъ ножи, крыльяхъ, налетѣлъ и промахнулся, и сейчасъ же штукъ десять ихъ понеслось вслѣдъ за падающимъ хлѣбомъ до самой воды, теплой пѣной бьющей изъ подъ борта. Даша сказала:

— Мнѣ хочется быть знаете какой женщиной? Какъ можно меньше волноваться на свой счетъ. Вспомнишь — о комъ я думала, кого любила? Одну себя. Безнадежное занятіе. Безпокойно, душно, и совсѣмъ не весело. Охъ, нѣтъ, хорошо быть вотъ какой женщиной, — всегда на тебѣ невидимый, чистенькій передничекъ, и съ ногъ до головы — весело влюблена; живешь, какъ утромъ по росѣ босикомъ бѣгать. На будущій годъ кончу курсы, начну зарабатывать много денегъ, возьму жить къ себѣ Катю, буду совершенно новымъ чело-

вѣкомъ. Увидите, Иванъ Ильичъ, какая стану. Тогда перестанете меня презирать.

Во время этихъ словъ Телѣгинъ морщился, удерживался и, наконецъ, раскрылъ ротъ съ крѣпкимъ, чистымъ рядомъ крупныхъ зубовъ и захохоталъ такъ весело, что взмокли рѣсницы. Даша вспыхнула, оскорбилась, но и у нея запрыгалъ подбородокъ, и не хотѣла, а разсмѣялась, такъ же, какъ и Телѣгинъ, въ сущности говоря, сама не зная чему.

— Дарья Дмитріевна, — проговорилъ онъ наконецъ, вы замѣчательная... я вначалѣ васъ боялся до смерти.. Но вы прямо замѣчательная.

— Ну, вотъ что — идемте завтракать, — сказала Даша сердито.

— Съ удовольствіемъ.

Иванъ Ильичъ велѣлъ вынести столикъ на палубу и, глядя на карточку, озабоченно сталъ скрести чисто выбритый подбородокъ.

— Что вы думаете, Дарья Дмитріевна, относительно бутылки легкаго бѣлаго вина?

— Немного выпью, съ удовольствіемъ.

— Гравъ или Барзакъ?

Даша такъ же дѣловито отвѣтила:

— Или то, или другое.

— Въ такомъ случаѣ — выпьемъ Шабли.

Мимо плылъ холмистый берегъ, съ атласно-зелеными полосами пшеницы, зелено- голубыми ржи, и розоватыми — зацвѣтающей гречихи. За поворотомъ, надъ глинистымъ обрывомъ, на навозѣ, подъ шапками соломы, стояли приземистыя избы, отсвѣчивая окошечками. Подальше — десятокъ крестовъ деревенскаго кладбища, и шестикрылая, какъ игрушечная, мельница съ проломаннымъ бокомъ. Стайка мальчишекъ бѣжала вдоль кручи за пароходомъ, кидая камнями, еле долетавшими

даже до воды. Пароходъ повернулъ, и на пустынномъ берегу — низкій кустарникъ, и коршуны надъ нимъ.

Теплый вѣтерокъ поддувалъ подъ бѣлую скатерть, подъ платье. Золотистое вино въ граненныхъ большихъ рюмкахъ казалось божьимъ даромъ. Даша сказала, что завидуетъ Ивану Ильичу, — у него есть свое дѣло, увѣренность въ жизни, а вотъ ей еще полтора года корпѣть надъ книгами, и при томъ такое несчастье, что она — женщина. Телѣгинъ, смѣясь, отвѣтилъ:

— А меня вѣдь съ Обуховскаго то завода выгнали.

— Что вы говорите!

— Въ двадцать четыре часа, чтобы духу не было. Иначе, зачѣмъ бы я на пароходѣ оказался. Вы развѣ не слышали, какія у насъ дѣла творились?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Я то вотъ дешево отдѣлался. Да.. — Онъ помолчалъ, положивъ локти на скатерть,—Вотъ, подите же до чего у насъ все дѣлается глупо и бездарно, — на рѣдкость. И, чортъ знаетъ, какая слава о насъ идетъ, о русскихъ. По всей Европѣ раструбили нашу исторію. Обидно и совѣстно. Подумайте, — талантливый народъ, богатѣйшая страна, а какая видимость? — Видимость: наглая, прокопченная, писарская рожа. Вмѣсто жизни — бумага и чернила. Вы не можете себѣ представить,сколько у насъ изводится бумаги и чернилъ. Какъ начали отписываться при Петрѣ Великомъ, такъ до сихъ поръ не можемъ остановиться. И вѣдь оказывается, — кровавая вещь — чернила, представьте себѣ.

Иванъ Ильичъ отодвинулъ стаканъ съ виномъ и закурилъ. Ему, видимо, было непріятно разсказывать все дальнѣйшее.

— Ну, да что вспоминать. Думать надо, что и у насъ когда нибудь хорошо будетъ, не хуже, чѣмъ у людей.

Весь этотъ день Даша и Иванъ Ильичъ провели на палубѣ. Постороннему наблюдателю казалось бы, что они говорятъ чепуху, но это происходило оттого, что они разговаривали шифромъ. Слова, самыя обычныя, таинственно и непонятно получали двойной смыслъ, и когда Даша, указывая глазами на пухленькую, низкорослую барышню, съ удивленно-круглыми глазами, безъ бровей и съ отдувающимся за ея сутулой спиной розово-лиловымъ шарфомъ, и на сосредоточенно шагающаго рядомъ съ ней второго помощника капитана, говорила: "Смотрите, Иванъ Ильичъ, у нихъ, кажется, дѣло идетъ на ладъ", — нужно было понимать: "Если бы у насъ съ вами что нибудь случилось, — было бы совсѣмъ не такъ". Никто изъ нихъ не могъ бы вспомнить по чистой совѣсти, что онъ говорилъ, но Ивану Ильичу казалось, что Даша гораздо умнѣе, тоньше и наблюдательнѣе его. Дашѣ казалось, что Иванъ Ильичъ добрѣе ея, лучше, умнѣе разъ въ тысячу.

Даша собиралась нѣсколько разъ съ духомъ, чтобы разсказать ему о Безсоновѣ, но задумывалась; солнце грѣло колѣни, вѣтеръ касался щеки, плечей, шеи, словно круглыми и ласковыми пальцами, хлопающій флагъ на носу, веревочная рѣшетка борта, сѣрый, парусиновый полъ — все это вмѣстѣ съ нею и Иваномъ Ильичемъ медленно плыло между облаками, мимо невысокихъ и кроткихъ береговъ. Даша думала:

"Нѣтъ, разскажу ему завтра. Пойдетъ, быть можетъ, дождикъ — тогда разскажу".

Даша, любившая наблюдать и наблюдательная, какъ всѣ женщины, знала къ концу дня, приблизительно, всю подноготную про всѣхъ ѣдущихъ на пароходѣ. Ивану Ильичу казалось это почти чудомъ.

Про ректора Петербургскаго Университета, угрюмаго человѣка, въ дымчатыхъ очкахъ и крылаткѣ, Даша

рѣшила почему то, что это очень крупный пароходный шулеръ. И хотя Иванъ Ильичъ зналъ, что это ректоръ, теперь ему тоже запало подозрѣніе — не шулеръ ли. Вообще, его представленіе о дѣйствительности пошатнулось за этотъ день. Онъ чувствовалъ не то головокруженіе, не то сонъ въ яви, и почти не въ силахъ выдерживать время отъ времени подступающую волну любви ко всему, что видитъ и слышитъ, присматривался — хорошо бы сейчасъ броситься въ воду вонъ за той, скажемъ, стриженой дѣвочкой, если она еще круче перегнется съ кормы и упадетъ.

Въ первомъ часу ночи Даша до того сразу и сладко захотѣла спать, что едва дошла до каюты и, прощаясь въ дверяхъ, сказала, зѣвая:

— Прощайте. Смотрите, присматривайте за шулеромъ то.

Иванъ Ильичъ сейчасъ же пошелъ въ рубку перваго класса, гдѣ ректоръ, страдающій безсонницей, читалъ сочиненія Дюма-отца, поглядѣлъ на него нѣкоторое время, подумалъ, что — прекрасный человѣкъ, несмотря на то, что шулеръ, затѣмъ вернулся въ ярко освѣщенный корридоръ, гдѣ пахло машиной, лакированнымъ деревомъ и духами Даши, на ципочкахъ прошелъ мимо ея двери, и у себя въ каютѣ, повалившись на спину на койку и закрывъ глаза, почувствовалъ, что весь потрясенъ, весь полонъ звуками, запахами, жаромъ солнца и острой, заглушающей все это, непонятной грустью.

Въ седьмомъ часу утра его разбудилъ ревъ парохода. Подходили къ Кинешмѣ. Иванъ Ильичъ быстро одѣлся и выглянулъ въ корридоръ. Всѣ двери были закрыты, всѣ еще спали. Спала и Даша. "Мнѣ слѣзть необходимо, иначе получается чортъ знаетъ что", — подумалъ Иванъ Ильичъ, и вышелъ на палубу, глядя на

эту самую, некстати подоспѣвшую Кинешму на крутомъ и высокомъ берегу, съ деревянными лѣстницами, съ деревянными точно кое какъ нагороженными, наваленными домишками, крышами, заборами, съ яркими, по утреннему желтовато-зелеными, липами городского парка, съ неподвижно висящимъ облакомъ пыли надъ возами, тянущимися по городскому спуску. Широкомордый матросъ, твердо ступая по палубѣ пятками босыхъ ногъ, появился съ рыжимъ чемоданомъ Телѣгина...

— Нѣтъ,нѣтъ,я передумалъ, назадъ несите,—взволнованно проговорилъ ему Иванъ Ильичъ,—я, видите ли, до Нижняго рѣшилъ ѣхать. Въ Кинешму мнѣ и не особенно было нужно. Вотъ, сюда ставьте, подъ койку. Благодарю васъ, голубчикъ.

Въ каютѣ Иванъ Ильичъ просидѣлъ часа три, придумывая, какъ объяснить Дашѣ свой, по его пониманію, пошлый и навязчивый поступокъ и было ясно, что объяснить невозможно, ни соврать, ни сказать правду.

Въ одиннадцатомъ часу,раскаиваясь,ненавидя и презирая себя, онъ появился на палубѣ, — руки за спиной, походочка какая то ныряющая, лицо фальшивое, — словомъ, типъ пошляка. Но, обойдя кругомъ палубу и не найдя Даши, Иванъ Ильичъ взволновался, сталъ заглядывать повсюду. Даши не было нигдѣ. У него пересохло во рту. Очевидно, что то случилось. И вдругъ, онъ прямо наткнулся на нее. Даша сидѣла на вчерашнемъ мѣстѣ, въ плетеномъ креслѣ, грустная и тихая. На колѣняхъ у нея лежали книжка и груша. Она медленно повернула голову къ Ивану Ильичу, глаза ея расширились точно отъ испуга, залились радостью, на щеки взошелъ румянецъ, груша покатилась съ колѣнъ:

— Вы здѣсь? Не слѣзли? — Проговорила она тихо.

Иванъ Ильичъ проглотилъ волненіе, сѣлъ рядомъ и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Не знаю, какъ вы взглянете на мой поступокъ, но я намѣренно не вылѣзъ въ Кинешмѣ.

— Какъ я посмотрю на вашъ поступокъ? Ну, этого я не скажу,— Даша засмѣялась, и неожиданно, такъ что у Ивана Ильича снова, на весь день, сильнѣе вчерашняго пошла кружиться голова, положила ему въ ладонь свою руку, просто и нѣжно.

X.

На самомъ дѣлѣ, на Обуховскомъ заводѣ произошло слѣдующее. — Въ дождливый вечеръ, затянувшій вѣтряными облаками фосфорическое небо, въ узкомъ переулкѣ, вонючемъ и грязномъ, той, особенной, уголь-но-желѣзной грязью, какою бываютъ сплошь залиты прилегающіе къ большимъ заводамъ улицы, въ толпѣ рабочихъ, идущихъ послѣ свистка по домамъ, появился неизвѣстный человѣкъ, въ резиновомъ плащѣ съ острымъ капюшономъ.

Нѣкоторое время онъ шелъ вслѣдъ за всѣми, затѣмъ остановился и направо и налѣво сталъ раздавать листки, говоря сиповатымъ голосомъ:

"Отъ центральнаго комитета. Прочтите, товарищъ".

Рабочіе на ходу брали листки и прятали въ карманы и подъ шапки. За послѣднее время въ мрачную и озлобленную массу рабочихъ, ревниво охраняемую властями, сквозь всѣ щели проникали подобные молодые люди, посылаемые невидимыми друзьями. Они появлялись подъ видомъ служащихъ, чернорабочихъ, продавцовъ, или вотъ такъ — въ плащѣ съ капюшономъ. Они подкидывали листки, раздавали книги, пускали слухи, разъясняли злоупотребленія администраціи, и всѣ повторя-

ли одно: "Если хотите быть людьми, а не скотами, — учитесь ненавидѣть тѣхъ, на кого вы работаете". Рабочіе чувствовали и понимали, что на царскую власть, заставлявшую ихъ работать двѣнадцать часовъ въ сутки, отгородившую ихъ отъ богатой и веселой жизни города грязными переулками и постами ночныхъ сторожей, вынуждавшую рабочихъ дурно ѣсть, грязно одѣваться, жить съ неряшливыми и рано старѣющими женщинами, посылать дочерей въ проституки, а мальчиковъ въ постылую каторгу фабрикъ, — на эту власть нашлась управа — Центральный Комитетъ Рабочей Партіи. Онъ былъ неуловимъ и невидимъ. Рабочіе ненавидѣли власть съ чугунной скукой, Центральный Комитетъ ненавидѣлъ ее дѣятельно и ѣдко. Онъ не уставая повторялъ: — требуйте, кричите, возмущайтесь. Васъ учили — будьте добрыми, — провокація! Добродѣтель пролетарія — быть неумолимымъ. Вамъ говорили — терпите и прощайте,— издѣвательство! Вы не рабы. Ненавидьте и организуйтесь. Вамъ внушали — любите ближняго. Но ближній, оказывается, можетъ васъ не любить. Вы одурачены. Есть одна достойная человѣка любовь — любовь къ свободѣ. Помните, — Россія построена вашими руками. Вы одни законные хозяева россійскаго государства.

Когда человѣкъ въ резиновомъ плащѣ роздалъ почти всѣ листочки, около него, сильно протиснувшись плечомъ сквозь толпу, появился ночной сторожъ и, проговоривъ поспѣшно, — "Погоди ка", — схватилъ сзади за плащъ. Но человѣкъ, мокрый и скользкій, вывернулся и, пригибаясь къ землѣ, побѣжалъ. Раздался рѣзкій свистокъ, въ отвѣтъ, издалека, заверещалъ дугой. По рѣдѣющей толпѣ пошелъ глухой говоръ. Но дѣло было сдѣлано и человѣкъ въ плащѣ исчезъ.

Дня черезъ два на Обуховскомъ заводѣ, неожиданно для администраціи, съ утра не всталъ на работу то-

карный цехъ и предъявилъ требованія, не особенно серьезныя, но рѣшительныя.

По длиннымъ заводскимъ корпусамъ, мутно освѣщеннымъ сквозь грязныя окна и закопченныя, стеклянныя крыши, полетѣли, какъ искорки, неопредѣленныя фразы, замѣчанія и злыя словечки. Рабочіе, стоя у станковъ, странно взглядывали на проходящее начальство и, видимо, въ сдержанномъ, но страшномъ возбужденіи ждали какихъ то указаній.

Старшему мастеру Павлову, доносчику и нашептывателю, вертѣвшемуся около гидравлическаго пресса, нечаянно раздавили всю ступню раскаленной болванкой. Онъ дико закричалъ, и тогда по заводу пошелъ слухъ, что кого то уже убили. Въ девять часовъ на заводскій дворъ, какъ буря, влетѣлъ огромный, черный лемузинъ главнаго инженера.

Иванъ Ильичъ Телѣгинъ, придя въ обычный часъ въ литейную, огромную постройку въ видѣ цирка, съ разбитыми кое гдѣ стеклами, съ висящими цѣпями передвижныхъ крановъ, съ плавильными горнами у стѣнъ и землянымъ поломъ, остановился въ дверяхъ, передернулъ плечами отъ утренняго холодка, и за руку, весело, поздоровался съ подошедшимъ мастеромъ — Пунько.

Въ литейной былъ полученъ спѣшный заказъ на моторныя станины, и Иванъ Ильичъ заговорилъ съ Пунько о предстоящей работѣ, дѣловито и вдумчиво совѣтуясь съ нимъ о тѣхъ вещахъ, которыя были для нихъ обоихъ несомнѣнны. Эта маленькая хитрость вела къ тому, что Пунько, поступившій въ эту литейную пятнадцать лѣтъ тому назадъ простымъ чернорабочимъ, а теперь — старшій мастеръ, очень высоко ставившій свои знанія и опытъ, остался вполнѣ довольнымъ бесѣдой, самолюбіе его было удовлетворено, а Телѣгинъ

былъ увѣренъ, что, если Пунько доволенъ, то работа пойдетъ быстро и споро.

Обойдя литейную, Иванъ Ильичъ поговорилъ съ литейщиками и формовщиками, съ каждымъ тѣмъ полушутливо товарищескимъ тономъ, который наиболѣе точно опредѣлялъ ихъ взаимоотношенія: мы оба стоимъ на одной работѣ — значитъ, товарищи, но я инженеръ, вы рабочій, и по существу — мы враги, но, такъ какъ мы другъ друга любимъ и уважаемъ, то намъ ничего не остается, какъ подшучивать другъ надъ другомъ.

Къ одному изъ горновъ, стуча спускающейся цѣпью, подкатилъ кранъ. Филиппъ Шубинъ и Иванъ Орѣшниковъ, мускулистые и рослые рабочіе, одинъ похожій на Пугачева, черный, съ просѣдью и въ круглыхъ очкахъ, другой—съ кудрявой бородой, со свѣтлыми, повязанными ремешкомъ, волосами, голубоглазый и атлетически сильный, — любимецъ Ивана Ильича, принялись — одинъ ломомъ отдирать доску съ лицевой стороны горна, другой наводить на бѣлый отъ жара, высокій тигель клещи. Цѣпь затрещала, тигель подался и, шипя, свѣтясь и роняя корки нагара, поплылъ по воздуху къ серединѣ мастерской.

— Стопъ, — сказалъ Орѣшниковъ, — снижай.

Опять загромыхала лебедка, тигель опустился, и ослѣпительная струя бронзы, раскидывая лопающіяся, зеленыя звѣзды, озаряя оранжевымъ заревомъ шатровый потолокъ мастерской, полилась подъ землю. Запахло гарью приторно сладкой мѣди.

Въ это время двустворчатыя двери, ведущія въ сосѣдній корпусъ, подались, распахнулись и въ литейную быстро и рѣшительно вошелъ молодой рабочій, съ блѣднымъ и злымъ лицомъ, въ черной косовороткѣ, и въ глубоко надвинутомъ картузѣ объ одну пуговку.

— Кончай работу... Снимайся! — крикнулъ онъ отрывистымъ, жесткимъ голосомъ, покосился на Телѣгина и затеребилъ черные усики. — Слышали? Али нѣтъ?

— Слышали, слышали, не кричи, — отвѣтилъ Орѣшниковъ спокойно и поднялъ голову къ лебедкѣ, — Димитрій, не спи, вытравливай.

— Ну, слышали — понимайте сами, второй разъ просить не станемъ, — сказалъ рабочій, сунулъ руки въ карманы, сплюнулъ и, бойко повернувшись, вышелъ.

Иванъ Ильичъ, присѣвъ надъ свѣжей отливкой, осторожно расковыривалъ землю кускомъ проволоки. Пунько, сидя на высокомъ стулѣ у дверей передъ конторкой, быстро началъ гладить сѣрую, козлиную бородку и сказалъ, бѣгая глазами:

— Хочешь, не хочешь, значитъ, а дѣло бросай. А ребятишекъ чѣмъ кормить, если тебѣ по шапкѣ дадутъ съ завода — объ этомъ молодцы эти думаютъ, али нѣтъ?

— Этихъ дѣловъ ты лучше бы не касался, Василій Степанычъ, — отвѣтилъ Орѣшниковъ густымъ голосомъ.

— То есть, это какъ же?

— Такъ, это наша каша. Съ голоду не твои дѣти будутъ пузыри пускать... Ты то ужъ забѣжишь къ начальству, въ глаза взглянешь. По этому случаю—молчи.

— Изъ-за чего забастовка? — спросилъ, наконецъ, Тѣлегинъ, — какія требованія?.. — Орѣшниковъ, на котораго онъ взглянулъ, отвелъ глаза. Пунько отвѣтилъ:

— Слесаря забастовали. На прошлой недѣлѣ у нихъ шестьдесятъ станковъ перевели на сдѣльную работу, для пробы. Ну, вотъ и получается, что не дорабатываютъ, сверхурочные часы приходится выстаивать. Да, у нихъ цѣлый списокъ въ шестомъ корпусѣ на двери прибитъ, требованія разныя, не большія.

Онъ сердито обмокнулъ перо въ пузырекъ и принялся сводить вѣдомость. Телѣгинъ заложилъ руки за спину, прошелся вдоль горновъ, потомъ сказалъ, глядя въ круглое отверстіе, за которымъ въ бѣломъ, нестерпимомъ огнѣ танцовала, ходила змѣями кипящая бронза.

— Орѣшниковъ, какъ бы штука то эта у насъ не перестоялась, а?

Орѣшниковъ, не отвѣчая, снялъ кожаный фартукъ, повѣсилъ его на гвоздь, надѣлъ барашковую шапку и длиный, добротный пиджакъ и проговорилъ густымъ, наполнившимъ всю мастерскую, басомъ:

— Снимайтесь, товарищи. Есть желающіе — приходите въ шестой корпусъ, къ среднимъ дверямъ.

И пошелъ къ выходу. Рабочіе молча побросали инструменты, кто спустился съ лебедки, кто вылѣзъ изъ ямы въ полу, и толпою двинулись за Орѣшниковымъ. И вдругъ, въ дверяхъ что то произошло, — раздался срывающійся на визгъ, изступленный голосъ:

— Пишешь?.. Пишешь, сукинъ сынъ! На, записывай меня!.. Доноси начальству!.. — Это кричалъ на Пунько формовщикъ, Алексѣй Носовъ; изможденное, давно не бритое лицо его, съ провалившимися, мутными глазами, прыгало и перекашивалось, на тонкой шеѣ надулась жила; крича, онъ билъ чернымъ кулакомъ въ край конторки. — Кровопійцы!.. Мучители!.. Мать вашу въ душу!.. Найдемъ и на васъ ножикъ!..

Тогда Орѣшниковъ схватилъ Носова за туловище, легко отодралъ отъ конторки и повелъ къ дверямъ. Тотъ сразу затихъ. Мастерская опустѣла.

Къ полудню забастовалъ весь заводъ. Ходили слухи, что не спокойно на Балтійскомъ и на Невскомъ судостроительномъ. Рабочіе большими группами стояли на заводскомъ дворѣ и ждали — къ чему поведутъ переговоры администраціи со стачечнымъ комитетомъ,

какъ выяснилось, уже давно существовавшимъ. Забастовка была дѣло его рукъ.

Засѣдали въ конторѣ. Администрація шла на уступки. Задержка теперь была только за дверцей въ дощатомъ заборѣ, которую рабочіе требовали открыть, иначе имъ приходится обходомъ мѣсить четверть версты по грязи. Дверца никому, въ сущности, была не нужна, но дѣло шло на самолюбіе, администрація вдругъ уперлась, и начались длинныя пренія. Стачечный комитетъ поставилъ вопросъ о дверцѣ на соціальную плоскость. И въ это время по телефону изъ министерства внутреннихъ дѣлъ получился приказъ : — отказать стачечному комитету во всѣхъ требованіяхъ и, впредь до особаго распоряженія, ни въ какіе разговоры съ нимъ не вступать.

Приказъ этотъ настолько портилъ все дѣло, что старшій инженеръ немедленно умчался въ городъ для объясненій. Рабочіе недоумѣвали, настроеніе было, скорѣе, мирное. Нѣсколько инженеровъ, выйдя къ толпѣ, объяснялись, разводили руками. Кое гдѣ раздавался даже смѣхъ. Никто не вѣрилъ, что изъ за пустой какой-нибудь дверцы остановится цѣлый заводъ. Наконецъ, на крыльцѣ конторы появился огромный, тучный, сѣдой инженеръ Бульбинъ и прокричалъ на весь дворъ, что переговоры отложены на завтра.

Иванъ Ильичъ, пробывъ въ мастерской до вечера и видя, что горны все равно погаснутъ, плюнулъ и поѣхалъ домой. Въ столовой сидѣли футуристы и, оказывается, живо интересовались тѣмъ, что дѣлается на заводѣ. Но Иванъ Ильичъ ничего разсказывать не сталъ, задумчиво сжевалъ подложенные ему Елизаветой Кіевной бутерброды, и ушелъ къ себѣ, заперся на ключь и легъ спать. На слѣдующій день, подъѣзжая къ заводу, онъ еще издали увидалъ, что дѣло не ладно. По всему

переулку стояли кучки рабочихъ и совѣщались. Около воротъ собралась огромная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ и гудѣла, какъ потревоженный улей.

Иванъ Ильичъ былъ въ мягкой шляпѣ и штатскомъ пальто, на него не обращали вниманія, и онъ, прислушиваясь къ отдѣльнымъ кучкамъ спорящихъ, узналъ, что ночью былъ арестованъ весь стачечный комитетъ, что и сейчасъ продолжаются аресты среди рабочихъ, что выбранъ новый комитетъ, засѣдающій тайно, гдѣ то въ пивной, что требованія, предъявленныя ими теперь, уже политическія, что весь заводской дворъ полонъ казаками и, говорятъ, былъ данъ приказъ — разгонять толпу, но казаки, будто бы, отказались и что, наконецъ, Балтійскій, Невскій Судостроительный, Французскій и нѣсколько мелкихъ заводовъ, присоединились къ забастовкѣ.

Все это было настолько невѣроятно, что Иванъ Ильичъ рѣшилъ пробраться въ контору — узнать новости, но съ величайшимъ трудомъ протискался только до воротъ. Тамъ, около знакомаго сторожа Бабкина, угрюмаго человѣка въ огромномъ тулупѣ, стояли два рослыхъ казака, въ надвинутыхъ на ухо безкозыркахъ и съ русыми бородами на двѣ стороны. Весело и дерзко поглядывали они на невыспавшіяся, нездоровыя лица рабочихъ, были оба румяны, опрятны и, должно быть, ловки драться и зубоскалить.

"Да, эти мужики стѣсняться не станутъ", — подумалъ Иванъ Ильичъ и хотѣлъ было войти во дворъ, но ближайшій къ нему казакъ загородилъ дорогу и, въ упоръ глядя веселыми, ясными глазами, сказалъ:

— Куда? Осади!

— Мнѣ нужно пройти въ контору, я инженеръ.

— Осади, говорятъ!

Тогда изъ толпы послышались голоса:

— Нехристи! Опричники!

— Мало вамъ нашей крови пролито!

— Черти сытые! Помѣщики!

Въ это время въ первые ряды протискался низенькій, прыщавый юноша, съ большимъ и кривымъ носомъ, въ огромномъ, не по росту, пальто и неловко надѣтой рыжеватой, высокой шапкѣ на курчавыхъ волосахъ. Помахивая недоразвитой, очень бѣлой ручкой, онъ заговорилъ, картавя:

— Товарищи казаки! Развѣ мы не всѣ русскіе? На кого вы поднимаете оружіе? На своихъ же братьевъ. Развѣ мы ваши враги, чтобы насъ разстрѣливать? Чего мы хотимъ? Мы хотимъ счастья всѣмъ русскимъ. Мы хотимъ, чтобы каждый человѣкъ былъ свободенъ. Мы хотимъ уничтожить произволъ...

Казакъ, поджавъ губы, презрительно оглядѣвъ молодого человѣка съ головы до ногъ, повернулся и зашагалъ въ воротахъ. Другой отвѣтилъ внушительно, книжнымъ голосомъ:

— Никакихъ бунтовъ допустить мы не можемъ, потому что мы присягу принимали.

Тогда первый, очевидно придумавъ отвѣтъ, крикнулъ курчавому юношѣ:

— Братья, братья... Ты штаны то подтяни, а то упадутъ.

И оба казака засмѣялись.

Иванъ Ильичъ отодвинулся отъ воротъ, движеніемъ толпы его понесло въ сторону, къ забору, гдѣ валялись заржавленныя, чугунныя шестерни. Онъ попытался было забраться на нихъ и увидѣлъ Орѣшникова, который, сдвинувъ на затылокъ барашковую шапку, спокойно жевалъ хлѣбъ. Телѣгину онъ кивнулъ бровями и сказалъ басомъ.

— Вотъ, дѣла то хороши, Иванъ Ильичъ.

— Здравствуйте, Орѣшниковъ. Чѣмъ это все кончится?

— А вотъ мы покричимъ малое время да и шапку снимемъ. Только и всѣхъ бунтовъ. Пригнали казаковъ. А чѣмъ мы съ ними воевать будемъ? Вотъ этой развѣ луковицей бросить — убить двоихъ. Чудаки.

Въ это время по толпѣ прошелъ ропотъ и стихъ. Въ тишинѣ у воротъ раздался отрывистый, командный голосъ:

— Господа, прошу васъ расходиться по домамъ. Ваши просьбы будутъ разсмотрѣны. Прошу васъ спокойно разойтись.

Толпа заволновалась, двинулась назадъ, въ стороны. Иные отошли, иные придвинулись. Говоръ усилился. Орѣшниковъ сказалъ:

— Третій разъ честью проситъ.

— Кто это говорилъ?

— Есаулъ.

— Товарищи, товарищи, не расходитесь, — послышался взволнованный голосъ, и сзади Ивана Ильича на шестерни вскочилъ блѣдный, возбужденный человѣкъ въ большой шляпѣ, съ растрепанной черной бородой, подъ которой изящный пиджакъ его былъ заколотъ англійской булавкой на горлѣ. Ивану Ильичу лицо его показалось очень знакомымъ.

— Товарищи, ни въ какомъ случаѣ не расходиться, — зычно заговорилъ онъ, протянувъ руки со сжатыми кулаками, — намъ достовѣрно извѣстно, что казаки стрѣлять отказались. Администрація ведетъ переговоры черезъ третьихъ лицъ со стачечнымъ комитетомъ. Мало того, желѣзнодорожники обсуждаютъ сейчасъ всеобщую забастовку. Въ правительствѣ начинается паника.

— Браво! — завопилъ чей то изступленный голосъ. Толпа загудѣла, заревѣла, надвинулась. Ораторъ

нырнулъ въ нее и скрылся. Было видно, какъ по переулку подбѣгали люди.

Иванъ Ильичъ поискалъ глазами Орѣшникова, но тотъ стоялъ уже далеко у воротъ. Нѣсколько разъ до слуха долетѣло, — "революція, революція".

Иванъ Ильичъ чувствовалъ, какъ все въ немъ дрожитъ испуганно радостнымъ возбужденіемъ. Взобравшись на шестерни, онъ оглядывалъ огромную теперь толпу и вдругъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, у забора, увидѣлъ Акундина. Онъ узналъ его не сразу. Иванъ Аввакумовичъ Акундинъ былъ въ очкахъ, въ картузѣ съ большимъ козырькомъ и въ черной накидкѣ. Нагнувъ голову, онъ упрямо грызъ ноготь на большомъ пальцѣ. Къ нему протиснулся господинъ съ дрожащими губами, въ котелкѣ. Телѣгинъ слышалъ, какъ онъ крикнулъ Акундину:

— Идите, Иванъ Аввакумовичъ, васъ ждутъ.

— Я не приду. — Акундинъ откусилъ ноготь и невидящими глазами глядѣлъ на подошедшаго.

— Собрался весь комитетъ. Безъ васъ, Иванъ Аввакумовичъ, не хотятъ принимать рѣшенія.

— Я остаюсь при особомъ мнѣніи, это извѣстно, — отвѣтилъ Акундинъ.

— Вы съ ума сошли. Вы видите, что дѣлается. Я вамъ говорю, что съ минуты на минуту начнется разстрѣлъ... — У господина въ котелкѣ запрыгали щеки и губы.

—Во-первыхъ, не кричите, — проговорилъ Акундинъ, — ступайте и выносите компромиссное рѣшеніе. Я своего голоса назадъ не возьму...

— Чортъ знаетъ, чортъ знаетъ, сумасшествіе какое то!—проговорилъ господинъ въ котелкѣ и протискался въ толпу. Къ Акундину бокомъ пододвинулся вчерашній рабочій, снявшій людей въ мастерской Телѣгина. Акун-

динъ что то сказалъ ему, тотъ кивнулъ и скрылся. Затѣмъ то же самое — короткая фраза и кивокъ головы— произошло съ другимъ, неизвѣстнымъ Телѣгину рабочимъ. Было похоже, что Акундинъ отдаетъ какія то приказанія. Въ толпѣ, по ту сторону воротъ, опять закричали, заволновались. И вдругъ раздалось три подрядъ короткихъ, сухихъ выстрѣла. Сразу настала тишина. И придушенный голосъ, точно по нарочному, затянулъ: "а-а-а". Толпа подалась и отхлынула отъ воротъ. На разбитой ногами грязи лежалъ ничкомъ, съ подогнутыми къ животу колѣнями, казакъ. И сейчасъ же пошелъ крикъ по всему народу: "Не надо, не надо!" Это отворяли ворота. Но, откуда то сбоку хлопнулъ четвертый револьверный выстрѣлъ, и полетѣло нѣсколько камней, ударившись о желѣзо. Въ эту минуту Телѣгинъ увидѣлъ Орѣшникова, стоявшаго безъ шапки, съ открытымъ ртомъ, одного, впереди уже безпорядочно бѣгущей толпы. Онъ точно вросъ отъ ужаса въ землю огромными сапогами. И одновременно полоснули, какъ удары бича, длинные, раздирающіе воздухъ, винтовочные выстрѣлы, — одинъ, два и залпъ, — и мягко осѣлъ на колѣни, повалился навзничь Орѣшниковъ.

Черезъ недѣлю было окончено разслѣдованіе происшествія на Обуховскомъ заводѣ. Иванъ Ильичъ попалъ въ списокъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи рабочимъ. Вызванный въ контору, онъ, неожиданно для всѣхъ, наговорилъ рѣзкостей администраціи, выразилъ недовольство существующему строю и подписалъ отставку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

АМАРИ

Стихотворенія

1.

Благословляю малый даръ,
Скупой огонь, возженный Богомъ.
Его питаетъ сердца жаръ,
Но не разжечь въ большой пожаръ
Его ни бурямъ, ни тревогамъ.

Благославляю тайный знакъ
Далекой красоты духовной,
Мой уголекъ, мой алый макъ.
Не отъ него ли сердце такъ
Тревожно бьется и неровно?

2.

О чемъ-то свѣтломъ все еще мнѣ снится,
Надеждой замыкаю каждый день.
Но вотъ уже мнѣ на руки ложится
Еще не близкой ночи тѣнь.

Какъ прежде вѣрю: будетъ все иное!
Но изрѣдка ужъ прозрѣваю я:
Все то, что было въ жизни здѣсь со мною,
Судьба моя и жизнь моя!

3.

Посв. Гр. Н. В. Толстой.

"И бездна намъ обнажена".

Тютчевъ.

Мы въ пуховомъ уютѣ гнѣздъ
Лежимъ, не видя свѣтлыхъ звѣздъ,
Ни темнаго вкругъ нихъ эфира.
Но въ дни великихъ перемѣнъ
Разомкнутъ кругъ и мирный плѣнъ
Безмѣрной пустотою міра.

Не кровь, не ужасы страшны,
А странные подъ утро сны
И ночью тишина безсонницъ
И шорохи невнятныхъ словъ,
И гудъ нѣмой колоколовъ
Съ подземныхъ, съ отдаленныхъ звонницъ.

И вѣтеръ, что встаетъ и рветъ
Съ стоячихъ, милыхъ, тихихъ водъ.
Загнившую цвѣтисто ряску;
Блескъ темный глазъ, зубовъ оскалъ,
Который жутко засверкалъ
Сквозь приглядѣвшуюся маску.

Амари.

МУЖИКИ.

Послѣднюю ночь догуливаютъ на селѣ храмовой праздникъ. На завтра надо въ поле. Погода стоитъ знойная, сушь, земля порастрескалась. Хлѣбъ осыпается, не дожидается, когда до него дойдутъ руки.

— Да что-жъ теперь сдѣлаешь, не нами положенъ праздничекъ угодничку, а обидѣть его тоже нѣтъ закона, — говорятъ мужики, и гуляютъ, не смотря на страду, какъ гуляли отцы и дѣды, престолъ справляютъ. честь честью, по закону, — три дня.

Тихая, темная ночь. На берегу рѣчки молодайки и дѣвки третьи сутки, безперечь водятъ хороводы, пѣсни играютъ. Охрипшіе голоса парней выкрикиваютъ отрывисто, въ разрѣзъ съ хороводомъ, несвязныя слова. На улицѣ, въ разныхъ концахъ, крики запоздалыхъ перебранокъ. Гдѣ-то раздѣлываетъ гармошка — "тальяночка"... Ужъ вторые кочета пропѣли, полъ села спитъ пьянымъ сномъ, а полъ села все еще гуляетъ.

И вдругъ, сразу, какъ оборвалось, все затихло, а темное небо озарилось огнемъ. Аккуратъ на серединѣ слободы загорѣлся дворъ перваго богатѣя. И начался крикъ. Кинулись будить народъ. Ударили въ набатъ. Завыли въ источный голосъ бабы. Сбѣжались полусонные, полупьяные мужики, подняли галдежъ и не знаютъ, за что браться. Хозяинъ бѣгаетъ, какъ полоумный, вокругъ горящаго дома, суется зря въ огонь, ругается и кричитъ на народъ, а огонь полыхаетъ, разгорается.

— Не замай его, пущай горитъ міроѣдъ, съ нами поравняется.

— А перекинетъ!

— Небойсь, не перекинетъ, ишь тишь какая, горитъ, какъ свѣча.

Но неожиданно поднялся вѣтеръ, понесъ искры и шапки горящей соломы вдоль слободы, и одновременно загорѣлось въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Наконецъ, какой-то молодецъ взялся командовать. Никто не знаетъ его — чей-то чужой деревни, но у него голосъ зычный, языкъ повелительный. Дѣвокъ погналъ за водой, мужиковъ за топорами и баграми и начали работать, тушить.

Но огонь забиралъ силу, а угорѣлые отъ праздника мужики быстро изнемогали и, видя, какъ гибнетъ въ огнѣ ихъ достояніе, безпомощно суетились по пожарищу.

Горитъ день, горитъ другой. Никакъ огонь не унимается. Сбѣжался народъ обапольный. Толпами ходили вокругъ пожара, охали и ахали, глазѣли и рядили, какъ бы надо взяться тушить, но сами не брались, а все толковали, съ чего началось, кто виноватъ, да учили, что дѣлать.

Забезпокоилось начальство сосѣднихъ волостей и, которые помогутнѣе, именитые по округѣ люди.

Старый старшина, дѣдъ Клементій—хозяйственный мужикъ, строгій на счетъ порядковъ, а какъ понимали его свои деревенскіе, — просто злобачъ, — оглядѣлъ пожаръ: — Дѣло это, говоритъ, не наше. Божеское наказаніе посылается каждому по заслугѣ. У меня по волости постройка, все, каменная, огонь не возьметъ. А, ежели кто не обдумалъ самъ себя, долженъ пострадать за это. Ну, конечно, сгоритъ, а апослѣ выстроится, можетъ, лучше того. — Для порядка ради, прислалъ по-

жарную машину, но не смогла она выдержать жара, сама загорѣлась, испортилась. Еле отъ огня оттащили.

Приходилъ дядя Егоръ, изъ-за рѣчки кузнецъ, очень дошлый до всякихъ дѣловъ, даже до удивительности. Обошелъ пожаръ со всѣхъ сторонъ, пришелъ домой въ кузню,—а кузня его на большаку стояла, народу много заѣзжало: — Если, говоритъ, примѣромъ, у сосѣда градомъ поле выбило, мнѣ убытка нѣтъ, акромя барыша. Такъ и въ эвтимъ разѣ, дѣйствительно, горитъ жарко, но я такъ понимаю — для меня польза. А самъ все обарачивается на молотобойца, — подувай, — говоритъ. Ну, конечно, ему около горна дѣло знакомое, онъ знаетъ, когда раздувать надо, но для народа дѣло темное, такъ и не поняли, куда клонитъ. Не то сварить хочетъ, не то расшить, не то такъ, голову морочитъ.

Приходилъ тоже съ церковной слободки попъ заштатный, очень его народъ уважалъ, здорово Апостола вычитывалъ и до всѣхъ желанный былъ, по небесной части уповательный. Принесъ онъ на пожаръ красное яичко пасхальное, все нашептывалъ его, искалъ, кто-бы взялся перекинуть его черезъ все пожарище. Вѣрное, увѣрялъ, средствіе, перемѣнить вѣтеръ въ другую сторону. Никто не взялся, такъ и ушелъ, сердечный, аль-ни заплакалъ.

Такъ и не помогли слободчанамъ сосѣди тушить пожаръ. Только конешнымъ на восходѣ солнца родня помогла. Прибѣжали издаля, отстояли нѣсколько дворовъ и не дали огню до церкви дойти, а вся улица, какъ есть, отъ восхода и до запада солнца, сгорѣла, какъ ея и не было, начисто, съ сараями,гумнами. Не то что скотины, а даже народа много погорѣло, которые сонные отъ праздника по сараямъ валялись.

Погорѣльцы ходили по пепелищу, собирали горѣлое

желѣзо, складывали его къ загнеткамъ развалившихся печей, возстанавливали межи своихъ огородовъ, черты своей осѣдланности, и понемногу привыкали и примирялись со своей несчастной судьбой.

Въ сумерки сходились, вели утѣшную бесѣдушку. Все толковали, съ чего пожаръ такой приключился?

— Не иначе, какъ отъ цыгарки, кто-нибудь пьяный, заронилъ въ солому, аль ребятишки баловали. — Слобода нонче,нѣтъ никому острастки.

— Не можетъ этого быть, говорили другіе, чтобы такая напасть, — сразу въ десяти мѣстахъ занималось, — отъ цыгарки. Безпремѣнно это поджегъ кто. Народъ нонче ненавистный, по назлобѣ кто исдѣлалъ. Не даромъ съ богатаго двора загорѣлось, на богатыхъ постоянно злобу держатъ. Анадысь, вонъ, Лёнька бездомовый на сходѣ, самъ сказывалъ, не щитился, въ праздникъ одѣлялъ ребятъ спичками нѣмецкими. Непремѣнно это его дѣль.

А кто-жъ его знаетъ, какъ загорѣлось, говорилъ богатѣй, можетъ, по назлобѣ кто, а можетъ и такъ. Виноватаго начальство найдетъ, наше дѣло терпѣть. Прогнѣвили, знать Господа. Посѣтилъ милосердный—всѣхъ уровнялъ. Горѣли наши дѣды, горѣли отцы, погорѣли и мы. Мой отецъ съ дѣдомъ 7 избъ изжили — все горѣли. Дай вотъ соберемся съ духомъ, кирпичные дома теперь подъ желѣзо выведемъ.

— Погуляли, справили престолъ! — посмѣивались мужики. Прямо надо говорить, отъ дуровъ своихъ погибаемъ. Да и сосѣди не лучше насъ. Хорошо тоже подсобили! Больно, вишь, жарко горѣло, никто и не подступился. Да, ужъ нонче на людей не надѣйся, отъ сосѣдей не жди. Нѣтъ того, чтобы помогнуть, а какъ бы навалиться на тебя. Ну, да Богъ милостивъ. А мужикъ, что ракитовый кустъ на большой дорогѣ, ощипятъ,

обломаютъ его до послѣдняго прутика, а онъ, глядь, съ весны весь заново взялся. Такъ и мы. Угодничекъ то — вонъ онъ, — цѣлъ остался, не погорѣлъ, помогнетъ, выстроимся, не хуже людей жить будемъ, уродилъ бы только Господь хлѣбушка.

И какъ дойдутъ въ мирной бесѣдѣ своей до хлѣбушка, такъ и отлегнетъ отъ сердца. Послалъ Богъ на годъ напасти ихней, такой урожай, что ни въ кои то годы. И знаютъ мужики, что выдерутся изъ бѣды съ хлѣбомъ — и выстроятся, и обростутъ, и вновь захозяйствуютъ, закрестьянствуютъ.

— Не больно то въ сосѣдяхъ нуждаемся, земля наша очченно родимая. Вся зависіе отъ нея, да отъ свово горба. Извѣстно, что потопаешь, то и полопаешь. Правда, народъ нашъ озорной, гулящій, кажный жисти своей не жалѣетъ, одначе, коли дѣло качнется до міра, міръ себя завсегда застоитъ, потому, милые мои, сила: міръ вздохнетъ, аль-ни листъ сохнетъ.

Начали такъ помаленьку слободчане себя подбодрять, сбираться силами. Хлѣба запасы въ землѣ, а вѣры въ душѣ — и не обронили своего духа.

. . . .

Ужасный міровой пожаръ, который полыхаетъ теперь, чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ и выжигаетъ людскія души, мало чѣмъ отличается по обстановкѣ отъ нашего деревенскаго. Недалеко ушли цивилизованные народы отъ психологіи нашей деревни. Та же безтолковщина, та же растерянность, тѣ же полубезумныя дѣйствія, недоумѣнные разговоры.

— Куда же вы идете, куда несетесь, смятенные народы? Зачѣмъ суетесь зря съ головой въ пылающій огонь? Горѣло у сосѣдей,—совѣтовали, какъ тушить; а у самихъ загорѣлось,—не знаете, за что взяться. Своего добра не отстаиваете, а горите добровольно, подъ че-

редъ, по волѣ вѣтра. И на что же вы надѣетесь? На тѣхъ же погорѣльцевъ, на ихъ же хлѣбушекъ? Не сумѣли подойти къ нему, когда тамъ водой огонь заливали, а теперь хотите его голыми руками изъ самой середки огня вытащить. Развѣ у васъ своего горючаго мало, что каждую минуту готово заняться отъ всякой малой искры? Развѣ у васъ все спокойно, всѣ довольны? Развѣ не идетъ у васъ внутренняя война, не клокочетъ возмущеніе, негодованіе, обида, ненависть и злоба? Развѣ не прорываются у васъ самихъ повсюду огненные языки?

Или сидите вы на богатомъ черноземѣ, или имѣются у васъ запасы хлѣба, спокойное сознаніе силы и вѣра въ свою землю, смиренство и покорность духа, что у русскаго мужика?

Сравняетъ богатствомъ огонь всѣхъ, а землю и душу не сравняетъ.

Устоите ли такъ то, съ понадвѣтренной стороны на огонь идучи?

У большевиковъ цѣль неизмѣнно одна — зажечь у васъ пожаръ. Чѣмъ же вы отъ нихъ защищаться хотите? Кадиломъ, да корыстью на награбленное добро?

Ничего, кромѣ огня не припасено у нихъ для васъ.

. . . .

Когда загоралась всемірная война, обольщали себя, что она послѣдняя, что побѣда принесетъ вѣчный, незыблемый миръ. Бились изъ-за мира четыре года, положили людей видимо невидимо. Побѣдили, а война не только продолжается, а захватила людей пуще прежняго.

Нѣтъ на землѣ мира. Возмущеніе человѣческаго духа усилилось. Несправедливость, обида, накопленныя вѣками, усугубились. Ненависть, злоба и месть разгорѣлись жарче. Никакая сила ихъ не сломитъ.

Нужны жертвы, величайшія жертвы, чтобы утолить эту месть и утишить злобу и ненависть. Кулачнымъ боемъ не разрѣшить вѣковой тяжбы сытаго съ голоднымъ. Они другъ друга не понимаютъ. Примирить голоднаго съ сытымъ можно только, накормивъ его. И пока сытый не посадитъ голоднаго за свой столъ и не раздѣлитъ съ нимъ трапезы, обида не утолится, источникъ ея не изсякнетъ и возмущеніе, буйство и война не прекратятся.

Если обиженный братъ твой поднялъ на тебя оружіе, защищайся отъударовъ, но возьми еще оружіе правды въ правую, и въ лѣвую руку, и въ сердце свое. Сними съ него обиду, не ищи отъ него корысти, покайся внутри себя къ спасенью своему и положитъ онъ тогда оружіе свое передъ тобою. Звѣри грызутся и рѣшаютъ изъза добычи всѣ тяжбы свои зубами, людямъ дано рѣшать свои тяжбы сердцами.

Не воюйте же только оружіемъ. Воюйте правдой. Воюйте сами внутри себя съ тѣмъ, изъ за чего подняли оружіе на васъ братья ваши, и тогда только начнетъ спускаться съ небесъ миръ на землю.

Кн. Львовъ.

14 фев. 1920 г.

Л. Н. ВИЛЬКИНА

I.

Библіотека.

Высокъ, просторенъ залъ и дышетъ скукой давней.
Спитъ многолѣтнимъ сномъ ослѣпшій циферблатъ.
Вся бѣдность сѣвера глядитъ межъ сѣрыхъ ставней...
Портьеры тяжкія, не шевелясь, висятъ.

Въ жилищѣ Времени тотъ залъ — Библіотека.
Чрезъ залъ толпы гостей проходятъ чередой.
Но буднямъ отдано вниманье человѣка,
И книги пыльно спятъ, не тронуты толпой.

Всѣ стѣны отягчивъ собою, какъ вериги,
Сплоченныя въ ряды за стеклами витринъ,
Безвѣстно мы живемъ, забвенныя. Мы — книги,
Которыхъ изъ гостей не знаетъ ни одинъ.

Мы всѣ, никѣмъ еще не читанныя книги.

II

Въ подземной дорогѣ.

По бѣло-сѣрымъ корридорамъ,
Вдоль черно-желтыхъ "Дюбонне",
Покачиваясь въ тактъ рессорамъ,
Мы въ гулкой мчимся глубинѣ.

Двухъ стѣнъ на встрѣчу льются рѣки.
Кружочки лампъ, мелькая въ рядъ,
Сквозь немигающія вѣки
Намъ вслѣдъ разсѣянно глядятъ.

Но вотъ внимательные взоры
Сосѣда томнаго ловлю.
Обмѣнъ рѣчей нѣмой и скорый:
— Полюбишь, если?.. — Полюблю.

Вдругъ всталъ. Ушелъ. Исчезъ навѣки.
И равнодушно мнѣ, и жаль.
Двухъ стѣнъ на встрѣчу льются рѣки.
Качаясь, мчимся, мчимся, въ даль.

III

Женщина.

Я вижу пятна сѣрыхъ плитъ
На шахматной доскѣ дороги.
Трамваевъ грохотъ съ далью слитъ.
Вуали вдовъ. Солдаты. Дроги.

Онъ — мой любимый — тамъ давно.
Въ окопахъ дни влачитъ уныло.
А мнѣ какъ будто все равно.
Ужели сердце позабыло?
Нѣтъ, не забыло, но подъ нимъ
Другое сердце созрѣваетъ.
Другой — любимый — пилигримъ
Уходитъ въ путь и призываетъ.

Я — Женщина. Я — въ битвѣ щитъ.
Я — въ ураганъ пріютъ спасенья.
Пусть смерть любви моей грозитъ,
Въ Себѣ я чаю воскресенья.

Л. Вилькина.

ТЭФФИ

I

КОРАБЛЬ.

Онъ ночью приплыветъ на черныхъ парусахъ
Серебряный корабль съ пурпурною каймою,
Но люди не поймутъ, что онъ приплылъ за мною,
И скажутъ : "вотъ луна играетъ на волнахъ"...

Какъ черный серафимъ три парныя крыла,
Онъ вскинетъ паруса надъ звѣздной тишиною,
Но люди не поймутъ, что онъ уплылъ со мною
И скажутъ : "вотъ она сегодня умерла"....

II

ПРОКЛЯТІЕ.

На жизнь и смерть твою, меня сгубившаго,
Расторгшаго восторгъ объятія,
Мою свѣчу предъ Богомъ погасившаго,
Великое кладу проклятіе!

Познаешь-ли любовь грядущихъ дней,
Ты именемъ ее моимъ зови,
Въ ея очахъ ищи моихъ огней,
Въ ея ночахъ ночей моей любви!

Да не возстанешь ты отъ сна могильнаго !
Въ часъ воскресенія во прахѣ прахомъ сгинь !
Да будетъ воля моя — воля Сильнаго,
И крѣпко слово мое. Аминь.

Тэффи.

Програма борьбы.

Кажется, никогда будущее Россіи не было столь загадочнымъ и столь неяснымъ, какъ въ эту минуту.

Я не говорю о "русской проблемѣ" европейскихъ дипломатическихъ канцелярій. Политическое знахарство профессіональныхъ и не профессіональныхъ дипломатовъ съ наивной самоувѣренностью нашло секретъ ея разрѣшенія. Пусть кооператоры обмѣниваютъ русскій ленъ на англійскую мануфактуру, и всѣ недуги будутъ залѣчены! Предоставимъ Европѣ продѣлать и этотъ опытъ: увлеченіе новой программой остынетъ, когда первый піонеръ спасительной "торговли" окажется въ тюрьмѣ, а его товары будутъ реквизированы однимъ изъ совдеповъ федеративной республики. Нѣмецкіе гехеймраты, послѣ Брестъ-Литовска, со свойственнымъ имъ трудолюбіемъ уже рѣшали проблему приспособленія строя, при которомъ чужого имущества не отнимаютъ, къ порядкамъ, гдѣ между своимъ и чужимъ нѣтъ ни теоретической, ни, главное, практической разницы. Пусть надъ этимъ согласованіемъ потрудятся теперь клерки Форейнъ-Оффиса. Все равно, они нашихъ совѣтовъ не слушаютъ, и полезнѣе, чтобы они получили необходимое поученіе изъ первыхъ рукъ.

Но мы знаемъ Россію лучше и гехеймратовъ, и клерковъ, и вся безплодность европейскихъ "рѣшеній" въ русскихъ дѣлахъ достаточно всѣми оцѣнена. Для

Европы вопросъ ставится о судьбахъ чужой и далекой страны, къ тому же страны, государственный ростъ которой, по словамъ Ллойдъ-Джорджа, былъ еще лордомъ Биконсфильдомъ признанъ не отвѣчающимъ интересамъ Соединеннаго Королевства. Для насъ дѣло идетъ о родинѣ, судьбы которой намъ безконечно близки и дороги.

Мы знаемъ очень хорошо, что, если даже Литвиновъ станетъ во главѣ русскихъ кооператоровъ и съ его помощью иностранцы вывезутъ нѣсколько судовъ, нагруженныхъ экспропріированнымъ у собственниковъ льномъ, — отъ того мы ни на іоту не приблизимся къ выходу изъ смуты, царящей въ Россіи. Нашъ вопросъ глубже и серьезнѣе, чѣмъ "русская проблема" европейцевъ. Намъ нужна Россія не для того, чтобы нажить въ ней, съ нѣкоторымъ рискомъ, нѣкоторую сумму валюты, а для того, чтобы снова найти въ ней органически необходимую намъ стихію свободнаго развитія національной культуры и мирнаго общежитія.

Россія раздѣлена сейчасъ на нѣсколько отдѣльно другъ отъ друга живущихъ міровъ. Но какой бы изъ этихъ міровъ мы ни брали, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ той Россіи, которой мы ищемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждомъ изъ этихъ міровъ ясна и несомнѣнна всѣхъ объединяющая потребность возсозданія культурной и свободной родины. Поскольку всеобщее одичаніе не отняло у русскихъ людей государственнаго сознанія, ихъ мысль съ волненіемъ вдумывается въ то, что происходитъ, и всякій съ волненіемъ провѣряетъ свою старую программу въ свѣтѣ развертывающихся событій.

Всего существеннѣе, конечно, то, что дѣлается за семью печатями большевистскаго царства. Коренная Россія живетъ въ жестокихъ условіяхъ матеріальнаго и нравственнаго угнетенія, равнаго которому никто никогда

не видѣлъ. Но она жива, и ей въ первую очередь принадлежитъ, вѣроятно, рѣшеніе судьбы страны. Издали вы чувствуете, что она такъ же напряженно размышляетъ надъ будущимъ Россіи, какъ размышляютъ надъ нимъ тѣ, кто оказался внѣ власти "совѣтовъ" и кто можетъ свободно думать и свободно дѣлиться съ другими своими мыслями. Первая обязанность тѣхъ, кто пользуется благомъ свободы, помочь добросовѣстному и честному обсужденію вопросовъ, стоящихъ передъ всѣми русскими мірами, раздѣльными, но вмѣстѣ едиными. Пусть голосъ нашъ еще не доходитъ до коренной Россіи, но пусть, когда онъ дойдетъ, въ ней почувствуютъ, что мы живемъ съ нею, и въ нашихъ заботахъ о будущемъ, прежде всего, думаемъ именно объ обѣднѣвшихъ, но все еще руководящихъ жизненныхъ центрахъ русскаго народа.

Можно и должно пока забыть объ "окраинахъ". При всей видимой отчужденности ихъ отъ Россіи, моральная и политическая связь съ ними, утраченная сейчасъ, будетъ возстановлена, какъ только Россія выйдетъ изъ смуты. Объ этомъ мы успѣемъ еще подумать, и нелѣпо осложнять частностями и безъ того сложный центральный вопросъ о русскомъ будущемъ. Наивно думать, что отъ нашей политики въ новыхъ окраинныхъ государственныхъ образованіяхъ можетъ зависѣть спасеніе Россіи, какъ нелѣпо и несправедливо претендовать на то, что окраины отмежевались отъ большевизма, хотя онъ и русскій.

Будемъ думать о нашихъ собственныхъ дѣлахъ въ первую очередь. Опытъ достаточно доказалъ, что не иностранцы рѣшатъ судьбу Россіи, и время "оріентацій" — "союзнической", нѣмецкой или всякой другой — миновало окончательно и безвозвратно, и ужъ, конеч-

но, не въ формѣ финско-эстонско-польской онѣ воскреснутъ.

Только русскіе могутъ рѣшить русскій вопросъ. Но, чтобы рѣшить его, они должны спокойно и зрѣло его продумать.

До сихъ поръ активно боролись въ Россіи двѣ силы и двѣ программы. Съ одной стороны, очень дѣятельная и частью одаренная группа фанатиковъ и авантюристовъ, создавшая совершенно примитивный и глубоко противорѣчащій всей современной культурѣ аппаратъ власти, но въ то же время оформившая, въ прямомъ противорѣчіи съ собственной программой, глубокую аграрную революцію; съ другой стороны, благородная и полная чистаго идеализма группа защитниковъ преемственной русской государственной традиціи, у которой чисто политическая формула возсозданія государственности господствовала надъ всѣмъ остальнымъ, мѣшая ей ясно поставить соціальный діагнозъ переживаемаго Россіею недуга. Не буду говорить о томъ, что окружало каждую изъ двухъ группъ. Къ сожалѣнію, нравственное одичаніе стало явленіемъ всероссійскимъ, не считающимся съ "фронтами" гражданской войны. Гораздо важнѣе другое явленіе: нейтральность русскихъ массъ. Было бы слѣпотой не видѣть этой нейтральности и легкомысліемъ не учитывать ея громаднаго значенія. Массы столь же опредѣленно равнодушны къ большевикамъ, какъ къ попыткамъ ихъ свергнуть. Они не хотятъ совѣтской анархіи и не хотятъ аграрной реставраціи. Оба этихъ отрицанія и нашли себѣ выраженіе въ томъ нейтралитетѣ, который крестьянская Россія блюдетъ въ гражданской войнѣ.

Во многихъ отношеніяхъ инстинктивная философія крестьянскаго нейтралитета глубока и правильна. Я уже

не говорю о томъ, что гражданская война сама по себѣ есть величайшее зло и величайшее бѣдствіе, на чьей бы сторонѣ въ ней мы ни стояли. Я считаю, что массы не ошибаются и въ своемъ инстинктивномъ идеалѣ русскаго будущаго: онѣ не ошибаются, чувствуя, что большевизмъ есть безсовѣстная и дикая олигархія, и въ то же время отрицая всякія попытки вернуться къ Своду Законовъ послѣдняго передъ революціей изданія.

Русскій народъ, какъ цѣлое, принялъ революцію и отъ нея не отречется, революцію, объемлющую одинаково и демократическую формулу Временнаго Правительства, и соціальную формулу Ленинскаго земельнаго захвата.

Когда мнѣ говорятъ, что народъ хочетъ возстановленія царской власти, я этому вѣрю такъ же мало, какъ утвержденію, что мужички, утомленные смутой, мечтаютъ о возвращеніи помѣщиковъ въ захваченныя имѣнія. Въ народномъ сознаніи старая Россія, политическая и соціальная, разрушена, и для него грядущая Россія есть Россія революціи, а не Свода Законовъ.

Намъ всѣмъ надо усвоить себѣ эту основную истину, и вся наша политическая работа, въ какомъ бы изъ русскихъ міровъ мы ни находились, должна взять ее за основную политическую заповѣдь. Мы выйдемъ изъ революціи послѣ того, какъ окончательно примемъ ее, примемъ не какъ совокупность часто достаточно плачевныхъ и достаточно безславныхъ историческихъ эпизодовъ, а какъ громадный политическій и соціальный переворотъ.

Я склоненъ думать, что глубже и яснѣе всего эта основная русская политическая истина сознается въ томъ русскомъ мірѣ, который остался подъ совѣтской олигархіей. Если это такъ, то это будетъ значить только, что судьба Россіи рѣшится тамъ, гдѣ она всегда рѣ-

шалась, въ Великороссіи.

Не намъ диктовать издалека рецепты оставшимся въ совѣтской Россіи братьямъ, ибо пониманіе задачъ русскаго государственнаго строительства въ другихъ русскихъ мірахъ часто оказывалось недостаточно зрѣлымъ.

Но важно сейчасъ не опредѣленіе того, откуда будетъ спасена Россія; важно окончательно условиться. что необходимо для ея возстановленія.

Оружіе борьбы съ большевизмомъ вездѣ одинаково: большевизмъ не страшенъ, если ему противопоставлена программа, отвѣчающая двумъ основнымъ потребностямъ страны — созданію культурной государственности и признанію земельнаго переворота. Новая истина рано или поздно его одолѣетъ, ибо большевизмъ есть неизлѣчимое безуміе, отрицающее нормальныя условія роста и развитія русской общественной системы. Всѣмъ русскимъ мірамъ, каждому по своему, доступна борьба за освобожденіе страны, но каждый изъ нихъ долженъ понять, что, выбирая заржавленное орудіе, онъ наноситъ величайшій ущербъ ея интересамъ.

Есть русскіе люди, которые отрицаютъ революцію и въ прошломъ, и въ будущемъ; есть и такіе, которые пріемлютъ ее и въ прошломъ, и въ будущемъ. Наша программа: черезъ революцію къ соціальному миру и къ культурной государственности.

Бар. Б. Э. Нольде.

„ПЛАТОНЪ КАРАТАЕВЪ“.

Когда, болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, въ швейцарскихъ ущельяхъ, въ долинахъ По и Ду́ная, русскіе крестьяне, въ вѣтромъ подбитыхъ солдатскихъ шинелькахъ, въ гнилыхъ австрійскихъ сапогахъ, своими штыками строили "благополучіе" Европы, а русское правительство, за англійскіе деньги, увѣряло ихъ, что они борются "за вѣру, царя и отечество". Когда въ борьбѣ съ нашимъ историческимъ союзникомъ Франціей, эти же самые русскіе мужики стояли въ предмѣстьяхъ столицы міра,—великаго Парижа. Когда въ 12 году это же сермяжное войско очистило Россію отъ "узурпатора и антихриста" Наполеона, два года тому назадъ бывшаго "братомъ и другомъ" и женихомъ сестры Русскаго Императора. Когда въ испанскомъ порту, на англійскомъ пароходѣ, отъ неизвѣстнаго голла́ндца еще не родился будущій вдохновитель русской внѣшней политики, министръ иностранныхъ дѣлъ и будущій русскій графъ Нессельроде, тогда отношеніе къ Россіи и народу ея было иное. Громаднымъ уваженіемъ, связаннымъ, конечно, со страхомъ, было окружено имя русскаго.

Наконецъ, когда въ 1914 году стремительнымъ и мощнымъ потокомъ ворвались въ Восточную Пруссію русскіе полки и въ самоотверженномъ подвигѣ спасенія Фра́нціи, погибли, въ то время какъ наиболѣе заинте-

ресованная въ войнѣ, Англія еще не удосужилась произвести мобилизацію, въ это время не было выше, не было доблестнѣе во всемъ мірѣ простого русскаго солдата, Платона Каратаева.

Теперь тотъ-же Платонъ Каратаевъ, прежде тихій, разсудительный, незлобивый, превратился въ хулигана, вора,разбойника, котораго можетъ удержать въ повиновеніи только грубая угроза и нагайка.

А между тѣмъ, смѣю увѣрить, что тотъ самый Платонъ Каратаевъ, который, зашивая рубаху, велъ душеспасительную бесѣду съ Пьеромъ Безухимъ, живъ и въ наши дни и попрежнему, какъ 100 лѣтъ тому назадъ, между разбоями, боями и походами, въ Красной или Бѣлой арміи безразлично, разсуждаетъ о Богѣ и Правдѣ.

Чтобы это понять, надо понять и знать исторію народа не по оффиціально одобреннымъ учебникамъ, а главно, надо понять человѣка со всей его многогранной душой.

Въ прославленную отечественную войну знаменитый московскй генералъ-губернаторъ Растопчинъ (1), донося государю о своемъ посѣщеніи арміи, пишетъ, что арміи онъ не видѣлъ и нѣтъ ея, а есть разнузданная шайка разбойниковъ. Въ учебникахъ русской исторіи мы, просмотрѣли, что армія Кутузова, при побѣдоносномъ преслѣдованіи Наполеона, между Тарутинымъ и Вильно потеряла дезертирами и отсталыми почти половину своего состава; что грабежи и мародерство по тыламъ были такъ сильно развиты, что военноначальники высылали вооруженные отряды, которые зачастую

---

[1]) „Воззванія и письма Ростопчина“. Изданіе Новаго времени. Петроградъ. 1916 годъ.

не могли справиться съ этими предшественниками современной "Зеленой арміи". Много грустныхъ картинъ о состояніи арміи и народа и царившихъ настроеніяхъ можно найти въ воспоминаніяхъ Ермолова и Дениса Давыдова. У Толстого въ "Войнѣ и миръ", есть замѣчательно живо изображенная картина крестьянскаго предпогромнаго настроенія въ селѣ Богучаровѣ. очень подходящая къ моменту.

Пугаться этихъ явленій, какъ новыхъ и присущихъ якобы только Россіи, отнюдь не слѣдуетъ, — они всегда были, есть и будутъ — во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.

Достаточно сказать, что въ побѣдоносной арміи Людовика XIV въ уставѣ было запрещено войскамъ ночью не только располагаться, но даже проходить мимо населенныхъ пунктовъ и лѣсовъ, во избѣжаніи дезертирства, или грабежа.

То же мы знаемъ о Наполеонѣ. Послѣдній самъ просилъ въ письмѣ Баррасу не довѣрять его донесеніямъ о подвигахъ "достославныхъ генераловъ и арміи". Что касается арміи Фридриха Великаго, то о ней лучше не говорить, достаточно упомянуть, что за попытку уклоненія отъ боя, унтеръ-офицерамъ было предоставлено право разстрѣливать провинившихся на мѣстѣ.

Правда, есть очень крупная разница между 18-мъ и началомъ 19 вѣка и нынѣшними временами.

Тогда армія не имѣла того громаднаго значенія для психики народа какъ теперь; тогда профессіональная армія, зачастую наемная, стояла въ сторонѣ отъ интересовъ своего народа и представляла силу въ рукахъ только правительства, а зачастую только своего вождя, которому никто не могъ воспретить наняться со своимъ воинствомъ любому государю.

Деморализующія вліянія арміи не могли передаться народу, а вслѣдствіе этого, если такую армію и не щадили, то зато ее и возбуждали къ энергіи самыми отвратительными съ современной точки зрѣнія способами,— вродѣ оффиціальнаго разрѣшенія грабить и насильничать. (Къ сожалѣнію, эта безусловно вредная психологія профессіоналовъ сохранилась въ умахъ очень многихъ руководителей и вождей современныхъ европейскихъ народныхъ армій).

Когда въ двадцатомъ вѣкѣ говорится о достоинствахъ и недостаткахъ арміи, то сказанное должно относиться непосредственно и къ народу. Ибо нынѣшняя народная армія неотдѣлима отъ своей страны. Въ этомъ сущность нынѣшней народной арміи. И наоборотъ, когда мы говоримъ о настроеніяхъ народа, о формахъ его психическаго заболѣванія, необходимо прежде всего отнестись съ большимъ и чуткимъ вниманіемъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя вызваны арміей, а въ особенности въ связи съ послѣдними катастрофическими событіями въ мірѣ.

Еще въ 1900-хъ годахъ русскіе солдаты видѣли, какъ въ китайскомъ походѣ ихъ начальники, нарушая всѣ божескіе и человѣческіе законы, совершали то, что называется въ просторѣчьи — грабежомъ, а на "арго" войны — "пользованіемъ дарами благодарнаго населенія". Цѣлые вагоны этихъ "даровъ благодарнаго населенія" отправлялись въ Россію, заграждая узкую ниточку Сибирской одноколейки. Солдаты это все видѣли, понимали и сами, конечно, подражали своему начальству.

Солдаты знали, что въ рѣкѣ Амурѣ было ни съ того, ни съ сего потоплено 5.000 связанныхъ за косы китайцевъ, а участвовавшіе въ этой операціи казаки, чтобы оправдывать это беззаконіе, увѣряли, что "китайцевъ можно, у нихъ души нѣтъ, у нихъ паръ замѣсто души." Вѣроятно, вотъ этотъ паръ и демонстрируютъ теперь коммунистическіе китайцы, насильничая въ Россіи въ цѣляхъ укрѣпленія совѣтской власти.

Настоящая война также пеститъ подобными дѣяніями, могущими имѣть оправданіе развѣ только въ профессіональныхъ арміяхъ Валленштейна или Монтекукули, но совершенно недопустимыхъ нынѣ. И въ этой деморализаціи, которая, какъ всегда и вездѣ, началась сверху, лежитъ основная и главная причина того, что такъ называемый большевизмъ былъ такъ легко и быстро воспринятъ въ народѣ.

Не называя именъ, можно напомнить хотя бы Роминтенскія помѣстья въ Восточной Пруссіи, изъ коихъ увозилось не только то, что именуется "трофеями", но предметы роскоши, уники, картины, статуи, музыкальные инструменты и прочее. Тѣ же явленія повторялись въ Галиціи, Польшѣ, Курляндіи и, конечно, не могли не распространиться на массы солдатъ.

Помню имѣніе "Гербергенъ" въ Курляндіи.

Подъ видомъ поиска "шпіона", разбиты всѣ книжные шкафы, и разорванныя страницы, переплеты и цѣлые томы толстымъ слоемъ лежатъ на полу; рояль, конечно, безъ струнъ, а кресла, конечно, проколоты штыкомъ. Въ женскомъ гардеробѣ роется дюжій унтеръофицеръ гусаръ и съ серьезнымъ видомъ отбираетъ то, что ему кажется посолиднѣе, бракуя кружева, батистъ, шелкъ и отшвыривая ихъ сапогомъ въ сорный уголъ комнаты. Рядомъ, въ слѣдущей комнатѣ, два гусара ровными и спокойными ударами громадной дубины, ко-

торую держатъ въ рукахъ, дѣловито разбиваютъ несгораемый шкафъ. Снизу, изъ подваловъ, доносятся крики, правда заглушенные, но догадаться можно, что тамъ дѣло дошло до виннаго погреба. Наверху готовится для офицеровъ богатый обѣдъ. Вина — изъ баронскаго погреба, великолѣпная сервировка съ вензелями, хрусталь,баккара и вѣстовые, въ облипшихъ грязью сапогахъ, съ немытыми, пахнущими конюшней и кожей руками, топчутся вокругъ. На полу разбитое стекло, на разорванныхъ коврахъ окурки, клочки бумаги и опорожненныя коробки изъ-подъ консервовъ. Конечно, солдатамъ внизу вскорѣ будетъ приказано остановить грабежъ, но едва-ли поймутъ они, почему имъ грабить нельзя, а офицерамъ пить вино за столомъ изъ помѣщичьяго погреба можно. Конечно, если казакъ въ строю одѣнетъ богатую дамскую ротонду, зажметъ въ рукѣ грамофонный рупоръ, которымъ, по его представленію, дома жена разведетъ самоваръ, ему прикажутъ все это бросить, но не потому, что онъ везетъ награбленное, а потому, что онъ въ строю и что если бы у него, какъ у сотеннаго командира, была двуколка, то никто ничего бы не сказалъ.

Всѣ эти явленія на войнѣ всегда были настолько обычны, что просто никто не думалъ объ ихъ нравственной сторонѣ; такъ дѣлалось всегда и вездѣ. Совершенно естественно, что, преломившись черезъ призму упрощенной солдатской логики, родился простой и ясный выводъ,—грабить можно, но не ему, солдату,—его время не пришло. Привычка видѣть творимое насиліе сдѣлала свое дѣло и оказала большую услугу большевизму.

Съ другой стороны, солдату иногда приходилось понять, что съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, почти не считаются и что его для тѣхъ или иныхъ цѣлей подставляютъ подъ убой, какъ мишень.

Вспоминается сцена, видѣнная мною въ курляндскихъ лѣсахъ въ августѣ 15-го года.

Щеголеватый, чисто-одѣтый полковникъ генерштаба, похлопывая себя стекомъ по сапогамъ, холоднымъ, но очень вѣжливымъ тономъ, говоритъ стоящему передъ нимъ грязному, сѣрому отъ пыли, "глубоко-пѣхотному" капитану.

" Я вынужденъ доложить Его Сіятельству, что вы не исполнили своей задачи и не прикрыли праваго фланга конницы. Его Сіятельство требуетъ вести бой, пока у васъ не убудетъ 50% наличнаго состава, а не 80 человѣкъ, какъ вы изволили доложить. Ранѣе вы не имѣете права отходить. Потрудитесь, капитанъ, собрать баталіонъ, — онъ повидимому у васъ разбѣжался, — и вновь занять указанную линію". Какимъ-то глухимъ и безразличнымъ, усталымъ голосомъ капитанъ докладываетъ, что онъ 8-ой день въ бою, что люди падаютъ отъ утомленія, что они не знаютъ горячей пищи и, наконецъ, что 80 человѣкъ составляютъ почти 50%, ибо весь-то составъ батальона 173 человѣка. Кругомъ стоятъ солдаты, слушаютъ, думаютъ и родится въ ихъ немудрыхъ душахъ то настроеніе, которое такъ умѣло использовали большевики.

Единичные, быть можетъ, случаи, когда генералы или офицеры для полученія очередной награды устраивали совершенно ненужные бои и, загубивъ нѣсколько сотенъ солдатъ, добывали себѣ на шею или въ петлицу новую побрякушку, обобщались солдатами и рождали убѣжденіе, что ихъ обманываютъ, ими пользуются и не считаютъ за человѣка.

И съ этими настроеніями, на которыхъ играли, какъ на клавишахъ, преступныя руки, 15 милліоновъ бывшихъ подъ ружьемъ людей разошлось по домамъ и передало ихъ въ далекія, Богомъ забытыя, Тамбовскія,

Казанскія, Калужскія деревни, гдѣ и безъ того глубоко таилось чувство обиды противъ несправедливостей жизни, противъ тѣхъ, кто такъ широко и беззаботно пользовался благами жизни.

Никто не могъ объяснить и дать нравственное оправданіе тому, что творилось вокругъ. Не было силъ, которыя могли бы направить прямолинейную и упрощенную логику мужика по пути разумному, по пути эволюціонной борьбы со зломъ. Зато были большевики, которые чувство народной обиды, недовѣрія и затаенной злобы просто и ясно направили въ сторону наименьшаго сопротивленія и использовали въ своихъ цѣляхъ ими же разбужденнаго звѣря.

Зло совершилось.

Когда въ настоящее время, оцѣнивая то, что происходитъ въ Россіи, не только иностранцы, но даже русскіе говорятъ о большевизмѣ, мнѣ всегда хочется остановить ихъ вопросомъ: "О чемъ говорите вы? О большевизмѣ, о большевикахъ, или о русскомъ народѣ?" Ибо въ этихъ понятіяхъ громадная разница, и въ плоскости переживаній Россіи и ея народа смѣшивать ихъ значитъ не только не понимать страны, но больше того, не любить ея.

Когда 25 октября 1917 года Платону Каратаеву, уже сильно задумавшемуся, сказали, что онъ "краса и гордость революціи", когда совершенно опредѣленно и ясно, на словахъ и въ печати, показали, гдѣ его сегодняшніе враги, кто пилъ вѣками его "кровушку", и предложили немедленно же мстить и уничтожать то, что уродовало его жизнь и якобы являлось препятствіемъ къ благополучному ея устроенію, и, не давши размышлять, вложили въ руки уже окровавленную и ды-

мящуюся винтовку, Платону Каратаеву ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ выпустить наружу дремавшаго звѣря и объявить себя съ 25 октября 1917 г. большевикомъ, видя въ этомъ идейное оправданіе того насилія, въ которое онъ окунулся. И первые мѣсяцы большевизма было сплошное неистовство разгулявшагося звѣря.

Когда, во время страшной волны прокатившихся по Россіи еврейскихъ погромовъ, администрація якобы не могла съ ними справиться, все дѣло объяснялось тѣмъ, что слишкомъ силенъ былъ въ народѣ антисемитизмъ, что это "гнѣвъ народа", направленный противъ тѣхъ, кто вѣками "пилъ его кровушку", и изъ оконъ кишиневскихъ домовъ, подъ дикое гиканіе пьяныхъ "православныхъ", летѣли подушки, тюфяки, перины и рѣялъ надъ городомъ пухъ. Это былъ "гнѣвъ народа". Пришли агитаторы съ другой стороны и направили "гнѣвъ народа" въ другую сторону. Началось избіеніе "буржуевъ", интеллигентовъ, офицеровъ, священниковъ, били всѣхъ вообще и опять подъ тѣми же кишиневскими лозунгами. Били почти съ "дозволенія начальства", которое одной рукой отпирало винный погребъ, а другой посылало отряды для прекращенія погромовъ. Эти отряды, положимъ, обычно или опаздывали или сами присоединялись къ погромщикамъ.

Я помню Петербургъ раннимъ январьскимъ утромъ (1918 года). На Вознесенскомъ проспектѣ я наткнулся на толпу, громившую винный погребъ подъ церковью св. Вознесенія. Брань, крики, богохульства, выстрѣлы, звонъ набата сливались въ сплошной гулъ. Въ воздухѣ настолько сильно пахло спиртомъ, что, по выраженію шедшаго со мной пріятеля, "селедка прямо въ ротъ просилась". Въ переулкѣ, куда мы свернули, обходя толпу, насъ нагналъ нѣкто, типа петербургскаго двор-

ника, и, потрясая въ рукѣ запечатанной бутылкой спирта, налетѣлъ на насъ и завопилъ какимъ-то истошнымъ голосомъ:

"Бей нашихъ и вашихъ".

Мы его оттолкнули и онъ пустился бѣжать дальше, уже забывъ про насъ и только слышался его неистовый крикъ все тотъ же — "бей нашихъ и вашихъ".

Около воротъ стояла старушка въ платочкѣ; укоризненно помотала головой и сокрушенно обратилась къ намъ : "вѣдь, вотъ, говорю, до чего довели человѣка. Какой тихій былъ всегда. Какъ дворникомъ въ двадцать третьемъ номерѣ сидѣлъ на лавочкѣ, всегда, какъ ни пройду, "здравствуйте, мамаша", говорилъ, а разъ, говорю, мѣшокъ картофеля мнѣ донесъ — "тяжело вамъ, говоритъ, мамаша, помочь можемъ". До чего народъ довели, говорю, и сказать нельзя". Старушка, вѣроятно, собиралась еще поговорить, но сзади стали учащаться выстрѣлы. Надо было уходить.

Это "бей нашихъ и вашихъ" вспоминается мнѣ часто. Вѣдь это былъ тотъ же Платонъ Каратаевъ, который когда-то искалъ Бога и Правды, который когда-то послушно и кротко шагалъ по старой Смоленской дорогѣ и отдавалъ свою рубашку, чтобъ согрѣть замерзающаго француза, который въ изступленіи битвы аттаковалъ дымящіяся огнемъ баттареи и который нынѣ, съ попало подъ руку, сперва кажущихся враговъ, а затѣмъ, опустошенной душой, сталъ, якобы мстя, бить что ни подъ вліяніемъ свыше поощряемаго Звѣря, сталъ замахиваться и на "нашихъ и вашихъ".

... Въ мартѣ или февралѣ того же года въ Лужскомъ уѣздѣ крестьяне и солдаты N стрѣлк. финляндскаго полка разгромили великолѣпное имѣніе Р... Давно между солдатами и крестьянами ходили слухи о томъ, что въ подвалѣ имѣнія спрятано золото въ мѣшкахъ, пуле-

меты и бочки со спиртомъ, а обладавшіе болѣе богатой фантазіей увѣряли, что управляющій имѣніемъ нѣмецкій шпіонъ, имѣетъ въ подвалѣ (!) радіо - станцію и посылаетъ телеграммы въ Берлинъ и въ штабъ "контръ-революціи" (?). Не подлежитъ сомнѣнію, что слухи эти пускались умышленно, и виновными въ ихъ распространеніи оказались нѣкоторые служащіе усадьбы. Однажды, въ хмурый, зимній вечеръ загорѣлась на дворѣ небольшая деревянная постройка. Около пожара оказалась группа подозрительныхъ личностей, уже пьяныхъ. На снѣгу валялись неоткупоренныя бутылки съ коньякомъ. Прибѣжавшіе на пожаръ солдаты и крестьяне по началу только тушили огонь и пожаръ скоро прекратился, но пьяныхъ оказалось больше, а бутылокъ меньше.

Не важно, кто первый указалъ мысль обратиться къ усадебнымъ погребамъ. Фактъ тотъ, что скоро около 1000 человѣкъ были уже во дворцѣ и, кто въ поискахъ пулемета, кто шпіона, кто искалъ "радіо-станцію" или золото, но всѣ оказались въ погребѣ и началась оргія. Черезъ пять дней я былъ въ усадьбѣ. Жутко было смотрѣть на разрушенное великолѣпіе. Даже всѣ до одной дверныя ручки были выворочены. Когда я разговаривалъ съ крестьянами, пытаясь разобраться въ причинахъ погромнаго настроенія, выяснилось, что виноваты — солдаты, а что они, крестьяне, только потому участвовали, что "все едино не намъ, такъ солдатамъ бы досталось, а баринъ то нашъ былъ, а они пришлые". Стрѣлки говорили, "кабы не мужичье это, ничего бы и не было. А какъ начали таскать, мы тоже зѣвать не будемъ. Мы три года на фронтѣ кровь проливали, а они на печи пролежали, мы больше ихъ правовъ имѣемъ".

Такъ совершались погромы.

Но странное дѣло. Когда въ іюлѣ мѣсяцѣ 1918 года мнѣ пришлось пріѣхать въ Орловскую губернію, я наткнулся на такое явленіе. Оказывается, разгромивъ имѣніе нѣкоего сенатора С., крестьяне составили подробныя описи во многихъ экземплярахъ всего награбленнаго инвентаря. Объяснили мнѣ это такъ :

"А это, чтобъ потомъ безъ обману было, когда отдавать будемъ, а то другой изъ нашего брата и утаить что можетъ".

Я спросилъ :

"А когда же вы отдавать собираетесь?"

"Кто его знаетъ когда, только всѣмъ міромъ порѣшили, что списки надобны. Извѣстное вѣдь дѣло, сенаторъ, хоть и баринъ, а тоже человѣкъ былъ, нельзя же обижать совсѣмъ".

Мой собесѣдникъ помолчалъ, подумалъ и добавилъ задумчиво:

"А можетъ, когда чехо-славяне придутъ, все передѣлить по иному заставятъ".

Въ этихъ словахъ случайнаго крестьянина ясно чувствовалась недосказанная мысль о несправедливости того, что они только что натворили, и желаніе хотя бы въ будущемъ исправить все "по Божески". Это просыпается тотъ же Платонъ Каратаевъ, котораго мы знали только наполовину...

Другой случай приходитъ на память. Въ село Колечково, Ярославской губерніи, пріѣхали агитаторы изъ города (лѣто 1918 года) и повели рѣчь на слѣдующую тему: — сначала, что "300 лѣтъ страдаетъ русскій мужикъ подъ игомъ ненавистнаго режима и помѣщичьяго гнета". Затѣмъ, перешли на тему о роли гря-

дущаго соціализма, сообщивъ между прочимъ, что первымъ соціалистомъ былъ Іисусъ Христосъ и закончили явнымъ призывомъ брать въ руки топоръ и вилы и идти сейчасъ же противъ вѣковыхъ враговъ, причемъ вѣковыми врагами оказались двѣ помѣщичьи семьи, жившія до сего времени довольно мирно въ своихъ забытыхъ совѣтской властью усадьбахъ.

Крестьяне выслушали молча и внимательно, но потребовали отъ агитаторовъ "бумагу съ печатью", гдѣ было бы подтверждено сказанное ими на словахъ. Бумаги не оказалось. Агитаторы предъявили свои мандаты, но крестьяне ими не удовольствовались, ссылаясь на отсутствіе печати съ гербомъ, и миссія, такимъ образомъ, оказалась неудачной.

Однако, черезъ нѣсколько дней, въ то же село были посланы 8 красноармейцевъ для наблюденія за крестьянами "на предметъ поддержки честныхъ революціонныхъ элементовъ и для подавленія могущихъ быть вспышекъ контръ-революціонныхъ настроеній, о наличіи коихъ стало извѣстно уѣздному Совѣту". Этимъ же красноармейцамъ поручено было наблюдать за тѣмъ, чтобъ крестьяне не утаивали подлежащаго реквизиціи.

Крестьяне оказались людьми дошлыми и ловкими. Красноармейцевъ приняли ласково, накормили, напоили, отвели всѣмъ по одиночкѣ ночлеги въ лучшихъ избахъ и показали по отношенію къ нимъ такую преданность власти, что "товарищъ-старшой" черезъ три дня донесъ, что "контръ-революціонности не обнаружено и противные элементы аннулированы", а черезъ пять дней эти же красноармейцы работали вмѣстѣ съ крестьянами и нѣкоторые нанимались за поденную плату (?) къ мѣстному священнику. Когда мнѣ пришлось быть въ селѣ, то именно одинъ изъ этихъ красноармейцевъ нанялся довезти меня до города за пять рублей

романовскихъ, но только переодѣтымъ въ крестьянское платье.

Уже съ весны 1918 года пришло отрезвленіе. И что очень характерно, пришло именно съ началомъ полевыхъ работъ.

Народъ теперь самъ убѣдился, что отъ "углубленія революціи" и "уничтоженія гидры контръ-революціи" хлѣбъ на полѣ не родится. Съ другой же стороны, большевики къ этому времени измѣнили тонъ и, говорившіе до сихъ поръ только о нескончаемыхъ и новыхъ правахъ народа, напомнили ему и объ обязанностяхъ.

Начиная съ іюня 1918 года, начались мобилизаціи, контрибуціи, реквизиціи, т. е. все то, что всегда составляло основную причину народныхъ неудовольствій. Сперва мобилизовали бывшихъ унтеръ-офицеровъ и техниковъ, затѣмъ молодежь, а далѣе, съ перерывами въ нѣсколько недѣль, стали объявлять призывы постепенно всѣхъ очередныхъ возрастовъ. Всѣхъ непризванныхъ заставили обучаться военному дѣлу. Объявили контрибуцію съ каждаго уѣзда въ размѣрѣ отъ 10 до 20 милліоновъ рублей, а такъ какъ буржуевъ уже не было, то контрибуція легла на крестьянъ.

Объявили, что весь хлѣбъ подлежитъ учету и что на душу, считая и скотъ, останется только девять пудовъ на весь годъ.

Крестьяне убѣдились, что большевики имъ ровно ничего не дали, кромѣ права на преступленія.

Несмотря на всю молніеносность земельной реформы, она далеко не разрѣшила вопроса и могла обрадовать развѣ только В. М. Чернова.

Дѣло въ томъ, что на практикѣ почти вездѣ та земля, которая и такъ за арендную плату обрабатывалась

мужиками, досталась имъ же безплатно, хотя за платой они теперь совсѣмъ не стояли.

Разница была въ томъ, что раньше хоть на три года за десять рублей онъ считалъ помѣщичьи земли своими, да и въ будущемъ зналъ, что земля едва ли отъ него уйдетъ, ибо помѣщикъ землей не интересовался. Теперь онъ былъ неувѣренъ, достанется ли ему въ пользованіе даже на будущій годъ данная полоса. Кромѣ того, сохранилась прежняя черезполосица, вслѣдствіе неодинаковой урожайности различныхъ участковъ, и самый передѣлъ, произведенный на спѣхъ, совершенно не отвѣчалъ дѣйствительнымъ крестьянскимъ нуждамъ. Въ результатѣ, въ нѣсколькихъ южныхъ уѣздахъ Орловской губерніи урожайность оффиціально понизилась до 32-33 пудовъ ржи съ десятины, тогда какъ ранѣе никогда она не опускалась ниже 58 пудовъ.

Вотъ что говорилъ мнѣ крестьянинъ (Орл. губ., Карачевскаго уѣзда, село Гавриловское):

"Намъ нѣтъ расчету стараться,—лишь бы себя прокормить. Продать нельзя, красные отберутъ, а тебя еще въ кутузку посадятъ. А что съ землей сдѣлали. Почему я знаю, что моей десятиной въ Лисьемъ логу въ будущій годъ Хоборь не попользуется. На него, что ли, я спину буду гнуть. Не такого передѣла мы ждали. Только и разницы, что аренды не плачу, а я ее теперь можетъ въ десять разъ больше осилить согласенъ. Съ лугами тоже неладное сдѣлали. Нашему обществу за сорокъ верстъ Треповскіе луга за Навлей отвели, а тамъ Навлинскіе мужички нашихъ то пулеметомъ встрѣтили, — такъ и не подпустили. Реформа тоже!" Это говорилъ мужикъ просто недовольный и прямолинейный, а вотъ разсужденіе мужика похитрѣе:

"А что, Николай Николаевичъ, поговори со своими, можетъ, пока что, тихонько да безъ шума продади-

те мнѣ съ братцемъ моимъ Скоробищенскія десятинки. За цѣной стоять не будемъ, по 800 въ кругъ, а условьице домашнее напишемъ и свидѣтелей подберемъ надежныхъ, чтобъ не разболтали. Вамъ то вѣдь поди деньги тоже нужны. А я такъ уже зналъ бы, что какъ б... этотъ, прости Господи, кончится, землица-то моей будетъ". Это предложеніе я получилъ въ самый разгаръ большевизма и, конечно, убоялся его принять.

Такъ было въ деревнѣ, гдѣ весь вопросъ свелся только къ тому, чтобы добыть себѣ "хлѣбушка", а затѣмъ и запрятать его подальше отъ ненавистнаго учета, ибо, конечно, "крестьянская душа" девятью пудами въ годъ обойтись не могла.

Эти причины, только насущнаго порядка, рѣзко оттолкнули крестьянъ отъ большевиковъ и никакіе "комбѣды", никакіе агитаторы не могли исправить дѣла.

Въ отвѣтъ на реквизиціи, хлѣбъ прятался, а скотъ угонялся или рѣзался,въ отвѣтъ на мобилизаціи—создалась армія дезертировъ, — "Зеленая армія", и крестьянскія возстанія, начиная съ лѣта 1918 года, стали настолько обычными явленіями, что для ихъ подавленія формировались и содержались постоянно особые летучіе отряды и выработалась спеціальная тактика...

Когда говорится о большевизмѣ въ Россіи, необходимо имѣть ввиду, что говорится, согласно подсчетамъ 8-го Съѣзда Коммунистовъ (февраля 1919 г. Москва), о 0, 5% всего населенія **Совѣтской большевистской** Россіи.

Едва ли кто запомнилъ, что на рабочій Петроградъ приходится около 12 тысячъ большевиковъ; въ Москвѣ, гдѣ сказалось вліяніе присутствія центральной власти, ихъ много—20.000. Въ Калужской губерніи 3881 коммунистовъ, въ Рязанской — 5994 и т. д.

Но и въ эти цифры надо внести очень существенныя

поправки. А именно: вездѣ, даже въ столицахъ, домовые комитеты бѣдноты, т. е. самыя большевистскія учрежденія, состояли всегда на половину изъ "недорѣзанныхъ буржуевъ", скрывавшихся за ними въ цѣляхъ самосохраненія, и только другая половина декорировалась изъ приличія прачкой, младшимъ дворникомъ, истопниками, швейцарихой и кѣмъ нибудь изъ подвальныхъ жителей. Въ деревнѣ обстояло дѣло еще откровеннѣе. Привожу составъ комитета бѣдноты села Г., Орловской губерніи. Предсѣдатель — убѣжденный сторонникъ Столыпинской реформы, хуторянинъ и собственникъ. Члены: первый— мѣстный хулиганъ, воръ, поджигатель, пьяница и никогда въ жизни не бравшійся за соху крестьянинъ, жившій неизвѣстно чѣмъ. При большевикахъ онъ умудрился **сдать въ аренду** полученный надѣлъ и никакъ не могъ понять, что это дѣяніе не согласуется съ его коммунистическими взглядами. Другой, сынъ священника, студентъ и прапорщикъ, смотрѣвшій на свое пребываніе въ комитетѣ, какъ на возможность направить его дѣятельность въ сторону разумнаго. Секретарь комитета, сынъ прасола, хорошо грамотный унтеръ-офицеръ, телеграфной роты, старался исключительно о томъ, чтобы прикрыть спекуляціи отца, торговавшаго втихомолку запретными солью и сахаромъ.

Надо замѣтить, что во всемъ селѣ въ 1193 души было всего 11 коммунистовъ. Кромѣ перечисленныхъ четырехъ, три человѣка были недавно пріѣхавшіе въ деревню рабочіе съ Юзовки, 15 лѣтъ отсутствовавшіе и не имѣвшіе понятія объ ея нуждахъ; двое было тихихъ и скромныхъ бѣдняка, даже не знавшихъ, что такое коммунизмъ, и попавшихъ въ партію "по приказанію" комиссаровъ; одинъ озлобленный, сектантски настроенный большевикъ солдатъ, и послѣдній, незаконный сынъ мѣстнаго помѣщика, военнаго времени штабсъ капитанъ,

который послѣ революціи появился въ деревнѣ и потребовалъ себѣ надѣла. Это былъ типъ очень вредный, прикрывшійся большевизмомъ, чтобы творить разныя темныя дѣлишки, за счетъ запуганныхъ крестьянъ.

Военный комиссаръ села, бывшій фельдфебель, былъ убѣжденный и самый настоящій реакціонеръ, мечтающій о старомъ режимѣ. Выпивъ подъ праздникъ самогонки, онъ, не стѣсняясь крестьянъ, пѣлъ съ воодушевленіемъ "Боже Царя храни", размахивая въ тактъ руками и притоптывая ногой. Онъ былъ тоже отвѣтственнымъ членомъ коммунистической партіи и ея отвѣтственнымъ агитаторомъ.

Это въ деревнѣ, такъ сказать на периферіи Совѣтской влсти.

Въ центрѣ тоже не лучше.

Напримѣръ, военная секція Совѣтской ...... Народнаго Комиссара ...... (май-августъ 1918 г.). Предсѣдатель ея, — бывшій кавалерійскій генералъ, къ своему дѣлу относившійся съ трагическимъ юморомъ. Члены: четыре бывшихъ офицера Генер. Штаба, изъ которыхъ только одинъ былъ большевикомъ, утверждая, что ему безразлично, кому онъ служитъ, лишь бы платили. Комиссаръ военной секція большевиковъ С---въ именовался въ ревизіи приватъ доцентомъ Новороссійскаго университета, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказался бывшимъ писаремъ 15 ул. Татарскаго полка, извѣстный генералу предсѣдателю секціи, а въ университетѣ былъ не онъ, а мужъ его сестры, и не приватъ-доцентомъ, а помощникомъ швейцара. Слѣдователь, дѣйствительно универсантъ юристъ, скорбѣвшій о человѣчествѣ съ 7 час. веч., т. е. послѣ того, какъ дѣла кончались, и онъ, запершись въ своемъ купэ съ бутылкой коньяку, напивался постепенно до пьяна, сочиняя въ такомъ видѣ стихи. Къ 9 часамъ утра онъ приступалъ

къ работѣ и разбору дѣлъ съ постоянно больной головой и мрачно настроенный. Его политическая карьера такова; съ перваго марта по 30 октября — с. р., съ 30-го октября по 2 іюля, (возстаніе лѣвыхъ эсъ-эровъ) онъ лѣвый с.-р., затѣмъ онъ коммунистъ. Секретарь всей ревизіи, плохо говорившій по русски, полу-итальянецъ N, личность странная. Онъ былъ весь какой-то "не отъ міра сего", морщился и страдалъ, если при немъ давили муху, но когда надо было разстрѣлять человѣка, онъ вызывался самъ. Однажды ночью онъ вылѣзъ на балконъ въ Москвѣ и съ 11 часовъ вечера, стоя и держась за перила, пѣлъ, безпрестанно повторяя до 4 часовъ утра, "арію Надира". Въ 4 часа его какъ лунатика увели съ балкона и уложили спать.

Приведенныя "поправки" къ 0,5%, составляющимъ большевистскую Россію, необходимо всегда имѣть въ виду, когда говорятъ о населеніи Совдепіи.

Мнѣ скажутъ — эти 1/2 %, однако, завладѣли волей всей страны, создали внѣшне современную армію, которая имѣетъ настолько крупные успѣхи, что угрожаетъ даже "міровой культурѣ". Все это такъ. Но эти соображенія нисколько не измѣняютъ общаго положенія вещей.

Россія, народъ ея, "идетъ за большевиками", во-первыхъ, въ силу смертельной усталости, которая вызываетъ инертность и пассивность, механическое, по инерціи, подчиненіе силѣ, и во-вторыхъ, ей не за кѣмъ было болѣе идти, ибо не было вѣры, что бѣлыя силы несутъ за собою правовыя государственныя начала, а не реакцію, которой народъ боится пуще всего.

Въ ужасѣ попятившійся отъ большевиковъ, испугавшись ими же пролитой крови, испугавшись того звѣря, котораго выпустила въ немъ наружу красная власть,

народъ отошелъ въ сторону, замкнулся въ себѣ и, усталый отъ непорядковъ, живетъ запершись отъ внѣшняго вліянія, ища такъ называемой «protection from his sovereign» (защиты отъ власти)...

Вспоминается не такъ давно видѣнная картина.

За рѣчкой село Гавриловское, около 800 дворовъ. Пасмурный осенній вечеръ. Зіяютъ издали почернѣвшія крыши, желто грязныя своими жуткими дырами, ибо солома съѣдена скотомъ. Откуда то съ задворокъ доносится глухое, печальное завываніе ручной вѣялки. Запахъ въ деревнѣ стоитъ тяжелый, удушливо-жирный; грязь и навозъ на улицахъ и во дворахъ. Навозъ на поле не вывозится, ибо никто не увѣренъ, останется ли на будущій годъ та же земля; стоитъ ли удобрять...

Уныло, еле передвигая ноги, бредутъ коровы, мычатъ протяжно, голодными возвращаясь съ до земли объѣденныхъ жневниковъ.

Съ другой стороны рѣчки, отъ "поповки" доносится заунывный звонъ похороннаго колокола, — сегодня хоронятъ третьяго покойника, Петра Лактіонова, умершаго не то отъ тифа, не то отъ испанки, — толкомъ никто не знаетъ. Докторовъ вѣдь нѣтъ. Людей на улицѣ сразу не разглядишь и только если всмотрѣться, у самыхъ хатъ можно различить въ сумеркахъ сѣраго вечера небольшія группы стариковъ и бабъ.

Разговоръ у нихъ тихій, придушенный, опасливый, какъ бы кто не подслушалъ; вчера еще арестовали Алексѣя Бородачева, за то что баба его назвала на прошлой недѣлѣ продовольственнаго комиссара "жуликомъ толсторожимъ" и непочтительно отозвалась о совѣтской власти, сказавъ: "погибели на васъ нѣтъ, дьяволы постылые, и съ Ленинымъ вашимъ, антихристомъ". А на прошлой недѣлѣ увели въ волость двухъ братьевъ Лю-

биныхъ. Донесъ кто-то, что отъ учета 8 пудовъ хлѣба утаили.

Разговоръ у крестьянъ обычный, — говорятъ или о реквизиціи или объ наборѣ новомъ въ красную армію. Комиссаръ обѣщалъ оставить на годъ 9 пудовъ на душу, говоритъ декретъ такой былъ, а теперь еще приказалъ съ подушной нормы по 30 фунтовъ забрать, будто, для города. А если не дать, сказывалъ, что красныхъ войскъ изъ города нашлютъ и переучетъ сдѣлаютъ. Въ подвалы глядѣть будутъ, гумна разроютъ, — найдутъ запрятанное. Еще говорятъ, что скоро въ армію заберутъ два года, до 38 лѣтнихъ забрали всѣхъ. Обязательно въ тихій разговоръ мужиковъ баба вмѣшается и съ видомъ азартнымъ, всезнающимъ, возбужденно и таинственно сообщитъ, что изъ Сомова-Городища кто-то вчерась въ городъ ѣздилъ и сказывалъ, что тамъ объявился человѣкъ, который сталъ святымъ отъ голода и въ соборѣ послѣ обѣдни звалъ православныхъ за церковь и народъ постоять отъ иродовъ-красныхъ и скорую кончину міра предрекалъ. Другая баба, подперевъ коричневымъ кулакомъ щеку, вздохнетъ шумно и добавитъ: — "Господи, до чего народъ довели! Въ Москвѣ, молъ, слышно иконы на дрова рубить велѣно, а въ церквахъ "танцульки играютъ".

Гдѣ нибудь, спрятавшись отъ чужого глаза за хатами, человѣка три-четыре въ полъ-голоса говорятъ, что на Волгѣ объявился "Михаилъ Александровичъ" и приказалъ будто мужикамъ тихо сидѣть, терпѣть и ждать прихода его съ "чехославянскимъ" войскомъ. Что обѣщалъ онъ будто всю землю за крестьянами оставить, только передѣлъ будетъ иной. Сказываютъ, будто позоветъ крестьянъ съ собой вмѣстѣ государствомъ править. Здѣсь говорятъ уже совсѣмъ тихо.

Начнетъ темнѣть и разойдутся эти кучки по домамъ.

Тамъ ужинъ ждетъ, — бабы картофель наварили безъ соли, и хлѣба "аржаного" строго-ровно отмѣренные кусочки порѣзали. Водой запьютъ. Ни молока, ни чаю никто не имѣетъ.

Ужинать спѣшать, ибо, какъ стемнѣетъ, освѣщаться нечѣмъ: керосину и свѣчей совсѣмъ нѣтъ, у самыхъ запасливыхъ найдется развѣ немного масла лампаднаго.

Черезъ полчаса станетъ тихо на деревнѣ, какъ на кладбищѣ. Всѣ крѣпко заперлись и двери скамьями заставили, — грабежей стали бояться. Еще недавно, подъ праздникъ, какіе то, говорятъ, пріѣзжіе изъ города на томъ концѣ села у Аксютина Павла свиту, тулупъ овчиный, одѣяло стеганое да фунтовъ съ десять меду по "ордеру" забрали и жаловаться не велѣли.

Если постучаться ночью въ избу, едва ли отопрутъ вамъ дверь, а если отопрутъ, то сперва хозяинъ возьметъ въ руки топоръ, потомъ спроситъ въ оконце—кто стучитъ, потомъ заставитъ васъ голосомъ отозваться и только тогда уже отодвинетъ скамейку, вынетъ запоръ и впуститъ васъ въ хату.

За то послѣ полуночи, послѣ первыхъ пѣтуховъ, если вы рискнете пройтись по задворкамъ деревни, то непремѣнно наткнетесь на безшумныя тѣни, копающіяся то въ огородѣ, то подъ стѣнкой овина или амбара... иногда можно увидѣть согнутую подъ тяжестью мужскую фигуру, таинственно пробирающуюся вдоль огородовъ. Это хлѣбъ прячутъ; прячутъ, скрываясь другъ отъ друга...

Мужчинъ моложе 40 лѣтъ въ деревнѣ не найти, они мобилизованы, вѣстей отъ нихъ нѣтъ совсѣмъ и где они, семья не знаетъ, а если знаетъ случайно, то все равно никому не скажетъ. Въ красной ли арміи, къ бѣлымъ

ли перебѣжали, убиты ли или, что чаще всего, скитаются невѣдомо гдѣ, скрываясь отъ гражданской войны и опасаясь вернуться домой.

И, конечно, какому нибудь Аксютину Павлу, всю свою жизнь существовавшему интересами своего села Гавриловки, глубоко безразлично, но одинаково тяжело, гдѣ и въ какой арміи сражается его сынъ. За "Интернаціоналъ" или противъ Интернаціонала, ибо и та и другая сила кажутся ему одинаково враждебными. И какъ ранѣе русскій крестьянинъ дрался за "вѣру, царя и отечество" въ альпійскихъ ущельяхъ, въ Голландіи въ экспедиціонномъ корпусѣ, въ долинахъ Венгріи, не понимая, при чемъ тутъ "вѣра и отечество", такъ и нынѣ онъ дерется за "торжество мірового пролетаріата", а если можно, дезертируетъ подъ Омскомъ, Харьковомъ, Ростовомъ, подъ ст. Поворино или Миллерово, ибо какъ тогда интересы русскаго народа и страны не совпадали съ интересами Нессельродовской дипломатіи, такъ и нынѣ интересы Ленина и Троцкаго безконечно чужды душѣ простого трудового русскаго крестьянина или рабочаго.

Ленинъ сказалъ: — "русскій народъ не доросъ до большевизма"; смѣю думать иначе: ни Ленинъ, ни Троцкій не доросли до пониманія простой, измученной и ищущей свѣта и покоя человѣческой души, забывъ, что въ ней сокрытъ не одинъ только звѣрь...

... Подъ Одессой, около станціи Веселиново, старый крестьянинъ переселенецъ, у котораго одинъ сынъ былъ мобилизированъ и служилъ въ красной арміи, а другой въ Добровольческой, говорилъ мнѣ: "Намъ все едино. Пришли красные, реквизировали, пришли петлюровцы, реквизировали, были добровольцы, тоже реквизировали и всѣ говорятъ, что за наши, молъ, крестьянскіе интересы реквизируютъ. Самъ подумай, что крестьяни-

ну дѣлать. А за-наши то интересы остался я безъ лошади вовсе, съ одной коровенкой тельной, да хлѣба мѣсяца на два оставили, а у меня три рта дѣтскихъ, да бабы двѣ, да братниной семьѣ помогать долженъ.. Братъ то у меня не работникъ, въ шестнадцатомъ году въ ногу попорченъ, въ Галиціи".

Вотъ она, дѣйствительность Россіи, вотъ то состояніе глубокой придавленности, усталаго безразличія, въ которое ввергнутъ русскій народъ, и ввергнутъ не однимъ только большевизмомъ.

Вотъ та Россія, которая никогда не усылала своихъ сыновъ къ стѣнамъ Парижа, въ ущелья альпійскихъ горъ, подъ Аустерлицъ, въ долины Венгріи и, которая теперь жаждетъ только одного, чтобъ перестали, наконецъ, спекулировать ея интересами и истреблять ея народъ, народа же именемъ прикрываясь...

... Мы подошли къ тупику.

Вѣдь тѣ полъ-процента населенія, которые со внесеніемъ "поправокъ", составляютъ большевистскій элементъ Россіи, отъ идущей сейчасъ кровавой борьбы нисколько не страдаютъ, ибо прикрыться остальными 99 1/2 процентами и жить за счетъ ихъ крови и страданья не такая трудная задача.

Вѣдь подлежатъ реквизиціи и непосредственно дерутся на фронтахъ эти же 99 1/2 процентовъ, въ то время какъ "благонадежный" остальной элементъ продолжаетъ разъѣзжать въ царскихъ поѣздахъ, въ казенныхъ автомобиляхъ и даже... о высшее благо... питаться бѣлымъ хлѣбомъ.

Чтобы понять всю нелѣпость сегодняшняго дня, надо только представить себѣ мысленно картину жизни крестьянина, рабочаго, средняго интеллигента съ Васильевскаго острова или Лефортовскихъ окраинъ,

представить себѣ маленькую церковку гдѣ нибудь въ Обуховомъ переулкѣ на Остоженкѣ

Идетъ всенощная, кое гдѣ мерцаетъ передъ ликами иконъ лампада. Свѣчей зажжено очень мало, — здѣсь тоже наблюдаютъ экономію. Церковь полна молящимися, очень много интеллигентныхъ лицъ. Молятся такъ, какъ никогда не молились. За близкихъ своихъ молятся, за неизвѣстно гдѣ находящагося сына, мужа, отца, брата, за тѣхъ, кто уже убитъ или умеръ на казни, отъ болѣзни или раны, за тѣхъ, кто вѣроятно будетъ убитъ, если счастливый неожиданный случай не спасетъ. Иногда общее рыданіе охватитъ всю церковь, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, опустятся на колѣни, съ мольбой, съ надеждой взирая полными слезъ глазами на спокойные лики иконъ. Въ церкви много дѣтей, блѣдныхъ, худенькихъ, они тоже молятся горячо; наивно молятся о той новой хорошей жизни, которую они инстинктивно предчувствуютъ.

Я помню такую всенощную. Въ боковомъ правомъ притворѣ, передъ тускло-освѣщенной иконой святого Серафима Саровскаго, стоятъ двѣ женщины въ траурѣ. Молодая и старая. Передъ ними мальчикъ въ потрепанномъ пальтишкѣ. Мальчику лѣтъ восемь. Лицо у него не дѣтски серьезное. Онъ не молится, но глубоко задумавшись смотритъ на икону, въ скорбные глаза угодника; лобикъ наморщилъ и, видимо, хочетъ что то сказать. — "Мама", громкимъ шопотомъ обращается онъ назадъ, "можетъ Серафимъ сдѣлать, что какъ мы домой придемъ, а тамъ насъ папа ждетъ и въ тужуркѣ сидитъ у окна?" Мать не вслушивается въ слова мальчика, углубленная въ молитву.

"Молись, молись, Коля", отвѣчаетъ она механически. Мальчикъ торопливо перекрестилъ два раза пуговицы на своемъ пальтишкѣ, потомъ, вѣроятно, вспом-

нилъ, какъ надо креститься, сложилъ медленно пальчики, посмотрѣлъ на нихъ, приложилъ ручонку ко лбу, на животъ, на лѣвое плечо... и остановился. Понялъ, что ошибся опять и еще разъ сначала перекрестился, уже правильно. Вздохнулъ глубоко, опустился на колѣни, нагнулъ головку, приложивъ сложенные пальчики ко лбу и замеръ, что-то шепча совсѣмъ тихо. Потомъ тяжело, какъ взрослый, поднялся, опираясь на колѣно и снова тѣмъ же громкимъ шопотомъ обратился къ матери: "Я помолился уже, мама, чтобы пада дома былъ, чтобъ его изъ тюрьмы выпустили, чтобъ комиссара вмѣсто него посадили, чтобъ у бабушки глаза не болѣли и чтобъ ей въ очереди не стоять. Вѣдь, святые, мама, все могутъ, если имъ молятся".

Сзади, въ темномъ углу, стоитъ сѣдой господинъ, въ штатскихъ, полосатыхъ, длинныхъ брюкахъ и въ потертомъ военномъ кителѣ, безъ погонъ и отличій.

Онъ прислонился къ колоннѣ, нагнулъ голову и откровенно плачетъ, всхлипывая на всю церковь. Видны жилистые, скрещенные внизу, вздрагивающіе пальцы, судорожно прижимающіе къ ногамъ защитную фуражку.

Впереди, ближе къ алтарю, больше простыхъ женщинъ въ платкахъ, нѣсколько мужчинъ, не то рабочихъ, не то мѣщанъ.

Здѣсь тоже молятся истово, но иначе. Здѣсь тоже скорбь глубокая, тяжелая, но вмѣстѣ съ ней во взглядахъ, обращенныхъ на иконы, въ тяжелыхъ глубокихъ вздохахъ и восклицаніяхъ чувствуется больше придавленной покорности, чѣмъ отчаянія, больше безъисходной замкнутости, чѣмъ экстаза...

Служба кончается. Молодой священникъ, съ худымъ лицомъ, выходитъ изъ алтаря въ одной эпитрахили и читаетъ заключительныя молитвы. Сторожъ, не слыш-

но ступая, тушитъ лампады и приготовляетъ у бокового притвора для панихидъ канонъ и свѣчи.

Панихидъ сегодня будетъ одиннадцать. Двѣ дамы съ мальчикомъ выдвигаются поближе, — ихъ первая очередь; за ними служитъ панихиду швейцариха съ Собачьей площади. Она точно не знаетъ, убитъ или живъ ея сынъ, поѣхавшій два мѣсяца тому назадъ въ Мценскъ за хлѣбомъ и до сихъ поръ не давшій о себѣ вѣсти. На всякій случай заказала панихиду. Къ тому же, говорятъ, что отслужить по пропавшему нѣтъ грѣха, а только скорѣй вернуться можетъ. За старушкой служитъ панихиду семья бывшаго бакалейнаго лавочника съ Остоженки, — у нихъ дочь отъ голода тифомъ заболѣла и умерла. Далѣе, будетъ служить старая барыня: ея сынъ, офицеръ, возвращался изъ германскаго плѣна, — она съ дороги изъ Гомеля телеграмму получила, — и не доѣхалъ. Старушка выѣхала встрѣчать на Брестскій вокзалъ, а ей вмѣсто сына товарищи его только трупъ отдали съ штыковой раной въ боку. Почему и кто убилъ, не сказали. Затѣмъ, нѣсколько семействъ служатъ панихиду по убитымъ, кто въ Красной, кто въ Бѣлой арміяхъ, скрывая изъ осторожности истину, даже передъ священникомъ... И всѣмъ имъ одинаково провозгласитъ священникъ "Вѣчную память" и одинаково будутъ плакать ихъ близкіе и обычно присутствующія на панихидахъ, особыя старушки, все знающія и всѣмъ сочувствующія...

Здѣсь, въ этой церковкѣ, можно понять и почувствовать то великое страданіе, которымъ дышитъ наша Россія. Здѣсь не надо ни цифръ, ни доказательствъ, — эта церковь, а ихъ въ одной Москвѣ сорокъ сороковъ, — живой символъ скорбящей Россіи, настоящей, не выдуманной...

... Представитель англійскаго комадованія въ Финляндіи и Балтійскихъ провинціяхъ, генералъ Гоффъ, въ оффиціальномъ письмѣ и въ газетахъ заявилъ, что русскій народъ весь большевиствующій, дикій и вниманія Антанты не стоящій. А бывшій большой русскій сановникъ и графъ на оффиціальномъ обѣдѣ въ Лондонѣ это подсказалъ, сказавъ, что "русскій народъ по природѣ анархичный и анти-государственный".

Генералъ Гоффъ добавилъ, что самое выгодное для культурной Европы, — это выдать оружіе и "краснымъ", и "бѣлымъ", и, пожалуй, даже и "зеленымъ" — по крайней мѣрѣ скорѣй себя перерѣжутъ и отвратятъ угрозу, висящую надъ "культурой"...

Вывода къ настоящей статьѣ нѣтъ, пусть каждый самъ его сдѣлаетъ.

Н. Порадѣловъ.

8 февраля 1920 г.
Парижъ.

«СОЮЗНИЧЕСКІЙ МИРЪ».

I.

Въ началѣ перваго вѣка послѣ Рождества Христова, въ царствованіи императора Августа, Римъ закончилъ завоеваніе міра. Городъ Римъ — urbs сталъ міромъ — orbis.

Въ тяжкихъ многовѣковыхъ войнахъ, одни за другими, были покорены Италія, Карѳагенъ, Македонія, Греція, Малая Азія, Сирія, Галлія и Египетъ. Въ исторіи римскаго возвышенія былъ моментъ, когда римскимъ завоеваніямъ могъ быть положенъ предѣлъ, и когда между государствами древняго міра могло установиться "политическое равновѣсіе". Это было въ эпоху второй пунической войны. Если бы въ это время Карѳагену удалось создать возможную тогда коалицію средиземныхъ государствъ — Греціи, Македоніи, Египта, Малой Азіи — противъ Рима, могущество Рима было бы сломлено и все теченіе древней исторіи могло получить другое направленіе. Но Карѳагену создать коалиціи не удалось. Ганнибалъ проигралъ вторую пуническую войну. И вмѣстѣ съ паденіемъ Карѳагена исчезла всякая возможность установить международное равновѣсіе. Ни слабѣющій востокъ, ни еще не пріобщенный къ культурѣ западъ не могли оказать серьезнаго сопротивленія Риму (1). Съ началомъ новой эры періодъ римскихъ

[1]) Ed. Meyer: «Kleine Schriften» стр. 275 и слѣд.

завоевательныхъ войнъ закончился. Тѣ, относительно, немногочисленныя войны, которыя велись въ 1-омъ и во 2-омъ вѣкѣ, уже не имѣли завоевательнаго характера. Еще присоединялись новыя провинціи — Британія, Agri Decumates, Дакія, Аравія; на нѣкоторое время — Арменія, Мессопотамія, Ассирія. Но всѣ эти войны имѣли характеръ оборонительный. Цѣль ихъ — защита границъ. Свою военную мощь Римъ употреблялъ на постройку валовъ и крѣпостей. Ибо итти впередъ было некуда. Весь извѣстный древности культурный міръ уже былъ включенъ въ предѣлы римскихъ границъ. Риму принадлежали: въ Европѣ — Англія, Франція, Испанія, Португалія, Бельгія съ окраиной Голландіи, юго-западная окраина Германіи, Швейцарія, Италія, южныя части бывшей Австро-Венгріи, Румынія, Сербія, Черногорія, Болгарія, Турція, Греція и часть южной окраины Россіи; въ Азіи — большая часть бывшихъ турецкихъ владѣній и часть Закавказья, въ Африкѣ — Египетъ, Триполи, Алжиръ и Марокко (1).

Границы Рима упирались въ непроходимые лѣса, болота и пустыни. Ближайшими сосѣдями были варвары : германцы на сѣверѣ, парѳяне на востокѣ. Страны старой культуры — Китай и Индія, стояли особнякомъ и не входили въ круговоротъ международнаго общенія. Власть римскаго государства — imperium romanum распространялась на весь міръ, весь orbis terrarum.

Теперь Риму былъ нуженъ миръ. Глубокій, ничѣмъ ненарушаемый миръ. Поставленныя задачи были разрѣшены. Цѣли достигнуты. Теперь Римъ хочетъ спокойно пользоваться выгодами міровой власти, спокойно наслаждаться добытымъ. Война становится тяже-

[1]) КАРѢЕВЪ: «Монархіи древняго востока и греко-римскаго міра» стр. 189.

лой обузой. Къ ней прибѣгаютъ нехотя — для защиты границъ, для укрѣпленія слишкомъ выдвинутой провинціи. Та политика военныхъ вмѣшательствъ и дипломатическихъ интригъ, направленныхъ къ тому, чтобы натравлять другъ на друга сосѣднія государства и независимые города, политика, которую Римъ неизмѣнно пользовался во времена своихъ имперіалистическихъ устремленій, становится ненужной. Теперь Римъ не позволяетъ враждующимъ городамъ разрѣшать свои несогласія силой; онъ выступаетъ судьей въ ихъ распряхъ, и рѣшенія его безапеляціонны. Въ покоренныя провинціи онъ вноситъ спокойствіе и порядокъ. Галлію Римъ нашелъ "измученную распрями, истощенную междоусобными войнами". Въ короткое время Галлія была замирена. Всю свою волю мірового властелина Римъ употребляетъ на то, чтобы всюду установить миръ. И это ему удается. Никогда человѣчество такъ мало не воевало и не пользовалось такимъ глубокимъ миромъ, какъ въ первые два вѣка мірового владычества Рима (1).

Въ царствованіе Августа трижды закрывались ворота храма Януса на форумѣ, что могло происходить только тогда, когда во всемъ государствѣ, на водѣ и на землѣ, господствовалъ миръ. И слѣдующая эпоха вплоть до конца II-го вѣка послѣ Р. Х., за короткими перерывами, время мира. Всюду, куда распространялась власть римскаго государства, imperium romanum, господствовалъ римскій миръ, pax romana. Идея римскаго мира, "мира на землѣ" становится девизомъ римскаго владычества. И, вмѣстѣ съ другими поэтами и писателями, торжественно славитъ Римъ Плутархъ за то, что онъ сдѣлался "якоремъ, на которомъ

[1]) И это происходило въ античномъ мірѣ, когда — по утвержденію историковъ — нормальнымъ состояніемъ въ международныхъ отношеніяхъ считался не миръ, а война.

сталъ въ пристани міръ, долго носившійся среди бури по морю безъ кормчаго".

Сдѣлавшись всемірной имперіей, Римъ правилъ подчиненными странами съ большой мудростью и умѣренностью. Римъ понималъ, что нельзя править народами помимо ихъ воли; онъ старался внутренне примирить народы съ собой, сдѣлать принадлежность къ имперіи желанной. Римъ разрушалъ только то, что грозило его безопасности, сохранялъ все, что можно было оставить. Провинціямъ онъ предоставлялъ возможную свободу и самостоятельность; сохранялъ народамъ ихъ законы, обычаи, религію. Города пользовались широкой муниципальной автономіей. Городское самоуправленіе — основная ячейка государственнаго строя Рима. Проводя принципы абсолютизма въ центральномъ управленіи, онъ умѣлъ сочетать ихъ съ городской свободой. Въ городское самоуправленіе Римъ вмѣшивался только въ моментъ завоеванія городовъ, устраняя всюду демократическія партіи и замѣняя ихъ аристократическими. Ибо онъ твердо зналъ правило политической мудрости, что управлять обширной имперіей можно, только опираясь на мѣстныя силы, внутренне сочувствующія власти, внутренне къ ней тяготѣющія.

Римъ не только сохранялъ городскія вольности тамъ, гдѣ онѣ существовали издавна; гдѣ ихъ не было, онъ ихъ создавалъ. На западѣ, въ странахъ, не знавшихъ городской культуры до римскаго завоеванія, Римъ строилъ города и вводилъ муниципальный строй. Городская муниципальная культура Западной Европы—дѣло Рима. "И можно, повидимому, съ увѣренностью сказать, что рѣдко міръ пользовался такой муниципальной незави-

симостью, какъ подъ неограниченнымъ правленіемъ Рима временъ цезарей" (1).

Римъ жилъ покоренными провинціями. Облагалъ ихъ громадными налогами. Но онъ не разорялъ ихъ. Не налагалъ на нихъ непереносныхъ тяготъ. Ибо онъ зналъ, что провинціи — источникъ его благосостоянія и не хотѣлъ, чтобы этотъ источникъ изсякнулъ. Императоръ Тиберій говорилъ: "добрый пастырь стрижетъ овецъ, не не сдираетъ съ нихъ кожи". Всюду Римъ устанавливалъ гражданскій порядокъ. Властвовалъ "не оружіемъ только, а законами". "До сихъ поръ еще найдется и на востокѣ, и на западѣ немало мѣстностей, для которыхъ времена имперіи были эпохой такого, при всѣхъ его несовершенствахъ, хорошаго управленія, какимъ онѣ не пользовались ни до того времени, ни послѣ. И, если бы ангелу Божію было поручено рѣшить, когда владѣнія Севера Антонина пользовались болѣе разумнымъ и человѣколюбивымъ управленіемъ — въ ту пору или въ настоящее время, и сдѣланъ ли съ тѣхъ поръ шагъ впередъ или назадъ на томъ пути, который ведетъ къ цивилизаціи и къ народному благосостоянію, то очень сомнительно, чтобы приговоръ былъ въ пользу нашего времени" (2).

Римъ съумѣлъ привлечь къ себѣ сердца народовъ. Народы чувствовали его мощь и благо его управленія и уже внутренне тянулись къ нему. Мало по малу Римъ становился общимъ для всѣхъ отечествомъ. Una cunctarum in toto orbe patria.

"Единое отечество" постепенно создавало единое хозяйственное цѣлое; единый замкнутый въ себѣ экономическій кругъ. Міровое государство рождало міро-

[1]) Г. Буассье: «Картины римской жизни временъ цезарей» стр. 31.
[2]) Моммсенъ: «Римская Исторія». Т. V стр. X-XI.

вое хозяйство. Первые вѣка имперіи — высшій расцвѣтъ мірового хозяйство въ древности. Средиземное море, по которому проходили главные торговые пути древняго міра, сдѣлалось внутреннимъ римскимъ моремъ, открытымъ для свободнаго обмѣна. Торговля проникала въ глубины материковъ; торговыя сношенія велись съ Индіей, Цейлономъ, Китаемъ. Самыя отдаленныя провинціи вступали другъ съ другомъ въ тѣсное хозяйственное общеніе. Никогда торговля и промышленность не достигали такого развитія, какъ въ эти вѣка экономическаго объединенія міра.

Самъ Римъ не создалъ богатой промышленности. Онъ занимался торговой и финансовой дѣятельностью, причемъ и торговля его имѣла пассивный характеръ. Налогами, откупами, ссудными операціями Римъ со всего міра собиралъ золото и этимъ золотомъ платилъ за товары, которые отовсюду стекались къ нему. Зато въ провинціяхъ не только торговля, но и промышленность достигли удивительнаго расцвѣта. Вся сложная система экономической эксплоатаціи провинцій Римомъ не могла помѣшать этому расцвѣту. Ибо Римъ не только эксплоатировалъ, онъ и способствовалъ устроенію хозяйственной жизни провинцій.

Римъ цѣлыя провинціи застроилъ городами, оборудовалъ порты, по всему міру проложилъ удивительныя по своему совершенству дороги, организовалъ почту, при помощи орошенія пустыни превращалъ въ культурныя земли, строилъ мосты, акведуки. Само состояніе мира, порядка, экономическаго объединенія необычайно способствовало благоденствію провинцій и вызывало къ жизни скрытыя хозяйственныя силы народовъ. Города востока и запада, за исключеніемъ городовъ Греціи, поднялись на небывалую до того времени высоту. Къ этимъ вѣкамъ относится расцвѣтъ величай-

шихъ городовъ древности, Александріи, Антіохіи и Селевкіи, городовъ Малой Азіи, Эфеса, Пергама, Магнезіи, городовъ Галліи и Испаніи. Въ эти вѣка весь міръ покрылся художественными зданіями — театрами, храмами, дворцами, арками, портиками, развалины которыхъ до сихъ поръ встрѣчаются повсюду и видъ которыхъ невольно вызываетъ въ памяти надписи на римскихъ монетахъ: — Вѣчный Римъ.

Римъ не создалъ своей, оригинальной культуры. Но онъ сдѣлалъ нѣчто, не менѣе важное. Онъ передалъ культуру античнаго міра всему человѣчеству. То, что было создано прекрасной эллинской культурой, что потомъ претворилось и обогатилось отъ соприкосновенія съ глубокими культурами востока, то, что въ исторіи носитъ названіе культуры эллинистической, было воспринято Римомъ, пережито и распространено на весь міръ.

Эта универсальная римско - эллинистическая культура никогда не достигала высотъ эллинской и древне-восточныхъ цивилизацій; зато западъ и другія страны, раньше незатронутыя культурой, она подняла на удивительную высоту. Римъ уравнялъ міръ, срѣзалъ его вершины, но общій уровень человѣчества онъ поднялъ высоко. И наша западно-европейская культура, по стопамъ Рима заканчивающая завоеваніе всего міра, своими основами обязана ему — Риму.

Самъ Римъ въ эти столѣтія жилъ спокойной, праздной жизнью. Внутреннія потрясенія не тревожили его. Гражданскія войны замерли. Классовая борьба затихла. Римъ былъ такъ богатъ, такое безчисленное количество благъ стекалось къ нему со всѣхъ концовъ міра, что онъ могъ спокойно удѣлить часть своихъ доходовъ низшимъ слоямъ городского населенія, удовлетворить наиболѣе острые запросы своего безпокойнаго проле-

таріата. Римъ былъ слишкомъ мудръ, чтобы не понять, что лучшимъ средствомъ предупредить недовольство, притупить классовую борьбу, было привлечъ свой пролетаріатъ къ совмѣстной эксплоатаціи всего міра, привить ему ядъ внѣшней городской культуры.

"Римъ властвовалъ надъ народными массами не своими легіонами, не своими законами; онъ властвовалъ своими амфитеатрами, гладіаторскими играми, своими банями, раздачей масла, дешевымъ хлѣбомъ, виномъ, праздниками. По мѣрѣ того, какъ массы прикасались къ этой болѣе утонченной и богатой жизни, онѣ привязывались ко всѣмъ властямъ, ко всѣмъ институтамъ, которые позволяли имъ наслаждаться этой жизнью; и богатые классы, въ интересахъ которыхъ было сохранить существующій порядокъ вещей, понимали, что нѣтъ лучшаго средства укрѣпить власть, какъ дать удовлетвореніе страстямъ народныхъ массъ" (1).

Съ конца 2-го вѣка послѣ Р. Х., начинается упадокъ Рима. Черезъ два столѣтія міровая имперія распалась. Спустя короткое время и самъ городъ Римъ уже лежалъ въ развалинахъ.

Историки спорили и еще долго будутъ спорить о причинахъ паденія Рима. Люди консервативнаго мышленія указываютъ, какъ на политическую причину упадка, на революцію, совершенную Септиміемъ Северомъ по отношенію къ сенату, революцію, разрушившую принципы авторитета и законности, на которыхъ держался соціальный строй въ Римѣ (2). Историки демократическаго направленія указываютъ на то, что Римъ жилъ рабствомъ и эксплоатаціей міра, что онъ устранилъ

[1]) G. Ferrero: «Grandeur et décadence de Rome». T. VI p. 330—331.

[2]) G. Ferrero: «La Ruine de la civilisation antique». Revue des deux Mondes». 15 sept. 1919.

отъ власти демократію, задушилъ свободу. Но ни одинъ историкъ, ни одинъ политическій дѣятель не можетъ не признать величія той главы исторіи, которая носитъ названіе: Римскій миръ — Pax Romana.

II.

Къ началу XX-го столѣтія послѣ Р. X. Европа закончила завоеваніе міра. Не того orbis terrarum, которымъ, 19 вѣковъ тому назадъ, владѣла римская имперія и который занималъ 5 1/2 милліоновъ кв. километровъ; а воистину всего земного круга, со всѣми его материками и океанами. Въ долгую, кровавую, насчитывающую четыре столѣтія эпопею Европа, одинъ за другимъ, покорила материки Сѣверной и Южной Америки, Азіи, Австраліи и Африки. Къ началу XX вѣка на всемъ земномъ шарѣ существовали только три болѣе или менѣе значительныя государства, не находившіяся подъ властью или покровительствомъ державъ европейской культуры: Японія, Китай и Турція. Но и изъ этихъ трехъ государствъ только одна Японія была дѣйствительно независимымъ государствомъ; Китай и Турція представляли изъ себя государства — тѣни, сохранявшія свою призрачную самостоятельность только временно, благодаря соперничеству европейскихъ державъ. Если послѣдовательно, по столѣтіямъ, пересмотрѣть карты міра, видишь, какъ маленькое розовое пятно европейской цивилизаціи, возникшей въ Западной Европѣ въ 1-омъ тысячелѣтіи на развалинахъ цивилизаціи римской, медленно распространяется на всю Европу, перекидывается на вновь открытые материки Америки, заливаетъ большую часть Азіи и, наконецъ, въ теченіе XIX вѣка, цѣликомъ покрываетъ Австралію и Африку. Въ началѣ XX вѣка міръ принадлежитъ Европѣ. Правда, къ этому времени зна-

чительная часть американскихъ материковъ уже успѣла отдѣлиться отъ материнской ячейки и создать рядъ независимыхъ отъ Европы государствъ. Но своей самостоятельной оригинальной культуры Америка создать не сумѣла. Ея культура — только разновидность культуры европейской; она носитъ характеръ дочерней цивилизаціи, всецѣло связанной съ цивилизаціей материнской. До конца XIX вѣка государства Америки не вели и самостоятельной внѣшней политики. Самое могущественное государство Америки, Соединенные Штаты, стремились только къ гегемоніи на американскихъ материкахъ и не допускали вмѣшательства европейскихъ державъ въ дѣла Америки. Міровая политика Соединенныхъ Штатовъ относится къ самымъ послѣднимъ десятилѣтіямъ.

Владѣя міромъ, сама Европа, однако, не представляла изъ себя единаго политическаго цѣлаго. Незначительная, въ сравненіи съ другими материками, по занимаемой ею площади, кажущаяся небольшимъ выступомъ на картѣ земного шара, Европа внутри себя дѣлилась на цѣлый рядъ большихъ и малыхъ "державъ". Державы эти вели между собой безконечныя войны, поглощали другъ друга, сливались въ большія имперіи и снова разсыпались на мелкія единицы. Карта Европы перекраивалась безчисленное число разъ. И вмѣстѣ съ картой Европы перекраивалась и карта міра. Испанія, Португалія, Голландія, Франція, Англія владѣли въ другихъ частяхъ свѣта громадными территоріями и переуступали ихъ другъ другу въ зависимости отъ военнаго счастья на европейскомъ материкѣ. Въ первую половину XIX вѣка міровая гегемонія всецѣло принадлежала Англіи. Послѣ наполеоновскихъ войнъ и послѣ объявленія независимости латинскихъ республикъ Америки, Франція, Испанія, Португалія перестали играть роль первостепенныхъ колоніальныхъ державъ. Сохра-

нившіяся у нихъ владѣнія были, относительно, ничтожны. Голландія, послѣ вѣкового соперничества съ Англіей, удержала только часть своихъ колоніальныхъ владѣній. Во вторую половину XIX вѣка европейскія державы продолжали перекраивать карту міра. Ихъ усилія направлены были теперь, главнымъ образомъ, не на то, чтобы отбирать другъ у друга уже захваченныя владѣнія, а на то, чтобы дѣлить еще оставшіяся внѣ ихъ власти территоріи. Вновь создалася громадная имперія Франціи, превратилась въ колоніальную державу Германія, безконечно расширились міровыя владѣнія Англіи, увеличила свои владѣнія въ Азіи Россія. Въ послѣднія дѣсятилѣтія XIX вѣка происходитъ лихорадочный раздѣлъ послѣднихъ, еще не захваченныхъ клочковъ міра. Къ началу XX вѣка весь міръ, вплотъ чуть ли не до полярныхъ областей, захваченъ Европой. Дѣлить больше нечего. Возможенъ только новый передѣлъ.

Начало XX вѣка наполнено напряженнымъ ожиданіемъ грядущаго передѣла и страхомъ передъ неотвратимо связанными съ нимъ потрясеніями.

До конца 70-хъ годовъ XIX вѣка международная политика европейскихъ державъ опредѣлялась внутренними европейскими отношеніями. Созданный Бисмаркомъ въ 1882 году тройственый союзъ преслѣдовалъ цѣли исключительно внутри — европейскія. Хотя колоніальная имперія Германіи начала создаваться въ 80-ыхъ годахъ при Бисмаркѣ, воля его еще цѣликомъ была направлена на Европу. Зато возникшее въ девяностыхъ годахъ въ противовѣсъ тройственному союзу двойственное соглашеніе устремлено не только на Европу. Остріе его направлено, какъ противъ Германіи, такъ и противъ Англіи. Интересы Франціи и Англіи сталкивались въ Африкѣ и Азіи,

интересы Россіи и Англіи — въ Азіи. Растущая африканская имперія Франціи, расширяющіяся азіатскія владѣнія Россіи вплотную приближались къ владѣніямъ Англіи. Россія стремилась найти выходъ къ теплымъ морямъ: къ Средиземному морю черезъ Константинополь, къ Индійскому океану черезъ Персію и Афганистанъ, къ Великому океану черезъ Манжурію. Англія ревниво оберегала свою міровую гегемонію и видѣла въ Россіи и Франціи соперниковъ при раздѣлѣ міра. Вотъ почему отношенія между Франціей и Англіей, между Англіей и Россіей были очень обостренными, и дѣло нѣсколько разъ чуть не доходило до войны.

Этимъ объяснялось и благосклонное, порой чисто дружественное отношеніе Англіи къ тройственному союзу. Политика Англіи всегда заключалась въ томъ, чтобы вызывать соревнованіе между европейскими державами, ссорить ихъ другъ съ другомъ, когда нужно было, мирить и этимъ поддерживать систему политическаго равновѣсія въ Европѣ. Это развязывало руки Англіи въ ея міровой политикѣ и давало ей возможность бороться съ своими врагами на міровой аренѣ при помощи ихъ противниковъ на европейскомъ континентѣ. Тройственный союзъ, въ глазахъ Англіи, былъ орудіемъ противъ Франціи и Россіи — ея противниковъ въ другихъ частяхъ свѣта. Равновѣсіе въ Европѣ поддерживалось противорѣчіемъ между тройственнымъ союзомъ и двойственнымъ соглашеніемъ и выражалось формулой "вооруженнаго міра".

Съ начала XX вѣка политика Англіи рѣшительно измѣнилась. Растущая военная мощь Германіи рѣзко склонила стрѣлку политическаго равновѣсія Европы въ сторону тройственнаго союза. Необычайный торговый расцвѣтъ Германіи, ея неудержимо развивающаяся "воля къ власти" дѣлали изъ нея новаго, самаго страш-

наго претендента на міровой передѣлъ. Передъ этой опасностью старое соперничество Англіи съ Франціей и Россіей быстро отступило на задній планъ. Англія рѣшительными мѣрами ликвидировала свои разногласія съ Франціей и Россіей. Съ Франціей — соглашеніемъ 1904 года. Съ Россіей — японско - русской войной 1904-5 гг., которая была, по существу, ударомъ, направленнымъ Англіей противъ Россіи и которая кончилась тѣмъ, что Россія была отброшена отъ Великаго океана; такъ же какъ въ свое время она была отброшена Англіей отъ Индійскаго океана и отъ Средиземнаго моря. Соглашеніемъ 1907 г. разногласія между Англіей и Россіей были на время ликвидированы. Теперь Англія всю тяжесть своего вѣса могла положить на чашку двойственнаго соглашенія. Чашка мгновенно опустилась. Политическое равновѣсіе Европы было снова возстановлено. Нарушенное побѣдой Японіи политическое равновѣсіе на Дальнемъ Востокѣ было возстановлено соперничествомъ съ Японіей Соединенныхъ Штатовъ Америки. Европа снова замерла въ состояніи "вооруженнаго мира".

Система политическаго равновѣсія Европы была выгодна для Англіи, ибо давала ей возможность сохранять гегемонію въ остальныхъ частяхъ свѣта. Англія не хотѣла войны, боялась нарушенія равновѣсія, ибо она была "насыщена", хотѣла "сохранить, что она имѣетъ". Не то Германія. Германію душила система политическаго равновѣсія Европы. Германіи необходимъ былъ передѣлъ міра. Иначе ей на вѣки пришлось бы оставаться маленькимъ пятнышкомъ на безконечной картѣ міра, быть небольшой колоніальной державой въ сравненіи съ громадными міровыми державами—Англіей, Россіей, С. Штатами, Франціей. Ея промышленности и торговлѣ грозила опасность быть отрѣзанными отъ

всего міра въ тотъ моментъ, когда міровыя державы захотятъ заключить кругъ своихъ владѣній и замкнуться внутри себя.

Было бы большой ошибкой утверждать, что Германія, начиная войну 1914 года, хотѣла произвести передѣлъ міровой карты за счетъ Англіи, стремилась къ міровой гегемоніи, думала столкнуть Англію съ мірового трона и сама занять ея мѣсто. На самомъ дѣлѣ, ей, дѣйствительно, хотѣлось только "мѣста подъ солнцемъ". Какъ въ свое время Англія создала свою міровую имперію за счетъ Франціи, Испаніи, Голландіи, такъ и Германія хотѣла теперь занять свое мѣсто подъ солнцемъ, столкнувъ съ него своихъ болѣе слабыхъ сосѣдей — французовъ, бельгійцевъ, быть можетъ, португальцевъ и голландцевъ. Германія не только не хотѣла войны съ Англіей, не только не думала трогать ея владѣній; она охотно бы подѣлилась съ Англіей своими будущими пріобрѣтеніями, если бы та согласилась на время отойти въ сторону и оставаться нейтральной. Германія дѣлала все возможное, чтобы удержать Англію отъ войны, согласна была итти на большія уступки, старалась сама не начинать войны, а дѣйствовала черезъ свою союзницу Австрію, искала предлога войны, наименѣе затрагивающаго Англію. Задача Германіи заключалась въ томъ, чтобы разрушить душащее ее европейское равновѣсіе, развязать себѣ руки въ Европѣ, раздавивъ Францію и обезсиливъ Россію; создать подъ главенствомъ Германіи "Центральную Европу", занимающую господствующее положеніе на континентѣ, составить изъ колоніальныхъ владѣній покоренныхъ сосѣдей міровую имперію и, разрушивъ европейское равновѣсіе, создать, такимъ образомъ, **равновѣсіе міровое.** Не свергать Англію съ мірового трона хотѣла Германія — она хотѣла раздѣлить съ нею власть надъ міромъ. Безжалостная по

отношенію къ другимъ, соглашавшаяся "оставить побѣжденнымъ только глаза, чтобы плакать", Германія была безконечно уступчива и мягка по отношенію къ Англіи. И только тогда, когда выяснилось, что Англія неприступна, что она не согласится отойти въ сторону и подождать, только тогда вся ненависть Германіи обратилась противъ Англіи. «Carthago delenda est». Carthago — Англія. Ибо Англія не уступила. Англія понимала, что раздѣлить власть надъ міромъ съ Германіей значило рисковать въ будущемъ своимъ собственнымъ существованіемъ. Англія понимала, что міровая гегемонія будетъ принадлежать тому, кто будетъ властвовать надъ покорительницей міра —Европой. Если Германія побѣдитъ Европу, въ слѣдующей, еще болѣе грандіозной войнѣ придетъ очередь Англіи.

Съ того момента, какъ Англія вступила въ войну, судьба Германіи была рѣшена. Англіи въ борьбѣ съ "новымъ возвышающимся Римомъ" удалось добиться того, чего не сумѣлъ сдѣлать въ свое время Карѳагенъ. Англія вступила въ борьбу съ Германіей не одна, а во главѣ міровой коалиціи.

Міровую коалицію противъ Германіи Англія успѣла создать во-время, пока Германія еще не сдѣлалась настолько сильной, чтобы одной бороться съ міромъ и побѣдить его. Съ удивительной настойчивостью и энергіей подымала Англія одну страну за другой противъ Германіи. Не говоря уже о своей колоніальной имперіи, занимающей 1/4 земного шара и насчитывающей около 400 милліоновъ жителей — Канады, Австраліи, Южной Африки, Индіи, Египта, — Англія сумѣла поднять свою союзницу Японію, Китай, Грецію, Португалію.

Участіе Италіи въ войнѣ на сторонѣ союзниковъ стало возможнымъ благодаря выступленію Англіи. Если раньше у Италіи могли быть колебанія, на чьей сторонѣ

выступить, ибо обѣ стороны обѣщали выгоды: Германія — Тунисъ и господство на Средиземномъ морѣ, союзники — итальянскія земли въ Австріи; то послѣ выступленія Англіи, колебаній больше быть не могло. Участіе на сторонѣ Германіи теперь означало: немедленное лишеніе Триполи и другихъ африканскихъ колоній, блокаду береговъ, голодъ и ежеминутную возможность десанта. Италія стала на сторону союзниковъ. Можно утверждать даже большее. Можно утверждать,что и вступленіе въ войну Соединенныхъ Штатовъ стало возможнымъ благодаря Англіи. С. Штаты спокойно относились къ міровой гегемоніи Англіи. Помимо родства по крови и языку, Англія была "насыщенной" имперіей, не имѣла никакихъ претензій на американскіе материки, твердо признавала доктрину Монро и... имѣла уязвимый пунктъ на сѣверномъ континентѣ — Канаду. Пока Англія господствовала на моряхъ, С. Штаты были спокойны за берега Америки. Разгромъ Англіи ставилъ С. Штаты лицомъ къ лицу съ Германіей, съ ея стремленіями перекраивать карту міра, громадными интересами въ южной Америкѣ, ея растущей экономической мощью. Вотъ почему, когда положеніе на войнѣ стало неустойчивымъ, когда шансы могли склониться въ сторону Германіи, С. Штаты выступили на сторонѣ союзниковъ. Противъ Германіи создалась коалиція, которой свѣтъ еще не видалъ и, вѣроятно, никогда не увидитъ. Если взглянуть на міровую карту войны, видишь, какъ красный цвѣтъ союзниковъ почти сплошь заливаетъ всѣ материки, оставляя маленькіе синіе островки германской коалиціи и небольшія бѣлыя пятна нейтральнымъ странамъ. Сравнительно болѣе благопріятныя для Германіи числовыя соотношенія борющагося населенія все же даютъ союзникамъ 1.386,7 милліоновъ людей или 82% міpового населенія, германской коалиціи 163,7 мил-

лiоновъ людей или 9,7%, нейтральнымъ странамъ 138,5 миллiоновъ или 8,3% (1). Надо было быть слѣпыми политиками, никогда не заглядывавшими въ мiровыя карты войны, чтобы при такомъ отношенiи силъ разсчитывать на побѣду Германiи. И конечно, послѣ отчаяннаго сопротивленiя, Германiя мiровой коалицiей — а, въ конечномъ счетѣ, Англiей — была побѣждена. Ибо, съ исторической точки зрѣнiя, война 1914-1919 годовъ была войной между Германiей и Англiей.

Результаты войны оказались грандiозными и, въ значительной мѣрѣ, неожиданными. Европейское равновѣсiе сломлено. Но оно сломлено не въ пользу Германiи. Германiя, какъ военная сила, на многiя десятилѣтiя сбрасывается со счетовъ. Австрiи, какъ великой державы, больше не существуетъ. И мiръ, и Европа принадлежатъ союзникамъ. Но и въ станѣ союзниковъ война произвела громадныя опустошенiя. Разрушена мiровая россiйская имперiя. Сломленная въ войнѣ съ Германiей, истерзанная гражданской борьбой, она лежитъ теперь на землѣ и не скоро поднимется. Вмѣстѣ съ ней рушится одинъ изъ главныхъ столбовъ политической системы Европы и всего мiра. Ея влiянiе на Европу была громадно, ея соперничество съ Англiей определяло мiровую политику. Уходя вмѣстѣ съ Германiей и Австрiей на многiя десятилѣтiя съ политической арены, она оставляетъ власть надъ Европой и мiромъ небольшой группѣ союзническихъ державъ. Изъ восьми "великихъ" державъ, насчитывавшихся до войны (шести европейскихъ—Россiи, Германiи, Францiи, Англiи, Австрiи, Италiи и двухъ неевропейскихъ—С. Штат. и Японiи) остаются только пять. Изъ нихъ Италiя самостоятельной роли играть не можетъ. Она имѣла нѣкоторое значенiе тогда, когда существовала система поли-

[1]) Maurette: «Atlas de la Paix».

тическаго равновѣсія, когда она, присоединившись къ тому или другому союзу, могла склонить стрѣлку вѣсовъ въ ту или другую сторону. Теперь, когда система равновѣсія рушилась, ея роль будетъ еще менѣе значительна. Ограниченную роль будетъ играть и Японія. Ея вліяніе не распространяется далѣе Великаго океана, съ ней будутъ считаться лишь въ дѣлахъ дальняго востока. Міровую роль будутъ играть только три союзныя державы: Англія, Франція и С. Штаты. Господствующая роль будетъ принадлежать старой властительницѣ міра — Англіи. Остальныя державы, союзныя и нейтральныя, окажутся въ положеніи спутниковъ, вращающихся въ чужой орбитѣ, своей собственной воли не имѣющихъ. Европа и міръ принадлежатъ союзникамъ. Власть союзниковъ, союзническій imperium распространяется на весь міръ, весь orbis terrarum.

III.

Что несетъ съ собою союзническая власть міру? Какая глава исторіи раскрывается передъ нами?

"Будущее не принадлежитъ никому". Пытаться заглянуть въ него опасно. Ибо провидѣніе всегда ограничено; предсказанія неизбѣжно неточны. И все таки историкъ, пробѣжавъ прошлое, неудержимо стремится къ будущему. И политическій дѣятель обязанъ пристально смотрѣть въ будущее, обладать интуиціей будущаго. Иначе, политика его будетъ слѣпа, въ лучшемъ случаѣ, только эмпирически правильна.

Большинство предсказаній мрачно. Не только въ лагерѣ побѣжденныхъ, но и въ лагерѣ побѣдителей. Воздухъ Европы и міра насыщенъ электричествомъ. Миръ права и справедливости не удался. Побѣжденнымъ предписанъ миръ Брена и Наполеона. Европа и Азія балканизированы. Повсюду столкновенія

и неразрѣшимыя противорѣчія. Двѣ трети Европы и весь востокъ еще находятся въ состояніи войны. Міръ разлагается въ анархіи. Міру предстоитъ длительный періодъ хаоса, конфликтовъ и войнъ. Таковы предсказанія.

Одно несомнѣнно. Хотя мирные договоры подписаны, мира еще нѣтъ. Порядокъ еще не наступилъ. Конфликты вспыхиваютъ ежеминутно. Хаосъ бродитъ повсюду. **Но иначе и быть не могло.** Міровая война продолжалась 4 1/2 года. Въ ней принимали участіе 30 малыхъ и большихъ государствъ; 9/10 человѣчества. Было мобилизовано 66 милліоновъ человѣкъ; было убито 9 милліоновъ, ранено 30 милліоновъ. Было израсходовано 1000 милліардовъ франковъ.

Были разорены цѣлыя провинціи и государства. Разгромлены три великія державы. Перекроена карта міра. Если вся эта страшная операція — самая страшная, которая когда либо производилась на тѣлѣ человѣчества — прошла благополучно, если не затронуты жизненные органы современной цивилизаціи, выздоровленіе все равно будетъ длительнымъ и мучительнымъ; и осложненія неизбѣжны. Надо не приходить въ отчаяніе отъ того, что міръ еще содрогается отъ конвульсій и страданій; надо удивляться тому, что черезъ годъ послѣ заключенія перемирія, появляются признаки жизни и оздоровленія.

Если бы человѣчество, переживъ эту страшную катастрофу, осталось безъ твердой руководящей воли, если бы всѣ эти десятки старыхъ перекроенныхъ и вновь выкроеныхъ государствъ были предоставлены самимъ себѣ, длительный періодъ анархіи и войнъ былъ бы неизбѣженъ, и современной цивилизаціи грозила бы серьезная опасность. Перекройка міровой карты производилась по живому тѣлу народовъ, разрушались старые,

крѣпко сросшіеся государственные организмы; національныя страсти достигли крайняго напряженія, соціальныя противорѣчія выявились съ небывалой остротой и обнаженностью. Предполагать, что весь этотъ міровой хаосъ самъ по себѣ претворится въ порядокъ и гармонію и что народы и государства послѣ пяти лѣтъ безпощадной рѣзни спокойно перейдутъ къ мирному и дружественному сожительству, было бы наивно и неосновательно. Былъ короткій моментъ, когда можно было надѣяться, что народы, напуганные пережитой катастрофой и длящимся хаосомъ, заключатъ между собой тѣсный союзъ, свяжутъ себя желѣзной дисциплиной и, подчиняясь твердой, но ими же созданной власти, войдутъ въ новый періодъ міровой исторіи. Но этого не случилось. За то случилось другое. Войну вели двѣ военныя коалиціи, два "военныхъ треста". Одна коалиція разбита, но другая осталась. Изъ военной коалиціи она превращается въ коалицію мирную. "Синдикатъ завоевателей" перестраивается въ "синдикатъ побѣдителей". Это происходитъ, конечно, не потому, что человѣчество жаждетъ какой либо, хотя бы и внѣшней, принудительной организаціи, ищетъ руководящую волю. Это происходитъ, прежде всего, потому, что организація побѣдителей нужна самимъ побѣдителямъ. Мало было побѣдить въ войнѣ, разбить врага, передѣлить между собою карту міра. Надо еще установить миръ, слѣдить за побѣжденнымъ врагомъ, заставить его платить по обязательствамъ, охранять вновь-установленныя границы. Союзникамъ принадлежитъ власть надъ міромъ. Эту власть надо организовать. Надо выработать новый "статутъ міра" и провести его въ жизнь. Таковы задачи "синдиката побѣдителей".

Но главная его задача организовать м и р ъ. Прочный, ничѣмъ не нарушаемый миръ. Ибо миръ для со-

юзниковъ означаетъ спокойное пользованіе выгодами міровой власти, спокойное наслажденіе добытымъ. Новыхъ вожделѣній у союзниковъ нѣтъ и на долгое время быть не можетъ. Міровая карта передѣлена до крайнихъ предѣловъ. Взято все, что можно было взять; не только у враговъ, но и у бывшихъ союзниковъ (Россіи). Всякая война, всякій конфликтъ, даже мѣстный, при переплетенности международныхъ отношеній, грозитъ снова превратиться въ міровую катастрофу и поставить на карту всѣ завоеванія союзниковъ. Война можетъ принести для союзниковъ еще и другую, болѣе страшную опасность. Союзнымъ государствамъ, благодаря побѣдѣ, удалось избѣжать соціальныхъ взрывовъ и анархіи. Но и они истощены до крайности. Новыхъ потрясеній они выдержать не въ состояніи. Новая война неизбѣжно повлечетъ за собой длительный періодъ соціальной смуты. Вотъ почему союзники организуютъ миръ: миръ не только внутри себя, но и на всей той территоріи, на которую распространяется союзническая власть и "вліяніе"; т. е. на всемъ земномъ шарѣ. **Міровая союзническая власть несетъ съ собою всеобщій міръ.** Какъ и во времена римскаго мірового владычества, imperium есть pax. Конечно, это не "миръ народовъ", не "миръ права и справедливости". Это "миръ побѣдителей", "союзническій миръ". — Миръ принудительный, но все таки миръ.

Что можетъ угрожать этому миру? — Франція, въ теченіе полустолѣтія жившая въ ожиданіи германскаго нападенія, продолжаетъ и теперь бредить "германскою угрозою миру". Практическіе американцы смѣются надъ этими страхами. И дѣйствительно, никакихъ основаній для такихъ опасеній не имѣется. Правда, Германія глубоко уязвлена, и шовинистическія настроенія снова зрѣютъ въ ней. Но Германіи и ея побѣжденнымъ

союзникамъ глубокій и длительный миръ еще болѣе нуженъ, чѣмъ державамъ — побѣдительницамъ. Всякое новое, хотя бы и незначительное потрясеніе фатально приведетъ ее къ окончательной гибели. Но и помимо этого, страхи передъ Германіей неосновательны; ибо Германія обезоружена и связана по рукамъ и ногамъ. Германія потеряла 75.000 кв. кил. т. е. около 14% своей территоріи, 8-9 милліоновъ своего населенія; ея могущественнѣйшая армія въ мірѣ сведена къ незначительной полицейской силѣ въ 100 тыс. человѣкъ; у ней отнята вся ея тяжелая артиллерія ((7.200 пушекъ), почти вся легкая артиллерія (изъ 9000 пушекъ оставлено 288), весь военный и воздушный флотъ; срыты всѣ крѣпости на западной границѣ; ей запрещено держать армію на лѣвомъ берегу Рейна и на 50 кил. въ глубину на правомъ берегу; лѣвый берегъ Рейна въ теченіе 15 лѣтъ будетъ занятъ союзными войсками; Германіи разрѣшено вырабатывать военныя снаряженія только въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, и всѣ остальныя приспособленія для выработки военнаго снаряженія будутъ уничтожены; большая часть военныхъ школъ будетъ закрыта и штабы распущены; за всѣмъ этимъ будетъ слѣдить союзническая военная комиссія, а впослѣдствіи комиссія Лиги Націй. Говорить при такихъ условіяхъ о "германской угрозѣ миру", значитъ жить нереальными страхами прошлаго и не видѣть реальной опасности будущаго. Германія, конечно, возродится и, вполнѣ вѣроятно, когда нибудь снова станетъ военной державой, но это можетъ случиться только черезъ многія десятилѣтія, когда все политическое положеніе радикально измѣнится и когда міровая карта снова, быть можетъ, будетъ передѣлена до неузнаваемости.

Мало основательными являются и часто повторяемыя опасенія неизбѣжности военныхъ столкновеній

между вновь образованными небольшими государствами "балканизированной" Европы и передней Азіи. Вполнѣ вѣроятно, что, если бы эти государства были предоставлены самимъ себѣ, частые конфликты и войны между ними были бы неизбѣжны. Но, въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ не такъ. Самостоятельной роли всѣ эти новыя государственныя образованія не играютъ и долго еще играть не будутъ. Всѣ они находятся подъ "протекторатомъ", подъ "покровительствомъ", въ "сферѣ вліянія" союзныхъ державъ. Польша, Чехославія, Югославія находятся въ "сферѣ вліянія" Франціи; Венгрія, Кавказскія республики, Прибалтійскія страны — въ "сферѣ вліянія" Англіи; турецкія провинціи — подъ протекторатомъ Франціи и, преимущественно, Англіи. Союзники не могутъ допустить войнъ между "покровительствуемыми" государствами, являющимися ихъ прямымъ созданіемъ и вызванными къ жизни въ ихъ собственныхъ интересахъ. Такія войны нарушаютъ интересы державъ "покровительницъ", грозятъ перессорить ихъ между собой, вызвать новый міровой конфликтъ. Вотъ почему конфликты между покровительствуемыми государствами разрѣшаются диктаторской волей союзниковъ, и рѣшенія союзниковъ безапелляціоны. Вотъ почему "союзническій миръ" принудительно вводится между государствами — "спутниками" и будетъ неослабно проводится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать союзническая власть надъ міромъ.

Существуетъ только одна реальная угроза миру, и эта угроза таится въ самой союзнической коалиціи, въ самомъ "синдикатѣ побѣдителей". Выдержитъ ли союзническій "синдикатъ", выкованный войной, испытанія мирнаго времени? Не распадется ли онъ на свои составныя части, не вступятъ ли бывшіе союзники

въ новую борьбу между собою? — Историческіе примѣры даютъ скорѣе пессимистическія указанія. "Священный союзъ" распался, просуществовавъ всего десять лѣтъ. И все-таки допустимы и болѣе оптимистическія предположенія. Союзная коалиція, обладающая властью надъ всѣмъ міромъ, насчитываетъ всего пять великихъ державъ. Изъ нихъ только три державы — Франція, Англія, С.-Штаты, — играютъ опредѣляющую роль. Изъ этихъ трехъ великихъ державъ, двѣ — Франція и Англія — на долгое время связаны другъ съ другомъ неразрывной цѣпью. Франція знаетъ, что разорвавъ съ Англіей, она рискуетъ потерять всю свою колоніальную имперію. Франція знаетъ, что одна, безъ Англіи, она будетъ безпомощной на континентѣ и что рано или поздно она будетъ раздавлена. Англія знаетъ, что ея "граница находится на Рейнѣ", и что охранять эту границу будетъ Франція. Англія знаетъ, что безъ союзницы на континентѣ она не будетъ въ состояніи удержать порядокъ въ Европѣ и что роль "жандарма на континентѣ" можетъ выполнить только Франція. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Франція и Англія больше всѣхъ заинтересованы въ установленіи "союзническаго мира", а съ этой цѣлью и въ сохраненіи союзнической коалиціи. Ибо "союзническій миръ" есть вмѣстѣ съ тѣмъ и миръ "англо-французскій", а, въ нѣкоторой мѣрѣ и просто "миръ англійскій". Франція, въ результатѣ побѣды, настолько "насыщена" пріобрѣтеніями, что ей нуженъ длительный промежутокъ времени, чтобы привести въ порядокъ свои владѣнія, прежде чѣмъ она съумѣетъ ихъ использовать. Мѣра ея устремленій не только исполнена, но и далеко превозойдена. Англія достигла такихъ результатовъ, на которые она врядъ ли могла и разсчитывать. Не только осуществилась ея мечта о жел.-дорожной линіи черезъ всю Африку отъ Капштадта до Каира, но эта линія можетъ быть те-

перь продолжена и дальше черезъ Палестину, Аравію, Мессопотамію, Персію, вплоть до Индіи, до Дельфъ. Сохранить всѣ эти завоеванія является теперь главной задачей Франціи и Англіи. Вотъ почему Франція и Англія будутъ стремиться во что бы то ни стало, сохранить "союзническій миръ" и будутъ укрѣплять съ этой цѣлью союзническую коалицію. Вотъ почему франко-англійскій союзъ является "ключемъ свода" и "союзническаго мира" и союзнической коалиціи.

Не будутъ взрывать "союзническаго мира" и С.Штаты Америки.С.Штаты будируютъ и недовольны миромъ. "Союзническій миръ" кажется имъ черезчуръ "англійскимъ миромъ", а потому несправедливымъ. Они недовольны усиленіемъ Японіи на Дальнемъ Востокѣ и не хотятъ брать на себя роль охранителей "союзническаго мира" въ Европѣ. Но и С. Штаты много выиграли отъ войны. За первые годы войны они нажили отъ 80 до 100 милліардовъ франковъ, ихъ промышленность и торговля достигли головокружительной высоты, они стали банкирами и поставщиками всей Европы. Признаніе доктрины Монро союзниками означаетъ предоставленіе обоихъ материковъ Америки (за исключеніемъ англійскихъ владѣній) въ полное распоряженіе С. Штатовъ и утвержденіе ихъ гегемоніи въ Новомъ Свѣтѣ. С. Штаты съ начала XX вѣка вступили на путь міровой политики и въ имперіалистическомъ отношеніи они еще далеко не "насыщены". Но ихъ имперіалистическія устремленія пока не выходятъ за предѣлы американскихъ материковъ. Ихъ политика на Дальнемъ Востокѣ сводится къ борьбѣ съ растущимъ вліяніемъ Японіи, къ желанію сохранить неприкосновенной китайскую имперію, къ "политикѣ открытыхъ дверей". Ихъ имперіалистическія устремленія направлены на мирное завладѣніе американскими материками. Здѣсь открывается широкое поле

для ихъ дѣятельности, и эта дѣятельность можетъ поглотить ихъ на многія десятилѣтія. Вотъ почему нѣтъ основаній предполагать, что С. Штаты могутъ стать угрозой “союзническому миру” и будутъ взрывать союзническую коалицію. Въ “синдикатѣ побѣдителей” С. Штаты будутъ занимать нѣсколько обособленную позицію, возьмутъ на себя роль охранителей мира на американскихъ материкахъ, будутъ только въ исключительныхъ случаяхъ вмѣшиваться въ европейскія дѣла. Но въ настоящее время они настолько уже втянуты въ міровую политику, ихъ участіе въ войнѣ было настолько значительно, ихъ собственные интересы, наконецъ, настолько связаны съ состояніемъ міра, что отойти совсѣмъ въ сторону и отказаться отъ участія во власти надъ міромъ, они не захотятъ и не будутъ въ состояніи. И въ этомъ отношеніи большого значенія не будетъ имѣть, съ какими оговорками подпишутъ они Версальскій міръ и войдутъ въ Лигу Націй.

Изъ двухъ остальныхъ союзныхъ державъ — Италіи и Японіи — Италія будетъ находиться въ сильной зависимости отъ Англіи и будетъ итти на поводу у англо-французскаго соглашенія.

Японія была и останется самымъ слабымъ мѣстомъ союзнической коалиціи. Японія — молодая имперіалистическая держава, сильно выросшая и въ экономическомъ и въ военномъ отношеніи за время войны. Она неудержимо стремится къ распространенію по берегамъ Тихаго океана и къ захвату восточныхъ областей Китая и Сибири. У ней есть свой имперіалистическій идеалъ — ”японскій миръ“ на дальнемъ востокѣ; своя Доктрина Монро — Азія для азіатовъ.

И въ этомъ отношеніи ея интересы попадаютъ въ неразрѣшимое противорѣчіе съ интересами С. Штатовъ. С. Штаты не могутъ допустить гегемоніи Японіи

на дальнемъ востокѣ, не могутъ отдать Тихій океанъ въ ея монопольное распоряженіе. И готовы оружіемъ воспрепятствовать ея дальнѣйшему распространенію. И, дѣйствительно, страхъ передъ С. Штатами въ значительной мѣрѣ умѣряетъ имперіалистическія устремленія Японіи. Система "политическаго равновѣсія", сломленная въ Европѣ, устанавливается на дальнемъ востокѣ. Устойчивость этого равновѣсія будетъ, въ значительной степени, опредѣляться поведеніемъ Англіи. Союзъ Англіи съ Японіей былъ направленъ противъ Россіи, но не противъ С. Штатовъ. Постоянно опасаясь за судьбы Индіи и допуская возможность будущихъ столкновеній съ С. Штатами, Англія и теперь будетъ сохранять свой союзъ съ Японіей. Но она не можетъ поддерживать Японіи въ ея борьбѣ съ С. Штатами, не только изъ нежеланія ссориться съ ними, но и изъ опасенія придти въ столкновеніе съ своими австралійскими колоніями. Вотъ почему Англія будетъ стремиться сохранить statu quo на дальнемъ востокѣ и будетъ всячески стараться не допустить вооруженнаго столкновенія между Японіей и С. Штатами.

Такимъ образомъ перспективы "союзническаго мира", за исключеніемъ слабаго пункта на дальнемъ востокѣ, кажутся довольно благопріятными. Союзники и, въ особенности, Англія и Франція, будутъ употреблять всю свою волю, чтобы сохранить миръ и укрѣпить съ этой цѣлью связь между собой. И съ точки зрѣнія этой исторической перспективы, неожиданный свѣтъ падаетъ на тотъ загадочный институтъ, который получилъ названіе Версальской Лиги Націй.

Энтузіасты этого института видятъ въ Версальской Лигѣ Націй начало новой эры человѣческихъ отношеній, пророчатъ ей великое будущее, называютъ ее "священнымъ союзомъ свободныхъ народовъ". Противники

считаютъ Лигу простой декорацiей, предназначенной для обмана народныхъ массъ, видятъ въ ней не орудiе мира, а "гигантскiй трэстъ войны". Спокойный анализъ даетъ другiя указанiя. Конечно, Версальская Лига Нацiй мало походитъ на "священный союзъ народовъ", конечно, она не предназначена для установленiя братства и справедливости въ международныхъ отношенiяхъ. Только длительныя и упорныя усилiя подлинныхъ демократiй могутъ заставить ее вступить на этотъ путь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Лига не декорацiя, не "орудiе войны". Лига — орудiе мира; но не "мира народовъ", а мира побѣдителей, "союзническаго мира". Договоръ устанавливающiй Лигу Нацiй, является прямымъ придаткомъ Версальскаго договора. Его задача—привести въ исполненiе Версальскiй договоръ, охранять прiобрѣтенiя союзниковъ.

Но главная его задача — сохранять миръ. Утверждая "союзническй миръ", союзники не могли остановиться на рѣшенiи: принимать необходимыя для прекращенiя конфликтовъ мѣры отъ случая къ случаю. Это было бы не экономно и опасно. Надо было соорудить "крѣпкую машину" для того, чтобы предупреждать возможныя столкновенiя, сокращать излишнiя вооруженiя, разрѣшать возникшiе конфликты. Неладно скроенная Лига Нацiй можетъ прекрасно выполнять эту задачу, пока будетъ нужда въ "союзническомъ мирѣ", пока будетъ существовать союзъ побѣдителей. Когда нужда пройдетъ, "машина" будетъ сдана въ разборъ, какъ ненужная вещь; если къ тому времени она не будетъ замѣнена болѣе совершеннымъ орудiемъ человѣческаго прогресса.

Если хаосъ, вызванный войной, не поглотитъ и страны — побѣдительницы, если европейская цивилизацiя выдержитъ переживаемыя потрясенiя, тогда много

указаній говоритъ за то, что человѣчеству предстоитъ пережить болѣе или менѣе длительный періодъ мира.

Въ этомъ случаѣ, въ міровой книгѣ исторіи, за страшной главой: "міровая война 1914—1919 года", развернется новая глава, носящая названіе: "союзническій миръ".

IV.

Было бы глубоко неисторичнымъ предполагать, что союзническая власть надъ міромъ и "союзническій миръ" несутъ съ собою насиліе и угнетеніе подчиненнымъ народамъ. "Союзническій миръ" есть вмѣстѣ съ тѣмъ, и прежде всего, "англійскій миръ" или, еще точнѣе, "миръ англо-саксонскій". Ибо громадная часть человѣчества будетъ находиться подъ властью и въ "сферѣ вліянія" Англіи и С. Штатовъ. И англо-саксонскій геній будетъ опредѣлять характеръ союзнической власти надъ міромъ. Та мудрость и умѣренность въ системѣ управленія, которыя были такъ свойственны римскому генію, въ большой степени свойственны и генію англо-саксонскому. И такъ же хорошо, какъ римляне въ 1-омъ вѣкѣ послѣ Р. Х., знаютъ англо-саксы въ XX вѣкѣ, что нельзя управлять міромъ противъ воли народовъ. Завоевавъ Кубу и Филиппины, С. Штаты черезъ самое короткое время предоставили имъ почти полную самостоятельность въ управленіи. Гегемонію на американскихъ материкахъ проводятъ они съ величайшей осторожностью и осмотрительностью. И англичане, подчинивъ буровъ, дали имъ такое свободное управленіе и такъ сумѣли ихъ привязать къ себѣ, что буры въ настоящее время уже чувствуютъ внутреннюю связь съ своей метрополіей и безъ принужденія, по собственной волѣ, сражались съ Германіей на сторонѣ своихъ вчерашнихъ побѣдителей. Можно осуждать Англію за ея

способы борьбы съ національными теченіями въ Ирландіи, Египтѣ и Индіи и можно сочувствовать стремленію этихъ странъ къ независимости, но нельзя отрицать того, что за всѣ тысячелѣтія своего существованія Египетъ и Индія никогда, относительно, такъ хорошо не управлялись и не достигали такого благосостоянія, какъ въ настоящее время подъ британскимъ владычествомъ. И можно легко допустить, что, когда пройдетъ возбужденіе, вызванное войной, англичане рядомъ либеральныхъ мѣръ сумѣютъ привязать къ себѣ и Египетъ и Индію, такъ же какъ они привязали къ себѣ Австралію, Канаду и Южную Африку. Сила притяженія Британской Имперіи такъ велика, что и теперь многіе "самоопредѣляющіеся" народы стремятся связать свою судьбу съ нею. Кавказскія республики, Прибалтійскія страны, отдѣляясь отъ Россіи, знаютъ, что этимъ онѣ не достигаютъ независимости и тотчасъ же попадаютъ въ "сферу вліянія" Англіи. Но это ихъ нисколько не пугаетъ. Наоборотъ, они всячески добиваются англійскаго покровительства, ибо ждутъ отъ него благъ и выгодъ. Организующаяся еврейская нація добровольно выбираетъ англійскій протекторатъ въ Палестинѣ, предпочитая его полной независимости. Великобританскій Commonwealth of Nations и будетъ, по всей вѣроятности, прототипомъ союзническаго "статута міра". Построенный по англійскому типу міровой "Commonwealth of Nations" очень мало будетъ походить на "свободную федерацію народовъ"; и элементы силы и принужденія, несомнѣнно будутъ играть значительную роль въ отношеніяхъ между государствами.Но нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что небольшія государства будутъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ они были при довоенномъ устройствѣ міра, и что народы будутъ больше страдать, чѣмъ они страдали раньше.

Вліяніе союзнической власти должно сказаться, главнымъ образомъ, на внѣшней политикѣ "покровительствуемыхъ" государствъ. Много есть основаній предполагать, что союзники должны будутъ избѣгать вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, представятъ имъ широкую свободу во внутреннемъ самоуправленіи. Но это далеко не значитъ, что вліяніе союзниковъ не отразится и на внутренней жизни народовъ. Устанавливая миръ и порядокъ въ международныхъ отношеніяхъ, союзники не могутъ допустить войны и безпорядка во внутренней жизни государствъ. Гражданская война и гражданскій безпорядокъ всегда грозятъ перейти за границы даннаго государства, захватить другія страны и могутъ стать опасными для мира. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что съ этимъ союзники будутъ безпощадно бороться. Совѣтскій "безпорядокъ" въ Венгріи былъ прекращенъ волей союзниковъ. Опубликованные въ французскомъ парламентѣ документы устанавливаютъ, какое опредѣляющее вліяніе имѣла союзническая власть на ходъ германской революціи. Такъ же, по всей вѣроятности, будутъ дѣйствовать союзники и въ другихъ странахъ.

Скажется союзническое вліяніе и на политическомъ строѣ руководимыхъ союзниками государствъ. Союзники должны будутъ бороться съ реставраціонными и крайними реакціонными теченіями среди народовъ, должны будутъ поддерживать демократическія формы правленія, умѣренныя демократическія политическія теченія (1). Не изъ любви къ свободѣ и демократіи будутъ

---

[1]) Нота союзниковъ къ Венгріи отъ 2 февраля 1920 года гласитъ:

«Il n'entre pas dans les intentions, pas plus qu'on ne peut considérer comme le devoir, des principales puissances alliées d'intervenir dans les affaires intérieures de la Hongrie ni de dicter au peuple hongrois la forme de gouvernement ou de constitution qu'il doit adopter pour lui-même; cependant les puissances ne sauraient admettre que la restauration de la dynastie des Habsbourg puisse être considérée comme une question intéressant uniquement la na-

они это дѣлать, а изъ соображеній реальной политики: политическая реставрація и реакція въ средѣ побѣжденныхъ и даже покровительствуемыхъ народовъ неизбѣжно вызовутъ шовинистическія и имперіалистическія настроенія и будутъ накоплять угрозу союзнической власти и "союзническому миру". Но и помимо этихъ соображеній, союзники хорошо знаютъ мудрое политическое правило, которымъ руководились и римляне 19 вѣковъ тому назадъ: чтобы управлять народами, власть должна опираться на мѣстныя силы, внутренне ей сочувствующія, внутренне къ ней тяготѣющія. Союзническая власть есть власть демократическая; конечно, въ условномъ, западно-европейскомъ значеніи этого слова. Во главѣ союзнической коалиціи стоятъ три великія демократіи. Стремясь опереться на мѣстныя силы и привлечь къ себѣ симпатіи подчиненныхъ народовъ, союзники принуждены будутъ поддерживать среди этихъ народовъ демократическія теченія, всегда болѣе всѣхъ другихъ тяготѣвшія къ союзническимъ демократіямъ, и укрѣплять формы правленія, наиболѣе приближающія къ ихъ собственнымъ. Здѣсь съ неизбѣжностью долженъ произойти тотъ процессъ, который часто наблюдался въ міровой исторіи и который съ наибольшей яркостью выразился въ исторіи древне-греческихъ государствъ: побѣдившее государство опредѣляетъ форму политическаго строя въ государствахъ побѣжденныхъ и государствахъ зависимыхъ. Когда побѣждала монархическая и аристократическая Спарта, во всѣхъ греческихъ государствахъ возстанавливалась монархія и власть попадала въ руки аристократическихъ партій; когда побѣждали Аѳины, троны падали и къ власти приходили пар-

---

tion hongroise. Elles déclarent donc par la présente, qu'une restauration de cette nature serait en désaccord avec les bases même du réglement de la paix, et ne serait par elles ni reconnue ni tolérée».

тіи демократическія. То же случилось и въ настоящей войнѣ. Когда побѣждала Германія, въ цѣломъ рядѣ вновь создаваемыхъ государствъ — Польшѣ, Литвѣ, Финляндіи, Лифляндіи — созывались полуфеодальныя представительныя учрежденія и усиленно подыскивались кандидаты на престолы. И когда побѣдила союзническая коалиція, исчезли и троны и феодальные сеймы не только въ зависѣвшихъ отъ Германіи государствахъ, но и въ самой Германіи. — "Союзническій миръ" съ неизбѣжностью долженъ привести къ торжеству демократическаго строя; если не во всемъ мірѣ, то во всей Европѣ.

Вмѣстѣ съ миромъ и установленіемъ порядка наступитъ, по всей вѣроятности, и экономическій подъемъ. Конецъ XIX вѣка и начало XX-го — эпоха небывалаго въ міровой исторіи экономическаго расцвѣта. Война прервала этотъ процессъ. Но не вездѣ. Разоривъ Европу, она дала сильный толчекъ экономическому развитію Америки и Японіи. Экономическая и финансовая мощь Соединенныхъ Штатовъ Америки достигла такихъ головокружительныхъ размѣровъ, что скептики предсказываютъ конецъ экономической гегемоніи Европы и переходъ центра міровой жизни въ Новый Свѣтъ. Можно спорить о томъ, кому будетъ принадлежать первенство — Европѣ или Америкѣ, — но трудно сомнѣваться въ томъ, что союзническая Европа, если она справится съ политическимъ хаосомъ, черезъ самое короткое время вступитъ въ полосу экономическаго процвѣтанія (1). Передъ союзниками раскрывается необъятное поле хозяйственной дѣятельности; въ

[1]) На сколько быстро возстанавливается экономическая жизнь, можно судить по тому, что несмотря на громадныя потери во время войны, торговый флотъ всего міра (суда, вмѣщающія болѣе 100 тоннъ) увеличилъ свой тоннажъ съ 43,640,530 тоннъ въ 1914 году до 45,716,236 тоннъ въ 1919 году.

ихъ распоряженіи находятся всѣ рынки сбыта и рынки сырья. Отъ нихъ зависитъ распредѣленіе сырыхъ матеріаловъ между странами обрабатывающей промышленности; и благодаря неограниченному политическому вліянію, они будутъ пользоваться преимуществами передъ своими конкурентами на любомъ рынкѣ сбыта. Экономическая мощь приходитъ всегда вслѣдъ за мощью политической. "Le fer amène l'or". Англія за первый же годъ мира достигла удивительныхъ результатовъ, и ея экономическая машина уже работаетъ полнымъ ходомъ. Франція еще поглощена возстановленіемъ разоренныхъ провинцій и налаживаніемъ разстроеннаго экономическаго аппарата. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что благодаря громаднымъ пріобрѣтеніямъ ископаемыхъ богатствъ (угля, желѣза, поташа), присоединенію промышленныхъ провинцій и необъятной колоніальной имперіи, Франція черезъ нѣкоторое время станетъ одной изъ первыхъ индустріальныхъ странъ Европы (1).

Въ тяжеломъ положеніи останется Германія. Германія разбита не только политически; она сломлена и въ экономическомъ отношеніи. Если Франція добилась почти полнаго военнаго разоруженія Германіи, то Англія сдѣлала все возможное, чтобы разоружить ее и экономически. Преклоненіе передъ экономической мощью Германіи до войны было такъ велико, что и теперь многіе вѣрятъ въ ея чудодѣйственное возрожденіе и въ преодолѣніе всѣхъ ея конкурентовъ. Но эта вѣра ни на чемъ не основана. Для экономической мощи страны недо-

---

[1]) Благодаря территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ добыча желѣза во Франціи увеличивается съ 20 до 40 милл. тоннъ; угля на 17 мил. тоннъ; выплавка чугуна и стали – съ 5.200.000 на 11.400.000 тоннъ. Франція выходитъ на первое мѣсто въ мірѣ по добычѣ желѣза; на второе — по выработкѣ чугуна и стали. Выработка шерстяныхъ произведеній увеличивается на 25 проц; произведеній изъ хлопка на 30 проц.

статочно одного хозяйственнаго генія народа; нужны еще и объективныя условія — естественныя богатства, рынки сырья, рынки сбыта, политическое вліяніе для проведенія своей экономической политики. Всего этого Германія, въ значительной мѣрѣ, лишилась. Въ отторгнутыхъ областяхъ она потеряла 30 0/0 своего угля, 63 0/0 олова, 75 0/0 желѣза, 82 0/0 цинка. Всѣ ея колоніи перешли въ чужія руки. Доступъ къ рынкамъ сырья зависитъ отъ союзниковъ. Рынки сбыта захвачены конкурентами и ихъ придется снова отвоевывать. Но самое страшное для Германіи въ томъ, что союзники взяли у ней все, что могли, наложили на нее громадныя финансовыя обязательства и оставили ее экономически совершенно безпомощной. Германія теряетъ почти весь свой торговый флотъ (4 1/2 милл. тоннъ изъ 5 милл.), свои подводные кабели; все ея имущество заграницей конфискуется; ея заграничныя концессіи поступаютъ въ распоряженіе союзниковъ; ея рѣки будутъ находиться подъ интернаціональнымъ контролемъ; за союзниками сохраняется право надзора за ея финансами. Германія должна уплатить въ теченіе 30 лѣтъ около 300 милліардовъ франковъ; въ годъ, вмѣстѣ съ процентами, она должна вносить около 18 милліардовъ. Конечно, всего заплатить она не сумѣетъ, но за то она будетъ всецѣло въ рукахъ союзниковъ. Въ уплату перваго взноса въ 25 милліардовъ франковъ союзники взяли имуществомъ у Германіи все, что нашли. Во французской палатѣ депутатовъ, въ засѣданіи отъ 11 сентября 1919 г., министръ Loucheur сказалъ: «Nous avons pris tout ce qu'il y avait, tout ce qui exisait. Je vous garantis que nous n'avons rien laissé et que nous nous sommes réunis plusieurs fois pour examiner si l'un de nous n'avait pas oublié quelque chose.» Если Германію окончательно не разорили и если ее не добьютъ въ ближайшіе годы средства-

ми, въ полной мѣрѣ находящимися въ распоряженіи союзниковъ, то только потому, что Германія — должникъ, а союзники — кредиторы. Германіи дадутъ немного оправиться для того, чтобы она могла платить по обязательствамъ. Но не больше. Возстановить ея былую мощь ей не позволятъ и на арену міровой конкуренціи ее не допустятъ. По крайней мѣрѣ, въ ближайшія десятилѣтія.

Зато можно, съ большой степенью вѣроятности, предполагать, что экономическій расцвѣтъ въ союзническихъ странахъ распространится и на страны, добывающія сырье и продукты питанія. Ибо сырье и продукты питанія нужны союзникамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ эти страны являются рынками сбыта и мѣстомъ приложенія для союзническаго капитала. Развитой капитализмъ, эксплоатируя "аграрныя" страны, не разоряетъ ихъ; наоборотъ, вызывая къ жизни скрытыя экономическія силы, онъ способствуетъ ихъ хозяйственному развитію. Англія, получая громадныя матеріальныя выгоды отъ своихъ заокеанскихъ владѣній, вмѣстѣ съ тѣмъ помогла имъ подняться на удивительную высоту хозяйственнаго благосостоянія. И сейчасъ, захвативъ Месопотамію,, она лихорадочно работаетъ, чтобы вернуть эту страну культурѣ: проводитъ дороги, осушаетъ болота, устраиваетъ орошеніе. Пройдутъ десятилѣтія и возможно, что пустынная Месопотамія, какъ и Египетъ, снова сдѣлается "житницей міра". Если римскій деспотъ Тиверій понималъ, что "надо стричь овецъ, не сдирая съ нихъ кожи", то и современные властители міра хорошо понимаютъ, что благосостояніе ихъ странъ зависитъ отъ благосостоянія странъ подчиненныхъ и опекаемыхъ. Это даетъ основаніе предполагать, что, если "союзническій миръ" удастся, человѣчеству предстоитъ пережить длительный періодъ экономическаго процвѣтанія.

Вмѣстѣ съ экономическимъ расцвѣтомъ неизбѣжно долженъ прійти и расцвѣтъ культурный. Нельзя предвидѣть, будетъ ли это періодъ культурныхъ "вершинъ" и достиженій. Но можно, съ большой степенью вѣроятности, предполагать, что это будетъ эпоха широкаго распространенія европейской цивилизаціи на всемъ земномъ шарѣ. Распространяющаяся матеріальная культура приведетъ за собою и культуру духовную. Пусть эта вывозная культура будетъ самаго низкаго качества. Все равно, прикасаясь къ дремлющимъ въ культурномъ забытьѣ или еще нетронутымъ культурой народамъ, эта "колоніальная" культура вызываетъ приливъ духовныхъ силъ и часто пробуждаетъ къ жизни старыя замершія культуры. Римская цивилизація, прикоснувшись къ востоку, оживила древне-восточныя культуры. Англійское владычество разбудило культуру Индіи. Отъ соприкосновенія съ Европой ожила культура Японіи. И можетъ быть, за періодомъ широкаго распространенія единой европейской цивилизаціи, человѣчеству предстоитъ пережить эпоху многоликихъ культуръ, равно-цѣнныхъ и равно-прекрасныхъ.

Какъ будетъ протекать внутренняя жизнь властителей міра — союзниковъ? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ опредѣляющее значеніе. Если внутренняя жизнь союзническихъ народовъ будетъ протекатъ спокойно и безъ взрывовъ, тогда установленіе "союзническаго мира" вполнѣ вѣроятно. И наоборотъ. Если правы тѣ, которые утверждаютъ, что человѣчество вступило въ полосу соціальныхъ взрывовъ и революцій, тогда о "союзническомъ мирѣ" не можетъ быть и рѣчи. При этомъ можно предполагать, что революціи въ странахъ побѣжденныхъ не будутъ имѣть большого вліянія на ходъ міровой исторіи. Онѣ вспыхиваютъ обычно вслѣдъ за

пораженіемъ и являются скорѣй продуктами соціальнаго разложенія, чѣмъ выраженіемъ творческаго процесса, не уложившагося въ рамки стараго строя. Продержавшись нѣкоторое время, онѣ или будутъ раздавлены внѣшней силой, или замрутъ сами собой. Вообще вліяніе побѣжденныхъ странъ на судьбы міра еще долгое время будетъ чрезвычайно ограниченнымъ. Зато не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что соціальные перевороты въ средѣ побѣдителей будутъ имѣть рѣшающее значеніе для человѣчества. Власть надъ міромъ находится въ рукахъ побѣдителей, и судьбы побѣдителей опредѣлятъ и судьбы міра.

Трудно и опасно дѣлать какіе либо прогнозы въ этомъ отношеніи. Соціальные взрывы опредѣляются не только объективными условіями; громадную роль играетъ при этомъ и таинственная психологія массъ. Надо, однако, сказать, что тѣ признаки приближающейся революціи, на которые обычно указываютъ, не имѣютъ рѣшающаго характера. Соціальный организмъ Европы, безспорно, сильно потрясенъ войной; и соціальное броженіе достигло извѣстнаго напряженія даже въ странахъ побѣдительницахъ. Тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что, въ общемъ и цѣломъ, существующій общественный строй выдержалъ испытанія войны и что европейская цивилизація, въ ея нынѣшней формѣ, не обнаружила серьезныхъ признаковъ разложенія. Нельзя забывать также, что европейская цивилизація въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, переживала не эпоху упадка, а эпоху величайшаго расцвѣта. И что великія цивилизаціи не рушатся и даже не мѣняютъ радикально своей формы, не переживъ длительнаго періода разложенія и трансформаціи.

Но и помимо этихъ соображеній имѣется много по-

казаній, предостерегающихъ противъ поспѣшныхъ выводовъ о неизбѣжности революціи. Рабочій классъ, который долженъ быть двигающей силой революціи, еще не достигъ той степени мощи и сознательности, когда компромиссъ — даже цѣною серьезныхъ уступокъ со стороны правящихъ классовъ — становится невозможнымъ. А между тѣмъ правящіе классы хотятъ итти на большія уступки и могутъ итти. Выгоды, которыя даетъ власть надъ міромъ, такъ велики, что ими можно подѣлиться, не нанося себѣ большого ущерба. Грубую характеристику далъ этому явленію глава совѣтской Россіи — Ленинъ: "Эксплуатація угнетеныхъ націй, неразрывно связанная съ аннексіями, и особенно эксплоатація колоній горсткой "великихъ" державъ все больше превращаетъ "цивилизованный" міръ въ паразита на тѣлѣ сотенъ милліоновъ нецивилизованныхъ народовъ... Привиллегированная прослойка пролетаріата имперіалистическихъ державъ живетъ отчасти на ихъ же счетъ". "Буржуазія "великой" имперіалистической державы экономически можетъ подкупать верхнія прослойки "своихъ" рабочихъ, бросая на это сотенку—другую милліоновъ франковъ въ годъ, ибо ея сверхприбыль составляетъ, вѣроятно, около милліарда" (1). И, дѣйствительно, опасаясь революціонныхъ взрывовъ, "буржуазія" союзныхъ государствъ идетъ на большія уступки. Она готова подѣлиться выгодами съ своимъ рабочимъ классомъ, готова допустить его къ участію во власти надъ міромъ. Экономическія требованія рабочихъ удовлетворяются съ большою поспѣшностью. Восьмичасовой рабочій день проведенъ во всѣхъ союзническихъ странахъ. Англійское правительство обязалось выстроить для своего рабочаго класса 500,000 здоровыхъ жилищъ и, конечно, выстроитъ.

[1]) Сборникъ соціалъ-демократа. № 2. 1916 г.

ихъ. Въ версальскій договоръ введенъ цѣлый отдѣлъ о "трудѣ" и создается "международное бюро труда". Учрежденіе это такъ же мало предназначено "для обмана народныхъ массъ", какъ и "Лига Націй". Желая спокойно править міромъ, союзники должны добиться примиренія съ своимъ рабочимъ классомъ. Уступая своему рабочему классу въ вопросахъ соціальнаго законодательства, они боятся конкуренціи другихъ странъ. И съ этой цѣлью вводятъ обязательное международное рабочее законодательство. «Attendu que la Société des Nations a pour but d'établir la paix universelle... Attendu qu'il existe des conditions de travail impliquant pour un grand nombre de personnes l'injustice, la misère et les privations, *ce qui engendre un tel mécontentement que la paix et l'harmonie universelles sont mises en danger...* Attendu que *la non-adoption par une nation quelconque d'un régime de travail réellement humain fait obstacle aux efforts des autres nations* désireuses d'améliorer le sort des travailleurs dans leurs propres pays...» (1).

Надо сознаться, что и рабочій классъ союзническихъ государствъ далеко не остается равнодушнымъ къ выгодамъ и соблазнамъ , которые несетъ съ собою власть надъ міромъ. Рѣшительный и требовательный въ вопросахъ внутренней жизни, въ особенности, въ вопросахъ, затрагивающихъ его ближайшіе интересы, онъ какъ то сразу теряетъ весь пафосъ и всю энергію, когда дѣло доходитъ до вопросовъ, касающихся побѣжденныхъ враговъ и другихъ подчиненныхъ народовъ. Въ англійской палатѣ депутатовъ Версальскій договоръ почти не встрѣтилъ оппозиціи со стороны рабочей партіи. Во французской палатѣ главный докладчикъ по

---

[1]) Traité de Paix. Partie XIII. Travail. Section 1.

вопросу о Версальскомъ договорѣ, Барту, сказалъ: "Здѣсь не найдется ни одного соціалиста.... который бы заявилъ, что договоръ слишкомъ тяжелъ для Германіи. Договоръ долженъ быть строго исполненъ". (Горячіе апплодисменты). Такое же заявленіе сдѣлалъ одинъ изъ бельгійскихъ соціалистовъ въ бельгійской палатѣ. Говоря о финансовыхъ обязательствахъ, которыя принуждена была, согласно договору, взять на себя Германія, соціалистическій депутатъ Bedouce, въ своей рѣчи во французской палатѣ, заявилъ: "Если возможно допустить нѣкоторыя послабленія, то только въ срокахъ платежа, но не въ его размѣрахъ". Французскіе соціалисты допускали критику договора, но, главнымъ образомъ, за счетъ англичанъ. Англійскіе депутаты Трудовой партіи, объѣхавъ Ирландію, пришли къ заключенію, что независимость Ирландіи недопустима... Все это дѣлаетъ очень вѣроятнымъ предположеніе, что человѣчеству еще придется прожить нѣкоторое время въ старыхъ формахъ европейской цивилизаціи. Компромиссъ между правящими классами союзническихъ націй и ихъ рабочимъ классомъ можетъ быть найденъ. "Мирная революція" будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, совершаться. Но до настоящей соціальной революціи дѣло, по всей вѣроятности, не дойдетъ. И "союзническій миръ" на землѣ будетъ установленъ.

Громадное вліяніе окажетъ "союзническій миръ", если союзническая власть надъ народами утвердится, и на судьбы Россіи. Слѣпы тѣ политики, которые хотятъ связать судьбы Россіи съ Германіей. Германія — страна побѣжденная. Связать себя съ нею значитъ раздѣлить ея тяжелую участь. Союзники не простятъ Россіи ея ухода къ врагу. Удары, которые будутъ падать на Германію, будутъ падать и на Россію. Если бы Гер-

манія и захотѣла помочь Россіи и имѣла для этого матеріальныя возможности — что мало вѣроятно, — все равно, союзники не позволятъ ей сдѣлать это. И, наоборотъ, если союзники захотятъ возстановить Россію, они сдѣлаютъ это самостоятельно, а не черезъ посредство Германіи. Россія должна затаить въ себѣ обиду противъ союзниковъ и еще лучше — совсѣмъ забыть ее. Политическій разумъ требуетъ, чтобы Россія не отрывалась отъ союзныхъ народовъ. И союзники должны будутъ измѣнить свою политику по отношенію къ ней. У нихъ есть большія политическія объязательства передъ Россіей; ихъ экономическая связь съ Россіей неразрывна; опасность сдѣлать изъ Россіи непримиримаго противника — грозна. Все это должно заставить союзниковъ искать компромисса съ Россіей; и можно предполагать, что этотъ компромиссъ будетъ найденъ.

Должно сказаться вліяніе "союзническаго мира" и на политическомъ строѣ Россіи. Союзническая власть и Совѣтская власть — явленія несовмѣстимыя. Союзническая власть стремится организовать м и р ъ: миръ между государствами и миръ внутри государствъ. Совѣтская власть — по опредѣленію ея носителей — есть "организованная гражданская война". Эту гражданскую войну она стремится вызвать во всѣхъ странахъ, не останавливаясь при этомъ передъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ ("революціонная война"). По существу своему обѣ власти — міроваго характера. "Союзническій миръ" будетъ построенъ на пескѣ, если сохранится совѣтская власть, задача которой — вызвать міровую гражданскую войну. И совѣтская власть обречена на неизбѣжную гибель, если она останется "оазисомъ" среди враждебной ей союзнической стихіи. Вотъ почему борьба между этими двумя силами неотвратима. Эта

борьба можетъ принимать различныя формы. Возможно, что вооруженная борьба временно прекратится. Но такъ же, какъ борьба между Наполеономъ и Англіей, она можетъ закончиться только полнымъ уничтоженіемъ одной изъ сторонъ. Много соображеній говоритъ за то, что и на этотъ разъ побѣда останется на сторонѣ Англіи и ея союзниковъ.

Пораженіе Совѣтской власти не будетъ обозначать обязательно — какъ это многіе полагаютъ — побѣду реакціи и, быть можетъ, даже реставраціи. Реакціонныя настроенія, какъ и послѣ всякой революціи, неизбѣжны. И внутреннее устремленіе Россіи къ реакціи вполнѣ вѣроятно. Но не надо забывать, что эта тенденція встрѣтится съ міровой тенденціей къ демократизаціи и что она противорѣчитъ интересамъ "союзническаго мира"; реакціонная Россія — Россія имперіалистическая. Вотъ почему можно предполагать, что—послѣ неяснаго переходнаго періода — Россія, если она преодолѣетъ совѣтскую "смуту", пойдетъ по путямъ Западной Европы; и что ея политическій строй, въ концѣ-концовъ, приметъ формы, свойственныя европейской цивилизаціи.

Будущее темно и обманчиво. И всякій прогнозъ можетъ показаться впослѣдствіи жалкимъ и смѣшнымъ измышленіемъ. И все-таки, политическій дѣятель обязанъ пристально всматриваться въ будущее. Неизбѣжныя ошибки простятся ему. Зато правильный прогнозъ необычайно облегчитъ трудный путь его — шагъ его станетъ твердымъ и рѣшенія дальновидными.

И. Бунаковъ.

———

РАЗВАЛИНЫ.

Покуда громадный, желтый, сверкавшій лакомъ автомобиль "Городъ Ипръ" сердито ворчалъ на крупныхъ, широкозадыхъ, съ мохнатыми ногами лошадей и на тяжело нагруженныя телѣги съ высокими колесами, загородившія ему широкую улицу предмѣстья Парижа, ведущую на большую Марнскую дорогу, — Иванъ Ивановичъ глядѣлъ на посланныхъ ему судьбою одиннадцать попутчиковъ на цѣлую недѣлю. Какъ это приличествуетъ русскому интеллигенту, усердно читавшему всю жизнь по всѣмъ вопросамъ, но только не по своей инженерской специальности, которую такъ ненавидѣлъ, что въ Россіи не занимался ею, — Иванъ Ивановичъ обобщалъ первыя впечатлѣнія, философствовалъ и возводилъ маленькіе факты въ категорію. Онъ вспомнилъ шопенгауэровское опредѣленіе трехъ основныхъ двигателей, управляющихъ всѣми человѣческими дѣйствіями. Двигатели эти: 1) эгоизмъ, желающій, чтобы мое Я было счастливо (онъ безграниченъ); 2) злость, желающая, чтобы всѣ другіе были несчастны (она доходитъ иногда до крайней жестокости); 3) жалость, желающая добра другимъ (она возвышается иногда до щедрости и до великодушія).

Иванъ Ивановичъ оглядываетъ, покуда стоитъ автомобиль, своихъ попутчиковъ, изъ которыхъ че-

тырехъ, сидящихъ въ купэ, видно плохо, и безповоротно рѣшаетъ, что изъ трехъ двигателей самый важный — второй; не будь такъ, то есть, если бы люди не испытывали блаженства, любуясь чужими несчастьями, развѣ собралось бы столько людей, готовыхъ заплатить по 800 франковъ, чтобы взглянуть на руины, оставленныя войной? Правда, въ автомобилѣ сидитъ еще двѣнадцатый пассажиръ, самъ Иванъ Ивановичъ, но широкія обобщенія русскихъ интеллигентовъ всегда относятся къ другимъ. Иванъ Ивановичъ поѣхалъ потому, что онъ товарищъ предсѣдателя одной изъ безчисленныхъ комиссій, посланныхъ изъ освобожденной Россіи на Западъ. Комиссіи должны напомнить кому слѣдуетъ про совѣсть; но всѣ онѣ убѣждаются, что совѣсть пропала.

Иванъ Ивановичъ глядитъ на высокіе, грязные дома предмѣстья. Всѣ окна открыты. Изъ оконъ на улицы вывѣшены провѣтривающіяся перинки. И эти пухлыя красныя перинки кажутся Ивану Ивановичу высунутыми языками. Бѣдное предмѣстье дразнитъ городъ. Быть можетъ, даже грозитъ ему. Иванъ Ивановичъ, съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ недѣлю назадъ въ Парижъ изъ Марселя, читалъ только двѣ самыя крайнія французскія газеты. И русская рѣшительность въ обобщеніяхъ, на основаніи нѣсколькихъ нумеровъ газеты, подсказала Ивану Ивановичу такой выводъ: "будетъ это и во Франціи". Подъ словомъ это онъ подразумѣвалъ то, что видѣлъ въ Россіи. И не безъ затаеннаго наслажденія Иванъ Ивановичъ вспоминалъ, глядя почему-то на пухлыя, красныя перинки, выставленныя изъ оконъ: — "Кайтесь, господа, кайтесь. Судъ міру вашему пришелъ". Отчетливая память, спеціализированная на книжкахъ, какъ вообще у русскихъ интеллигентовъ, воспроизвела страстныя слова А. И. Герцена: "Или вы не ви-

дите новыхъ верваровъ, идущихъ разрушать. Они готовы. Они, какъ лава, тяжело шевелятся подъ землею, внутри горы. Когда настанетъ ихъ часъ — Геркуланумъ и Помпея исчезнутъ, хорошее, дурное, правый и виноватый, погибнутъ рядомъ. Это будетъ не судъ, не расправа, а катаклизмъ, переворотъ... Эта лава, эти варвары, этотъ новый міръ, эти Назареи, идущіе покончить дряхлое и безсильное и расчистить мѣсто свѣжему и новому, ближе нежели вы думаете".

"Какъ это вѣрно сказано у Герцена", — думалъ Иванъ Ивановичъ. И онъ вспомнилъ письмо великаго публициста къ Мишлэ о русскомъ народѣ и соціализмѣ. "Мнѣ кажется, есть что-то трагическое въ старческой разсѣянности, съ которой старый міръ спутываетъ всѣ свѣдѣнія о своемъ противникѣ... Мы невольно обращаемся за сравненіями къ временамъ паденія Рима. Тогда, также наканунѣ переворота, наканунѣ побѣды варваровъ, провозглашали вѣчность Рима, безсильное безуміе Назареевъ и ничтожность движенія, начинавшагося въ варварскомъ мірѣ".

Иванъ Ивановичъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ тому, что дѣлаютъ "новые Назареи", поэтому сомнѣвался, чтобы ими долженъ былъ начаться новый томъ всемірной исторіи, но былъ глубоко убѣжденъ, послѣ семидневнаго чтенія двухъ самыхъ крайнихъ французскихъ газетъ, что лава клокочетъ во Франціи, что скоро здѣсь будетъ еще больше руинъ, чѣмъ въ Россіи. Во Франціи, конечно, произведутъ переворотъ, какъ слѣдуетъ, т. е., не по отреченнымъ брошюркамъ, а по Марксу, какъ его толкуетъ (и это единственное вѣрное толкованіе) правая фракція лѣвой секціи партіи гавриловцевъ, къ которой принадлежалъ Иванъ Ивановичъ. Онъ самъ не разъ составлялъ резолюціи, въ которыхъ

ясно доказывалъ, что вѣра россійскихъ "Назареевъ" не настоящая.

Желтый, сверкавшій лакомъ автомобиль, выбрался, наконецъ, изъ затора, образованнаго громадными роспусками и впряженными въ нихъ тройками цугомъ, грязными трамваями и грузовиками, въ которыхъ сидѣли американскіе солдаты въ растегнутыхъ мундирахъ или въ однѣхъ сорочкахъ. Они помчались, встряхивая на безчисленныхъ выбоинахъ, по шумной улицѣ рабочаго предмѣстья. Мелкаютъ простоволосыя женщины съ корзинками въ рукахъ, небритые, черноволосые мужчины, въ высокихъ картузахъ и съ военными крестами на груди. Одни мужчины, сгибаясь какъ бурлаки на Рѣпинской картинѣ, волокли тяжело нагруженныя повозки, въ которыя, для помощи, впряжены были еще собаки. Онѣ старательно тянули лямки, виляли хвостомъ и взглядывали постоянно на согнувшихся, обливавшихся потомъ хозяевъ. Собаки хотѣли, какъ будто, сказать: "видишь, какъ мы стараемся". Другіе мужчины толкали тачки, нагруженныя овощами, и груднымъ голосомъ нараспѣвъ, выкликали бобы, рѣпу и морковь. Худощавыя дѣвочки съ русыми косичками дѣловито спѣшили куда-то. Вотъ промелькнулъ послѣдній облупленный домъ съ харчевней, съ нарисованными на дверяхъ двумя красными билліардными кіями въ видѣ буквы X. Потянулись какіе-то заборы и полуразрушенныя будки. Затѣмъ автомобиль подскочилъ на выбоинѣ и выѣхалъ на прямую, точно по шнуру, дорогу, обсаженную запыленными тополями.

— Вы собрали уже всѣ матеріалы для вашего доклада, капитанъ? — спросилъ совершенно правильно по англійски, но съ сильнымъ французскимъ акцентомъ, сѣдой старикъ съ подстриженной бородой, сидѣвшій рядомъ съ Иваномъ Ивановичемъ, у своего сосѣда. То

былъ очень высокій, очень худощавый, но повидимому очень здоровый человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ гладко выбритымъ лицомъ. Иванъ Ивановичъ видѣлъ энергичный профиль съ широкимъ подбородкомъ. Одѣтъ онъ былъ не въ форму, а въ сѣрое клѣтчатое пальто и сѣрую мягкую шляпу.

— Да, профессоръ, я работалъ почти всю ночь, — отвѣтилъ капитанъ. — Надо было поспѣть къ почтовому пароходу, который уходитъ въ Сидней изъ Марселя черезъ два дня. Теперь таблицы составлены и всѣ діаграммы вычерчены.

— И каковы ваши результаты, капитанъ?

— А вотъ какіе. — Капитанъ вынулъ изъ кармана записную книжку, справился съ нею и началъ. — Площадь военной зоны во Франціи равняется 4.844.000 гектарамъ. 3.633.000 гектаровъ этой площади были заняты подъ земледѣліе. Тутъ самыя богатыя земли во Франціи. Французская Фландрія, Артуа, Пикардія, Иль-де-Франсъ и Шампань считались наиболѣе обработанными провинціями въ мірѣ. Цѣлый рядъ поколѣній земледѣльцевъ и виноградарей, примѣнивъ самые лучшіе методы обработки, довели землю до совершенства. Здѣсь развиты были не только земледѣліе и винодѣліе, но также сахарное производство и винокуреніе. Здѣсь разводили съ большимъ успѣхомъ особую породу лошадей, крупный фламандскій рогатый скотъ и овецъ. По подсчетамъ, произведеннымъ мною, убытокъ, причиненный десяти департаментамъ, исчисляется въ двадцать милліардовъ франковъ. И такъ какъ деньги обезцѣнены теперь, то для возстановленія департаментовъ, разоренныхъ войною, потребуется расходъ въ сорокъ съ половиною милліардовъ франковъ.

— Повидимому, человѣчество время отъ времени впадаетъ въ буйное помѣшательство, во время котора-

го разрушаетъ все, — замѣтилъ профессоръ.

— Условія въ этихъ департаментахъ не вездѣ одинаковы, — продолжалъ капитанъ, справившись еще разъ съ записной книжкой. — Тотъ поясъ, который представляетъ дѣйствительный фронтъ, занимаетъ площадь въ 1.225.000 гектаровъ. Изъ нихъ обработаны были 919.000 гектаровъ. Больше чѣмъ 1/10 этой площади такъ разрушена, что земля ни на что болѣе не годна. Она представляетъ собою хаосъ кратеровъ и ямъ, вырытыхъ снарядами, да лабиринтъ траншей. Плодоносный пластъ, гумусъ, куда-то исчезъ. Поверхность земли покрыта пластомъ, покоившимся десятки тысячъ лѣтъ въ чревѣ ея. И все это буквально начинено желѣзомъ и сталью. Многіе снаряды, зарывшіеся въ землю, не взорвались еще. Пройти тутъ плугомъ нѣтъ никакой возможности. Весь профиль страны измѣненъ. Нѣкоторые холмы, напримѣръ, срѣзаны снарядами на тридцать футовъ. Прежде эти холмы были покрыты густыми лѣсами. Теперь отъ нихъ остались только коегдѣ обгорѣлые пни. Безслѣдно исчезли также всѣ города и деревни. Цѣлые округи превращены въ пустыню, куда нельзя привести прежнихъ жителей, разсѣянныхъ по всей Франціи. Надобны года, чтобы очистить землю и постепенно заботливымъ обращеніемъ пріучить ее къ тому, чтобы она снова производила хлѣбъ. Въ первые годы здѣсь будутъ расти только сорныя травы, да камыши. По всей вѣроятности, нѣкоторыя мѣстности навсегда погибли для земледѣлія. Надо будетъ заняться здѣсь древонасажденіемъ.

Около 800.000 гектаровъ не такъ сильно опустошены, но всетаки сильно повреждены снарядами, выворотившими подпочву и похоронившими плодоносную землю. Тутъ тоже разрушены всѣ постройки. Затѣмъ уничтожены всѣ межи, такъ что невозможно ука-

зать, гдѣ кончается одно владѣніе и гдѣ начинается другое. Прежде чѣмъ пахать здѣсь, необходимо засыпать траншеи, возстановить дороги, сравнять землю и очистить ее отъ проволочныхъ загражденій, отъ зарытыхъ телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ и, конечно, отъ снарядовъ. Третья зона, самая обширная, лежитъ непосредственно за линіей огня. Она занимаетъ площадь приблизительно въ 2.560.000 гектаровъ. Тутъ сама земля не такъ сильно повреждена, но тоже исчезли, кромѣ построекъ, скотъ и сельскохозяйственныя орудія. Чтобы уничтожить культуру, создававшуюся вѣками, и чтобы произвести всѣ эти опустошенія, понадобилось выпустить снарядовъ на сто милліардовъ франковъ. Вы видите, что теперь разрушаютъ болѣе основательно, чѣмъ во времена столѣтней войны. Тогда англичане, шотландцы, валійцы, фламандцы и французы тоже жгли хлѣбъ въ скирдахъ и деревни, исходя изъ положенія, выставленнаго однимъ изъ вождей, что война безъ пожаровъ все равно, что колбаса безъ горчицы. Но тогда не умѣли калѣчить землю, и она, какъ только проходилъ непріятель, опять колосилась нивами. Теперь военное искусство сдѣлало большой прогрессъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ была война, по крайней мѣрѣ, два поколѣнія крестьянъ не будутъ пахать землю подъ пшеницу или подъ рожь.

— Я говорю мальчикамъ въ лицеѣ, что исторія изображаетъ намъ жизнь народовъ, а между тѣмъ могу разсказать моимъ ученикамъ только про войны и народныя смуты, — началъ профессоръ. — Годы мира являются только короткими паузами. Это — веселая интермедія между двумя страшными трагедіями; это — небольшой камень по дорогѣ, залитой кровью. Жизнь индивидуума тоже представляетъ собою сплошную борьбу; не метафорическую борьбу съ нуждой и скукой,

а настоящую, въ буквальномъ смыслѣ, каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ одного. Человѣкъ находитъ всюду враговъ, борется съ ними всю жизнь и умираетъ съ оружіемъ въ рукахъ.

— Такъ это только учитель исторіи, а не профессоръ, — подумалъ Иванъ Ивановичъ, хорошо понимавшій по англійски, когда говорили не скоро и правильно. И почему то это обстоятельство доставило ему даже нѣкоторое удовольствіе.

— Повидимому, человѣкъ не можетъ обойтись безъ несчастій, — продолжалъ, помолчавъ, старый профессоръ. — Если бы давленіе воздуха вдругъ исчезло, наше тѣло лопнуло бы, разлетѣлось бы въ куски. Такимъ же образомъ, если бы вдругъ изъ жизни человѣческой исчезло тяжелое бремя нужды, несчастій, заботъ, неуспѣха, разочарованій, надменность наша раздулась бы, правда, не до взрыва, но до полнаго безумія. Доказательствомъ являются Неронъ и Калигула, ставшіе неожиданно Цезарями въ древнемъ Римѣ, и безвѣстные обыватели, ставшіе на вершинахъ власти въ Россіи. Такимъ образомъ, извѣстная доля несчастій и заботъ необходима человѣку въ жизни, какъ балластъ необходимъ кораблю; но теперь корабль перегруженъ такъ, что онъ пойдетъ ко дну.

На той же скамьѣ, гдѣ сидѣли Иванъ Ивановичъ, капитанъ и профессоръ, былъ еще четвертый пассажиръ, сравнительно еще молодой, съ острой бородкой, тщательно одѣтый. Онъ то и дѣло вытаскивалъ изъ кармана записную книжку и отмѣчалъ въ ней что-то. Иванъ Ивановичъ немедленно возненавидѣлъ господина съ острой бородкой. "Онъ нарочно такъ демонстративно записываетъ. Рисуется", — подумалъ Иванъ Ивановичъ. Записывая, господинъ съ острой бородкой насвистывалъ или принимался напѣвать вполголоса:

« Ohé, Madelon,
A boire et du bon ! »

II.

Бѣгутъ мимо автомобиля хлѣбныя поля съ высокими золотыми колосьями, надъ которыми кое - гдѣ, какъ великаны среди карликовъ, поднимаются одинокія яблони или груши; бѣгутъ луга, на которыхъ неподвижно стоятъ задумчивыя коровы. И колосья, и одинокія деревья, и желтые, лиловые, красные, синіе и бѣлые цвѣты — разомлѣли подъ солнцемъ, обливавшимъ ихъ жаркими, ликующими лучами. Какія-то птицы изрѣдка пролетали въ направленіи къ синѣющему вдали нагорному берегу Марны, но и онѣ, повидимому, млѣли отъ тепла и свѣта, такъ какъ лѣниво махали крыльями. Казалось, что если завалиться среди желтыхъ колосьевъ или среди синяго воловика, желтаго гулявника и бѣлой кашки на лугу, то можно будетъ почуять прежде всего запахъ не травы и цвѣтовъ, а разомлѣвшаго отъ жары тѣла земли. На Ивана Ивановича не дѣйствовала природа. Онъ понималъ пейзажъ такъ: это — мѣсто, гдѣ, на просторѣ, нѣсколько Ивановъ Ивановичей, всѣ въ очкахъ, всѣ хмурые, всѣ начитанные, всѣ знающіе на память множество политико - экономическихъ брошюръ, могутъ досыта спорить по поводу какого-нибудь "параграфа д, шестого пункта, второй главы" программы гавриловцевъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ въ Швейцаріи Иванъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ четырьмя другими Иванами Ивановичами, рѣшили ночью подняться на Низенъ, чтобы встрѣтить восходъ солнца на вершинѣ. Дорогу они не замѣтили, такъ какъ всю ночь обсуждали послѣднюю брошюру Каутскаго. Солнце они тоже проглядѣли, такъ какъ на вершинѣ горы былъ уже открытъ ресторанъ и всѣмъ захотѣлось пива.

— Уркъ ! — сказалъ шоферъ, повернувшись въ полоборота и указывая на узкую рѣчку. Она была такъ узка, что, казалось, съ хорошаго разбѣга можно перепрыгнуть черезъ нее. Прибережныя ивы, разомлѣвшія отъ зноя, свѣсили въ сонную воду свои пепельные листья. Выше ивъ, на крутомъ берегу, неподвижно, стояли тополи и осокори, заснувшіе подъ полуденнымъ солнцемъ. Кругомъ все было неподвижно, какъ въ царствѣ спящей царевны. Единственнымъ признакомъ жизни на рѣчкѣ была медленно ползущая барка, которую тащила старая, пѣгая лошадь.

— Трудно повѣрить, что на этой сонной рѣчкѣ шли въ 1914 году отчаянные бои, отъ исхода которыхъ зависѣла судьба Парижа, — сказалъ капитанъ. Онъ оглянулся. — О бояхъ говоритъ развѣ только вотъ это. — Онъ указалъ на каменный мостъ, переброшенный черезъ одинъ изгибъ Урка. Рѣчка въ томъ мѣстѣ текла по болотистому мѣсту, и мостъ поэтому былъ въ три пролета.

— Что такое? Развѣ? — спросили другіе пассажиры.

— Видите: средняя арка новая. Мостъ былъ взорванъ и теперь отстроенъ заново.

— Природа поспѣшила покрыть всѣ слѣды буйства человѣческаго, — замѣтилъ старый учитель исторіи. — Вотъ только кровь убитыхъ выступаетъ наружу. — Онъ указалъ на громадныя красныя пятна цвѣтущаго дикаго мака. Пятна эти дѣйствительно похожи были на лужи свѣжей крови.

Господинъ съ острой бородкой картиннымъ жестомъ вытащилъ книжку и, постоянно оглядывая то рѣчку, то взорванный мостъ, то пятна алаго мака, началъ записывать что-то. Онъ напѣвалъ, записывая :

« C'est lui qui l'a gagnée, la guerre,
Le Poilu, le soldat français ! »

— Вы знаете Madame Simon ? — слышитъ Иванъ Ивановичъ голосъ позади себя. — Она разводится съ мужемъ.

На задней скамьѣ сидятъ тоже четверо. Красивая, молодая дама съ совершенно сѣдыми волосами, что придаетъ ей видъ маркизы въ напудренномъ парикѣ, дочь ея, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, да еще мужъ и жена. Онъ — толстый, очень благообразный фабрикантъ игрушекъ, какъ могъ выяснить Иванъ Ивановичъ изъ долетѣвшаго до него разговора. Когда онъ закуривалъ, то вынималъ изъ кармана автоматическій зажигатель въ видѣ солдатской манерки. Автоматическимъ зажигателемъ воспользовались также два пассажира, которыхъ Иванъ Ивановичъ прозвалъ Бобчинскимъ и Добчинскимъ. "Бобчинскій" сталъ вертѣть въ рукахъ изящный зажигатель.

— Это мои рабочіе сдѣлали, — объяснилъ фабрикантъ.

— Серебряная? — спросилъ Добчинскій.

— Да !

Добчинскій взвѣсилъ въ рукахъ зажигатель. Взвѣсилъ потомъ и Бобчинскій. Рядомъ съ фабрикантомъ сидѣла его жена, очень худощавая, костлявая, съ большими зубами, въ шляпкѣ съ коричневой вуалью. Больше про эту даму Иванъ Ивановичъ ничего не могъ бы сказать.

— Неужели разводится ? — спросила дама съ большими зубами. Затѣмъ она взглянула въ сторону.

— Tiens, des ruines! — спокойно бросила она, замѣтивъ нѣсколько разрушенныхъ домовъ; затѣмъ разговоръ про Madame Simon, разводящуюся съ мужемъ, продолжался.

Чѣмъ дальше катился желтый автомобиль, тѣмъ больше развалинъ попадалось на дорогѣ. Желтѣли

хлѣбныя поля; зеленѣли луга, виднѣлись деревни, въ которыхъ, повидимому, жизнь текла, какъ всегда; но тамъ и сямъ стояли церкви съ провалившимися крышами и дома, отъ которыхъ остались только три, двѣ или даже одна стѣна. Развалины были давнія : дожди успѣли смыть обои на уцѣлѣвшихъ стѣнахъ, а на кучахъ мусора внутри домовъ густо росла сорная трава и даже кусты ракитника.

— Ну, это еще ничего. Настоящія развалины — впереди, — началъ господинъ съ острой бородкой, обратившись къ капитану. — На прошлой недѣлѣ я объѣзжалъ по порученію моей газеты поля битвы на Соммѣ. Я помню до войны чудесный городокъ съ готическими церквами и старинными башнями, въ которыхъ когда-то, въ разное время сидѣли въ заключеніи два французскихъ короля. Теперь города нѣтъ. Есть только безформенный хаосъ. А между тѣмъ жители не хотятъ помириться съ мыслью, что городъ ихъ погибъ. Семьсотъ человѣкъ возвратились къ безформеннымъ кучамъ мусора. Эти люди живутъ въ самодѣльныхъ шалашахъ. Они изъ XX вѣка попали въ V. Они не знаютъ больше вопросовъ о школахъ, о развлеченіяхъ, о соціальной жизни: "ѣсть, пить и какъ нибудь укрыться отъ дождя". Вотъ къ чему теперь сводится вся жизнь уцѣлѣвшаго населенія разрушеннаго городка. Съ утра до поздней ночи они копаются въ кучахъ мусора, чтобы очистить мѣсто, гдѣ былъ прежде ихъ домъ. Около бывшаго городка есть еще какая-то жизнь. Встрѣчаются грузовики съ провизіей: можно видѣть кое-гдѣ шалаши; но затѣмъ всякая жизнь исчезаетъ. Есть только руины, покрытыя сорными травами. А деревья ! Вы скоро увидите, что стало съ нашими лѣсами. До войны я прожилъ недѣлю въ прекрасномъ городкѣ Комбль. Я искалъ его теперь и не только не нашелъ, но не

могъ отыскать даже мѣстности, до того она измѣнилась. Наконецъ я нашелъ столбъ съ черной доской, на которой значилось: "Здѣсь находился прежде бѣдный Комбль!". Представьте мое изумленіе, когда, наконецъ, я нашелъ уцѣлѣвшій домъ! Онъ стоялъ возлѣ каменоломни съ огромной печью для обжиганія извести. Она, конечно, не дѣйствовала; но въ прошломъ году, во время великаго наступленія нѣмцевъ, печь горѣла. Знаете, что мнѣ разсказывали жители уцѣлѣвшаго дома? Нѣмцы потеряли столько убитыхъ, что не могли хоронить ихъ. Убитыхъ связывали по четыре и бросали съ обрыва въ топящуюся известковую печь. Пламя тогда поднималось высоко, и печь начинала гудѣть. Около тысячи труповъ было сожжено такимъ образомъ. Теперь печь потухла. Жители берутъ оттуда известь, смѣшанную съ пепломъ сожженныхъ, для построекъ.

Журналистъ вдругъ замолкъ, затѣмъ пронзительно свистнулъ. Автомобиль проѣзжалъ по единственной улицѣ маленькаго городка. Нѣсколько французскихъ солдатъ въ стальныхъ шишакахъ, съ ружьями на плечахъ, конвоировали взводъ германскихъ плѣнныхъ. Тутъ были очень высокіе парни, а рядомъ съ ними совсѣмъ маленькіе. Одни были въ выпущенныхъ рубахахъ, какъ русскіе арестанты, другіе въ пѣхотныхъ или въ гусарскихъ мундирахъ. Иные носили какія-то зеленыя хламиды. Лица однихъ плѣнныхъ выражали только тупость или злобу; тогда какъ рядомъ были плѣнные съ интеллигентными лицами. Бороды и очки дѣлали ихъ удивительно похожими на русскихъ интеллигентовъ. У всѣхъ на груди и на спинѣ значились буквы P. G. У всѣхъ на плечахъ были лопаты или кирки.

— Шоферъ, остановитесь! — крикнулъ "Добчинскій".

— Куда ведете? — спросилъ "Бобчинскій" у конвоировавшихъ солдатъ.

— На работы.

— Быть можетъ, у васъ найдется лишняя пуля для боша? — крикнулъ журналистъ. "Бобчинскій" и "Добчинскій" засмѣялись. Конвойные вяло улыбнулись. Дама съ большими зубами сдѣлала рожки изъ указательнаго пальца и мизинца, которые показала плѣннымъ.

— Если я не думаю, то тоже смѣюсь шуткамъ надъ плѣнными, — началъ по англійски профессоръ, обратившись къ капитану, когда автомобиль снова покатился. — Когда же я вспомню, что мы въ пять лѣтъ забыли все то, что со времени Гроція писалось о международномъ правѣ; когда вспомню, что солдатъ, т. е. гражданъ, принесшихъ своей странѣ высшую жертву, снова обращаютъ въ невольниковъ, какъ тысячу лѣтъ назадъ, когда подумаю, что невольничество продолжается даже теперь, когда миръ уже подписанъ, — я ужасаюсь.

Журналистъ снова вынулъ книжку и картинно отмѣтилъ что-то.

— Туда имъ и дорога, бошамъ! — экспансивно сказалъ онъ, обращаясь къ Ивану Ивановичу: я хочу въ моей статьѣ напомнить исторію короля лернейскаго Пикрошоля, про котораго разсказываетъ Раблэ. Когда Пикрошоль собирался объявить войну Грангузье, то полководцы и придворные предсказывали ему покореніе всего міра. — Одна часть вашей арміи ударитъ на Грангузье, — говорили полководцы. — Вы пріобрѣтете тогда несмѣтную казну. Другая часть вашей арміи займетъ Испанію, переправится черезъ проливъ, на берегахъ котораго вы воздвигнете два столба, еще болѣе великолѣпные, чѣмъ столбы Геркулеса. Они увѣковѣчатъ ваше имя и проливъ станетъ называться Моремъ Пикрошоля. Затѣмъ приближенные короля, герцогъ де

Менюайль, графъ Спадассэнъ и полководецъ Мерданъ, предсказываютъ Пикрошолю завоеваніе Туниса, Алжира, всего Варварійскаго берега, Майорки, Минорки, Сардиніи, Корсики, Галліи, Генуи, Флоренціи, Рима, Неаполя, Кандіи, Цикладскихъ островов, Іерусалима, какой-то Памфиліи, Лидіи, Фригіи и всѣхъ земель до Евфрата. Затѣмъ, наступаетъ очередь земель, лежащихъ на сѣверѣ jusqu'a la mer Glaciale: Польши, Литвы, Россіи, Валахіи. Пикрошоль имѣетъ сначала большой успѣхъ, но затѣмъ терпитъ страшное пораженіе и лишается престола. Совсѣмъ какъ Вильгельмъ II. Пикрошоль бѣжалъ. Старая вѣдьма, которую онъ встрѣтилъ, предсказала ему, что король снова добудетъ свое царство, «à la venue des Cocquecigrues» (1). Съ тѣхъ поръ, — разсказываетъ Раблэ, — Пикрошоль все бродяжитъ по большимъ дорогамъ, допытываясь у всѣхъ встрѣчныхъ: не слышали ли они, когда именно прилетятъ коксигрю. Ха-ха-ха! — засмѣялся журналистъ. Мнѣ вспомнился бѣжавшій изъ своего государства опереточный Лоранъ XVII. Онъ и его дочь, переодѣтые странствующими музыкантами, принуждены пѣть сатирическіе куплеты, сложенные противъ нихъ же прогнавшими ихъ подданными.

« Le grand singe d'Amérique,
Qui régnait à Piombino,
Pris soudain d'une colique
Vient de s'échapper subito ! »

запѣлъ журналистъ.

— Интересно! Присутствуетъ ли новый Пикрошоль когда-нибудь въ театрѣ, со сцены котораго поютъ сатирическіе куплеты, направленные противъ него?

Ивану Ивановичу было совершенно неинтересно,

---

[1]) Cocquecigrues», не существующія животныя. Такимъ образомъ «à la venue des Cocquecigrues», т. е. «когда прилетятъ коксигрю», означаетъ «никогда».

что долженъ чувствовать Пикрошоль въ театрѣ. Онъ угрюмо слушалъ и буркнулъ: «Oui, Monsieur!»

Журналистъ, повидимому, былъ человѣкъ экспансивный, не любившій и не умѣвшій молчать. Онъ обратился къ профессору:

— Проклятый народъ эти боши! Они наглы, жестоки и надменны въ случаѣ успѣха и скулятъ въ случаѣ неудачи. Всегда они были таковы. Они всегда сохраняли свою холодную практичность и расчетливость. Бошъ, если даже скулитъ, то это совсѣмъ не означаетъ, что онъ несчастенъ. У него навѣрное свой расчетъ.

— Ваше опредѣленіе характера германскаго народа, хотя очень рѣшительно, но я не совсѣмъ согласенъ съ нимъ, — вѣжливо отвѣтилъ профессоръ. — Я не стану возражать, но позволю себѣ только сдѣлать одну историческую справку. Я настолько старъ, что помню діаметрально противоположную характеристику, чѣмъ та, которую вы дали германскому народу. Ее дѣлалъ у насъ во Франціи, напримѣръ, Ренанъ, когда я былъ еще студентомъ перваго курса. "Старая Германія указала міру идеализмъ черезъ посредство Фихте, вѣру въ человѣчество черезъ посредство Гердера, поэзію нравственнаго чувства черезъ посредство Шиллера и абстрактный долгъ черезъ посредство Канта", — писалъ Ренанъ. Передъ самой войной 1870 года, въ предисловіи къ "Etudes d'Histoire Religieuse", Ренанъ говорилъ: "Германія, интересуясь только вопросами духа, отреклась совершенно отъ стремленія господствовать въ сферѣ политической... Она проявляетъ полную неспособность въ области практической дѣятельности. И это — прямое послѣдствіе несравненнаго умозрительнаго дара, которымъ Природа надѣлила Германію".

Теперь изъ гроба встаютъ къ худу или къ добру государства, воскресли и воскресаютъ также чувства,

которыя казались давно похороненными. Боюсь, что міръ увидитъ еще болѣе страшныя сцены, чѣмъ тѣ, которыя онъ только что пережилъ.

Профессоръ помолчалъ, затѣмъ обратился къ капитану и продолжалъ уже по англійски.

— Открытіе новой идеи представляетъ собою любопытный и крайне патетическій эпизодъ въ исторіи человѣчества. Странствованіе же новой идеи по свѣту это "романъ съ приключеніями", зачастую очень жалостными. Иногда новая идея недалеко странствуетъ, послѣ того, какъ она народилась на свѣтъ, и умираетъ въ раннемъ возрастѣ. Ее убиваютъ или, что еще чаще, новорожденная умираетъ безъ призора, не найдя никого, кто бы ее пріютилъ. Иногда же она болѣе удачлива. Новая идея мчится со скоростью аэроплана и облетаетъ весь міръ. Взгляните тогда на нее черезъ нѣкоторое время. Ее больше узнать нельзя. Она измѣнилась, хотя трудно сказать, что къ лучшему. Выражаясь фигурально, удачливая идея сбилась съ пути. Передъ нами не молодая, наивная дѣвушка, а то, что мы, французы, называемъ une vieille coureuse. Большая дорога и странныя встрѣчи на ней не идутъ въ прокъ новой идеѣ. Философы утверждаютъ, что исторія человѣчества это — исторія идей. Знакомясь съ приключеніями новой мысли, мы открываемъ, что больше всего вліяніе на человѣчество имѣютъ не новыя идеи, а старыя нелѣпости и безсмыслицы. Идеи, какъ легкомысленныя дѣвушки, имѣютъ поразительную наклонность превратиться въ безстыдницъ. Онѣ скромны только тогда, когда живутъ подъ отческимъ кровомъ; да и тогда похвалы скромности и красотѣ ихъ со стороны друзей не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Новыя идеи часто не хороши уже на самой зарѣ ихъ, когда всѣ восхваляютъ ихъ красоту. Впослѣдствіи же, возлюбленные же новыхъ идей

всегда компрометирують ихъ. Удивительнѣе всего, что за молодую, благородную, прекрасную дѣвушку принимають иногда старую, уродливую, злую каргу. Наглядным доказательствомъ является идея о національностяхъ, съ которой всѣ носятся теперь. У ней больше теперь возлюбленныхъ, чѣмъ было у какой-нибудь другой идеи. И какіе странные возлюбленные все!"

Иванъ Ивановичъ, внимательно прислушивавшійся къ словамъ профессора, вспомнилъ вдругъ книжечку, которую вскорѣ послѣ мартовской революціи показалъ ему землякъ и гимназическій товарищъ Шипицынъ. Онъ хорошо кончилъ университетъ, выгодно женился и при Николаѣ II служилъ прокуроромъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Тамъ онъ извѣстенъ былъ, какъ "жидоморъ", выпустившій брошюру объ употребленіи евреями христіанской крови. Послѣ революціи Шипицынъ вдругъ сталъ украинскимъ патріотомъ и самостійникомъ. Онъ сталъ говорить съ малороссійскимъ акцентомъ, передѣлалъ свою фамилію въ Шыпыцю, сталъ крайнимъ демократомъ и, походя, проклиналъ и позорилъ русскую культуру. Этотъ Шипицынъ показалъ своему гимназическому товарищу книжечку, озаглавленную такъ : "Най новшi возни; пiсьни". Иванъ Ивановичъ стыдился названія патріота. Ему казалось во всякомъ случаѣ до октября 1917 года, что "патріотъ" еще болѣе обидное слово, чѣмъ "моветонъ" и въ особенности, если написать его такъ: "соціалъ-патріотъ"; но и Ивана Ивановича покоробило, когда онъ въ книжечкѣ сразу натолкнулся на такіе стихи :

"Най втикае въ свої краї ворог наш Россія.
Ой втікала за Галичины россійска голота,
Иди, будуй собі гнiздо у свои болота".

Ивана Ивановича еще больше поразило, когда онъ убѣдился, что въ украинскомъ пѣсенникѣ, выпущенномъ

въ самомъ началѣ войны, рядомъ съ проклятіями по адресу Россіи заключаются славословія по адресу Австріи и даже Германіи. Иванъ Ивановичъ запомнилъ нѣсколько стиховъ, по поводу которыхъ много спорилъ съ царскимъ прокуроромъ-самостійникомъ:

"Буде вільна Украіна у свободі жіти,
Буде каждый украінецъ Габсбургамъ служити".

Въ другой пѣснѣ, восхвалявшей австрійскаго "Цісаря батьку", говорилось: "А німецкій славный цісарь съ нашимъ союзъ мае, свое війско и гармати до насъ посылае". Далѣе описывалось, какъ славный германскій цесарь, забравъ нѣмецкое войско и "вольныхъ украинцевъ" — "пійшовъ біти москаливъ въ містахъ и на поли".

И читая эти строки, Иванъ Ивановичъ думалъ: "Что же дѣлалъ этотъ вольный украинецъ Шипицынъ при Николаѣ II? Громилъ боровшихся съ самодержавіемъ и дослужился до статскаго совѣтника. Этотъ вопросъ, въ болѣе мягкой формѣ, Иванъ Ивановичъ тогда задалъ Шипицыну. Тотъ принялъ грустный, оскорбленный видъ и отвѣтилъ южно-русской поговоркой:

— Ой, нікто не віде як бідный обідае!

Шипицынъ вотъ ужъ дѣйствительно выдаетъ vieille coureuse за прекрасную, невинную молодую дѣвушку, какъ выражается этотъ смѣшной старый учитель исторіи, философствующій все, хотя, повидимому, не имѣетъ представленія о политической экономіи".

III.

Узкая рѣка съ множествомъ островковъ на ней, поросшихъ ивами. На другомъ берегу далеко синѣетъ линія холмовъ. На изволокѣ, изъ густой зелени выглядываютъ красныя крыши церквей. До подошвы холмовъ вся долина рѣки представляетъ собою шахматную дос-

ку : клѣтки ея — это желтыя поля пшеницы; темно-зеленыя полосы клевера и болѣе свѣтлые овсы. По хлѣбнымъ полямъ всюду ползутъ тракторы, какъ гигантскіе жуки, грызущіе хлѣбъ. Это — долина Марны. Сюда дважды добѣжалъ живой колышень гигантскаго наводненія, грозившаго затопить Парижъ. Журналистъ окинулъ долину взоромъ капитана, высматривающаго неизвѣстный берегъ, затѣмъ картиннымъ жестомъ вытащилъ записную книжику и принялся быстро строчить. Онъ напѣвалъ, покачивая въ тактъ головой :

« C'est le Poilu, soldat de France,
Qui sans peur, marchait au combat,
Bravant la lutte et la souffrance
Le poilu était toujours là ! »

Хотя въ пѣснѣ и говорилось про борьбу и страданія, но кругомъ было все такъ мирно ; солнце такъ весело свѣтило; деревья такъ спокойно дремали, млѣя отъ жары, что не вѣрилось, что именно здѣсь были страшные бои. И вдругъ среди зелени лѣсовъ и золота хлѣбныхъ полей показались груды безобразныхъ развалинъ, повидимому, старыхъ уже, такъ какъ онѣ посѣрѣли отъ дождей и зимней непогоды. Шоферъ остановилъ автомобиль, обернулся и объяснилъ, что именно здѣсь произошелъ тотъ бой, послѣ котораго фонъ-Клюкъ отошелъ, опасаясь быть обойденнымъ Монури и Фрэнчемъ.

— Тутъ столько солдатъ убито, что эти развалины, какъ на пьедесталѣ труповъ, — объясняетъ шоферъ.

Добчинскій, повидимому, старался найти въ душѣ чувство, приличествующее этому мѣсту, покрытому развалинами и густо политому человѣческой кровью. Онъ вышелъ изъ автомобиля и внимательно вперилъ на нѣсколько секундъ взглядъ въ закопченную дымомъ стѣ-

ну, на которой можно было еще прочитать полусмытую надпись : «Epicerie».

— Ah! Comme c'est beau ! — Изрекъ онъ, наконецъ, трагически. Добчинскій, повидимому, хотѣлъ еще сказать что-нибудь подходящее къ мѣсту. Повидимому, онъ сознавалъ, что все-таки необходимо какъ-нибудь формулировать свои патріотическія впечатлѣнія. — Oui ! — сказалъ онъ, наконецъ, торжественно, качая большой, круглой головой : — c'est plein de trous !

Шоферъ показалъ пальцемъ на нѣсколько сѣрыхъ пятенъ. Всюду тамъ были деревни съ церквами, школами и домами, крытыми красной черепицей. Въ этихъ домахъ цѣлыя поколѣнія людей, работая всю жизнь изо дня въ день, строили себѣ уютъ. И все это лежало въ безобразныхъ развалинахъ. Отъ церкви остались только три стѣны ; отъ домовъ — горы мусора, на которыя забрались уже высокія сорныя травы. Все было безформенно. Только на одной стѣнѣ, по странной случайности, высоко вверху (тамъ, должно быть, была свѣтелка дочери) уцѣлѣла яркая олеографія, изображающая Лурдскую Богоматерь, въ голубомъ платьѣ, съ золотыми розами на босыхъ ногахъ. Кое-гдѣ среди зелени видны были полуразрушенные, но обитаемые дома. На крышахъ видны были стропила, но ихъ покрыли кое-гдѣ просмоленнымъ картономъ. Окна были залѣплены бумагой, а двери кое-какъ приложены. И надъ этими полуразрушенными домами тонкой струйкой вился дымъ. Люди возвратились сюда послѣ войны и снова принялся за муравьиную работу созданія уюта. Кое-гдѣ, рядомъ съ развалинами, виднѣлись мертвыя деревья, протягивавшія къ небу изломанныя вѣтви, будто показывали свои искалѣченныя руки и протестовали противъ дикаго насилія ; но здоровыхъ деревьевъ, покрытыхъ густой зеленью, было гораздо больше. Рас-

щепленные дубы, буки и вязы, среди этихъ разомлѣвшихъ отъ зноя здоровыхъ деревьевъ, производили впечатлѣніе слѣпцовъ-нищихъ на шумной, веселой и нарядной ярмаркѣ.

— Тутъ всюду были воронки отъ артиллерійскихъ снарядовъ, — объяснилъ шоферъ, — и все успѣли уже засыпать.

— Какъ странно! — сказалъ журналистъ, — тутъ то же самое, что и на другихъ поляхъ битвы, которыя я осмотрѣлъ. — Всюду воронки, зіяющія или засыпанныя уже, окружены алой полосой дикаго мака. Какая причина, что дикій макъ выросъ въ поразительномъ изобиліи тамъ, гдѣ была кровь?

— Почему мы стоимъ здѣсь такъ долго? Это совсѣмъ не интересно! —раздалось сердитое ворчаніе Бобчинскаго.

— Мы еще увидимъ развалины дальше.

И пассажиры желтаго автомобиля ихъ дѣйствительно увидали.

— Марна теперь — Іосафатова долина, наполненная не только трупами, но и мертвыми городами, — печально сказалъ профессоръ капитану, когда черезъ нѣсколько минутъ автомобиль въѣхалъ въ зону сплошныхъ развалинъ. Сколько могилъ!

Дѣйствительно, могилы, то одинокія, то небольшими группами, то цѣлыми селеніями, стали попадаться на каждомъ шагу. Дама съ большими зубами крестилась при видѣ каждой могилы, а мужчины приподнимали шляпы. Могилы самыя разнообразныя. Вотъ среди зеленаго клевера едва видный холмикъ съ маленькимъ, чернымъ крестомъ, на которомъ виситъ выцвѣтшая солдатская шапка. На крѣстѣ надпись: "Французъ 52 пѣхотнаго полка". Больше про убитаго люди, поспѣшно хоронившіе его, повидимому, ничего не знали... Вотъ

среди хлѣбнаго поля затерялась другая одинокая, безъименная могила. Надписи на ней никакой. Вмѣсто эпитафіи — заржавленное ружье и истлѣвшая солдатская шапка на крошечномъ крестѣ, наскоро сколоченномъ изъ двухъ палочекъ. Нѣсколько дальше поле, поросшее бурьяномъ. Среди сорной травы десятокъ холмиковъ съ крошечными черными крестами безъ всякихъ надписей. Кто похороненъ здѣсь? Кто похоронилъ? При какихъ обстоятельствахъ? — неизвѣстно.

Автомобиль проѣзжаетъ песками. Въ сторонѣ отъ дороги нѣсколько большихъ песчаныхъ возвышеній, имѣющихъ форму гробовъ. Это, безъ сомнѣнія, могилы, повидимому, братскія; но на могилахъ нѣтъ ни надписей, ни крестовъ, ни заржавленнаго ружья даже.

Дама съ большими зубами поспѣшно крестится, глядя на песчаные бугры.

— Тутъ похоронены боши, — объясняетъ шоферъ. Дама съ большими зубами перестаетъ креститься и показываетъ могиламъ рожки изъ указательнаго пальца и мизинца. Дорога повернула, и открылись такіе сильные слѣды разрушенія, что ихъ не могло скрыть даже ликующее лѣто. Автомобиль остановился, и всѣ пассажиры пошли по направленію къ скалистому холму, поросшему лѣсомъ, при взглядѣ на который Иванъ Ивановичъ вспомнилъ вдругъ сказку про вѣдьму, прогрызавшую себѣ дорогу черезъ частый боръ, выросшій вдругъ на ея пути. Вотъ тутъ вѣдьма изгрызла стальными клыками громадный дубъ, отъ котораго остались лишь щепки. Вотъ здѣсь она въ бѣшенствѣ ломала вязы и сосны. Вотъ деревья, срѣзанныя какъ бы пилой. Вотъ осокори со сломанными вершинами. Тамъ вѣдьма въ ярости схватила нѣсколько дубовъ и вывернула ихъ. Деревья сцѣпились вмѣстѣ, чтобы не упасть и стоятъ наклонившись до первой осенней бури, которая свалитъ

ихъ. Дальше стоятъ безобразные скелеты деревьевъ, безъ зелени, безъ вѣтвей, безъ коры, расщепленныя на множество лучинъ. Дальше дубы со сквозными отверстіями въ стволахъ. Изрытые бока холма завалены деревьями и срѣзанными громадными вѣтвями. Иныя деревья цѣпко держатся за жизнь, несмотря на тяжелыя раны, тогда какъ другія — умираютъ уже. Только обвивающій ихъ плющъ живъ и еще тѣсно жмется къ смертельно раненымъ деревьямъ.

Дальше нѣсколько отъ откоса холма, видны развалины фермъ, вокругъ которыхъ были фруктовые сады. Яблони и груши обгорѣли и кажутся какъ изъ желѣза. И опять среди развалинъ вьется дымокъ. Отъ одной фермы осталась только печка съ высокой трубой. И у этой печки возится женщина, приготовляя обѣдъ. У основанія холма — кладбище. Тутъ цѣлый полкъ правильно выстроенныхъ бѣлыхъ, однообразныхъ крестовъ. Среди крестовъ — высокая мачта, а на ней развивается полосатый флагъ съ звѣздами. На этомъ мѣстѣ въ 1918 году американцы защищали переправу черезъ Марну. Нѣмцы переправились и взяли этотъ холмъ штурмомъ. Затѣмъ американцы въ свою очередь аттаковали и отобрали холмъ. Десять тысячъ американцевъ лежатъ подъ этими крестами.

Иванъ Ивановичъ, журналистъ и Бобчинскій бродятъ по откосамъ холма, перепрыгивая черезъ остатки траншей и тщательно обходя воронки, на днѣ которыхъ еще не пересохла вода. Дорогу загораживаютъ то срѣзанныя деревья, то кусты шиповника, то свѣсившіяся плети ежевики. Паритъ сильно. Надъ шиповникомъ вьются бѣлыя и лимонно-желтыя бабочки съ черными пятнышками. Назойливо липнутъ большія синія мухи и слѣпни. Журналистъ, который моложе и проворнѣе всѣхъ, прыгаетъ черезъ ямы, какъ расшалившійся

школьникъ. Онъ спряталъ записную книжку и напѣваетъ вальсъ изъ "Корневильскихъ колоколовъ".

Italiennes,
Circassiennes,
Algériennes,
Chaque pays
M'en devait une,
Ou blonde, ou brune,
Et de chacune
J'étais épris.

— Я тоже увлекался женщинами всѣхъ странъ, но только не русскими, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Бобчинскому. — Я никогда не могъ понять тѣхъ, кому онѣ нравятся. Истерическія кошки! Нѣтъ, такія женщины представляютъ собою только антитезу нѣмкамъ, тоже отвратительнымъ, но только въ другомъ родѣ.—И прыгая съ поразительной быстротой отъ темы къ темѣ, журналистъ принялся разсказывать, какъ двѣ недѣли назадъ въ Мецѣ поражался безобразіемъ казенныхъ и городскихъ зданій, выстроенныхъ за время германскаго владычества.

— Всюду выступающій верхній этажъ держится на толстыхъ, пухлыхъ, приземистыхъ колоннахъ, —разсказывалъ журналистъ. — Я все удивлялся, гдѣ прообразъ этихъ пухлыхъ колоннъ. Слоновыя нови? Но подъ Мецомъ слоны не водятся. И вдругъ, когда я въ дождь шелъ позади нѣмки, поднявшей подолъ, у меня сверкнула мысль: "Вотъ чѣмъ вдохновлялся архитекторъ-бошъ! Прообразъ колонны — ноги нѣмки, виднѣющіяся изъ подъ задраннаго платья".

"Бобчинскій" глупо засмѣялся. Онъ прокашлялся, повидимому, тоже собираясь разсказать что-то о женскихъ ногахъ.

Иванъ Ивановичъ хотѣлъ рѣшительно заступиться за русскихъ женщинъ. Ему почему-то вспомнился това-

рищъ по квартирѣ во времена студенчества, словесникъ Пименовъ, работавшій надъ памятниками древней русской письменности, относящимися къ Смутному Времени. Пименовъ нашелъ въ "Повѣсти князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго" описаніе Ксеніи Годуновой и, какъ увѣрялъ Ивана Ивановича, "влюбился въ нее". Пименовъ все цитировалъ это описаніе: "Ксенія - отроковица чюднаго домышленія, зѣлною красотою лѣпа, бѣла велми, червлена губами, очи имѣя черны велики, свѣтлостію блистаяся; когда же въ жалобѣ слезы изо очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію блистаху зѣлною. Власы имѣя черны, велики, аки трубы по площамъ лежаху... Писанію книжному навычна". Вотъ идеалъ русской женщины! — восторженно восклицалъ Пименовъ. Вотъ родоначальница тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя работали на тифѣ и на холерѣ.

Иванъ Ивановичъ хотѣлъ длинно и обстоятельно, какъ привыкъ, начать возраженіе по пунктамъ.

Tiens! — крикнулъ вдругъ журналистъ, раздвигая кусты. — Вотъ находка! смотрите!

Подъ кустами, въ канавѣ лежало что-то, похожее на кучку тряпокъ. Присмотрѣвшись, Иванъ Ивановичъ увидалъ сапогъ, кусокъ шинели, свалявшейся отъ грязи, маленькую плоскую шапку безъ козырька, съ краснымъ околышемъ и нѣсколько костей. Повидимому, нѣкоторыя кости были уже унесены собаками.

— Дохлый бошъ! - сказалъ журналистъ. - Заползъ, должно быть, раненый въ канаву и здѣсь издохъ. Поэтому его и не замѣтили, когда убирали поле.

У Ивана Ивановича защекотало въ носу отъ слезъ. Съ поразительной яркостью онъ представилъ себѣ смертельно раненаго неизвѣстнаго германскаго солдата, заползшаго въ кусты, чтобы тамъ умереть. "Бобчин-

скій" тоже сталъ серьезенъ. Онъ подумалъ, потомъ снялъ шляпу и перекрестился.

Съ дороги, гдѣ стоялъ автомобиль, раздались сердитые звуки трещетки, возвѣщавшей, что пора ѣхать.

IV.

Шато-Тьери. Точнѣе, тутъ былъ красивый, нарядный, полный историческихъ воспоминаній городокъ Шато-Тьери. Всюду развалины. Въ рѣкѣ лежатъ бокомъ затопленныя купальни. Старинныя мельницы на дубовыхъ сваяхъ, обросшихъ зелеными водорослями. Вѣка не могли подточить эти громадныя сваи; но значительная часть ихъ превращена въ щепки непріятельскими и своими снарядами. Рядъ домовъ безъ крышъ, безъ оконъ и дверей. Стѣны обгорѣли. Сквозь пробоины видны кучки мусора отъ обрушившихся потолковъ. При нѣкоторыхъ домахъ были сады, но деревья обгорѣли. Желѣзныя рѣшетки садовъ распаялись или скрутились отъ огня. Печально глядятъ изъ обгорѣлыхъ садовъ статуи съ отбитыми ногами и руками. Готическая церковъ. Она разрѣзана какъ будто исполинскимъ ножемъ. Въ глубинѣ видно громадное черное распятіе до самаго потолка. У подножья креста Богоматерь. Она держитъ на колѣняхъ тѣло сына, только что снятое съ креста. Она подняла руки, скорбно вопрошая небо. Одна нога у Христа отбита снарядами. Лицо Богоматери тоже повреждено осколкомъ.

— Мы тутъ завтракаемъ, шоферъ? — спросилъ толстый фабрикантъ.

— Да, вотъ сейчасъ пріѣдемъ.

Автомобиль остановился у подъѣзда одного дома. На первый взглядъ онъ показался Ивану Ивановичу нарядной виллой богатаго француза, удалившагося отъ дѣлъ на покой. Затѣмъ Иванъ Ивановичъ замѣтилъ, что

стѣны пробиты, что жалюзи изломаны, что входная дверь расщеплена, а въ лѣпномъ потолкѣ — нѣсколько отверстій.

— Это не гостинница? — спросилъ толстый фабрикантъ у шофера.

— Нѣтъ. Хозяинъ былъ богатый рантье. У него состояніе было въ русскихъ бумагахъ. Теперь потерялъ все. И вотъ онъ стряпаетъ для туристовъ, объѣзжающихъ поля сраженія, а его жена и дочь прислуживаютъ.

Картины, книги на французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ, хорошія ноты, все показывало, что тутъ жили люди образованные, съ хорошо развитымъ вкусомъ.

Проголодавшіеся пассажиры нетерпѣливо ждали, когда подадутъ полдникъ. Худощавая, блѣдная дама, улыбаясь, начала спрашивать пассажировъ, что они будутъ пить.

— Ау? — переспросилъ толстый, черный мужчина, съ выпученными рачьими глазами. Это былъ одинъ изъ пассажировъ, сидѣвшихъ въ купэ.

— Will you take wine ? — ласково, по англійски спросила дама.

— No! — сердито отвѣтилъ господинъ съ выпученными глазами.

— Perhaps beer ?

— No beer for me! — еще болѣе сердито отвѣтилъ онъ. Дама подошла къ слѣдующему пассажиру съ тѣмъ же вопросомъ.

— Она меня спрашиваетъ, желаю ли я пива? — съ негодованіемъ обратился господинъ съ выпученными глазами къ сидѣвшему рядомъ капитану. — Меня, который похоронилъ Джона - Ячменное - Зерно въ Лосъ-Анджелосѣ и намѣренъ сдѣлать то же самое въ Европѣ.

— Такъ вы проповѣдникъ трезвости? — спросилъ капитанъ.

Рачьи глаза толстаго пассажира засверкали.. Онъ началъ говорить, повидимому, привычнымъ ему тономъ оратора съ платформы.

— Въ теченіе безчисленнаго ряда вѣковъ злой, старый Джонъ - Ячменное - Зерно прельщалъ, искушалъ, завлекалъ, обманывалъ, развращалъ, безумилъ, оскотинивалъ и озлоблялъ безпомощныя человѣческія существа. Джонъ-Ячменное-Зерно поноситель, заговорщикъ, лжецъ, воръ, грабитель, разоритель семейныхъ очаговъ, осквернитель дѣвицъ, оподлитель мужчинъ и убійца съ окровавленными руками. Священное материнство онъ погрузилъ въ тину, а нѣжныхъ младенцевъ уничтожилъ ударомъ объ камень. Теперь, Джонъ - Ячменное - Зерно, для тебя пришла погибель. Тебя задушили въ Калифорніи. Тебя задушили вообще въ Соединенныхъ Штатахъ. Ты околѣлъ въ странѣ свободныхъ и мужественныхъ людей. Ты слишкомъ долго жилъ, Джонъ! Теперь ты издохъ, похороненъ въ Америкѣ и больше не воскреснешь тамъ. Скоро мы тебѣ и здѣсь устроимъ похороны. Погребальная процессія повезетъ тебя прямо въ адъ. Мы скатимъ тебѣ туда бочки съ водкой и пивомъ. Твои плакальщики съ окровавленными руками и черными душами пойдутъ въ адъ вслѣдъ за своимъ вождемъ. Всѣмъ имъ уготовлено мѣсто тамъ, гдѣ червь не умираетъ и гдѣ огонь не угасаетъ.

— Колбасу, — вдругъ оборвалъ онъ.

— Что? — переспросилъ капитанъ.

— Пожалуйста, передайте мнѣ блюдо съ колбасой,— сказалъ обычнымъ тономъ господинъ съ выпученными глазами.

— Джонъ -Ячменное - Зерно единственный врагъ человѣческаго рода, — началъ опять проповѣдникъ,

пережевывая ломтики ліонской колбасы. — Онъ родоначальникъ всего зла на землѣ. Безъ него наступитъ рай. Согласны вы со мною?

— Единственный врагъ нашъ на землѣ, мнѣ кажется, это — глупость, и въ особенности, если она обусловливается гипнозомъ ума. Подъ вліяніемъ этого гипноза мы сидимъ въ темнотѣ, а увѣряемъ себя, что кругомъ насъ яркій свѣтъ, — спокойно отвѣтилъ капитанъ.

V.

— Если мы проѣзжали сегодня черезъ царство руинъ, то это, конечно, столица развалинъ, — подумалъ Иванъ Ивановичъ, когда желтый автомобиль въѣхалъ въ своеобразный городъ. Улицы были хорошо вымощены кубиками гранита и правильны, но по обѣимъ сторонамъ ихъ, вмѣсто домовъ, стояли лишь развалины, почернѣвшія отъ дыма или сѣрыя отъ дождей. Вотъ одна только передняя стѣна громаднаго дома. Въ дыры, гдѣ были окна, глядитъ августовское небо и, кажется, что у руинъ прекрасные, голубые глаза. Полуобгорѣлыя вывѣски на уцѣлѣвшей стѣнѣ показываютъ, что тутъ были магазины и банки. Дальше, какъ портикъ греческаго храма, стоятъ колонны, украшавшія когда-то фасадъ громаднаго зданія, отъ котораго осталась только безобразная куча мусора. Зданіе разрушено уже такъ давно, что не только на мусорѣ, но и на капителяхъ колоннъ пріютились кусты бурьяна. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были двери, видны почернѣвшія лиры и маски, высѣченныя изъ камня. Тутъ, очевидно, былъ театръ. Дальше цѣлый рядъ домовъ, у которыхъ вырвана передняя стѣна. Крыши погнулись, и черепицы, кажется, вотъ-вотъ сползутъ и посыпятся каменнымъ градомъ. Потолки во

всѣхъ этажахъ или обрушились, или висятъ наклонно. Высоко вверху, въ комнатѣ, гдѣ была, повидимому, дѣтская, стоитъ на выступѣ, оставшемся отъ обрушившагося потолка, кроватка. Она когда-то была обшита кисеей. Теперь отъ дождей кисея превратилась въ черную тряпку. Видны боковыя улицы, въ которыхъ не только нѣтъ домовъ, но и мостовая сплошь завалена еще кучами мусора. Нѣсколько плѣнныхъ нѣмецкихъ солдатъ, сдвинувъ маленькія, выцвѣтшія шапки съ красными околышками, лѣниво ворочаютъ лопатками, расчищая мусоръ.

— Sales boches! — говоритъ журналистъ. Дама съ большими зубами сердито показываетъ имъ рожки. Былъ богатый городъ съ большой торговлей, со школами, газетами, учеными обществами, театрами, великимъ прошлымъ. Словомъ, былъ Реймсъ. Теперь осталось только прошлое. Вотъ площадь съ громаднымъ соборомъ. Отъ него остались только почернѣлыя стѣны, безъ крыши. Когда то стѣны этого собора были украшены безчисленными каменными фигурами, то прекрасными, то уродливыми. Средневѣковые мастера изобразили въ этихъ фигурахъ и свое религіозное настроеніе, и испуганную мысль, и сатиру надъ мѣстными тиранами. Тутъ были святые, которыхъ ангелы вводятъ въ рай, и мытари, блудницы и аббаты, которые, подплясывая, идутъ въ адъ, конвоируемые діаволами. Теперь отъ всего этого остались только обломки. Высоко на контрфорсахъ стѣнъ видны, вмѣсто статуй, нѣмецкіе плѣнные, выгребающіе мусоръ.

На площади передъ соборомъ — статуя Орлеанской дѣвы. То есть, была статуя, какъ говоритъ надпись на пьедесталѣ. Теперь статую увезли, опасаясь, что она достанется нѣмцамъ, если они возьмутъ городъ. Самъ пьедесталъ, представляющій собою моно-

литъ, свернутъ въ сторону разорвавшимся снарядомъ. На площади передъ соборомъ сосредоточена вся дѣловая жизнь Реймса, но нищенская торговля, которая, какъ бурьянъ, возникаетъ только на развалинахъ: въ наскоро сколоченныхъ будкахъ продаютъ открытки и сувениры для праздныхъ туристовъ. Дѣловой, богатый городъ сошелъ на положенiе нищаго. На улицахъ нѣтъ совершенно лошадей. Стоятъ только автомобили съ туристами. Война разорила десятки тысячъ людей, но она, какъ фортуна въ баснѣ, насыпала золотомъ кошель многихъ нищихъ. И теперь величайшее развлеченiе для новыхъ богачей — поѣздки въ разрушенные города, чтобы видѣть новыхъ нищихъ.

Городъ напоминаетъ больного, дыханье котораго зловонно. Удушливая вонь выходитъ изъ люковъ на мостовыхъ, такъ какъ вся подземная система каналовъ разрушена.

— Много теперь жителей въ городѣ? — допытывается у шофера "Бобчинскiй", у котораго руки наполнены только что прiобрѣтенными сувенирами.

— Тысячъ тридцать, я думаю.

— А во время бомбардировки сколько ихъ было?

— Говорятъ, тысячъ пять.

— Гдѣ же они жили?

— Въ винныхъ погребахъ. Тамъ же и школы были. Школы не закрывались все время.

Шоферъ покосился на сувениры и засмѣялся.

— Чего только не вывезли американцы въ видѣ сувенировъ ? Французы вывозятъ карточки, перстни изъ алюминiя отъ ударныхъ трубокъ, ну, ружейные и пулеметные патроны, которые поднимаютъ на поляхъ битвъ. Американцы не довольствуются этимъ. Всѣ они усиленно стремятся увезти какую нибудь челюсть или берцовую кость убитаго. Еще недавно такихъ трофе-

евъ много валялось всюду. Одинъ американецъ увезъ столбъ съ двумя бронзовыми досками, обозначавшій прежде границу между Франціей и Германіей. Другой американецъ подкупилъ сторожей въ соборѣ и увезъ большую каменную статую Бога-отца. Въ другой разрушенной церкви кюрэ показывалъ американцамъ остатки алтаря. Они увезли тайкомъ въ видѣ сувенировъ евангеліе и крестъ. Кюрэ потомъ, черезъ газеты, слезно молилъ, чтобы ему возвратили евангеліе. Ну, и народъ! — покрутилъ головой шоферъ и засмѣялся.

— Въ сущности, человѣкъ—дикій, страшный звѣрь, — грустно началъ профессоръ по англійски, обращаясь къ капитану. — Мы знаемъ этого звѣря только въ связи съ процессомъ укрощенія, который называется цивилизаціей. Какъ только процессъ укрощенія остановится на время, — является вотъ это! — Профессоръ широкимъ жестомъ указалъ на руины и на жалкія будки. Какъ только забывается уговоръ, продиктованный цивилизаціей, то немедленно обнаруживается, что по природѣ своей homo sapiens злѣе тигра и коварнѣе гіены.

— Да есть ли въ городѣ нетронутые дома? — допытывалась дама съ сѣдыми волосами.

— Уцѣлѣли въ Реймсѣ только тридцать домовъ, — отвѣтилъ шоферъ. — Одинъ изъ нихъ — тотъ отель, гдѣ пробудемъ до завтрашняго дня. Завтра осмотримъ фортъ Помпель, а потомъ поѣдемъ въ Мецъ. Да, вотъ и отель.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Діонео.

———

Идея Учредительнаго Собранія

въ исторіи политическаго сомосознанія Россіи.

II. На перевалѣ XX вѣка.

Конецъ девяностыхъ годовъ и первые годы двадцатаго столѣтія.—Политическое пробужденіе и новыя попытки построенія программъ.—Возникновеніе россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. Программа и ея отношеніе къ принципамъ демократіи.—Партія соціалистовъ-революціонеровъ и ея программа.—«Освобожденіе» и «Союзъ освобожденія». - Идеологія революціи и оппозиціи. — Программа конституціонно-демократической партіи. — Учредительное Собраніе, какъ основной лозунгъ революціоннаго движенія 1905 года.—Попытка монополизаціи этого требованія.—Его модификація.—«Законодательное Собраніе съ учредительными функціями».—Партіи, включившія въ свои программы требованіе Учредительнаго Собранія.—Ихъ отношеніе къ принципу Учредительнаго Собранія.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка — въ продолженіе всего тринадцатилѣтняго царствованія Александра III и первой половины царствованія его злополучнаго сына — политическая жизнь Россіи замерла. Реакція царила безпросвѣтно и безраздѣльно, методически удушая всѣ проблески независимаго слова и мысли.

Лишенная возможности вступать въ непосредственное соприкосновеніе съ народными низами, искусственно изолированная отъ нихъ политическая идеологія вынуждена была на время исчезнуть съ открытой поверхности жизни. Ей пришлось уйти въ себя, въ свою собственную, поневолѣ ограниченную и мелкую подпольную

кружковщину, въ которой отъ недостаточнаго притока воздуха тускнѣли и блекли всѣ цвѣты и краски жизни. Сознаніе неизбѣжности грядущаго политическаго освобожденія Россіи, владѣвшее поколѣніемъ 70-хъ годовъ, перестало излучать свой яркій и жертвенный пламень. Этотъ пламень на время, если не совсѣмъ погасъ, то сталъ мигать и еле-еле теплиться.

Отдѣльныя попытки, дѣлавшіяся въ девяностые годы, для созданія "Партіи Народнаго Права" или "Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса", не возвысились до отчетливаго представленія о сущесвтѣ последовательной демократіи. Эти попытки, равно какъ и долгая и обостренная полемика противъ такъ называемыхъ "рабочедѣльцевъ", выдвинувшихъ по принципіальнымъ и по тактическимъ основаніямъ начало экономизма въ противовѣсъ политикѣ, — не встрѣтили широкаго сочувствія и резонанса въ окружавшей средѣ. Имъ суждено было остаться эпизодами, сохранившими значеніе лишь въ предѣлахъ мѣстныхъ интересовъ и внутренней жизни отдѣльныхъ нелегальныхъ кружковъ въ Россіи и въ эмиграціи.

Еще менѣе удачной оказалась единственная за это время легальная попытка, со стороны земскихъ круговъ, воздѣйствовать на правительство моральной силой своего общественнаго мнѣнія. На слѣдующій день послѣ извѣстнаго окрика Николая II, въ январѣ 1895 г., о томъ, что "въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтами объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія", въ Петербургѣ было распространено "Открытое письмо къ Николаю II". Оно не прибавило лавровъ земскому освободительному движенію. Въ отвѣтъ на окрикъ царя авторы письма жалобно оправдывались: "Ни въ одномъ земскомъ собра-

ніи не слышалось ни одного голоса противъ самодержавной власти, и никто изъ земцевъ не ставилъ вопроса такъ, какъ его поставили Вы. Наиболѣе передовыя земства и земцы настаивали или, вѣрнѣе, просили лишь о единеніи царя съ народомъ, о непосредственномъ доступѣ голоса земства къ престолу, о гласности и о томъ, чтобы законъ всегда стоялъ выше административнаго произвола“ (1).

Только на рубежѣ двухъ столѣтій, послѣ нѣкотораго освѣженія атмосферы, которое принесли съ собой прокатившіяся волны экономическихъ стачекъ рабочихъ и академическаго движенія студенчества, въ процессѣ своего развитія пріобрѣтавшія все болѣе опредѣленную политическую окраску, послѣ эпизодическихъ проявленій крестьянскаго движенія, въ началѣ текущаго столѣтія пробуждается политическая жизнь Россіи. Оживаетъ съ ней и политическая идеологія. Возникаетъ россійская соц.-демократическая рабочая партія. Складывается партія соціалистовъ-революціонеровъ. Создается нелегальный Союзъ Освобожденія. Появляются ”Искра“, ”Заря“, ”Вѣстникъ Русской Революціи“, ”Революціонная Россія“, ”Освобожденіе“. Параллельно съ всероссійскими органами и организаціями создаются и мѣстныя территоріально-національныя группировки и программы: польскія, литовскія, еврейскія, латышскія, украинскія, грузинскія, армянскія и т. д., слѣдующія своими путями, но, въ общемъ, программно и тактически совпадающія съ тремя основными линіями — соціалъ-демократической, соціалъ-революціонной и оппозиціонно-”освобожденской“.

Выпустивъ манифестъ о своемъ формальномъ возникновеніи въ 1898 г., россійская соціалъ-демократія

[1]) См. «За сто лѣтъ (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи».—Составилъ Вл. Бурцевъ.—1897.—Часть I, стр. 264.

фактически послѣ этого на нѣсколько лѣтъ погрузилась въ небытіе. И только въ 1903 г. на, такъ называемомъ, второмъ очерёдномъ съѣздѣ партія приняла программу, подготовленную для нея редакціями "Зари" и "Искры". Признавая "необходимымъ условіемъ соціальной революціи диктатуру пролетаріата", эта программа ставила рядъ "ближайшихъ цѣлей", причемъ высказывала "твердое убѣжденіе" въ томъ, что "полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе" указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій "достижимо лишь путемъ низверженія самодержавія и созыва Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ".

Формально программа соціалъ-демократіи сочетала соціализмъ съ демократизмомъ, диктатуру пролетаріата, какъ "завоеваніе пролетаріатомъ политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплоататоровъ", въ будущемъ съ требованіемъ Учредительнаго Собранія для настоящаго. И вся программа стоитъ не только въ прямой идеологической связи съ воззрѣніями "Группы Освобожденія Труда" начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, она сохранила и личную преемственность благодаря главному автору и защитнику обѣихъ программъ — Г. В. Плеханову.

Съѣздъ, на которомъ обсуждалась и принята была программа соціалъ-демократической партіи, былъ проникнутъ особымъ піэтетомъ къ своему предсѣдателю Плеханову, открывшему самый съѣздъ и подчеркнувшему въ первомъ же привѣтственномъ словѣ связь участниковъ съѣзда съ той группой "ветерановъ русской соціальдомекратіи, которая двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ 1883 г., впервые начала пропаганду соціальдемократическихъ идей въ русской революціонной ли-

тературѣ" (1). Тѣмъ большій интересъ и значеніе пріобрѣтаетъ пониманіе взаимоотношенія между принципами соціальной революціи и принципомъ демократіи, авторитетно данное на съѣздѣ Плехановымъ. Это пониманіе или толкованіе настолько выразительно и безпримѣрно по своему релятивистическому нигилизму, настолько глубоко связано съ господствующими и нынѣ въ соціалъ-демократическихъ кругахъ настроеніями, что мы считаемъ необходимымъ привести полностью весь относящійся къ этому пункту отрывокъ изъ протоколовъ съѣзда.

"Вполнѣ присоединяюсь -началъ свою рѣчь Плехановъ — къ словамъ тов. Посадовскаго". А Посадовскій между прочимъ сказалъ: "Нѣтъ ничего такого среди демократическихъ принциповъ, чего мы не должны были бы подчинить выгодамъ нашей партіи (восклицанія: "и неприкосновенность личности?") Да! И неприкосновенность личности! Какъ партія революціонная, стремящаяся къ своей конечной цѣли—соціальной революціи, мы исключительно съ точки зрѣнія скорѣйшаго осуществленія этой цѣли, съ точки зрѣнія выгоды нашей партіи должны относиться къ демократическимъ принципамъ. Если то или другое требованіе будетъ невыгодно намъ, мы его не будемъ вводить". (См. "Протоколы" съѣзда, стр. 169).

Въ развитіе этихъ словъ Плехановъ продолжалъ: "Каждый данный демократическій принципъ долженъ быть разсматриваемъ не самъ по себѣ въ своей отвлеченности, а въ отношеніи къ тому принципу, который можетъ быть названъ основнымъ принципомъ демократіи, именно къ принципу, гласящему, что salus populi suprema lex. Въ переводѣ на языкъ революціонера это

[1]) См. «Полный текстъ протоколовъ. -Второй Очередной Съѣздъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи».- -Изданіе Центральнаго Комитета.—Стр. 19.

значитъ, что успѣхъ революціи — высшій законъ. И если бы ради успѣха революціи потребовалось временно ограничить дѣйствіе того или другого демократическаго принципа, то передъ такимъ ограниченіемъ преступно было бы останавливаться. Какъ личное свое мнѣніе, скажу, что даже на принципъ всеобщаго избирательнаго права надо смотрѣть съ точки зрѣнія указаннаго мною основного принципа демократіи. Гипотетически мыслимъ случай, когда мы, соціалъ-демократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательнаго права. Буржуазія италіанскихъ республикъ лишала когда-то политическихъ правъ лицъ, принадлежавшихъ къ дворянству. Революціонный пролетаріатъ могъ бы ограничить политическія права высшихъ классовъ, подобно тому, какъ высшіе классы ограничивали когда-то его политическія права. О пригодности такой мѣры можно было бы судить лишь съ точки зрѣнія правила: salus revolutiae suprema lex. И на эту же точку зрѣнія мы должны были бы стать въ вопросѣ о продолжительности парламентовъ. Если бы въ порывѣ революціоннаго энтузіазма народъ выбралъ очень хорошій парламентъ — своего рода Chambre Introuvable, — то намъ слѣдовало бы стараться сдѣлать его **долгимъ парламентомъ,** а еслибы выборы оказались неудачными, то намъ нужно было бы стараться разогнать его не черезъ два года, а, если можно, то черезъ двѣ недѣли" (Тамъ же: "Протоколы", стр. 169).

Въ этихъ словахъ не въ зародышѣ только, а въ совершенно законченномъ и развитомъ видѣ дано идеологическое обоснованіе и оправданіе того "слова и дѣла", которое пятнадцать лѣтъ спустя фактически осуществили презрѣнные потомки прославленнаго отца марксизма и соціалъ-демократіи въ Россіи.

При этомъ интересно отмѣтить, что свой реляти-

визмъ въ отношенiи къ принципамъ демократiи Плехановъ сохранилъ до конца своихъ дней. Когда въ январѣ 1918 года на дѣлѣ осуществился "случай", "гипотетически" предвидѣнный Плехановымъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, послѣ "неудачныхъ" для себя выборовъ въ Учредительное Собранiе, большевики разогнали его даже не "черезъ двѣ недѣли", какъ рекомендовалъ Плехановъ въ 1903 г., а всего черезъ **семнадцать часовъ,** — Плехановъ имѣлъ поводъ снова подтвердить свою вѣрность прежнимъ взглядамъ. Въ "ежедневной рабочей газетѣ" "Наше Единство", выходившей въ Петроградѣ подъ редакцiей Г. В. Плеханова, въ полемическихъ фельетонахъ "Буки азъ — ба" редакторъ авторитетно разъяснилъ,—что "научный соцiализмъ о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ правилахъ политической тактики или, вообще, политики, судитъ съ точки зрѣнiя обстоятельствъ времени и мѣста; онъ отказывается смотрѣть на нихъ какъ на **безусловныя...** Цѣлесообразность — вотъ единственный критерiй его въ вопросахъ политики и тактики". Вмѣстѣ съ этимъ разъясненiемъ Плехановъ снова подтвердилъ свою вѣрность только одному безусловному принципу: благо народа—высшiй законъ. И я не разъ пояснялъ, что, въ переводѣ на революцiонный языкъ, принципъ этотъ можетъ быть выраженъ еще такъ: "высшiй законъ — это успѣхъ революцiи". ("Наше Единство", № 14 и 16. Петроградъ. Январь 1918 г.).

Полное тождество между политической идеологiей Плеханова и идеологiей тѣхъ, кто разогналъ Всероссiйское Учредительное Собранiе, въ этомъ пунктѣ — безспорно. И если одни разогнали Учредительное Собранiе во имя "успѣха революцiи" и съ точки зрѣнiя "выгодъ" своей партiи, а Плехановъ считалъ этотъ "разгонъ", когда онъ свершился, "ступенью къ гражданской войнѣ среди рабочихъ массъ Россiи", полагая, что "со-

браніе, которое разогнали на этихъ дняхъ "народные комиссары", обѣими ногами стояло на почвѣ интересовъ трудящагося населенія Россіи", и, "разгоняя его, "народные комиссары" боролись не съ врагами рабочихъ, а съ врагами диктатуры Смольнаго Института",— то такое расхожденіе въ практическихъ выводахъ изъ одинаковой идеологіи, быть можетъ, болѣе всего и ярче другого характеризуетъ самую идеологію. Утвержденіе "цѣлесообразности" единственнымъ и достаточнымъ критеріемъ для политической оцѣнки оказалось равносильнымъ отрицанію всякихъ политическихъ оцѣнокъ, критеріевъ и принциповъ.

Рядомъ съ такимъ, болѣе чѣмъ условнымъ и относительнымъ, признаніемъ принциповъ демократіи, значительно выигрывало отношеніе къ этимъ принципамъ со стороны партіи соціалистовъ-революціонеровъ, организаціонно сложившейся нѣсколько позднѣе соціальдемократической партіи.

Еще въ 1902 году, въ прокламаціи по поводу убійства министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина соціалистомъ-революціонеромъ Степ. Балмашевымъ, боевая организація партіи заключила серію обычныхъ революціонныхъ лозунговъ возгласомъ: "Мы требуемъ созыва всенароднаго Земскаго Собора!" (1).И въ проектѣ партійной программы, выработанномъ редакціей "Революціонной Россіи" и опубликованномъ ею въ маѣ 1904 года, въ № 46, на основѣ проекта, составленнаго руководителями партіи въ 1903 г., — не совсѣмъ оставленъ этотъ терминъ "всенародный Земскій Соборъ", отождествлявшійся авторами съ идеей Учредительнаго Собранія. Только на исходѣ бурнаго 1905 года, когда нелегально на Иматрѣ собрался первый съѣздъ пар-

¹) См. «Да здравствуетъ Народная Воля!»—Историческій Сборникъ. № 1.—Paris 1907.—Стр. 31.

тіи соціалистовъ-революціонеровъ, и программа получила окончательную свою формулировку, — въ нее было включено отчетливымъ образомъ и требованіе Учредительнаго Собранія.

Программа заканчивалась обязательствомъ партіи отстаивать свою программу "переустройства всѣхъ современныхъ порядковъ въ духѣ установленія свободнаго народнаго правленія, необходимыхъ личныхъ свободъ и защиты интересовъ труда" въ Учредительномъ Собраніи. Но вмѣстѣ и рядомъ съ этимъ дается обѣщаніе эту же программу "стремиться непосредственно проводить въ революціонный періодъ". Въ этой "непосредственности" сказалась шуйца партіи, ея происхожденіе и неизжитая связь съ унаслѣдованнымъ идеологическимъ прошлымъ: якобинизмомъ "Народной Воли" эпохи ея упадка и марксизмомъ въ его примитивнѣйшей интерпретаціи. Марксизму была отдана и другая, можетъ быть, скорѣе словесная дань, наложившая, однако, свою печать на все послѣдующее развитіе партіи, ея идеологіи и практики.

Программа партіи соціалистовъ-революціонеровъ признавала условно, "въ случаѣ надобности", возможность "временной революціонной диктатуры" рабочаго класса "для реорганизаціи производства и всего общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ". Въ "диктатуру" программа вкладывала свой особый смыслъ, который былъ вскрытъ на съѣздѣ однимъ изъ главныхъ авторовъ программы и идеологомъ партіи Тучкинымъ—Черновымъ. "Диктатура есть такая форма власти,—говорилъ В. М. Черновъ,—которая предполагаетъ исключительныя положенія и отсутствіе нормальнаго функціонированія государственно-правовыхъ органовъ, правильныхъ юридическихъ гарантій и т. п.". "Къ такой власти можетъ прибѣгать и большинство про-

тивъ неподчиняющагося сильнаго меньшинства, и меньшинство противъ побѣжденнаго нечаяннымъ натискомъ, но готовящагося къ реваншу большинства" (1).

При такомъ толкованіи идея диктатуры, понимаемая обычно въ формальномъ смыслѣ,какъ насиліе меньшинства надъ большинствомъ или какъ захватъ власти меньшинствомъ, утрачивала свое антидемократическое жало. Идея диктатуры здѣсь трактовалась въ матеріальномъ смыслѣ, по **содержанію** тѣхъ полномочій, которыми надѣлялся носитель диктатуры и которыя по своему объему совпадаютъ, въ общемъ, съ тѣмъ, что обычно разумѣютъ подъ терминомъ "сильной власти".

Какой бы смыслъ ни придавали идеологи партіи с.-р. упоминанію въ программѣ диктатуры, какъ бы ни относиться къ предлагавшемуся ими толкованію, — во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того факта, что въ то время, когда складывалась партія и вырабатывалась и принималась партійная программа, въ рядахъ партіи были численно весьма значительные элементы, усвоившіе принципы народоправства не безповоротно, а условно: постольку, поскольку эти принципы могли закрѣпить побѣду революціи, обезпечить за народомъ землю и волю и приблизить къ "реорганизаціи всего общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ".

Въ самыхъ протоколахъ съѣзда можно найти слѣды сбивчиваго отношенія къ идеѣ Учредительнаго Собранія и какъ бы противопоставленіе требованія—Учредительнаго Собранія допущенію диктатуры, какъ мѣры, обезпечивающей завоеванія революціоннаго періода.

Такъ Поморцевъ-Вишнякъ, обращаясь къ присутствовашимъ на съѣздѣ будущимъ основателямъ народно-соціалистической партіи Н. Ф. Анненскому, А. В. Пѣ-

[1]) См. «Протоколы перваго съѣзда партіи соціалистовъ-революціонеровъ».—Загран. изданіе Центральнаго Комитета П. С.-Р.—1906 г., стр. 158—159.

шехонову, и В. А. Мякотину, поставилъ вопросъ: "преклонятся" ли они "передъ голосомъ" Учредительнаго Собранія, если оно "разорветъ формулу "Земли и Воли" и, закрѣпивъ землю за народомъ, отвергнетъ или ограничитъ народовластіе?" ("Протоколы", стр. 95) (1). Отвѣчавшій на этотъ вопросъ Турскій-Пѣшехоновъ основательно замѣтилъ : "Учредительное Собраніе, созванное при всѣхъ гарантіяхъ на основѣ всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго избирательнаго права, есть для меня верховная инстанція и бунтомъ противъ **такого** собранія я не пойду" ("Протоколы", стр. 96).

Содержаніе отвѣта давало основаніе заключить о томъ, что вопросъ предполагалъ возможность "бунта" противъ правомѣрно созваннаго Учредительнаго Собранія. Такого рода умозаключенія въ позднѣйшей партійной полемикѣ фактически и дѣлались. Между тѣмъ, существо вопроса, направленнаго къ выясненію разногласій, состояло вовсе не въ признаніи или отрицаніи права на бунтъ противъ Учредительнаго Собранія, а въ отношеніи къ принципу диктатуры: возможно ли его примирить съ требованіемъ Учредительнаго Собранія? Является-ли требованіе Учредительнаго Собранія требованіемъ безусловнымъ и единственно-возможнымъ или рядомъ съ нимъ, для обезпеченія народовластія допустимо и даже необходимо установленіе "временной революціонной диктатуры"?

Съ того времени партія с.-р. очищалась дважды: отъ входившихъ до 1906-1907 гг. въ ея ряды, такъ называе-

[1]) Пользуюсь случаемъ, чтобы указать ошибку, въ печати до сихъ поръ не отмѣченную.—При редактированіи протоколовъ 1-го съѣзда партіи с.-р. произошло смѣшеніе именъ—вѣрнѣе, псевдонимовъ—двухъ участниковъ съѣзда: Поморцева и Порошина. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя максималистическія рѣчи послѣдняго приписаны были первому такъ же, какъ и критическія замѣчанія, направленныя противъ Порошина, адресованы ошибочно—Поморцеву.

мыхъ, максималистовъ и отъ, такъ называемыхъ, лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ 1917 г. Нельзя, конечно, съ увѣренностью сказать, чтобы и послѣ двукратнаго своего очищенія партія с.-р. въ цѣломъ, вся, безъ остатка, признавала безусловную и абсолютную цѣнность демократическихъ принциповъ, самихъ по себѣ, независимо отъ всѣхъ другихъ ея политическихъ и соціальныхъ оцѣнокъ. Тѣмъ менѣе могло это имѣть мѣсто въ періодъ идеологическаго и организаціоннаго оформленія партіи.

Движеніе либерально-конституціонное или, какъ предпочитали его называть адепты, — конституціонно-демократическое по преимуществу не революціоннаго, а оппозиціоннаго характера получило свое литературное выраженіе въ редактированномъ П. Б. Струве въ 1902 году "Освобожденіи". Идеологически и организаціонно близкій къ этому органу Союзъ Освобожденія появился въ 1903 г. И "Освобожденіе", и Союзъ Освобожденія были нелегальны. Но главное свое вниманіе и вліяніе они обращали на земско-городскую среду и открытую оппозиціонно-политическую работу. "Освобожденіе" объявляло себя "партіей переворота", но считало, "съ точки зрѣнія историческихъ и политическихъ соображеній", "практически полезнымъ удержать монархическое начало въ томъ строѣ, который въ ближайшемъ будущемъ призванъ смѣнить русское самодержавіе" (№44, мартъ 1904 г.)

Въ октябрѣ 1904 г. состоялась въ Парижѣ Конференція "оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій россійскаго государства", на которой было выработано частичное и временное соглашеніе между рядомъ соціалистическихъ, демократическихъ и либеральныхъ партій. Въ этомъ первомъ опытѣ "коалиціи", организованномъ по инициативѣ финляндцевъ, приняли участіе

представители Союза Освобожденія, Польской Національной Лиги (Liga Narodowa), Польской Соціалистической Партіи (П. П. С.), Партіи соціалистовъ-революціонеровъ, Грузинской партіи соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ (Сакартвело), Армянской революціонной федераціи (Дрошакъ) и Финляндской партіи активнаго сопротивленія. Къ постановленіямъ Конференціи позднѣе присоединилась Бѣлорусская Соціалистическая Громада. Россійская соціалъ-демократическая партія, соціалъ-демократія Польши и Литвы и Украинская революціонная партія прислали мотивированный отказъ отъ участія въ Конференціи. Декларація, изданная парижской конференціей, оставляя неприкосновенными программы и тактическіе пріемы каждаго изъ контрагентовъ, констатировала, что всѣ названныя партіи "одинаково признаютъ" однимъ изъ "основныхъ принциповъ и требованій": "замѣну самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ" (1). Объ Учредительномъ Собраніи декларація не упоминала ни въ какой формѣ.

Революціонная и оппозиціонная идеологія, формулировавшаяся въ значительной мѣрѣ за предѣлами Россіи, въ эмиграціи, взяла рѣзко курсъ на Учредительное Собраніе подъ вліяніемъ тѣхъ событій внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя пришлось пережить Россіи за время войны съ Японіей, послѣ убійства Плеве и подъема общественнаго и народнаго движенія.

Еще въ октябрѣ четвертаго года проф. Е. Трубецкой говорилъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ "намъ нечего" будетъ "бояться ни внѣшняго, ни внутренняго

[1]) См. «Протоколъ» конференціи и «Декларацію» въ № 56 «Революц. Россіи» отъ 5 декабря 1905 г. и въ № 17 «Листка Освобожденія» отъ 2 дек. 1904.

врага"; онъ славилъ "престолъ, собравшій вокругъ себя землю". (См. "Право". — Еженедѣльная юридическая газета. — СПБ. — №39 за 1904 г.) Для подцензурной печати и это казалось необычайнымъ. Е. Трубецкому вторили своими постановленіями нѣкоторыя земскія собранія.

А всего только черезъ мѣсяцъ, въ связи съ собравшимся въ Петербургѣ 6-9 ноября "частнымъ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей", уже посыпались заявленія, категорически требовавшія созыва Учредительнаго Собранія. Эти заявленія, направлявшіяся къ "частному совѣщанію", исходили, правда, отъ безвѣстнаго "собранія кіевскихъ общественныхъ дѣятелей", "собранія въ Москвѣ", "слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ" и т. д. (1) Самое же совѣщаніе 106 земцевъ, несмотря на свой частный характеръ, не рискнуло включить въ свои пункты требованіе Учредительнаго собранія. Мнѣніе большинства — болѣе радикальнаго, чѣмъ меньшинство — по существу склонилось къ идеѣ Земскаго Собора. Знаменитый 11-ый пунктъ резолюціи скромно "выражалъ надежду, что Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа". (2)

Общественное возбужденіе зашло, однако, къ тому времени гораздо дальше того, чтобы остановиться на этой мало опредѣленной формулѣ, которую позднѣе, уже заднимъ числомъ, пробовали интерпретировать, какъ выраженіе пожеланія Учредительнаго Собранія.

---

[1]) См. «Земскій Съѣздъ 6-го и сл. ноября 1904 г.—Краткій Отчетъ.—Paris. 1905.—Приложеніе.

[2]) Тамъ же, стр. 17 и слѣд.

Политическая весна съ ея бурнымъ половодьемъ прорывала всѣ плотины и преграды и явочнымъ порядкомъ, вопреки цензурнымъ и полицейскимъ запретамъ, неудержимо внѣдряла въ общественное сознаніе идею Учредительнаго Собранія. 22-го ноября 1904 г. впервые въ легальной печати появляется сообщеніе о томъ, что въ Петербургѣ на банкетѣ представителей интеллигентныхъ профессій въ количствѣ 676 человѣкъ принято было требованіе "немедленнаго созыва учредительнаго собранія изъ представителей всего населенія россійскаго государства". Съ газетныхъ столбцовъ, изъ полулегальныхъ собраній и открытыхъ банкетовъ, изъ отдѣльныхъ кабинетовъ и ресторановъ это требованіе перекочевало на улицу. Всѣ манифестаціи и демонстраціи дѣлаютъ его своимъ.

Возникающее въ первые дни 1905 года движеніе петроградскихъ рабочихъ первоначально не выходитъ за предѣлы экономическихъ требованій. Только съ развитіемъ движенія, въ самомъ процессѣ стачечной борьбы, оно эволюціонировало въ сторону политики. Лишь 6-го января стоявшій во главѣ движенія священникъ Гапонъ впервые присоединилъ къ экономическимъ требованіямъ "пункты"политическаго характера: амнистію, отдѣленіе церкви отъ государства, всеобщее обученіе и "самую главную просьбу" — Учредительное собраніе. Въ самой "петиціи", съ которой 9 января петербургскіе рабочіе съ ихъ "женами, дѣтьми и безпомощными старцами-родителями", въ числѣ "больше 300 тысячъ", пошли къ Зимнему Дворцу, пунктъ объ Учредительномъ Собраніи былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: "Разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ, и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ... Не

отталкивай же его (народа) помощь, прими его; повели немедленно сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій...Пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачѣ голосовъ — это самая главная наша порсьба ; въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго эти раны вѣчно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти."

9-го января былъ нанесенъ окончательный ударъ утопической мечтѣ добиться созыва Учредительнаго Собранія путемъ всеподаннѣйшаго ходатайства и полюбовнаго соглашенія самодержавія съ народоправствомъ. И уже ночью того же краснаго воскресенья Гапонъ "разрѣшалъ" "солдатскую клятву измѣннику-царю, приказавшему пролить неповинную народную кровь", и привѣтствовалъ "начало народной борьбы за свободу". Революціонное движеніе получило рѣзкій и сильный толчокъ. Послѣ девятаго января оно стало развиваться быстрѣе, шире и глубже. "Девятое января, — писалъ тогда же В. Г. Короленко, — поднялось надъ единообразіемъ нашей "равнинной исторіи", надъ ея буераками и оврагами, подъ холмиками "довѣрія" и извилинами бюрократической реакціи, — какъ первый крупный изломъ нашего горизонта, за которымъ, быть можетъ, въ загадочномъ туманѣ уже рисуются другіе — и выше, и обрывистѣе, и круче". ("Русское Богатство" за 1905 г. № 1, стр. 167-168).

Движеніе развивалось подъ знакомъ Учредительнаго Собранія. Этотъ лозунгъ съ каждымъ мѣсяцемъ вербовалъ все новыхъ сторонниковъ, пріобрѣтая признаки требованія всенароднаго, общенаціональнаго. Зо-

ву времени отдали дань всѣ классы и профессіи. Идея Учредительнаго Собранія, казалось, покорила всѣ умы и вкусы. И отечественная литература, въ качествѣ памятника 1905 года, сохранила такія мало изящныя вирши, въ которыхъ писательское чутье взяло рѣшительный верхъ надъ послѣдними остатками художественной чуткости :

"Долой безправіе ! Да здравствуетъ свобода !

И Учредительный да здравствуетъ Соборъ ! ",

— восклицалъ В. Г. Танъ, примиряя разомъ сторонниковъ Земскаго Собора съ защитниками Учредительнаго Собранія.

Въ условіяхъ, переживавшихся Россіей послѣ девятаго января, остававшійся нелегальнымъ Союзъ Освобожденія , естественно, не могъ не прислушаться къ единодушному голосу страны, все настойчивѣе требовавшему созыва Учредительнаго Собранія. Въ опубликованной впервые въ № 69-70 "Освобожденія" (отъ 20/7 мая 1905 г.) программѣ Союзъ Освобожденія находилъ, что "тяжелый, и внѣшній, и внутренній кризисъ, переживаемый Россіей, въ настящее время настолько обострился, что народъ долженъ взять разрѣшеніе этого кризиса въ свои руки, вмѣстѣ съ другими общественными группами, выступившими противъ существующаго режима". Союзъ, поэтому, требовалъ "немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на началахъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ для выработки русской конституціи". То же требованіе мы находимъ въ изданномъ приблизительно тогда же "Основномъ Государственномъ Законѣ Россійской Имперіи" съ предисловіями, примѣчаніями и объяснительной запиской. Въ первомъ предисловіи за подписью Петра Струве указывается, что текстъ Закона былъ установленъ нѣсколькими членами Союза Осво-

божденія еще "въ октябрѣ 1904 г., т. е. до январьскихъ событій". Подъ непосредственнымъ вліяніемъ январьскихъ событій въ немъ явился, можетъ быть, лишь отдѣлъ XII — "О выработкѣ и приведеніи въ дѣйствіе основного государственнаго закона". Здѣсь опредѣленно и категорически признается "единственнымъ и правильнымъ путемъ къ осуществленію программы... ...Созывъ Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всенароднымъ прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ.. Только въ такомъ случаѣ законъ этотъ будетъ исходить изъ соотвѣтствующаго его значенію источника — изъ воли народа". (1)

Притягательная сила идеи Учредительнаго Собранія оказалась настолько значительной, что она вызвала даже попытку заявить привиллегію на этотъ лозунгъ для монопольнаго его использованія въ партійныхъ и классовыхъ цѣляхъ.

"Требованіе Учредительнаго Собранія, будучи нѣкогда выставлено въ письмѣ Исполнительнаго Комитета Народной Воли Александру III (2), было первою изъ нынѣ дѣйствующихъ политическихъ партій введено въ свою программу партіей россійскаго пролетаріата, въ противовѣсъ, такъ легко прикрывавшей собою славянскія мечтанія, стереотипной формулѣ "Земскаго Собора". Такъ писалъ Л. Мартовъ въ "Искрѣ" (№ 79 отъ 1 дек. 1904 г.). Ему вторилъ Ф. Данъ, въ той же "Искрѣ" (№ 86 отъ 3 февраля 1905 г.) утверждавшій, что "Соціалъ-демократія одна несла его (лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собраня) рабочему классу, и, не руководя петербургскимъ движеніемъ организаціонно, она

[1]) См. «Основной государственный законъ Россійской Имперіи»—Проэктъ русской конституціи, выработанный группой членовъ «Союза Освобожденія».—Изданіе редакціи «Освобожденія».—Paris. 1905.—Стр. 33—34 и VII.

[2]) Неточность этого утвержденія мы отмѣтили въ предыдущей главѣ.

въ значительной степени руководила имъ политически" (1). Когда же авторъ цитируемыхъ строкъ попытался генеалогически установить преемственную вѣрность соціалъ-демократіи идеѣ Учредительнаго Собранія, ему не оставалось упомянуть ни о чемъ другомъ, кромѣ "Соціалъ-демократа", выходившаго въ Женевѣ въ 1890 и 1892 гг. А тамъ, въ этомъ "трехмѣсячномъ литературно-политическомъ обозрѣніи", въ статьѣ по поводу голода, написанной Плехановымъ, нельзя было, увы, найти ничего иного, кромѣ противорѣчиваго сочетанія "стереотипной" славянофильской формулы съ требованіемъ, якобы впервые введеннымъ "партіей россійскаго пролетаріата". "Всѣ... честные русскіе люди... — читаемъ мы въ этой статьѣ — должны немедленно начать агитацію въ пользу созванія Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль Учредительнаго Собранія, т. е. положить основы новаго общественаго порядка въ Россіи" (раздядка подлинника: "La Démocratie-Socialiste". — "Соціалъ-Демократъ". — Книга четвертая. — 1892 г. — Стр. 101).

Если одни вмѣстѣ съ ростомъ движенія пытались монополизировать притягательный для массъ лозунгъ Учредительнаго Собранія, то другіе, еле успѣвъ принять этотъ лозунгъ, вмѣстѣ съ встрясками и колебаніями, испытываемыми движеніемъ, стали колебаться и въ правильности только что принятаго ими рѣшенія. Неустойчивость обнаруживалась не только въ моменты неудачъ и пораженій. Она проявлялась и въ моменты крайняго напряженія и подъема движенія, особенно ярко сказываясь въ періоды достиженія какихъ-либо видимыхъ, хотя бы ничтожныхъ или призрачныхъ результатовъ. Именно тогда рѣзко падала кривая полити-

[1]) См. «Искра». — Центр. Органъ Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи. «За два года». — Изд. С. Н. Салтыкова. — Стр. 202 и 266.

ческихъ устремленій среднихъ колеблющихся и малоустойчивыхъ группъ и элементовъ.

Начиная съ указа 12 декабря 1904 г., продолжая рескриптомъ на имя Булыгина 18 февраля 1905 года, пріемомъ земской депутаціи 6 іюня и кончая учрежденіемъ (законодательной) Государственной Думы 6 августа, — каждая изъ этихъ датъ служила новымъ поводомъ къ тому, чтобы либерально - конституціонные круги на столбцахъ даже такихъ испытанныхъ органовъ, какъ " Русскія Вѣдомости ", " Право ", даже радикальный "Сынъ Отечества", — провозглашали наступленіе "новой эры", "поворотнаго дня", "новой грани въ нашей исторіи" и т. п. Стоило, однако, пройти всего нѣсколькимъ недѣлямъ вслѣдъ за "новой эрой", и тѣ, кто провозглашали ея наступленіе, сами убѣждались, что все осталось по старому. И опять ихъ политическія устремленія становились болѣе рѣшительными, ихъ оппозиція болѣе яркой и послѣдовательной впредь до слѣдующей "новой эры".

Такая двойственность создала объективныя условія для двоякаго рода толкованія въ будущемъ политической идеологіи "освобожденскаго", или земско-городского теченія, оформившагося въ процессѣ движенія 1905 года въ самостоятельную политическую партію — конституціонно-демократическую, или партію народной свободы.

Въ іюлѣ 1905 г. въ "Русскихъ Вѣдомостяхъ" былъ опубликованъ "Проектъ основного закона Россійской Имперіи", выработанный комиссіей бюро общеземскихъ съѣздовъ. Этотъ проектъ отличался отъ упомянутаго выше "Основного государственнаго закона", спроектированнаго группой членовъ Союза Освобожденія , тѣмъ, что онъ не обладалъ "законченностью" послѣдняго, а "какъ бы слѣдуя установившейся у насъ

законодательной практикѣ, вливаетъ новое содержаніе въ старыя формы, служа дополненіемъ, измѣненіемъ и отмѣною существующихъ законовъ". (См. редакціонную замѣтку "Русскихъ Вѣдомостей" № 180). Перепечатывая этотъ проектъ заграницей, редакторъ "Освобожденія" предпослалъ ему предисловіе, въ которомъ называетъ проектъ "политической программой общеземскихъ съѣздовъ". Предисловіе датировано — "Сентябрь 1905 г." (1). Ни однимъ словомъ, ни въ какомъ сочетаніи эта политическая программа объ Учредительномъ Собраніи не упоминаетъ.

А черезъ мѣсяцъ учредительный съѣздъ партіи на своемъ полулегальномъ засѣданіи 14 октября 1905 г. въ Москвѣ, во время всероссійской стачки, объявлялъ "требованія забастовщиковъ" и среди нихъ — "свободное избраніе народныхъ представителей въ Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія" "общими съ требованіями конституціонно - демократической партіи". Заявляя "свою полную солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ", к.-д. партія въ эти дни видѣла "вопросъ уже не въ томъ, согласятся ли ввести политическую свободу сверху. Вопросъ только въ томъ, осуществится ли свобода путемъ насильственнымъ или мирнымъ: путемъ стихійнаго взрыва или организованнаго дѣйствія народной силы".

Пятый пунктъ постановленій, принятыхъ съѣздомъ на другой день послѣ изданія манифеста 17 октября, считалъ, что "Государственная Дума не можетъ быть признана правильнымъ народнымъ представительствомъ, и задачей конституціонно-демократической пар-

---

[1]) См. «Матеріалы по выработкѣ русской конституціи.— Выпускъ третій. Проектъ основного закона Россійской Имперіи».—Выработ. комиссіей бюро общеземскихъ съѣздовъ— изданіе ред. «Освобожденіе» - Paris. 1905.

тіи, поэтому, остается достиженіе поставленной раньше цѣли — Учредительнаго Собранія, на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, съ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія".

Соотвѣтственно съ этимъ и депутація, такъ называемаго, "Организаціоннаго бюро съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей", въ лицѣ Головина, Кокошкина и Г. Е. Львова, въ бесѣдѣ съ графомъ Витте, состоявшейся 21 октября, опредѣленно заявила: "Единственный выходъ изъ настоящаго положенія — созывъ Учредительнаго Собранія для выработки основного закона". И В. Д. Набоковъ — одинъ изъ видныхъ участниковъ и земско-городскихъ сѣздовъ, и конституціонно-демократической партіи могъ въ то время съ безспорнымъ основаніемъ сказать, что "созывъ Учредительнаго Собранія является непосредственной и ближайшей задачей дѣятельности партіи" (1).

И всего черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли ноябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, собравшійся почти въ томъ же составѣ и подъ руководствомъ тѣхъ же политическихъ лидеровъ, поименнымъ голосованіемъ, большинствомъ 137 голосовъ противъ 80 столь же опредѣленно отвергъ предложеніе включить въ резолюцію требованіе о "созывѣ Учредительнаго Собранія".

Участники ноябрьскаго съѣзда впослѣдствіи распредѣлились между партіями "мирнаго обновленія", "союза 17-го октября", "демократическаго союза конституціоналистовъ" и т. д. Всѣ правые члены съѣзда — братья Гучковы, гр. Гейденъ, кн. Волконскій, Стаховичъ и др., естественно, голосовали противъ включе-

---

[1]) См. «Право». — № 41 отъ 25 окт. 1905 г. — Ст. 3401, 3475 и 3477.

нія въ резолюцію требованія Учредительнаго Собранія. Но въ этомъ голосованіи солидарными съ ними оказались и многіе члены съѣзда, принадлежавшіе къ конст.-демократической партіи и входившіе въ руководившее съѣздомъ Бюро. Отъ имени послѣдняго П. Н. Милюковъ внесъ и защищалъ резолюцію, которая и была принята большинствомъ голосовъ: 204 противъ 23. Резолюція требовала отъ правительства "немедленнаго изданія акта о возможно скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей всеобщей, прямой, равной и закрытой подачей голосовъ и о формальной передачѣ первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи Россійской Имперіи, для переустройства на демократическихъ началахъ земскаго и городского самоуправленія и для проведенія иныхъ мѣръ, необходимыхъ при установленіи новаго правопорядка (1).

Съ созывомъ Государственной Думой, въ процессѣ ея борьбы за существованіе и расширеніе своихъ правъ, -- первая часть этой формулы отпала; осталась лишь вторая — "передача первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій" и т. д. Такимъ образомъ видоизмѣненной формулѣ въ теченіе революціоннаго періода — конца 1905 и первой половины 1906 гг., суждено было играть роль неоффиціальнаго выраженія программно-тактическихъ взглядовъ к.-д. партіи. Оффиціальная же программа партіи, прокламируя въ 57 статьяхъ-тезисахъ основныя права гражданъ и принципы государственнаго устройства, финансовой и экономической политики и т. д., ни словомъ не упоминаетъ ни объ Учредительномъ Собраніи, ни о передачѣ учредительныхъ функцій первому собранію народныхъ

[1]) См. Отчетъ о съѣздѣ въ «Правѣ». № 15-16, ст. 3703.

представителей, ни о какомъ бы то ни было иномъ пути или методѣ воплощенія въ жизнь провозглашаемыхъ партіей началъ.

Формула о передачѣ первому народному представительству учредительныхъ функцій внесла не мало смуты въ политическое самосознаніе русской общественности. По внутреннему своему смыслу она исходила, по существу, изъ той же точки зрѣнія, съ которой кн. Григорій Волконскій, еще въ началѣ 1903 г., излагалъ свой "Взглядъ на современное положеніе въ Россіи". По мнѣнію кн. Волконскаго, "планъ русской конституціи можетъ быть успѣшно выработанъ только Учредительнымъ Собраніемъ, а это законодательное собраніе можетъ, въ свою очередь, появиться лишь съ соизволенья Государя Императора, какъ результатъ совмѣстной работы Земскаго Собора и правительства, послѣ того, какъ этотъ Соборъ высказался бы за переходъ къ конституціонной монархіи" (1).

Въ передачѣ учредительныхъ функцій законодательному собранію одни склонны были видѣть отрицаніе Учредительнаго Собранія или, во всякомъ случаѣ, нѣчто весьма отличное отъ послѣдняго. "Учредительныя функціи Думы — это вовсе не равнозначуще Учредительному Собранію", заявилъ проф. Е. Трубецкой на съѣздѣ въ ноябрѣ. (См. "Право" № 44, ст. 3625). Другіе хотѣли видѣть "въ учредительныхъ функціяхъ" лишь менѣе "отвлеченную и доктринерскую" постановку вопроса объ Учредительномъ Собраніи, — какъ выразился П. Н. Милюковъ (2). "Если члены к.-д. партіи вотировали противъ Учредительнаго Собранія, то въ этомъ слѣдуетъ усматривать несогласіе съ названіемъ,

---

[1]) Кн. Григорій Волконскій «Взглядъ на современное положеніе въ Россіи». — Штутгартъ. 1903.—Стр. 6.

[2]) См. П. Н. Милюковъ: «Годъ Борьбы».—Публицистическая Хроника. 1905—1906.—СПБ. 1907.—Стр. 123.

а не съ сущностью его", — авторитетно разъяснялъ авторъ передовой статьи въ "Правѣ" № 45-46. "По существу не предъявляется возраженій противъ Учредительнаго Собранія, желательно лишь измѣнить названіе, въ виду того того спеціальнаго характера, который придается этому понятію партіями соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ". (Тамъ же, ст. 3662).

Условность толкованія новой формулы подчеркивалась зависимостью отъ того, кто, когда и предъ кѣмъ ее интерпретировалъ. Такъ П. Н. Милюковъ, обращаясь къ общественному мнѣнію не Россіи, а Западной Европы, въ письмѣ въ «Correspondance Russe» писалъ тогда же: "Я говорилъ графу Витте, что при современномъ состояніи кризиса — величайшій рискъ вести Россію къ нормальному положенію путемъ тройныхъ выборовъ: въ неправильную Думу, которая составитъ правильный избирательный законъ, потомъ — въ Учредительное Собраніе, собранное на основаніи этого закона, и, наконецъ, уже — въ нормальное законодательное собраніе на основаніи хартіи, какую дастъ Учредительное Собраніе. Я говорилъ, что путь этотъ слишкомъ длиненъ, чреватъ боковыми толчками и катастрофами... и что при недовѣріи общества къ октроированной хартіи, всего лучше сократить путь прямымъ созывомъ Учредительнаго Собранія, какъ и требуетъ того русское общество". (1).

Новой политической формулѣ была придана и новая теорія.

Учредительное Собраніе, согласно этой теоріи, оказывалось компетентнымъ лишь для выработки конституціи и только ея одной. Между тѣмъ разрѣшеніе и другихъ, формально неконституціонныхъ вопросовъ

[1]) «Годъ Борьбы», стр. 183-184.

также не терпитъ отлагательства. Заниматься текущей законодательной работой, выходящей за предѣлы выработки основныхъ законовъ, — Учредительное Собраніе не призвано. Ожидать созыва послѣ Учредительнаго новаго законодательнаго собранія — не позволяетъ время. Выходъ изъ положенія — возможность совмѣщенія функцій Учредительнаго Собранія съ обычными законодательными функціями — даетъ законодательное собраніе, надѣленное учредительными функціями.

Въ помощь такой конструкціи была призвана исторія. И проф. В. М. Гессенъ намѣтилъ два историческихъ типа Учредительныхъ Собраній въ зависимости отъ способа ихъ возникновенія. Одни Учредительныя Собранія создаются въ результатѣ торжества революціи и надѣлены суверенитетомъ. Другія созываются иногда, правда, ущербленной въ своемъ престижѣ, но все же существующей верховной властью, и потому суверенитетомъ не пользуются; во всякомъ случаѣ, —не пользуются имъ безраздѣльно. Созывъ такихъ Учредительныхъ Собраній предусмотрѣнъ почти всѣми конституціями въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ вопросъ объ измѣненіи конституціи.

Искусственность этой теоріи, приспособленной къ практическимъ нуждамъ времени и мѣста, Россіи 1905 года, бьетъ въ глаза. Учредительное Собраніе, не обладающее суверенитетомъ, конечно, не есть Учредительное Собраніе, въ собственномъ смыслѣ слова, — начинающее собой новый правовой рядъ. Это особенно относится къ тѣмъ Учредительнымъ Собраніямъ, которыя созываются при отсутствіи опредѣляющаго ихъ созывъ конституціоннаго текста, когда они собираются не для пересмотра дѣйствующей конституціи, согласно предусмотрѣнному ею порядку, а со спеціальной цѣлью впервые установить конституцію въ странѣ.

Западно-европейская практика знаетъ примѣры Учредительныхъ Собраній съ заранѣе точно очерченной компетенціей. Но она знаетъ также, что обыкновенно такія Учредительныя Собранія не удерживались въ предѣлахъ тѣхъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ они были созваны. Обыкновенно они выходили далеко за эти предѣлы. Такъ сдѣлало послѣднее Учредительное Собраніе во Франціи въ 1871 г. Такъ поступило бельгійское Учредительное Собраніе въ 1830 г. То же произошло и съ англійскимъ Долгимъ Парламентомъ въ XVII вѣкѣ.

Произвольно ограничивая и съуживая компетенцію Учредительнаго Собранія, новая теорія столь же произвольно расширяла до безпредѣльности полномочія законодательнаго собранія съ учредительными функціями. Предѣлы полномочій были намѣчены довольно просто: путемъ ариѳметическаго сложенія функцій учредительныхъ съ функціями нормальнаго законодательствованія. Полученная сумма была присвоена ad hoc придуманному учрежденію. Такъ создалась новая конструкція взамѣнъ до того пользовавшагося общимъ признаніемъ различенія учредительнаго и законодательнаго собраній не по способу ихъ возникновенія, а по содержанію и объему ихъ полномочій или функцій. Учредительное Собраніе, осуществляющее функціи чрезвычайнаго законодательствованія, т. е. полномочія юридически болѣе высокаго порядка или болѣе широкаго объема, при такомъ различеніи, естественно, включало въ себя, какъ элементъ или проявленіе, и функціи нормальнаго законодательствованія. И ни для какого противопоставленія Учредительнаго Собранія собранію законодательному, надѣленному учредительными функціями, при такомъ пониманіи не оставалось мѣста.

Новая теорія создалась подъ явнымъ давленіемъ политическихъ соображеній, для оправданія опредѣленнаго тактическаго плана.

Невзирая на оффиціальное заявленіе о томъ, что вопросъ "согласятся ли ввести политическую свободу сверху" уже не существуетъ, этотъ вопросъ больнѣе другихъ тревожилъ политическую совѣсть руководителей партіи к.-д. съ перваго же дня образованія партіи. Отвѣтственные лидеры ея не разставались съ мечтой о "реформѣ" сверху взамѣнъ "ниспроверженія" снизу. Отсюда ихъ готовность подчинить рѣшенія Учредительнаго Собранія "утвержденію Государя"; отсюда — ограниченіе компетенціи Учредительнаго Собранія "составленіемъ основного закона" взамѣнъ "полноты власти", которую могла бы не "требовать", а "взять" побѣдоносная революція; отсюда — заявленіе, что "истолкованіе термина "Учредительнаго Собранія" въ смыслѣ "республиканскихъ" стремленій только что народившейся партіи народной свободы" равносильно "клеветнической дѣятельности"; отсюда, наконецъ, — подчеркнутое отмежеваніе отъ того смысла, который придавался требованію Учредительнаго Собранія революціонными партіями (1).

Соблазнившая партію к.-д. мечта не оставляла ее, несмотря на всѣ уроки жизни. Ни упорная неуступчивость власти, ни неожиданно-блестящая побѣда партіи на выборахъ въ первую Государственную Думу не побудили ее отступить отъ первоначальной тактики. На партійныхъ совѣщаніяхъ, на публичныхъ собраніяхъ и лекціяхъ, въ печати и изустно В. М. Гессенъ, П. Н. Милюковъ, П. Б. Струве и другіе доказывали предпочтительность формулы "законодательное собраніе съ учре-

[1]) См. очень выразительныя въ этомъ отношеніи строки у П. Н. Милюкова: «Годъ Борьбы». —Стр. 154—155 и 273—274.

дителньыми функціями“ съ точки зрѣнія государственно-правовой, исторической и реально-политической (1).

Самый манифестъ 17-го октября пробовали истолковать въ смыслѣ признанія начала народнаго представительства съ учредительными функціями. ”Въ манифестѣ 17 октября дальнѣйшее развитіе главнѣйшаго коренного общественнаго пожеланія — ”общаго избирательнаго права“ — было представлено уже не разсмотрѣнію верховной власти, а сужденію Думы. На языкѣ государственнаго права это значило, что Дума получала ”учредительныя“ функціи. Функціи эти были еще расширены прямымъ признаніемъ правительства, что Думѣ же принадлежитъ и окончательное изданіе законовъ о ”свободахъ“, вмѣсто публикуемыхъ нынѣ ”временныхъ правилъ“ (2).

Искусственная тенденціозность такого толкованія, принадлежавшаго Милюкову, становится особенно рельефной, если вспомнить, что предшествовавшимъ семнадцатому октября манифестомъ 6 августа Государственная Дума учреждалась, какъ ”особое законосовѣщательное установленіе“. 17-го октября Дума была преобразована въ установленіе законодательнаго характера. И только. Перемѣна была значительная. Но никакихъ спеціальныхъ учредительныхъ функцій Думѣ не было придано. И этого нельзя было прочесть ни ”на языкѣ государственнаго права“, ни въ текстѣ манифеста.

Такъ могуча и неистребима была вѣра въ ”учредительныя функціи“ Думы у авторовъ и апологетовъ этихъ функцій, что ее не поколебали даже акты 20 февраля 1906 г., односторонней волей верховной власти

---

1) См. статью А. Леонтьева: «Учредительное Собраніе» въ ежемѣс. журналѣ—«Русское Богатство» № 11 12 за 1905 г., стр. 136, 137 и 140.

2) См. «Годъ Борьбы».—Стр. 273.

декретировавшіе сверху "Учрежденіе Государственной Думы" и, рядомъ съ нимъ, — "Учрежденіе Государственнаго Совѣта". "Мы указывали уже въ нашей газетѣ, —писалъ П. Н. Милюковъ въ "Рѣчи" въ послѣднихъ числахъ марта 1906 г., — что даже и законы 20 февраля оставляютъ полную возможность "реформы", такъ какъ не относятъ подлежащія измѣненію основы нашего конституціоннаго устройства къ незыблемымъ "основнымъ законамъ". До тѣхъ поръ, пока дѣло остается въ такомъ положеніи,—созданномъ всѣми предыдущими актами, — путь "реформы" остается открытымъ и практика "учредительныхъ функцій" Думы ничѣмъ и никому грозить не могутъ... Въ перечнѣ пунктовъ, которые должны составить содержаніе будущей конституціи, ни учрежденіе Думы и Совѣта, ни избирательный законъ, ни законы о свободахъ не введены. Такимъ образомъ, остается надежда, что "учредительныя функціи" Думы не встрѣтятъ препятствія въ прямомъ запрещеніи закона". (См. "Годъ Борьбы", стр. 274-275).

Наконецъ, и послѣ 23 апрѣля, когда съ изданіемъ "Основныхъ Государственныхъ Законовъ", забронировавшихъ и Учрежденія Думы и Совѣта, и избирательный законъ отъ какихъ бы то ни было "учредительныхъ" поползновеній съ чьей бы то ни было стороны, помимо верховной власти, когда "практика "учредительныхъ функцій" Думы" отпала прежде всего потому, что была распущена самая Дума, — и тогда надежды на то, что путь "реформы" все-таки не окончательно закрытъ, не покинули тѣхъ, кто "въ постановкѣ вопроса объ Учредительномъ Собраніи русской интеллигенціей" видѣлъ и не перестаетъ и сейчасъ видѣть много "отвлеченнаго и доктринерскаго".

Помимо указанныхъ главныхъ политическихъ партій и программъ, существовали и другія. Почти всѣ онѣ

датируются 1906 г., когда впервые открылась возможность легальнаго существованія партій. Нѣкоторыя изъ нихъ включили въ свои программы требованіе Учредительнаго Собранія. Такъ, "радикальная партія" считала "своей ближайшей задачей немедленный созывъ Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго для всѣхъ гражданъ и гражданокъ равнаго, прямого и тайнаго голосованія" (1). То же требованіе, въ нѣсколько иной редакціи: "созывъ Учредительнаго Собранія, основаннаго на всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ всѣхъ гражданъ, достигшихъ 25 лѣтъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія", — заявила и партія свободомыслящихъ" (2).

Наконецъ,лѣтомъ того же 1906 г. выработанъ былъ проектъ программы народно - соціалистической партіи подъ лозунгомъ: "все для народа и все черезъ народъ". Свой съѣздъ партія собрала впервые только въ іюнѣ 1917 г. Но уже въ 1906 году образовался "Организаціонный комитетъ" партіи. "Главное назначеніе проектируемой народно-соціалистической партіи—писалъ тогда же одинъ изъ ея основателей и идеологовъ—заполнить пробѣлъ, неизбѣжно оставляемый дѣятельностью существующихъ соціалистическихъ партій", закрытыхъ, въ силу своей конспиративности для широкихъ массъ (3). "Открытая и демкратически настроенная" народно-соціалистическая партія стремилась "собрать" и "включить въ рамки" своей легальной организаціи эти массы, поскольку онѣ не умѣщались въ предѣлахъ остававшейся

---

[1]) См. «Полный Сборникъ Платформъ всѣхъ русскихъ политическихъ партій»—Изд. второе ПНШ.—1906. Стр. 31.

[2]) Тамъ же, стр. 33.

[3]) См. «Народно-Соціалистическія Обозрѣнія».—Выпускъ первый. 1906 г.—СПБ.—Стр. 6. — Ст. В. Мякотина: «О народно-соціалистической партіи».

нелегальной партіи соціалистовъ-революціонеровъ, изъ рядовъ которой вышли первоначальные основатели, идеологи и лидеры новой партіи. Программа народно-соціалистической партіи возлагала свои "надежды" "не на диктатуру какого-либо одного класса, а на силы и волю всего народа"; она видѣла "передъ собою только одну цѣль—народное благо, и знала къ ней только одинъ путь—черезъ народную волю". "Исходя изъ основного своего положенія, что судьба народа должна быть устраиваема самимъ народомъ", народно - соціалистическая программа обѣщала добиваться созыва Учредительнаго Собранія, которое обладало бы "всей полнотой власти для устройства политической и соціальной жизни страны" (1).

Организаціонный Комитетъ народно - соціалистической партіи воздержался отъ включенія въ свою програму пункта съ требованіемъ демократической республики. Формально "за установленіе въ Россіи демократической республики", н.-с. партія высказалась впервые лишь въ мартѣ 1917 года (2). Такое воздержаніе отъ обычнаго для соціалистическихъ и революціонныхъ программъ требованія вызывалось не столько невѣрностью демократическимъ началамъ, сколько уклоненіемъ отъ революціоннаго принципа. Оно объяснялось соображеніями тактическими: желаніемъ во что бы то ни стало удержаться на поверхности жизни, быть легальной, не уходить въ подполье. Если не считать отмѣченнаго уклона, о народно - соціалистической программѣ

[1]) См. Программа трудовой (народно-соціалистической) партіи (подлежащая утвержденію учредительнаго съѣзда партіи)—Стр. 4, 5 и 11.

[2]) См. «Бюллетень Московскаго Комитета народно-соціалистической (трудовой) партіи». № 1.—М. 1917 г.—Стр. 11. Примѣчаніе.

можно съ полнымъ правомъ сказать, что идеологически она полнѣе всѣхъ другихъ политическихъ партій насыщена началами народоправства и народовластія.

Этимъ программамъ практически не суждено было стать достояніемъ не только широкихъ слоевъ народа, но и болѣе ограниченныхъ круговъ русскаго образованнаго общества. Народно - соціалистическую программу сдѣлалъ своей лишь болѣе или менѣе узкій кружокъ профессіональныхъ литераторовъ и ученыхъ, группировавшихся вокругъ журнала "Русское Богатство". О программахъ партій радикальной и свободомыслящихъ нельзя сказать и этого. На политической аренѣ, открытой или подпольной, литературной или какой иной, представителей этихъ партій не было ни слышно, ни видно. Только въ анналахъ 1906 года можно найти самыя названія этихъ партій.

Въ революціонномъ и оппозиціонномъ движеніи начала XX-го вѣка содержаніе и развитіе политическаго самосознанія Россіи, по преимуществу, опредѣлялись идеологіей партій с.-д., с.-р. и к.-д.

На исходѣ первой фазы русской революціи, въ 1905-1906 гг., соціалъ-демократія политическое удареніе ставила въ своей программѣ не на "демократію", а на то, что ею подразумѣвалось подъ частицей "соціалъ". Соціалисты-революціонеры, оставаясь въ принципѣ соціалистами и народниками - демократами, свою ударную силу сосредоточили прежде всего на революціи, такъ таковой, въ разсчетѣ черезъ нее придти и къ демократіи, и къ соціализму. Наконецъ, конституціонно-демократическая партія на протяженіи всего этого періода сохранила два варіанта, аспекта или лика своей идеологіи: болѣе ярко выраженный ликъ конституціонный, довѣрчиво устремленный въ сторону единенія съ мо-

нархомъ, путемъ реформы сверху; и другой — менѣе рѣшительный, временами почти конфузливый ликъ демократическій—въ сторону единенія съ народомъ и признанія началъ послѣдовательнаго народоправства. Это признаніе, впрочемъ, все-таки не доходило до того, чтобы открыто и оффиціально включить въ свою программу требованіе Учредительнаго Собранія.

Политическая дѣйствительность россійскаго абсолютизма была полярно противоположна и стихійно враждебна началамъ народоправства и народовластія. Казалось, только пылкіе мечтатели, неисправимые идеалисты и оптимисты, при всякихъ условіяхъ взыскающіе новаго града, могли думать и говорить объ Учредительномъ Собраніи, какъ воплощеніи послѣдовательнаго демократизма, въ годы безпросвѣтной реакціи XIX и XX вѣковъ. Реальнымъ политикамъ, трезвымъ и искушеннымъ, Учредительное Собраніе рисовалось настолько отдаленнымъ идеаломъ, осуществимымъ быть можетъ, только въ весьма неопредѣленномъ историческомъ будущемъ, — что этотъ идеалъ легко было принять и выдать за идола, которому поклоняется и молится, принося свои жертвенныя гекатомбы, свободолюбивая, но безпочвенная и доктринерская русская интеллигенція.

Пока Учредительное Собраніе оставалось въ мірѣ идей, мечтой, которой жили и за которую умирали поколѣнія русскихъ народолюбцевъ, борцовъ за право и права народа, оно не получило ни достаточно полнаго и послѣдвательнаго обоснованія, ни даже всеобщаго и безспорнаго признанія. Политическое самосознаніе оставалось еще далекимъ отъ того, чтобы признать Учредительное Собраніе цѣнностью безусловной и абсолютной, самой себѣ довлѣющей, независимо ни отъ

какихъ преходящихъ обстоятельствъ и соображенiй партiйной стратегiи или тактики.

Чтобы могло родиться и окрѣпнуть такое сознанiе, мало было пораженiя революцiи 1905-1906 г. Недостаточной, увы, оказалась и побѣда революцiи въ мартѣ 1917 г.

Маркъ Вишнякъ.

ИЗЪ ИТАЛІИ.

Италію могутъ спасти только упорный трудъ, сокращеніе потребленія и внутренній миръ.

Нитти.

Только революція можетъ спасти Италію.

Малатеста.

I.

— Kennst du das Land, wo die Citronen bluehen?... Kennst du es wohl?

На эти вопросы, по совѣсти, вы, навѣрное, отвѣтите отрицательно. Какъ представляется вамъ Италія? Чудесный климатъ, прозрачный воздухъ ("синее небо! небо Италіи!!"), плѣнительные пейзажи Сорренто, Кастелламаре, Таормины, безконечные музеи и церкви, переполненные прославленными твореніями искусства. Все это, конечно, не выдумки. Но и въ пѣсенкѣ Миньоны, и въ безконечныхъ иныхъ писаніяхъ объ Италіи — слишкомъ много воскреснаго, праздничнаго.

Въ Италіи бываютъ, однако, и будни. Не все же здѣсь "сладостный вѣтеръ подъ небомъ лазоревымъ вѣетъ"! Сейчасъ, напримѣръ, отвратительный рыжій туманъ окуталъ страну, и совѣсть не позволяетъ говорить о "прозрачности" промозглаго воздуха; день и ночь льетъ безконечный холодный дождь; рѣки вышли изъ береговъ, сокрушая прибрежныя селенія, тысячи

людей остались безъ крова и хлѣба, а въ большихъ городахъ, въ домахъ, неприспособленныхъ къ зимѣ, такой холодъ, что русскій человѣкъ ежится, кутается и болѣетъ. — Музеи?.. далеко не всѣ они открыты: медлительные итальянскіе чиновники еще не собрались перейти на мирное положеніе и есть даже церкви, въ которыхъ вы не увидите знаменитыхъ фресокъ, потому что церкви эти заняты подъ склады зерна. А во внутренней жизни страны столько горючаго матеріала, что здѣсь чувствуешь себя вѣчно на шагъ отъ катастрофы и не часто думаешь о красотахъ Таормины и Сорренто.

II.

Природа Италіи, дѣйствительно, великолѣпна. Когда золотою осенью проѣзжаешь по Тосканѣ, изящные холмы ея кажутся раемъ. Нарядно пестрѣютъ безконечныя гирлянды винограда, тяжело вися между опорными деревьями. За этимъ красивымъ обрамленіемъ серебрятся сады оливокъ, чернѣютъ группы задумчивыхъ кипарисовъ и всюду, куда ни кинешь взглядъ, наливаются и зрѣютъ плоды, плоды всевозможныхъ сортовъ и наименованій.

Но полная блеска и красокъ природа плохо обезпечиваетъ человѣка — и какъ разъ тѣмъ, что всего необходимѣе въ нашъ прозаическій вѣкъ: у Италіи мало своего хлѣба и вовсе нѣтъ каменнаго угля.

Подъ этимъ горячимъ небомъ, въ этомъ райскомъ саду земледѣліе развивается вяло и столѣтіями не мѣняетъ своихъ пріемовъ. Если вѣрить Лоренцо Гиберти, Адамъ, изгнанный изъ рая, запрегъ въ плугъ двухъ великолѣпныхъ воловъ и принялся за пахоту каменистой почвы. Такъ изобразилъ его знаменитый мастеръ Кватроченто на удивительныхъ дверяхъ флорентійскаго Баптистерія. Точь въ точь такихъ воловъ, такую же уп-

ряжь, такой же плугъ можете вы встрѣтить и теперь на каменныхъ поляхъ Тосканы. Собственное земледѣліе не прокармливаетъ Италіи, и вотъ почему до сей поры чуть не половина ея населенія изъ года въ годъ живетъ чужимъ, заграничнымъ хлѣбомъ (1).

Когда-то здѣсь процвѣтали торговля и промышленность. Но нарядныя фелуки великолѣпныхъ сыновъ великолѣпной Венеціи не прорѣзываютъ уже болѣе адріатическихъ и средиземныхъ волнъ; смолкла шумная дѣятельность флорентійскихъ гильдій, и груды драгоцѣнныхъ товаровъ, которыми Италія когда-то насыщала міръ, можно встрѣтить здѣсь... только на страницахъ исторіи. Съ тѣхъ поръ какъ каменный уголь завладѣлъ фабрикою и транспортомъ, Италія потеряла возможность конкурировать съ другими странами и товары ея — по дешевизнѣ, элегантности и прочности — значительно уступаютъ заграничнымъ. Она покупаетъ гораздо больше, чѣмъ продаетъ, и торговый балансъ неизмѣнно заключается не въ ея пользу.

Такимъ образомъ среди великолѣпной природы Италіи живетъ народъ не очень счастливый: ни земледѣліе, ни промышленность, ни торговля — не даютъ ему достаточныхъ возможностей приложенія силъ и достаточныхъ средствъ къ существованію. Многимъ итальянцамъ приходится покидать родину и искать счастья на чужбинѣ. Эмиграція растетъ и въ 1913 году, напримѣръ, почти милліонъ людей отправился искать работы заграницей (2).

---

[1]) По даннымъ Нитти (см. его письмо къ избирателямъ, опубликованное въ концѣ октября 1919 г.) — изъ 38 милліоновъ населенія отъ 15 до 18 милліоновъ живутъ привознымъ хлѣбомъ.

[2]) Въ 1913 г. (послѣднемъ передъ войною) болѣе 300 тыс. ушло на заработки въ другія европейскія страны, около 600 тыс. переправились въ Америку.

Особыхъ основаній для довольства, какъ видите, нѣтъ. И рабочій здѣшній, здѣшній крестьянинъ (въ громадномъ большинствѣ случаевъ безземельный), ворча и безъ всякаго подъема, примѣняетъ къ дѣлу свое медлительное трудолюбіе. Вѣкъ беззаботныхъ и счастливыхъ lazzaroni прошелъ и недовольство окружающими жизненными условіями давно стало обычнымъ настроеніемъ здѣшнихъ массъ. Еще Гоголь опредѣлялъ итальянскій характеръ какъ смѣсь добродушія и страстей. Добродушіе разряжало недовольство, а страстями итальянское правительство умѣло до поры до времени пользоваться въ цѣляхъ своей внѣшней политики. Эта политика всегда была наивно и откровенно эгоистична. Добиться здѣсь подъема и сочувствія массъ ко всякому иностранному предпріятію было нетрудно. Итальянцы очень склонны къ декламаціи; превосходная степень — самая употребительная грамматическая форма ихъ языка. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей премьеръ Нитти сказалъ: "Въ Италіи есть институтъ, который стоитъ выше всѣхъ государственныхъ властей, выше арміи, выше суда, выше всего; передъ нимъ все склоняется. Этотъ институтъ — реторика". Итальянцы, кромѣ того, крайне воспріимчивы ко всякому массовому движенію: вся страна вдругъ заражается возникшимъ въ ея предѣлахъ волненіемъ, вспыхиваетъ, кипитъ и... успокаивается. Такимъ образомъ даже несчастная Абиссинская экспедиція, даже борьба за пустыни Киренаики — на первыхъ порахъ возбуждали народный подъемъ и воодушевленіе.

III.

Когда разразилась европейская война, Италія оказалась въ положеніи очень трудномъ. Союзъ съ центральными державами не пользовался популярностью, несмотря на всѣ усилія и всю ловкость германской ди-

пломатіи. Этотъ союзъ сулилъ гигантскую борьбу и безконечныя лишенія; онъ открывалъ берега Италіи враждебной дѣятельности англійскаго и французскаго флотовъ и, даже въ случаѣ успѣха, очень мало могъ дать странѣ. Историческое нерасположеніе къ Австріи, мечты о Тренто и Тріестѣ, надежды на экономическую помощь "Согласія" — скоро взяли верхъ. Направленіе рѣзко обозначилось. Воодушевленіе охватило народныя массы. Полились рѣчи о довершеніи дѣла Гарибальди, объ освобожденіи братьевъ, стонущихъ подъ австрійскимъ игомъ... Страна всколыхнулась и протесты лѣвыхъ соціалистовъ потонули въ патріотическихъ крикахъ и манифестаціяхъ. Во время этихъ волненій правительство договаривалось въ Лондонѣ о цѣнѣ участія Италіи въ борьбѣ (апрѣль 1915 года). Въ маѣ, при большомъ подъемѣ, объявлена война Австріи.

Побѣда союзниковъ не принесла Италіи довольства и счастья. Война обошлась странѣ въ 100 милліардовъ лиръ. Число убитыхъ — 460 тысячъ чел.; число раненыхъ приближается къ милліону. Конечно, самыя смѣлыя мечты итальянскаго національизма осуществились. Но аппетитъ растетъ во время ѣды. Нѣкоторыя части Далмаціи и главное — Фіумэ ("Fiume italianissima!") не даются въ руки, какъ кладъ, заговоренный Вильсономъ. Еще не такъ давно президентъ Соединенныхъ Штатовъ былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Италіи. Его портреты можно было видѣть почти въ каждой витринѣ; его біографіи раскупались нарасхватъ; его имя, въ вѣнкѣ нѣжныхъ и почтительныхъ эпитетовъ, не сходило съ газетныхъ столбцовъ. Это время миновало. Ни портретовъ, ни біографій, ни нѣжныхъ эпитетовъ нѣтъ болѣе и въ поминѣ. Вильсонъ сталъ здѣсь однимъ изъ самыхъ ненавистныхъ людей. Одна простая женщина сказала мнѣ, сверкая глазами: "Да что много

разговаривать! ножъ въ бокъ проклятому упрямцу,и дѣлу конецъ!...“ Интеллигентные люди выражаются, конечно, менѣе опредѣленно. Но горечь обиды живетъ въ сердцахъ многихъ. Громадныя пріобрѣтенія Италіи отходятъ въ тѣнь, забываются, идутъ не въ счетъ. Имперіалистическіе элементы волнуются, негодуютъ, считаютъ войну проигранной. Со свойственной итальянцамъ пылкостью здѣсь стараются увѣрить другъ друга, что Италія дважды спасла союзниковъ — первый разъ своимъ нейтралитетомъ въ началѣ кампаніи,второй разъ своимъ выступленіемъ на поле брани. Есть люди, которые идутъ дальше: по ихъ версіи, именно Италія выиграла войну. При такихъ мнѣніяхъ и настроеніяхъ, беззастѣнчивый дѣлежъ добычи, именуемый Парижской конференціей, приводитъ здѣшнихъ патріотовъ въ ярость. Львиныя доли Франціи и Англіи не даютъ имъ спать спокойно. Имъ кажется, что мѣрила дѣлежа примѣнены разныя: для однихъ союзниковъ — ”своя рука — владыка“, для другихъ — положеніе второстепенныхъ державъ, одѣляемыхъ за хорошее поведеніе, но въ предѣлахъ хозяйской воли. Горечь обиды увеличивается сознаніемъ, что бороться съ такимъ положеніемъ вещей трудно. Финансы, продовольствіе, топливо Италіи цѣликомъ зависятъ отъ Америки и Англіи. Рѣзкій разрывъ невозможенъ. Д'Аннунціо своей авантюрой подчеркнулъ и обострилъ положеніе. Но въ душахъ оскорбленныхъ патріотовъ онъ находитъ полное сочувствіе. Въ концѣ конецъ, присоединеніе Фіумэ—вопросъ не столько экономики и реальныхъ выгодъ, сколько чувства. Но чувства играютъ большую роль въ Италіи.

Впрочемъ, не будемъ преувеличивать. Массы живутъ изо дня въ день не столько политикой, сколько иными, чисто личными интересами. Что же дали каж-

дому итальянцу въ частности героическія усилія европейской войны ?

Италія, какъ весь міръ, переживаетъ въ данную минуту глубокій экономическій и моральный кризисъ.

Нитти(1) нарисовалъ въ октябрѣ 1919 г. такую картину положенія страны :

1) "Дѣйтвительные расходы государства превышаютъ приблизительно въ три раза дѣйствительные доходы; приходится жить въ кредитъ и кредитоспособность уменьшается съ каждымъ днемъ. 2) Всѣ государственныя предпріятія даютъ убытокъ. Государство теряетъ на всемъ: на желѣзныхъ дорогахъ, на почтѣ, на телеграфѣ, на телефонѣ. Мы повысили цѣны на хлѣбъ, но цѣна эта ниже покупной и государство теряетъ на хлѣбной операціи не менѣе милліарда въ годъ. 3) Мы высылаемъ заграницу въ 4 или 5 разъ менѣе товаровъ, чѣмъ покупаемъ тамъ. 4) Государственый долгъ растетъ приблизительно на милліардъ въ мѣсяцъ. 5) Военные расходы, даже послѣ года мирнаго времени, еще превышаютъ военные расходы до войны".

Эта мрачная картина отнюдь не исчерпываетъ всѣхъ трудностей положенія. Промышленность, приспособленная къ нуждамъ войны, еще не успѣла перейти на мирное положеніе. Эмиграціонный отливъ населенія сократился до минимума и за пять лѣтъ нѣсколько милліоновъ "лишнихъ" людей осталось въ странѣ. Вездѣ безработица, которая растетъ по мѣрѣ демобилизаціи арміи. Небывало невыгодный торговый баллансъ (2), въ связи со щедрымъ выпускомъ бумажекъ и напряженіемъ всѣхъ кредитныхъ возможностей, — сильно отра-

---

¹) Предсѣдатель совѣта министровъ читаетъ курсъ финансоваго права въ университетѣ Неаполя.

²) Въ 1918 г. вывезено товаровъ на 3½ милліарда, ввезено на 16 милліардовъ лиръ.

зились на цѣнности денегъ: американскій долларъ стоилъ въ началѣ 1915 года пять лиръ, теперь онъ стоитъ почти 14. Кризисъ промышленности поднялъ цѣны внутри страны еще выше. Жизнь вздорожала за годы войны, по крайней мѣрѣ, въ 3 1/2 раза. Въ городахъ разразился сильнѣйшій квартирный кризисъ. Налоги растутъ, что называется, не по днямъ, а по часамъ...

IV.

Какъ видите, поводовъ къ недовольству — достаточно. И недовольство это глубоко захватило народныя массы. Оно уже не растворяется природнымъ добродушіемъ итальянцевъ. Оно непрерывно наростаетъ, сгущается, и время отъ времени прорывается въ тяжелыхъ эксцессахъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, напримѣръ, протесты противъ дороговизны «caro vivere» вылились въ безобразные грабежи. Движеніе захватило всю Италію. Во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ толпы людей всѣхъ званій, возрастовъ и состояній разбивали желѣзные щиты лавокъ и грабили.

Во Флоренціи среди этой возбужденной толпы я видѣлъ солдатъ въ формѣ. Власти растерялись и почти два дня бездѣйствовали. Рабочія организаціи ("Камеры труда"), пытались взять движеніе въ свои руки, "реквизируя" товары въ свою очередъ и собирая ихъ въ импровизированные склады. Испуганные торговцы вынуждены были согласиться на скидку со всѣхъ товаровъ въ 50 %. Когда подошли свѣжія войска и прибыли новыя, болѣе энергичныя власти, все вошло мало по малу въ прежнюю колею. Торговцы до сихъ поръ ищутъ свои убытки съ правительства, а бунтовавшая публика платитъ имъ 50 0/0 съ "прежней" цѣны, втихомолку увеличенной по крайней мѣрѣ въ три раза.

Какъ и слѣдовало ожидать, борьба съ дороговизною такими домашними средствами сдѣлала жизнь еще дороже. На этотъ разъ насилія не успѣли развернуться, хотя вдали отъ центра города толпа перешла уже къ грабежу жилыхъ домовъ.

Почтенный предсѣдатель совѣта министровъ съ истинно профессорскою вразумительностью и настойчивостью, твердитъ печатно и устно, что для спасенія страны есть только одна программа: внутренній миръ, интенсивный и непрерывный трудъ и сокращеніе потребленія. "Больше производить, меньше тратить; иначе Италія погибла". На этотъ голосъ разсудка жизнь отвѣчаетъ вакханаліей забастовокъ, бѣшенымъ бросаніемъ денегъ и непрерывными вспышками гражданской войны.

Бастуютъ всѣ — отъ рабочихъ всѣхъ наименованій до чиновниковъ, учителей и священниковъ. Бастуютъ оптомъ и въ розницу. Не знаю, можно ли указать группу людей, занятыхъ какимъ-нибудь дѣломъ, которая не бастовала бы одинъ, нѣсколько или много разъ. Эти перерывы работы перебрасываются изъ города въ городъ, группируются въ самыя неожиданныя комбинаціи и иногда сливаются въ такъ называемыя "всеобщія" забастовки. Многіе протесты такого рода весьма основательны: жизнь все дорожаетъ и нѣтъ возможности оставаться при старыхъ заработкахъ. Но эпидеміей забастовокъ все чаще и чаще начинаютъ пользоваться въ своихъ цѣляхъ вожди крайнихъ политическихъ партій. Часто они дѣйствуютъ весьма беззастѣнчиво. Такъ Римъ, проснувшись однажды, узналъ, что въ городѣ объявлена всеобщая забастовка по случаю... дня рожденія Ленина.

Извѣстный анархистъ Энрико Малатеста сказалъ на-дняхъ: "Нужна революція, чтобы вывести Италію

изъ финансоваго и экономическаго кризиса... Но пора бросить разговоры о сверканіи кинжаловъ и о заговорахъ въ катакомбахъ : революцію мы дѣлаемъ открыто. Буржуазія, особенно съ почтеннымъ Нитти во главѣ, каждый день уступаетъ часть своей власти и своихъ прерогативъ. Если она будетъ продолжать свои уступки — сегодня телеграфистамъ, завтра желѣзнодорожникамъ, послѣ-завтра чиновникамъ, — придетъ время, когда уступать будетъ нечего и она со вздохомъ облегченія передастъ намъ власть... Итальянскій пролетаріатъ завоевалъ многое, но ему предстоитъ добиться коммунизма, раззоренія буржуазіи, уничтоженія буржуазнаго режима и буржуазнаго правительства..."

V.

Такъ думаютъ не только анархисты. Вожди здѣшней соціалъ-демократіи ("оффиціальныхъ соціалистовъ") говорятъ почти то же. Война и здѣсь внесла глубокій расколъ въ среду соціалистовъ. Однако, въ противоположность Германіи, здѣсь большинство оказалось противъ войны; патріоты выброшены изъ партіи; они усилили собою небольшую группу "независимыхъ". Соціалисты оффиціальные вели борьбу противъ войны всякими средствами и, между прочимъ, саботировали, по мѣрѣ силъ и умѣнія, дѣйствія арміи. По размѣрамъ своимъ, партія не велика: кажется, число записанныхъ членовъ ея никогда не превышало 80 тыс. Въ парламентѣ "соціалисты оффиціальные" располагали 52 мѣстами. Но реакція противъ войны придала имъ силъ и значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ средѣ партіи обострилась борьба. Болѣе умѣренные элементы — съ Филиппо Турати во главѣ — отвергаютъ идею "диктатуры пролетаріата" и "опереточныя" революціи, уже стоившія странѣ столькихъ жертвъ ; они проповѣдуютъ не-

прерывную мирную работу для постепеннаго подъема самосознанія рабочихъ массъ и использованіе, въ интересахъ послѣднихъ, существующихъ демократическихъ учрежденій. Максималисты, напротивъ, утверждая, что соціальная революція уже началась, жаждутъ диктатуры пролетаріата, "республики совѣтовъ", немедленнаго введенія коммунистическаго строя. Имъ кажется непростительною тактической ошибкой упустить моментъ переживаемаго экономическаго и финансоваго кризиса.

Генеральное сраженіе между правымъ и лѣвымъ крыломъ партіи произошло осенью, на Болонскомъ съѣздѣ. Турати произнесъ великолѣпную рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе. Но делегаты прибыли на съѣздъ съ обязательными максималистскими наказами и торжество лѣвыхъ было полное. При крикахъ въ честь Ленина приняты предложенныя коммунистами резолюціи. Умѣреннымъ удалось отстоять только одну позицію: отвергнуть бойкотъ парламента: рѣшено участвовать въ выборахъ, но использовать парламентскую трибуну въ цѣляхъ революціи. Партія вышла на ноябрьскіе выборы съ яркими лозунгами, съ привѣтствіями московской "республикѣ совѣтовъ", съ проклятіями по адресу капитализма, "вовлекшаго Италію въ преступную войну", съ объявленіемъ крестоваго похода противъ буржуазіи.

Эффектъ страстной и энергичной агитаціи превзошелъ самыя смѣлыя предсказанія. 1½ милліона голосовъ подано за списки коммунистовъ — и имъ удалось провести въ палату 156 депутатовъ (изъ 508 общаго числа) (1).

Послѣ выборовъ пресса всѣхъ оттѣнковъ дружно

---

[1]) Соціалисты независимые и реформисты получили 27 мѣстъ.

обвинила буржуазію въ забастовкѣ, въ абсентеизмѣ, въ бойкотѣ парламента. Все это едва-ли вѣрно. Изъ 11 милліоновъ избирателей въ выборахъ участвовало 5.720.000, т. е. 52%. На предыдущихъ выборахъ поданныхъ голосовъ было еще меньше — всего 49% общаго числа. Стало быть, не можетъ быть рѣчи о какомъ-то исключительномъ абсентеизмѣ. Нѣтъ также основаній утверждать, что воздержалась отъ голосованія именно буржуазія. Напротивъ, постороннему наблюдателю кажется страннымъ, что чисто буржуазныя партіи, ссорясь между собою и выдвигая конкурирующіе списки, все же ухитрились провести въ палату болѣе 200 депутатовъ. Тяжелыя переживанія, экономическій кризисъ, дороговизна жизни — создали великолѣпную почву для демагогіи. И на выборахъ демагогія имѣла рѣшающій успѣхъ.

Положеніемъ воспользовались не только максималисты. Клерикалы, съ негласнаго благословенія папы, впервые привлекли къ предвыборной агитаціи дисциплинированную армію священниковъ. Они вступили въ открытую борьбу съ коммунистами, не скупились на обѣщанія, создали множество рабочихъ организацій, конкурирующихъ съ соціалистическими, и провели въ палату 101 депутута. Замѣчательно, что главные успѣхи эта новая "народная партія" ("Partito Popolare Italiano") одержала въ промышленныхъ раіонахъ сѣвера, то есть какъ разъ на поляхъ работы коммунистовъ и рядомъ съ ними. Въ слѣдующихъ выборахъ будутъ участвовать женщины и тогда вліяніе клерикаловъ должно еще усиливаться.

VI.

Но демагоги — не всегда идутъ впереди. Возбужденіе массъ прорывается постоянно то тутъ, то тамъ въ различныхъ эксцессахъ и, въ свою очередь, толка-

етъ демагоговъ все дальше и дальше. Среди населенія ходятъ темные слухи о близкихъ перемѣнахъ. Прислуга, мастеровые, рабочіе увѣрены, что "на дняхъ будутъ дѣлить между народомъ дома..." Въ деревнѣ, по разсказамъ, также ждутъ раздѣла земли. Забастовки, грабежи, народныя волненія вспыхиваютъ часто безъ всякаго участія профессіональныхъ революціонеровъ. А когда, въ свою очередь, революціонеры считаютъ необходимымъ выступленіе народныхъ массъ, эти послѣднія быстро выходятъ изъ повиновенія и задуманныя демонстраціи превращаются въ маленькія революціи, укрощаемыя военною силою, съ человѣческими жертвами съ обѣихъ сторонъ.

Въ началѣ декабря, по случаю тронной рѣчи, на улицахъ Рима произошли большія манифестаціи въ честь короля. Эти манифестаціи были отвѣтомъ на поведеніе соціалистовъ въ парламентѣ. Соціалисты вышли на улицы съ контръ-манифестаціями. Произошли столкновенія, во время которыхъ, между прочимъ, ранено нѣсколько соціалистическихъ депутатовъ. Въ видѣ протеста, партія объявила всеобщую забастовку въ странѣ. Забастовка продолжалась два дня и во многихъ мѣстахъ закончилась кровавыми столкновеніями. До чего могутъ дойти такого рода эксцессы, видно на примѣрѣ безпорядковъ въ Мантуѣ — маленькомъ и тихомъ провинціальномъ городкѣ. На 3 декабря, по распоряженію изъ Рима, мѣстная Камера труда объявила тамъ всеобщую забастовку. Городъ принялъ праздничный видъ; улицы наполнились рабочими; начались митинги. Выступили анархисты, требуя активныхъ дѣйствій. Толпа раздѣлилась. Между спокойными и горячими элементами произошли перебранки и столкновенія. Хозяевами поля дѣйствій остались экстремисты. Начались нападенія на войска, осада казармъ, охота за офицерами.

Войска вели себя сдержанно и стрѣляли въ воздухъ. Среди дня возбужденная толпа бросилась къ станціи. Разобраны рельсы, сломаны телеграфные и телефонные аппараты, уничтожено и разбито все, что попалось подъ руки. Наконецъ, дошла очередь до буфета. Полилось вино и пьяная толпа рѣшила... жечь тюрьму. Застигнутый врасплохъ караулъ обезоруженъ, сторожа и начальникъ тюрьмы избиты до полусмерти, уголовные преступники въ тюремныхъ костюмахъ присоединились къ толпѣ при общихъ радостныхъ крикахъ; зданіе разграблено и сожжено. Затѣмъ толпа напала на магазины оружія, разбила и разграбила ихъ и сожгла живымъ одного изъ владѣльцевъ. Весь вечеръ и часть ночи продолжалась охота на офицеровъ, солдатъ и "буржуазію": выстрѣлы по прохожимъ и грабежи производились изъ засадъ и съ захваченныхъ толпою автомобилей. На другой день подошли войска и порядокъ возстановленъ. За время безпорядковъ убито 7 человѣкъ, ранено до 50.

Эта всеобщая забастовка мало-гдѣ обошлась безъ раненыхъ и убитыхъ.

Были, впрочемъ, и безкровные,комическіе эпизоды. Такъ въ Бадзано (мѣстечко близъ Болоньи) на послѣобѣденномъ митингѣ ораторы увѣрили толпу, что отнынѣ владычество синьоровъ навсегда кончено, наступило время коммунизма, все стало общей собственностью и во всей Италіи провозглашена "республика совѣтовъ". Собственники трепетали — тѣмъ болѣе, что въ мѣстечкѣ нашлось только три блюстителя порядка. Впрочемъ, кто-то успѣлъ протелефонировать въ Болонью, и въ Бадзано быстро прибылъ отрядъ карабинеровъ. Между тѣмъ слухъ о "Бадзанской республикѣ совѣтовъ" распространился по окрестностямъ и со всѣхъ сторонъ туда двинулись толпы (главнымъ образомъ —

женщинъ), чтобы принять участіе въ раздѣлѣ имущества синьоровъ. Но въ Бадзано онѣ застали уже солдатъ и должны были ни съ чѣмъ разойтись по домамъ.

VII.

Положеніе правительства въ странѣ трудно. Пока ружья стрѣляютъ, оно справляется кое-какъ съ безпорядками и увольняетъ однихъ префектовъ за то, что они стрѣляли не во-время, а другихъ за то, что не стрѣляли во-время.

Но еще труднѣе положеніе правительства въ парламентѣ. Итальянская палата всегда отличалась неспокойнымъ нравомъ. Горячіе темпераменты и южныя страсти часто врывались въ ея дебаты и дѣлали мирное обсужденіе вопросовъ невозможнымъ. Но никогда еще Палата не представляла столь жалкаго зрѣлища. У соціалистовъ оффиціальныхъ нѣтъ основаній беречь парламентъ. Бамбачи, весьма откровенный глава партіи, сказалъ недавно журналистамъ: "Всякія иллюзіи безполезны. Мы стоимъ за саботажъ парламента и наше поведеніе въ Палатѣ — краснорѣчивое выраженіе этой идеи. Мы непримиримы и останемся таковыми. Мы противъ всякаго правительства — кто бы ни стоялъ у власти — Нитти, Орландо, Саландра или Джіолитти. Передъ нами наша максималистская программа, которую мы попытаемся выполнить въ возможно короткое время. Мы откажемся отъ этой тактики только въ тотъ день, когда захватимъ власть. А чтобы добиться этого, мы должны ускорить роспускъ Палаты и новые выборы".

Если почти треть парламента думаетъ такимъ образомъ, работать становится трудно. Самые грубые пріемы уличныхъ митинговъ воцаряются въ залѣ на Монтечиторіо. Свобода слова не существуетъ. Против-

ники коммунистовъ не могутъ говорить: слова ихъ ежеминутно прерываются: издѣвательство и грубая брань висятъ въ воздухѣ; если ораторъ все-таки ухитряется говорить, слова его покрываются дикимъ воемъ. Эта нетерпимость раздражаетъ и провоцируетъ отпоръ. Клерикалы, которымъ болѣе всего достается отъ коммунистовъ, мало-по-малу перенимаютъ ихъ тактику. Націоналисты слѣдуютъ тому-же примѣру. И несчастному Орландо остается только прерывать засѣданіе "среди адскаго шума".

У благонамѣреннаго и мягкаго правительства нѣтъ твердой и надежной опоры въ парламентѣ. 21-го декабря довѣріе министерству вотировали 242 голоса противъ 216. При этомъ клерикалы голосовали за него только потому, что "считали несвоевременнымъ взять власть въ свои руки". Среди либераловъ, демократовъ, радикаловъ, давшихъ голоса правительству, очень многіе недовольны его внѣшней и внутренней политикой. Нитти очень хотѣлъ бы опереться на "народные элементы" и на первыхъ порахъ всячески привѣтствовалъ побѣду коммунистовъ и "народниковъ" (клерикаловъ). Но совершенно ясно, что согласить эти воюющія державы нѣтъ возможности. Къ тому же коммунисты довольно грубо отвергли ухаживанія правительства, заявивъ ему въ парламентѣ, что премьеръ совершенно напрасно "строитъ имъ глазки". Это устремленіе налѣво не очень нравится правымъ, которые, скрѣпя сердце, поддерживаютъ до поры до времени министерство. Многимъ изъ нихъ не по нраву и холодная, реальная политика Нитти въ вопросѣ о Фіумэ и Далмаціи, его рѣзко отрицательное отношеніе къ предпріятію д'Аннунціо.

Когда Нитти откровенно рисуетъ Палатѣ тяжелое положеніе страны и взываетъ къ объединенію партій, къ мирной работѣ для возрожденія Италіи, — комму-

нисты отвѣчаютъ ему требованіями назначить комиссію для раскрытія виновниковъ войны. Для самихъ коммунистовъ вопросъ этотъ, конечно, давно рѣшенъ: во всемъ виноваты капитализмъ и буржуазія. Отбиваясь отъ этихъ стереотиповъ, Нитти вынужденъ былъ какъ то сказать, что при Адамѣ,насколько онъ знаетъ, не было еще ни капитализма, ни буржуазіи, а между тѣмъ не удалось избѣжать осложненій между Каиномъ и Авелемъ.

Другой разъ онъ указалъ коммунистамъ на"московскую совѣтскую республику", которая ведетъ непрерывныя войны внутри и внѣ страны.

VIII.

На отношеніяхъ къ Россіи необходимо остановиться.

Италія съ величайшимъ трудомъ и напряженіемъ дотянула войну и потому вопросъ о новой кампаніи противъ большевиковъ — никогда здѣсь не ставился и не могъ быть поставленъ.

Многіе итальянцы добродушно и сердечно сожалѣютъ о несчастьяхъ, переживаемыхъ нами. Но внѣшняя политика Италіи, какъ я говорилъ уже, грубо и откровенно эгоистична. Сильная Россія не нужна Италіи. Напротивъ, противупоставляя свои интересы славянскимъ, Италія очень довольна, что можетъ окончить расчеты съ "этими грубыми варварами" въ отсутствіи Россіи. Никому не приходитъ и въ голову вспомнить о жертвахъ Россіи во время войны, о томъ, что Брусиловское наступленіе спасло Италію. Россія здѣсь на положеніи страны побѣжденной и газеты недоумѣваютъ, почему къ ней не примѣнено принудительно дѣленіе на національности, осуществленное по отношенію къ Ав-

стріи. Усилія адм. Колчака и ген. Деникина не встрѣчали здѣсь никогда сочувствія. Здѣшніе политики старались увѣрить себя и другъ и друга, что это реакціонеры, ведущіе борьбу за возстановленіе царскаго режима. Демократическая Италія не можетъ и не должна имъ сочувствовать.

При условіи слабости и раздробленія Россіи, она еще можетъ пригодиться какъ рынокъ для итальянскихъ товаровъ, какъ поставщикъ хлѣба и угля. И съ этой точки зрѣнія, Италіи кажется особенно интересной независимая Украина. Конечно, лучше было-бы, если-бы въ государствахъ, возникшихъ на развалинахъ Россіи, водворился порядокъ... Но для этого самое лучшее — оставить большевиковъ въ покоѣ: если они въ самомъ дѣлѣ такъ ужасны, какъ про нихъ говорятъ, режимъ ихъ скоро падетъ самъ собою или претворится во что-нибудь болѣе обезпечивающее возможность торговыхъ сношеній.

Таковы взгляды большинства. Коммунисты ("соціалисты оффиціальные") думаютъ иначе. Для нихъ все, что совершается въ нашей "Совдепіи", — мечта, идеалъ, за осуществленіемъ котораго они слѣдятъ съ завистью. Голодъ и холодъ, закрытыя фабрики, кровавый терроръ даже по отношенію къ крестьянамъ и рабочимъ — все это частью выдумки лживыхъ и продажныхъ буржуазныхъ газетъ, частью результаты злостной борьбы, которую всемірный капиталъ объявилъ апостоламъ новой жизни. Для коммунистовъ "московскій рай", по ихъ увѣренію, единственный свѣтлый лучъ современности, единственный отрадный результатъ міровой войны. Личность Ленина со дня на день выростаетъ до легендарныхъ размѣровъ. Этотъ крикливый энтузіазмъ гипнотизируетъ даже такихъ соціалистовъ, какъ Артуро Лабріола, который, не раздѣляя коммунистическихъ

воззрѣній, все же чуть не съ колѣнопреклоненіемъ говоритъ объ "организаторскихъ способностяхъ" Ленина. На своихъ избирательныхъ знаменахъ "соціалисты оффиціальные" выставили лозунги: "Республика совѣтовъ" и "Да здравствуетъ Ленинъ!" Вожди партіи увѣряютъ, что именно эти лозунги дали имъ полтора милліона голосовъ и со всею, свойственной имъ, стремительностью напираютъ на правительство, требуя отъ него активной политики въ пользу "Совдепіи". И какъ разъ въ этомъ вопросѣ они встрѣчаютъ всего менѣе сопротивленія. Кокетничая налѣво и все еще не теряя надежды привлечь къ сотрудничеству "непримиримыхъ", Нитти охотно идетъ имъ навстрѣчу въ русскихъ дѣлахъ. Уступки за счетъ Россіи ничего не стоятъ. Само собою разумѣется, дѣлается это "по благородному", "по хорошему": Италія всегда стояла и стоитъ за невмѣшательство во внутреннія дѣла иностранныхъ государствъ и потому не имѣетъ никакихъ основаній участвовать въ какихъ бы то ни было воздѣйствіяхъ на "совѣты"... Здѣсь, впрочемъ, премьера прерываютъ разоблаченія нѣкоего капитана Джульетти.

L'onorevole (1) Джульетти — фигура комическая. Онъ секретарь "Федераціи моряковъ" и прошелъ въ парламентъ не отъ соціалистической партіи. Но онъ сидитъ среди крайнихъ лѣвыхъ и въ своихъ длинныхъ рѣчахъ старается всячески заслужить расположеніе своихъ сосѣдей. — "Вы — такіе симпатичные!.." — говоритъ онъ максималистамъ своимъ сладкимъ голосомъ, возбуждая неудержимую веселость Палаты...Джульетти вѣритъ въ "расширеніе дѣятельности русской республики совѣтовъ" и предсказываетъ скорое наступленіе этого счастливаго момента въ Италіи. Но онъ вмѣстѣ съ

---

1) Onorevole («почтенный» «уважаемый») — эпитетъ, обязательно прибавляемый въ Италіи къ имени депутата.

тѣмъ націоналистъ, патріотъ и большой поклонникъ д'Аннунціо. Коммунисты обычно безжалостно издѣваются надъ нимъ. 12-го декабря Джульетти, послѣ многихъ комическихъ эпизодовъ, заявилъ Палатѣ, что со своими "gente del mare" онъ спасъ Италію отъ страшнаго преступленія: "правительство пыталось снабдить оружіемъ непріятеля". Три парохода, подъ итальянскимъ флагомъ ("Fedora", "Nibbo" и "Perseo") должны были доставить оружіе Деникину и Колчаку. "Nibbo" не удалось задержать, но "Fedora" разоружена въ Гибралтарѣ, а "Perseo" съ пушками, зарядами и ружьями направленъ, вмѣсто Россіи, въ Фіумэ.

Это ужасное разоблаченіе могло окончательно отвратить отъ Нитти сердца максималистовъ, а потому оно вывело изъ равновѣсія всегда спокойнаго, выдержаннаго, владѣющаго собою премьера. Такимъ Палата еще не видала его. Красный, дрожа и жестикулируя, онъ нѣсколько разъ прерывалъ оратора, крича, что его разоблаченія — ложь и клевета. На другой день, чтобы загладить этотъ инцидентъ, Нитти сказалъ: "Меня приглашаютъ признать правительство совѣтовъ и возстановить (?) сношенія съ нимъ. Я твердо увѣренъ, что возобновлю вскорѣ эти отношенія, такъ какъ это — въ интересахъ Италіи". Послѣ такихъ заявленій, онъ присоединился къ формулѣ, которая "приглашаетъ министерство войти въ сношенія со всѣми фактически установившимися на территоріи Россіи правительствами". Формула эта вотирована Палатой почти единогласно. Требованіе соціалистовъ оффиціальныхъ "признать немедленно правительство совѣтовъ" отвергнуто 289 голосами противъ 124.

Не такъ давно коммунисты обратились къ правительству съ просьбою дать возможность ихъ комиссіи

проѣхать въ Россію, чтобы ознакомиться съ положеніемъ ея на мѣстѣ. Отклонивъ эту просьбу, Нитти сказалъ: "я внесу предложеніе послать въ Россію для парламентскаго изслѣдованія — объективнаго, глубокаго и исчерпывающаго — комисеію въ составѣ двухъ депутатовъ отъ каждой группы".

Въ печать проникли далѣе слухи, что двое представителей русскаго большевизма уже были приняты премьеромъ — "для переговоровъ о судьбѣ русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Италіи..."

Наконецъ, здѣсь всѣ увѣрены, что Парижское рѣшеніе войти въ экономическія сношенія съ русскими кооперативами — принято подъ давленіемъ Нитти и по оффиціальному предложенію Италіи.

Я не вижу необходимости комментировать эти факты. Дѣло говоритъ за себя.

IX.

— Угрожаетъ ли Италіи революція?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Нитти, въ теченіе многихъ лѣтъ революція въ Италіи невозможна.

— Почему ?

— Консервативный югъ и свободолюбивый сѣверъ слишкомъ различны по своей экономикѣ, психологіи, историческимъ переживаніямъ. Существуетъ только одно чувство, которое объединяетъ ихъ. Это чувство, вѣрнѣе страсть — патріотизмъ и любовь къ Италіи...

Такія разсужденія кажутся мнѣ черезчуръ легковѣсными. Отличія земледѣльческаго юга отъ промышленнаго сѣвера — извѣстны. И въ самомъ дѣлѣ, субверсивныя идеи коммунистическаго свойства не имѣютъ успѣха на югѣ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что тамъ живутъ счастливые люди. Горюча-

го матеріала тамъ, быть можетъ, больше,, чѣмъ на сѣверѣ. Экономичсекій кризисъ держитъ въ своихъ когтяхъ южныя провинціи не менѣе злостно, чѣмъ сѣверныя. Къ рабочему вопросу (1) на югѣ присоединяется аграрный. Многіе владѣльцы латифундій не культивируютъ своихъ земель въ виду дороговизны рабочихъ рукъ. Безземельные и малоземельные крестьяне не могутъ смотрѣть на это равнодушно. И кличъ захвата помѣщичьихъ земель легко поднимаетъ здѣсь народныя массы. Аграрные безпорядки, укрощенные военною силою, — фактъ, съ которымъ пришлось считаться не такъ давно теперешнему правительству.

И я думаю, что, кромѣ патріотизма и сильнѣе его, дѣйствуютъ сейчасъ на всемъ протяженіи Италіи еще другія чувства. О чувствахъ этихъ пришлось уже много разъ говорить выше: массы глухо волнуются, онѣ недовольны и жаждутъ перемѣнъ.

Интеллигентные итальянцы, съ которыми мнѣ случалось говорить о революціи, тоже не вѣрятъ въ ея близость, но по другимъ мотивамъ, чѣмъ Нитти. Они считаютъ коммунистовъ и анархистовъ не достаточно сильными. Они думаютъ, что разумное правительство своевременными уступками и реформами выведетъ мало-по-малу населеніе изъ переживаемаго кризиса. Въ предпосылкахъ итальянскаго экономическаго прогресса, говорятъ они, нѣтъ ничего непреоборимаго. Перераспредѣленіе земель и интенсификація пріемовъ земледѣлія могутъ принести съ собою новыя большія количества хлѣба. — Нѣтъ каменнаго угля? Но Италія обладаетъ такими неисчерпаемыми и неиспользоваными водными силами, какихъ нѣтъ ни въ одной странѣ Европы: мы только приступаемъ къ электрификаціи

[1]) Вспомните волненія на сѣверныхъ пріискахъ Сициліи.

нашихъ желѣзныхъ дорогъ и нашихъ фабрикъ; когда эта реформа будетъ осуществлена, исчезнетъ наша зависимость отъ Европы и ея угля. Эти интеллигенты тоже констатируютъ всеобщее глубокое недовольство. Но итальянцы, говорятъ они, очень отходчивы. Нашъ народъ слишкомъ любитъ жизнь, чтобы пойти на опасные разрушительные эксперименты.

И надо сказать, что дѣйствительность какъ-будто оправдываетъ этотъ оптимизмъ. Армія пока вѣрна правительству. Назрѣваетъ реакція противъ субверсивныхъ стремленій: въ городахъ создаются "анти-большевистскія лиги" и "союзы защиты гражданъ". Послѣднія большія забастовки (почты, телеграфа и желѣзныхъ дорогъ) не привели къ грознымъ послѣдствіямъ — благодаря патріотизму и благоразумію части персонала, дружной реакціи общественаго мнѣнія и работѣ тысячъ добровольцевъ. Наконецъ, въ характерѣ итальянцевъ есть, дѣйствительно, много любви "къ покойнымъ наслажденіямъ". Гоголь, перу котораго принадлежитъ это замѣчаніе, противопоставляетъ ихъ французамъ, — менѣе устойчивымъ, по его мнѣнію, и болѣе склоннымъ къ революціоннымъ перемѣнамъ.

И все же...

X.

Не такъ давно я провелъ три недѣли въ Римѣ. Городъ переполненъ и, несмотря на безумныя цѣны, съ большимъ трудомъ можно найти уголъ, чтобы приткнуться. На Корсо такія массы народа, что движеніе экипажей въ иные часы совершается шагомъ. Передъ заходомъ солнца прелестные сады Виллы Боргезе пестрѣютъ элегантной толпой. На Пинчіо — безконечный рядъ "собственныхъ" автомобилей и экипажей. Те-

атры полны, хотя кресло партера стоитъ 20 - 30 лиръ. Вечеромъ Римъ сіяетъ огнями и, послѣ тихой, скупой и темной Флоренціи, кажется пышнымъ Вавилономъ. Въ залитыхъ электричествомъ окнахъ магазиновъ безконечное количество товаровъ. Все это дешево по качеству, но за все это приходится платить бѣшенныя деньги. Никакая цѣна не останавливаетъ и есть люди, не жалѣющіе 50 — 60 тысячъ лиръ за шубу (1). Предсѣдатель совѣта министровъ жалуется, что онъ вынужденъ принимать экстренныя мѣры противъ игорныхъ домовъ. Есть рестораны, торгующіе всю ночь. Спиртные напитки льются рѣкой и къ правительству "со всѣхъ сторонъ" предъявляются требованія разрѣшить ввозъ иностранныхъ винъ. Танцовальныя залы еле вмѣщаютъ желающихъ "повеселиться",хотя "веселіе танца" выродилось въ монотонные, безобразные "one step", "fox-trot" и другія незамысловатыя затѣи грубыхъ янки.

Толпу, послѣ войны, подхватилъ какой-то вихрь, какая-то безудержная жажда наслажденій. И гроза надвигающагося кризиса, какъ-будто, только усиливаетъ это лихорадочное возбужденіе. Всего охотнѣе и легче бросаютъ деньги люди, которыхъ народъ окрестилъ названіями: « i nuovi signori », « i pescecani ». Эти "новые господа", эти "акулы" -- ничто иное, какъ многочисленные дѣльцы, нажившіеся во время войны.

По уличной толпѣ — нарядной и вѣчно праздничной — народъ (рабочій и безработный), составляетъ себѣ представленіе о жизни "господъ" (« signori »). Въ этомъ помогаетъ ему кинематографъ,который нигдѣ, кажется, не пользуется такою популярностью, какъ въ Италіи. Дождавшись очереди, рабочій проникаетъ въ залъ. Конечно, ему показываютъ длинную и нелѣпую

---

[1]) По свидѣтельству Нитти.

драму dell'amore, ибо безъ любви — ничто не мило итальянцу. И все же главный интересъ зрѣлища — не въ любовной драмѣ и, конечно, не въ скудоумной морали, ее сопровождающей. Кинематографъ открываетъ зрителю совсѣмъ особый и весьма любопытный міръ. Въ немъ нѣтъ среднихъ людей, среднихъ интеллигентовъ, трудящихся классовъ. Въ немъ никто не работаетъ. Иногда на полотнѣ промелькнетъ трущоба, гдѣ готовится преступленіе. Но чаще, почти всегда передъ зрителемъ развертывается сладкая жизнь "синьоровъ". Въ великолѣпныхъ садахъ, въ пышныхъ гостинныхъ "предаются мечтамъ и страстямъ" роскошно одѣтые люди. Конечно, они ѣздятъ только въ собственныхъ автомобиляхъ, расплачиваются чеками не менѣе 10.000 лиръ, танцуютъ, ѣдятъ, цѣлуются и спятъ среди зеркалъ, ковровъ и дорогой мебели. И особенно обворожительны въ этомъ фантастическомъ мірѣ — женщины: онѣ всегда такъ красивы, такъ увѣшены жемчугами, такъ умѣютъ, при помощи модныхъ туалетовъ, обнажить и показать свое великолѣпное тѣло!..

Что думаетъ и чувствуетъ рабочій на улицахъ Рима? « Avanti » (1), съ чисто ленинскою упрощенностью и съ ленинской ложью, твердитъ ему каждый день, что главный единственный врагъ его — « borghesia», что устранивъ ее, онъ просто и легко достигнетъ коммунистическаго рая. Подъ буржуазіей рядовой сынъ народа понимаетъ "синьоровъ", то есть людей, одѣтыхъ не такъ, какъ онъ, отличающихся отъ него своею внѣшностью, своею культурой. Коммунистическій рай рисуется ему въ видѣ фантастическаго міра кинематографа...

Человѣкъ этотъ выходитъ на площадь. Тамъ, пе-

---

[1]) *«Avanti!»* — органъ соціалистической партіи — принялъ, подъ редакцій Серратти, ярко большевистскій характеръ.

редъ толпами ему подобныхъ, сѣдой агитаторъ издѣвается надъ парламентомъ, выборами, преніями и другими буржуазными штуками, созданными для того, чтобы держать народъ въ рабствѣ. Онъ призываетъ къ революціи, къ немедленнымъ дѣйствіямъ, къ активной борьбѣ.—"Идите!—кричитъ онъ.—"Захватывайте дома и фабрики !Арестуйте властей !.." (Рѣчь Малатесты во Флоренціи, на площади Кавуръ, 18-го января).

Пересѣкая улицы Рима по разнымъ направленіямъ, быстро, ускореннымъ итальянскимъ маршемъ, движутся небольшіе отряды сѣрой тѣхоты. Держа ружья наперевѣсъ, солдаты шагаютъ безучастно впередъ и ихъ лѣнивыя, сумрачныя лица плохо гармонируютъ съ энергичнымъ темпомъ походки.

Такъ же быстро,но съ манерами болѣе элегантными, шествуютъ имъ навстрѣчу черные отряды священниковъ. Ихъ длинныя рясы падаютъ красивыми складками. Ихъ круглыя шляпы переливаютъ мягкими бархатистыми тонами. Лица ихъ гладко выбриты. Ласковые взоры проницательно вглядываются въ каждаго встрѣчнаго. Въ ихъ быстрой поступи есть что-то кошачье.

Какъ часто, возвращаясь домой, я спрашивалъ себя, найдутся-ли средніе пути, пути примиренія и обновленія? И захочетъ-ли ждать нужда, захотятъ-ли ненависть, злоба и зависть, разжигаемыя политическими страстями, ждать мирнаго и разумнаго рѣшенія накопившихся вопросовъ? А если кризисъ и острое столкновеніе неизбѣжны, — спасутъ - ли культуру Италіи ружья солдатъ и ласковые взоры священниковъ?..

Тихонъ Полнеръ.

Флоренція.
Январь 1920 года.

О творчествѣ Леонида Андреева.

I.

Молодой студентъ Сергѣй Петровичъ черезъ длинный рядъ умозаключенiй пришелъ къ рѣшенiю, что такому какъ онъ среднему человѣку, жить не стоитъ и кончаетъ самоубiйствомъ. Этотъ раннiй разсказъ Андреева, "Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ", очень талантливъ. Но заданiе его логически и психологически противорѣчиво: если бы абсолютно среднiй человѣкъ, какимъ Андреевъ хочетъ нарисовать своего Сергѣя Петровича, могъ такъ ярко почувствовать свою посредственность и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы полонъ сильныхъ страстей и желанiй — онъ, быть можетъ, и покончилъ бы съ собою, но во всякомъ случаѣ, тѣмъ самымъ былъ бы уже не среднимъ человѣкомъ. Среднiй человѣкъ неспособенъ на такое логическое и романтическое самоубiйство. Андреевъ это понимаетъ и, чтобы спасти положенiе, говоритъ, что "мозгъ Сергѣя Петровича стоялъ на той грани, которая отдѣляетъ глупость отъ ума, и откуда одинаково хорошо видно въ обѣ стороны: можно созерцать и высшее благородство могучаго интеллекта... и видѣть жалкую низость самодовольной глупости". Но это помѣщенiе героя на нѣкую искусственную геометрическую линiю пересѣченiя двухъ плоскостей не

дѣлаетъ разсказа правдоподобнымъ. Въ немъ съ большимъ подъемомъ описывается то, что долженъ былъ бы переживать выдающійся человѣкъ, быть можетъ самъ Андреевъ, если бы на мгновеніе вообразилъ себя среднимъ или ничтожнымъ.

Такія же противорѣчія есть во многихъ вещахъ Андреева. Какъ могъ профессоръ Сторицынъ всю жизнь не замѣчать ужаса своей семьи? А между тѣмъ, на этомъ неожиданномъ для него открытіи построена вся драма. Какъ сочетаются въ старомъ деревенскомъ попѣ ("Сынъ Человѣческій") мелкая злоба, жертвенная способность на муки, и юродство принятія магометанской вѣры? Это наудачу приходящія въ голову логическія и психологическія противорѣчія. Но еще легче найти противорѣчія художественныя, которыя можно только почувствовать и трудно доказать.

II.

Можетъ быть, ни у одного писателя не было такого большого количества интересныхъ и разнообразныхъ темъ. Темами я назвалъ бы тѣ сжатыя логическія формулы или короткія схемы содержанія, которыми можно было бы отвѣтить на по существу неправильный, но сплошь и рядомъ задающійся вопросъ: "о чемъ, на какую "тему" написанъ такой то разсказъ, такое то художественное произведеніе?". Или "какова его идея?". Рѣдко когда отвѣты на эти вопросы такъ легки, какъ въ произведеніяхъ Андреева. Какова "тема" "Жизни Василія Фивейскаго?" Нарисовать современнаго Іова. А "Краснаго Смѣха?" Показать ужасъ войны. Противорѣчія въ морали, ведущія къ тому, что хорошіе презираютъ "плохихъ" — и тѣмъ самымъ уже совершаютъ моральный грѣхъ — вотъ тема "Тьмы". "Мысль"

остроумно и искусно ставитъ подъ сомнѣніе декартовское « Cogito ergo sum », отрицаетъ раціонализмъ. Символизировать пролетарскую революцію — заданіе "Царь-Голода". Изрѣдка двѣ темы переплетаются: такъ разсказъ "Въ Туманѣ" трактуетъ и рознь между родителями и дѣтьми и, такъ называемую, "Проблему пола".

Мы не знаемъ, насколько то, что мы условно называемъ здѣсь "темой", — дѣйствительно является сознательнымъ заданіемъ, темой художника. Тайна творчество неизслѣдима — мы можемъ только строить болѣе или менѣе правдоподобныя гипотезы.

У разныхъ авторовъ доля сознательности въ творчествѣ очень различна. Наивныя представленія о безсознательномъ вдохновеніи, разумѣется, легенда. Но не болѣе правильно и одно время столь модное сравненіе художника съ ремесленникомъ. Artiste не Artisan, искусство не "умное дѣланье" и не "святое ремесло". Ремесленникъ, какъ бы ни было художественно его ремесло, какъ бы много новаго ни вносилъ онъ въ то, что дѣлаетъ — всегда имѣетъ передъ собой образецъ, схему, планъ, "тему". Если брать сравненія въ области физическаго труда, то художникъ скорѣе похожъ на садовника, который выращиваетъ новую разновидность цвѣтка. Садовникъ только создаетъ условія для роста, охраняетъ и лелѣетъ растеніе, которое само всходитъ, зрѣетъ и цвѣтетъ. Одни художники осторожно выбираютъ, какое сѣмя взрастить, и выпалываютъ сорныя травы, другіе же иногда именно эти травы старательно выращиваютъ. Художественная мудрость не всегда совпадаетъ съ преобладаніемъ сознанія въ творчествѣ. Эта мудрость иногда властно говоритъ художнику: дай расти, не вмѣшивайся, сознательно охраняй свое безсознательное творчество. Андреевъ по-

нималъ это и писалъ: "настоящій художникъ, какъ грѣшникъ, не долженъ вѣдать, что творитъ". Но то, что такъ легко вылущить изъ каждаго произведенія Андреева его формулу, идею, схему, говоритъ о несліянности темы съ произведеніемъ, замысла съ воплощеніемъ. Тема жила отдѣльно въ сознаніи художника, какъ рисунокъ вещи, которую нужно сработать. Андреевъ вѣдалъ, что творилъ. И вотъ почему, несмотря на огромное дарованіе, онъ создавалъ менѣе совершенныя произведенія, чѣмъ многіе художники, уступающіе ему въ талантѣ.

III.

Можно только съ осторожной приблизительностью отдѣлить въ художественномъ произведеніи форму отъ содержанія, "что" отъ "какъ". Большинство крупныхъ художниковъ ясный и трезвый свѣтъ сознанія направляютъ не на "что", а на "какъ", на технику, на средства выраженія. Андреевъ же, главное напряженіе сознанья вносилъ въ темы, въ "что". И едва ли есть другой художникъ, у котораго это "что" такъ было бы отдѣлено отъ "какъ".

Иногда, правда, несомнѣнно слишкомъ примитивно, рисуешь себѣ процессъ творчества Андреева чѣмъ то вродѣ ученическаго сочиненія. Есть тема, надо ее воплотить, написать сочиненіе. Андреевъ брался за труднѣйшія темы и какъ бы спрашивалъ самъ себя: "можешь ли ты показать какъ просыпается звѣрь въ чистомъ и скромномъ юношѣ? Можешь ли ты схематизировать жизнь человѣка? Можешь ли показать безсиліе гордой и запутавшейся въ собственныхъ тенетахъ мысли? Можешь ли воплотить тѣхъ героевъ современности, о которыхъ пишутъ газеты, "Савву", "Сашку Жегулева", "Губернатора", "Семерыхъ повѣ-

шенныхъ?". И кажется, что онъ горделиво отвѣчалъ себѣ: "Могу".

Андреевъ, дѣйствительно, многое, очень многое могъ. Его художественная одаренность очень велика. Но именно въ отдѣленности "что" отъ "какъ" таится его слабость. Когда этого раздѣленія нѣтъ, — средства выраженія и содержаніе какъ бы взаимно приспособляются въ нераздѣльномъ, сліянномъ процессѣ творчества, художникъ создаетъ только то, на что у него хватаетъ силъ. Между тѣмъ, у Андреева чувствуется постоянное напряженіе, непрерывный tour de force, иногда удача такъ велика, что хочется крикнуть "браво", иногда видишь жалкую неудачу. Отсюда же тѣ логическія, психологическія и художественныя противорѣчія, вродѣ самоубійства Сергѣя Петровича, о которыхъ мы говорили вначалѣ. Ихъ не избѣжать при томъ методѣ художественной работы, который мы предполагаемъ у Андреева: сначала тема, потомъ воплощеніе.

Наоборотъ, на "какъ", на художественной техникѣ Андреева лежитъ печать безсознательности, приблизительности, импровизаціи. Андреевъ похожъ на тѣхъ актеровъ, которые играютъ "нутромъ", или на скрипичныхъ виртуозовъ, не получившихъ настоящаго музыкальнаго образованія. Порой у такихъ виртуозовъ бываетъ изумительный тонъ, большое "бріо" и рядомъ срывы и фальшивыя ноты. Съ какимъ подъемомъ написаны "Семь Повѣшенныхъ!". Какія изумительныя страницы есть въ "Ворѣ", или въ "Іудѣ Искаріотѣ". И какой срывъ въ "Красномъ Смѣхѣ" или "Царь - Голодѣ".

И то же самое чувствуется въ языкѣ Андреева. Порою онъ необыкновенно красивъ и образенъ. Эта красота лишена тонкой прелести, въ ней слышно то контральтовое "тремоло", которое есть въ цыганскихъ

оркестрахъ. Но все же это подлинная, яркая красота. Какъ стихотвореніе въ прозѣ звучатъ многія строки въ "Ворѣ". "Солнце зашло и темнѣютъ поля. Такъ одиноко и такъ больно одинокому сердцу. Такъ одиноко, такъ больно! Прійди. Солнце зашло. Темнѣютъ поля. Прійди же, прійди! ("Воръ"). Суровъ и гнѣвенъ полубиблейскій языкъ "Василія Фивейскаго". "Среди людей онъ былъ одинокъ, словно планета среди планетъ, и особенный, казалось, воздухъ, губительный и тлетворный, окружалъ его, какъ невидимое облако... И когда онъ сдѣлался священникомъ, женился на хорошей дѣвушкѣ и родилъ отъ нея сына и дочь, то подумалъ, что все у него стало хорошо и прочно, какъ у людей, и пребудетъ такимъ навсегда. И благословилъ Бога, такъ какъ вѣрилъ въ него торжественно и просто: какъ іерей и какъ человѣкъ незлобивый душою". Мѣстъ же написанныхъ съ бравурнымъ подъемомъ можно привести многое множество. И рядомъ съ этимъ похожіе на авторскую самопародію выкрики "безуміе и ужасъ!" въ разсказѣ, который какъ будто именно для самопародіи носитъ названіе "Красный Смѣхъ". А вотъ конецъ первой части этого разсказа, весь изъ избитыхъ, пустыхъ словъ: "И вдохновеніе, святое вдохновеніе осѣнило меня. Солнце зажглось въ моей головѣ, и горячіе, творческіе лучи его брызнули на весь міръ, роняя цвѣты и пѣсни, цвѣты и пѣсни! И всю ночь я писалъ, не зная усталости, свободно паря на крыльяхъ могучаго, святого вдохновенія. Я писалъ великое, я писалъ безсмертное — цвѣты и пѣсни! Цвѣты и пѣсни..."

IV.

Безуміе и ужасъ... Цвѣты и пѣсни... Въ этихъ словахъ какъ бы два полюса творчества Андреева.

Безуміе и ужасъ... Разсказы Андреева полны убійствъ, самоубійствъ, смертей и несчастій. Василій Фивейскій "долго не замѣчалъ той зловѣщей и таинственной преднамѣренности, съ какой стекались бѣдствія на его голову". Эти слова на первой страницѣ такого разсказа могутъ вызвать улыбку: бѣдный, онъ не зналъ, что его авторъ Леонидъ Андреевъ! Всевозможные кошмары — вотъ, что вспоминаешь, когда думаешь объ Андреевѣ. Еще Михайловскій сравнилъ его первые разсказы съ Эдгаромъ По. И Левъ Толстой сказалъ свою убійственную по остроумію фразу: "онъ пугаетъ, а намъ не страшно".

Эта фраза несправедлива Во первыхъ, кромѣ немногихъ избранныхъ, было страшно цѣлому поколѣнію русской интеллигенціи. Во вторыхъ, слово "пугаетъ" какъ бы говоритъ, что и самому Андрееву не страшно, что онъ и самъ не испуганъ, а только пугаетъ. Но Андреевъ сталъ "пугать" съ самыхъ первыхъ разсказовъ, когда онъ еще не могъ предвидѣть такого успѣха для своего музея ужасовъ. Это, и постоянное возвращеніе къ "страшнымъ" темамъ, говоритъ за то, что онѣ не были случайны у автора, что безуміе и ужасъ упорно жили въ его душѣ.

Мало того, можно утверждать, что Андреевъ тутъ явился новаторомъ, что онъ нѣчто открылъ, чего не было въ литературѣ до него.

"И утонулъ Василій. Молодая попадья... навсегда запомнила простую и страшную картину человѣческой смерти: и тягучіе глухіе удары своего сердца, какъ будто каждый ударъ его былъ послѣднимъ, и необыкновенную прозрачность воздуха, въ которомъ двигались знакомыя, простыя, но теперь обособленныя и точно отодранныя отъ земли фигуры людей". Въ этомъ мастерскомъ описаніи знаменательны слова: "отодранныя

отъ земли фигуры людей". Андреевъ глубоко почувствовалъ тѣ минуты " когда сама вѣчно лгущая жизнь словно обнажаетъ свои темныя таинственныя нѣдра" и онъ снова, и снова возвращается къ этимъ минутамъ, пишетъ цѣлую человѣческую жизнь, сплошь состоящую изъ такихъ минутъ, создаетъ образы людей, навсегда окутанныхъ "тлетворнымъ и губительнымъ воздухомъ" и "словно отодранныхъ отъ земли". Онъ увлеченъ своимъ открытiемъ и громоздитъ ужасы на ужасы, ибо обнажать "темныя таинственныя нѣдра жизни" болѣе тонкими средствами не умѣетъ. А противъ тѣхъ, кто не видитъ ужаса жизни, пишетъ длинную и сильную кошмарную сатиру: "Мои записки". Жизнь — тюрьма, и если вы не видите этого, то только потому, что привыкли къ ней и перестали ее замѣчать. Какiе угодно нарочитые и придуманные ужасы — все годно, чтобы заставить замѣтить "стѣны" этой тюрьмы, этого гноища прокаженныхъ.

Въ чемъ же оригинальность мiровоспрiятiя Андреева? Въ немъ легко различить влiянiя книжныя — Шопенгауэра и Достоевскаго. Шопенгауэромъ Андреевъ сильно увлекался въ юности. Достоевскiй отравилъ его, какъ многихъ въ русской литературѣ; многимъ показалось почти что неприличнымъ не трагическое воспрiятiе жизни. Но то, что у Андреева таится за тонкой пленкой "вѣчно лгущей жизни", это не желѣзно закономѣрный и строгiй рокъ древнихъ трагиковъ, не вулканическое изверженiе Достоевскаго, лава страстей, раскаленная любовью, просвѣтленная вѣрой. Нѣтъ, у Андреева "вылѣзаетъ своей мятой рожей дикiй, пьяный, истерическiй хаосъ" ("Тьма).

Въ этомъ воспрiятiи и выраженiи хаоса, въ этомъ "открытiи хаоса" Андреевъ новъ и оригиналенъ. Хаосъ мiровой былъ лейтъ-мотивомъ поэзiи Тютчева. Но

Тютчевъ, геніально созерцая за космосомъ хаосъ, выражалъ этотъ хаосъ средствами космоса, говорилъ о дисгармоніи гармоніей стиха. Вообще, искусству трудно выразить хаосъ: искусство по существу — высшая гармонія, космосъ въ космосѣ. У Достоевскаго самыя бурныя, самыя ужасныя страницы пронизаны вихревымъ, огненнымъ, но все же ладомъ и ритмомъ. Тютчевъ говоритъ о хаосѣ, пожалуй, въ слишкомъ четкихъ и размѣрныхъ строфахъ и ритмахъ. Онъ прозрѣлъ хаосъ во время тихихъ ночныхъ созерцаній и тихо и таинственно, слегка, на кратчайшія мгновенія, пріоткрылъ покровъ надъ бездной. Андревъ же зоветъ хаосъ, кричитъ о немъ, тащитъ и толкаетъ его на авансцену своего творчества. Онъ ставитъ себѣ эстетически противорѣчивую задачу выразить хаосъ средствами самаго хаоса.

Интересно его отношеніе къ войнѣ. Искусство всегда особенно ярко чувствовало ладъ и ритмъ войны. Искусство всегда было влюблено въ войну. Война, это Самофракійская Побѣда, окрыленная и вдохновенная, это "стройное стремленіе" конницы и тяжкая "твердость пѣхоты". Такъ было отъ Ксенофонта до Пушкина и до великой эпопеи Толстого, по недоразумѣнію чуть не получившаго нобелевскую премію мира. И у Толстого война полна напряженной красоты и прелести, увлекательной полноты жизни. Андреевъ, едва ли не первый, попытался выразить въ художественной литературѣ хаосъ и уродство войны.

V.

Одинъ изъ раннихъ разсказовъ Андреева носитъ названіе "Жили - были". Описывается въ немъ больница и обреченные на смерть люди, и все же въ этомъ

замѣчательномъ разсказѣ нѣтъ никакого безумія и ужаса. Наоборотъ, Андреевъ здѣсь пріемлетъ жизнь, такъ же умиленно, какъ его умирающій дьяконъ, горько плачущій передъ смертью и объясняющій свои слезы: "Ахъ отецъ! Солнушка жалко. Кабы ты зналъ... какъ оно у насъ, въ Тамбовской губерніи, свѣтитъ. За ми... за милую душу!" Какъ далекъ этотъ разсказъ, весь полный весенняго солнца, весенняго шума, врывающагося въ больничную палату черезъ растворенную форточку, отъ всего типично Андреевскаго. Кто прочелъ "Жили - были", тотъ не забудетъ трогательнаго образа дьякона, его деликатнаго языка: "когда я пожаловалъ въ клинику"... "онѣ изволили поставить мнѣ клизму" или его умиленія надъ письмомъ, къ которому сынокъ "Тосикъ руку приложилъ". Если жизнь только покровъ надъ бездной хаоса, то все же свѣтелъ этотъ покровъ, свѣтелъ даже въ больницѣ.

Вспомните другой прекрасный Андреевскій разсказъ — "Воръ". Герой его воръ Юрасовъ, романтикъ и мечтатель, воображающій себя благовоспитаннымъ нѣмцемъ - прикащикомъ Генрихомъ Вальтеромъ, но на самомъ дѣлѣ чѣмъ то внутренно враждебно отдѣленный отъ "порядочныхъ людей". "Усы у него были красивые, огромные, свѣтлые, какъ два золотыхъ серпа" и вотъ какъ романтически онъ воспринимаетъ ѣзду по желѣзной дорогѣ: "Было начало іюня мѣсяца и все передъ глазами... зеленѣло молодо и сильно... Зеленѣла трава, зеленѣли листья на деревьяхъ, зеленѣли посадки на оголенныхъ еще огородахъ, и все было такъ углублено въ себя, такъ занято собою, такъ глубоко погружено въ молчаливую, творческую думу... и Юрасовъ блѣдный, печальный... тревожно чувствовалъ эту стихійную, необъятную думу и отъ прекрасныхъ, молчаливо загадочныхъ полей на него повѣяло тѣмъ же

холодомъ отчужденія, какъ отъ людей". Стоя у окна Юрасовъ закрылъ глаза и "вѣтеръ довѣрчиво шелестѣлъ въ ушахъ". И ему казалось, что "отъ самого его лица, трепетно чувствующаго мягкую пустоту пространства, начинается зелено-голубая бездна, полная тихихъ словъ... Необъятная тишина..."

Въ этихъ разсказахъ, которые хотѣлось бы привести цѣликомъ, настолько они цѣликомъ прекрасны, Андреевъ сумѣлъ найти красоту, своеобразную романтику, даже въ такой обыденной вещи, какъ ѣзда по желѣзной дорогѣ. Но не это характерно для Андреева. Онъ не любитъ обыденной жизни. На "ужасъ и безуміе" міра онъ набрасываетъ вѣнки "цвѣтовъ и пѣсенъ", строитъ надъ "бездной" ярко раскрашенныя декораціи. Онъ одинъ изъ первыхъ порвалъ съ реалистической традиціей русской литературы. И вотъ, въ худшихъ его вещахъ мы видимъ ходульность, риторичность, оперность, въ лучшихъ же — подлинную романтику. Совершенно оперны "декораціи" въ пьесѣ "Къ звѣздамъ", ходульны многіе монологи и все - же есть увлекательная яркость въ этихъ не реальныхъ горахъ, въ этой фантастической революціи и условно красивыхъ фигурахъ революціонеровъ и ученыхъ. Зато по настоящему прекрасны пейзажи Палестины въ "Іудѣ Искаріотѣ" и если непонятенъ самъ Іуда и условно сладокъ Христосъ, — то какъ великолѣпны "другіе": ограниченный аналитикъ Фома, и Петръ, и Іоаннъ, и Магдалина. Андреевъ любитъ яркіе сюжеты, Манфреду и Фаусту бросаетъ онъ вызовъ въ "Анатэмѣ", библіи — въ "Василіи Фивейскомъ" и "Элеазарѣ". У Андреева вы встрѣтите и революцію, и войну, и убійства, и казни, и воскресеніе мертвыхъ, и террористовъ, и губернаторовъ, и проститутокъ. Андреевъ любитъ звучность и выразительность, въ самомъ его языкѣ есть яркая об-

разность, хотя случайнымъ и несоразмѣрнымъ нагроможденіемъ образовъ и сравненій онъ иногда портитъ даже лучшія свои вещи. Любовь къ внѣшней выразительности у Андреева словно не русская, а какая - то южная, итальянская, только безъ латинской граціи и мѣры. Порой кажется, что такая пьеса какъ "Океанъ" написана только для авторскаго наслажденья красивыми именами, да искусно производимымъ за сценой "шумомъ океана". Можетъ быть и ребусъ "Черныхъ Масокъ" сводится къ тому же: авторъ наслаждался звучными итальянскими именами, красивыми и страшными картинами, реторикой рѣчей и не думалъ объ ихъ значеніи — критики разберутся. Этотъ цвѣтной андреевскій калейдоскопъ особенно выдѣляется на фонѣ русской литературы, устремленной въ духовность, въ глубину, и нѣсколько блѣднѣетъ только по сравненію съ болѣе тонкой, но совершенно иного характера "красочностью" русскаго символизма.

VI.

Андреевъ былъ интереснымъ и талантливымъ художникомъ, цѣлый рядъ его произведеній достойны быть спасены отъ забвенія. Но мнѣ кажется, что если имени его суждено жить еще долго, то не изъ за этихъ прекрасныхъ вещей, а, можетъ быть, и вопреки имъ. Андреевъ, характерное явленіе русской культуры, прекрасныхъ произведеній, а можетъ быть и вопреки выразитель духовнаго состоянія русскаго общества передъ первой и второй русской революціей.

Революція — такое огромное явленіе въ жизни народа, что все даже отдаленно соприкасающееся съ ней, будетъ сводиться къ ней, мѣриться ея мѣриломъ,

Въ эти, единственные по значенію, воистину судьбоносные годы Россіи, Леонидъ Андреевъ былъ излюбленнымъ писателемъ, "властителемъ думъ" русской интеллигенціи. Это говорила еще марксистская критика, которая, впрочемъ, знала только три характеристики для писателя : выразитель умирающаго дворянства, хищной буржуазіи и, наконецъ, грядущаго пролетаріата. У пролетаріата своихъ художниковъ не было и нѣкоторые критики расширяли число категорій : Горькій становился пѣвцомъ люмпенпролетаріата, а Андреевъ "идеологомъ буржуазной интеллигенціи" (П. Островскій). Если отбросить преувеличенія и слово "буржуазный" — то въ этомъ марксистскомъ штампѣ есть правда.

Недаромъ Андреевъ имѣлъ такой громадный успѣхъ. Онъ говорилъ о томъ, чѣмъ жило русское общество, ударялъ по нервамъ своими разсказами и пьесами, почти каждымъ новымъ произведеніемъ потрясалъ, буквально потрясалъ всю Россію. Это очевиднымъ образомъ переставало быть только литературнымъ явленіемъ. "Въ Туманѣ" вызвало безчисленныя статьи и письма въ редакцію. Кто не плакалъ надъ "Семью повѣшенными"? Кто не богоборствовалъ съ "Человѣкомъ", Давидомъ Лейзеромъ, Василіемъ Фивейскимъ? Вспомните всѣ лекціи, диспуты, споры, даже судебныя разбирательства (надъ Катериной Ивановной). Это не Андреевъ, это вся русская интеллигенція металась изъ стороны въ сторону въ безумномъ предчувствіи грядущаго и неизбѣжнаго. Художники часто бываютъ пророками и Андреевъ видѣлъ надвигающійся хаосъ, бездну, тьму, и кричалъ о нихъ читателямъ. И читатели въ свою очередь словно требовали отъ Андреева того, что имъ было нужно и направляли его творчество въ русло, которое можетъ быть извращало его талантъ. И потомъ, съ обычной неврастенической быстротой и

неблагодарностью, отвернулись отъ любимаго писателя, что онъ тоже трагически предвидѣлъ. Въ это время все въ литературѣ ставилось подъ вопросъ, и интеллигенція растеривала остатки и такъ не прочныхъ традицій. Это былъ "проблематическій" періодъ русской литературы: проблемы пола, проблемы морали, проблемы смерти, безъ конца! И когда пришелъ "слушный часъ", година великихъ испытаній, какъ могли мы избѣгнуть позора и безчестья? Мы выбросили все, что казалось лишнимъ баластомъ, гдѣ же намъ было выдержать бурю? Мы были воистину "голыми людьми на голой землѣ". Если все подъ вопросомъ, то почему не проблема — родина, честь? Почему нѣмцы хуже насъ, почему не упасть въ разверстую бездну? Почему бороться за то, что едва ли не отжившій предразсудокъ? Сила нашего сопротивленія какой-бы то ни было силѣ была подточена.

Это тяжелое время надо вспоминать не для безплодныхъ упрековъ и самобичеваній. И менѣе всего заслуживаетъ укора тотъ, кто только глубже чувствовалъ то, что чувствовали другіе, ярче высказывалъ и, вѣроятно, больше страдалъ.

Михаилъ Цетлинъ.

Господину Министру Юстиціи.

Прокурора Казанской Судебной Палаты

РАПОРТЪ.

Имѣю честь представить Вамъ, Господинъ Министръ, нижеслѣдующія данныя, добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ по дѣлу объ убійствѣ б. Императора Николая II и его семьи.

30/17 іюля 1918 г. въ городѣ Екатеринбургѣ Товарищемъ Прокурора Кутузовымъ былъ составленъ протоколъ заявленія ему гражданина означеннаго города Федора Никифорова Горшкова о томъ, что отъ Судебнаго Слѣдователя Томашевскаго, узнавшаго въ свою очередь о томъ отъ лица, какъ бы бывшаго очевидцемъ или же близко стоявшаго къ совѣтсткой власти, ему извѣстны нижеслѣдующія подробности убійства Государя и его семьи. Вся царская семья, вмѣстѣ съ бывшимъ Государемъ Николаемъ II, была собрана въ столовой комнатѣ, гдѣ имъ объявили, что всѣ они будутъ разстрѣляны, при чемъ вскорѣ и послѣдовалъ залпъ латышей, послѣ котораго всѣ они упали на полъ. Послѣ этого латыши стали провѣрять, всѣ ли убиты, при чемъ оказалось, что осталась жива б. Великая Княжна Анастасія Николаевна, и когда до нея прикоснулись, то она страшно закричала. Послѣ этого ей былъ нанесенъ прикладомъ ружья ударъ по головѣ и кромѣ того двѣ штыковыхъ раны.

Этотъ протоколъ заявленія Горшкова послужилъ основаніемъ для начатія предварительнаго слѣдствія, которое и. д. Прокурора Суда Товарищемъ Прокурора Кутузовымъ и было предложено 30 того же іюля Судебному Слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ Неметкину. Одновременно съ симъ въ распоряженіе Судебнаго Слѣдователя были переданы обгорѣлые остатки разныхъ вещей и Мальтійскій крестъ, которые были найдены при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Числа 16 или 18 іюля крестьянами деревни Коптяковъ, Верхъ-Исетской волости, находящейся верстахъ въ 18 отъ Екатеринбурга, было замѣчено какое то передвиженіе красноармейскихъ отрядовъ въ расположенномъ близъ деревни лѣсу, при чемъ въ районъ этой мѣстности никто не допускался. Желая однако узнать, что именно тамъ дѣлали красноармейцы, крестьяне упомянутой деревни, Андрей Шереметевскій, Михаилъ Алферовъ и др., послѣ оставленія этого лѣса красноармейцами, отправились туда, при чемъ протоптанная красноармейцами дорога и привела ихъ къ заброшеннымъ шахтамъ.

Здѣсь, шагахъ въ двухъ отъ одной изъ шахтъ, оказался наброшенный бугоръ съ остатками на немъ костра. По разрытіи этого костра названными крестьянами были найдены крестъ съ зелеными на немъ камнями, четыре планшетки отъ корсетовъ, пряжки отъ подтяжекъ, туфли, пуговицы, кнопки и четыре бусы. При спускѣ одного изъ крестьянъ по веревкѣ въ шахту, на водяной поверхности были замѣчены плавающими палка, кора, доски, свѣжая хвоя и желѣзная лопата.

Близъ костра была замѣчена береза съ написанной на корѣ ея надписью: "Горный техникъ И. А. Фесенко 11 іюля 1918 года". При подробномъ затѣмъ осмотрѣ этого мѣста Судебнымъ Слѣдователемъ, вблизи той же

шахты, именуемой "Исетскій Рудникъ", среди обгорѣлыхъ палокъ и углей была найдена обгорѣлая старая дамская сумочка, саженяхъ же въ 12 отъ шахты были найдены обгорѣлыя тряпки, кружева и какіе-то черные блестящіе обломки.

Кромѣ того, присутствовавшимъ при осмотрѣ капитаномъ Пометковскимъ былъ найденъ сильно загрязненный водянистаго цвѣта камень, значительной величины, съ плоской серединой, въ бѣлой съ мельчайшими блестками оправѣ, оказавшійся затѣмъ, при осмотрѣ его впослѣдствіи черезъ эксперта ювелира, высокой цѣнности (не менѣе ста тысячъ) брилліантомъ. Не далеко отъ этого же мѣста были также найдены два небольшихъ загрязненныхъ осколка изумруда и жемчуга и обрывокъ матеріи съ сильнымъ запахомъ керосина. Наконецъ, у самаго края широкой шахты, въ глинѣ найденъ небольшой осколокъ нарѣзной ручной бомбы, при спускѣ же въ шахту на стѣнахъ ея были обнаружены слѣды отъ разрыва ручной бомбы.

Далѣе, въ періодъ времени съ 2 по 8 августа с. г., Судебнымъ Слѣдователемъ былъ произведенъ осмотръ находящагося въ Екатеринбургѣ дома Ипатьева, въ который подъ строгимъ карауломъ были помѣщены б. Императоръ Николай и его семья.

Осмотромъ этимъ, между прочимъ, было установлено, что въ одной изъ комнатъ входная дверь сорвана съ петель какимъ то орудіемъ. Самая же дверь оказалась исколотой, повидимому, штыками и была найдена при входѣ въ домъ.

Ввиду особой важности дѣла, согласно примѣчанія 2 къ ст. Учр. Суд. Уст. и на основаніи предложенія и. д. Прокурора, означенное дѣло, опредѣленіемъ Окружного Суда отъ 25 іюля / 7 августа, было возложено на Чле-

на Суда И. А. Сергѣева, коимъ и были произведены нижеслѣдующія слѣдственныя дѣйствія.

11 — 14 августа былъ произведенъ осмотръ помѣщеній нижняго этажа дома Ипатьева, гдѣ обращаетъ на себя особое вниманіе лишь одна комната, въ коей происходилъ разстрѣлъ. Кто именно былъ разстрѣлянъ въ этой комнатѣ, — самый тщательный осмотръ ея не далъ никакихъ указаній, но съ несомнѣнностью явствуетъ, что здѣсь было разстрѣляно нѣсколько человѣкъ.

Длина этой комнаты 7 арш. 8 верш. и ширина 6 арш. 4 вершка. На одной изъ стѣнъ этой комнаты, противоположной отъ выхода, имѣется 16 углубленій, расположенныхъ на разномъ разстояніи отъ пола. Такого же рода углубленія оказались на лѣвой сторонѣ части пола въ этой комнатѣ, при чемъ эти углубленія расположены въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ на полу замѣчаются ясные слѣды замытой и затертой пескомъ крови.

Согласно распоряженія Члена Суда Сергѣева, части дерева въ тѣхъ мѣстахъ стѣны и пола, гдѣ оказались отверстія, были вырѣзаны въ видѣ квадратовъ, при чемъ по осмотру оказалось, что эти отверстія являются каналами для револьверныхъ пуль. Нѣкоторые изъ этихъ каналовъ были заполнены свернувшейся и застывшей кровью.

По расположенію пулевыхъ отверстій въ стѣнѣ комнаты можно придти къ заключенію, что разстрѣливались лица, стоявшія на колѣняхъ.

15—16 августа былъ допрошенъ свидѣтель Терентій Ивановичъ Чемадуровъ, состоявшій камердинеромъ б. Императора Николая II. Находясь въ теченіе 10 лѣтъ при царской семьѣ, свидѣтель этотъ подробно описываетъ жизнь и привычки б. Государя Николая II, устанавливая при этомъ строгость и простоту его жизни, сердечность

отношеній всѣхъ членовъ семьи и глубокую религіозность... Послѣ октябрьскаго переворота послѣдовали рѣзкія ограниченія, какъ въ отпускѣ на содержаніе царской семьи, такъ и въ отношеніи занятій, прогулокъ. 15/25 апрѣля совершенно неожиданно было объявлено категерическое распоряженіе Центральнаго Исполнительнаго Комитета С. К. и В. Д. о немедленномъ переселеніи царской семьи въ городъ Екатеринбургъ, причемъ указанія б. Императора на болѣзнь сына были оставлены безъ вниманія. Рѣшено было оставить больного б. Наслѣдника на попеченіи сестеръ и придворныхъ особъ, въ Екатеринбургъ же поѣхали б. Государь съ Государыней, Великая Княжна Марія Николаевна, а также придворные Князь Долгоруковъ, профессоръ Боткинъ и служители: онъ, Чемадуровъ, дѣтскій лакей Сѣдневъ и комнатная женщина Демидова.

По пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, ихъ тотчасъ же подвергли тщательному и грубому обыску, который производили нѣкій Б. В. Диковскій и комендантъ дома Авдѣевъ.

Въ домѣ Ипатьева режимъ былъ установленъ крайне тяжелый и отношеніе охраны было рѣзко вызывающее.

Домъ тщательно окарауливался, какъ снаружи, такъ и изнутри, красноармейцами, которыхъ было до 36 человѣкъ. 9/22 мая прибыли въ Екатеринбургъ и остальные члены царской семьи: Алексѣй Николаевичъ, Анастасія и Татьяна Николаевны и нѣсколько лицъ придворныхъ особъ и служителей. Онъ, свидѣтель, по пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, былъ прямо отправленъ въ тюрьму, гдѣ и просидѣлъ до освобожденія города чехо-словацкими войсками, почему и не знаетъ, какая судьба постигла б. царя и его семью.

12 сентября с. г. былъ допрошенъ свидѣтель Петръ Жильяръ, состоявшій преподавателемъ французскаго языка при Дворѣ,который также подробно описываетъ жизнь царской семьи, какъ до революціи, такъ и послѣ нея, переѣздъ ея изъ Царскаго Села въ Тобольскъ и затѣмъ въ Екатеринбургъ. Между прочимъ, свидѣтель удостовѣряетъ, что фамильныя драгоцѣнности, согласно желанія б. Государыни, было рѣшено взять съ собою, при чемъ изъ боязни, чтобы онѣ не попали въ руки большевиковъ, онѣ тщательно зашиты въ шляпы и пуговицы у костюмовъ Великихъ Княженъ и придворныхъ особъ.

Согласно удостовѣренія этого свидѣтеля, предъявленный ему найденный брилліантъ былъ зашитъ въ пуговицѣ костюма или Великой Княжны Ольги Николаевны или же Татьяны Николаевны. Изъ другихъ вещественныхъ по дѣлу доказательствъ свидѣтель призналъ серьги съ жемчужиной принадлежащими б. Государынѣ, находя ихъ вполнѣ тождественными; найденныя же и предъявленныя пластинки со вставными зубами весьма похожи на такія же, принадлежащія доктору Боткину... Наконецъ, 6 сент. 1918 г. изъ Управленія Уголовнаго Розыска поступило дознаніе объ отобраніи значительнаго количества (около 100 штукъ) разныхъ предметовъ, также принадлежащихъ царской семьѣ, у красноармейца Кузьмы Иванова Летемитина, по поводу коихъ послѣдній объяснилъ, что получилъ эти вещи, частью при уборкѣ дома Ипатьева, частью отъ своего брата красноармейца Михаила Летемитина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, состоя въ составѣ караула, охранявшаго домъ Ипатьева, Летемитинъ со словъ какого то охранника разсказывалъ, что въ ночь на 17 іюля внизу помѣщенія дома Ипатьева б. Императоръ съ женой, дѣтьми, лакеемъ, поваромъ и фрейлинами были разстрѣляны, о чемъ

ему извѣстно со словъ бывшаго въ ту ночь на посту красноармейца Стрекотина.

По словамъ послѣдняго, Государя убилъ Комендантъ Юровскій, прочитавъ передъ тѣмъ какую-то бумагу, при чемъ б. Государыня и старшая дочь перекрестились. Послѣ убійства Государя стали стрѣлять латыши и упомянутый "разводящій" рабочій Медвѣдевъ, разстрѣлявъ всю царскую семью и бышихъ съ ними придворныхъ. Послѣ разстрѣла охранниками были замыты и засыпаны пескомъ на полу слѣды крови, трупы же покойныхъ помѣщены на грузовой автомобиль.Впослѣдствіи онъ спрашивалъ шоффера грузовика, изъ рабочихъ фабрики Злоказова, но по фамиліи ему неизвѣстнаго, который подтвердилъ, что трупы они вывезли въ лѣсъ, гдѣ чуть не застряли въ трясинѣ. Спрошенный на дознаніи военный чиновникъ Петръ Алексѣевичъ Леоновъ показалъ, что 17 іюля 1918 года, комиссаромъ снабженія фронта Горбуновымъ были потребованы 5 грузовыхъ автомобилей, изъ коихъ на одномъ были двѣ бочки бензина. При этомъ 2 автомобиля были возвращены обратно 18 іюля утромъ, съ пустыми бочками отъ бензина, 2 другихъ автомобиля вернулись нѣсколько позднѣе того же 18 іюля, послѣдній же автомобиль возвратился при такой обстановкѣ: по требованію названнаго Горбунова онъ подъѣхалъ къ Американской Гостинницѣ, гдѣ помѣщалась чрезвычайная слѣдственная комиссія. Шоффера, доставившаго автомобиль, смѣнили другимъ изъ Американской Гостинницы и отправили домой. Затѣмъ, 19 уже іюля, около 6 часовъ, этотъ автомобилъ былъ возвращенъ вновь тѣмъ же шофферомъ изъ Американской Гостинницы, причемъ автомобиль этотъ былъ весь въ крови и грязи, хотя было замѣтно, что его мыли. По свидѣ-

тельству Кутенкова, онъ послѣ освобожденія, по болѣзни, отъ военной службы въ красной арміи, въ маѣ мѣсяцѣ занялъ должность завѣдывающаго хозяйствомъ рабочаго клуба на заводѣ Верхъ-Исетскомъ. Числа 18-19 іюля, часа въ 4 утра, въ этотъ клубъ пришли: Предсѣдатель Исполнительнаго Комитета С. Р. и С. Д. Сергѣй Павловъ Млышкинъ, военный комиссаръ Петръ Ермаковъ и видные члены партіи большевиковъ, Александръ Костоусовъ, Василій Леватныхъ, Николай Партинъ и Александръ Кривцовъ. Здѣсь въ клубѣ, въ партійной комнатѣ, названныя лица о чемъ-то таинственно совѣщались, при чемъ до него, свидѣтеля, донеслась фраза: "всѣхъ ихъ было 13 человѣкъ, —13-ый докторъ..." Увидавъ его, свидѣтеля, названныя лица, не желая продолжать разговоръ при немъ, тотчасъ же вышли въ садъ, онъ же, Кутенковъ, заинтересовавшись ихъ разговоромъ, незамѣтно прошелъ за ними, спрятался въ травѣ и сталъ слушать. Прежде всего до него долетѣла фраза Костоусова: "второй день приходится возиться, вчера хоронили, а сегодня перехоранивали..." Изъ дальнѣйшаго разговора онъ понялъ, что Леватныхъ, Партинъ и Костоусовъ принимали участіе въ погребеніи убитаго Государя и его семьи. Вопросы предлагалъ Кривцовъ, объясненія же давали и хвастались своими поступками Леватныхъ и Партинъ. Такъ Леватныхъ, между прочимъ, сказалъ: "Когда мы пришли, они были еще теплые, я самъ щупалъ царицу и она была теплая.... теперь и умереть не грѣшно, щупалъ у царицы..." Затѣмъ слѣдовали вопросы, какъ были убитые одѣты, красивы ли они, сколько ихъ, при чемъ про одежду Партинъ сказалъ, что всѣ они въ штатскомъ платьѣ, что въ одеждѣ были зашиты разныя драгоцѣнности, что красивыхъ среди нихъ никого. Онъ, свидѣтель, слышалъ вставленную кѣмъ-то фразу: "у мерт-

выхъ красоту не узнаешь". Онъ, свидѣтель, слышалъ, какъ кто-то сказалъ, что про Наслѣдника говорили, что онъ умеръ въ Тобольскѣ, но и онъ тутъ... О мѣстѣ погребенія убитыхъ было сказано: что сначала ихъ похоронили въ двухъ мѣстахъ за Екатеринбургомъ, а затѣмъ увезли дальше и похоронили въ разныхъ мѣстахъ, но гдѣ именно, они не говорили. Кто то изъ говорящихъ перечислялъ ихъ имена: "Николаша, Саша, Татьяна, Наслѣдникъ, Вырубова" и еще какія то имена, которыхъ онъ не разслышалъ, при чемъ еще разъ было сказано: тринадцатый — докторъ" ....

....

Прокуроръ Казанской Судебной Палаты

Н. Миролюбовъ.

Секретарь (подпись).

12 декабря 1918 г. Вѣрно:

№ 38 г. Омскъ. Начальникъ 3-го Отд. **Николаевъ.**

Печать.

———

Его Превосходительству
Господину Прокурору Казанской Судебной Палаты.

Прокурора Екатеринбургскаго
Окружного Суда

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

Въ дополненіе къ представленію моему отъ 3 января 1919 г. за № 13 по дѣлу объ убійствѣ бывшаго Государя Николая II и его семьи, имѣю честь донести Вамъ, Господинъ Прокуроръ, нижеслѣдующее:

За періодъ времени съ 14 ноября производящимъ слѣдствіе членомъ Суда Сергѣевымъ были допрошены свидѣтели: Петръ Богоявленскій, Семенъ Новиковъ, Анна Костоусова, Наталья Котова, Елена Цеберле, Александръ Самойловъ, Федоръ Ивановъ, Ольга Демина, Афанасій Елькинъ, Галина Ощепкова, Михаилъ Томашевскій, Григорій Агафоновъ и Капитолина Агафонова.

Изъ числа означенныхъ свидѣтелей лишь послѣдніе трое: Томашевскій, Григорій и Капитолина Агафоновы внесли въ дѣло самостоятельный матеріалъ, прочіе же, будучи ранѣе спрошены, на дознаніи подтверждали свои показанія.

Что же касается свидѣтелей: Томашевскаго, Григорія и Капитолины Агафоновыхъ, то изъ нихъ Томашевскій передаетъ разсказъ объ убійствѣ бывшаго Государя Николая II и его семьи со словъ своего знакомаго,

вышеупомянутаго Григорія Агафонова: этотъ послѣдній тотъ же разсказъ передаетъ со словъ своей жены Капитолины Агафоновой, сущность же показанія послѣдней представляется въ слѣдующемъ: у нея, Капитолины Агафоновой, есть братъ, Анатолій Якимовъ, который состоялъ въ красной арміи и, находясь въ городѣ Екатеринбургѣ, послѣднее время былъ назначенъ въ команду, охранявшую домъ Ипатьева, гдѣ была заключена царская семья.

Какъ то въ іюлѣ мѣсяцѣ Анатолій пришелъ къ ней, имѣя крайне измученный видъ. На вопросъ, что случилось, онъ въ сильномъ волненіи заявилъ, что минувшей ночью "Николай Романовъ, вся его семья, докторъ, фрейлина и лакей убиты". По словамъ Анатолія, присутствовавшаго при казни, злодѣяніе было совершено при слѣдующей обстановкѣ: въ первомъ часу ночи всѣхъ заключенныхъ разбудили и попросили сойти внизъ. Здѣсь имъ объявили, что въ Екатеринбургъ скоро придетъ врагъ и потому они должны быть убиты. По словамъ Анатолія Якимова, ихъ пришлось "пристрѣливать", добивать прикладами и прикалывать штыками. Особенно много "возни" было съ фрейлиной Вырубовой. Она все бѣгала и закрывалась подушкой, на тѣлѣ ея оказалось 32 раны. Великая княжна Анастасія Николаевна упала въ обморокъ. Когда ее стали осматривать, она "дико завизжала", послѣ чего ее добили штыками и прикладами. По словамъ Анатолія, сцена убійства была такъ жестока, что трудно было вынести ее и онъ неоднократно "выходилъ на воздухъ, чтобы освѣжиться". Кто именно участвовалъ въ разстрѣлѣ и сколько было всѣхъ убійцъ, Анатолій не говорилъ; говорилъ только, что стрѣляли не красноармейцы, а латыши и какіе то "главные", пріѣхавшіе изъ совѣта. Этихъ главныхъ было пять человѣкъ. Крови было такъ

много, что ее заметали метлой. Убитыхъ перенесли въ автомобили и увезли въ лѣсъ, гдѣ ихъ похоронили въ заранѣе приготовленной общей ямѣ. Гдѣ именно находится мѣсто погребенія, Анатолій не говорилъ. Къ 6 часамъ утра, по словамъ Анатолія управились совсѣмъ, при чемъ въ подушкахъ нашли пачки крупныхъ денегъ и брилліанты. Изъ лицъ, состоявшихъ при домѣ, остались въ живыхъ только два человѣка — камердинеръ, котораго увезли въ Пермь, и мальчикъ, прислуживавшій на кухнѣ.

Этому "признанію" Анатолія, по свидѣтельству Григорьева Агафонова, нельзя было не вѣрить, такъ какъ даже къ вечеру того же дня, т. е. послѣ казни, когда онъ пришелъ съ ними проститься, видъ его былъ "прямо поразителенъ" : лицо осунувшееся, зрачки расширены, нижняя губа, во время разговора, тряслась: ясно было видно, что за минувшую ночь онъ пережилъ что-то потрясающее. Въ тотъ же день онъ уѣхалъ на вокзалъ и гдѣ находится въ настоящее время — неизвѣстно.

Представляя о вышеупомянутомъ и прилагая при семъ копію донесенія Товарища Прокурора Магницкаго о разслѣдованіи въ августѣ мѣсяцѣ 1918 г. шахты и окружающей ее мѣстности съ цѣлью обнаружить тѣла б. Императора Николая II и членовъ его семьи, вмѣстѣ съ тѣмъ доношу Вамъ, Господинъ Прокуроръ, что таковая же копія мною вмѣстѣ съ симъ препровождена производящему слѣдствіе члену Суда Сергѣеву, при чемъ послѣднему предложено установить данныя произведеннаго разслѣдованія и розысковъ путемъ допроса въ качествѣ свидѣтелей инженеровъ Кузнецова, Катенева, Товарища Прокурора Магницкаго и другихъ лицъ, принимавшихъ наиболѣе дѣятельное участіе при розыскахъ. Независимо отъ этого, на основаніи и съ

соблюденіемъ 368-1 ст. У. У. С. предложено изъять изъ Екатеринбургской Почтово-телеграфной конторы всю телеграфную корреспонденцію (телеграфныя ленты) Областнаго Совѣта народныхъ комиссаровъ, которая окажется относящейся къ разслѣдуемому дѣлу объ убійствѣ б. Государя Николая II, съ цѣлью установленія отношенія къ судьбѣ б. Императора Николая II какъ ихъ самихъ, такъ и со стороны центральныхъ совѣтскихъ властей.

Наконецъ, въ дополненіе къ представленію моему отъ 20 декабря 1918 г. доношу, что всѣхъ фотографическихъ снимковъ съ дома Ипатьева — мѣста заключенія б. Императора Николая II и его семьи, — по распоряженію Члена Суда Сергѣева, было сдѣлано 8, изъ коихъ I представляетъ внѣшній видъ дома въ томъ именно видѣ, какой онъ имѣлъ во время заключенія царской семьи (домъ былъ занесенъ высокимъ заборомъ изъ досокъ на подобіе тюремной ограды), остальные же снимки внутренняго вида всѣхъ комнатъ и отдѣльный видъ комнаты, гдѣ былъ произведенъ разстрѣлъ.

Прокуроръ **Іорданскій.**

Начальникъ 3-го отд. **Николаевъ.**

КНИГИ.

РУССКОЕ.

Contes populaires russes de Pouchkine, traduits par Alexandra de Holstein et René Ghil et ornés de bois gravés par Jean Lebedef, Paris. (Société Littéraire de France). — Борисъ Соколовъ (Борисъ Чужой): На поворотѣ. Разсказы и очерки изъ совѣтской жизни. Парижъ. (Jacques Povolozky).

И переводчица, и иллюстраторъ сказокъ Пушкина, оба русскіе. А. В. Гольштейнъ выпускаетъ въ свѣтъ уже вторую трудную литературно-художественую работу. Такъ же тщательно, съ одинаковымъ знаніемъ обоихъ языковъ, эта давнишняя парижанка, сумѣвшая остаться воистину русской, перевела, вмѣстѣ съ тѣмъ же Рене Гилемъ, собраніе сочиненій Бальмонта.

Сказки Пушкина по-французски — еще одно русское артистическое дѣло въ Парижѣ.

Въ этомъ году русскій сезонъ въ Парижѣ какой-то увѣренный въ себѣ, безъ шумихи, безъ придачи франко-русскихъ экзальтацій и франко-русской жажды экзотики. Какъ разъ то, чего хотѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Александру Бенуа. Думалось: пока мы поражаемъ современныя Аѳины нашей своеобразностью, нашей какъ бы «японщиной», которая еще въ XVIII в. преукрасила пестроту рококо, — мы все еще варвары, занятные болѣе, чѣмъ интересные, все еще любятъ не наше искусство, а тѣшится нами снобизмъ переутомленнаго вкуса и упадочности. И непремѣнно: мистическая русская душа и прочія глупости. Въ этомъ году вовсе не то. Русскія пѣвицы и рус-

ская музыка, русскіе піанисты и цѣлыхъ два русскихъ балета одновременно — одинъ болѣе традиціонный, почти академическій, другой ищущій и болѣе смѣлый, все это имѣетъ успѣхъ безъ малѣйшей крикливости или скандала, въ разрѣзъ съ политикой дня и помимо всякой дипломатіи; все это нравится потому, что мы давно вышли изъ ученичества и не только равноправные, но во многихъ отношеніяхъ даже перегнавшіе и дарованіемъ, и техникой, и углубленностью художественныхъ чаяній нашего давнишняго педагога — западъ.

Вотъ оттого-то пусть и Пушкина почествуютъ, разукрасивши его.

Но по этой же причинѣ, т. е. изъ-за того, что хотѣлось бы, чтобы русское искусство пріобщало европейскую читающую публику, вовсе не щеголяя экзотикой, я возражаю противъ заглавія: «Contes russes populaires de Pouchkine». Я вообще не понимаю этого соединенія словъ. Или сказки — народныя, или это сказки Пушкина. Мы привыкли, что народныя сказки «записываются», а не сочиняются. А риѳмованная сказка — французское изобрѣтеніе. Стоитъ вспомнить такое классическое французское заглавіе: «Les contes de Lafontaine».

Это сразу приводитъ насъ къ главному — къ стилизаціи.

Всѣ пять сказокъ: о царѣ Салтанѣ, о попѣ и его работникѣ Балдѣ, о рыбакѣ и рыбкѣ, о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ и о золотомъ пѣтушкѣ. Пушкинъ стилизировалъ и всѣ ихъ стилизировалъ совершенно одинаково. Переводчицѣ и иллюстратору пришлось тоже стилизировать, но заново. Какъ же выполнена эта задача? Вопросъ сводится вотъ къ чему: какая современная стилизація ближе всего подходитъ къ пушкинской? Иллюстраторъ разрѣшилъ весьма категорически — лубокъ. Переводчики переложили стихи на ритмическую прозу, причемъ—это, вѣроятно, внесено уже Рене Гилемъ — они, вводя то тамъ, то сямъ родительный падежъ, исчезнувшій въ современномъ французскомъ литературномъ языкѣ, слегка архаизировали.

Какъ то разъ И. Я. Билибинъ, когда его спросили, въ какомъ стилѣ его обложка для Исторіи народной русской словесности, изданной Сытинымъ, отвѣтилъ: въ «романо-германо-русскомъ» стилѣ, и, конечно, самъ первый разсмѣялся, потому что вышло изъ рукъ вонъ парадоксально. Но не убоимся парадоксальности, вдумаемся, нѣтъ ли за странной внѣшностью

внутренней правды въ этихъ словахъ Билибина? Къ лубку они отлично подходятъ. Къ пушкинской стилизаціи сказокъ еще лучше. Не чувствуется-ли, вглядываясь въ нашъ лубокъ, что за нимъ длинный путь художественныхъ перевоплощеній, -и путь этотъ — тотъ-же самый, которымъ прошелъ Бова-Королевичъ отъ итальянской народной книги поздняго возрожденія, черезъ нѣмецкое первопечатное дѣло, къ намъ на Русь, куда онъ прибылъ въ вѣкъ Петра уже архаическій, уже запоздалый по стилю, но обновленный той средой русскихъ крѣпостныхъ актеровъ и художниковъ, въ которой такъ причудливо переплетались ложно-классицизмъ съ входившей тогда въ моду «народностью». Мы доподлинно знаемъ теперь, что многія пѣсни, которыя поются въ народѣ и «записаны изъ устъ народа» сочинены ложно-классикомъ Сумароковымъ, а проникли онѣ въ народъ черезъ лубокъ и пѣсенникъ, на ярмаркахъ, гдѣ вытаскивали ихъ изъ своихъ коробовъ коробейники.

Тотъ «легкій стиль», который Пушкинъ унаслѣдовалъ отъ Батюшкова, это какъ разъ стиль пѣсенъ ложно-классика Сумарокова.

Отсюда еще одно возраженіе.

«Contes populaires russes de Pouchkine» открываетъ ввидѣ предисловія — «poème en prélude». Что бы вы думали? Это «У лукоморья дубъ зеленый». Зачѣмъ оторвали его отъ «Руслана и Людмилы», чтобы связать со сказками?

« У лукоморья дубъ зеленый» можетъ быть и пророчитъ сказки. Но пророчитъ сказки и множество мѣстъ изъ самого «Руслана и Людмилы». А все-таки это поэма, не позабывшая «Неистоваго Роланда», тогда какъ сказки — совершенно другое. Сказки исходятъ самымъ опредѣленнымъ образомъ изъ лубка или сказокъ типа Бова-Королевичъ, но «народность» и «мѣстность», такъ геніально уже преодолѣны и даже предвосхищены. И возсіяла надъ лубочностью лучезарная чисто пушкинская красота, такая очищающая и прелестная, живая и непринужденная, что хочется воскликнуть: вотъ она, непревзойденная доподлинно-русская красота, залитая солнцемъ національной правды!

И я скажу, что иллюстраціи Ивана Лебедева по своему, конечно, и графическими пріемами нашего времени, идутъ по вѣр-

ному пути: Иванъ Лебедевъ постарался заставить возсіять самъ русскій лубокъ.

А текстъ перевода?

Задача была несравненно труднѣе. Одно только сказать: надо было изъ русскаго спондея выйти къ французской ритмической прозѣ, въ которой преобладаетъ анапестъ. Надо было архаизировать, нельзя было иначе, но пришлось изъ-за этого уйти куда-то назадъ, минуя XVII в., вернуться къ пережиткамъ возрожденія. Тутъ главная была помѣха, и не для А. В. Гольштейнъ, а именно для Рене Гилля: онъ вѣдь, конечно, далъ послѣдній чеканъ. Можетъ быть, это прекрасное изданіе еще выиграло бы, если бы Рене Гиллю было сказано, насколько мало было въ Пушкинѣ романтизма, насколько онъ весь французскій и остался вскормкомъ Парни, несмотря на увлеченіе Андреемъ Шенье и уже понятыми въ его время «народностью» и «мѣстностью».

Но роскошныхъ изданій, увы, никто не читаетъ. Судьба ихъ извѣстна: изъ магазина въ моторъ, изъ мотора въ нарядную квартиру, а оттуда къ переплетчику. Потомъ — въ шкапъ, подъ ключъ и подъ спудъ. Еще въ тѣхъ домахъ, гдѣ распущенныя дѣти, испортятъ книги, за то хоть картинки запомнятъ. Помечтаемъ, что они послѣ будутъ изъ-за этого людьми со вкусомъ.

***

Въ предисловіи къ своей книжкѣ Борисъ Соколовъ говоритъ, что всѣмъ многимъ, спрашивающимъ «настоящую правду изъ правдъ о Совѣтской Россіи», нужна не только «голая правда цифръ и фактовъ».. На этотъ спросъ и хотятъ отвѣтить его очерки и разсказы. Но они вовсе не иллюстрація къ его книгѣ «Большевики о самихъ себѣ».

Очерки Бориса Соколова — книга литературная. Я отнюдь не хочу употребить ругательнаго выраженія Тургенева, но смягчивъ его насколько разъ это надо, чтобы не было обидно автору, все таки нельзя не сказать, что отъ нея очень и очень пахнетъ литературой. Не непріятно, нѣтъ, а такъ... ну, какъ на голоднаго, когда войдешь въ ресторанъ, пахнетъ кухней. И мы вѣдь наголодались. Давно безъ литературы. Такъ чего ужъ тамъ. Пожалуй, даже жаль бы было, если бы, подойдя къ накрытому столу, не запахъ пищи почуяли, а напримѣръ — такъ дѣлали въ старину, — попрыскано бы было раздушеннымъ уксусомъ на раскаленную канфорку.

Въ какой мѣрѣ эта, по собственному выраженію автора, лишь одна изъ тысячъ правдъ о Россіи — «правда изъ правдъ», пусть судятъ тѣ читатели, которые могутъ сравнить съ дѣйствительностью. Одно скажу: литературно книга правдива, литературная въ ней «правда изъ правдъ».

Такая же растерянная и замученная импрессіонизмомъ, изломанная духовно и по формѣ, больная и трепетная, какъ вся русская литература междуреволюціоннаго періода. Междуреволюціоннымъ періодомъ надо называть время отъ 1905 до 1917 года, включая сюда и войну.

Достоевскій и Владиміръ Соловьевъ, декаденство и чеховщина, а тутъ мазнуло грязной тряпкой Азефьяды. Послѣ, дальше—хуже: Вейнингеръ и Арцыбашевъ. Еще хуже,—Игорь Сѣверянинъ. А съ запада — ужъ не Ибсенъ и не Ницше, а развѣ Кнутъ Гамсунъ да Петеръ Альтенбергъ.

Тянется ввысь до Бальмонта, Вячеслава Иванова и Александра Блока, терзается съ Леонидомъ Андреевымъ и Сологубомъ, съ Ахматовой мятется и шлепается, не выдержавъ усилій, объ Анатолія Каменскаго и Мандельштамовскій акмеизмъ.

Все это есть въ очеркахъ Бориса Соколова и все это по своему роднится съ его темой, до формы, до слога, до слезъ. Фраза перерывается, — прилагательное только послѣ точки, да еще не одно — другое, и не двигается дальше мысль, и не хочетъ вырисоваться образъ, топчется на мѣстѣ, измученный и съ надрывомъ, въ безсиліи и потугахъ. Такъ оно было въ послѣдніе годы съ русской литературой, да и не только съ русской. И ожидалось, чаялось новое, молчало, вотъ будто распылается полымемъ, потому что все же ярко горѣлъ костеръ.

Исканія, — говоритъ авторъ очерковъ, — основная черта русской души послѣдняго времени.

Не только искали, но и находили, но безпокоились о будущемъ, не олимпійствовали.

И теперь ждемъ еще съ большей тревогой въ сердцѣ.

РАДОСТЬ НОВИЗНЫ.

Henri de Régnier. Histoires incertaines** (Mercure de France) ; **Remy de Gourmont. Lettres d'un Satyre.** (тамъ же) ; **Georges Duhamel. Entretiens dans le Tu-

multe (Mercure de France); Tristan Bernard. Le taxi fantôme (Flammarion); René Duverne. Pouck (Plon); Lucy Achalme. Le Maître Pain (Payot); Emmanuel Bourcier. Jeanne (Flammarion); Pierre Benoit. L'Atlantide (Albin Michel); Albert Adès et Albert Josipovici. Le livre de Goha le simple. Préface d'Octave Mirbeau (Calmann-Lévy).

Ждали... Говорили: вотъ послѣ войны...

Часто приводится тотъ фактъ, что выходъ въ свѣтъ Шатобріановскаго «Генія Христіанства» совпадаетъ съ установленіемъ Наполеоновскаго режима. Обновленной вышла литература изъ дебрей революціи и войнъ Директоріи. И послѣ войны 1870 года, опять то же самое: съ романтизмомъ покончено и быстрыми шагами завоевываютъ себѣ и интересъ, и симпатіи натуралистическій романъ и импрессіонизмъ. Началась эпоха Золя, Додэ и Мопассана. Манэ и Дегазъ. Даже Флоберъ и Бодлеръ на ущербѣ или уже классики. А въ самыхъ передовыхъ кругахъ спрашиваютъ себя: куда дѣвались Верлэнъ и Рамбо? И скоро разыщутъ Верлэна въ больницахъ и маленькихъ кабачкахъ Латинскаго квартала.

А теперь? То же самое. Прежніе «молодые» теперь — академики. Не только — Анри де-Ренье. Ему это пророчили, еще когда свои «правильные» стихи онъ печаталъ въ Revue des Deux Mondes. Академикъ даже Франсуа де Кюрель. Объ немъ, впрочемъ, въ другой разъ, такъ какъ сейчасъ онъ принадлежитъ не книгамъ, а театру. Новая книга Анри де Ренье, Histoire incertaine, какая-то даже черезъ-чуръ академическая — Венеція, и Венеція не Рескина, а развѣ, horibile dictu похожая на Римъ Поля Бурже. Прежнюю настоящую манеру Анри де Ренье, которая восходитъ къ Вилье де Лиль-Адаму, надо искать въ «Письмахъ Сатира» Реми де Гурмона. Только вторая половина писемъ кудо то опять сбивается, безвкусна, заставляетъ думать о героѣ изъ Джунгли Джэка Лондона, который обошелъ синематографы. Только первыя страницы прелестны, такъ мила дѣвченка изъ коммунальной школы, которая пишетъ первое письмо сатиру. И никакого «чорта» не боится, увѣрена, что «по правиламъ общежитія» опять превратится въ дѣвушку. Ну разумѣется!

«Человѣчество не только истомилось — пишетъ Дюгамель, — но все еще его преслѣдуютъ воспоминанія грабежей, лѣни

и убійства. Въ трактатахъ нѣтъ ничего, что бы торжественно провозгласило какой нибудь заключительный приговоръ этой эрѣ распущенности и человѣконенавистничества, ничего, что для потерпѣвшихъ кораблекрушеніе душъ послужило бы урокомъ высокой морали и справедливости, проведенной въ жизнь. Ничего не измѣнилось въ пріемахъ разрѣшенія людьми великихъ задачъ. Я повторяю, спите спокойно: ваша Европа не искалѣчена». —

Это правда.

Если сорвать чистенькія обклейки, сверкающія на новыхъ книжкахъ, обнаружится — «ничего не измѣнилось».

Особенно самые обыкновенные романы и повѣсти. Вовсе не новыя книги большихъ, извѣстныхъ и раньше писателей, а ходячая, средняя по достоинству, литература болѣе показательна. Она ближе къ толпѣ читателей, къ обывательскому вкусу и спросу, къ серединѣ, къ гущѣ людской. Средняя книга будетъ забыта, въ исторію литературы она не попадетъ, она случай.. ничтожество въ общемъ подсчетѣ явленій, но не надо забывать. что она написана не геніями, запертыми въ своихъ хрустальныхъ дворцахъ, сверкающихъ вѣчной правдой или вѣчной ложью, а тоже обывателями. Средній авторъ оттого соціологическій фактъ, представляющійся сознанію.

Ну, конечно, отъ великаго до смѣшного — даже не одинъ шагъ, а совсѣмъ нѣтъ никакого разстоянія, потому что они переплелись.

Война не забыта и оттого, совершенно такъ же, какъ на всякомъ мужчинѣ среднихъ лѣтъ, куда бы вы ни пошли, въ ресторанахъ и театрахъ, на подземной желѣзной дорогѣ, просто въ семейныхъ домахъ, на каждомъ вы видите маленькую красную или двухцвѣтную ленточку, показывающую, что владѣлецъ этого пальто или пиджака исполнилъ свой долгъ передъ родиной. Герой нашего времени, конечно, былъ на войнѣ. Такъ принято и такъ есть. Даже въ синематографическомъ романѣ-анекдотѣ Тристана Бернара Le taxi fantôme, герой съ тремя *пальмами* на croix de guerre, хотя дѣйствіе проиеходитъ въ томъ литературно-свѣтскомъ кругѣ Парижа кварталовъ Porte Dauphine и парка Монсо, который волнуется выборомъ въ академики. Если молодой человѣкъ любитъ дѣвушку и, вообще, женихъ, и читатель изъ за этого долженъ еще часа на два проникнуться къ нему симпатіей, ему мало одной или двухъ звѣздочекъ на ленточкѣ Croix de guerre. Такъ надо.

Да, война не забыта, и правъ или не правъ Дюгамель относительно всей Европы, которая «вовсе не искалѣчена», судя по тѣмъ книгамъ, о которыхъ теперь рѣчь, особенно, и по всему тому, о чемъ толкуютъ читатели, газетчики и журналисты, — нѣтъ никакой радости новизны.

Даже хуже.

Итоги какіе-то жалкіе и ничтожные, еще хуже — сводка.

«Разговоры среди сутолоки» Дюгамеля и «Пукъ» Ренэ Дюверна, обѣ претендующія на остроуміе и оригинальность, особенно разговоры Дюгамеля — просто сводки всѣхъ газетно-обывательскихъ остротъ и полу-парадоксовъ, которыми пробавлялась истомившаяся во время войны умственная скука.

«Разговоры среди сутолоки» Дюгамеля происходятъ въ какомъ-то воображаемомъ батальонномъ офицерскомъ собраніи на фронтѣ, гдѣ собрались все очень умные и интересные собесѣдники, превращенные войной въ лейтенантовъ и капитановъ. «Пукъ» Ренэ Дюверна, выпустившаго теперь еще свой самый первый романъ, — тоже разговоры о войнѣ. Они ведутся между мальчикомъ 5-8 лѣтъ и его дѣдомъ. Отецъ маленькаго «Пука» на войнѣ и онъ былъ раненъ, опять пошелъ на фронтъ и въ концѣ романа счастливо вернулся домой.

Обѣ книжки написаны въ томъ, что на оффиціальномъ языкѣ называется «хорошемъ духѣ!»

Ахъ, этотъ «хорошій духъ»! Сколько въ немъ самой святой и совершенно необходимой, а потому во всѣхъ отношеніяхъ безупречной, но если разсуждать какъ надо, по мирному времени, т. е. думать, чувствовать, имѣть вкусъ и не терять умственной совѣсти, то ужасно жалкой и до приторности пошлой лжи.

«Хорошій духъ» требуетъ, чтобы жизнь на фронтѣ изображалась сплошной и добровольной жертвой на алтарь отечества и чѣмъ она многострадальнѣе, тѣмъ и веселѣе.

И совершенно никакой и ни въ какой мѣрѣ враждебности противъ «хорошаго духа» въ этихъ словахъ нѣтъ. Такъ надо было для побѣды, а во время войны единственная цѣль это — побѣда надъ врагомъ; все позволено, кромѣ предусмотрѣннаго въ пунктахъ Гаагской конференціи, а слѣдовательно и ложь. Поскольку для побѣды надъ врагомъ нужна была ложь, она была безупречна, ибо никто никогда ни въ какомъ уставѣ и ни въ какихъ пунктахъ закона не запрещалъ лгать для побѣды, если это надо.

Ни малѣйшей ироніи въ этихъ словахъ нѣтъ, а просто это такъ, и единственная цѣль, почему, зачѣмъ надо было это высказать, это разграниченіе войны и мира. Война кончена, и значитъ, продолжать этотъ сантиментально искренній умственный лепетъ ни къ чему. Во время войны надо было и себя, и другихъ поддерживать въ дурманѣ легкомыслія, все видѣть въ розовомъ цвѣтѣ и даже вообще стараться не думать, а только добросовѣстно исполнять приказанія, соблюдать, что говорится въ уставахъ и инструкціяхъ.

Война не только жертва для своего отечества тѣломъ, но и духомъ; надо было, не пожалѣвъ, вытрясти и дать разсѣяться либо оставить дома въ глубочайшемъ тылу всѣ свои умственные запросы. Потомъ когда-нибудь.

Но побѣдили — значитъ, собирайся зажить и собирайся съ мыслями, забудь сборку и разборку пулемета Гочкиса и вспомни, что зналъ.

Пишущему эти строки съ самаго начала войны и до сихъ поръ казалось, что надо было собрать при мобилизаціи всѣхъ умныхъ, талантливыхъ, образованныхъ и честныхъ людей и сказать имъ:

— Либо забудьте совершенно и безъ остатка, что вы умные, талантливые, образованные и честные люди и станьте совершенно наиобыкновеннѣйшими обывателями, которымъ мы сейчасъ дадимъ фельдфебеля въ *Вольтеры*, или отправляйтесь за колючую проволоку вмѣстѣ съ военноплѣнными и нежелательными.

Величайшее несчастье Россіи то, что послѣ революціи русская интеллигенція вообразила, будто, хотя война не кончена, насталъ срокъ стать сверхъ-интеллигенціей и постаралась сдѣлаться еще болѣе самой что ни на есть умной, образованной, талантливой и честной.

Для литературныхъ же цѣлей надо было собрать при мобилизаціи вовсе не умныхъ, вовсе не талантливыхъ, вовсе не образованныхъ и даже не честныхъ людей, а просто такихъ, которые бы въ своихъ писаніяхъ руководились указаніями изъ Ставки. И безпрекословно.

Но опять: побѣда достигнута—надо *демобилизировать литературу*, сказать, какъ Роландъ Dorgelès въ предисловіи къ Le cabaret de la femme: «Еще нѣсколько страницъ осталось у меня въ полевой сумкѣ — послѣднія, которыя выпущу въ

свѣтъ». И довольно. Пора выпустить изъ лагерей военноплѣнныхъ умныхъ, талантливыхъ, образованныхъ и честныхъ людей и самимъ умственно демобилизироваться.

А вотъ г-жа Люси Ашальмъ, которая написала въ своемъ родѣ не лишенный интереса и совершенно мирный романъ, напротивъ, мобилизировалась.

Мобилизація эта выражается въ томъ, что предисловіе взываетъ къ крестьянкамъ Франціи, которыя, пока мужья были на фронтѣ, не запустили поля, и если городскія замѣняли мужчинъ шофферами и механиками на заводахъ и желѣзныхъ дорогахъ, онѣ, деревенскія, не жалѣли силъ, переворачивая борозды и засѣвая поля.

Такъ отдана дань, и превращены въ литературное украшеніе романа эти двѣ мысли, сами по себѣ справедливыя, но совершенно ненужныя въ мирное время, что женщина, берясь за работу вмѣсто домашняго хозяйства или даже просто соблюдая домъ и дѣтей, совершаетъ патріотическій подвигъ, другая, что крестьянинъ несравненно лучше рабочаго, потому что солдаты изъ крестьянъ считаются исполненными «хорошимъ духомъ», а тѣ, что изъ рабочихъ и мелкой буржуазіи, — не всегда.

На самомъ дѣлѣ связи между этими мыслями и романомъ «Господинъ Хлѣбъ» нѣтъ, однако, никакой.

Романъ этнографическій.

Г-жа Ашальмъ, какъ историкъ-экономистъ, написала брошюру объ овернскихъ сельско-хозяйственныхъ общинахъ, ихъ происхожденіи и современныхъ учрежденіяхъ. Теперь на эту тему романъ.

Сельско-хозяйственная община Оверни изображена подобно сербской задругѣ или кучѣ. У ней выборный глава и все имущество, вопреки устоямъ современнаго гражданскаго права, находится на общемъ владѣніи на основахъ права обычнаго. Изображается разложеніе общины-задруги, потому что дочь самого главы, муйстра, по мѣстному говору, влюбилась въ рабочаго и потребовала свою часть: — наслѣдство матери. Конечно, какъ и когда-то въ нашей народнической беллетристикѣ, рабочій оказался гуляка, легкомысленный и растратилъ состояніе жены, а она, овдовѣвъ и истомившись въ городской сутолокѣ, возвращается въ деревню, гдѣ ее ждетъ вѣрный и

любящій тотъ же прежній женихъ, котораго ей предназначали и отецъ, и община.

Спрашивается, какое это имѣетъ отношеніе къ возславленію крестьянства, и особенно крестьянской женщины? Никакого. И даже морали никакой изъ этого романа не можетъ вывести читательница-крестьянка, буде такая сыщется, потому что слишкомъ ужъ своеобразное, особенное, исключительное явленіе французской жизни представляютъ собою эти чудомъ уцѣлѣвшія въ горахъ Оверни и, разумѣется, весьма немногочисленныя общины — задруги.

Лучшій изъ перечисленныхъ романовъ и безъ отношенія къ войнѣ — Goha le simple, написанный въ сотрудничествѣ двумя еще начинающими.

Тутъ одна изъ самыхъ сложныхъ проблемъ человѣчества: таинственная связь простодушія и высокой мудрости. Много говорилось лѣтъ двадцать тому назадъ объ общности геніальности и сумашествія. Я разумѣю совсѣмъ другое. Еще высокообразованный, чистой воды интеллигентъ послѣднихъ вѣковъ античной эры, блаженный Августинъ, задумался о томъ схожденіи мудрѣйшихъ съ простецами. Въ буквальномъ смыслѣ идіотъ и значитъ простецъ. Гоха — простецъ и вотъ, глубокое впечатлѣніе производитъ, когда остаются наединѣ другъ съ другомъ въ его кабинетѣ ученаго Шейкъ-ель-Заки и Гоха. Съ ужасомъ спрашиваетъ себя Шейкъ-ель-Заки, глядя на Гоху, котораго онъ приказалъ одѣть въ свое собственное платье: больше ли онъ знаетъ, лучше ли понимаетъ смыслъ событій, чѣмъ этотъ Гоха, съ которымъ въ туманѣ какихъ то неясныхъ мечтаній ихъ обоихъ измѣнила шейку его жена, теперь выброшенная изъ его дома и поплатившаяся за измѣну жизнью.

Мишура знаній и туманъ, туманъ. У Гоха нѣтъ никакихъ знаній, но въ туманности его сознанія или, вѣрнѣе, подсознанія можетъ быть больше мудрости.

Своеобразно, сильно и перепутанно яркими образами женъ Шейка ель-Заки, семьи отца Гоха и ихъ рабынь развивается эта тема. Ея фонъ такой же пестрый и своеобразный — XVIII вѣкъ въ Каирѣ, еще почти несоприкоснувшееся съ европеизмомъ мусульманство. Шейку казалось, что все и практически жизненное, и философія, и религія, — все это разработано въ знаменитыхъ книгахъ, наполняющихъ его библіотеку. Только почтительно и внимательно слушать его остается его

многочисленнымъ ученикамъ. Самымъ утонченнымъ лоскомъ отчеканены его слова и поступки, а дома, казалось бы, все предвидѣно, и не только полная чаша его домъ, и отдыхъ, и миръ душевный и тѣлесный даетъ ему его гаремъ; но нѣтъ: все это туманъ и призрачность: ни къ чему не способный и высмѣянный и презираемый всѣмъ Каиромъ Гоха мудръ нисколько не менѣе его и нисколько не менѣе его и несчастливъ, и блаженъ.

Можетъ быть такія книги всего нужнѣе современному человѣчеству въ тѣхъ потугахъ вырваться изъ умственной бездны, въ которую опрокинула человѣчество міровая война и бушующая тамъ, на востокѣ, самая страшная изъ всѣхъ революцій.

«Атлантида» Пьера Бенуа тоже не имѣетъ ничего общаго съ войной, хотя герои—офицеры спаи и въ центрѣ разсказа военная экспедиція въ южную Сахару, въ загадочную страну Туареговъ. По началу романа и ждешь интереснаго. Однако, чѣмъ дальше, больше разочаровываешься. Авторъ вообразилъ, что въ скалистой части земли Туареговъ — Атлантида и она сохранилась до сихъ поръ, но вотъ тутъ разсказъ сбился на буфонаду, сплетенную изъ ужасовъ. Фантастика и утопія слабы, и не хочется даже распутаться въ томъ, какъ это француженка превратилась въ новую Клеопатру, французскій ученый въ скалахъ южной Сахары блюдетъ древнюю Александрійскую библіотеку, и вообще во всей фантасмагоріи, составляющей вторую половину романа. Можетъ быть, лучше всего было бы отдаться комическому замыслу, искать занятности безъ ужасовъ. А писали, это сюжетъ съ англійскаго, но онъ такъ баналенъ.

Грустный, грустный, и немного блѣдный романъ тоже начинающаго автора, Бурсье. «Леонъ», можетъ быть написанный еще и до войны и лишь теперь нашедшій издателя, совершенно свободенъ отъ журнально-обывательскаго лепета мыслей военнаго времени, подводитъ насъ къ Барбюсу и къ нему вернемся.

ИЗЪ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ.

***Peter Altenberg. Mein Lebensabend (S. Fischers Verlag), Berlin,* 1919.**

Появленіе книжки Альтенберга въ витринѣ парижскихъ книжныхъ магазиновъ тоже своего рода событіе военнаго времени.

Вѣдь надо было, чтобы заключенъ былъ миръ съ Германіей, иначе книжка осталась бы тамъ, позади колючей проволоки. А заключеніе мира — событіе военное. Настоящій миръ настанетъ тогда, когда забудемъ не только, что воевали, но и то, какія и какъ засѣдали конференціи.

Нѣмецкая книжка въ Парижѣ.

Только какой же онъ нѣмецъ, Петеръ Альтенбергъ?

Во первыхъ онъ изъ Вѣны съ Кертнерринга, изъ этихъ кофеенъ, гдѣ сидятъ за меланжемъ и сладкими пирожками герои Шницлера, склонившись надъ юмористическими журналами и бросая взоры на показывающихъ ножки вѣнскихъ дамъ, разноплеменныхъ, легкомысленныхъ и нарядныхъ, совсѣмъ такихъ же, какъ и политика Габсбурговъ, которая такъ долго тѣшила и разжигала страсти, строила козни и лелѣяла недостатки подвластныхъ славянъ легкомысліемъ и развратомъ Кертнерринга. Не только онъ вѣнскій *Па*, какъ онъ любилъ себя называть, но и языкъ его особый.

Ницше говорилъ: надо «разгерманизировать нѣмецкій языкъ». *Па* это сдѣлалъ еще лучше Ницше. Легко, непринужденно, съ утонченнѣйшей изощренностью слога и мысли пишетъ *Па*.

Впрочемъ, скорѣе писалъ, чѣмъ пишетъ. Книга его и называется «Вечеръ моей жизни», и съ первыхъ же строкъ онъ говоритъ, что какое то большое издательство заказало ему «Мемуары», а онъ считаетъ, что всѣ эти его крошечные, изваянные, какъ статуэтки римской скульптуры временъ упадка, какъ «Мимъямбы» александрійскаго періода греческой поэзіи, легкіе и прелестные очерки, даже не очерки, а эскизочки, Skizzen, и есть ничто иное, какъ мемуары. Старый уже *Па*, ему уже шестьдесятъ лѣтъ. А думалось: развѣ можетъ онъ постарѣть? Развѣ старѣютъ на Кертнеррингѣ? Развѣ кончится когда-нибудь Австрійская Имперія, возглавленная до безсмертія престарѣлымъ Францемъ Іосифомъ?

И вѣдь на самомъ дѣлѣ, новая его книга, хотя она и называется «Вечеръ моей жизни», все такая же молодая и свѣжая, какъ и всѣ прежнія.

Все та же самая «простота», въ Верленовскомъ смыслѣ «простота». Помните, въ своихъ «Обвиненіяхъ» (invectives), Верленъ говоритъ своимъ «сотоварищамъ — плохимъ сотоварищамъ» (confrères — malfrères); «вы ничего не поняли

въ моей простотѣ». Такая же «простота» — изощренное легкомысліе эскизочекъ Альтенберга.

Попробую перевести одну изъ нихъ.

ВЕРТЕРЪ.

«Что нѣжный Вертеръ погибъ изъ за очаровательно-благородной Лотты, это вамъ всѣмъ извѣстно. Но совсѣмъ маленькой подробности вы, вѣроятно, не знаете. Одна молоденькая женщина, мужъ которой давалъ ей слишкомъ мало денегъ на хозяйство, чтобы уютнѣе обставить ему жизнь, помогала бѣдѣ, то отсюда, то оттуда отъ времени до времени незамѣтно наполняя себѣ кошелекъ. И когда приблизился ея смертный часъ, она сказала своему мужу, не изъ за угрызеній совѣсти конечно, а такъ: мужъ мой высокопочтенный, ты вѣрнѣе всего возьмешь скоро другую себѣ въ хозяйки, такъ мнѣ очень не хотѣлось бы, чтобы ты подумалъ о ней, будто изъ невниманія къ тебѣ больше меня она тратитъ на хозяйство»...

Ну, что съ нимъ подѣлаешь?

Нанизываются его эскизы какъ бисеръ, его самаго «мгновеннаго» изъ всѣхъ импрессіонистовъ, эскизы о жизни, о каждодневности, о самомъ простомъ, но надо ихъ понимать «иносказательно». Въ этомъ онъ сознается въ своей послѣдней книгѣ, девятой по счету. А чтобы вотъ такъ, какъ ему хочется, понять его, читатель тоже долженъ хоть въ какой нибудь мѣрѣ стать Петромъ Альтенбергомъ, проникнуться«простотой», воспѣтой еще Верлэномъ, и отдаться впечатлѣніямъ: и вотъ теперь, совершенно такъ же точно, какъ всѣ прочія явленія жизни, любовь, трудъ, литературную работу, страсти и паденія людскія, пережилъ Петръ Альтенбергъ и войну.

Война для него «сила» слѣпая и безсмысленная, происходящая изъ мегаломаніи властителей народныхъ. Альтенбергъ, какъ пасифистъ, по своему тоже не принялъ войны. Онъ увѣряетъ, что всѣ его писанія—борьба того, «что есть, съ тѣмъ, что должно быть». Войны не должно быть. Безуміе повѣрить въ цеппелины, подводныя лодки и мегаломанію. Они только игрушечныя достиженія незрѣлаго человѣчества.

Вѣнскій мыслитель, самый мгновенный изъ импрессіонистовъ и самый веселый изъ всѣхъ трагиковъ, пережилъ войну только какъ обыватель. Вѣнецъ — даже не австріецъ, а вѣнецъ, — существо лишенное политическихъ страстей и политическихъ идеаловъ, онъ не упомянулъ въ своей книгѣ ни разу о той политикѣ, изъ за которой перестала существовать Австрія, ни разу о славянствѣ, ни разу о пангерманизмѣ, но по своему онъ тоже восклицаетъ : in tyrannos ! Только, конечно, онъ вовсе никакой большевикъ или революціонеръ.

Для него : in tyrannos, значитъ просто : оставьте меня въ покоѣ.

АНРИ БАРБЮСЪ.

Henri Barbusse. Romans. — Henri Hertz. Henri Barbusse (Edition du Carnet Critique).

Никогда ни одинъ писатель не сталъ истинно значительнымъ изъ за той *тезы*, которую онъ проводитъ въ своихъ произведеніяхъ.

Какъ разъ наоборотъ.

Новаго крупнаго писателя всегда начинаютъ читать, потому что... Почему? Да просто потому, что начинаютъ читать. Потому что хочется прочесть, тянетъ, влечетъ, захватило, одного, другого... Критика же пусть бранитъ, оспариваетъ. А въ *тезѣ* писателя никто, включая сюда и критику, чаще всего не можетъ толкомъ разобраться. Зачастую приписываютъ писателю ввидѣ тезы діаметрально противоположную тому, что онъ хотѣлъ сказать.

Извѣстность Барбюса сразу переплелась съ его тезой. По свидѣтельству Герца, даже «Адъ», написанный за шесть лѣтъ до войны, не имѣлъ вовсе никакого успѣха, хотя Барбюсъ — литераторъ и сынъ литератора. Онъ всецѣло принадлежитъ къ тѣмъ, кто не только мобилизировался во время войны, но, пойдя на фронтъ, вернулся нашедшимъ свою сферу успѣха литераторомъ. Кромѣ тезы «Огня», какъ о писателѣ, ничего не нашелъ о немъ сказать его критикъ. Главное теза, все остальное добавка. Особенно въ послѣднемъ романѣ «Свѣтъ», Барбюсъ самъ несетъ передъ собой, какъ торжествующее знамя, свою тезу. Въ «Огнѣ» она еще только намѣчена.

Эта теза — большевизмъ.

Но, вѣрнѣе всего, не большевизмъ самъ по себѣ, а признаніе большевизма, провозглашеніе и художественное доказательство того, что большевизмъ правъ.

Барбюсъ — умъ упростительскій. Какъ всѣ упростители, онъ убѣжденъ, что надо стремиться къ *ясности,* а ясности міросозерцанія, думаютъ упростители, не такъ трудно достигнуть, потому что она ни что иное, какъ простая добросовѣстность. Всякій добросовѣстно мыслящій человѣкъ, по мнѣнію Барбюса, не только *долженъ* думать какъ разъ такъ, какъ онъ, Барбюсъ и все его единомышленники, но вообще, всѣ люди думаютъ совершенно такъ же, и лишь изъ недобросовѣстности или трусости, потому что имъ это не выгодно или страшно, подтасовываютъ и лгутъ.

Исходная точка выражена замѣнившей ему мать теткой героя романа «Свѣтъ»: «Есть два рода людей: недовольные и тѣ, что какъ слѣдуетъ быть».

Скорбна, горестна, ужасна своей самой жалкой и принижающей тоской и скукой жизнь той полу-интеллигенціи фабричныхъ центровъ и маленькихъ городковъ, гдѣ тихо и грустно, и каждый день похожъ одинъ на другой. Къ этой средѣ принадлежатъ герои Барбюса и ту же самую среду представилъ и молодой писатель Бурсье, въ своемъ романѣ «Жанъ». Даже искреннѣе и поэтому сильнѣе у Бурсье, потому что еще безнадежно горестнѣе несложная, простая до самой безстыдной обнаженности и сама любовь этихъ медвѣжьихъ угловъ Франціи, дикихъ логовищъ, еще болѣе страшныхъ и угрюмыхъ оттого, что кругомъ и рядомъ послѣднее слово цивилизаціи.

Скрещиваются и переплетаются великія проблемы политики, промышленности, международныхъ отношеній и экономическихъ осложненностей. Трудная и трагическая неразбериха современныхъ событій, вотъ тутъ рядомъ и вербуются члены партій, и гоношатъ различныя неизбѣжныя сутолоки, туда, сюда, толкаются и зазываютъ, теребятъ неустанно, чтобы добиться отъ народа-самодержца того, что имъ нужно. И честные, и беззастѣнчивые, продавшіеся капиталистамъ, и напротивъ, зовущіе за собою рабочихъ на борьбу съ ними для ихъ же блага агитаторы и дѣльцы, и слуги правительства, мѣстные и обще-французскіе. Религіозные и международные интересы и столкновенія, война и миръ, революція и правильный ходъ

витія республиканскихъ учрежденій. — все это давитъ на мозгъ полу-интеллигента медвѣжьихъ угловъ и фабричныхъ центровъ, и голова идетъ кругомъ. А образованія не хватаетъ. Бѣдность помѣшала идти дальше, бѣдность не позволяетъ тратить время и деньги на то, чтобы лучше и трезвѣе понять сутолоку современности.

Надо быть легкомысленнымъ, патріотомъ и покорнымъ — учитъ старая мудрость — тогда будешь такимъ, какимъ слѣдуетъ быть, и тогда тебя ждетъ и почетъ, и довольство.

Но возмущается сердце, горитъ душа.

Вотъ тамъ, въ замкѣ, праздники и охота. На кровныхъ лошадяхъ, въ сказочно красивыхъ нарядахъ, гарцуютъ знатные, и противно раболѣпство духовенства передъ этой опрокинутой уже, казалось бы, давно побѣжденной народомъ-самодержцемъ кучкой людей. А вотъ, фабриканты и ихъ приспѣшники, которые набиваютъ себѣ карманы: не добиться отъ нихъ самой ничтожной прибавки къ заработной платѣ, когда всего нѣсколько десятковъ франковъ сдѣлали бы жизнь болѣе сносной. Сами промышленники на себя самихъ бросаютъ деньгами, какъ хотятъ, и еще щеголяютъ своимъ самовластіемъ надъ народомъ-самодержцемъ.

Нѣтъ, нѣтъ, стоитъ только понять, ясно увидѣть жизнь такой, какъ она есть, и прочь «иллюзіи»...

Для Барбюса только и есть, что два качанія: иллюзіи и правда.

Все, всѣ теоріи и идеи — ничто иное какъ иллюзіи или недобросовѣстное использованіе иллюзій бѣдныхъ, и богатые и знатные маячатъ всѣмъ этимъ передъ народомъ-самодержцемъ, съ одной и единственной цѣлью — отуманить ему мозгъ и заставить подчиниться. Знаемъ мы молъ: патріотизмъ, самопожертвованіе для родины, религія, то, что они называютъ республиканской свободой, ихняя, парламентская, или хуже, сенаторская кухня!

Возникаетъ тупое, до самаго безгрѣшнаго сумашествія упростительское: *мы и они.*

Во всемъ виноваты *они,* и они всегда лгутъ, и всегда, и во всемъ неправы, потому что все, что они говорятъ, въ чемъ убѣждаютъ и чего добиваются, спасаетъ отъ неминуемой гибели ихъ намозолившее глаза, самодовольное благополучіе. Прочь иллюзіи, и отсюда, какъ немедленное слѣдствіе—въ станъ недо-

вольныхъ. Что тамъ, у *нихъ*, тоже борьба и тоже есть недовольные, что тамъ тоже не дѣлаютъ себѣ никакихъ иллюзій, что существуетъ разслоеніе классовъ и споръ промышлености за рынки, столкновенія интересовъ, а еще зіяютъ тысячелѣтнія несправедливости національныя и религіозныя, словно аккорды застывшіе, которые болѣзненно и страстно требуютъ разрѣшеній, — все это прочь.

Прочь съ дороги, мы идемъ, мы, недовольные, на васъ идемъ и сметемъ съ пути.

И тогда неминуемо еще одно упростительское положеніе: «прошлое умерло», настоящее на исходѣ, одно только будущее положительно». Какое, чье будущее, что оно несетъ человѣчеству, какое благо и какіе дары?.

Все равно, — прочь. Мы идемъ, мы *«недовольные»*.

Вотъ, — большевизмъ широкихъ массъ, которымъ пользуются агитаторы, скрывая, что и они такіе же дѣльцы и кашевары кухонь парламентскихъ и сенаторскихъ.

Е. А.

————

ТРАГЕДІЯ УКРАЙНЫ.

14 (27) января 1918 года я покинулъ сдавленный тисками большевизма Петроградъ, убѣдившись въ томъ, что кризисъ, переживаемый Россіей, затяжной, что изъ оппозиціи интеллигенціи и шедшей естественно на убыль интеллигентской стачки ровно ничего не выйдетъ. Убійство Шингарева и Кокошкина, разгонъ Учредительнаго Собранія, стрѣльба по мирной манифестаціи интеллигенціи 5 (18) января явно говорили о томъ, что узурпаторы власти въ своемъ стремленіи удержать эту власть за собой не остановятся ни передъ чѣмъ, что всѣ преступленія стараго режима противъ страны, народа и человѣческой личности — дѣтская сказка въ сравненіи съ цинизмомъ новой тиранніи, которая воззвала къ зависти и желудку илотовъ и въ жертву имъ принесла всѣ высшія блага культуры. Всякое соприкосновеніе съ большими и малыми дѣятелями большевизма оставляло въ моральной сферѣ ощущеніе безнадежности : всѣ начинанія лежали за предѣлами здраваго смысла.

Послѣ почти трехсуточной ѣзды въ поѣздѣ, гдѣ въ нашемъ купэ, вмѣсто 4 человѣкъ, помѣщалось отъ 12 до 14 человѣкъ, гдѣ выходъ былъ свободенъ только черезъ окно, гдѣ грязь доходила до невѣроятнаго вслѣдствіе скученности и необходимости здѣсь-же питаться и невозможности вымыть руки, 17 (30) января,

на склонѣ туманнаго зимняго короткаго дня мы подъѣзжали къ Кіеву, причемъ поѣздъ поминутно останавливался, такъ какъ станція Кіевъ I не была свободна. При каждой остановкѣ отчетливо слышны были звуки рѣдкой пушечной стрѣльбы. Угроза большевиковъ украинскимъ сепаратистамъ, печатно высказанная въ "Правдѣ" —"черезъ нѣсколько дней мы возьмемъ Кіевъ",— начала фактически приводиться въ исполненіе. Это были первые выстрѣлы по Кіеву арміи большевиковъ подъ командой Муравьева и Ремнева. Начался первый актъ трагедіи Кіева за многострадальный 1918 годъ, годъ, какого не было въ исторіи Кіева со времени взятія города Батыемъ въ XIII вѣкѣ.

И все-же теплилась какая то надежда. Думалось: зажиточный, замкнутый, раціоналистически настроенный крестьянинъ-собственникъ, украинецъ или малороссъ, сильно разнящійся по своей психикѣ со своимъ братомъ "русскимъ", устоитъ непремѣнно предъ соблазномъ "соціализаціи" земли, объявленной не только Ленинымъ, но и не желавшей отстать въ области соціологическаго творчества, Центральной Радой, возглавлявшейся проф. М. С. Грушевскимъ. Увы! Одинаковыя причины повели къ одинаковымъ послѣдствіямъ и въ коренной Россіи и на Украйнѣ (1).

Послѣдовали девять сутокъ борьбы за Кіевъ между большевиками и украинцами, девять сутокъ непрерывнаго боя то въ рукопашную, какъ на Щекавицѣ, то въ ружейно-пулеметную на улицахъ и площадяхъ Кіева съ броневиками, осыпавшими пулями особенно нижніе

(1) Происходя по отцу и матери изъ южно-русскихъ, малорусскихъ или украинскихъ фамилій, я считаю себя русскимъ по культурѣ, отечествомъ своимъ считаю Россію, а родиной Украйну или Малороссію. Въ понятіе «Украйна» не вкладываю ни сепаратистскихъ вожделѣній, но и не связываю его съ «измѣной», какъ необходимымъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, аттрибутомъ украинства.

этажи домовъ, причемъ трескъ ружей и пулеметовъ заглушался артиллерійской канонадой съ уханьемъ далекихъ пушекъ и разрывами 3-хъ и 6-ти дюймовыхъ снарядовъ, шрапнелей, рвавшихся надъ небольшимъ по занимаемой территоріи городомъ, перенаселеннымъ сверхъ всякой мѣры, благодаря войнѣ и послѣдовавшей за нею революціи. Жилъ я все это время на Софіевской площади — пунктъ очень удобный для наблюденія.

Систематическій обстрѣлъ Кіева начался съ 18 (31) числа вечеромъ. Съ 4-го этажа д. № 22 по б. Владимирской наблюдалъ я съ друзьями трагически-красивую картину обстрѣла Печерска изъ Дарницы.

Красноватыя вспышки далекаго орудія (верстъ 6 по звуку) и затѣмъ яркая звѣзда разрыва снаряда на разстояніи между 2 и 3 верстами (по звуку): незабываемая картина! Трудно было себѣ дать отчетъ въ томъ, кто одолѣвалъ въ уличныхъ бояхъ. Наступленіе шло на Печерскъ и на центръ съ Подола одновременно, бои шли съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ концѣ 4 дня получилось впечатлѣніе, будто украинцы одолѣваютъ. Вообще самоувѣренности у руководителей было очень много, но дѣйствія ихъ отличались безсистемностью, разговоры — бахвальствомъ и обывателю онѣ внушали мало увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Числа 21 или 22 янв. стараго стиля вошелъ въ Кіевъ Петлюра съ тощими рядами украинскихъ войскъ; на Софіевской площади онъ произнесъ передъ ними рѣчь объ украинской непобѣдимости. Потомъ оказалось, что онъ бѣжалъ отъ большевиковъ изъ-подъ Гребенки. Канонада не смолкала и это мало давало вѣры въ оптимизмъ Петлюры. До какой степени безсмысленны были военныя дѣйствія украинцевъ, могутъ показать характерныя черты въ дѣйствіяхъ украинской артиллеріи. Часовъ около 3 дня 22 янв. (4 фев.), на Софіевскую площ. при-

везена была баттарея артиллеріи и начали пристрѣльную стрѣльбу. Во всемъ фасадѣ нашего дома вылетѣли почти всѣ стекла—ибо ближайшее орудіе стояло шагахъ въ 25-30 отъ параднаго подъѣзда д. №22. Нужно было ждать отвѣтнаго огня "непріятельской" артиллеріи, ибо двѣ колокольни Михайловскаго и Софіевскаго соборовъ, а также пожарная каланча Старо-Кіевскаго участка не могли не опредѣлить съ точностью положенія украинской артиллеріи.

Кто и какъ командовалъ артиллеріей, показываетъ слѣдующій эпизодъ. Въ подъѣздѣ дома, гдѣ я жилъ, входитъ артиллерійскій офицеръ.

швейцара. — "Да, это Софіевскій соборъ."

"Это Софіевскій соборъ?" — спрашиваетъ онъ у

"Рєбята, здѣсь!" — обрадовался офицеръ и началъ размѣщать пушки на позиціяхъ. Вечеромъ, послѣ пристрѣла, онъ опять потихоньку бесѣдовалъ съ швейцаромъ. — "Гдѣ тутъ дорога на Святошинъ?" — "Такъ вѣдь тамъ, баринъ, большевики" отвѣчалъ швейцаръ. "А мнѣ не все равно гдѣ пропадать!?" — отвѣчалъ офицеръ, безнадежно махнувъ рукой. На другой день, до разсвѣта по всѣмъ квартирамъ солдаты спрашивали офицера X .Такъ его нигдѣ и не нашли. Очевидно бѣднягѣ больше улыбалось погибнуть **отъ** или **у** большевиковъ. На другой день съ утра большевистская артиллерія засыпала снарядами Софіевскую площадь, обстрѣлявъ ее правильнымъ вѣеромъ. Въ районѣ Софіевскаго собора я насчиталъ 13 снарядовъ, попавшихъ въ колокольню, главный храмъ и другія постройки въ оградѣ собора; кромѣ того мы нашли 4 неразорвавшихся снаряда въ оградѣ собора.

Испуганное населеніе нашего района бросилось въ подвалы и только немногіе, сохраняя полное самообладаніе, не тронулись съ мѣста.

Количество снарядовъ, выпускавшихся по городу, было очень значительно. Въ одинъ изъ дней я записалъ слѣдующую статистику. Начало бомбардировки 7 ч. утра, конецъ или вѣрнѣе значительное ослабленіе 1 ч. ночи — итого 17 часовъ бомбардировки; число снарядовъ отъ 6 до 12 въ минуту. Если даже minimum взять за среднюю цифру, то получается въ часъ 360 снарядовъ, а въ теченіе 17 часовъ — minimum 7.000 снарядовъ. Въ дѣйствительности ихъ выпускалось больше. Населеніе страдало и отъ недостатка пищи, которую приходилось добывать съ опасностью для жизни, и отъ недостатка свѣта и воды. Кажется, никогда не было попытки подсчитать количество жертвъ бомбардировки, но онѣ считались сотнями. По ночамъ, съ ослабленіемъ бомбардировки начинались другіе страхи. Безобразничали солдаты-защитники Кіева. У жены нашего швейцара отняли хлѣбъ и сало, къ намъ систематически по ночамъ ломились въ квартиру съ угрозами. Тамъ, гдѣ солдатъ впускали, — пропадали вещи, и квартиры превращались въ нѣчто хаотическое. Тѣ же солдаты ночью разграбили маленькую лавочку по сосѣдству, взломавъ замки, и принесли табакъ, шеколадъ, чай и сахаръ и все, въ количествахъ, превышавшихъ потребности даннаго момента. Ни энтузіазма, ни пониманія цѣли борьбы — одно безшабашное озорство. Никакихъ надеждъ разумныхъ на успѣхъ сопротивленія въ этихъ условіяхъ быть не могло. Всю ночь на 26 января продолжалась канонната; утромъ еще военный министръ Рады клялся, что положеніе устойчиво и опасаться нечего, а между 11 ч. и 1 ч. дня вся Центральная Рада съ Грушевскимъ во главѣ, вмѣстѣ съ правительствомъ Голубовича, бѣжали на автомобиляхъ въ Житомиръ, оставивъ Кіевъ и его обывателей на произволъ судьбы. О взятіи города большевиками насъ оповѣстили два солдата изъ

красной арміи Муравьева, явившіеся для осмотра квартиръ и поверхностнаго обыска. Навсегда въ памяти запечатлѣлись эти два разныхъ лица. Одинъ молодой, юноша лѣтъ 18—20, съ розовыми щеками и тонкимъ и красивымъ профилемъ, весь обвѣшанный оружіемъ, убѣждалъ насъ: "не бойтесь — теперь все уже будетъ хорошо". По лицу его я видѣлъ, что онъ искренне вѣрилъ свимъ словамъ — въ его наивной душѣ не было мѣста злобѣ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе оставлялъ его товарищъ — рабочій Путиловскаго завода въ Петербургѣ, лѣтъ 40, уроженецъ Новозыбковскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Этотъ, на крестъ обвѣшанный пулеметными лентами, весь дышалъ злобой и мщеніемъ. Изъ рта его, развившаго алкоголемъ, вырывались слова угрозы: "О, — я ихъ в с ѣ х ъ найду, я ихъ знаю въ лицо — офицеровъ - контръ - революціонеровъ". При этомъ онъ выставлялъ впередъ дуло револьвера, цѣлясь въ воображаемую жертву. "Поработаемъ на пользу родины, а потомъ домой — пахать землю!"

И это не было простой, формальной угрозой, какъ тогда казалось; но объ этомъ будетъ сказано дальше. Пока украинскіе сепаратисты разговариваютъ въ Брестѣ съ нѣмецкими генералами и опережаютъ Ленина и Троцкаго въ измѣнѣ родинѣ и союзникамъ, мы можемъ оглянуться на прошлое и въ немъ поискать корней тѣхъ трагическихъ событій, которыя разыгрались въ Кіевѣ въ январѣ 1918 года и повлекли за собой рядъ новыхъ историческихъ событій.

II.

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ Петроградѣ еще раньше президента Вильсона создалъ сакраментальную формулу: "самоопредѣленіе наро-

родовъ". Кто учтетъ, сколько крови и слезъ человѣческихъ пролито въ Центральной Европѣ, въ томъ числѣ и въ Юго-Западной Россіи, во имя этого самоопредѣленія, превратившагося въ самоистребленіе? Спеціально по украинскому вопросу С. Р. и С. Д. вынесъ резолюцію, гдѣ прямо говорилось, что Украина можетъ вовсе отдѣлиться, если она того пожелаетъ. Войска Муравьева были двинуты на Кіевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Центральная Украинская Рада состоитъ изъ генераловъ и помѣщиковъ, хотя это была завѣдомая ложь, ибо ни одного генерала или помѣщика въ этой Радѣ не было, а вся она сплошь состояла изъ двухъ фракцій соціалистовъ-націоналистовъ : соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ украинцевъ. Кромѣ проф. М. С. Грушевскаго, тамъ не было сколько-нибудь извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Все это почти сплошь была молодежь, часто еще недоучившаяся, и во всякомъ случаѣ это были личности, мало кому извѣстныя, и наскоро выбранныя на произвольной территоріи, безъ всякихъ гарантій выборнаго производства. Товарищемъ М. С. Грушевскаго по президіуму въ Ц. Р. былъ юноша Шрагъ, не многимъ болѣе 20-лѣтняго возраста, предсѣдатель совѣта министровъ Голубовичъ — студентъ 5-го курса медицинскаго факультета, преемникъ А. Я. Шульгина (лѣтъ 27), на посту министра иностранныхъ дѣлъ, былъ студентъ филологъ 2 курса, лѣтъ 20 и т. д. И вотъ, когда говорятъ : Украина пожелала отдѣлиться отъ Россіи — это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что зеленая, по большей части, украинская молодежь, руководимая проф. М. С. Грушевскимъ, безъ всякаго политическаго опыта и зрѣлой политической мысли, пользуясь растерянностью власти въ Петроградѣ, вырвала у Временнаго Правительства, угрозой раскрыть нѣмцамъ фронтъ, неясной формы автономію съ 5 комис-

сарами (1), а затѣмъ объявила полную независимость когда у власти въ Россіи оказались несомнѣнные разрушители въ лицѣ Ленина, Троцкаго и К°.

И нужно сказать, что въ сепаратизмѣ отъ большевизма нельзя видѣть ничего, по существу, преступнаго, съ точки зрѣнія русской государственности. Таково, напримѣръ, происхожденіе кавказскихъ республикъ, не питавшихъ раньше пришествія большевиковъ никакихъ сепаратистскихъ тенденцій. Иное дѣло украинцы — интеллигенты. Въ нѣкоторыхъ слояхъ ихъ идея сепаратизма сливалась съ идеей развитія Украины, украинскаго націонализма и патріотизма.

И что бы они ни утверждали — никогда идея сепаратизма не проявлялась въ народныхъ массахъ. Это я утверждаю совершенно опредѣленно и на основаніи знакомства съ деревней и на основаніи опроса многихъ крестьянъ въ Черниговской, Полтавской, Кіевской губ. Обыкновенно, на вопросъ о томъ, довольны ли они украинизаціей, вамъ отвѣтятъ съ скептической улыбкой : "на що намъ цее" (зачѣмъ намъ это).

Итакъ сепаратизмъ — явленіе интеллигентское, продуктъ незрѣлой политической мысли, имѣющій успѣхъ скорѣе среди полукультурной массы городского служилаго люда въ земствѣ, городскомъ управленіи, государственныхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ, частныхъ конторахъ и отчасти свободныхъ профессіяхъ, отчасти даже военной средѣ. Пріѣхавъ въ Кіевъ и проживъ въ котлѣ украинскаго движенія нѣсколько мѣсяцевъ, я убѣдился въ огромномъ ростѣ и успѣхѣ украинофильства съ сепаратисткими тенденціями въ этой средѣ. Какъ и почему украинская интеллигенція стала сепаратисткой? На какой почвѣ выросла опредѣленная не-

---

(1) Переговоры съ украинцами велись М. И. Терещенко, И. Г. Церетелли и Н. В. Некрасовымъ.

нависть къ Россіи? Старая это и очень грустная исторія! Не претендуя исчерпать этотъ огромный вопросъ, я хочу остановиться лишь на основныхъ исходныхъ чертахъ и моментахъ его.

III.

Когда украинскіе націоналисты, въ доказательство необходимости созданія изъ Украйны отдѣльнаго государственнаго цѣлаго, ссылаются на антропологическія измѣренія (1) и на лингвистическія особенности, то аргументы ихъ нельзя признать особенно вѣскими. Слѣдуя ихъ аргументаціи пришлось бы изъ Франціи сдѣлать добрыхъ три, четыре государства, имѣя въ виду, напримѣръ, что бретонцы и по антропологическому типу, и по языку больше отличаются отъ французовъ сѣверныхъ департаментовъ и отъ провансальцевъ и отъ оверньятовъ, чѣмъ украинцы отъ великороссовъ и бѣлоруссовъ. Но общая историческая судьба, а, главное, общность культуры, не мѣшаетъ всѣмъ, и оверньятамъ, и провансальцамъ, и французамъ сѣверныхъ департаментовъ, и бретонцамъ быть добрыми французами и патріотами, любящими общее отечество Францію. То же справедливо и по отношенію къ Англіи и Германіи. Вездѣ мы видимъ тотъ общій фактъ, что націи Европы — продуктъ этнической смѣси. Швейцарія еще лучшее доказательство, какъ люди, даже принадлежащіе къ такимъ націямъ-антагонистамъ, какъ нѣмцы и французы, мирно уживаются подъ кровлей одного Bundesrath'a. Не въ антропологическихъ различіяхъ великоросса и малорусса, по существу, ничтожныхъ, не въ лингвистическихъ особенностяхъ украинскаго языка лежитъ причина украинскаго сепаратизма, а въ чемъ то другомъ.

(1) A. Choulguine. Les problèmes de l'Ukraine. Paris, 1919.

И это другое — безсмысленная политика централизма, давившая все, унификаторская затѣя центральной власти, не знавшая удержу въ своемъ стремленіи всѣ и вся уравнять въ безправіи и подчиненіи неограниченному никакой логикой произволу.

Украйна или Малороссія — эта колыбель русской государственности Кіевскаго періода, силою историческихъ судебъ оторванная надолго отъ общей съ центральной и сѣверной Россіей исторіи, жила подъ большимъ вліяніемъ Западной Европы черезъ Литву и Польшу, чѣмъ Россія, придавленная татарскимъ игомъ. Возсоединенная съ Россіей въ 1654 году по Переяславскому договору, она вмѣстѣ прожила 250 лѣтъ и дорогой цѣной заплатила за эту унію, какъ путь къ большему національному росту и сохраненію національной и религіозной свободы и независимости. Когда подписывалась Переяславская унія, гетманъ всея Украйны Богданъ Хмѣльницкій былъ человѣкъ европейскаго склада и уровня, говорившій на французскомъ и турецкомъ языкахъ, т. е. на языкахъ дипломатіи своего времени. А тишайшій царь Алексѣй еле подписывалъ свое имя. Верхи лишь отражали положеніе просвѣщенія и культуры въ низахъ. Малороссія того времени была почти поголовно грамотной страной; путешественники отмѣчаютъ трогательное стремленіе духовенства на Украйнѣ къ просвѣщенію народныхъ массъ.

Духовные стихи и произведенія свѣтской музы воспитанниковъ Кіево-Могилянской Академіи быстро проникаютъ въ деревню и становятся достояніемъ народныхъ массъ. Великороссія же того времени недалеко ушла отъ картинъ, образно нарисованныхъ Олеаріемъ и Флетчеромъ. Что же мы видимъ въ началѣ XX вѣка? "Украинцы занимаютъ по % грамотныхъ самое последнее мѣсто въ ряду народовъ Европейской Рос-

сіи" (1). Открыть школу съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ считалось государственнымъ преступленіемъ. Свободные казаки превратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, освободившихся изъ рабства едва 60 л. тому назадъ. И если, какъ показали новыя изслѣдованія изъ исторіи крестьянъ лѣвобережной Малороссіи В. А. Мякотина, не одна Москва была повинна въ историческомъ ходѣ закрѣпощенія крестьянства на Украйнѣ, то все же фактъ превращенія свободныхъ людей въ крѣпостныхъ рабовъ подъ эгидой русской государственности не подлежитъ никакому сомнѣнію. У Герцена разсказаны кажущіеся анекдотическими случаи раздачи свободныхъ казаковъ въ крѣпостную зависимость придворнымъ шутамъ и скоморохамъ: "Одержимая ненасытимой нимфоманіей, она свободными казаками платила за свои Египетскія ночи", — говоритъ онъ объ Императрицѣ Екатеринѣ II. Но драма духа была еще впереди.

Можно, конечно, безъ конца спорить о томъ, существуетъ или нѣтъ Украйна, терминъ, извѣстный уже въ лѣтописи, можно отрицать существованіе украинцевъ и признавать лишь существованіе малороссовъ, можно еще больше потратить словъ, доказывая, что никакого особаго украинскаго языка не существуетъ, а есть малорусское или южно-русское нарѣчіе русскаго языка, но если мы вовсе оставимъ въ сторонѣ все спорное, то безспорнымъ все же останется фактъ существованія въ южной Россіи особой этнической группы, какъ бы мы ее ни называли, украинской или малорусской, съ ей свойственной суммой признаковъ антропологическихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ, группы весьма значительной по числу индивидуумовъ къ ней

[1]) А. А. Русовъ. Статистика украинскаго населенія Европейской Россіи. Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ СПБ. 1916. Т. II.

принадлежащихъ, имѣющей уже значительно изученное территоріальное распространеніе.

Въ 1916 году вышелъ въ Петроградѣ II томъ изданія подъ заглавіемъ : "Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ", подъ редакціей такихъ ученыхъ авторитетовъ, какъ покойный проф. М. М. Ковалевскій, Акад. Ѳ. Е. Коршъ, Акад. А. А. Шахматовъ и др. Въ этомъ томѣ желающіе могутъ найти двѣ статьи покойнаго уже проф. Петроградскаго университета Ѳ. К. Волкова, посвященныя изученію украинскаго народа съ точки зрѣнія антропологической и этнографической. Какъ ни интересны тѣ положенія, къ которымъ приходитъ авторъ этихъ статей, извѣстный и Западной Европѣ, какъ ученый спеціалистъ антропологъ и этнографъ, мы остановимся здѣсь лишь на самыхъ конечныхъ его заключеніяхъ.

I. Выводъ антропологическаго изслѣдованія слѣдующій. Примыкая съ одной стороны къ воззрѣніямъ проф. Ами и Деникера въ томъ отношеніи, что и авторъ видитъ у украинцевъ больше этническаго родства съ южными и западными славянами (за исключеніемъ поляковъ), причемъ украинцы относятся имъ къ такъ называемой адріатической или динарской расѣ, онъ расходится, однако, кореннымъ образомъ со своими предшественниками въ томъ отношеніи, что выводитъ украинцевъ изъ одного общаго этническаго корня съ великороссами и бѣлоруссами, разницу же между славянскими элементами, констатированную впервые Ами, относитъ только къ современнымъ намъ славянамъ, понимая этотъ терминъ въ лингвистическомъ смыслѣ.

II. Выводы этнографическаго обслѣдованія сводятся къ слѣдующему. Украинскій народъ на всей занимаемой имъ территоріи отличается цѣлымъ рядомъ об-

щихъ для всего его состава этнографическихъ особенностей, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ представляетъ собой одно этническое цѣлое, совершенно опредѣленно выдѣляющееся изъ среды прочихъ славянскихъ народовъ. Этнографическія особенности бѣлоруссовъ и великороссовъ оказываются если не идентичными, то весьма близкими къ украинскимъ въ своихъ наиболѣе старинныхъ формахъ. Объ этихъ нелицепріятныхъ выводахъ объективнаго, научнаго изслѣдованія, къ сожалѣнію, слишкомъ часто забываютъ или же ихъ сознательно игнорируютъ гг. украинскіе націоналисты-сепаратисты, а выводы эти важны для всякаго культурнаго человѣка, будь то украинцевъ или великороссъ. Въ этихъ выводахъ и тѣ, и другіе должны черпать матеріалъ для своего міросозерцанія и идейныхъ теченій и это приведетъ и тѣхъ, и другихъ къ взаимному пониманію. Слишкомъ много этого взаимнаго непониманія и страстнаго раздраженія вызываетъ вопросъ объ украинскомъ языкѣ и украинской литературѣ. Тѣхъ, кто по какимъ-либо причинамъ не признаетъ существованія украинскаго языка, — а въ значительномъ большинствѣ великороссы знаютъ по этому предмету лишь тотъ невысокаго качества анекдотъ, который позволилъ себѣ разсказать на страницахъ одного изъ своихъ извѣстныхъ романовъ крупный писатель — творецъ прекраснаго стихотворенія въ прозѣ, посвященнаго русскому языку, — я приглашаю обратиться къ научнымъ авторитетамъ. Уже давно извѣстный французскій лингвистъ и антропологъ Абель Овлакъ призналъ украинскій языкъ за особый языковой индивидуумъ, т. е. за подраздѣленіе болѣе крупное, чѣмъ нарѣчіе. Извѣстный русскій ученый, академикъ и проф. Московскаго университета Ѳ. Е. Коршъ по вопросу объ украинскомъ языкѣ высказался еще болѣе

категорически. Онъ прямо говоритъ, что по отношенію къ праязыку, изъ котораго развился языкъ русскій, этотъ послѣдній является тоже только нарѣчіемъ, а потому мы не имѣемъ серьезнаго основанія не признать за языкомъ малорусскимъ права на самостоятельное значеніе по отношенію къ русскому языку. Онъ является, такимъ образомъ, по отношенію къ последнему отдѣльнымъ, самостоятельнымъ языкомъ. Другой академикъ, нынѣ здравствующій, А. А. Шахматовъ, выдающійся спеціалистъ въ области русскаго языка, во II томѣ цитированнаго выше изданія "Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ", посвятилъ ему очень содержательную статью подъ заглавіемъ: "Краткая исторія малорусскаго (украинскаго) языка". А что языкъ это живой, на которомъ говоритъ, думаетъ и творитъ творчество своей жизни тридцатимилліонный украинскій народъ, свидѣтельствуетъ для скептиковъ то, что вы услышите эту образную, фонетически красивую, живую рѣчь на огромномъ пространствѣ отъ Карпатъ до Кавказскаго хребта, въ далекихъ колоніяхъ Западной и Восточной Сибири, Уссурійскаго края, вмѣстѣ съ занесеннымъ туда, на далекую окраину, всѣмъ укладомъ внѣшняго, матеріальнаго быта и духовнаго строя жизни съ психологическими навыками, характерными для этого народа.

Другимъ, не менѣе существеннымъ признакомъ духовной жизни народа является, кромѣ языка, его литература. Къ большому сожалѣнію, украинская литература, объ общечеловѣческомъ значеніи которой желающіе могутъ найти почти восторженный отзывъ такого объективнаго изслѣдователя и знатока исторіи литературы, какъ академикъ А. Н. Пыпинъ, — мало извѣстна образованному русскому обществу. Кромѣ перевода Энеиды Котляревскаго, стиховъ Т. Г. Шевченко, да еще

развѣ повѣстей Квитки, мало кто заглядывалъ въ ту область, гдѣ проявлялось духовное творчество украинцевъ, гдѣ работала ихъ мысль и жило ихъ чувство! А между тѣмъ уже вышла вторымъ изданіемъ объемистая "исторія украинской литературы" С. Ефремова, значительный трудъ, хотя и не лишенный нѣкоторыхъ недостатковъ, дающій представленіе о ростѣ и развитіи за послѣднія десятилѣтія украинской литературы.

Кто изъ великороссовъ читалъ превосходныя повѣсти Ивана Франка, переводы прекраснымъ языкомъ изъ Данте В. Самійленка, его-же сатирическія стихотворенія, звучные стихи Леси Украинки и проф. А. Крымскаго, тонкія акварельныя картинки М. Коцюбинскаго?

И если сказать, что въ украинской литературѣ нѣтъ произведеній, имѣющихъ міровое значеніе, то это, конечно, вѣрно, но не нужно забывать, что украинская литература — литература молодая и, если-бы мы отняли у русской литературы всего лишь сто лѣтъ, то и въ ней мы имѣемъ лишь въ лучшемъ — прозу Карамзина, оды Державина и Ломоносова, да стихотворенія Тредьяковскаго. И не нужно при этомъ упускать изъ виду того обстоятельства, на которое яркими и образными словами указалъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ А. Н. Пыпину покойный Михальчукъ (1), указавшій на то обстоятельство, что родная литература, литература на родномъ, материнскомъ языкѣ, которая отвѣчаетъ всему строю души народной и говоритъ ему его понятіями и его образами о томъ, что только одному ему понятно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе по своему значенію даже съ произведеніями міровой литературы.

Извѣстное вліяніе въ смыслѣ задержки развитія украинской литературы оказало, несомнѣнно, и гоненіе,

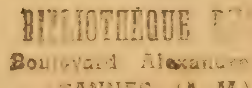
---

[1]) См. Украинскій вопросъ. Москва, 1917.

воздвигнутое на эту литературу русской правительственной властью и ея законодательствомъ.

Съ ростомъ самосознанія украинской интеллигенціи и народной массы началась культурная драма Украйны, драма духа, о которой мы говорили выше. Первыми ея жертвами сдѣлались два несомнѣнно выдающихся человѣка, какъ участники перваго политическаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, явившагося отголоскомъ на Украйнѣ освободительныхъ идей 48-го года, бурнаго въ исторіи Западной Европы, взволновавшаго и славянство съ его идеями моднаго тогда федерализма и объединенія всѣхъ славянскихъ народовъ.

Извѣстна трагическая судьба выдающагося украинскаго поэта и патріота Т. Г. Шевченко и его земляка, извѣстнаго историка Н. И. Костомарова, изломавшая жизнь, творчество и дѣятельность этихъ очень одаренныхъ людей. Съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени Украйна не выходила у русскаго правительства изъ подозрѣнія насчетъ сепаратизма. Лишь начало 60-хъ годовъ, когда начались освободительныя реформы царствованія Императора Александра II, и на украинской культурной нивѣ взошли нѣкоторые скромные цвѣты. Въ 61 году появляется журналъ “Основа”, къ которому примкнула группа лицъ, поставившихъ своей цѣлью исключительно культурную дѣятельность и отрекшихся сознательно отъ всякой политики. Журналъ “Основа” не просуществовалъ и двухъ лѣтъ, на украинскую культурную ниву опять посыпались репрессіи, достигшія кульминаціоннаго пункта въ 1876 году, когда былъ изданъ знаменитый циркуляръ Мин-ра Вн. Дѣлъ графа Валуева, коимъ совершенно запрещалось всякое печатное слово на украинскомъ языкѣ, котораго, по словамъ этого циркуляра ”нѣтъ и быть не можетъ“. Къ какимъ урод-

ствамъ приводила такая политика, показываетъ весьма любопытный фактъ запрещенія напечатать переводъ на украинскій языкъ Библіи Морачевскаго — фактъ, стоящій совершенно изолированно въ исторіи міровой культуры. Циркуляръ Валуева былъ руководящимъ въ теченіе 30 лѣтъ, до самаго сдвига 1905 года, по отношенію къ украинскому печатному слову и послѣдствія этой политики отразились чрезвычайно гибельно на исторіи русско-украинскихъ взаимоотношеній, создавъ изъ сосѣдней австро-венгерской провинціи Галиціи русскій Пьемонтъ — убѣжище для украинской политической мысли и украинской литературы. Загнанное у себя дома украинское слово пріютилось подъ защитой австрійской конституціи. Тамъ-же дано было убѣжище для лицъ, которыя своей дѣятельностью возбудили противъ себя репрессіи центральной русской власти..

Можно указать еще на закрытіе дѣятельности юго-западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, начавшаго и развивавшаго значительную дѣятельность по изученію края—въ лицѣ, напр., П. П. Чубинскаго въ 70 -хъ годахъ прошлаго столѣтія. Особенно ярко сказалось отношеніе центральной власти къ мѣстнымъ культурнымъ силамъ и дѣятелямъ на судьбѣ профессора унив. Св. Владимира Михаила Петровича Драгоманова, соединившаго въ себѣ съ эрудиціей европейскаго ученаго незаурядный талантъ и темпераментъ писателя-публициста. Были и другія жертвы, какъ напр. два выдающихся русскихъ педагога В. Л. Беренштамъ и Ю. Ю. Цвѣтковскій, насильственно оторванные отъ родной культурной нивы и переведенные сначала въ Псковъ, а затѣмъ въ Петербургъ.

На личности и дѣятельности Драгоманова необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе, ибо ему украинская идея обязана весьма много, не только въ

смыслѣ ея полной формулировки и серьезной постановки, но и опредѣленія ея мѣста въ общемъ ходѣ русскаго историческаго развитія. М. П. Драгомановъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ сильнымъ теоретической мыслью русскимъ людямъ, которые, будь ихъ голосъ услышанъ и понятъ во-время, могли бы создать не только много положительныхъ культурныхъ цѣнностей, но и предотвратить серьезныя политическія бури и несчастья, которыя мы такъ тяжко переживаемъ сейчасъ. Прекрасную, полную характеристику личности и дѣятельности М. П. Драгоманова желающіе найдутъ въ предисловіи къ I т. полнаго собранія сочиненій Драгоманова, изданнаго въ Москвѣ въ 1917 г. подъ редакціей проф. М. М. Гревса и Б. А. Кистяковскаго. Большое значеніе роли Драгоманова въ исторіи русской политической мысли было отмѣчено въ адресѣ, поднесенномъ Драгоманову въ день 30 лѣтія его литературной дѣятельности русскими эмигрантами. Онъ былъ первый, кто далъ исчерпывающія доказательства глубокаго значенія для дальнѣйшей судьбы Россіи и населяющихъ ее народовъ, перехода Россіи къ конституціонной монархіи. Въ своемъ трудѣ "Вільна Спілка" онъ даетъ первый разработанный проэктъ конституціи въ Россіи съ организаціей власти на мѣстахъ, гдѣ онъ опирается на земскія учрежденія.

Интересна также его постоянная борьба съ терроризмомъ въ Россіи, имѣвшимъ побрниковъ въ рядахъ партіи Народной Воли.

Насильственно оторванный въ 1877 году отъ своей педагогической и ученой дѣятельности въ университетѣ Св. Владимира, Драгомановъ отдается весь публицистической дѣятельности, перенеся ее въ Галицію, гдѣ онъ занялся организаціей украинской демократіи. Въ то же время онъ зорко слѣдитъ за развитіемъ украин-

ской національной мысли въ Россіи и ведетъ уничтожающую полемику съ украинскими націоналистами-шовинистами и квасными патріотами. Драгомановъ, въ выраженіяхъ, не оставляющихъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, высказывался противъ "самостійности", т. е. противъ отторженія Украйны отъ Россіи и образованія изъ Украйны самостоятельнаго государства — той "самостійности", которая сдѣлалась политическимъ credo непримиримыхъ украинскихъ патріотовъ современности. Это слишкомъ забываютъ тѣ, кто считаетъ себя преемниками идейнаго наслѣдства М. П. Драгоманова. Если бы они дали себѣ трудъ перечитать такія работы М. П. Драгоманова, какъ "Чудацьки думки", "Листи на наддніпрянську Украіну" и упомянутые выше "Вільну Спілку", они бы увидѣли ясно, что Драгомановъ не отдѣлялъ дѣла Украйны отъ общей эволюціи Россіи, а если бы они дали себѣ трудъ перечитать статьи Драгоманова въ "Вѣстникѣ Европы", относящіяся еще къ началу 70-хъ годовъ, то они бы убѣдились въ томъ, что Драгомановъ зорко провидѣлъ политику Германіи по отношенію къ Россіи въ связи съ общими тенденціями къ міровому господству, на что онъ уже тогда обращалъ вниманіе русскаго общества. Драгомановъ умеръ профессоромъ въ Софіи въ 1895 году и, будь онъ живъ сейчасъ, навѣрное ему пришлось бы раздѣлить судьбу Плеханова и Кропоткина предъ лицомъ русскаго соціализма. Судьба избавила его отъ этой моральной пытки.

Результатомъ этихъ гоненій на украинское слово, на дѣятелей украинской національной литературы, результатомъ полицейскаго давленія на совѣсть и свободное сужденіе дѣятелей украинской идеи, результатомъ стремленія къ политической унификаціи и нивеллировкѣ, завѣщанной эпохой Николая I, явилось то, что въ моментъ тяжелаго испытанія исторіи, постигшаго Рос-

сію, когда она, къ счастью для нашего сознанія, пошла наряду съ передовыми націями міра — Франціей и Англіей — на защиту права и справедливости, какъ основы международныхъ отношеній, близорукіе въ своей ненависти къ Россіи, съ младенческой политической мыслью и выросшіе въ подпольѣ или тяжкихъ условіяхъ эмиграціи, украинцы первые протянули руку генераламъ Вильгельма, упреждая въ этомъ отношеніи Ленина и Троцкаго.

Какъ ни ужасенъ былъ этотъ ударъ по Россіи, а съ нею и по Украйнѣ, какое изумленіе онъ ни вызвалъ тогда своей цинической простотой и неприкрытымъ безстыдствомъ — для тѣхъ, кто зналъ украинцевъ, ихъ настроеніе и ихъ литературу (1), онъ не могъ быть никоимъ образомъ полной неожиданностью.

Украинское представительство въ предпарламентѣ на своемъ знамени уже явно начертало : "Миръ" — миръ — какою угодно цѣной ! Въ своей литературѣ они прозрачно разсказали, когда и какъ созрѣлъ у нихъ поворотный моментъ въ ихъ отношеніи къ войнѣ съ Германіей и Австріей. Сѣмена Брестскаго позора посѣяны были уже давно и проросли уже въ сознаніи украинцевъ послѣ галиційскаго разгрома русскихъ армій 1915 года.

IV.

Кіевъ оставленъ былъ на произволъ судьбы бѣжавшими украинскими войсками и властями. Ворвавшіяся въ городъ большевистскія войска — банды вскорѣ заставили кошмаромъ своей "дѣятельности" забыть кошмаръ и ужасъ девятидневной бомбардировки. Зеленыя, изможденныя голодовкой, безсонницей и пережитыми волненіями лица обывателей исказились отпечаткомъ

[1]) Ст. Украинскій вопросъ. Москва 1917. Война и Украйна.

ужаса, безумія и тупой, усталой безнадежности. Началась отвратительная бойня, избіеніе безъ суда и слѣдствія оставшагося въ городѣ русскаго офицерства, не принимавшаго участія въ борьбѣ на сторонѣ украинцевъ.

Изъ гостиницъ, квартиръ потащили несчастныхъ офицеровъ на убой въ "штабъ Духонина" — ироническое названіе Маріинскаго парка, излюбленнаго мѣста казни, гдѣ погибли сотни офицеровъ русской арміи. Казнили на площадкѣ передъ дворцомъ, по дорогѣ на Александровскомъ спускѣ, а то и просто гдѣ и какъ попало. Казнили всякаго, кто наивно показывалъ красный билетикъ — удостовѣреніе принадлежности къ украинскому гражданству. Казнили куплетиста Сокольскаго за куплеты противъ большевиковъ, казнили перваго встрѣчнаго на улицѣ, чтобы снять съ него новые ботинки, приглянувшіеся красно-гвардейцу.

Начались грабежи въ домахъ "буржуевъ", обыски и вымогательства съ избіеніемъ недостаточно уступчивыхъ и покорныхъ судьбѣ. Кто разскажетъ и когда о всей циничной пошлости этой вакханаліи произвола, насилія, глумленія и издѣвательства?

"Пойдемъ съ нами щи хлебать, буржуйка!" — говоритъ солдатъ-красноармеецъ почтенной дамѣ, въ присутствіи всѣхъ членовъ семьи, разставленныхъ у стѣны съ приказаніемъ не шевелиться во время обыска. "У! тебѣ бы все шампанское лакать?" — продолжаетъ онъ, угрожая револьверомъ, приставленнымъ чуть не къ самому лицу. Тащили все, что попадало, цѣнное конечно: деньги, золото и серебро, всякія драгоцѣнности. Ходили по завѣдомо богатымъ домамъ и забирали все, что поцѣннѣе. Я зашелъ къ проф. К. Человѣкъ спокойный и уравновѣшенный, сидитъ молча, съ трудомъ выговаривая слова: "Я ничему не удивляюсь и на все

смотрю совершенно равнодушно. Кажется, если скажутъ, что перебили всѣхъ дѣтей, я не двинусь съ мѣста". Заходитъ почтенный земскій дѣятель, бывшій полковникъ гвардіи С. Я никогда не забуду выраженія этой безнадежности въ окаменѣвшемъ лицѣ, въ глазахъ, изъ которыхъ почти безуміе выглядитъ изъ опустошеннаго сознанія. Владѣлецъ особняка Б., ограбленный большевиками, отсиживается въ иностранномъ консульствѣ, его жена, больная сердечной болѣзнью женщина, жившая отдѣльно, измучена была обысками и постоянной боязнью за судьбу мужа. Преслѣдованію подвергались одинаково и русскіе, и евреи, и украинцы. Среди комиссаровъ и дѣятелей большевизма доминирующую роль играли великороссы, но были и украинскіе большевики, какъ напримѣръ, Коцюбинскій; евреи не играли ни доминирующей роли, ни численно не превышали другихъ національностей. Справедливость требуетъ категорически опровергнуть распространенную легенду, будто весь большевизмъ питается, главнымъ образомъ, еврейскими силами. Въ городахъ провинціальныхъ большевизмъ переживался весьма различно, въ зависимости отъ личнаго характера стоявшихъ во главѣ большевистскихъ диктаторовъ, ибо трудно иначе назвать тѣхъ мѣстныхъ царьковъ, которые, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, являлись распорядителями жизни и смерти, не говоря уже объ имуществѣ обывателей. Г. Черниговъ отдѣлался чуть ли не 50.000 рублей контрибуціи, которыхъ хватило для того, чтобы главный комиссаръ могъ пить горькую день и ночь, а наряду съ этимъ г. Глуховъ пережилъ трудно поддающіеся описанію ужасы. Распоряжавшійся тамъ полновластнымъ диктаторомъ матросъ, по фамиліи Цыганокъ, неудовлетворенный количествомъ вырѣзанныхъ помѣщиковъ, перерѣзалъ еще немало дѣтей, воспитан-

никовъ средней школы, какъ будущихъ "буржуевъ". Кровавый кошмаръ Глухова еще ждетъ своего историка.

Въ Кіевѣ началась обычная исторія. Наложена была контрибуція, моментально, до-срока уплоченная обывателемъ, который ни копѣйки не хотѣлъ дать на защиту города отъ большевиковъ. Началась полная дезорганизація кредитныхъ учрежденій, куда назначены были безграмотные комиссары. По городу на автомобиляхъ и на парныхъ извощикахъ съ прекрасными фаэтонами разъѣзжали матросы и красноармейцы, часто въ нетрезвомъ видѣ, и сорили деньгами въ кафе, ресторанахъ и игорныхъ домахъ, всегда окруженные атмосферой кутежа и всяческаго дебоша. Началось быстрое повышеніе цѣнъ на жизненные продукты, ибо крестьяне перестали вывозить что бы то ни было на базаръ, ввиду риска быть ограбленными по дорогѣ первымъ встрѣчнымъ, кому была не лѣнь. Вскорѣ появились слухи о томъ, что украинцы сговорились съ нѣмцами и въ Кіевъ идутъ нѣмецкія войска, и слухи эти находили себѣ подтвержденіе въ поведеніи большевиковъ, которые, не чувствуя подъ собою почвы, вели себя, какъ халифы на часъ, грабили и пировали : хоть день — да мой !

Положеніе обывателя ухудшалось съ каждымъ днемъ. Съорганизовались шайки, которыя по ночамъ грабили обывателей, нападая съ оружіемъ на дома и обывателей, у которыхъ большевиками отняты были всѣ средства самообороны. Лишь когда дня за два—три до прихода нѣмцевъ большевики, нагрузивъ себя всякимъ добромъ, бѣжали изъ города въ свою очередь, началась организація самообороны. Гдѣ то, кто то раздавалъ оружіе, гимназисты бѣгали куда то на Печерскъ и тащили новыя винтовки, растаскивая какіе то цейхгаузы, оставленные безъ охраны и присмотра. Грабежи участились въ невѣроятной пропорціи. Борьбѣ съ ними

много содѣйствовала грузинская добровольческая организація, быстро по вызову выѣзжавшая на автомобиляхъ съ вооруженными людьми на помощь затравленному и замученному обывателю. Все это происходило около половины февраля стараго стиля, 11-17 февраля (23 ф.—1 марта н. ст.).Трудно поддается описанію существованіе кіевскаго обывателя въ это кошмарное время. Въ одну изъ послѣднихъ, передъ приходомъ нѣмцевъ, ночей, зарегистрировано было 176 нападеній на квартиры обывателей. Не привыкшіе къ какой-либо организаціи, обыватели избрали домовые комитеты, которые, получивъ оружіе, занялись организаціей самообороны. И вотъ люди, не носившіе въ жизни ружья, почтенные, убѣленные сѣдиною обыватели, начали чистить и чинить ружья, обсуждать стратегическіе пріемы въ борьбѣ съ разбойниками-грабителями. Кое-гдѣ появлялись уцѣлѣвшіе офицеры, которые брали на себя и организацію, и команду надъ домовыми дружинами. Появились военно-полевые телефоны и у насъ, напримѣръ, въ д. № 22, по б. Владимирской улицѣ, былъ центръ, объединявшій шесть окрестныхъ дружинъ — являвшихся по вызову въ угрожаемое мѣсто. Отъ трагизма создавшагося положенія до комизма нѣкоторыхъ житейскихъ картинъ и положеній — было очень небольшое разстояніе и тяжкія думы и настроенія разрѣшались часто ироніей и смѣхомъ надъ самими собой. Такъ скрашивались горькія минуты дежурства по ночамъ при свѣтѣ огарка въ подъѣздѣ дома, забаррикадированнаго дровами или въ подвалѣ, гдѣ для развлеченія пили чай и играли въ дурачки. Плакали и смѣялись, смѣялись и плакали по очереди: кошмарное было время — одно слово !

V.

В. В. Шульгинъ писалъ въ тѣ дни: "Если бы теперь спросить терроризованнаго обывателя, не хочетъ ли онъ призвать иноземную силу для защиты своей жизни и имущества, то нѣтъ сомнѣнія, что этотъ обыватель значительнымъ большинствомъ голосовъ отвѣтилъ бы: "волимъ подъ царя западнаго инославнаго" (1).

Обыватель не только нѣмца, а самаго чорта встрѣтилъ бы съ распростертыми объятіями, лишь бы онъ защитилъ его отъ большевиковъ. И все же обыватель невиновенъ въ приглашеніи въ Кіевъ войскъ Вильгельма. Его, впрочемъ, и не спросили о его желаніи или нежеланіи. Велико величіе души этого скромнаго обывателя. Быть можетъ, я хочу вѣрить, что плебисцитъ не далъ бы въ Кіевѣ мѣста владычеству нѣмцевъ. Это дѣло взяли на себя и свою совѣсть украинскіе сепаратисты — націоналисты и соціалисты: М. С. Грушевскій и Голубовичъ, Петлюра и Поршъ et tutti quanti.

Подписавъ въ Брестѣ всѣ условія нѣмцевъ, украинцы побѣдоносно и торжественно вошли въ качествѣ побѣдителей въ Кіевъ. Правда, негласно, обезпечивая порядокъ, первые вошли въ городъ нѣмцы.

Это было 17 февраля стараго стиля.

VI.

Прійдя въ Кіевъ, нѣмцы, прежде всего, вычистили превращенный въ неподдающійся описанію по своей грязи не то хлѣвъ, не то свалочное для нечистотъ мѣсто — деревянный временный съ 1904 года вокзалъ г. Кіева. Вычистили, убрали, декорировали и пригласили на танцы вечеромъ тѣхъ торговокъ, которыя помогали убор-

---

[1]) Дневники В. В. Шульгина отъ 11, 14 и 15 февр. 1918 г. въ послѣднемъ № «Кіевлянина».

кѣ вокзала. За украинскими войсками, подъ предводительствомъ новаго военнаго министра Центральной Рады, Жуковскаго, обновленными еще свѣже привезенными изъ германскаго плѣна и съ иголочки одѣтыми въ синіе жупаны, новые сапоги и высокія сѣрыя папахи изъ поддѣльнаго барашка съ огромными кокардами украинскихъ цвѣтовъ,—вошли на другой день нѣмцы, подъ командой Линзингена, продефилировали по городу, сдѣлали смотръ на Софіевской площади и начали устраиваться съ обычной нѣмецкой аккуратной методичностью, порядливостью и неторопливой систематичностью.

Въ шлемахъ, при строгой нѣмецкой выправкѣ, размѣреннымъ походнымъ шагомъ въ раскачку двигалась зелено-сѣрая масса пѣхоты, въ видѣ какого то не то чудовища Tarasc'a, не то липкой страшной массы гусеницы. Тяжкое чувство испытывалъ я, глядя на низкорослый ландверъ, солдатъ уже не того исключительнаго вида schneidiger Militaer, который поражалъ когда то своими разводами и парадами на Unter den Linden или у гауптвахты у Brandenburger Thor.

Землистыя, усталыя лица, обношенное сѣрое стального цвѣта платье, много ленточекъ желѣзнаго креста на груди солдатъ и офицеровъ все это указывало на то, что это не первой очереди кадровыя войска — гордость Вильгельма, что это уже тоже побывавшія въ передѣлкахъ войска, счастливыя своимъ отдыхомъ отъ ужасовъ бойни на Украйнѣ, куда они явились друзьями, а не врагами, на Украйнѣ, гдѣ можно будетъ и отдохнуть, и отъѣсться. Лица сосредоточенныя, дисциплина образцовая, спокойная привѣтливость и достоинство. Какъ же встрѣтилъ нѣмцевъ кіевскій обыватель? Демократія городская обнаружила одно доминирующее чувство — нескрываемое, невѣроятно напряженное любопытство. Къ

каждому солдату, лошади, повозкѣ, орудію подходили, смотрѣли, гдѣ удавалось щупали, трогали, спрашивали какъ могли и умѣли. "Ишъ-ты, нѣмецъ, смотри". Съ чувствомъ неяснаго изумленія, почтенія, сознанія превосходства нѣмца надъ собой — приглядывался обыватель. Очень неодобрительно смотрѣла съ балкона на идущихъ въ стройной колоннѣ нѣмцевъ наша кухарка Поля, героически бѣгавшая подъ пулями и шрапнелью ежедневно во все время обстрѣла Кіева, и сказала съ чувствомъ упрека, указывая на рослыхъ здоровыхъ малороссовъ и низкорослыхъ, невзрачныхъ нѣмцевъ: "Ось що буває за дурною головою", тяжело при этомъ вздохнувъ. Зажиточный обыватель — такъ называемый "буржуй" — нѣмцевъ встрѣчалъ хотя и радостно, но безъ особой экспансивности. Радость была искренняя, но безъ энтузіазма, отдѣльныя экспансивныя женщины совали застѣнчиво букеты цвѣтовъ нѣмецкимъ офицерамъ, но ни подъема, ни восторга мнѣ видѣть не приходилось: слишкомъ всѣ устали, да и будущее рисовалось въ формахъ, если и не столь ужасныхъ, какъ кошмарные дни большевизма, то все-же и много неизвѣстнаго таило оно въ себѣ.

Если найдется кто-нибудь, кто броситъ слово осужденія по поводу той радости, которая свѣтилась на отдѣльныхъ лицахъ кіевскихъ обывательницъ, больше, чѣмъ обывателей, то право на это осужденіе принадлежитъ лишь тѣмъ, кто на себѣ самомъ испыталъ прелести соприкосновенія съ большевиками и все-же не палъ духомъ до желанія найти во врагѣ, шедшемъ на помощь, поддержку противъ врага, угрожавшаго жизни и имуществу ежеминутно и непрестанно. Нѣтъ, по совѣсти, не могу найти словъ осужденія органическому, властному призыву жизни предъ лицомъ небытія, палача мучителя съ занесеннымъ ножомъ и усмѣшкой цинич-

наго безстыдства. Не дай Богъ пережить эти чувства тѣмъ, кто ихъ не пережилъ, а тѣ, кто ихъ пережилъ, не забудутъ ихъ никогда!

Съ появленіемъ нѣмцевъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, безъ всякихъ угрозъ или угрожающихъ объявленій, исчезли всякіе грабежи и насилія. Обыватель вздохнулъ свободнѣе. Поздно ночью стало совершенно безопасно гулять по улицамъ. Открылись театры, жизнь забила быстрымъ темпомъ свою вѣчную, суетливую толчею.

Украинцы позволили себѣ нѣкоторые эксцессы, пострадалъ одинъ студентъ-еврей, убитый неизвѣстно за что и при неясныхъ условіяхъ. Но во всякомъ случаѣ не было тѣхъ ужасныхъ картинъ убійствъ и казней, которыми отличался періодъ большевистскаго владычества, когда, выходя на Владимирскую горку, я каждый день натыкался на новые трупы, разбросанные по дорожкамъ горки, свѣжіе человѣческіе мозги, лужи крови у стѣнъ Михайловскаго монастыря и на спускѣ отъ Михайловскаго монастыря мимо водопроводной башни въ скверъ, покрывающій Владимирскую горку.

Нѣмцы, изголодавшіеся дома, висѣли толпами надъ витринами магазиновъ съ съѣстными припасами, гдѣ выставлены были жареные поросята, гуси, утки, куры, сало, масло, сахаръ и конфекты и гдѣ все это можно было пріобрѣсть безъ карточки и по сравнительно дешевымъ тогда еще цѣнамъ. На базарахъ по утрамъ нѣмцы покупали сало и съ жадностью ѣли большіе куски вкуснаго малороссійскаго сала: велика была, очевидно, потребность организма въ жирахъ, отъ недостатка которыхъ давно уже сильно страдала вся Германія. Дѣятельность же ихъ въ первый періодъ особенно проявлялась въ прокладываніи по всему городу телефоннаго сообщенія для своихъ военно-полевыхъ надобностей. Съ утра

до ночи лазили они съ кошками на ногахъ по телеграфнымъ столбамъ, все опутывая своими сѣтями — ни дать ни взять, пауки ткали свои тенета для ловли жирныхъ мухъ. Порядокъ въ городѣ сохранялся образцовый, нѣмецкая каска внушала страхъ предъ той силой, которая, чувствовалось, стояла за ней. Что-же дѣлали, оставшіеся у власти украинцы-сепаратисты, чѣмъ проявили они свое творчество въ моментъ, когда руки у нихъ были развязаны, подъ охраною нѣмецкихъ штыковъ, быстро угнавшихъ большевиковъ за предѣлы украинской территоріи? Какъ, наконецъ, сложились отношенія между нѣмцами и украинцами? На этотъ вопросъ необходимо дать краткій отвѣтъ, чтобы понять дальнѣйшую цѣпь событій.

Небольшой отрядъ нѣмцевъ проникъ къ концу марта уже и въ Крымъ, и создалъ тамъ правительство изъ мѣстныхъ и русскихъ элементовъ подъ предсѣдательствомъ Сулькевича. Нѣмцы почти нигдѣ не встрѣтили никакого сопротивленія.

Для мирной оккупаціи огромнѣйшей территоріи имъ понадобилось всего около 350-400 тысячъ человѣкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Россійское Общество Лиги Народовъ.

4 февраля 1920 г., подъ председательствомъ профессора международнаго права барона Б. Э. Нольде, состоялось учредительное собраніе Россійскаго Общества Лиги Народовъ.

Цѣль Общества опредѣлена въ уставѣ слѣдующимъ образомъ :

"Общество ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать развитію и укрѣпленію универсальной связи между свободными народами и позволить Россіи играть достойную ея роль въ организаціи международныхъ отношеній на основахъ права и справедливости.

Для достиженія указанныхъ цѣлей, Общество имѣетъ въ виду :

a) организовать въ Россіи и въ другихъ странахъ общественное мнѣніе для защиты основныхъ идей Лиги Націй ;

b) подвергнуть подробному изученію политическія, юридическія, экономическія и національныя проблемы, которыя выдвигаютъ задачи установленія, на основахъ права и справедливости, отношеній международныхъ вообще и для Россіи въ частности ;

c) сотрудничать съ обществами и союзами, какъ національными, такъ и интернаціональными, преслѣдующими тѣ же или имъ подобныя цѣли (§ 5 устава)".

Въ программѣ воззванія, съ которымъ Учредительное Собраніе Общества рѣшило обратиться къ соотечественникамъ, приглашая ихъ вступить въ Общество, а равно и къ всемірному общественному мнѣнію, говорится, между прочимъ, слѣдующее :

"Въ теченіе долгихъ лѣтъ Россія участвовала въ общей работѣ культурныхъ націй надъ водвореніемъ въ человѣчествѣ нетревожимаго насиліемъ мира. За все истекшее полустолѣтіе не было болѣе могучей проповѣди прекращенія войны, чѣмъ проникавшія во всѣ страны міра творенія великаго писателя русской земли, Льва Толстого.

Трагическая судьба наша сказалась въ томъ, что въ минуту, когда возникла Лига Народовъ, призванная прекращать ихъ распри не силою меча, а голосомъ разума и совѣсти, — въ эту минуту Россія, мучимая внутреннимъ недугомъ, безсильная поднять голосъ въ защиту своихъ правъ, остается за порогомъ вновь созидаемаго храма. Но, если Россія не взошла политически, если она временно не можетъ проявить внѣшней жизни въ формахъ государственныхъ, то ея духовныя силы, накопленныя вѣками культурнаго труда, съ двойною энергіей должны проявляться во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества и особенно въ работѣ надъ укрѣпленіемъ того учрежденія, которое явится носителемъ мира между народами, и въ которое Россія вступитъ съ подобающимъ ей достоинствомъ, требуя пересмотра всѣхъ заключенныхъ за ея счетъ и безъ ея участія соглашеній, когда на мѣсто дикаго разгула силы водворится въ ней основанный на уваженіи къ правамъ народа государственный порядокъ.

Лига Народовъ привлекаетъ симпатіи всего цивилизованнаго міра возвышенностью своихъ основныхъ

цѣлей; но въ томъ видѣ, какъ она создана, она представляетъ еще многія несовершенства, для своего правильнаго развитія она нуждается въ заботливомъ попеченіи и въ неустанной защитѣ со стороны общественнаго мнѣнія всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Къ этой цѣли направлены усилія возникающихъ во всѣхъ странахъ Обществъ Лиги Народовъ, связанныхъ нынѣ уже въ единую ассоціацію Обществъ Лиги Народовъ. Въ составъ такихъ обществъ объединяются повсюду лучшія политическія и интеллектуальныя силы страны, и такой единодушный порывъ всѣхъ народовъ служитъ гарантіей, что начатое нынѣ строительство новой международной жизни завершится созданіемъ правильно функціонирующей и дѣйственной международной организаціи.

Принять участіе въ этой творческой работѣ почитаютъ не только своимъ правомъ, но и своимъ долгомъ нижеподписавшіеся политическіе, общественные и литературные дѣятели Россіи, боровшіеся ранѣе у себя на родинѣ за утвержденіе въ жизни принциповъ свободы и права и неизбѣжно съ ними связаннаго демократическаго государственнаго строя. Они призываютъ и всѣхъ своихъ соотечественниковъ, стремящихся къ тѣмъ же идеаламъ, примкнуть къ ихъ начинаніямъ. Дѣло, начатое здѣсь, они будутъ продолжать тамъ, на родинѣ. И наличіе въ ихъ средѣ различныхъ оттѣнковъ политической мысли, объединяющихся въ стремленіи къ истинно-демократическимъ началамъ государственной жизни, служитъ порукою, что создаваемое нынѣ общество привлечетъ къ себѣ на всемъ пространствѣ нашего великаго отечества глубокія симпатіи огромнаго большинства населяющихъ его народовъ. Измученные долгими годами войны внѣшней и войны внутренней, они съ сугубою радостью встрѣтятъ благую вѣсть о великомъ усиліи человѣчества, направленномъ къ торжеству мира.

Ставя себѣ задачею содѣйствовать развитію основныхъ началъ, заложенныхъ Версальскимъ трактатомъ, Россійское Общество Лиги Народовъ будетъ съ особенною силою настаивать на томъ:

1) чтобы членами Лиги стали всѣ государства, въ которыхъ осуществлены начала народовластія;

2) чтобы представительство членовъ Лиги въ руководящихъ органахъ было построено на демократическихъ основахъ;

3) чтобы война была окончательно исключена изъ числа способовъ разрѣшенія международныхъ конфликтовъ, и чтобы всѣ споры между государствами разрѣшались международнымъ судомъ или органами Лиги Народовъ;

4) чтобы Лига осуществила всеобщее разоруженіе и обладала реальной силой для приведенія въ исполненіе своихъ рѣшеній;

5) чтобы Лига изыскала способы и создала надлежащіе органы для укрѣпленія началъ экономической солидарности и сотрудничества между народами, а также способствовала оказанію самой широкой экономической и финансовой поддержки странамъ, особенно сильно пострадавшимъ отъ міровой войны, въ цѣляхъ скорѣйшаго ихъ экономическаго возстановленія;

6) чтобы черезъ посредство соотвѣтствующихъ органовъ Лига выполняла задачу кодификаціи и установленія нормъ международнаго права;

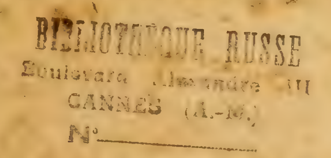
7) чтобы Лига способствовала международному разрѣшенію соціальныхъ проблемъ, въ частности вопросовъ рабочаго законодательства;

8) чтобы Лига обезпечила охрану правъ личности и основныхъ началъ гражданской свободы во всѣхъ странахъ;

9) чтобы Лига создала гарантіи ненарушимости правъ національныхъ меньшинствъ и способствовала справедливому осуществленію начала самоопредѣленія національностей, установивъ порядокъ и гарантіи свободнаго національнаго волеизъявленія;

10) чтобы Лига неуклонно проводила начало признанія ничтожными договоровъ тайныхъ или несовмѣстныхъ съ преслѣдуемыми Лигой цѣлями.

Совѣтъ Общества состоитъ изъ 51 члена. Предсѣдателями избраны: Н. Д. Авксентьевъ, М. М. Винаверъ и А. И. Коноваловъ.

КУРСЫ ДЛЯ РУССКАГО ЮНОШЕСТВА ВЪ ПАРИЖѢ.

1-го февраля с. г., по иниціативѣ нѣсколькихъ преподавателей русской школы, открылись въ помѣщеніи, любезно предоставленномъ М. А. Маклаковой (79, rue de Grenelle), курсы для русскаго юношества. Эти курсы ставятъ цѣлью дать возможность учащимся во французскихъ лицеяхъ пополнить образованіе русскими науками, а тѣмъ изъ русскихъ, которые по какимъ-либо причинамъ не находятся въ лицеяхъ, закончить свое образованіе по русскимъ программамъ. При курсахъ производятся экзамены переводные и окончательные. Экзаменаціонная комиссія начнетъ функціонировать въ маѣ-іюнѣ т. г. Занятія происходятъ отъ 4 до 7 час. веч.. ежедневно, кромѣ вторника. Преподаютъ на курсахъ: Законъ Божій — Св. Н. Сахаровъ, Русскій яз. и Словесность — Е. В. Аничковъ, С. І. Карцевскій и С. Г. Поличъ, Исторію — Н. Н. Порадѣловъ, Математику — В. В. Дюфуръ и Б. А. Дуровъ, Физику, Естествознаніе и Географію — К. Д. Старынкевичъ, Латинскій яз. — В. П. Недачинъ. Завѣдующимъ курсами избранъ В. П. Недачинъ, бывшій директоръ гимназіи имени Медвѣдникова, въ Москвѣ.

Въ первый мѣсяцъ записалось на курсы около двадцати учащихся, дружно и дѣятельно принявшихся за занятія.

Плата за ученіе опредѣлена въ размѣрѣ 100 фр. за весь курсъ предметовъ, но учащимся предоставляется право записываться также и на отдѣльные курсы; въ такомъ случаѣ каждый недѣльный часъ оплачивается 10 фр. въ мѣсяцъ. Недостаточные ученики, по возможности, освобождаются отъ платы.

ДІОНЕО. — «Ирландскіе очерки».
В. ЗАБУГИНЪ. — «Италіанскій Ренессансъ».
Акад. РОСТОВЦЕВЪ. — «Закатъ Античнаго Міра».

2-я Серія

„ СОВРЕМЕННОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ "

подъ редакціей профессоровъ В. А. Анри и Н. М. Могилянскаго.

А. Исторія современнаго міра.

№ 1. Профессоръ Н. М. МОГИЛЯНСКІЙ. — «Основы Антропологіи».

Б. Познаніе природы и ея законовъ.

№ 6. В. А. АНРИ. — «Механика и энергетика».
№ 7. М. А. ЛАНДАУ-АЛДАНОВЪ. — «Проблемы научной философіи».

На складѣ всегда имѣется большой выборъ русскихъ и французскихъ книгъ.
Учебники, словари — русскіе и иностранные.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

на **всѣ** книги, какъ русскія, такъ и иностранныя, а также и на **всѣ періодическія изданія.**

Книжнымъ магазинамъ, Библіотекамъ и оффиціальнымъ учрежденіямъ дѣлается скидка.

Вмѣстѣ съ заказами просимъ препровождать ихъ стоимость почтовымъ переводомъ или чекомъ.

За всѣми справками, требованіями каталоговъ, заказами и т. д. просимъ обращаться по адресу:

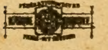
Mr. JACQUES POVOLOZKY et Cie, Editeurs.
13, rue Bonaparte, Paris (VI).

Téléphone: Gobelins 41-83 / 53-62

Заказы выполняются быстро и аккуратно.

——::——

IMPRIMERIE
RIRACHOVSKY

30, Bd. St-Jacques
— PARIS —

Цѣна книжки въ отдѣльной продажѣ: въ Парижѣ 6 фр., внѣ Парижа, во всѣхъ странахъ, 7 фр. 20 сант.

....

Подписная цѣна за три книги: въ Парижѣ 16 фр. 50 сант., внѣ Парижа, во всѣхъ странахъ, 20 фр.

....

Подписка и розничная продажа производятся:

1) **Въ редакціи** (mandat-poste съ указаніемъ адреса);

2) Въ книжн. магаз. Jacques Povolozky (13, rue Bonaparte и 9, rue de l'Eperon);

3) Въ Турген. библіотекѣ (8, rue Val-de-Grâce);

4) Въ редакціи „Cause Commune" (49, Boul. St-Michel);

5) Въ конторѣ S. Skirmount (3, rue Laffitte).

Кромѣ того книги журнала продаются, въ Лондонѣ: въ магазинѣ Iachke; повсемѣстно, въ магазинахъ, торгующихъ русскими книгами.

Адресъ редакціи:

Paris, 106, rue Denfert-Rochereau

Téléphone: Gobelins 26-71

Пріемъ въ редакціи ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 ч. вечера.

IMPRIMERIE

I. RIRACHOVSKI

50, Boulevard

St-Jacques - PARIS